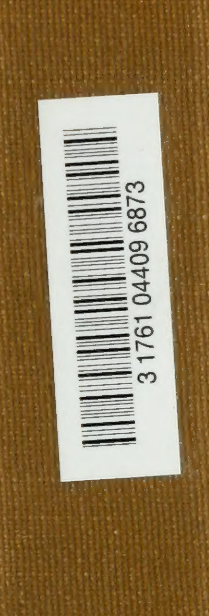

3 1761 04409 6873

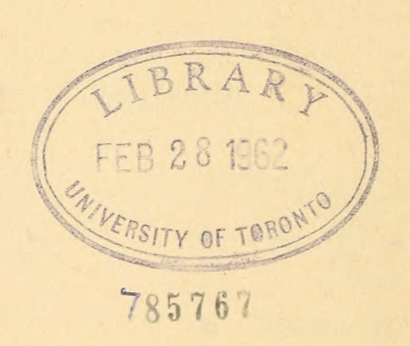
М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІИ

СОЦІАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ КООПЕРАЦІИ

Изданіе второе

1921

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»


LIBRARY
FEB 28 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

Предисловіе.

Кооперативное движеніе до сихъ поръ еще недостаточно изучено наукой. Литература по коопераціи очень велика, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ она имѣетъ характеръ не столько научнаго анализа этой новой формы хозяйства, завоевывающей себѣ столь видное мѣсто въ хозяйственномъ строѣ современности, сколько болѣе или менѣе убѣдительной пропаганды коопераціи. Поэтому, несмотря на чрезвычайное обиліе книгъ, брошюръ и статей, посвященныхъ вопросамъ коопераціи, въ научныхъ трудахъ, изслѣдующихъ тѣ же вопросы, избытка не замѣчается.

Правда, можно указать и на русскомъ, и на другихъ языкахъ рядъ работъ, являющихся научными изслѣдованіями тѣхъ или иныхъ сторонъ кооперативнаго движенія. Но всякій, знакомый съ литературой вопроса, согласится, что число такихъ работъ весьма ограничено. Въ частности ни на русскомъ, ни на другихъ языкахъ не имѣется книги, которая ставила бы себѣ задачей дать общую теорію кооперативнаго движенія во всѣхъ его многосложныхъ проявленіяхъ и могла бы служить общимъ курсомъ для ознакомленія съ коопераціей.

Между тѣмъ потребность въ такой обобщающей работѣ чувствуется очень сильно и, въ особенности, въ Россіи. Послѣднее потому, что русское кооперативное движеніе развивается въ существенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ аналогичное движеніе на Западѣ. А именно, на Западѣ кооперація является движеніемъ народныхъ массъ, въ которомъ участіе интеллигенціи сравнительно невелико. У насъ же кооперація хотя и охватила милліоны населенія, все же находится подъ сильнымъ вліяніемъ интеллигенціи, дѣйствующей въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ соображеній

идейнаго характера, желаніемъ служить интересамъ трудящихся классовъ.

При такомъ характерѣ нашего кооперативнаго движенія мы болѣе нуждаемся въ разработкѣ кооперативной теоріи, выясняющей смыслъ и задачи движенія, чѣмъ кооператоры Запада, болѣе стоящіе на почвѣ ближайшихъ практическихъ нуждъ. Это подтверждается и характеромъ нашей кооперативной прессы. Такъ, напримѣръ, ни въ одной странѣ нѣтъ кооперативнаго органа, подобнаго по своимъ заданіямъ «Вѣстнику Коопераціи», спеціально разрабатывающему вопросы кооперативной теоріи, въ то время, какъ западно-европейская кооперативная печать носитъ преимущественно практическій характеръ.

Въ книгѣ, предлагаемой вниманію читателя, авторъ ставитъ себѣ задачей посильно восполнить указанный пробѣлъ. По мысли автора, книга эта должна быть одновременно и учебнымъ курсомъ для ознакомленія съ соціальными основами коопераціи и попыткой общей теоріи кооперативнаго движенія.

Такое соединеніе въ одной книгѣ двухъ по существу различныхъ задачъ—научнаго изслѣдованія опредѣленнаго вопроса и учебнаго руководства—можетъ вызывать возраженія. Однако, въ пользу этого соединенія въ данномъ случаѣ можно сказать очень многое и, прежде всего, то, что если данный кругъ вопросовъ еще мало изученъ наукой, то и учебное руководство, чтобы достигать своихъ цѣлей, должно по необходимости принять характеръ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія тѣхъ же вопросовъ.

Неудобство названнаго соединенія все же остается, въ особенности, если авторъ приходитъ къ выводамъ, расходящимся съ общепринятыми взглядами. Въ такомъ положеніи нахожусь и я: изученіе коопераціи привело меня къ заключенію, что столь распространенное среди кооператоровъ мнѣніе о внѣклассовомъ характерѣ кооперативнаго движенія не соотвѣтствуетъ фактамъ. Пока я не присмотрѣлся къ фактамъ болѣе пристально, я держался господствующаго взгляда; но изслѣдованіе даннаго вопроса заставило меня самымъ рѣшительнымъ образомъ признать справедливость противоположнаго тезиса. И потому я долженъ быть готовъ встрѣтить недоброжелательную критику со стороны большинства. Критика эта можетъ помѣшать педагогическимъ цѣлямъ моей книги, но отказаться отъ своихъ выводовъ, какъ бы рѣзко

они ни противорѣчили господствующимъ мнѣніямъ, я не могъ и не хотѣлъ.

Чтобы сдѣлать свою книгу возможно болѣе общедоступной, я старательно избѣгалъ внѣшняго вида ученой работы—подстрочныхъ примѣчаній, многочисленныхъ цитатъ и пр. Книга потребовала отъ меня довольно продолжительнаго труда, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы читалась она легко и была доступна пониманію даже малообразованнаго читателя.

Въ кооперацiи не должно быть ученыхъ жрецовъ, голоса которыхъ не доходятъ до толпы. Кооперативное движеніе глубоко демократично, и соотвѣтственно этому всякая книга, посвящентакова, чтобы ее, при желаніи, могъ прочесть и понять всякій человѣкъ изъ народа.

М. Туганъ-Барановскій.

1 дек. 1915 г. Петроградъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ II.

Пролетарская кооперація.

ОТДѢЛЪ III.

Крестьянская кооперація.

ОТДѢЛЪ IV.

Мелкобуржуазная кооперація.

Заключеніе.

Приложенія.

ОТДѢЛЪ I.

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О КООПЕРАЦІИ.

ОТДѢЛЪ I.

Общее ученіе о коопераціи.

ГЛАВА I.

Соціалистическій идеалъ.

I.—Кооперація и соціализмъ. II.—Общая классификація формъ соціалистическаго строя. III.—Централистическій, корпоративный, федералистическій и анархическій соціализмъ. IV.—Централистическій, федералистическій и анархическій коммунизмъ.

I.

Въ исторіи человѣчества можно различить процессы двоякаго рода. Одни имѣютъ безсознательный, стихійный характеръ и являются непреднамѣреннымъ результатомъ взаимодѣйствія множества отдѣльныхъ человѣческихъ воль. Каждый человѣкъ преслѣдуетъ въ узкой сферѣ своей частной дѣятельности свои особыя цѣли, защищаетъ свои особые интересы, но и изъ столкновенія этого множества особыхъ цѣлей и интересовъ получается нѣчто качественно новое, нѣчто такое, что не укладывается ни въ какую изъ этихъ отдѣльныхъ цѣлей, ни въ какой изъ этихъ отдѣльныхъ интересовъ. Процессы этого рода играли первенствующую роль въ прошлой исторіи людей, особенно въ исторіи хозяйства. Какъ произошла, напримѣръ, великая промышленная революція, ознаменовавшая переходъ человѣчества къ новой системѣ общественнаго хозяйства, капитализму? Капиталистическій общественный строй возникъ не потому, чтобы общество убѣдилось въ несостоятельности прежнихъ хозяйственныхъ формъ и признало необходимость перехода къ капитализму. Капитализмъ возникъ «самъ

собою»: множество отдѣльныхъ лицъ, не сговариваясь другъ съ другомъ и не думая объ общественныхъ, историческихъ результатахъ своихъ дѣйствій, упорно стремилось построить свое частное хозяйство такимъ образомъ, чтобы оно приносило имъ наибольшую выгоду, и такъ какъ старыя формы хозяйства оказывались стѣснительными и препятствующими этимъ цѣлямъ, то эти старыя формы въ концѣ-концовъ рухнули, и весь строй общественнаго хозяйства испыталъ глубочайшее преобразованіе. Не государственная власть, какъ опредѣленная общественная организація, и не какая-либо общественная группа, какъ нѣчто объединенное общей волей, создали новую систему хозяйства, но множество независимо дѣйствовавшихъ отдѣльныхъ хозяевъ, каждый изъ которыхъ преслѣдовалъ свои частныя, а не общія цѣли.

Однако на ряду съ такими стихійными процессами въ исторіи дѣйствуютъ и процессы принципіально иной природы, управляемые сознательной волей и мыслью человѣка. Въ развитіи хозяйства процессы этого рода лишь рѣдко пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе. Почти единственнымъ примѣромъ новыхъ формъ хозяйственныхъ организацій, возникшихъ какъ результатъ сознательныхъ усилій широкихъ общественныхъ группъ преобразовать въ опредѣленномъ направленіи существующую систему хозяйства, являются кооперативныя предпріятія.

Чтобы понять своеобразную социально-экономическую природу коопераціи, нужно не упускать изъ виду этой ея особенности, самымъ рѣзкимъ образомъ отличающей кооперативныя предпріятія отъ капиталистическихъ. Капитализмъ былъ созданъ стихійнымъ развитіемъ хозяйства, при чемъ государственная власть, правда, содѣйствовала этому развитію, но не создавала его, какъ результатъ опредѣленнаго замысла.

Напротивъ, кооперація возникла исторически совершенно иначе. Кооперація была раньше придумана отдѣльными людьми, какъ средство преобразованія существующаго соціально-экономическаго строя, и лишь въ непосредственной связи съ этимъ творческимъ замысломъ кооперація стала могучей соціальной силой. Въ противоположность «естественному» процессу развитія капитализма кооперація была создана «искусственно». Она имѣла своихъ духовныхъ отцовъ и явилась въ результатѣ вліянія на капиталистическое общество соціалистическаго идеала.

Таковъ историческій фактъ, благодаря которому пониманіе кооперации невозможно безъ знакомства съ соціалистическимъ идеаломъ. Соціализмъ явился, какъ реакція противъ капитализма. Капиталистическій строй естественно предполагаетъ юридическое (а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и политическое) равноправіе всѣхъ членовъ общества. Въ этомъ существенное различіе и вмѣстѣ революціонное значеніе капитализма сравнительно съ болѣе ранними системами хозяйства—рабскимъ и крѣпостнымъ. При системѣ рабства работникъ является предметомъ собственности владѣльца средствъ производства, онъ—существо въ полномъ смыслѣ слова безправное. При господствѣ крѣпостничества за помѣщикомъ сохраняется право пользованія трудомъ крѣпостного; политическихъ правъ крѣпостной совсѣмъ не имѣетъ, а гражданскія права его крайне ограничены. И только при системѣ капитализма работникъ становится въ смыслѣ какъ гражданскихъ, такъ и политическихъ правъ такимъ же полноправнымъ гражданиномъ, какъ и владѣлецъ средствъ производства.

Однако этому полному юридическому равенству, характерному для капитализма, сопутствуетъ въ экономической области почти столь же глубокое неравенство, какъ и при предшествовавшихъ системахъ рабскаго и крѣпостного хозяйства. Будучи лишенъ средствъ производства, пролетарій въ капиталистическомъ обществѣ неизбѣжно попадаетъ въ экономическую зависимость отъ капиталиста, владѣльца средствъ производства подобно тому, какъ рабъ находится въ экономической зависимости отъ своего собственника, а крѣпостной — своего помѣщика. Въ экономической области, при господствѣ капиталистической системы, не только не наблюдается равенства въ отношеніяхъ рабочаго и капиталиста, но рабочій попрежнему эксплоатируется собственникомъ средствъ производства, какъ и при господствѣ рабскаго и крѣпостного хозяйства. Но въ то время, какъ экономическое неравенство при прежнихъ системахъ общественнаго строя вполнѣ соотвѣтствовало правовому міровоззрѣнію того времени, отрицавшему равноцѣнность человѣческой личности, экономическое неравенство въ системѣ капитализма оказывается въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ правовыми воззрѣніями капиталистическаго общества, признающаго равенство всѣхъ людей основой дѣйствующаго права.

Сущность соціализма заключается въ требованіи экономическаго равноправія всѣхъ членовъ общества. Соціалисты утверждаютъ, что экономическій строй современнаго общества не соотвѣтствуетъ правовымъ воззрѣніямъ нашего времени, признавшаго, что всѣ члены общества имѣютъ равныя права на участіе въ благахъ культуры. Отрицаніе соціалистами права частной собственности вытекаетъ изъ ихъ требованія экономической равноправности всѣхъ. При господствѣ частной собственности,—говорятъ они,—между отдѣльными лицами возникаетъ экономическая борьба, въ которой побѣждаетъ сильнѣйшій; право наслѣдства закрѣпляетъ и усиливаетъ возникшее соціальное неравенство, ведущее къ эксплоатаціи однѣхъ общественныхъ группъ другими, и, въ концѣ-концовъ, такъ торжественно провозглашаемая современнымъ правомъ равноправность всѣхъ оказывается пустымъ словомъ. Вотъ почему соціализмъ, въ своемъ стремленіи къ равенству, приходитъ къ болѣе или менѣе широкому отрицанію права частной собственности, иначе говоря, къ требованію общности владѣнія.

II.

Въ предѣлахъ соціалистическихъ построеній будущаго общественнаго строя нужно различать нѣсколько существенно различныхъ типовъ. Поэтому, чтобы правильно понять внутреннее содержаніе соціализма, какъ представленія объ опредѣленномъ родѣ будущаго общественнаго устройства, нужно, прежде всего, дать классификацію различныхъ типовъ соціалистическаго общественнаго строя.

Наиболѣе естественной является, быть можетъ, слѣдующая классификація:

А	Б
Соціализмъ въ узкомъ смыслѣ слова.	*Коммунизмъ.*
1) Централистическій (коллективизмъ).	1) Централистическій.
2) Корпоративный.	
3) Федералистическій.	2) Федералистическій.
4) Анархическій.	3) Анархическій.

Основнымъ дѣленіемъ соціализма является дѣленіе его на соціализмъ въ узкомъ смыслѣ слова и коммунизмъ. При системѣ соціализма въ узкомъ смыслѣ каждому члену общества обез-

печивается опредѣленный доходъ, при полной свободѣ расходованія этого дохода. Предметы потребленія покупаются отдѣльными лицами такъ же, какъ и при существующей системѣ хозяйства, за счетъ дохода даннаго лица. Но предметы потребленія продаются не въ частныхъ лавкахъ и магазинахъ (каковыхъ не существуетъ), а въ общественныхъ складахъ, ибо средства производства при системѣ соціализма принадлежатъ не отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, а всей общественной группѣ, которая при помощи коллективнаго труда и производитъ соотвѣтствующіе продукты.

Такимъ образомъ, при этой системѣ, средства производства не находятся въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, но принадлежатъ всей общественной группѣ, которая и распоряжается ими по своему усмотрѣнію. Напротивъ, предметы потребленія переходятъ въ частную собственность отдѣльнаго лица послѣ того, какъ оно купило ихъ за счетъ своего дохода. Это различіе въ условіяхъ пользованія средствами производства и предметами потребленія проводится соціализмомъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Если бы было допущено присвоеніе въ частную собственность средствъ производства, то это неминуемо привело бы къ экономическому неравенству и эксплоатаціи экономически болѣе слабыхъ болѣе сильными. Поэтому соціализмъ принципіально не допускаетъ присвоенія въ частную собственность средствъ производства. Послѣднія должны быть въ распоряженіи всей общественной группы, которая и организовываетъ въ общихъ интересахъ общественный трудъ. Что же касается предметовъ потребленія, то соціализмъ въ узкомъ смыслѣ допускаетъ переходъ ихъ въ частную собственность для того, чтобы не стѣснять свободу частной жизни, предполагающую свободу выбора предметовъ потребленія. Эта свобода распоряженія предметами потребленія не приводитъ къ нарушенію принципа экономической равноправности всѣхъ, ибо каждый можетъ пріобрѣтать предметы потребленія лишь въ предѣлахъ своего дохода, право на который у всѣхъ одинаковое.

Допуская свободу распоряженія своимъ доходомъ, соціализмъ въ узкомъ смыслѣ неизбѣжно предполагаетъ сохраненіе многихъ экономическихъ категорій современнаго хозяйственнаго строя и, прежде всего, цѣны. Предметы потребленія переходятъ въ распоряженіе отдѣльнаго лица, при господствѣ соціализма, не даромъ,

но лишь по оплатѣ ихъ соотвѣтственно ихъ цѣнѣ. Однако, въ противоположность товарнымъ цѣнамъ нашего времени, цѣны эти строятся не на основѣ борьбы заинтересованныхъ лицъ, столкновенія интересовъ покупателей и продавцовъ, а свободно назначаются обществомъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ цѣлесообразности.

Лица, желающія купить соотвѣтствующіе предметы потребленія изъ общественныхъ складовъ, должны подчиняться этимъ цѣнамъ, хотя, конечно, они могутъ отказаться отъ пріобрѣтенія соотвѣтствующихъ предметовъ, и въ такомъ случаѣ предметы эти останутся непроданными въ общественныхъ складахъ и не перейдутъ въ общественное потребленіе.

Если предметы потребленія покупаются отдѣльными лицами, за счетъ дохода послѣднихъ, то должны существовать въ той или иной формѣ и деньги, какъ покупательное средство и мѣрило цѣнъ. Правда, деньги въ соціалистическомъ обществѣ будутъ имѣть существенно иную экономическую природу, чѣмъ въ наше время: при господствѣ товарнаго производства деньгами можетъ быть только тотъ или иной товаръ, въ соціалистическомъ же строѣ роль денегъ можетъ играть любой условный знакъ или документъ, выпускаемый общественнымъ союзомъ. Дѣло можетъ устроиться, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ. Каждый гражданинъ получаетъ чековую книжку на опредѣленную сумму. Пріобрѣтая нужные ему предметы потребленія, каждый владѣлецъ такой книжки уплачиваетъ за нихъ чекомъ. Цѣны продуктовъ (а значитъ и чеки) могутъ быть выражены въ такихъ же денежныхъ единицахъ,—рубляхъ, маркахъ, франкахъ,—какъ и въ настоящее время. Но существенная разница будетъ въ томъ, что теперь рубль, марка, франкъ выражаютъ собой опредѣленное количество золота, имѣютъ, слѣдовательно, опредѣленную самостоятельную цѣнность. При господствѣ же соціализма рубль, марка, франкъ будутъ только чисто условными обозначеніями, счетными единицами, не имѣющими за собой никакого металлическаго обезпеченія.

Чѣмъ же будутъ обезпечиваться чеки, выдаваемые обществомъ, при системѣ соціализма? Всею совокупностью продуктовъ, которыми располагаетъ общество. Современное государство должно покрывать свои бумажныя деньги звонкой монетой, такъ какъ оно не располагаетъ предметами потребленія, нужными владѣль-

цамъ бумажныхъ денегъ. Соціалистическое общество не нуждается въ такомъ обезпеченіи—оно является первоначальнымъ владѣльцемъ всѣхъ предметовъ потребленія, изготовляемыхъ въ его предѣлахъ, и можетъ удовлетворить непосредственно предметами потребленія всѣхъ предъявителей его чековъ.

Итакъ, соціализмъ предоставляетъ своимъ гражданамъ такую же свободу выбора предметовъ потребленія, какая существуетъ и въ товарномъ хозяйствѣ современности. Напротивъ, производство предметовъ потребленія совершенно изъемлется при господствѣ соціализма изъ сферы частнаго хозяйства и передается обществу въ его цѣломъ.

Соціализмъ въ узкомъ смыслѣ является, такимъ образомъ, системой денежнаго хозяйства (хотя въ иномъ смыслѣ, чѣмъ современное товарное хозяйство). Напротивъ, коммунизмъ есть система натуральнаго хозяйства. Коммунизмъ тѣмъ принципіально отличается отъ соціализма въ узкомъ смыслѣ, что въ коммунистическомъ обществѣ продукты распредѣляются между отдѣльными лицами безъ посредства денегъ въ какой бы то ни было формѣ. Никакой купли-продажи въ коммунистическомъ обществѣ не существуетъ, и всякій потребитель получаетъ отъ общества нужные ему предметы потребленія даромъ, безъ всякой уплаты. Поэтому въ коммунистическомъ обществѣ отсутствуетъ категорія цѣны, равно какъ и категорія дохода.

Если предположить, что коммунистическое общество располагаетъ такими мощными производительными силами, что всѣ потребности его членовъ могутъ быть удовлетворены полностью, то коммунизмъ можетъ допустить полную свободу общественнаго потребленія: каждый членъ общества беретъ для своего потребленія изъ общественныхъ складовъ все, что ему нужно, безъ какихъ бы то ни было ограниченій со стороны общества. Но подобная свобода предполагаетъ чрезвычайно высокіе размѣры общественнаго богатства. Если общественное богатство не столь значительно, то полная свобода для каждаго захватывать все, что ему нужно, неизбѣжно должна повести къ тому, что потребности нѣкоторыхъ членовъ общества будутъ удовлетворены недостаточно вслѣдствіе того, что другіе удовлетворяютъ свои потребности въ большей мѣрѣ. И поэтому коммунизмъ, если считаться съ реальными условіями общественнаго хозяйства, неизбѣжно долженъ отказаться

отъ предоставленія каждому свободы потребленія. Такая свобода замѣняется, при господствѣ коммунизма, предоставленіемъ каждому опредѣленнаго количества предметовъ потребленія извѣстнаго рода.

Въ то время какъ при системѣ соціализма каждый свободно выбираетъ, по своему вкусу, нужные ему предметы потребленія, при системѣ коммунизма отдѣльные граждане получаютъ отъ общества тѣ предметы потребленія, которые общество считаетъ нужнымъ предоставлять своимъ членамъ. Система общественнаго хозяйства при господствѣ коммунизма очень упрощается, но въ ущербъ свободѣ личнаго потребленія.

III.

И та и другая система соціалистическаго хозяйства—соціализмъ въ узкомъ смыслѣ и коммунизмъ—можетъ быть разбита на нѣсколько подвидовъ, соотвѣтственно большей или меньшей степени централизаціи общественнаго хозяйства. Соотвѣтственно этому соціализмъ въ узкомъ смыслѣ распадается на слѣдующіе подвиды: централистическій соціализмъ, корпоративный, федералистическій, анархическій.

Централистическимъ соціализмомъ (*коллективизмомъ*) можетъ быть названъ такой строй соціализма, при которомъ хозяйственной единицей являлось бы все государство. Средства производства принадлежатъ въ этомъ случаѣ государству въ его цѣломъ, которое и организовываетъ въ національномъ масштабѣ общественное производство. Государство составляетъ ежегодно національный бюджетъ, подобно тому, какъ въ настоящее время составляется государственный бюджетъ, государственная власть заранѣе опредѣляетъ общественныя потребности въ различныхъ продуктахъ и соотвѣтственно распредѣляетъ общественное производство, которое выполняется рабочими арміями. Каждый гражданинъ долженъ отбывать въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ эту всеобщую трудовую повинность, подобно тому, какъ въ настоящее время отбывается воинская повинность. Изготовленные продукты поступаютъ въ государственные склады и покупаются частными лицами.

Всѣ трудоспособные граждане обязаны отбывать трудовую по-

винность, и взамѣнъ этого имъ обезпечивается опредѣленный доходъ. Доходомъ этимъ они распоряжаются совершенно свободно и покупаютъ за его счетъ предметы потребленія въ государственныхъ складахъ.

Планъ коллективистическаго государства былъ впервые разработанъ французскимъ соціалистомъ Пекёромъ и въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ всего болѣе сочувствующихъ среди соціалистовъ. Подъ флагомъ коллективизма выступаютъ и марксисты, поскольку вообще марксисты имѣютъ опредѣленное представленіе о строѣ будущаго общества.

Симпатіи соціалъ-демократовъ коллективизму объясняются тѣмъ, что только въ широкихъ рамкахъ государства могутъ вполнѣ развернуться колоссальныя производительныя силы, созданныя капитализмомъ. Чѣмъ крупнѣе производство, тѣмъ раціональнѣе техника и тѣмъ большее примѣненіе получаютъ машины. Свободно располагая своей національной территоріей и всѣми милліонами рабочихъ, соціалистическое государство можетъ достигнуть такого огромнаго повышенія производительности общественнаго труда, на которое не можетъ разсчитывать болѣе мелкая хозяйственная единица.

Съ другой стороны, предоставляя каждому свободу пріобрѣтенія въ государственныхъ складахъ по своему выбору предметовъ потребленія, государство не стѣсняетъ свободы частной жизни и не грозитъ превратиться въ колоссальный рабочій домъ.

По этимъ соображеніямъ большинство современныхъ соціалистовъ склоняется въ пользу коллективизма.

Корпоративнымъ соціализмомъ можно назвать такую форму соціалистическаго строя, при которой средства производства принадлежали бы не всему государству, какъ цѣлому, но отдѣльнымъ группамъ рабочихъ, работающихъ при помощи этихъ средствъ производства. Земледѣльческіе рабочіе являлись бы въ этомъ случаѣ владѣльцами земли, углекопы — угольныхъ копей, машиностроительные рабочіе — механическихъ заводовъ, ткачи — ткацкихъ фабрикъ и т. д. и т. д. Каждая изъ этихъ группъ рабочихъ является автономной и самоуправляющейся производительной единицей. Изготовленный продуктъ принадлежалъ бы тѣмъ рабочимъ, которые его произвели, и продавался бы ими за свой счетъ въ государственныхъ магазинахъ. Суммы, вырученныя за

продажу этихъ продуктовъ, распредѣляются между рабочими въ предѣлахъ изготовившей эти продукты рабочей группы.

Корпоративный соціализмъ (представителями котораго были Луи Бланъ, Лассаль, теперь являются, такъ называемые, синдикалисты) неизбѣжно долженъ имѣть частичный характеръ, такъ какъ нѣкоторыя отрасли хозяйства по самому своему существу не допускаютъ подобной организаціи и должны быть въ завѣдываніи всего общества. Такъ, напримѣръ, желѣзныя дороги не могутъ быть предметомъ полновластнаго распоряженія желѣзнодорожныхъ рабочихъ, ибо въ правильномъ функціонированіи желѣзныхъ дорогъ заинтересовано все общество. Поэтому сторонники корпоративнаго соціализма всегда допускаютъ, что корпоративная организація должна распространяться не на всѣ, а лишь на нѣкоторыя отрасли хозяйства, другія же отрасли хозяйства должны быть въ непосредственномъ завѣдываніи государства. Продажа продуктовъ, изготовляемыхъ рабочими группами, согласно планамъ корпоративнаго соціализма, также должна быть въ завѣдываніи государства, а не автономныхъ группъ торговыхъ посредниковъ.

Вообще, при корпоративномъ соціализмѣ роль государства остается очень значительной, такъ какъ только государство можетъ согласовывать дѣйствія различныхъ рабочихъ ассоціацій и регулировать распредѣленіе между ними средствъ производства.

При *федералистическомъ* соціализмѣ государство совершенно исчезаетъ, или роль его сводится къ очень незначительнымъ функціямъ. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ федералистическаго соціализма былъ Фурье, съ необычайной яркостью и отчетливостью изобразившій условія жизни соціалистической общины, названной имъ фалангой. Фаланга слагается изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ, которыя сообща владѣютъ средствами производства, сообща работаютъ и живутъ въ одномъ общемъ колоссальномъ зданіи, названномъ Фурье фаланстеромъ. Фаланга одновременно занята и сельскохозяйственнымъ и промышленнымъ трудомъ,— Фурье мыслитъ ее, какъ самодовлѣющую хозяйственную организацію, мало нуждающуюся въ обмѣнѣ и покрывающую потребности своихъ членовъ преимущественно продуктами ихъ собственнаго труда. Государство распадается на множество фалангъ, каждая изъ которыхъ обладаетъ полной самостоятельностью.

Хозяйственныя отношенія отдѣльныхъ фалангъ построены на

основаніи свободнаго обмѣна. Внутри фаланги господствуетъ самая широкая свобода въ выборѣ занятія и рода труда. Достигается это путемъ приданія всякому труду возможно большей привлекательности. Трудъ исполняется обширными, свободно образующимися группами рабочихъ, въ пріятной и эстетической обстановкѣ. Каждый получаетъ за свой трудъ опредѣленную плату, которую свободно расходуетъ по своему усмотрѣнію. Кромѣ того, получаетъ особое вознагражденіе капиталъ и талантъ. Вознагражденіе капитала, съ точки зрѣнія Фурье, нисколько не нарушаетъ принципа равноправности всѣхъ членовъ фаланги, такъ какъ въ фалангѣ всякій можетъ быть капиталистомъ: вознагражденіе труда настолько обильно, благодаря чрезвычайно высокой производительности труда, что рабочему трудно потребить весь свой заработокъ, который и превращается имъ въ капиталъ. Кромѣ того, не нужно упускать изъ виду, что самый трудъ въ фалангѣ, по представленію Фурье, является наслажденіемъ, а не тягостнымъ усиліемъ, предпринимаемымъ ради необходимости заработать средства къ жизни, какъ въ наше время. Поэтому особое вознагражденіе капитала никоимъ образомъ не можетъ получить характера эксплоатаціи однихъ членовъ общества другими, какъ въ современномъ обществѣ.

Основная идея Фурье заключается въ томъ, что всѣ человѣческія страсти и влеченія по самой своей природѣ содѣйствуютъ общему преуспѣянію и счастію. Если въ настоящее время обществу приходится бороться съ естественными влеченіями человѣка, то это лишь благодаря крайней неудовлетворительности общественнаго устройства. Страсти и влеченія суть нѣчто данное человѣку отъ природы и неизмѣнное. Напротивъ, устройство общества можетъ быть измѣнено человѣкомъ. Поэтому не влеченія человѣка должны быть приспособляемы къ общественному устройству, а это послѣднее должно быть приспособляемо къ человѣческимъ влеченіямъ и страстямъ.

Фаланга и представляетъ собой такой соціальный строй, въ которомъ всѣ человѣческія страсти, имѣющія теперь разрушительный характеръ, вредящія обществу, получатъ созидательный характеръ, будутъ служить на пользу общества. Возьмемъ, напримѣръ, то естественное влеченіе человѣка, которое болѣе всего препятствуетъ хозяйственнымъ успѣхамъ современнаго человѣка,—

влеченіе къ отдыху, отвращеніе къ хозяйственному труду, лѣность. Само по себѣ упражненіе мышцъ и нервовъ, равно какъ и всякая другая нормальная дѣятельность органовъ нашего тѣла, не только не доставляетъ человѣку страданія, но вызываетъ пріятныя ощущенія. Почему же въ наше время человѣкъ обычно избѣгаетъ хозяйственнаго труда и исполняетъ его только подъ давленіемъ внѣшней необходимости? Потому, что въ наше время обстановка хозяйственнаго труда непріятна и не эстетична. Если хозяйственный трудъ будетъ происходить въ иной обстановкѣ, и если родъ труда будетъ свободно выбираться человѣкомъ подъ вліяніемъ внутренняго влеченія, то этотъ трудъ станетъ доставлять человѣку такое наслажденіе, какое современному человѣку доставляютъ спортъ и разныя физическія игры; развѣ хозяйственный трудъ по самой своей природѣ менѣе пріятенъ, чѣмъ спортъ? То, что теперь называютъ лѣностью, является, слѣдовательно, не чѣмъ инымъ, какъ возмущеніемъ нашей природы противъ той обстановки хозяйственнаго труда, которая создана современнымъ общественнымъ устройствомъ. Въ фалангѣ влеченіе къ свободному, пріятному труду явится стимуломъ небывалаго напряженія труда, которое теперь достигается только во время физическихъ игръ и спорта.

Точно такъ же честолюбіе, жажда первенства, зависть, которыя теперь являются источникомъ столькихъ несчастій и такой вражды между людьми, будутъ въ фалангѣ только содѣйствовать повышенію производительности труда. Скупость въ наше время считается отвратительнымъ порокомъ и вредитъ хорошимъ отношеніямъ между людьми. Въ фалангѣ скупость никому вредить не будетъ и явится полезной общественной силой, какъ противовѣсъ чрезмѣрной жаждѣ чувственныхъ наслажденій и какъ стимулъ къ накопленію капитала.

Само собою разумѣется, что при гармоничномъ устройствѣ фаланги и отсутствіи внутри ея какихъ бы то ни было элементовъ насилія и принужденія необходимость въ особой правительственной власти совершенно отпадаетъ, равно какъ и потребность въ судѣ, полиціи, войскѣ и т. д. Въ фалангѣ нѣтъ поводовъ къ преступленіямъ, ибо всякій свободно слѣдуетъ своимъ влеченіямъ.

Такъ рисуетъ Фурье жизнь въ фалангѣ, которая представляется ему вѣчнымъ праздникомъ, радостной и свободной игрой силъ, присущихъ нашей природѣ. Государство исчезнетъ, исчезнутъ и

современные города—ихъ замѣнятъ свободныя фаланги, живущія въ соціальныхъ дворцахъ—фаланстерахъ.

Фурье близокъ къ анархизму, и только тѣмъ отличается отъ анархистовъ, что онъ считаетъ необходимой фалангу, иначе говоря, требуетъ опредѣленной общественной организаціи труда и является противникомъ хозяйственной независимости каждой отдѣльной личности. Самымъ выдающимся теоретикомъ социалистическаго анархизма является Прудонъ. Сущность *анархизма* заключается въ требованіи полной свободы во всѣхъ областяхъ общественной жизни, полной свободы личности и прежде всего свободы личности отъ какой бы то ни было принудительной власти. Прудонъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій подвергъ суровой критикѣ государственное начало и пришелъ къ выводу, что всякое государство, каковъ бы ни былъ его внутренній строй, будетъ ли оно основано на принципахъ единоличной власти кого-либо, господства привилегированнаго меньшинства или широкихъ народныхъ массъ, въ равной мѣрѣ является организаціей насилія. Предположимъ самое демократическое устройство государства. Въ этомъ случаѣ власть принадлежитъ большинству народа. Но вѣдь подчиненіе меньшинства большинству есть такое же насиліе, такой же деспотизмъ, какъ и власть меньшинства надъ большинствомъ. Свобода человѣческой личности протестуетъ противъ всякаго насилія, отъ кого бы оно ни исходило, отъ меньшинства или отъ большинства народа. И потому человѣческая личность не можетъ удовлетвориться до тѣхъ поръ, пока она не освободится отъ какого бы то ни было государственнаго принужденія.

Государство должно исчезнуть, а хозяйственная дѣятельность должна свободно исполняться отдѣльными рабочими или группами ихъ; при чемъ связью между всѣми отдѣльными производителями должно стать особое учрежденіе, названное Прудономъ мѣновымъ или народнымъ банкомъ. Задача этого банка сводится къ организаціи для производителей непосредственнаго обмѣна ихъ продуктами. Каждый производитель или группа ихъ доставляетъ въ народный банкъ свои продукты и въ обмѣнъ получаетъ билеты банка. На эти билеты могутъ быть пріобрѣтаемы любые другіе продукты, имѣющіеся въ банкѣ. Такимъ образомъ можетъ быть организованъ непосредственный обмѣнъ всѣхъ продуктовъ, производимыхъ въ предѣлахъ извѣстной территоріи, при чемъ банкъ

возьметъ на себя и организацію безпроцентнаго кредита. Благодаря такому кредиту, каждый желающій или группы ихъ будутъ получать требующіеся для производства орудія и матеріалы.

Народный банкъ упраздняетъ необходимость какой бы то ни было внѣшней принудительной организаціи общественнаго труда— общественный трудъ остается вполнѣ свободнымъ и, въ то же время, отдѣльные роды труда взаимно согласуются. Такимъ образомъ становится возможнымъ анархическое хозяйство и анархическій общественный трудъ.

IV.

Этими четырьмя типами—централистическимъ, корпоративнымъ, федералистическимъ и анархическимъ соціализмомъ—исчерпываются планы соціалистическаго (въ узкомъ смыслѣ слова) устройства общества. Что касается коммунизма, то можно различать централистическій, федералистическій и анархическій коммунизмъ. Корпоративнаго коммунизма быть не можетъ, такъ какъ корпоративная организація предполагаетъ обмѣнъ продуктами, а коммунизмъ не допускаетъ никакого обмѣна.

Планы *централистическаго* коммунизма являются наиболѣе древними соціалистическими построеніями. Такіе планы мы встрѣчаемъ уже у эллинскихъ мыслителей. Знаменитая «Утопія» Томаса Мора содержитъ въ себѣ очень разработанный планъ коммунистическаго государства. Въ новѣйшее время представителемъ централистическаго коммунизма былъ Этьенъ Кабэ, въ соціальномъ романѣ котораго «Путешествіе въ Икарію» изображена жизнь коммунистическаго государства.

При коммунистическомъ устройствѣ общества распредѣленіе продуктовъ между отдѣльными гражданами происходитъ не при помощи денегъ въ той или иной формѣ, а путемъ непосредственнаго перехода продуктовъ изъ общественныхъ складовъ въ руки потребителей. Поэтому отпадаетъ необходимость назначенія цѣнъ продуктовъ и нормированія дохода членовъ общества.

Въ «Икаріи» Кабэ каждый гражданинъ получаетъ изъ общественныхъ складовъ безъ всякой платы все, ему нужное. Государство заботится объ удовлетвореніи нуждъ своихъ гражданъ, предоставляя каждому (соотвѣтственно полу и возврасту) одинаковое коли-

чество предметовъ необходимости и удобства. Если предметовъ извѣстнаго рода въ распоряженіи государства имѣется слишкомъ мало, чтобы надѣлить ими всѣхъ, то предметы эти совсѣмъ не производятся и ихъ не получаетъ никто.

Въ «Икаріи» царитъ самое строгое равенство и самая строгая регламентація потребленія. Всѣ ходятъ (соотвѣтственно различіямъ пола, возраста, семейнаго положенія) въ одинаковыхъ одеждахъ, живутъ въ одинаковыхъ квартирахъ, снабженныхъ одинаковой мебелью, получаютъ одинаковую пищу и т. д. и т. д. Во всемъ царитъ самый строгій порядокъ, и все подчиняется однимъ неизмѣннымъ правиламъ. Всемогущее государство регулируетъ съ начала до конца не только физическую, но и духовную жизнь своихъ гражданъ. Такъ какъ типографіи принадлежатъ, на ряду съ прочими средствами производства, государству, то оно является и издателемъ книгъ, и издаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя признаетъ полезными.

Это единообразіе потребленія и отсутствіе свободы личнаго выбора, вмѣстѣ со всемогуществомъ государства, подчиняющаго себѣ всю духовную жизнь населенія, составляетъ слабую сторону централистическаго коммунизма, почти не встрѣчающаго въ настоящее время сторонниковъ.

При *федералистическомъ* коммунизмѣ хозяйственной единицей является не государство, а сравнительно небольшая община. Самымъ вліятельнымъ представителемъ федералистическаго коммунизма былъ духовный отецъ кооперативнаго движенія, Робертъ Оуенъ.

Оуэнъ былъ такимъ же рѣшительнымъ противникомъ государства и насилія, какъ и Фурье. И для Оуэна государство подлежитъ уничтоженію. Государство должно распасться на множество общинъ, вполнѣ автономныхъ и независимыхъ другъ отъ друга. Какъ и въ фалангахъ Фурье, въ общинахъ Оуэна сельское хозяйство должно соединяться съ промышленнымъ трудомъ. Общины эти должны возникать безъ малѣйшаго принужденія съ чьей бы то ни было стороны, путемъ добровольнаго вступленія членовъ. Подобно Фурье, Оуэнъ представляетъ себѣ жизнь этихъ общинъ сосредоточенной въ огромномъ центральномъ зданіи, въ которомъ и вокругъ котораго должны быть сгруппированы промышленныя мастерскія и заводы, среди садовъ и полей, воздѣлываемыхъ

членами общины. Никакой принудительной власти не должно быть мѣста въ такой общинѣ. Даже выборное правленіе вызываетъ возраженія со стороны Оуэна, и, чтобы избѣгнуть послѣдняго, нашъ соціальный реформаторъ предлагаетъ слѣдующую организацію управленія внутри общины. Всѣ граждане дѣлятся на возрастныя группы и каждая группа выполняетъ особую общественную функцію: до 20 лѣтъ граждане учатся, отъ двадцати до тридцати—заняты хозяйственнымъ трудомъ въ пользу общины, отъ тридцати до сорока управляютъ внутренними дѣлами общины, послѣ сорока—внѣшними ея дѣлами.

Такъ какъ число членовъ общины невелико (отъ 500 до 3000), то такая организація даетъ возможность всѣмъ гражданамъ, въ зависимости отъ своего возраста, принимать равное участіе во всѣхъ дѣлахъ общины, и необходимость особаго правленія или правительства отпадаетъ.

Вообще, между общинами Оуэна и фалангами Фурье замѣчается значительное сходство по цѣлому ряду существенныхъ пунктовъ. Тѣмъ не менѣе между организаціями того и другого рода имѣются и весьма важныя различія. Прежде всего, нужно помнить, что фаланги Фурье—организаціи соціалистическія, а общины Оуэна—коммунистическія. Внутри фаланги распредѣленіе продукта совершается путемъ купли-продажи, члены фаланги получаютъ за свой трудъ заработную плату, да еще кромѣ того вознагражденіе за талантъ и процентъ на вложенный въ общее дѣло капиталъ. Величина доходовъ отдѣльныхъ членовъ фаланги не одинакова, а характеръ общественнаго потребленія столь же многообразенъ, насколько различны индивидуальные вкусы отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ, община Оуэна имѣетъ строго коммунистическое устройство. Всѣми продуктами, производимыми общиной, владѣютъ члены ея сообща, и никакой продажи продуктовъ отдѣльнымъ лицамъ, равно какъ денежнаго вознагражденія послѣднихъ, въ общинѣ не существуетъ. Община Оуэна представляетъ собой какъ бы большую семью, гдѣ всѣ имѣютъ равное право участвовать въ потребленіи, и потому отсутствуютъ какія бы то ни было опредѣленныя правила для распредѣленія продуктовъ.

Но и самыя цѣли соціальныхъ организацій Фурье и Оуэна глубоко различны. По своему духовному складу Оуэнъ и Фурье были величайшими антиподами и пришли къ своимъ планамъ соціаль-

наго преобразованія путемъ совершенно противоположнымъ. Оуэнъ долгое время былъ чрезвычайно успѣшнымъ фабрикантомъ; затѣмъ его вниманіе привлекли вопросы воспитанія рабочихъ, преимущественно моральнаго. Какъ руководитель огромнаго фабричнаго предпріятія, въ которомъ отъ него зависѣли многія сотни людей, Оуэнъ пришелъ къ убѣжденію въ пластичности человѣческой природы, въ ея измѣнчивости подъ вліяніемъ измѣненія условій среды. Будучи по своей духовной природѣ моралистомъ, Оуэнъ считалъ высшей цѣлью общественнаго союза моральное возвышеніе человѣчества.

Въ теченіе ряда лѣтъ Оуэнъ пытался воспитывать въ моральномъ отношеніи рабочихъ своей фабрики въ Нью-Ланаркѣ. Но онъ не могъ, въ концѣ-концовъ, не притти къ заключенію, что нравственное перевоспитаніе человѣка невозможно, если соціальная среда, въ которой живетъ человѣкъ, остается неизмѣнной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствуетъ развитію благородныхъ свойствъ человѣческой природы и поощряетъ всѣ его дурныя свойства. Не удивительно, что современные люди стоятъ въ нравственномъ отношеніи такъ низко. И, очевидно, никакія воспитальныя учрежденія не въ силахъ улучшить природу человѣка, если соціальная среда не будетъ измѣнена.

Вотъ такимъ путемъ, въ поискахъ средствъ нравственно возвысить человѣка, Оуэнъ и пришелъ къ мысли о необходимости глубочайшаго преобразованія основъ современной общественной жизни. Новый типъ общественнаго строя, проповѣдникомъ котораго онъ сталъ, онъ называлъ «новымъ нравственнымъ міромъ», указывая этимъ, что конечныя цѣли этого новаго общественнаго строя заключаются въ нравственномъ преобразованіи человѣка. Современный строй плохъ потому, что онъ воспитываетъ плохого человѣка; оправданіемъ же проектированной Оуэномъ великой соціальной реформы являлось, въ глазахъ ея проповѣдника, связанное съ ней нравственное возвышеніе человѣка.

Итакъ, для Оуэна человѣческая природа есть нѣчто въ высшей степени пластическое и измѣнчивое; цѣль общественнаго преобразованія заключается въ измѣненіи человѣческой природы, въ созданіи новаго человѣка, болѣе соотвѣтствующаго нашему нравственному идеалу.

Цѣли общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считалъ самымъ важнымъ общественнымъ дѣломъ нравственное преобразованіе человѣка, но былъ убѣжденъ, съ одной стороны, въ неизмѣнности основныхъ свойствъ человѣческой природы, а, съ другой стороны, былъ рѣшительнымъ аморалистомъ. Не человѣческій характеръ долженъ приспособляться къ общественному строю, а общественный строй долженъ быть приспособленъ къ неизмѣннымъ свойствамъ человѣческаго характера. Общественное воспитаніе не имѣетъ никакого смысла, ибо человѣческая природа неизмѣнна. Наилучшимъ общественнымъ строемъ является не тотъ, который воспитываетъ наилучшаго человѣка (какъ думалъ Оуэнъ), а тотъ, который всего болѣе приспособленъ къ неизмѣннымъ свойствамъ человѣка. Такимъ наилучшимъ строемъ казалась Фурье придуманная имъ организація фаланги, преимуществомъ которой передъ всѣми другими формами общественнаго строя являлась, въ глазахъ творца фаланги, предоставляемая послѣдней полная свобода дѣйствію всѣхъ страстей и влеченій человѣческой природы, ибо не существуетъ естественныхъ влеченій вредныхъ или безнравственныхъ, а существуютъ лишь плохія формы общественнаго строя, дѣлающія нѣкоторыя влеченія человѣка вредными для общества.

Итакъ, Оуэнъ былъ моралистомъ, и пришелъ къ соціальной реформѣ, какъ къ средству моральнаго воспитанія человѣчества; Фурье же былъ аморалистомъ и пришелъ къ соціальной реформѣ, какъ къ средству освобожденія человѣчества отъ власти долга и морали. Ихъ соціальныя цѣли, по своимъ конечнымъ завершеніямъ, были прямо противоположны, но конкретные планы общественнаго устройства, предложенные тѣмъ и другимъ, имѣли, при существенныхъ различіяхъ, много общаго.

Оуэнъ обладалъ, несомнѣнно, въ гораздо большей степени тѣмъ, что называется здравымъ смысломъ. Уже своей дѣятельностью въ качествѣ руководителя огромнымъ фабричнымъ предпріятіемъ Нью-Ланарка онъ доказалъ свои практическіе таланты. Онъ сумѣлъ достигнуть двухъ вещей, почти всегда взаимно исключающихъ другъ друга: блестящаго коммерческаго успѣха, выражавшагося въ высокихъ барышахъ, которые его фабричное предпріятіе доставляло ему и его компаньонамъ, и существеннаго улучшенія экономическаго положенія занятыхъ въ его предпріятіи ра-

бочихъ. Оуэнъ обладалъ талантомъ вліять на людей и подчинять ихъ своей волѣ, но воля его была направлена не на личные, а на общіе интересы.

Однако въ то же время Оуэнъ отнюдь не былъ сильнымъ мыслителемъ, и ему менѣе всего были свойственны, въ умственной области, геніальность, творческій полетъ воображенія. Онъ былъ разсудочной натурой, и такимъ же духомъ раціонализма были проникнуты его планы будущаго общественнаго устройства, вытекавшіе изъ всѣми признаваемыхъ безспорными посылокъ. Никто не отрицаетъ высокой цѣнности добродѣтели. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что благородныя свойства человѣческой природы не могутъ развиться, если соціальныя условія поощряютъ пороки. Значитъ, нужно создать такія условія общественной жизни, при которыхъ пороки не могли бы развиться, а добродѣтели встрѣчали опору въ соціальной средѣ.

Корнемъ всѣхъ пороковъ является, по общему мнѣнію, себялюбіе, въ свою очередь проявляющееся наиболѣе рѣзко въ области хозяйственныхъ интересовъ. Поэтому, чтобы создать добродѣтельнаго человѣка, нужно сдѣлать невозможнымъ проявленіе хозяйственнаго эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человѣкъ ничего не могъ называть своимъ—только въ этомъ случаѣ для развитія хозяйственнаго эгоизма не будетъ почвы, и хозяйственный эгоизмъ погаснетъ самъ собой.

Но одного этого мало,—нужно, чтобы въ общественной жизни исчезли какіе бы то ни было поводы къ развитію дурныхъ свойствъ въ человѣческой природѣ. Всякое неравенство питаетъ зависть и вражду. Поэтому, кромѣ уничтоженія частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство въ другихъ областяхъ человѣческой жизни—не должно быть правительства, хотя бы и выборнаго, а значитъ, не должно быть и государства. Такимъ логическимъ путемъ Оуэнъ приходитъ къ своимъ кооперативнымъ, какъ онъ ихъ называетъ, общинамъ, представляющимъ крайнее развитіе федералистическаго коммунизма.

Весь ходъ мыслей Оуэна былъ очень послѣдователенъ, и нисколько не удивительно, что отецъ коопераціи твердо вѣрилъ въ разумность своего плана общественнаго устройства, вѣрилъ настолько непоколебимо, что одно изъ своихъ сочиненій онъ оза

главилъ: Попытка превратить человѣческое общество изъ дома сумасшедшихъ въ разумный міръ». Дѣйствительно, развѣ не «домомъ сумасшедшихъ» должно было представляться раціоналисту типа Оуэна современное общество, въ которомъ признаваемыя всѣми высшія цѣли общественнаго союза—выработка благородныхъ свойствъ человѣческаго характера—не только не получаютъ осуществленія, но и попираются самымъ грубымъ образомъ? И развѣ общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни въ соотвѣтствіи съ требованіями морали? Если же оно этого не дѣлаетъ, то не нарушаетъ ли оно очевиднѣйшимъ образомъ своихъ интересовъ и не свидѣтельствуетъ ли этимъ самымъ о своемъ безуміи?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, въ его раціоналистическомъ основаніи. Добродѣтель, кромѣ порока, имѣетъ еще одного опаснаго врага—скуку. Человѣчество можетъ предпочитать добродѣтельному устройству общества менѣе совершенное, если послѣднее веселѣе и пріятнѣе. Соціальный строй, проектированный Оуэномъ, несомнѣнно, добродѣтельнѣе современнаго, но будетъ ли въ немъ интереснѣе жить? Если бы удалось убить всѣ побужденія тщеславія и себялюбія, къ чему такъ стремится Оуэнъ, то для многихъ возникъ бы вопросъ, стоитъ ли жить въ такомъ соціальномъ монастырѣ? Въ заглавномъ рисункѣ на одномъ изъ своихъ изданій Оуэнъ далъ изображеніе, съ одной стороны, современнаго города, съ его смѣшеніемъ красивыхъ и безобразныхъ зданій, при крайнемъ разнообразіи условій жизни населенія, и, съ другой стороны, стройныхъ, величавыхъ соціальныхъ дворцовъ будущаго. Этотъ рисунокъ подалъ поводъ къ ироническимъ комментаріямъ противниковъ Оуэна, которые справедливо нашли, что въ изображеніяхъ самого Оуэна безумный міръ современности оказался гораздо живописнѣе и привлекательнѣе скучнаго и однообразнаго разумнаго міра будущаго.

Совсѣмъ иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишкомъ ужъ разумны и потому скучны, то фаланги Фурье представляютъ собой продуктъ самой смѣлой, безумной, творческой фантазіи. Чего только, какихъ только чудесъ нѣтъ въ этихъ фалангахъ! Вѣдь въ фалангахъ совершенно отсутствуетъ въ какой бы то ни было степени долгъ и все исполняется только во имя непосредственнаго наслажденія. Фаланги не только не стра-

даютъ монотонностью и скукой нравственныхъ общинъ Оуэна, но въ нихъ все блеститъ и сіяетъ радостью и весельемъ, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстямъ и смерть долгу—таковъ девизъ фаланги.

Въ противность раціоналисту Оуэну, Фурье былъ величайшимъ фантазеромъ. Своей мечтѣ онъ довѣрялъ безгранично, до такой степени, что самымъ серьезнымъ образомъ разсуждалъ о такихъ чудесахъ міра будущаго, какъ превращеніе морской воды въ пріятный напитокъ, въ родѣ лимонада, какъ населеніе морей будущаго новыми животными, антикитами, которыя съ неимовѣрной быстротой будутъ перевозить по океану счастливыхъ обитателей фаланстеровъ, какъ появленіе въ полярныхъ областяхъ великолѣпныхъ пальмъ и т. д. и т. д. Фантазіи Фурье заходили такъ далеко, что многіе ставятъ вопросъ, не былъ ли онъ попросту помѣшаннымъ. Но кѣмъ бы онъ ни былъ, онъ былъ во всякомъ случаѣ человѣкомъ геніальной мысли.

Соціальный строй, основанный на полной свободѣ человѣческихъ страстей, конечно, представляетъ собой совершенную утопію и никогда не осуществится. Нравственныя общины Оуэна гораздо осуществимѣе, но зато фаланги Фурье привлекательнѣе и интереснѣе. Фурье поставилъ себѣ несравненно болѣе трудную задачу, чѣмъ Оуэнъ: создать соціальный строй, дѣйствующій безъ чувства долга—той соціальной узды, которая нынѣ вводитъ въ предѣлы разрушительную силу человѣческихъ страстей. И хотя задачи этой Фурье не рѣшилъ, все же самая ея постановка свидѣтельствуетъ о поразительной силѣ его научнаго воображенія.

Какъ фаланги Фурье являются организаціями почти анархическими, такъ же близки къ анархизму и коммунистическія общины Оуэна. Единственнымъ отличіемъ федералистическаго коммунизма отъ коммунистическаго *анархизма* является то, что федералистическій строй не допускаетъ иной хозяйственной единицы, кромѣ общины опредѣленнаго устройства, между тѣмъ какъ послѣдовательный анархизмъ долженъ допускать и единоличное хозяйство. Такимъ послѣдовательнымъ коммунистическимъ анархистомъ былъ тотъ, кого можно считать первымъ по времени выразителемъ доктрины анархизма—Годвинъ. Требуя полнаго отсутствія какого бы то ни было принужденія, Годвинъ совершенно правильно отрицалъ необходимость общественной организаціи тру-

да и потребленія. Хозяйственной дѣятельностью могутъ быть заняты какъ группы людей, такъ и отдѣльныя личности, и точно такъ же для потребленія должна быть сохраняема полная свобода. Общественная организація потребленія встрѣчаетъ даже несочувствіе Годвина. Точно такъ же онъ врагъ принудительнаго равенства, которое положено въ основу коммунистической общины Оуэна.

Въ общинахъ Оуэна не существуетъ частной собственности на что бы то ни было, но имѣется общественная собственность— община, какъ цѣлое, является собственницей своихъ средствъ производства и всѣхъ производимыхъ ею продуктовъ. Анархическое общество, какъ его понималъ Годвинъ, совершенно порываетъ съ какой бы то ни было частной или общественной собственностью. Каждый производитъ, что хочетъ, и также свободно захватываетъ въ свое владѣніе все, что пожелаетъ. Всякій можетъ свободно взять въ свое пользованіе продуктъ чужого труда, точно такъ же, какъ его собственнымъ продуктомъ можетъ завладѣть всякій желающій.

Эта свобода завладѣнія всѣмъ нужнымъ не приводитъ, по представленію Годвина, ко всеобщей борьбѣ, такъ какъ Годвинъ предполагаетъ, съ одной стороны, чрезвычайно высокій уровень техники производства, при которомъ человѣкъ можетъ своими единоличными силами создавать въ изобиліи нужные ему продукты; съ другой стороны, Годвинъ предполагаетъ и новаго человѣка, полнаго доброжелательства къ своимъ ближнимъ и лишеннаго хозяйственнаго эгоизма. Высокая производительность труда даетъ возможность отдѣльной личности обходиться безъ помощи себѣ подобныхъ, а отсутствіе хозяйственнаго эгоизма приводитъ къ тому, что всѣ охотно дѣлятся своими продуктами другъ съ другомъ, какъ члены одной семьи.

Дѣйствительно, только при наличности этихъ двухъ условій можно мыслить строй анархическаго коммунизма, какъ его рисовалъ себѣ Годвинъ. Не только человѣкъ долженъ стать совсѣмъ инымъ, но и техника производства должна достигнуть такого уровня, чтобы каждый могъ безъ помощи себѣ подобныхъ создавать все, ему нужное. Если же для производства требуется общая работа многихъ лицъ, то необходимо какое-либо общественное регулированіе процесса производства, а значитъ, неизбѣжна и общественная власть, отрицаемая анархизмомъ.

ГЛАВА II.

Соціалистическія общины.

I.— Отношеніе къ соціалистическимъ общинамъ до и послѣ Маркса. II.— Коммунистическая община Нью-Гармони. III.— Фурьеристскія общины въ Америкѣ. IV.— Икарійскія общины. V.— Религіозно-нравственныя общины. VI.— Значеніе соціалистическихъ общинъ.

I.

Для соціализма первой половины прошлаго вѣка наиболѣе характерно опредѣленное представленіе о способахъ осуществленія соціалистическаго строя. Именно это представленіе даетъ право объединять всѣ соціалистическія ученія того времени въ одно общее цѣлое, какъ нѣчто противоположное послѣдующему соціализму, болѣе или менѣе совпадающему съ марксизмомъ. Правда, обычное противопоставленіе соціализма до и послѣ Маркса, какъ утопическаго научному, во многихъ отношеніяхъ невѣрно и отзывается ортодоксальной нетерпимостью теологовъ, для которыхъ религіи раздѣляются на истинную (ихъ собственная) и ложныя (всѣ остальныя). Въ соціализмѣ до Маркса несомнѣнно имѣется много вполнѣ научныхъ элементовъ, равно какъ и въ соціализмѣ Маркса далеко не все научно и много элементовъ совершенно утопическихъ. Тѣмъ не менѣе въ одномъ отношеніи соціализмъ до Маркса и послѣ него рѣзко отличаются другъ отъ друга,—именно, въ вопросѣ о способахъ осуществленія соціалистическаго строя, и нельзя не признать, что по отношенію къ этому вопросу марксизмъ стоитъ на болѣе реалистической почвѣ, чѣмъ предшествовавшія соціалистическія ученія.

Представленія болѣе ранняго соціализма по данному вопросу сводились къ слѣдующему. Соціализмъ является такимъ общественнымъ строемъ, который долженъ въ небывалыхъ размѣрахъ

увеличить общественное богатство и вообще сумму счастья въ обществѣ. Поэтому въ осуществленіи соціализма заинтересованы не только бѣдные классы, но почти въ той же мѣрѣ и богатые. Всѣ разумные люди должны сочувствовать соціализму.

Исходя изъ этого убѣжденія, ранніе соціалисты обращались съ проповѣдью своего ученія не къ какому-либо опредѣленному классу общества, но ко всѣмъ классамъ безъ различія,—къ богатымъ столько же, сколько и къ бѣднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они были совершенно чужды мысли, что соціализмъ требуетъ для своего осуществленія политической борьбы. Для чего борьба и насиліе, если въ осуществленіи соціализма заинтересованы всѣ? Требуется только пропаганда новаго ученія, которое своей внутренней силой неизбѣжно должно раньше или позже покорить себѣ человѣчество.

Но какъ же осуществится соціалистическій общественный строй? Путемъ добровольной иниціативы отдѣльныхъ лицъ, которыя, придя къ пониманію преимуществъ соціализма, собственными усиліями постараются создать соціалистическую общину. Сначала возникаетъ одна такая община, затѣмъ начнутъ возникать новыя и новыя, подъ вліяніемъ примѣра и доказательства на опытѣ осуществимости и преимуществъ такихъ организацій. Такимъ образомъ, въ теченіе короткаго времени, безъ политическихъ переворотовъ и баррикадъ, человѣчество перейдетъ къ новому общественному строю.

Ячейкой осуществленія соціалистическаго строя должна явиться, такимъ образомъ, соціалистическая община. Такой взглядъ вполнѣ гармонировалъ съ ученіемъ федералистическаго соціализма. Но даже сторонники централистическаго соціализма (какъ, напримѣръ, Кабэ) на практикѣ примыкали къ этому взгляду, хотя, съ точки зрѣнія централистическаго соціализма, соціализмъ можетъ осуществиться лишь въ рамкахъ цѣлаго государства. Непослѣдовательность Кабэ вполнѣ понятна: на раннихъ ступеняхъ развитія соціалистическаго движенія вѣрующіе ученики не довольствовались представленіемъ о соціализмѣ, какъ о нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ, а требовали новаго строя немедленно, почему и вожди соціализма, къ какому бы направленію они ни принадлежали, должны были открыть возможность для своихъ послѣдователей немедленнаго соціалистическаго дѣйствія.

Марксизмъ совершенно порвалъ съ этой первоначальной тактикой соціализма и рѣшительно отвергъ мысль, что соціализмъ можетъ быть осуществленъ въ видѣ небольшой общины въ предѣлахъ существующаго общества. Пока политическая власть не принадлежитъ пролетаріату, до тѣхъ поръ, говорятъ марксисты, нечего и мечтать о строѣ будущаго.

Нужно, слѣдовательно, не устраивать соціалистическія общины (что представляется марксизму совершенно празднымъ дѣломъ, по неосуществимости такихъ общинъ), а организовывать пролетаріатъ для политической дѣятельности. Отсюда вытекаетъ и несочувствіе марксизма всякимъ разсужденіямъ объ устройствѣ общества будущаго. Разсужденія эти ни малѣйшимъ образомъ не могутъ подвинуть впередъ дѣло соціализма, успѣхъ котораго зависитъ отъ соціальныхъ факторовъ совсѣмъ иного рода.

Итакъ, въ противоположность болѣе раннему соціализму, отрицавшему классовую борьбу и политическое насиліе, вѣрившему въ возможность немедленнаго осуществленія соціалистическаго строя силами немногихъ лицъ, марксизмъ выставилъ тезисъ, что соціалистическій строй можетъ быть завоеванъ лишь путемъ классовой, политической борьбы, что попытки осуществленія соціалистическаго строя въ предѣлахъ капиталистическаго общества должны неизбѣжно остаться неудачны. Подъ вліяніемъ марксизма соціалистическое движеніе пошло по новому руслу и приняло политическій характеръ.

Напротивъ, въ домарксовскій періодъ соціализмъ, какъ опредѣленное общественное движеніе, выражался преимущественно въ попыткахъ устройства разнаго рода соціалистическихъ общинъ. Общины этого рода естественно дѣлятся на двѣ группы. Однѣ изъ нихъ возникали въ непосредственной связи съ пропагандой соціализма, другія же, хотя и соціалистическія по своему внутреннему устройству, не стояли ни въ какой связи съ современнымъ соціалистическимъ движеніемъ и создались на совершенно иной почвѣ—опредѣленныхъ религіозныхъ или моральныхъ потребностей ихъ членовъ.

Общины перваго рода естественно стремились къ пропагандѣ своего устройства среди другихъ лицъ; въ такой пропагандѣ онѣ и усматривали главный смыслъ своего существованія. Вѣдь для того онѣ и устраивались, чтобы другіе люди, увлеченные при-

влекательностью жизни въ такихъ общинахъ, переходили къ подобнымъ же общественнымъ организаціямъ, долженствовавшимъ замѣнить собой господствующій общественный строй. Въ пропагандѣ новаго общественнаго строя заключалась, такимъ образомъ, важнѣйшая задача этихъ общинъ.

Напротивъ, общины второго рода преслѣдовали совершенно иныя цѣли. Извѣстная группа лицъ, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ религіозныхъ или моральныхъ потребностей, приходила къ убѣжденію въ необходимости организовать свое хозяйство на началахъ общности имущества и труда. Морально-религіозныя цѣли опредѣляли собой весь внутренній укладъ такой общины, хозяйственный же строй ея служилъ только средствомъ для достиженія этихъ цѣлей.

Понятное дѣло, что общины второго рода устраивались отнюдь не для того, чтобы своимъ примѣромъ побудить современное общество перейти къ соціалистическому строю. Очень часто и даже въ большинствѣ случаевъ такія общины обнаруживали большой общественный индифферентизмъ—ихъ цѣли лежали въ совершенно иной области, и если эти общины стремились къ пропагандѣ, то не соціализма, а тѣхъ или иныхъ религіозныхъ или моральныхъ ученій.

II.

Исторія соціалистическихъ общинъ перваго типа начинается съ общины Нью-Гармони, устроенной Робертомъ Оуэномъ. Религіозная секта раппистовъ (названная такъ по имени своего основателя, Раппа) образовала въ Америкѣ, въ штатѣ Индіана, обширную общину въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Община процвѣтала и занималась преимущественно земледѣліемъ. Центромъ ея было образованное ею селеніе, названное «Гармоніей», хорошо обстроенное, съ хорошими каменными домами и каменными же хозяйственными постройками. Община занималась не только сельскимъ хозяйствомъ, но въ довольно обширныхъ размѣрахъ также и промышленной дѣятельностью: она имѣла фабрики шелковую и шерстяную, лѣсопильню и другія промышленныя мастерскія.

Несмотря на хозяйственный успѣхъ, члены общины не были довольны своимъ мѣстожительствомъ и въ 1824 г. рѣшили пере-

селиться на новое мѣсто. Основаніемъ къ этому переселенію выставлялся нездоровый климатъ мѣстности, гдѣ была расположена «Гармонія» (малярія?). Но можно думать, что и, помимо этого, переселеніе казалось желательнымъ главѣ секты по соображеніямъ религіозно-нравственнаго свойства. Исходя изъ аскетическаго идеала, Раппъ не считалъ желательнымъ, чтобы его послѣдователи долго жили на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, община рѣшила продать все свое имущество, и покупатель нашелся въ лицѣ Оуэна, который уже давно искалъ въ Америкѣ подходящее мѣсто для устройства большой коммунистической общины. Когда къ Оуэну, уже пользовавшемуся къ этому времени громкой извѣстностью во всей Европѣ, явился представитель раппистовъ, Оуэнъ почти немедленно принялъ предложеніе, и сдѣлка была заключена.

Въ слѣдующемъ году Оуэнъ поѣхалъ въ Америку и пріобрѣлъ за 30 тыс. ф. с. имѣніе раппистовъ, состоявшее изъ 20 тысячъ акровъ (около 6 тысячъ десятинъ) превосходной земли, со всѣми постройками и многими промышленными сооруженіями. Имѣніе было вполнѣ благоустроено и въ этомъ отношеніи, повидимому, не оставляло желать лучшаго.

Имя Оуэна уже было хорошо извѣстно въ Новомъ Свѣтѣ. Въ Нью-Іоркѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было основано его послѣдователями «Общество содѣйствія устройству общинъ», которое съ 1823 г. издавало особый періодическій органъ. По пріѣздѣ въ Америку и послѣ пріобрѣтенія имѣнія «Гармоніи», переименованнаго Оуэномъ въ «Нью-Гармони», нашъ соціальный реформаторъ прочелъ рядъ лекцій въ Вашингтонѣ передъ самой избранной аудиторіей, въ составѣ которой были многіе государственные люди Америки (въ томъ числѣ и президентъ республики). Въ этихъ лекціяхъ онъ возвѣстилъ о своемъ предпріятіи и старался объяснить его значеніе. Въ его представленіи «Нью-Гармони» должна была явиться только первой изъ общинъ даннаго типа, которыя по мѣрѣ своего умноженія должны вступать между собой въ политическую связь и образовать впослѣдствіи особый штатъ въ предѣлахъ Союза.

Обращеніе Оуэна имѣло большой успѣхъ; «Нью-Гармони» быстро наполнилась новымъ населеніемъ. Желающихъ было такъ много, что возникли большія трудности въ помѣщеніи въ колоніи.

нихъ всѣхъ. Однако никакого выбора среди кандидатовъ не производилось, хотя таково было первоначальное намѣреніе основателя колоніи. Черезъ нѣсколько недѣль въ «Нью-Гармони» считалось уже около 900 членовъ.

Отсутствіе выбора не могло не привести къ тому, что многіе члены «Нью-Гармони» менѣе всего соотвѣтствовали по своимъ моральнымъ свойствамъ тому трудному дѣлу, за которое они взялись. Сынъ Оуэна, Вилліамъ, пишетъ своему отцу уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: «Мы не знаемъ, что дѣлать намъ съ тѣми, кто за все берется и не имѣетъ никакой опредѣленной профессіи; они не дѣлаютъ рѣшительно ничего и ничѣмъ не довольны. Отъ многихъ изъ нихъ мы уже избавились, но все же ихъ осталось не мало».

Можно было бы думать, что при случайномъ составѣ членовъ въ «Нью-Гармони» вообще никакого хозяйства не наладится. Однако Вилліаму Оуэну, бывшему главнымъ руководителемъ общины, удалось настолько организовать дѣло, что нѣкоторое время община казалась работающей успѣшно. Въ особенности отмѣчалась удачная дѣятельность разнаго рода промышленныхъ мастерскихъ общины, работавшихъ, впрочемъ, преимущественно, для удовлетворенія потребностей самой общины. Лѣсопильня, однако, работала и на постороннихъ заказчиковъ. Напротивъ, мануфактурныя мастерскія, которыя въ прежней общинѣ раппистовъ шли полнымъ ходомъ, послѣ ея преобразованія въ оуэнитскую общину, остановились по недостатку среди наличнаго персонала людей, подготовленныхъ къ этому труду.

Изъ переписки Вилліама Оуэна съ его отцомъ видно, что основатель общины принималъ очень мало участія въ руководительствѣ ею и даже дѣйствовалъ по отношенію къ ней довольно легкомысленно. Такъ, напр., Вилліамъ Оуэнъ выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ его отецъ приглашаетъ въ общину множество людей, которыхъ рѣшительно негдѣ помѣстить, и привлекаетъ вовсе не тѣхъ рабочихъ, въ которыхъ община имѣетъ нужду. Въ общинѣ оказалось очень много слесарей и рабочихъ по металлу, но чувствовался большой недостатокъ въ строительныхъ рабочихъ. Между тѣмъ, именно строительные рабочіе были необходимы для общины, такъ какъ имѣвшихся въ ней жилыхъ помѣщеній не хватало для размѣщенія всего ея населенія. Не

хватало также лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ исполнять обязанности домашней прислуги; Вилліамъ Оуэнъ особенно жалуется на недостатокъ поваровъ и прачекъ.

Среди членовъ общины было много семейныхъ лицъ и около 130 дѣтей. Значительное большинство членовъ общины принадлежало къ рабочему классу (повидимому, городскихъ рабочихъ), но было не мало и представителей либеральныхъ профессій, въ томъ числѣ нѣсколько очень видныхъ представителей американской науки и литературы. Такъ, вскорѣ послѣ основанія общины, къ ней примкнулъ самый выдающійся геологъ Америки, Маклюръ, президентъ филадельфійской академіи наукъ, человѣкъ очень богатый. Его привлекъ въ общину интересъ къ вопросамъ воспитанія, которымъ онъ посвятилъ часть своихъ трудовъ. Вмѣстѣ съ Оуэномъ онъ оказывалъ поддержку общинѣ своими личными средствами. Дѣятельными членами общины были и нѣкоторые другіе выдающіеся естествоиспытатели. Цѣлая группа этихъ ученыхъ прибыла въ «Нью-Гармони» послѣ продолжительнаго путешествія въ лодкѣ по Огіо.

5 февраля 1826 г. община окончательно конституировалась, принявъ названіе «Нью-Гармонійской общины равенства». Община подраздѣлялась на шесть отдѣловъ: земледѣлія, промышленности, литературы, науки и обученія, домашняго хозяйства, общаго хозяйства и торговли. Во главѣ каждаго отдѣла стоялъ избранный членами отдѣла управляющій, избравшій четырехъ своихъ помощниковъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ общимъ секретаремъ, образовывали исполнительный комитетъ общины.

Согласно принятому общиною уставу «всѣ участники общины должны разсматриваться какъ члены одной семьи; никто не долженъ пользоваться большимъ или меньшимъ уваженіемъ въ зависимости отъ рода своихъ занятій. Всѣ должны по возможности получать одинаковую пищу, одежду и воспитаніе, въ соотвѣтствіи со своимъ возрастомъ, и, насколько возможно, всѣ должны жить въ одинаково меблированныхъ домахъ. Каждый обязанъ отдавать весь свой трудъ на пользу общины». Иными словами, въ основу устройства общины были положены начала полнаго коммунизма. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что юридическимъ собственникомъ всего имущества общины оставался Робертъ Оуэнъ, но, конечно, предполагалось, что такое положеніе дѣла можетъ быть лишь вре-

меннымъ, пока община не окажется въ силахъ выкупить у Оуэна «Нью-Гармони».

Новый уставъ вступилъ въ силу при дѣятельной поддержкѣ самого основателя общины, вернувшагося къ этому времени въ Нью-Гармони изъ Европы.

Скоро, однако, выяснилось, что трудно достигнуть полнаго согласія въ предѣлахъ такой большой общины, какой являлась Нью-Гармони, и было рѣшено раздѣлить ее на нѣсколько меньшихъ. Прежде всего выдѣлились двѣ общины, въ основу организаціи которыхъ было положено отсутствіе выборнаго правленія; членами правленія становились всѣ члены общины по достиженіи извѣстнаго возраста.

Выдѣленіе этихъ новыхъ общинъ произошло безъ всякаго противодѣйствія со стороны Оуэна, который, наоборотъ, привѣтствовалъ его и возлагалъ, со своимъ обычнымъ оптимизмомъ, самыя радужныя надежды на будущее новыхъ общинъ.

Жизнь въ Нью-Гармони рисовалась ея участниками въ очень привлекательныхъ краскахъ. Сынъ Оуэна, Робертъ Дэль,—впослѣдствіи извѣстный государственный дѣятель Соед. Штатовъ, бывшій долгое время американскимъ посланникомъ въ Неаполѣ,—съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ въ своей автобіографіи о своемъ пребываніи въ общинѣ въ молодые годы. Правда, внѣшнія условія жизни отличались простотой: приходилось исполнять тяжелую физическую работу (не нужно забывать, что дѣти Оуэна выросли въ богатой семьѣ)—пахать, сѣять, рубить; но зато въ жизни общинниковъ было много и развлеченій. Еженедѣльно бывали балы и концерты; собирались для товарищеской бесѣды и воодушевленныхъ споровъ, которые не изгладились въ памяти Дэль-Оуэна даже черезъ много десятковъ лѣтъ.

Въ 1826 г. Нью-Гармони посѣтилъ герцогъ Саксенъ-Веймарскій, оказавшійся тонкимъ наблюдателемъ, описавшимъ все видѣнное. Герцога помѣстили въ домѣ для пріѣзжающихъ, устройство котораго важный гость нашелъ удовлетворительнымъ. Герцогъ разсказываетъ, что его поразила вѣра въ будущность общины ея основателя, но ему самому показалось, что община просуществуетъ недолго и близка къ распаденію. Ему бросилось въ глаза, что, несмотря на внѣшнее равенство и одинаково скромную обстановку жизни всѣхъ членовъ общины, послѣдніе видимымъ обра-

зомъ раздѣлялись на двѣ группы—лицъ физическаго труда и людей лучшаго общества. Тѣ и другіе держались отдѣльно другъ отъ друга, въ своемъ собственномъ кругу.

Большое вниманіе посвящалось школамъ, занятія въ которыхъ встрѣтили полное одобреніе со стороны герцога. По его словамъ, дѣти имѣли здоровый и веселый видъ и несомнѣнно любили школу; много времени отдавалось физическимъ упражненіямъ и спорту.

Нью-Гармонійская община просуществовала очень недолго: уже въ началѣ 1827 г. Оуэнъ убѣдился въ неудачѣ своего опыта. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, недовольные члены общины обвиняли ея основателя въ томъ, что онъ не передалъ общинѣ въ полную собственность имущества, которымъ она распоряжалась. Но, конечно, такая передача только ускорила бы крушеніе общины, заключавшей въ себѣ самой причины своего паденія.

Непосредственной причиной крушенія общины явилась обнаружившаяся невозможность для нея произвести достаточное количество продуктовъ для содержанія ея членовъ, несмотря на крайне скромный характеръ ихъ жизни. Въ концѣ-концовъ Оуэнъ оказался вынужденнымъ вступить въ свои права собственника и объявить общину распущенной, а членовъ ея пригласить самимъ заботиться о своемъ дальнѣйшемъ существованіи или же оставить Нью-Гармони. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ готовность предоставлять свои земли въ распоряженіе всякой общины, которая могла бы основаться на тѣхъ же началахъ, какъ прекратившаяся.

Многіе члены общины покинули Нью-Гармони съ чувствомъ самаго тяжелаго разочарованія и неудовольствія противъ Оуэна, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ. Другіе продолжали попытки организовать въ Нью-Гармони жизнь на коммунистическихъ началахъ. Никогда не падавшій духомъ Оуэнъ въ скоромъ времени сообщаетъ, что на развалинахъ старой общины возникло уже восемь новыхъ, и что «соціальная система теперь упрочилась совершенно непоколебимо». Еще черезъ три недѣли онъ говоритъ уже о десяти коммунистическихъ общинахъ въ Нью-Гармони.

Но всѣ эти общины существовали, повидимому, только въ воображеніи Оуэна. По возвращеніи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нью-Гармони онъ самъ долженъ былъ признать полную неудачу своей попытки создать «новый нравственный міръ». Большая часть

земли Нью-Гармони осталась во владѣніи Оуэна, другая была распродана небольшими участками отдѣльнымъ лицамъ.

Весь опытъ потребовалъ очень крупныхъ затратъ со стороны Оуэна—около 40 тысячъ ф. с. (400 тыс. р.), т.-е. почти половины всего его состоянія, достигавшаго приблизительно 100 тысячъ ф. Его четверо сыновей остались въ Нью-Гармони и стали гражданами Соединенныхъ Штатовъ.

Какъ опытъ устройства коммунистической общины, Нью-Гармони закончилась совершеннымъ крушеніемъ. Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода, что предпріятіе Оуэна не имѣло никакого культурнаго значенія. Напротивъ, Подморъ, авторъ самой обширной и вполнѣ безпристрастной біографіи Оуэна, вышедшей въ 1906 г., свидѣтельствуетъ, что «Нью-Гармони оставалась въ теченіе болѣе поколѣнія главнѣйшимъ научнымъ и воспитательнымъ центромъ Запада Сѣверо-американскаго союза, и вліяніе этого центра чувствовалось въ самыхъ различныхъ областяхъ соціальной и политической структуры страны. Даже до настоящаго времени отпечатокъ личности Оуэна виденъ въ городѣ, который онъ основалъ. Нью-Гармони не походитъ на другіе города западныхъ штатовъ. Это городъ съ исторіей. Пыль разбитыхъ надеждъ и идеаловъ образовала собой почву, въ которой пустила корни жизнь современности. Имя Оуэна носятъ до настоящаго времени нѣсколько выдающихся гражданъ, потомковъ великаго соціалиста. Городъ гордится публичной библіотекой, хранителемъ которой является внукъ одного изъ первыхъ членовъ общины; библіотека состоитъ изъ 15 тысячъ томовъ большею частью цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій».

Съ внѣшней стороны община Нью-Гармони располагала, сравнительно съ другими аналогичными попытками, наибольшими шансами успѣха. Во главѣ ея стоялъ опытный руководитель, блестяще доказавшій въ Нью-Ланаркѣ свои исключительныя организаторскія способности. На устройство общины былъ затраченъ очень крупный капиталъ—около полумилліона рублей на наши деньги. Наконецъ, общинѣ не приходилось создавать всего необходимаго для веденія дѣла, такъ какъ она явилась наслѣдницей другой, достигшей полнаго хозяйственнаго процвѣтанія и передавшей своей преемницѣ вполнѣ благоустроенное имѣніе, со всѣми необходимыми постройками и сооруженіями самаго различнаго рода.

Тѣмъ не менѣе крушеніе Нью-Гармони было очень быстрымъ. Объясняется это, отчасти, именно благопріятными внѣшними условіями ея возникновенія. Успѣхъ въ предпріятіяхъ такого рода зависитъ, прежде всего, отъ подбора соотвѣтствующихъ лицъ. Первый встрѣчный не можетъ оказаться полезнымъ членомъ коммунистической общины. Наплывъ членовъ въ Нью-Гармони объяснялся заманчивыми условіями жизни въ колоніи. Между тѣмъ, никакого выбора среди лицъ, желающихъ поступить въ общину, не производилось. При такомъ положеніи дѣла колонія неизбѣжно должна была переполниться людьми, совершенно для нея непригодными, собравшимися въ ней не для серьезной работы, а изъ простого любопытства къ новымъ условіямъ жизни или даже просто ради возможности пожить на даровомъ хлѣбѣ безъ серьезнаго труда. Отсюда и обиліе развлеченій, которыя дѣлали столь пріятной жизнь въ общинѣ и которыя поразили своимъ количествомъ герцога Саксенъ-Веймарскаго. Но отсюда же и невозможность покрывать продуктами труда членовъ общины ея необходимыя потребности.

Кромѣ Нью-Гармони, въ Америкѣ возникло и нѣсколько другихъ коммунистическихъ общинъ въ связи съ пропагандой Оуэна. Исторія ихъ, однако, большого интереса не представляетъ. Болѣе поучительно остановиться на двухъ попыткахъ устройства оуэнистскихъ общинъ въ Европѣ.

Первая изъ этихъ попытокъ была сдѣлана въ Шотландіи, по иниціативѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ послѣдователей Оуэна, Авраама Комба, который въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ велъ энергичную пропаганду оуэнистскихъ идей. Онъ стоялъ во главѣ періодическихъ изданій, посвященныхъ этой цѣли, писалъ книги, брошюры и статьи и вообще былъ однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ послѣдователей новой соціальной системы. Вмѣстѣ съ другими богатыми послѣдователями Оуэна онъ пріобрѣлъ въ 1825 г имѣніе Орбистонъ, недалеко отъ Глазго, съ 291 акрами земли, и немедленно приступилъ къ постройкѣ обширнаго зданія, разсчитаннаго на 1000 человѣкъ. Капиталъ, потребный для осуществленія всего этого предпріятія, былъ опредѣленъ въ 50 тысячъ ф. с., которые предполагалось собрать, раздѣливъ его на 200 паевъ, по 250 ф. каждый пай. Въ короткое время удалось размѣстить 125 паевъ между 16 лицами.

Хотя самъ Комбъ былъ сторонникомъ полнаго коммунизма, но

на первое время было рѣшено прибѣгнуть къ компромиссу. Только часть потребностей членовъ общины покрывалась изъ общаго фонда, создаваемаго общимъ трудомъ. Остальная часть этого фонда разверстывалась между членами, пропорціонально времени труда каждаго, при чемъ каждый могъ свободно расходовать эту часть на свои нужды по своему усмотрѣнію.

Всѣ жили въ общемъ зданіи и могли, по своему усмотрѣнію, столоваться вмѣстѣ или порознь. Въ томъ же зданіи каждый получалъ одинаковую квартиру; воспитаніе дѣтей велось сообща, но за счетъ родителей.

Хотя проектированное зданіе далеко не было вполнѣ достроено, оно быстро наполнилось обитателями, число которыхъ достигало въ іюнѣ 1827 г. 298 чел. (кромѣ грудныхъ дѣтей). Община занималась не только сельскимъ хозяйствомъ, но и разнаго рода промышленнымъ трудомъ—и даже, повидимому, преимущественно этимъ послѣднимъ. Особенное значеніе имѣло металлургическое производство и изготовленіе разнаго рода желѣзныхъ издѣлій для продажи. Кромѣ того, община изготовляла разнообразныя ткани и предметы одежды для надобностей своихъ членовъ.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общины была полная свобода поступленія новыхъ членовъ въ ея среду. Комбъ исходилъ при этомъ изъ слѣдующаго соображенія. Задачей новаго соціальнаго строя является моральное перерожденіе человѣчества. Если бы община отвергала новыхъ лицъ, желающихъ вступить въ ея среду, вслѣдствіе ихъ моральной испорченности, то этимъ она доказывала бы недовѣріе къ ея собственной способности морально перерождать людей. И потому она не могла никого отвергать, какъ не отвергаетъ больница никого изъ больныхъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ пріема новыхъ членовъ община должна была въ скоромъ времени распасться. Однако ея первые шаги, несмотря на всѣ трудности, связанныя съ началомъ столь отвѣтственнаго дѣла, были сравнительно удачны. Лѣтомъ 1827 г., когда Оуэнъ пріѣхалъ посѣтить общину, она производила впечатлѣніе процвѣтающей. Особенно хорошо работалъ металлургическій отдѣлъ, построившій обширную доменную печь. Частныя письма колонистовъ дышали увѣренностью въ будущемъ и довольствомъ настоящимъ.

Однако по чисто случайной причинѣ община вскорѣ распалась.

Въ концѣ лѣта умеръ основатель колоніи Комбъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло и его дѣло: наслѣдники потребовали возвращенія затраченныхъ суммъ, и все имѣніе было продано съ публичнаго торга.

Точно такъ же изъ-за внѣшнихъ причинъ потерпѣла неудачу и другая оуэнистская община, возникшая въ Ралахайнѣ. Эта организація была создана землевладѣльцемъ Ванделеромъ въ его имѣніи Ралахайнъ, въ графствѣ Клэръ (въ Ирландіи). Въ теченіе многихъ лѣтъ Ванделеръ мечталъ передать свое имѣніе производительной артели земледѣльческихъ рабочихъ и, наконецъ, ему это удалось въ 1830 г. Имѣніе въ 618 акровъ, вмѣстѣ со всѣми постройками и инвентаремъ, поступило въ распоряженіе группы рабочихъ, которые и раньше работали тамъ же. При этомъ имѣлось въ виду, что съ теченіемъ времени община выкупитъ у помѣщика его имѣніе со всѣмъ инвентаремъ. Въ основу устройства общины были положены слѣдующія начала. Члены общины образовывали самоуправляющуюся группу, подъ верховнымъ надзоромъ землевладѣльца. Каждый получалъ обычную заработную плату и, кромѣ того, соотвѣтствующую долю чистаго дохода артели. Воспитаніе и содержаніе дѣтей и подростковъ до 17-тилѣтняго возраста должно было оплачиваться изъ общаго фонда. Многія потребности взрослыхъ членовъ общины также должны были удовлетворяться за общій счетъ (съ соотвѣтствующимъ вычетомъ изъ ихъ заработной платы). Однако члены общины жили въ отдѣльныхъ домахъ, и каждый имѣлъ свое особое домашнее хозяйство. За пользованіе имѣніемъ община должна была платить землевладѣльцу опредѣленную арендную плату. Община состояла первоначально изъ 52 лицъ, къ концу—изъ 81 лица (въ томъ числѣ 16 дѣтей).

Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла полный успѣхъ и прекратилась въ 1833 г. отъ внѣшней причины: имѣніе было продано за долги Ванделера, который проигрался въ карты и бѣжалъ.

III.

Гораздо болѣе успѣха, чѣмъ оуэнистскія общины, имѣли общины, связанныя съ именемъ Фурье. Попытки созданія фаланстера во Франціи не имѣли значенія, но въ Америкѣ идеи Фурье создали широкое и очень любопытное общественное движеніе.

Проповѣдниками ученія Фурье въ Соединенныхъ Штатахъ явились два замѣчательные человѣка—Брисбейнъ и Грили, въ особенности первый. Онъ много путешествовалъ по Европѣ и послѣ перваго же ознакомленія съ сочиненіями Фурье сталъ его убѣжденнымъ послѣдователемъ. Какъ онъ самъ объясняетъ, въ идеяхъ Фурье его наиболѣе поразила мысль о возможности сдѣлать физическій трудъ привлекательнымъ и пріятнымъ. «Сдѣлать привлекательной эту область грубаго, уничижающаго труда,—говоритъ онъ,—этотъ грустный удѣлъ массъ, подавляющій человѣка своимъ прозаическимъ, отупляющимъ, мертвящимъ вліяніемъ, поднять этотъ трудъ и превратить его въ нѣчто, вызывающее восхищеніе и почитаніе, значило произвести величайшій переворотъ, цѣлую революцію».

Вернувшись на родину, Брисбейнъ издалъ книгу, излагавшую систему Фурье. Она имѣла огромный успѣхъ среди американской публики и привлекла въ ряды фурьеристовъ одного изъ самыхъ талантливыхъ журналистовъ Америки—Горація Грили, издателя самой распространенной въ Америкѣ газеты «New-Iork Tribune». Грили предоставилъ извѣстное мѣсто въ своей газетѣ пропагандѣ фурьеризма. Кромѣ того, Брисбейнъ основалъ нѣсколько спеціальныхъ періодическихъ органовъ для той же цѣли.

Въ скоромъ времени по всей странѣ стали основываться общества и кружки фурьеристовъ. Эти общества устраивали лекціи, агитаціонныя поѣздки и отъ времени до времени мѣстные съѣзды фурьеристовъ. Въ 1844 г. въ Нью-Іоркѣ собрался національный конгрессъ фурьеристовъ. Адреса и привѣтствія были получены со всѣхъ концовъ союза. На конгрессѣ единственнымъ средствомъ разрѣшенія соціальнаго вопроса была признана фурьеристская ассоціація (фаланга). Было рѣшено основать постоянную національную конференцію ассоціацій, имѣющую свой постоянный органъ «Фалангу», и исполнительный комитетъ изъ 18 членовъ. Конгрессъ призналъ необходимымъ созданіе международной организаціи всѣхъ ассоціацій и поручилъ Брисбейну вступить въ сношенія по этому поводу съ фурьеристами Европы. Въ то же время конгрессъ предостерегалъ противъ попытокъ устройства ассоціацій въ слишкомъ маломъ размѣрѣ и недостаточно обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи.

Фурье считалъ достаточнымъ для устройства фаланги капиталъ

въ 1 милліонъ франковъ, при числѣ участниковъ въ 400 семействъ. Брисбейнъ понизилъ цифру участниковъ до 400 человѣкъ, но повысилъ размѣръ необходимаго капитала до 400 тысячъ долларовъ (по тысячѣ долларовъ на участника). Таковы должны были быть нормальные размѣры ассоціацій, понижать которые было бы опасно.

Единственнымъ примѣромъ болѣе крупной соціалистической ассоціаціи была Нью-Гармони. Фурьеристскія фаланги далеко отстали отъ нея. Тѣмъ не менѣе онѣ стали быстро выростать на американской почвѣ и за одно пятилѣтіе ихъ возникло не менѣе тридцати въ разныхъ концахъ Америки; больше двухъ лѣтъ просуществовало изъ нихъ только одиннадцать.

Число членовъ въ большинствѣ этихъ общинъ колебалось около одной-двухъ сотенъ. Наиболѣе устойчивыми общинами оказались слѣдующія четыре: Брукская ферма (6 лѣтъ), Сѣверо-американская фаланга (12 лѣтъ), Нортгамптонская ассоціація (4 года) и Висконсинская фаланга (6 лѣтъ).

Брукская ферма получила наибольшую извѣстность благодаря тому, что въ нее вошло много извѣстныхъ представителей американской интеллигенціи. Членомъ ея былъ и одинъ изъ самыхъ популярныхъ до настоящаго времени американскихъ писателей— Натаніель Готсорнъ.

Мѣсто для этой ассоціаціи было выбрано очень удачно, недалеко отъ Бостона, среди живописныхъ холмовъ, луговъ и лѣсовъ. Первоначальное основаніе Брукской фермы принадлежало одному религіозному обществу, большинство членовъ котораго перешло къ фурьеризму. Въ составъ ея входило 115 человѣкъ. Всѣ получали одинаковое вознагражденіе за трудъ одинаковой продолжительности. Трудъ каждаго лица долженъ былъ соотвѣтствовать его склонностямъ и вкусамъ. Чтобы трудъ былъ возможно привлекательнѣе, занятія должны были разнообразиться для каждаго. Дѣти моложе 10 лѣтъ и старики старше 70 лѣтъ должны были получать даровое содержаніе, такъ же, какъ и неспособные къ труду. Каждый могъ расходовать свой заработокъ и вообще свои доходы по своему усмотрѣнію, но, конечно, фактически большая часть потребностей удовлетворялась при помощи общаго хозяйства.

О привлекательности жизни въ Брукской фермѣ можно судить по тому, что уже послѣ того, какъ община распалась, ея бывшіе члены и даже ихъ потомки сохранили вплоть до нашего времени

обычай собираться вмѣстѣ въ лѣтніе мѣсяцы и жить общей жизнью, вспоминая короткій періодъ существованія Брукской фермы.

Брукская ферма была центромъ всего фурьеристскаго движенія во всей Америкѣ. Въ ней издавался главный органъ американскихъ фурьеристовъ и въ ней были сосредоточены лучшія умственныя силы всего движенія. Но именно это, повидимому, и погубило дѣло. Одинъ изъ его участниковъ, докторъ Кодманъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ причины неудачи: «у насъ было достаточно философовъ, но не хватало простыхъ тружениковъ, настоящихъ рабочихъ и хорошихъ хозяевъ. Что же было дѣлать? Пустить въ свою среду обыденныхъ людей, способныхъ дѣлать сапоги и шить платье, работать рубанкомъ и пилой, вообще могущихъ съ успѣхомъ исполнять физическія работы, но никогда не читавшихъ Шиллера и Гете, а даже, быть можетъ, и Шекспира, Скотта или Бернса, не интересующихся чтеніемъ и философiей?»

Хотя хозяйственные дѣла общины шли плохо, тѣмъ не менѣе она долго не распадалась—очевидно, потому, что члены ея находили въ совмѣстной жизни и работѣ удовлетвореніе своимъ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Крушеніе ея было вызвано внѣшнимъ, случайнымъ несчастіемъ—пожаромъ ея центральнаго зданія, «соціальнаго дворца», который строили въ теченіе двухъ лѣтъ и съ окончаніемъ постройки котораго связывались всѣ надежды общинниковъ. Дворецъ неожиданно погибъ въ пламени, и это несчастіе оказалось роковымъ; спустя полгода Брукская ферма распалась.

Норттатмптонская ассоціація просуществовала также нѣсколько лѣтъ. Большинство ея членовъ принадлежало, какъ и въ Брукской фермѣ, къ людямъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ. Причина крушенія этой общины, по мнѣнію ея основателя, Самуэля Гилля, заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, которыми она располагала.

Висконсинская фаланга (180 членовъ) просуществовала столько же времени, какъ и Брукская ферма. Но, въ отличіе отъ этой послѣдней, Висконсинская фаланга состояла преимущественно или даже исключительно изъ лицъ рабочаго класса. Она владѣла превосходнымъ имѣніемъ въ 1800 акровъ на правахъ полной собственности. Ея внутренняя организація не представляетъ никакихъ существенныхъ уклоненій отъ обычнаго типа американскихъ фурьеристскихъ общинъ: такая же равная оплата труда и сво-

бода расходованія заработанныхъ денегъ. Что касается исторіи этой фаланги, то она характеризовалась совершенно исключительнымъ хозяйственнымъ успѣхомъ, очевидно, благодаря составу членовъ этой фаланги. Она не только исправно платила по всѣмъ обязательствамъ, но и при ликвидаціи уплатила всѣмъ своимъ пайщикамъ на 8% больше внесеннаго ими пая. Такимъ образомъ, о хозяйственномъ неуспѣхѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Почему же она все-таки пала? Вотъ что говоритъ по этому поводу ея основатель, Уоренъ Чезъ. «Причины крушенія были общественнаго характера. Мы не могли сдѣлать жизни въ общинѣ достаточно привлекательной. Многіе думали, что внѣ общины могутъ достигнуть большаго. Мы не могли побудить другихъ лицъ со средствами примкнуть къ намъ и пріобрѣсти паи тѣхъ членовъ, которые хотѣли уйти, и, въ концѣ-концовъ, недовольные получили большинство и вотировали прекращеніе ассоціаціи».

Всего дольше просуществовала Сѣверо-американская фаланга (112 членовъ). Эта община была наилучше организованной среди всѣхъ американскихъ фалангъ. Между прочимъ, обращаетъ вниманіе характеръ вознагражденія въ ней труда. Различные роды труда оплачивались не одинаково (въ противность большинству другихъ фалангъ),—трудъ оплачивался тѣмъ выше, чѣмъ онъ менѣе былъ пріятенъ. Такъ, напр., кирпичники получали десять центовъ въ часъ, земледѣльцы—восемь центовъ, прислужники и врачъ—только шесть съ четвертью центовъ. Кромѣ этой платы, полагалось добавочное вознагражденіе за особое искусство или талантъ; поэтому руководители извѣстными отраслями хозяйства получали добавочное вознагражденіе—пять центовъ въ день. Исчисленная такимъ путемъ заработная плата колебалась между шестью и десятью центами въ часъ, при чемъ 10 центовъ считалось максимумомъ.

Продолжительность труда предоставлялась усмотрѣнію каждаго, такъ же какъ и выборъ занятія. Въ концѣ года разверстывался между участниками дѣла общій избыточный доходъ, при чемъ на долю труда приходилось въ среднемъ около 13 долларовъ, а капиталъ оплачивался приблизительно 5%.

Жизнь въ общинѣ обходилась очень дешево. Обѣды отмѣчались по книжкѣ и къ концу каждаго мѣсяца дѣлался подсчетъ.

Община выстроила огромный домъ, въ которомъ свободно размѣстились ея члены. Этотъ домъ представлялъ собой нѣкоторое подобіе фаланстера, о которомъ мечталъ Фурье. Конечно, «соціальный дворецъ» Сѣверо-американской фаланги не отличался пышностью и великолѣпіемъ своего образца. Но все же это было обширное трехъэтажное зданіе изъ двухъ сходящихся подъ прямымъ угломъ корпусовъ, каждый свыше 20 саженей длиной. Комнаты въ «соціальномъ дворцѣ» были просторны, свѣтлы и изящно убраны: особенно внушительное впечатлѣніе производила огромная главная зала. «Соціальный дворецъ» былъ окруженъ цвѣтниками и вьющимся виноградомъ. Немного поодаль были аллеи съ тѣнистыми деревьями. Поблизости располагались и два плодовыхъ сада. Неподалеку протекала рѣка, по берегамъ которой были также разбиты аллеи; на этой же рѣкѣ была построена мельница, работавшая съ большимъ успѣхомъ и покрывшая своими доходами большую часть расходовъ общины.

Главнымъ занятіемъ членовъ фаланги было земледѣліе и садоводство. Фаланга производила значительное количество фруктовъ, находившихъ хорошій сбытъ въ Нью-Іоркѣ.

Жизнь въ фалангѣ протекала настолько пріятно, что, по словамъ позднѣйшаго издателя New-Iork Tribune, Микера, посѣтившаго поселеніе, образовавшееся на мѣстѣ фаланги послѣ ея распаденія, и бесѣдовавшаго со многими ея бывшими членами, «послѣдніе считали время, проведенное въ фалангѣ, счастливѣйшимъ временемъ своей жизни».

Община располагала живописнымъ и очень плодороднымъ участкомъ земли въ 700 акровъ въ 40 миляхъ отъ Нью-Іорка. Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла несомнѣнный успѣхъ, хотя и не столь значительный, какъ Висконсинская фаланга. Она уплачивала исправно отъ 4,4 до 5,6% на паевой капиталъ и должную заработную плату всѣмъ своимъ членамъ, а также и постороннимъ рабочимъ, которые иногда, при особомъ скопленіи работы, привлекались къ разнаго рода хозяйственнымъ операціямъ на ряду съ членами.

Однако, въ концѣ-концовъ, рухнула и эта фаланга. Дѣла ея шли такъ же удачно, какъ и раньше, и ничто не предвѣщало ея близкаго конца. Но вотъ осенью 1854 г. происходитъ пожаръ на мельницѣ. Пожаръ этотъ отнюдь не могъ считаться непоправи-

мымъ несчастіемъ, такъ какъ Грили предложилъ ссудить сумму, нужную для возобновленія мельницы. Было назначено общее собраніе членовъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ постройкой новой мельницы. На этомъ собраніи, совершенно неожиданно для большинства присутствовавшихъ, такъ сказать, самъ собой, возникъ новый вопросъ: не нужно ли, вмѣсто постройки новой мельницы, ликвидировать все дѣло, и ливидація была рѣшена, къ общему изумленію, огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Очевидно, дѣло было не въ случайномъ внѣшнемъ несчастіи, а въ чемъ-то иномъ. Въ чемъ же? Почему пала «Сѣверо-американская фаланга», какъ и «Висконсинская фаланга» и всѣ прочія организаціи того же рода?

Болѣе глубокія причины неудачи подобныхъ организацій коренятся вовсе не въ невозможности ихъ хозяйственнаго успѣха. Напротивъ, исторія Висконсинской и Сѣверо-американской фалангъ говоритъ обратное: какъ хозяйственныя организаціи, онѣ оказались вполнѣ жизнеспособны.

Онѣ погибли потому, что не было достаточнаго основанія для продолженія ихъ существованія. Члены колоніи могли съ такимъ же успѣхомъ заработать нужное для жизни, оставаясь членами общины, какъ и внѣ ея, на сторонѣ. То скромное довольство, которое обезпечивали общины своимъ членамъ, доступно въ Америкѣ каждому хорошему работнику при обычныхъ условіяхъ труда. А такъ какъ въ составъ организацій разсматриваемаго рода обычно входятъ люди незаурядные, съ большей чѣмъ обычно иниціативой и предприимчивостью, то ясно, что съ чисто-хозяйственной стороны даже самая успѣшная фаланга не заключала въ себѣ ничего, что могло бы заставить дорожить ею человѣка способнаго, съ головой на плечахъ и умѣющаго работать.

Если Сѣверо-американская фаланга такъ долго была дорога ея членамъ, то не потому, что внѣ ея общинникамъ угрожали лишенія. Члены фаланги видѣли въ ней зарю новаго соціальнаго будущаго, соціальную организацію, долженствующую преобразовать міръ и перестроить современное общество на новыхъ началахъ. Именно во имя этой вѣры люди устраивали фаланги, а вовсе не во имя своего хозяйственнаго благополучія.

Когда эта вѣра исчезла, когда опытъ показалъ, что фаланги не размножаются, не вытѣсняютъ господствующихъ капиталисти-

ческихъ организацій, а въ лучшемъ случаѣ только отстаиваютъ съ большимъ трудомъ свое существованіе, тогда продолженіе существованія фаланги утрачивало свой прежній смыслъ. Для чего жить въ фалангѣ, когда можно существовать и внѣ ея, должны были говорить себѣ ея члены и не могли не притти къ рѣшенію, что самое простое—разойтись въ разныя стороны.

И они расходились, даже въ томъ случаѣ, когда община имѣла хозяйственный успѣхъ, доказывая этимъ, что вовсе не хозяйственные интересы объединяютъ участниковъ подобныхъ организацій.

IV.

Наибольшую устойчивость среди всѣхъ общинъ, связанныхъ съ пропагандой, такъ называемаго, утопическаго соціализма, проявила община «Икарійцевъ», послѣдователей Кабэ.

Кабэ былъ такимъ же врагомъ соціальной революціи и насилія, какъ и другіе соціалисты первой половины 19 вѣка.

Весьма интересно, что въ своемъ главномъ произведеніи, знаменитомъ романѣ «Путешествіе въ Икарію», Кабэ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ частичныхъ попытокъ осуществленія коммунистическаго строя, которыя, по его мнѣнію, «не могутъ принести существенной пользы, но неудача которыхъ, почти несомнѣнная, можетъ принести много вреда. Нуженъ только прозелитизмъ, ничего, кромѣ прозелитизма, пока вся масса народа не выскажется за принципы коммунизма!»

Высказываясь противъ частичныхъ соціальныхъ опытовъ, Кабэ былъ вѣренъ своей доктринѣ централистическаго коммунизма. Для Фурье и Оуэна соціалистическая организація труда укладывалась въ предѣлы отдѣльной общины; Кабэ же представлялъ себѣ коммунизмъ не иначе, какъ въ рамкахъ цѣлаго государства. И потому онъ не долженъ былъ ожидать ничего хорошаго отъ попытокъ созданія коммунистическаго общества въ небольшихъ размѣрахъ.

Но, очевидно, такія попытки лежали въ условіяхъ соціалистическаго движенія той эпохи. И Кабэ не долго устоялъ на своей теоретической позиціи. Его пропаганда имѣла во Франціи огромный успѣхъ; во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ страны были кружки его сторонниковъ, которые организовывали курсы и лекціи ком-

мунизма, распространяли коммунистическую литературу и энергично вербовали новыхъ адептовъ. Кабэ утверждалъ, что число послѣднихъ достигло во Франціи передъ февральской революціей 400 тысячъ душъ. Этотъ успѣхъ вскружилъ голову автору «Икаріи», и въ 1847 г. онъ выпустилъ призывъ къ икарійцамъ приступить къ осуществленію коммунистическаго общества. «Идемъ въ Икарію!» провозглашалъ онъ въ горячихъ, воодушевленныхъ словахъ, указывая, что «Икарія» лежитъ совсѣмъ близко—въ безконечныхъ степяхъ въ то время почти совсѣмъ незаселеннаго Техаса.

Первый авангардъ икарійцевъ отплылъ въ Америку за три недѣли до февральской революціи. Хотя взрывъ революціи отвлекъ вниманіе соціалистически настроенныхъ рабочихъ Франціи отъ предпріятія Кабэ, тѣмъ не менѣе нѣсколько сотъ энтузіастовъ коммунизма переплыло океанъ и основало, несмотря на разнообразныя препятствія и затрудненія, коммунистическую общину. Кабэ былъ въ ихъ числѣ.

Первое время икарійцы испытывали большія лишенія, и, конечно, ихъ прежняя жизнь на покинутой родинѣ была обставлена большимъ комфортомъ и удобствомъ. Но, мало-по-малу, имъ удалось достигнуть извѣстнаго благосостоянія. Икарійская община напоминала собой, по описаніямъ посѣтителей, монастырь, гдѣ царило, правда, самое строгое равенство, но вмѣстѣ съ тѣмъ царила скука и однообразіе монастырской жизни.

Черезъ нѣсколько лѣтъ община распалась въ силу внутреннихъ раздоровъ. Кабэ и меньшинство, оставшееся ему вѣрнымъ, были исключены изъ колоніи. Вскорѣ послѣ этого Кабэ умеръ, но колонія продолжала жить. Меньшинство, выдѣлившееся изъ колоніи, попыталось основать новую общину, которая вначалѣ имѣла успѣхъ, но въ концѣ-концовъ тоже распалась. Первоначальная колонія вскорѣ послѣ раскола переселилась на новое мѣсто, въ штатъ Айова, и устроилась среди дѣвственныхъ лѣсовъ, вдали отъ всякихъ населенныхъ пунктовъ. Какъ хозяйственное предпріятіе, община имѣла успѣхъ. Въ 1876 г., въ составѣ 75 членовъ, она уже располагаетъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ цѣнностью около 1 милліона франковъ.

Вотъ такъ описывалъ эту общину одинъ изъ ея посѣтителей.

«Передо мной была дюжина уютныхъ домиковъ, расположенныхъ по квадрату; посрединѣ большое центральное зданіе съ общей

кухней и общей столовой, служащей также заломъ для собраній, увеселеній и театральныхъ представленій; неподалеку—пекарня и прачечная, и многочисленные бревенчатые домики, напоминавшіе о прежней скудной жизни общины. Какъ только раздается ударъ колокола, всѣ спѣшатъ въ столовую, въ которой собираются всѣ 75 членовъ общины, размѣщающіеся вокругъ круглыхъ столиковъ съ чисто французскимъ весельемъ. Надъ дверями написано большими буквами «равенство», на противоположной стѣнѣ—«свобода». Пища сытная и здоровая, но крайне простая. Вечеромъ большинство семействъ собирается опять въ томъ же помѣщеніи, гдѣ болтаютъ, поютъ и играютъ на разныхъ инструментахъ. Всего интереснѣе побывать въ воскресенье вечеромъ. Тогда читаютъ избранныя мѣста изъ сочиненій великаго икарійскаго апостола Этьенна Кабэ, поютъ пѣсни и молодые люди говорятъ рѣчи, полныя энтузіазма къ соціализму».

Въ 1877 году распалась и эта колонія вслѣдствіе несогласій ея членовъ по принципіальному вопросу о допустимости частной собственности въ предѣлахъ общины. Одна часть общины высказалась въ пользу такой допустимости и основала «Новую Икарію», число членовъ которой достигло въ 1884 г. 34 человѣкъ. Община эта пользовалась извѣстнымъ довольствомъ, но ея члены почти превратились въ обыкновенныхъ американскихъ фермеровъ. Другая болѣе радикально настроенная часть колоніи переселилась въ Калифорнію и также вначалѣ достигла большого хозяйственнаго успѣха. Въ 1884 году въ ней числилось 52 члена, а имущество колоніи оцѣнивалось въ 60 тыс. долларовъ. Но и эта община отказалась отъ строгаго коммунизма; кромѣ того, она допустила наемный трудъ. Въ концѣ-концовъ она распалась.

«Новая Икарія» просуществовала до 1895 г., когда, по единогласному рѣшенію ея членовъ, община была объявлена прекратившейся.

Такимъ образомъ, икарійская община просуществовала, несмотря на многочисленные расколы, почти полстолѣтія. Это лучше всего доказываетъ, что икарійцы, вышедшіе изъ Франціи, обладали дѣйствительно выдающимися моральными качествами и отнюдь не были людьми, ищущими только новизны, не боялись лишеній и сумѣли безъ значительной поддержки со стороны завоевать трудомъ своихъ рукъ извѣстный хозяйственный достатокъ.

Но какъ скромны были, въ сущности, достигнутые ими хозяйственные результаты! Въ концѣ-концовъ они добились не большаго, чѣмъ то, чего достигаетъ всякій заурядный здоровый американскій фермеръ.

Въ своемъ коммунистическомъ романѣ Кабэ рисовалъ яркія картины пышности и великолѣпія жизни въ будущемъ коммунистическомъ государствѣ, какъ оно представлялось его воображенію. Реальная «Икарія» въ лучшіе годы своего существованія была иной: нѣсколько скромныхъ домиковъ, простая одежда, грубая пища, умѣренный достатокъ и полное отсутствіе какого бы то ни было блеска и какой бы то ни было роскоши. Сосѣди могли относиться къ икарійцамъ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ людямъ честнымъ и преданнымъ своему идеалу, но зависти икарійцы внушать не могли и учиться у нихъ было нечему.

Экономическія выгоды соціалистической организаціи труда и потребленія въ предѣлахъ небольшой общины далеко не такъ велики, какъ это представляли себѣ ранніе соціалисты. Въ такой общинѣ невозможно ни значительное раздѣленіе труда, ни крупное производство въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Отдѣльная соціалистическая община не можетъ быть далѣе самоудовлетворящимся замкнутымъ хозяйственнымъ міромъ: она неизбѣжно должна находиться въ мѣновыхъ отношеніяхъ съ окружающимъ ее капиталистическимъ міромъ, составлять клѣточку капиталистическаго организма. Соціалистическая община находится въ такой же зависимости отъ рынка, какъ и всякое другое хозяйственное предпріятіе. Всѣ случайности рынка, колебанія цѣнъ товаровъ, разстройства торговаго оборота, промышленные кризисы и другія разрушительныя силы капитализма должны такъ же тяжело поражать коммунистическую общину, какъ и любую акціонерную компанію. Оставаясь коммунистической въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, такая община въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ является товарно-хозяйственнымъ предпріятіемъ, какъ и всѣ остальныя. Соціалистическая организація можетъ развить всѣ присущія ей громадныя производительныя силы только въ томъ случаѣ, если она возникнетъ въ крупныхъ рамкахъ современнаго государства. Этого не понимали ранніе соціалисты, и въ этомъ была ихъ основная ошибка.

Небольшая соціалистическая община вполнѣ осуществима, какъ

хозяйственная организація, даже въ предѣлахъ современной капиталистической системы. Но такъ какъ значительнаго повышенія производительности труда, сравнительно съ обычнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ, она не обѣщаетъ, то, съ чисто-хозяйственной стороны, она не имѣетъ достаточно крупныхъ преимуществъ сравнительно съ существующими обычными формами предпріятій и потому не обладаетъ силой вытѣснять эти послѣднія и, замѣщая ихъ, преобразовывать современный капиталистическій строй.

V.

Если икарійскія общины просуществовали около полустолѣтія, то мы знаемъ примѣры еще гораздо болѣе успѣшныхъ соціалистическихъ организацій. Правда, эти болѣе успѣшныя организаціи возникли на совершенно иной основѣ, чѣмъ икарійскія общины или вообще какія бы то ни было общины, связанныя съ современнымъ соціалистическимъ движеніемъ.

Уже много разъ указывалось въ литературѣ, что всѣ вполнѣ успѣшныя соціалистическія общины неизмѣнно были основаны на религіозной связи ихъ членовъ. Въ этомъ указаніи есть доля вѣрнаго и невѣрнаго. Совершенно вѣрно, что во всѣхъ случаяхъ, когда соціалистическая организація хозяйства вполнѣ упрочилась въ извѣстной общественной средѣ, эта среда всегда оказывалась связанной не только хозяйственными, но и морально-религіозными узами. Невѣрно, однако, будто во всѣхъ этихъ случаяхъ религіозные интересы стояли на первомъ планѣ, а хозяйственные только сопутствовали имъ, не играя самостоятельной роли, какъ это мы видимъ, напр., въ коммунистическомъ хозяйствѣ монастыря. Монастыри представляютъ собой уже издавна хорошо извѣстный типъ коммунистической организаціи, которая, конечно, никакого мѣста въ исторіи соціализма играть не можетъ по той причинѣ, что основная цѣль монастырской организаціи ничего общаго съ хозяйствомъ не имѣетъ.

Религіозный интересъ объединяетъ людей въ монастырѣ, и если монастырь является въ то же время извѣстной хозяйственной организаціей, то только потому, что внѣ хозяйства вообще жизнь невозможна. Каковъ бы ни былъ строй хозяйства въ монастырѣ,

этотъ строй опредѣляется не хозяйственными интересами членовъ данной организаціи, а соображеніями иного порядка. Успѣхъ коммунистической организаціи хозяйства въ такой средѣ не даетъ никакихъ указаній относительно жизнеспособности ея въ средѣ, для которой религіозные интересы отнюдь не являются преобладающими.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнить значеніе хозяйственныхъ успѣховъ соціалистическихъ общинъ, возникшихъ на религіозной почвѣ, но отнюдь не имѣвшихъ и не имѣющихъ монастырскаго характера. Въ монастырѣ мы видимъ подборъ людей съ особенно сильными религіозными интересами, настолько сильными, что цѣли личнаго благополучія отступаютъ на задній планъ. Религіозныя же общины, о которыхъ будетъ итти рѣчь, представляютъ собой собранія людей, у которыхъ религіозные интересы хотя и сильнѣе, чѣмъ у обычнаго средняго человѣка (что доказывается самымъ фактомъ выдѣленія данной группы людей въ особую религіозную общину), но все же не настолько сильны, чтобы уничтожить обычные мотивы человѣческаго поведенія. При самомъ возникновеніи этихъ общинъ, несомнѣнно, происходитъ извѣстный подборъ людей опредѣленныхъ (и сильныхъ) религіозныхъ интересовъ. Но въ дальнѣйшемъ существованіи общины этотъ подборъ долженъ, по необходимости прекратиться, если только въ ней существуетъ бракъ и семья, и община пополняется новыми, родившимися въ ея средѣ, членами. Эти новыя поколѣнія являются членами общины по рожденію, а не по искусственному подбору, и въ этомъ существенное различіе такихъ общинъ отъ религіозныхъ организацій, слагающихся изъ людей, сблизившихся между собой на почвѣ религіознаго интереса.

Самымъ выдающимся примѣромъ коммунистической организаціи, объединяющей людей опредѣленной религіозной секты, но существующей уже много десятилѣтій въ составѣ тѣхъ же семей и ихъ потомства, является знаменитая американская коммунистическая община Амана. Исторія ея такова.

Еще въ началѣ XVIII вѣка въ Германіи возникла секта, къ числу вѣрованій которой принадлежало и то, что Богъ посылаетъ отъ времени до времени особыхъ пророковъ, являющихся носителями божественнаго вдохновенія и обладающихъ поэтому боже-

ственнымъ авторитетомъ. Основатели секты признавались ихъ последователями именно такими пророками. Секта вызвала много гоненій вслѣдствіе столкновеній ея съ мѣстными религіозными властями, а также и вслѣдствіе ея стремленія привести весь строй своей жизни въ соотвѣтствіе съ евангельскимъ идеаломъ. Тѣмъ не менѣе ни къ какой коммунистической организаціи секта первоначально не стремилась, хотя и признавала необходимость широкой благотворительности и взаимопомощи. Преслѣдованія привели къ болѣе тѣсному сплоченію между собой членовъ секты. Необходимость переселенія нѣкоторыхъ ея членовъ изъ ихъ родныхъ мѣстъ привела къ тому, что въ сектѣ возникла первая коммунистическая организація—общее веденіе хозяйства на арендованномъ земельномъ участкѣ и устройство за общій счетъ нѣсколькихъ ткацкихъ мастерскихъ, съ цѣлью обезпеченія существованія тѣмъ членамъ секты, которые не имѣли иного заработка.

Однако, на своей родинѣ секта не могла создать для себя сносныхъ условій существованія. Сама собой возникла мысль о переселеніи въ Новый Свѣтъ, которая и получила осуществленіе въ 1842 году.

Всего изъ Германіи переселилось около тысячи членовъ секты. Въ Америкѣ хозяйство всей общины было съ самаго начала организовано на коммунистическихъ началахъ: община пріобрѣла за общій счетъ обширный участокъ земли, на которомъ и организовала общее производство и потребленіе. Первоначально купленный участокъ земли пришлось перепродать, и, въ концѣ-концовъ, община прочно устроилась въ штатѣ Айова, гдѣ она существуетъ и въ настоящее время.

Община Амана владѣетъ теперь земельной площадью свыше 26 тысячъ акровъ. Число членовъ ея правильно увеличивается, хотя не быстро. Вотъ соотвѣтствующія данныя:

1871 г.	1466	членовъ.
1881 „	1521	„
1891 „	1688	„
1901 „	1767	„

Увеличеніе числа членовъ происходитъ путемъ естественнаго прироста. Бросается въ глаза медленный темпъ этого прироста— за послѣднее десятилѣтіе приростъ не достигъ и пяти процентовъ. Повидимому, это объясняется очень большимъ процентомъ въ со-

ставѣ населенія лицъ преклоннаго возраста. По этому поводу извѣстный экономистъ Лифманъ, лично посѣтившій Аману, равно какъ и другія религіозныя общины коммунистическаго характера въ Америкѣ, замѣчаетъ, что ему бросились въ глаза долговѣчность членовъ коммунистическихъ колоній. Въ Аманѣ онъ нашелъ 37 стариковъ свыше восьмидесяти лѣтъ.

Община состоитъ изъ 7 деревень, изъ которыхъ каждая имѣетъ особый отель для посѣтителей со стороны. Отели эти далеко не пустуютъ, такъ какъ община играетъ для окружающаго населенія роль курорта, куда въ лѣтнее время стекается множество гостей, привлекаемыхъ красивымъ мѣстоположеніемъ, а также дешевизной и добросовѣстностью содержанія.

Все имущество общины оцѣнено правительственными властями для налоговыхъ сборовъ въ 1901 г. въ 1.645 тысячъ долларовъ (въ 1891 г.—въ 1.320 тыс.; приростъ цѣнности зависѣлъ отъ роста цѣнности земли).

Каждая семья живетъ въ особомъ домикѣ. Какъ общее правило, браки совершаются между членами общины; случаи браковъ между членами общины и посторонними являются исключеніемъ. Столуются члены общины не дома, но въ общественныхъ столовыхъ, которыхъ въ каждой деревнѣ имѣется отъ 4 до 16. Въ этихъ столовыхъ, равно какъ и во время богослуженія и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, мужчины и женщины занимаютъ особыя мѣста. Пища, по словамъ Лифмана, не изысканная, но превосходнаго качества.

Другіе предметы потребленія (кромѣ пищи) члены общины получаютъ изъ общественныхъ магазиновъ, которыхъ имѣется по одному въ каждой деревнѣ. Никакой платы за эти предметы не производится (въ денежной формѣ), но цѣна купленнаго предмета записывается на счетъ покупателя, при чемъ каждому члену открывается опредѣленный кредитъ, не совершенно одинаковый, но измѣняющійся въ узкихъ предѣлахъ, въ соотвѣтствіи съ потребностями даннаго члена. Размѣръ кредита на одного члена колеблется между 25 и 40 долларами въ годъ. Въ предѣлахъ этого кредита каждый выбираетъ предметы потребленія совершенно свободно. Допускается и превышеніе, въ небольшихъ размѣрахъ, назначеннаго кредита. Но община разрѣшаетъ своимъ членамъ и значительно большіе расходы, когда это необходимо,—напр., при

жизни на сторонѣ для полученія образованія (нѣкоторые члены общины учились въ нью-іоркскомъ университетѣ).

Одежду женщины шьютъ для себя и своихъ дѣтей сами; для мужчинъ одежду шьютъ особые портные. Одежда мужчинъ имѣетъ обычный характеръ, но одежда женщинъ довольно своеобразна и отличается отъ общепринятой, имѣя нѣсколько монашескій характеръ. Вообще одежда и женщинъ и мужчинъ отличается крайней простотой и отсутствіемъ какихъ бы то ни было украшеній.

Лифманъ отмѣчаетъ, что общій строй жизни аманитовъ носитъ на себѣ отпечатокъ аскетическаго духа; въ общинѣ совершенно отсутствуетъ элементъ развлеченій (употребленіе музыкальныхъ инструментовъ запрещено). Однако въ настоящее время не замѣтно особенно сильнаго религіознаго чувства и воодушевленія, которыя характеризовали секту при ея возникновеніи. Главнымъ (но далеко не единственнымъ) занятіемъ жителей является земледѣліе. Часть земли сдается въ аренду, такъ какъ многіе изъ членовъ общины предпочитаютъ работу въ мастерскихъ. Большая часть наемныхъ рабочихъ общины (число доходитъ до 200) также занята въ земледѣліи.

Живой инвентарь общины довольно великъ. Община воздѣлываетъ виноградъ и приготовляетъ изъ него для своихъ надобностей вино, въ то время какъ въ окружающей мѣстности культура винограда неизвѣстна.

Однако, несмотря на то, что сельское хозяйство поглощаетъ большую часть рабочихъ силъ общины, большую часть своихъ доходовъ община получаетъ не изъ сельскаго хозяйства, а отъ промышленности. Община имѣетъ свои мельницы, кузницы, мыловаренные заводы, суконную и ситцепечатную фабрики. На суконной фабрикѣ работаетъ 125 человѣкъ, въ томъ числѣ 16—18 не-членовъ общины, на ситцепечатной 26—35 членовъ общины.

Техническое снаряженіе фабрикъ нѣсколько старомодно, но имѣются и машины самой новѣйшей конструкціи, а также машины, изобрѣтенныя членами общины, на которыя община не беретъ патентовъ, потому что не стремится извлекать изъ нихъ нетрудовой доходъ. Движущей силой всѣхъ этихъ машинъ является частью вода, частью паръ.

Лифмана поразилъ характеръ работы на этихъ фабрикахъ. Здѣсь

не было ничего похожаго на типъ обычной американской фабричной работы. Работаютъ не спѣша, съ продолжительными отдыхами и со всевозможными удобствами; вблизи мѣста работы у каждаго рабочаго имѣется удобный стулъ, чтобы посидѣть и отдохнуть. Все это производитъ на человѣка, привыкшаго къ условіямъ работы на капиталистической фабрикѣ, впечатлѣніе чего-то очень страннаго. Въ такой хозяйственной организаціи, какъ Амана, подобный характеръ работы, однако, вполнѣ естественъ и понятенъ; вѣдь аманиты работаютъ не для обогащенія капиталиста, а ради собственной пользы—для чего же имъ надрывать свои силы утомительнымъ трудомъ? Несмотря на медленность работы (или именно вслѣдствіе ея), продукты аманитскихъ фабрикъ пользуются высокой репутаціей во всей странѣ и сбываются безъ малѣйшаго затрудненія. Лифманъ считаетъ, что фабричное производство Аманы могло бы быть легко расширено въ огромныхъ размѣрахъ, если бы только община этого пожелала; но она не стремится къ богатству и не пользуется благопріятными условіями сбыта своихъ продуктовъ для расширенія ихъ производства.

Согласно утвержденному уставу Аманы, она является «религіозной общиной, преслѣдующей не земныя цѣли, а приближеніе къ божественной любви и выполненіе Божескихъ завѣтовъ». Община управляется ежегодно переизбираемыми старѣйшинами. Каждый членъ общины обязанъ при вступленіи въ нее передать ей все свое имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое. При уходѣ изъ общины онъ имѣетъ право требовать возвращенія внесеннаго имущества.

Число вновь поступающихъ въ общину членовъ невелико; почти всегда это нѣмцы изъ Германіи, а не окружающіе жители. Большинство молодежи, родившейся въ общинѣ, остается въ ней навсегда.

Хотя Амана является самой крупной изъ существующихъ коммунистическихъ общинъ, она практикуетъ коммунизмъ отнюдь не какъ средство разрѣшенія современнаго соціальнаго вопроса, а только какъ форму хозяйства, всего болѣе соотвѣтствующую духу христіанской любви. Поэтому ни къ какой пропагандѣ коммунизма Амана не стремится.

Вообще въ Аманѣ бросается въ глаза слабость интеллектуальной жизни: для всѣхъ семи деревень Аманы имѣется всего одна

общественная библіотека, и община не издаетъ ни одного періодическаго органа. Она живетъ своей собственной, замкнутой, уединенной жизнью, отнюдь не вліяя на формы быта окружающаго населенія и не стремясь къ такому вліянію. Пропагаторское вліяніе этой крупнѣйшей коммунистической организаціи міра совершенно ничтожно. Лифманъ говоритъ, что когда онъ разспрашивалъ, подъѣзжая къ Аманѣ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и случайныхъ сосѣдей по вагону объ общинѣ съ такимъ своеобразнымъ хозяйственнымъ строемъ, то никто не могъ о ней ему сообщить рѣшительно ничего. Очень характерно, что хотя аманиты живутъ въ Америкѣ уже болѣе семидесяти лѣтъ, разговорнымъ языкомъ ихъ остается нѣмецкій; характерно также и то, что аманитскія женщины носятъ и теперь еще ту самую одежду, того самаго покроя, который ихъ бабушки вывезли въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка изъ ихъ старой родины.

Тѣмъ не менѣе, хотя Амана и не является такой формой хозяйственной организаціи, которая могла бы въ какомъ бы то ни было отношеніи угрожать прочности существующаго хозяйственнаго строя, она, несомнѣнно, на опытѣ доказала свою устойчивость и жизнеспособность. Можно думать, что коммунизмъ Аманы есть окончательная форма хозяйственной жизни данной общественной группы. Въ этомъ смыслѣ опытъ Аманы весьма поучителенъ. Хозяйственный успѣхъ Аманы несомнѣненъ. Около трехсотъ семействъ Аманы располагаютъ общимъ имуществомъ цѣнностью около шести тысячъ долларовъ на семью и около 85 акровъ земли на семью. Если бы это имущество и эта земля были раздѣлены между отдѣльными семьями въ частную собственность, то, вѣроятно, хозяйственное положеніе членовъ данной общины испытало бы ухудшеніе.

Но, съ другой стороны, преимущества коммунистической организаціи въ рамкахъ Аманы не могутъ считаться и особенно значительными. Амана обезпечила своимъ сочленамъ хозяйственный достатокъ—не болѣе. Возможно, что скромность достигнутыхъ хозяйственныхъ результатовъ объясняется тѣмъ, что данная община и не стремится ни къ чему большему. Ставя на первый планъ въ своемъ уставѣ религіозно-нравственныя цѣли, община не ищетъ богатства; не удивительно, что она этого богатства и не имѣетъ.

Мы знаемъ, однако, примѣры коммунистическихъ организацій,

просуществовавшихъ еще гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ Амана. Въ коллективномъ трудѣ германскихъ соціалистовъ «Исторія соціализма», подъ редакціей Каутскаго, имѣется обширная статья самого Каутскаго, посвященная исторіи самой крупной коммунистической организаціи, которую знала исторія: такъ называемымъ моравскимъ или гутеровскимъ братствамъ перекрещенцевъ. Каждое изъ такихъ братствъ представляло собой коммунистическую общину крупныхъ размѣровъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, занимавшуюся преимущественно промышленной дѣятельностью. Общее число членовъ этихъ общинъ достигало въ періодъ ихъ наибольшаго расцвѣта шестидесяти тысячъ и болѣе. Общины эти производили въ большихъ размѣрахъ разнаго рода промышленныя издѣлія для сбыта на широкомъ рынкѣ, и издѣлія ихъ славились во всей Германіи. Въ такомъ видѣ общины эти просуществовали около полутораста лѣтъ и только въ половинѣ XVIII вѣка распались, подъ вліяніемъ причинъ чисто внѣшняго характера; перекрещенцы были изгнаны изъ предѣловъ Австріи, переселились въ Турцію, и слѣдъ ихъ затерялся. Дальнѣйшая судьба ихъ до послѣдняго времени была неизвѣстна, и Каутскій заканчиваетъ свой очеркъ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ ничего не можетъ сообщить о дальнѣйшей судьбѣ этой любопытной коммунистической организаціи.

Лифману удалось отыскать во время своей поѣздки по Америкѣ слѣды этихъ перекрещенскихъ братствъ. Оказалось, что исторія ихъ послѣ изгнанія изъ Австріи была такова. Когда они, спасаясь отъ религіозныхъ преслѣдованій, поселились въ Валахіи, то селенія ихъ оказались на пути слѣдованія русскихъ войскъ во время русско-турецкой выйны восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. Перекрещенцы обратились къ графу Румянцеву съ просьбой о переселеніи ихъ въ Россію, и онъ поселилъ ихъ въ концѣ вѣка въ Черниговской губерніи, въ своемъ селѣ Вишенькѣ.

Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка гутеровская община изъ Черниговской губ. переселилась въ Таврическую губернію и основала недалеко отъ г. Мелитополя колонію Гутерсталь. Вслѣдъ затѣмъ возникло еще нѣсколько гутеровскихъ общинъ въ Таврической и Екатеринославской губерніяхъ. Когда въ 1874 г. въ Россіи была введена всеобщая воинская повинность, гутеровцы не пожелали подчиняться новому закону, несогласному съ ихъ рели-

гіозными убѣжденіями, и предприняли новое переселеніе—на этотъ разъ въ Америку, гдѣ ихъ Лифманъ и нашелъ, въ 1908 г., въ Южной Дакотѣ.

Первоначально въ Америкѣ возникло три гутеровскихъ общины. Число членовъ въ этихъ общинахъ быстро увеличилось, и въ 1908 г. въ Южной Дакотѣ было уже 12 гутеровскихъ общинъ, съ 1300 членами.

По словамъ Лифмана, посѣщенныя имъ гутеровскія общины живутъ въ настоящее время совершенно такъ же, какъ жили перекрещенцы въ Моравіи въ началѣ XVII вѣка. Коммунизмъ гутеровскихъ общинъ является значительно болѣе полнымъ, чѣмъ въ общинѣ Амана: всѣ семьи гутеровцевъ живутъ въ общихъ домахъ и всѣ предметы потребленія у нихъ общіе. Когда ребенокъ достигаетъ двухъ съ половиной лѣтъ, онъ поступаетъ въ «малую школу»—дѣтскій садъ особаго образца, типъ котораго гутеровцы ввели у себя впервые 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ сохранили въ неизмѣнномъ видѣ. Дѣти въ этой школѣ остаются въ теченіе цѣлаго дня, подъ присмотромъ особыхъ «школьныхъ матерей» и «школьныхъ сестеръ». По достиженіи шестилѣтняго возраста дѣти поступаютъ въ «большую школу», гдѣ воспитаніе и образованіе ихъ проходитъ подъ руководствомъ особаго учителя.

Руководство дѣлами общины принадлежитъ въ религіозной области «служителю слова», въ хозяйственной области—«служителю земныхъ нуждъ». И тотъ, и другой избираются всѣми членами общины. Кромѣ того, община имѣетъ свой совѣтъ старѣйшинъ. Все это сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ со времени средневѣковья.

Религіозная книга гутеровцевъ обосновываетъ ихъ коммунизмъ ученіемъ евангелія и доказываетъ это цѣлымъ рядомъ евангельскихъ текстовъ.

Гутеровскія общины, въ противность своимъ прототипамъ XVII вѣка въ Моравіи, совершенно не занимаются промышленной дѣятельностью, а только сельскимъ хозяйствомъ. Члены общины не имѣютъ никакого частнаго денежнаго дохода (который имѣется, какъ мы видѣли, въ Аманѣ).

При вступленіи въ члены общины каждый долженъ передать ей все свое имущество, и община не возвращаетъ этого имущества при выходѣ даннаго члена изъ общины.

Въ жизни общины царитъ рѣзко выраженный аскетическій духъ. Въ ней не допускаются никакія развлеченія, даже самыя невинныя, какъ танцы. Не допускается куренія (не говоря уже объ употребленіи спиртныхъ напитковъ). Община представляетъ замкнутый въ себѣ міръ, чуждающійся всякаго общенія съ остальнымъ міромъ. Этимъ и объясняется, что гутеровскія общины такъ долго оставались неизвѣстными и не были описаны до Лифмана, хотя литература о коммунистическихъ общинахъ Америки громадна.

Хотя гутеровцы покинули свою родину уже въ началѣ XVII вѣка, когда они переселились изъ Тироля въ Моравію, и жили нѣсколько столѣтій среди народовъ, не говорящихъ по-нѣмецки (чеховъ, русскихъ и американцевъ), разговорнымъ языкомъ ихъ остался нѣмецкій, что является лучшимъ доказательствомъ изолированности ихъ отъ окружающаго населенія.

Коммунистическій строй хозяйства до такой степени вошелъ въ ихъ нравы, что они остались ему вѣрны при всѣхъ превратностяхъ ихъ судьбы. Правда, въ Россіи на продолжительное время они были вынуждены отказаться отъ коммунизма и съ 1818 до 1857 г. жили въ условіяхъ частнаго хозяйства. Но лучшимъ доказательствомъ ихъ преданности коммунизму является то, что, при первой возможности, они опять вернулись къ этому строю хозяйства и въ Америкѣ устроили свою жизнь на коммунистической основѣ. По ихъ собственнымъ словамъ, отказъ отъ коммунизма былъ для нихъ равносиленъ хозяйственному и общему упадку, а возвращеніе къ коммунизму возстановило ихъ прежнюю силу.

Итакъ, передъ нами примѣръ коммунистической организаціи, которая продержалась уже нѣсколько вѣковъ и настолько вошла въ нравы соотвѣтствующей общественной группы, что послѣдняя оказалась въ силахъ возстановить коммунистическій строй хозяйства послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій его не практиковала.

Въ виду того, что гутеровскія общины существуютъ въ формѣ коммунистической организаціи уже нѣсколько вѣковъ, нельзя думать, чтобы основой ихъ коммунизма была исключительная религіозность членовъ этихъ общинъ. Религіозное воодушевленіе не могло бы держаться въ теченіе столь продолжительнаго времени, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ всякія религіозныя преслѣдованія этихъ общинъ прекратились. Скорѣе, наоборотъ, именно

коммунистическая организація и вытекающія изъ нея выгоды общаго веденія хозяйства поддерживаютъ въ настоящее время религіозную обособленность гутеровцевъ и изолируютъ ихъ до такой степени отъ всего окружающаго міра.

Гутеровскія общины представляютъ собой примѣръ самой продолжительной коммунистической организаціи. Гораздо менѣе удачны были другія попытки создать на религіозной основѣ коммунистическія общины, хотя такихъ попытокъ въ Америкѣ было не мало.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ организацій этого рода связана съ сектой шекеровъ. Религіозныя вѣрованія этой секты имѣютъ мистическій характеръ: ея сторонники впадаютъ отъ времени до времени въ религіозный экстазъ, сопровождаемый конвульсіями всего тѣла; у нихъ происходитъ или происходило нѣчто въ родѣ нашихъ хлыстовскихъ радѣній. Секта эта появилась въ Америкѣ въ концѣ XVIII вѣка и по религіозныхъ соображеніямъ ввела коммунистическій строй хозяйства.

Шекеры отрицаютъ бракъ и берутъ на воспитаніе дѣтей со стороны, въ разсчетѣ, что воспитанныя ими дѣти примкнутъ къ ихъ общинѣ. Въ половинѣ прошлаго вѣка шекеровъ въ Америкѣ было свыше пяти тысячъ. Въ настоящее время число ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ падаетъ, и теперь ихъ насчитывается только около 700 человѣкъ, образующихъ 15 общинъ.

Благодаря сокращенію числа шекеровъ, оставшіеся члены располагаютъ очень крупнымъ имуществомъ: по словамъ Гайндса, автора извѣстной книги объ американскихъ коммунистическихъ общинахъ, они владѣютъ въ совокупности не менѣе, чѣмъ 100 тысячами акровъ земли. При такомъ значительномъ земельномъ имуществѣ они не имѣютъ возможности сами воздѣлывать землю и сдаютъ ее преимущественно въ аренду или же обрабатываютъ ее наемнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, шекеровскія общины утратили въ настоящее время коммунистическій характеръ и, безъ сомнѣнія, по мѣрѣ дальнѣйшаго сокращенія числа шекеровъ, все болѣе и болѣе будутъ удаляться отъ своего первоначальнаго коммунистическаго идеала. Но и въ эпоху своего наибольшаго расцвѣта общины эти не представляли бы для насъ интереса, такъ какъ у шекеровъ, благодаря отсутствію брака, религіозныя задачи выступали на первый планъ и опредѣляли собой все остальное.

Изъ другихъ соціалистическихъ общинъ Америки, существующихъ въ настоящее время или существовавшихъ еще недавно, болѣе интересны общины Онейида и Пойнтъ-Лома.

Первая община особенно интересна въ томъ отношеніи, что она сдѣлала попытку создать совершенно новыя формы семьи и брака. Онейида отказалась отъ современной моногамной семьи, но не для безбрачія, а для свободныхъ соединеній мужчины и женщины по соображеніямъ улучшенія расы. Въ этихъ видахъ въ общинѣ Онейида (подобно тому, какъ это предлагалъ въ своемъ «государствѣ разума» Платонъ) каждый мужчина могъ имѣть много женъ, равно какъ каждая женщина могла имѣть много мужей, при чемъ признавались особенно желательными соединенія мужчинъ и женщинъ разныхъ возрастовъ.

Число членовъ этой общины (вмѣстѣ съ ея отдѣленіями), возникшей въ 1848 г., достигало нѣсколькихъ сотъ (въ началѣ пятидесятыхъ годовъ—около двухсотъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ—около трехсотъ). Среди общины были представители разныхъ профессій и немало людей съ высшимъ образованіемъ. Дѣти разсматривались въ ней, какъ дѣти всей общины, и мать не обладала никакими исключительными правами на своего ребенка; всѣ дѣти воспитывались сообща.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія община достигла значительнаго хозяйственнаго успѣха. Главное зданіе имѣло видъ роскошной виллы или дворца въ три этажа. Въ этомъ зданіи помѣщалась и библіотека, состоявшая больше чѣмъ изъ пяти тысячъ томовъ. Община имѣла типографію, которая выпустила рядъ цѣнныхъ изданій (между прочимъ, «Исторію американскаго соціализма», главы общины Нойеса), и въ теченіе всего времени существованія общины печатала ея періодическій органъ.

Молодежь, выросшая въ общинѣ, получала хорошее образованіе, которое заканчивалось нерѣдко въ одномъ изъ американскихъ университетовъ. Хотя въ основѣ общины и лежали религіозныя цѣли, тѣмъ не менѣе аскетическій духъ былъ ей совершенно чуждъ. Культурныя развлеченія всячески поощрялись; были особыя помѣщенія для фотографіи. Община имѣла участокъ земли на берегу близлежащаго большого озера, куда лѣтомъ переселялись члены «Онейиды» для рыбной ловли, охоты и вообще разнаго рода спорта.

Главнымъ занятіемъ общины было садоводство, тканье шелковыхъ матерій и разнаго рода слесарныя работы.

При исполненіи разнаго рода хозяйственнаго труда «Онейида» выработала особые пріемы. Такъ, для увеличенія энергіи и производительности труда община прибѣгала къ труду «роемъ»— скопленію большихъ группъ рабочихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чтобы общими силами и при наибольшемъ напряженіи силъ выполнить ту или иную трудную работу. При этомъ иногда играла музыка и пѣлись пѣсни. Одежда членовъ общины имѣла свои особенности: женщины, между прочимъ, не носили длинныхъ волосъ.

Хозяйственныя дѣла общины шли хорошо, и она имѣла бы всѣ шансы на дальнѣйшее благополучное существованіе, если бы не причины внѣшняго характера. Отношенія половъ въ Онейидѣ навлекли на нее гоненія пресвитеріанскаго духовенства. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія община отказалась отъ практиковавшейся въ ней формы брака. При этомъ первоначально имѣлось въ виду сохранить безъ всякихъ перемѣнъ общность имущества и труда. Но вскорѣ среди членовъ общины обнаружилось стремленіе вмѣстѣ съ возстановленіемъ обычной семьи перейти и къ обычнымъ формамъ собственности. Въ 1881 г. «Онейида», просуществовавшая въ формѣ коммунистической общины 33 года, была преобразована въ акціонерную компанію.

Эта компанія въ финансовомъ отношеніи имѣла полный успѣхъ. Капиталъ ея, при ея возникновеніи, былъ опредѣленъ въ 600 тысячъ долларовъ. Въ настоящее время во главѣ ея стоитъ Гайндсъ, авторъ лучшаго труда по исторіи американскихъ коммунистическихъ общинъ.

Кое-что изъ прежняго духа сохранилось и въ преобразованной «Онейидѣ», которая является въ настоящее время сложной организаціей, отчасти капиталистической, отчасти кооперативной. Въ 1907 г. капиталъ ея достигалъ уже 1.312 тыс. долларовъ, т.-е. съ 1881 г. увеличился болѣе, чѣмъ вдвое. Компанія имѣетъ до двухъ тысячъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ въ разнообразныхъ предпріятіяхъ, начатыхъ прежней общиной и продолжающихся съ полнымъ финансовымъ успѣхомъ. Достаточно сказать, что общая стоимость проданныхъ компаніей продуктовъ достигла въ 1906 г. почти двухъ съ половиной милліоновъ долларовъ. Но,

конечно, въ современномъ видѣ «Онейида» уже не является коммунистической общиной, и успѣхъ ея интересенъ лишь въ томъ отношеніи, что онъ свидѣтельствуетъ о здоровыхъ хозяйственныхъ основахъ прежней общины, передавшей новой компаніи свои хозяйственныя постройки, имущество и начатыя предпріятія.

Община Пойнтъ-Лома является центромъ всемірной теософической организаціи.

При помощи обширныхъ денежныхъ средствъ, которыми располагаетъ теософическое братство, было воздвигнуто громадное зданіе, представляющее собой, судя по фотографіямъ, настоящій дворецъ причудливой архитектуры, къ которому примыкаетъ цѣлый рядъ другихъ построекъ въ томъ же родѣ. Въ этихъ зданіяхъ живутъ около 200 взрослыхъ членовъ общины и около 300 воспитываемыхъ ими дѣтей. Къ общинѣ принадлежитъ много образованныхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большое личное состояніе. Никто не получаетъ въ общинѣ никакого вознагражденія за свой трудъ, а только участвуетъ въ общемъ потребленіи.

По словамъ Лифмана, во время его посѣщенія этой общины привратникомъ главнаго зданія былъ извѣстный скрипачъ; въ общинной работѣ принимали участіе одинъ милліонеръ изъ Питтсбурга, вмѣстѣ со своей дочерью, одинъ генералъ со всей своей семьей, нѣсколько писателей и живописцевъ.

Постройки Пойнтъ-Ломы, обошедшіяся болѣе чѣмъ въ милліонъ долларовъ, были возведены при помощи наемныхъ рабочихъ, но въ настоящее время всѣ работы въ общинѣ исполняются самими ея членами.

Цѣли общины, которая, какъ сказано, располагаетъ крупными капиталами, имѣютъ всецѣло религіозно-этическій характеръ. Община отнюдь не требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они передавали ей свое имущество, но многіе изъ нихъ добровольно жертвуютъ ей значительныя денежныя средства или щедро оплачиваютъ свою жизнь въ общинѣ. Съ другой стороны, многіе живутъ въ Пойнтъ-Ломѣ на средства общины. Такимъ образомъ, Пойнтъ-Лома является не столько коммунистической общиной, сколько культурнымъ и просвѣтительнымъ филантропическимъ учрежденіемъ, въ задачи котораго входитъ нравственное воспитаніе человѣка путемъ пріученія его къ физическому труду.

За послѣднее время стремленіе къ устройству разнаго рода об-

щинъ, вполнѣ или отчасти соціалистическаго характера, очень возросло, и въ Америкѣ возникло такихъ общинъ не мало. Быть можетъ, среди русскихъ духоборовъ въ Канадѣ съ теченіемъ времени образуется самая крупная коммунистическая организація новаго времени. Гайндсъ сообщаетъ о многихъ подобныхъ общинахъ, существующихъ въ настоящее время,—напримѣръ, объ общинѣ въ Колорадо, капиталъ которой въ 1906 г. опредѣлялся въ 300 тысячъ долларовъ, при 400 членахъ, о соціалистической фермѣ въ окрестностяхъ Бостона, съ 40 членами, о колоніи Эстеро секты «корешанцевъ» съ нѣсколькими сотнями членовъ и т. д. и т. д.

VI.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что соціалистическія общины являются организаціями для немногихъ избранныхъ—для людей совершенно необычнаго душевнаго склада. Отнюдь не хозяйственный интересъ побуждаетъ людей создавать общины такого рода, а высшіе моральные или общественные интересы. Въ настоящее время врядъ ли кто думаетъ, что соціалистическія общины могутъ разрушить капиталистическую систему хозяйства и замѣнить собой капиталистическія предпріятія. Тѣмъ не менѣе такія общины возникаютъ и въ наше время и даже, повидимому, въ большемъ числѣ, чѣмъ раньше. Объясняется это тѣмъ, что растущее сознаніе несправедливости капиталистической системы хозяйства дѣлаетъ все болѣе и болѣе невыносимымъ для людей съ чуткой совѣстью жизнь въ условіяхъ этого хозяйства. Вотъ почему отдѣльныя лица съ сильными моральными интересами обнаруживаютъ все больше и больше стремленія создать для себя такую обстановку жизни, при которой собственное благополучіе не основывалось бы на эксплоатаціи другого человѣка.

Организаціи подобнаго рода (которыя имѣются и въ Россіи,—напримѣръ, просуществовавшая свыше 25 лѣтъ извѣстная колонія «Криница» на Кавказѣ) могутъ существовать только при наличности у членовъ очень сильныхъ нравственныхъ интересовъ. Именно поэтому это—организаціи для немногихъ. Въ хозяйственной жизни современности онѣ никакой существенной роли не играютъ и, безъ сомнѣнія, еще долгое время не будутъ играть.

Но отсюда не нужно дѣлать вывода, что организаціи такого рода вообще никакого общественнаго значенія не имѣютъ. Напротивъ, нельзя считать ошибкой общественнаго мнѣнія тотъ пристальный интересъ, съ которымъ общество относится къ подобнымъ попыткамъ построить свою жизнь на совершенно новыхъ хозяйственныхъ основахъ.

Попытки эти образуютъ собой важную и многозначительную страницу, но не въ экономической исторіи человѣчества, а въ исторіи его моральныхъ исканій. Люди высокаго моральнаго уровня не могутъ не стремиться къ созданію такихъ условій жизни, при которыхъ имъ не приходилось бы жертвовать своими моральными идеалами въ борьбѣ за существованіе. Колонія, основанная на общности труда и общемъ владѣніи средствами производства, даетъ возможность жить трудами своихъ рукъ и въ то же время удовлетворять своимъ культурнымъ потребностямъ. Вотъ почему, несмотря на огромныя трудности осуществленія такой колоніи (трудности заключаются преимущественно въ рѣдкости людей того душевнаго склада, который требуется для успѣха колоніи), такія колоніи отъ времени до времени возникаютъ. Ихъ немного, но значеніе ихъ измѣряется не ихъ хозяйственными результатами. Примѣръ небольшой кучки участниковъ такихъ общинъ дѣйствуетъ ободряюще и освѣжающе на остальное человѣчество, доказывая, что есть люди, способные къ смѣлому соціальному творчеству во имя высокаго моральнаго идеала. Какъ ни мало такихъ общинъ, но онѣ свѣтятъ,—и даже чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ ярче лучи, которые отъ нихъ исходятъ.

ГЛАВА III.

Соціально-экономическая природа коопераціи.

I.—Различіе кооператива и соціалистической общины. II.—Кооперативъ, какъ хозяйственное предпріятіе. III.—Различіе кооператива и капиталистическаго предпріятія. IV.—Характеръ дохода кооперативныхъ предпріятій. V.—Кооперативъ и муниципальныя предпріятія. VI.—Опредѣленіе кооператива и различіе коопераціи отъ другихъ формъ самопомощи трудящихся классовъ.

I

Кооперація возникла въ непосредственной связи съ соціалистическимъ движеніемъ, но было бы очень ошибочно смѣшивать кооперацію съ соціализмомъ. Духовный отецъ кооперативнаго движенія — Робертъ Оуэнъ — называлъ кооперативными обществами пропагандируемыя имъ коммунистическія общины. Тѣмъ не менѣе первымъ шагомъ для пониманія сущности кооператива является строгое разграниченіе послѣдняго отъ соціалистической общины.

Соціалистическія общины хотя и являются хозяйственными организаціями, но по своимъ цѣлямъ и задачамъ представляютъ собой нѣчто большее, чѣмъ эти послѣднія. Общины, возникшія подъ непосредственнымъ вліяніемъ пропаганды соціализма, были задуманы, какъ орудіе соціальнаго преобразованія всего человѣчества. Членами ихъ были не рядовые люди, въ жизни которыхъ хозяйственные интересы господствуютъ надъ другими, а искатели новой правды, готовые отказаться отъ самыхъ очевидныхъ хозяйственныхъ выгодъ, если это требуется соціальнымъ идеаломъ. Ихъ привлекали въ общины не хозяйственная выгода, но соображенія совсѣмъ иного рода—соціальное воодушевленіе, надежда совершить при помощи этихъ общинъ въ интересахъ всего человѣчества огромное общественное дѣло. Люди шли въ общину по мотивамъ того же рода, по которымъ другіе шли на поли-

тическую борьбу, разсчитывая преобразовать современный общественный строй и привести его въ большее соотвѣтствіе со своимъ идеаломъ добра и справедливости.

Соціалистическія общины были для немногихъ избранныхъ. Участникъ коммунистической общины долженъ совершенно забыть о личномъ обогащеніи, долженъ быть всегда готовъ отказаться отъ личной выгоды въ пользу своего товарища по общинѣ, долженъ относиться къ послѣднимъ съ такимъ же безкорыстіемъ и доброжелательствомъ, съ какимъ обычный человѣкъ можетъ относиться только къ членамъ своей семьи. Онъ долженъ быть чуждъ зависти и властолюбія, подчинять свои личные вкусы и влеченія вкусамъ и влеченіямъ своихъ товарищей по общинѣ и т. д. и т. д.

Фаланги Фурье еще глубже отличаются отъ современнаго общества, чѣмъ коммунистическія общины Оуэна. Вѣдь фаланга построена на принципѣ полной свободы страстей и отсуствіи какого бы то ни было элемента принужденія, хотя бы моральнаго. Въ фалангѣ свобода страстей приводитъ къ общей гармоніи и счастію. Но развѣ не утопична самая идея создать общество, могущее жить безъ узды нравственнаго долга? Какимъ образомъ можно достигнуть того, чтобы, съ одной стороны, каждый исполнялъ работу только по внутреннему влеченію, въ силу ея внутренней привлекательности для даннаго лица, съ другой же стороны, чтобы продукты изготовлялись именно тѣ, въ которыхъ нуждается данная община? Вѣдь привлекательность извѣстнаго труда не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи со степенью важности продукта даннаго труда для потребностей населенія. Если при выборѣ занятій каждый будетъ слѣдовать своимъ влеченіямъ, то это неизбѣжно должно привести къ тому, что продукты одного рода будутъ производиться въ избыткѣ, другихъ же будетъ произведено слишкомъ мало, и общество утратитъ хозяйственную основу своего существованія. Свобода слѣдовать при выборѣ хозяйственнаго труда своимъ влеченіямъ равносильна уничтоженію общественнаго хозяйства, предполагающаго распредѣленіе хозяйственнаго труда между различными лицами въ соотвѣтствіи не со степенью привлекательности того или иного труда, но съ размѣромъ общественной потребности въ соотвѣтствующемъ продуктѣ.

Если коммунистическія общины получили до настоящаго вре-

мени крайне ограниченное распространеніе (гутеровскія общины, и община Амана принадлежатъ къ этому типу), то общинъ типа фаланги никогда не существовало и существовать не могло, ибо устройство ихъ заключаетъ въ себѣ внутреннюю невозможность.

Правда, въ Америкѣ было не мало организацій, именовавшихъ себя фалангами, но по своему внутреннему строю организаціи эти были близки къ общинамъ Оуэна. Фурьеристская фаланга была для этихъ общинъ идеаломъ, но идеаломъ недостижимымъ. Онѣ называли себя фалангами потому, что участники ихъ, выходившіе преимущественно изъ числа людей интеллигентныхъ профессій, нисколько не сочувствовали идеалу коммунистическаго равенства, который проповѣдывалъ Оуэнъ. Однако въ своемъ практическомъ осуществленіи общины американскихъ фурьеристовъ были гораздо ближе къ коммуническимъ общинамъ Оуэна, которыя трудно осуществимы, но все же осуществимы, чѣмъ къ совершенно неосуществимымъ свободнымъ фалангамъ Фурье.

Ни одной фаланги чистаго типа никогда не было на свѣтѣ. Фаланги Фурье не болѣе, какъ безплотное созданіе геніальной фантазіи ихъ творца, мечта поэта, которая можетъ манить за собой людей, но никогда не станетъ грубой реальностью.

Если мы обратимся къ соціалистическимъ общинамъ, связаннымъ съ соціалистической пропагандой—къ общинамъ морально-религіознаго типа, какъ, напримѣръ, Амана или гутеровскія общины,—то и тутъ мы увидимъ, что организаціи эти возникли не на основѣ хозяйственныхъ интересовъ ихъ членовъ. Наличность необычныхъ по своей силѣ морально-религіозныхъ интересовъ такъ же характерна для такихъ общинъ, какъ общественный энтузіазмъ для общинъ, устраивавшихся соціалистами. А такъ какъ сильное развитіе религіозно-нравственныхъ интересовъ встрѣчается среди современнаго человѣчества очень рѣдко, то понятно, что и религіозно-нравственныя соціалистическія общины не получили сколько-нибудь значительнаго распространенія въ современномъ обществѣ.

Итакъ, всѣ соціалистическія общины, какого бы рода онѣ ни были, возникаютъ не по соображеніямъ хозяйственной выгоды ихъ участниковъ; по этой самой причинѣ онѣ и не могутъ разсчитывать на большое распространеніе. Это—организаціи для немногихъ избранныхъ, а не для массы.

Совсѣмъ иное кооперативныя организаціи. Онѣ уже тѣмъ принципіально отличаются отъ соціалистическихъ общинъ, что отнюдь не требуютъ новаго человѣка, не имѣютъ въ виду людей исключительнаго нравственнаго склада. Кооперативъ беретъ человѣка, какъ онъ есть, и соціальную среду, какъ она есть.

Правда, кооперативъ строитъ нѣчто новое, но изъ того матеріала, который даетъ современное общество, и при помощи тѣхъ орудій, которыя уже имѣются въ наличности. Кооперація по плечу среднему человѣку, и въ этомъ ея огромная сила.

Кооперативъ обращается не къ общественному, религіозному или нравственному воодушевленію человѣка, но прежде всего къ тому же мотиву, къ которому обращается и капитализмъ,—къ личному эгоизму, хозяйственному интересу человѣка. Кооперативъ не хочетъ вырвать человѣка изъ современнаго общества и создать вокругъ человѣка новую соціальную среду. Соціалистическія общины являются инороднымъ тѣломъ въ системѣ капиталистическаго хозяйства,—онѣ отрицаютъ всѣ основные принципы этого хозяйства и не могутъ существовать рядомъ съ нимъ. Напротивъ, кооперативъ вполнѣ укладывается въ ткань современности; это—новый органъ, развившійся въ общественномъ хозяйствѣ нашего времени, органъ, правда, иного строенія и иныхъ функцій, чѣмъ другіе органы современной хозяйственной системы, но все же питающійся тѣми же соками и живущій тою же жизнью, какъ и другія хозяйственныя образованія нашей исторической эпохи.

II.

Различіе кооперативовъ и соціалистическихъ общинъ можно кратко формулировать такъ: первые являются хозяйственными предпріятіями, вторыя же не являются послѣдними, иными словами, первые возникаютъ ради хозяйственныхъ выгодъ ихъ участниковъ, вторыя же нѣтъ.

Правда, утописты прошлаго времени думали, что соціалистическія общины могутъ быть хозяйственными предпріятіями, они думали, что хозяйственныя выгоды, доставляемыя такими общинами лицамъ, принимающимъ въ нихъ участіе, столь значительны, что многіе, по соображеніямъ собственной выгоды, охотно будутъ всту-

пать въ число членовъ такихъ общинъ. Это оказалось глубокимъ заблужденіемъ. Хотя опытъ отнюдь не доказалъ хозяйственной неосуществимости соціалистическихъ общинъ, а показалъ скорѣе обратное, — что такія общины, при благопріятныхъ условіяхъ, вполнѣ могутъ поддерживать собственными силами свое существованіе,—все же въ настоящее время можно считать совершенно безспорнымъ, что хозяйство соціалистической общины не только не даетъ такихъ огромныхъ выгодъ его участникамъ, о какихъ мечтали ихъ инициаторы, но, какъ общее правило, стоитъ едва ли выше единоличнаго хозяйства. При такомъ положеніи дѣла соображенія личной выгоды не могутъ побуждать людей вступать въ число членовъ этихъ общинъ, преодолѣвая всѣ связанныя съ этимъ многообразныя затрудненія.

Напротивъ, кооперативъ есть хозяйственное предпріятіе, какъ и всякое другое. Кооперативъ обращается, прежде всего, къ хозяйственному интересу человѣка, и въ этомъ существенное сходство кооператива со всѣми другими хозяйственными организаціями капиталистической системы. Въ этомъ же и его огромная сила.

По внѣшнимъ признакамъ кооперативъ столь мало отличается отъ обычнаго капиталистическаго предпріятія, что по нимъ невозможно опредѣлить, имѣется ли передъ нами кооперативъ или капиталистическое товарищество. Вотъ почему такъ трудно дать вполнѣ удовлетворительное опредѣленіе кооператива для цѣлей законодательства, которое неизбѣжно должно исходить именно изъ этихъ внѣшнихъ признаковъ. Возьмемъ напримѣръ, наиболѣе разработанное германское законодательство о кооперативахъ. Германскій законъ 1-го мая 1889 г. опредѣляетъ кооперативное товарищество, какъ «общество съ незамкнутымъ числомъ членовъ, имѣющее своей цѣлью содѣйствовать путемъ общаго предпріятія хозяйству или промыслу своихъ членовъ». Наиболѣе опредѣленнымъ является первый признакъ (незамкнутость членовъ), долженствующій, по смыслу закона, проводить разграничительную линію между кооперативомъ и обычнымъ торговымъ товариществомъ.

Однако и этотъ признакъ даетъ, въ сущности, очень мало. Въ какомъ смыслѣ можно утверждать, что кооперативъ есть общество съ незамкнутымъ числомъ членовъ? Вѣдь кооперативъ отнюдь не обязанъ принимать въ свои члены всѣхъ желающихъ. Толкуя это постановленіе германскаго закона, авторъ извѣстной книги о

германской кооперацiи проф. Вигодзинскiй, признаетъ, что смыслу закона нисколько не противорѣчитъ, если кооперативъ будетъ принимать новыхъ лицъ въ свой составъ только съ согласiя всѣхъ своихъ членовъ. Но если такъ, то чѣмъ отличается кооперативъ отъ торговаго товарищества, число членовъ котораго также можетъ быть увеличиваемо по желанiю его участниковъ?

Затруднительность по чисто внѣшнимъ юридическимъ признакамъ разграничить кооперативъ отъ капиталистическаго товарищества видна также и изъ того, что нерѣдко кооперативы возникаютъ, какъ акцiонерныя компанiи или торговыя товарищества иного рода. Возьмемъ напр., столь интересныя во многихъ отношенiяхъ англiйскiя производительныя товарищества, основанныя на принципѣ такъ называемаго «копартнершипа». Нѣкоторыя изъ этихъ товариществъ, а именно тѣ изъ нихъ, въ которыхъ владѣльцами акцiй являются только рабочiе, занятые въ данномъ предпрiятiи, несомнѣнно являются кооперативами производительнаго типа. Однако юридически всѣ они просто акцiонерныя компанiи, какъ и всякiя другiя.

Но помимо юридической формы, и внутреняя экономическая природа кооператива имѣетъ много общаго съ капиталистическимъ предпрiятiемъ. Прежде всего, по отношенiю ко всѣмъ стоящимъ внѣ его кооперативъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого предпрiятiя и столь же строго стоитъ на почвѣ своихъ сепаратныхъ интересовъ. Продавая свои товары постороннимъ, кооперативъ такъ же стремится продать ихъ по наивысшей цѣнѣ и на наиболѣе выгодныхъ для себя условiяхъ, какъ и любой капиталистическiй картель. Напротивъ, покупая товары, кооперативъ стремится купить ихъ возможно дешевле. Вообще, поскольку дѣло идетъ о другихъ предпрiятiяхъ, кооперативъ проникнутъ тѣмъ же духомъ защиты своихъ частныхъ интересовъ, который вообще царитъ въ современномъ обществѣ.

И это является необходимымъ условiемъ успѣха кооператива. Кооперативное предпрiятiе—не благотворительное учрежденiе, не общество пропаганды, не политическая организацiя и не рабочiй союзъ. Оно является хозяйственной организацiей въ интересахъ опредѣленной группы лицъ и, чтобы имѣть успѣхъ, должно вестись такъ же дѣловито, на основѣ строгаго коммерческаго разсчета, какъ и капиталистическiя предпрiятiя.

И это относится ко всѣмъ кооперативамъ, какія бы общественныя группы ни были ихъ хозяевами. «Даже самое передовое изъ современныхъ рабочихъ потребительныхъ обществъ,—справедливо говоритъ Гёре въ своей превосходной книгѣ «Die deutschen Arbeiterkonsumvereine»,—есть дитя частно-капиталистическаго хозяйственнаго строя. Вся техника капиталистическаго предпріятія должна быть усвоена кооперативомъ. Такой же строгій учетъ всѣхъ элементовъ прихода и расхода, такая же (съ небольшими различіями) бухгалтерія, такіе же внѣшніе пріемы контроля служащихъ и рабочихъ, такое же устройство торговыхъ помѣщеній и товарныхъ складовъ, такіе же пріемы изготовленія товаровъ, ихъ упаковки, экспедиціи и т. д. и т. д.».

Въ денежномъ капиталѣ кооперативы нуждаются не менѣе, чѣмъ всѣ остальныя предпріятія, и капиталъ получается ими не даромъ, но за уплату соотвѣтствующаго процента. Поскольку кооперативъ сталкивается съ денежнымъ капиталомъ, онъ усваиваетъ себѣ всю технику современной крупно-капиталистической системы. Центральныя организаціи кооперативовъ нуждаются въ банковыхъ операціяхъ и ведутъ ихъ совершенно такъ же, какъ капиталистическіе банки, въ тѣхъ же формахъ, которыя являются обычными въ крупныхъ банкахъ. Такой же пріемъ оплачиваемыхъ обычнымъ процентомъ вкладовъ, такіе же текущіе счета, конто-корренть и пр. и пр.

Вообще, если мы возьмемъ даже пролетарскія потребительныя общества, то, какъ замѣчаетъ Гёре, «куда мы ни взглянемъ, вездѣ мы увидимъ между ними и частно-капиталистическими предпріятіями параллели, черты сходства и внутренняго родства. Потребительныя общества, даже наиболѣе прогрессивныя, кажутся съ этой точки зрѣнія, чисто-капиталистическими организаціями, стремящимися не къ чему иному, какъ къ крупной организаціи розничной торговли, совершенно такъ же, какъ крупные торговые дома, съ той только разницей, что послѣдніе достигаютъ своей цѣли организаціей товарнаго рынка, а потребительныя общества— организаціей потребителей. Словомъ, и современное рабочее потребительное общество, даже находящееся въ связи съ другими и образующее съ ними одно органическое цѣлое, имѣетъ вполнѣ частно-капиталистическій обликъ».

Въ особенности ярко выступаетъ сходство кооператива съ капи-

талистическимъ предпріятіемъ въ отношеніяхъ кооперативовъ къ своему рабочему персоналу. Огромное большинство кооперативовъ пользуется наемнымъ трудомъ нисколько не менѣе капиталистическихъ предпріятій. У нихъ такіе же директора, кассиры, приказчики, бухгалтеры, высшіе и низшіе служащіе, квалифицированные и неквалифицированные рабочіе, какъ и въ предпріятіяхъ обычнаго типа. Всѣ эти служащіе получаютъ обычную заработную плату, и условія ихъ труда въ отношеніи продолжительности рабочаго дня, сроковъ уплаты, рабочихъ помѣщеній и пр. существенно не отличаются отъ господствующихъ въ лучшихъ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Словомъ, и снаружи и изнутри кооперативъ кажется капиталистическимъ предпріятіемъ. Онъ выступаетъ во всеоружіи капиталистической техники, стоитъ на капиталистической почвѣ, и въ этомъ его принципіальное отличіе отъ соціалистическихъ общинъ, которыя стремились создать хозяйственную организацію на совершенно новой хозяйственной основѣ.

Кооперативъ — не соціалистическая община, а хозяйственное предпріятіе.

III.

Итакъ, кооперативъ—предпріятіе. Но предпріятіе не капиталистическаго типа. Какъ бы ни былъ близокъ кооперативъ по своему внѣшнему облику къ капиталистическимъ предпріятіямъ, подъ этой капиталистической оболочкой скрывается въ кооперативѣ содержаніе совершенно иное. Если тѣло кооператива создано капитализмомъ, то душа кооператива вдохнута соціалистическимъ идеаломъ. Чѣмъ же отличается кооперативъ отъ капиталистическаго предпріятія?

Прежде всего, нужно помнить, что далеко не всякое предпріятіе есть предпріятіе капиталистическое. Предпріятіемъ нужно называть всякую хозяйственную организацію, преслѣдующую частно-хозяйственныя выгоды своихъ членовъ и достигающую этихъ выгодъ при посредствѣ обмѣна. Первымъ признакомъ (частно-хозяйственный интересъ) предпріятіе отличается отъ организацій съ общественными цѣлями (такъ, напр., благотворительный пріютъ или соціалистическая община не суть предпріятія); вторымъ признакомъ

(обмѣнъ) предпріятіе вводится въ систему современнаго мѣнового хозяйства—первобытный охотникъ не имѣлъ предпріятія. Но, напримѣръ, современный ремесленникъ или крестьянинъ имѣютъ предпріятія, хотя и предпріятія трудового, а не капиталистическаго типа.

Чѣмъ же характеризуется капиталистическое предпріятіе и какъ отличить его отъ предпріятій некапиталистическихъ? Обычно думаютъ, что характернымъ признакомъ капиталистическихъ предпріятій является пользованіе наемнымъ трудомъ. Это, однако, безусловно невѣрно. Съ одной стороны, существуютъ капиталистическія предпріятія, совсѣмъ не пользующіяся наемнымъ трудомъ или пользующіяся имъ въ относительно ничтожныхъ размѣрахъ, съ другой же стороны, имѣются предпріятія некапиталистическія, основанныя на наемномъ трудѣ.

Лучшимъ примѣромъ предпріятій перваго рода является предпріятіе ростовщика. Что оно имѣетъ капиталистическій характеръ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но вѣдь ростовщикъ можетъ вести свое предпріятіе безъ всякаго наемнаго труда. На это можно, пожалуй, возразить, что ростовщическій капиталъ не характеренъ для современной хозяйственной системы. Возьмемъ, однако, обычный банкъ. Можно ли утверждать, что прибыли банка основываются на эксплоатаціи труда занятаго въ немъ рабочаго персонала? Высшій персоналъ банка (директора, члены правленія), отъ котораго, дѣйствительно, очень существенно зависитъ доходность банка, получаетъ обычно столь высокое вознагражденіе, что объ эксплоатаціи банкомъ этого рода служащихъ нельзя говорить серьезно. Остаются низшіе служащіе и чернорабочіе. Неужели же можно думать, что десятки милліоновъ прибыли какого-нибудь крупнаго банка создаются трудомъ писцовъ, швейцаровъ, дворниковъ, разсыльныхъ и т. п. служащихъ?

Источникомъ прибыли банка является, очевидно, не трудъ этихъ лицъ, а денежный капиталъ, которымъ банкъ располагаетъ. Конечно, въ концѣ-концовъ, прибыль банка извлекается изъ эксплоатаціи труда, но труда не тѣхъ лицъ, которыя непосредственно заняты въ банкѣ, а рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ кліентовъ банка. Банкъ, владѣя необходимымъ для фабриканта денежнымъ капиталомъ, имѣетъ возможность принудить этого по-

слѣдняго уступить ему долю прибавочнаго продукта, создаваемаго фабричными рабочими. Именно такъ, а не иначе, разсматриваетъ образованіе прибыли денежнаго капитала и Марксъ.

Но если такъ, то, очевидно, банкъ является капиталистическимъ предпріятіемъ не потому, что онъ имѣетъ наемный рабочій персоналъ, а потому, что, располагая денежными средствами, банкъ можетъ присваивать долю прибавочнаго общественнаго продукта, создаваемаго за предѣлами банка. Иными словами, прибыль банка по своему происхожденію совершенно аналогична прибыли ростовщика и основывается на эксплоатаціи рабочихъ, занятыхъ не въ банкѣ, а въ предпріятіяхъ кліентовъ банка; и если бы банкъ совершенно не имѣлъ наемныхъ служащихъ, онъ оставался бы капиталистическимъ предпріятіемъ, подобно предпріятію ростовщика.

Но банки являются вѣнцомъ капиталистической системы, и для новѣйшей эволюціи капитализма въ высшей степени характерно все большее и большее значеніе, пріобрѣтаемое банками. Мало-по-малу банки становятся центральной руководящей силой современнаго капитализма, и къ нимъ переходитъ управленіе промышленнымъ и торговымъ капиталомъ. Владѣя акціями фабрикъ и заводовъ, банки являются господами промышленности.

Итакъ, денежный капиталъ есть капиталъ по преимуществу— крупнѣйшая сила капиталистической системы. И если, какъ сказано, для предпріятій денежнаго капитала характерно ничтожное значеніе занятаго въ этихъ предпріятіяхъ рабочаго персонала, то, очевидно, пользованіе наемнымъ трудомъ не можетъ считаться отличительнымъ признакомъ капиталистическаго предпріятія.

Съ другой стороны, наемный трудъ можетъ имѣть примѣненіе въ хозяйственныхъ организаціяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ капиталистической системой. Предположимъ, напримѣръ, соціалистическое государство. Средства производства принадлежали бы въ этомъ случаѣ государству, которое являлось бы собственникомъ продукта и руководителемъ всего общественнаго процесса производства. Рабочіе, занятые въ государственныхъ мастерскихъ, получали бы за свой трудъ опредѣленную плату, подобно тому, какъ и рабочіе въ современныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Конечно, рабочіе въ соціалистическомъ государствѣ не могутъ быть приравниваемы по своему положенію къ современнымъ

рабочимъ. Однако кое-что общее въ положеніи тѣхъ и другихъ должно остаться, именно то, что и въ соціалистическомъ государствѣ рабочіе не были бы собственниками изготовляемаго ими продукта, равно какъ и средствъ производства, но получали бы отъ хозяина средствъ производства (въ данномъ случаѣ государства) опредѣленную плату за свой трудъ.

Итакъ, и въ соціалистическомъ обществѣ рабочіе получали бы плату за свой трудъ, и, слѣдовательно, положеніе ихъ имѣло бы нѣкоторыя черты принципіальнаго сходства съ положеніемъ современныхъ наемныхъ рабочихъ.

Но, оставляя въ сторонѣ рабочихъ соціалистическаго государства, въ кооперативахъ мы имѣемъ многочисленные примѣры предпріятій хотя и не капиталистическихъ, но пользующихся нисколько не менѣе капиталистическихъ наемнымъ трудомъ. На фабрикѣ потребительнаго общества работаютъ такіе же наемные рабочіе, какъ и на обычной капиталистической фабрикѣ. Тѣмъ не менѣе кооперативы суть предпріятія существенно различнаго типа, чѣмъ капиталистическія. Правда, многіе теоретики коопераціи даютъ такія опредѣленія кооператива, исходя изъ которыхъ и завѣдомо капиталистическія предпріятія слѣдуетъ признать кооперативами; но это говоритъ только противъ такихъ опредѣленій, а отнюдь не въ пользу тождественности самихъ опредѣляемыхъ явленій.

Опредѣлить что-либо—значитъ всегда и раздѣлить. Если не проводить различія между предпріятіями капиталистическими и кооперативными и называть кооперативами различныя капиталистическія предпріятія, то придется создать новый терминъ, чтобы изъ числа капиталистическихъ предпріятій выдѣлить тѣ, которыя теперь называются кооперативами. По своей формѣ кооперативъ можетъ быть не отличимъ отъ капиталистическаго предпріятія, и все же внутренняя соціально-экономическая природа того и другого столь различна, что въ реальной жизни капиталистическія предпріятія и кооперативы никогда не смѣшиваются въ одинъ общій потокъ, но всегда живутъ совершенно особой жизнью.

Капиталистическій картель, организующій сбытъ, нерѣдко принимаетъ форму, чрезвычайно схожую съ кооперативомъ по сбыту. И, однако, картель и кооперативъ представляютъ собой совершенно различныя соціально-экономическія образованія, защи-

щаютъ интересы совершенно различныхъ общественныхъ группъ, играютъ совершенно различную роль въ общественной жизни современности. Называть кооперативныя предпріятія капиталистическими это значитъ отказываться отъ анализа особенностей кооперативныхъ предпріятій. Дѣло тутъ не въ словахъ, а въ самыхъ явленіяхъ, своеобразіе которыхъ должно быть признаваемо независимо отъ того, какъ бы эти явленія ни назывались.

Итакъ, независимо отъ вопросовъ терминологіи, ясно, что на ряду съ капиталистическими предпріятіями существуетъ обширная группа кооперативныхъ предпріятій, которыя пользуются наемнымъ трудомъ, подобно капиталистическимъ предпріятіямъ, но существенно отличаются по своей природѣ отъ послѣднихъ.

Чѣмъ же характеризуется капиталистическое предпріятіе? У Маркса имѣется краткая формула, которая даетъ все существенное для пониманія сущности капитализма. Капиталъ, говоритъ Марксъ, это цѣнность, создающая прибавочную цѣнность.

Формула эта заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ. При извѣстныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ продуктъ человѣческаго труда получаетъ въ хозяйственной жизни способность возрастать въ своей цѣнности. Въ наиболѣе наглядной формѣ эта способность выступаетъ въ денежномъ капиталѣ. Владѣлецъ денежнаго капитала пускаетъ въ оборотъ опредѣленную денежную сумму—даетъ ее въ ссуду другому лицу. Проходитъ нѣкоторое время, и сумма эта возвращается къ своему первоначальному владѣльцу не въ прежнемъ, а въ возросшемъ размѣрѣ. Деньги создали новыя деньги—процентъ или прибыль.

Если мы возьмемъ другія формы капитала—торговый или промышленный капиталъ, то и тутъ мы увидимъ то же. Торговецъ пустилъ въ оборотъ опредѣленное количество товаровъ, и черезъ нѣкоторое время, если его обороты были удачны, его товарный капиталъ оказывается возросшимъ въ своей цѣнности. Точно такъ же и промышленникъ получаетъ черезъ извѣстое время весь свой затраченный капиталъ съ извѣстнымъ приростомъ цѣнности.

Въ этомъ приростѣ цѣнности, образующемъ собою прибыль капиталиста, заключается весь экономическій смыслъ даннаго процесса, съ точки зрѣнія его руководителя. Капиталистъ пускаетъ въ оборотъ капиталъ только съ этой цѣлью. Правда, для общества значеніе даннаго процесса далеко не исчерпывается его по-

слѣдствіями для кармана капиталиста. Процессъ оборота капитала есть вмѣстѣ съ тѣмъ процессъ общественнаго производства и обмѣна. Вся жизнь общества, не только капиталистическихъ классовъ, но и рабочихъ, связана съ круговоротомъ капитала, и стоитъ только этому круговороту задержаться, чтобы нарушилось равновѣсіе между общественнымъ производствомъ и потребленіемъ. Но какъ бы ни былъ важенъ для общества названный процессъ, руководителями его являются капиталисты, не имѣющіе другой цѣли приводить въ дѣйствіе этотъ процессъ, кромѣ прироста цѣнности капитала, прибыли.

Соціальной основой возникновенія прибыли является присвоеніе капиталистомъ труда рабочаго; но это соціальное отношеніе скрывается въ капиталистическомъ хозяйствѣ подъ маской отношенія вещей. Деньги, товары, средства производства—все это вещи, и прибыль, получаемая капиталистомъ, разсматривается имъ съ полнымъ основаніемъ какъ продуктъ этихъ вещей. Вещная маска скрываетъ въ капиталѣ его соціальное содержаніе.

Въ этомъ и заключается характерная черта капиталистическаго предпріятія въ отличіе отъ всякаго другого. Капиталистическое предпріятіе есть, слѣдовательно, такое, движущей силой котораго является стремленіе къ прибыли—нетрудовому доходу, возникающему благодаря круговращенію капитала. Доходъ этотъ имѣетъ своимъ источникомъ эксплоатацію труда, но отнюдь не всегда того труда, который занятъ въ данномъ капиталистическомъ предпріятіи: источникомъ прибыли можетъ быть и трудъ въ другихъ предпріятіяхъ, эксплоатируемыхъ даннымъ предпріятіемъ.

Капиталистическое предпріятіе существуетъ ради прибыли; поэтому капиталистическое предпріятіе естественно стремится къ неограниченному расширенію своихъ оборотовъ, ибо чѣмъ больше обороты, тѣмъ больше и получаемая прибыль. Стремленіе къ большему и большему расширенію есть характерная черта капитала.

Сравнимъ съ капиталистическимъ предпріятіемъ кооперативное. Какую бы форму ни имѣло послѣднее, какія бы цѣли оно ни преслѣдовало, оно никогда не преслѣдуетъ цѣли полученія капиталистической прибыли.

Правда, кооперативное предпріятіе нуждается въ капиталѣ нисколько не менѣе всякаго другого. Нуждаясь въ капиталѣ, оно

принуждено и оплачивать этотъ капиталъ соотвѣтствующимъ процентомъ. Но оплата капитала для кооперативнаго предпріятія отнюдь не есть цѣль, а лишь средство для достиженія иныхъ цѣлей. Оплата капитала для кооператива есть неизбѣжное зло, расходъ, отъ котораго нельзя уклониться, но который кооперативъ стремится свести къ минимуму. И это характерно для всѣхъ безъ исключенія формъ кооперативовъ. Именно по этому признаку можно безошибочно опредѣлить, имѣемъ ли мы передъ собой кооперативъ или предпріятіе капиталистическаго типа.

Возьмемъ, напримѣръ, потребительное общество. Оно имѣетъ паевой капиталъ, на который начисляется процентъ. Но потребительное общество существуетъ отнюдь не для того, чтобы доставлять своимъ пайщикамъ наивысшій доходъ на ихъ паи; наоборотъ, потребительное общество назначаетъ, по возможности, низкій процентъ на паи, а всю свою чистую выручку распредѣляетъ между заборщиками товара, потребителями. Значитъ, оно существуетъ не въ интересахъ капитала, а въ интересахъ потребителей.

Именно поэтому потребительное общество и является кооперативомъ. Конечно, для организаціи потребителей открыта возможность распредѣлять свою выручку и инымъ образомъ, напримѣръ, между своими пайщиками, пропорціонально внесенному каждымъ паю. И дѣйствительно, существуютъ общества потребителей различнаго рода: одни распредѣляютъ выручку между пайщиками, пропорціонально паямъ, а другія—между всѣми своими покупателями, пропорціонально закупкамъ каждаго. Такъ, напримѣръ, лондонскія чиновничьи общества потребителей распредѣляютъ свои доходы между пайщиками, а рабочія потребительныя общества такъ назыв. «рочдельскаго» типа—между покупателями, пропорціонально закупкамъ. И тѣ и другія общества именуютъ себя кооперативными.

Однако дѣятели англійскаго кооперативнаго движенія не признаютъ чиновничьи общества потребителей кооперативами,—такъ глубоки различія во всѣхъ основныхъ чертахъ устройства обществъ рочдельскаго и чиновничьяго типа. Въ то время какъ рочдельскія общества образуютъ мощные союзы, входятъ въ составъ обществъ оптовыхъ закупокъ, охватывающихъ всю страну, чиновничьи общества потребителей держатъ себя особнякомъ и

никакого общенія съ рочдельскими обществами не имѣютъ. Какъ бы ни называть чиновничьи общества, кооперативами или нѣтъ (сами себя они, какъ сказано, называютъ кооперативами), несомнѣнно, что рочдельскія и чиновничьи организаціи по всѣмъ своимъ цѣлямъ и условіямъ развитія существенно различной соціально-экономической природы. Именно потому англійскіе кооператоры и настаиваютъ, что если называть рочдельскія общества кооперативами, то въ этомъ названіи слѣдуетъ отказывать чиновничьимъ обществамъ, дабы не присваивать одного общаго имени соціальнымъ образованіямъ существенно различной природы.

Чѣмъ же принципіально отличаются потребительныя общества рочдельскаго и чиновничьяго типовъ? Да тѣмъ, что они преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли. Рочдельскія общества существуютъ въ интересахъ потребителей: конечно, они не могутъ обойтись безъ капитала и должны вознаграждать капиталъ, но служатъ они интересамъ не капитала, а потребителей; это явствуетъ изъ распредѣленія чистой выручки этихъ обществъ, возвращаемой потребителямъ, а не достающейся владѣльцамъ паевого капитала. Напротивъ, чиновничьи общества служатъ лишь отчасти интересамъ потребителей, болѣе же интересамъ своихъ пайщиковъ, ибо доходъ этихъ обществъ распредѣляется между пайщиками, какъ обычный дивидендъ акціонерныхъ обществъ. И потому, хотя эти общества и называютъ себя кооперативами, по своей экономической природѣ они ближе къ капиталистическимъ компаніямъ, чѣмъ къ истиннымъ кооперативамъ. Если это и кооперативъ, то промежуточнаго типа между дѣйствительнымъ кооперативомъ и капиталистическимъ товариществомъ.

Перейдемъ отъ потребительныхъ обществъ къ кооперативамъ другихъ типовъ. Возьмемъ, напримѣръ, кооперативы по сбыту, хотя бы маслодѣльную артель. Чистая выручка за проданное масло распредѣляется въ маслодѣльной артели между ея членами пропорціонально количеству поставленнаго молока. Какой смыслъ имѣетъ такое распредѣленіе выручки? Почему выручка распредѣляется не пропорціонально паевому капиталу, а пропорціонально молоку? Вѣдь въ стоимость производства масла входитъ не только молоко, но и многое другое. Казалось бы, всего раціональнѣе было бы распредѣлять выручку пропорціонально долѣ каждаго въ расходахъ по производству масла, т.-е. пропорціо-

пально внесенному капиталу, включая сюда и цѣнность поставленнаго каждымъ молока.

Однако маслодѣльная артель, какъ неизмѣнное правило, распредѣляетъ чистую выручку не по паевому капиталу, а по поставленному молоку. Очевидно, для такого распредѣленія выручки существуютъ серьезныя основанія. Паевой капиталъ въ маслодѣльной артели получаетъ свою долю, но артель стремится свести доходъ паевого капитала къ минимуму, совершенно такъ же, какъ и потребительное общество. Она оплачиваетъ паевой капиталъ опредѣленнымъ процентомъ, по возможности менѣе высокимъ, а всю частную выручку предпріятія передаетъ поставщикамъ молока. Именно поэтому маслодѣльная артель и является кооперативомъ; при другомъ же распредѣленіи выручки маслодѣльная артель превратилась бы въ капиталистическое товарищество.

Итакъ, и маслодѣльная артель нисколько не менѣе потребительнаго общества стремится свести къ минимуму вознагражденіе капитала: она существуетъ въ интересахъ не капиталистовъ, а производителей молока. Этимъ и объясняется распредѣленіе выручки по количеству поставленнаго молока.

Кредитный кооперативъ чистаго типа (райфейзеновское кредитное товарищество) совсѣмъ не имѣетъ паевого капитала или имѣетъ его въ ничтожныхъ размѣрахъ. Онъ оплачиваетъ процентомъ вклады, но существуетъ въ интересахъ не вкладчиковъ, которые никакого участія въ управленіи товариществомъ не принимаютъ, а исключительно въ интересахъ заемщиковъ, интересы которыхъ требуютъ возможнаго пониженія процента на капиталъ. Такимъ образомъ, въ кредитномъ кооперативѣ некапиталистическій характеръ предпріятія выступаетъ съ полной очевидностью.

Наконецъ, если мы возьмемъ производительную артель, то весь смыслъ ея заключается въ стремленіи устранить хозяина-капиталиста путемъ передачи веденія всего дѣла самимъ рабочимъ. Мѣсто предпринимателя-капиталиста занимаютъ сами рабочіе, удерживающіе въ своихъ рукахъ тотъ прибавочный продуктъ, который ранѣе захватывался предпринимателемъ. Этотъ прибавочный продуктъ, который въ рукахъ предпринимателя былъ прибылью, оставаясь въ рукахъ создавшихъ его рабочихъ, становится трудовымъ доходомъ.

Итакъ, къ какому бы виду кооператива мы ни обратились,

вездѣ, безъ всякаго исключенія, мы встрѣчаемъ слѣдующую характерную черту: кооперативъ, въ противоположность капиталистическому предпріятію, не только не стремится къ полученію наибольшей прибыли на вложенный капиталъ, но стремится къ обратному—возможному уменьшенію капиталистической прибыли. Капиталъ всегда разсматривается кооперативомъ, какъ нѣкоторая враждебная сила, безъ помощи которой обойтись невозможно и которую необходимо поэтому оплачивать, но оплачивать возможно болѣе низко.

Можно, пожалуй, на это возразить, что и въ капиталистическомъ предпріятіи предприниматель-капиталистъ хотѣлъ бы оплатить возможно ниже тотъ капиталъ, который получается имъ со стороны, путемъ кредита. Однако предприниматель-капиталистъ стремится получить возможно болѣе высокую прибыль на свой собственный капиталъ, вложенный въ дѣло. Кооперативъ же относится къ своему капиталу совершенно такъ же, какъ и къ чужому капиталу: кооперативъ по возможности ограничиваетъ плату не только за тотъ капиталъ, который онъ получаетъ отъ постороннихъ путемъ кредита, но и за капиталъ, который вложенъ въ дѣло самими хозяевами кооператива, пайщиками. Иными словами, кооперативъ относится къ своему собственному капиталу, какъ къ чему-то постороннему, чуждому, совершенно такъ же, какъ капиталистъ-предприниматель относится къ чужому, не своему капиталу. Возьмемъ, напримѣръ, акціонерную компанію; она можетъ располагать капиталомъ двоякаго рода—собственнымъ, акціонернымъ, и чужимъ, облигаціоннымъ. Процентъ на облигаціонный капиталъ акціонерная компанія, естественно, стремится свести къ минимуму, но лишь для того, чтобы тѣмъ болѣе повысить дивидендъ на акціонерный капиталъ. Потребительное общество также имѣетъ свой капиталъ—вложенные въ общество его членами паи. Этотъ пайщицкій капиталъ соотвѣтствуетъ акціонерному капиталу въ акціонерной компаніи. Но потребительное общество не только не стремится довести до максимума доходность этого капитала, а, наоборотъ, старается ограничить этотъ доходъ возможно болѣе низкимъ процентомъ: оно относится къ своему капиталу такъ, какъ капиталистъ относится къ капиталу чужому. Этимъ и обнаруживается съ полной очевидностью некапиталистическая природа кооператива.

IV.

Вопросъ о природѣ доходовъ кооперативовъ представляетъ не только теоретическій интересъ, но имѣетъ также и большое практическое значеніе въ связи съ вопросомъ объ обложеніи налогами кооперативныхъ предпріятій. Англійское законодательство проводитъ рѣзкое различіе въ этомъ отношеніи между потребительными обществами и капиталистическими торговыми предпріятіями. Напротивъ, въ Германіи налоги на потребительныя общества являются однимъ изъ средствъ борьбы государственной власти съ этими экономическими организаціями. Точно такъ же и у насъ, въ Россіи, вопросъ объ обложеніи кооперативныхъ предпріятій до сихъ поръ не получилъ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія. Потребительныя общества подлежатъ у насъ торговому обложенію, если ихъ паевой капиталъ превышаетъ 10 тысячъ рублей.

Въ этихъ колебаніяхъ государственной власти въ ея отношеніи къ кооперативамъ, какъ къ предметамъ обложенія, сказывается въ числѣ прочаго также и неясность кооперативной теоріи. Что такое кооперативъ? Если кооперативъ принципіально не отличается отъ капиталистическаго предпріятія, а представляетъ собой лишь своеобразную форму таковаго, если доходъ кооперативнаго предпріятія не что иное, какъ прибыль, подобно доходу другихъ капиталистическихъ предпріятій, то принципіально трудно возражать противъ того, чтобы государство подчиняло кооперативы тѣмъ же налогамъ, которымъ подчиняются капиталистическія предпріятія вообще.

Доходъ потребительныхъ обществъ кажется всего болѣе сходнымъ съ капиталистической прибылью. Въ то же время потребительныя общества, какъ общества пролетарскаго типа, встрѣчаютъ наиболѣе враждебное отношеніе со стороны многихъ слоевъ современнаго общества, а также во многихъ странахъ и государственной власти; подчиненіе ихъ обычному промысловому обложенію является вполнѣ дѣйствительнымъ тормозомъ ихъ развитія и роста. Отсюда громадная практическая важность для кооперативнаго міра доказать некапиталистическую природу доходовъ потребительныхъ обществъ.

Развиваемая при этомъ аргументація имѣетъ обычно слѣдующій характеръ. Величина дохода потребительнаго общества можетъ

быть больше или меньше, въ зависимости отъ того, какъ высоки цѣны, по которымъ потребительное общество продаетъ продукты своимъ членамъ. Если бы общество продавало продукты по себѣстоимости (чего обычно нѣтъ, но что возможно и въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣетъ мѣсто), то общество не имѣло бы никакого денежнаго дохода и въ этомъ случаѣ, очевидно, не получало бы никакой прибыли. Однако оно не потеряло бы внутренняго смысла своего существованія, такъ какъ члены его получали бы и въ этомъ случаѣ опредѣленную выгоду, которая сводилась бы къ пріобрѣтенію необходимыхъ предметовъ потребленія по низшей цѣнѣ. Отсюда слѣдуетъ, что потребительное общество мыслимо безъ всякаго денежнаго дохода и, значитъ, безъ всякой прибыли. Если же мы возьмемъ обычное потребительное общество рочдельскаго типа, которое продаетъ продукты своимъ членамъ по рыночной цѣнѣ, то въ этомъ случаѣ общество дѣйствительно имѣетъ въ концѣ года опредѣленный денежный доходъ. Но этотъ денежный доходъ является не прибылью, а накопленными суммированными сбереженіями членовъ, которыя въ первомъ случаѣ получались ими по частямъ при каждой отдѣльной покупкѣ.

Такова обычная аргументація, выдвигаемая кооператорами, когда имъ нужно обосновать свое требованіе объ изъятіи потребительныхъ обществъ отъ торгово-промышленнаго обложенія. Въ полной убѣдительности этой аргументаціи позволительно усомниться.

Дѣйствительно, недостаточность приведенной выше аргументаціи очевидна. Чѣмъ является по своей природѣ доходъ потребительныхъ обществъ? Возьмемъ слѣдующій примѣръ. Передъ нами двѣ фабрики: одна принадлежитъ акціонерной компаніи, другая— потребительному обществу и работаетъ только на нужды потребительнаго общества при помощи наемнаго труда. Въ капиталистической природѣ дохода первой фабрики не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Доходъ акціонеровъ (хотя бы этими акціонерами были рабочіе, какъ это иногда имѣетъ мѣсто въ англійскихъ фабрикахъ) является капиталистической прибылью. На какомъ же основаніи мы не признаемъ прибылью доходъ, доставляемый потребительному обществу его фабрикой, на которой рабочіе точно такъ же работаютъ по найму, какъ и на всякой другой фабрикѣ? Если доходъ фабрики потребительнаго общества не есть прибыль

то къ какой категоріи общественнаго дохода мы должны его отнести?

Экономическая наука различаетъ въ капиталистическомъ обществѣ три основныхъ категоріи общественнаго дохода: земельную ренту, прибыль и заработную плату. Очевидно, что доходъ разсматриваемой фабрики не есть земельная рента; точно такъ же ясно, что этотъ доходъ не представляетъ собой и заработной платы членовъ потребительнаго общества, ибо потребительное общество является хозяиномъ фабрики, работа на которой производится наемнымъ трудомъ. Значитъ, доходъ этотъ долженъ быть признанъ прибылью. Другого выхода, повидимому, нѣтъ.

Но если согласиться съ этимъ, то нельзя останавливаться на полудорогѣ и необходимо итти дальше. Если доходъ потребительнаго общества съ его фабрики является прибылью, то какимъ образомъ можно отрицать капиталистическую природу всѣхъ остальныхъ доходовъ потребительнаго общества? Развѣ существуетъ принципіальное различіе между различными элементами этого дохода? Часть своего капитала общество затрачиваетъ на устройство фабрики; другая часть идетъ на пріобрѣтеніе товаровъ, устройство торговаго помѣщенія, складовъ и т. д. Мы называемъ торговой прибылью доходъ торговца, получаемый имъ, благодаря закупкѣ товара по низшей цѣнѣ сравнительно съ рыночной, по которой торговецъ продаетъ эти товары своимъ покупателямъ. Развѣ не такой же природы доходъ потребительнаго общества? Если доходъ потребительнаго общества съ его фабрики мы признали прибылью, то мы не можемъ иначе разсматривать доходъ общества съ его торговаго предпріятія.

Можно опять примѣнить ту же аргументацію и спросить, что же такое, если не прибыль, торговый доходъ потребительнаго общества, и по методу исключенія (это, несомнѣнно, не земельная рента и не заработная плата) придти къ выводу, что весь доходъ потребительнаго общества есть несомнѣнная прибыль. Потребительное общество борется съ капиталомъ его собственнымъ оружіемъ. Оно ставитъ себѣ цѣлью присвоить прибыль капиталиста-предпринимателя, будетъ ли это торговый посредникъ или промышленный предприниматель, все равно. Но прибыль остается прибылью, въ чьихъ бы рукахъ она ни оставалась. Конкурируя съ капиталистомъ, потребительное общество, даже если всѣ чле-

ны его являются пролетаріями, само дѣлается капиталистомъ, и, значитъ, и его доходъ не можетъ не имѣть капиталистической природы.

Въ пользу такого пониманія природы потребительнаго общества и получаемаго имъ дохода можно, повидимому, привести очень многое. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ предѣлахъ потребительнаго общества между имъ самимъ и его служащими и рабочими существуетъ извѣстная рознь интересовъ, принципіально не отличающаяся отъ розни интересовъ труда и капитала вообще. Развѣ потребительныя общества не эксплоатируютъ своихъ рабочихъ? И развѣ рабочему не все равно, кто его эксплоатируетъ, обычный ли капиталистъ или общественная организація въ лицѣ потребительнаго общества, если степень эксплоатаціи въ томъ и другомъ случаѣ одинакова?

Такимъ образомъ, доходъ потребительнаго общества слѣдуетъ, повидимому, признать просто предпринимательской прибылью, а само общество—однимъ изъ видовъ капиталистическихъ предпріятій. Однако и это, казалось бы, такое естественное рѣшеніе вопроса наталкивается на непреодолимыя трудности.

Дѣло въ томъ, что прибыль всякаго капиталистическаго предпріятія есть нѣчто, вполнѣ опредѣленное и объективно существующее. Можно спорить о наилучшихъ пріемахъ учета капиталистической прибыли, но всѣ эти пріемы исходятъ изъ представленія о прибыли, какъ о чемъ-то, допускающемъ количественное измѣреніе. Но что такое по своимъ количественнымъ размѣрамъ доходъ потребительнаго общества? Если этотъ доходъ есть не что иное, какъ прибыль, то какъ она велика въ каждомъ данномъ случаѣ? Совершенно ясно и не подлежитъ ни малѣйшему спору, что прибыль эта отнюдь не опредѣляется размѣромъ того денежнаго остатка, который въ концѣ каждаго года распредѣляется между членами потребительнаго общества. Вѣдь если бы мы предположили, что общество не имѣетъ никакого денежнаго остатка, подлежащаго распредѣленію, благодаря продажѣ обществомъ его продуктовъ по себѣстоимости, то выгоды, получаемыя членами общества отъ данной хозяйственной организаціи, отнюдь не исчезли бы и даже могли бы не уменьшиться по своимъ размѣрамъ, а только распредѣлились бы иначе во времени: вмѣсто того, чтобы получать разъ въ годъ свои суммированныя выгоды, каждый членъ

общества получалъ бы ихъ по частямъ, при каждой своей отдѣльной покупкѣ. Точно такъ же, если бы общество повысило продажныя цѣны и этимъ повысило свой доходъ, то реальныя выгоды членовъ общества отнюдь не испытали бы увеличенія, такъ какъ увеличенію суммы, получаемой каждымъ членомъ въ концѣ года, соотвѣтствовало бы и увеличеніе расходовъ каждаго члена въ теченіе года. Такимъ образомъ, размѣръ «прибыли» потребительнаго общества не можетъ быть опредѣленъ по денежному остатку, распредѣляемому между членами общества.

Но какимъ же другимъ способомъ можетъ быть опредѣлена эта прибыль? Единственнымъ раціональнымъ способомъ этого опредѣленія могъ бы быть только слѣдующій: нужно установить, по какимъ цѣнамъ члены потребительнаго общества пріобрѣтали бы продукты даннаго качества, если бы этого общества не существовало. Затѣмъ нужно опредѣлить, во что обходятся тѣ же продукты при пріобрѣтеніи ихъ отъ потребительнаго общества (принимая, конечно, въ соображеніе и денежныя суммы, распредѣляемыя обществомъ между его членами). Разница между первой и послѣдней цѣной и опредѣляетъ экономическую выгоду членовъ общества отъ его существованія.

Дѣло, однако, въ томъ, что если послѣдняя цѣна и допускаетъ точный учетъ, то первая совершенно неопредѣлима. Дѣйствительно, какъ установить цѣну, по которой членъ общества пріобрѣталъ бы продуктъ при отсутствіи общества? Если общество только-что возникаетъ, то къ рѣшенію этой задачи еще можно подойти съ той или другой стороны. Но возьмемъ районъ, гдѣ потребительныя общества существуютъ издавна и имѣютъ большое развитіе,—какой-нибудь Цюрихъ или Глазго. Не нелѣпа ли въ данномъ случаѣ самая постановка вопроса, каковы были бы цѣны въ розничной торговлѣ этихъ городовъ, если бы въ нихъ не существовало потребительныхъ обществъ? Отвѣтить на подобный вопросъ почти такъ же невозможно, какъ отвѣтить на вопросъ, каковы были бы цѣны въ этихъ городахъ при отсутствіи въ нихъ капиталистической розничной торговли, ибо и капиталистическая торговля, и общества потребителей суть неустранимые и основные факторы строенія цѣнъ въ этихъ пунктахъ.

Итакъ, никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для измѣренія размѣровъ «прибыли» потребительныхъ обществъ мы не имѣемъ. Оче-

видно, если это и прибыль, то прибыль крайне своеобразная, глубоко отличающаяся по своей экономической природѣ отъ прибыли капиталистическихъ предпріятій. Лучше сказать, это совсѣмъ не прибыль, ибо прибыль неопредѣленная и не допускающая количественнаго учета не есть то, что называютъ капиталистической прибылью.

Но что же такое доходъ потребительныхъ обществъ, если не прибыль? Мы опять вернулись къ своему исходному вопросу, пріобрѣвшему рѣшительно загадочный характеръ.

Чтобы подойти къ его рѣшенію, вспомнимъ объ основномъ дѣленіи бюджета каждаго хозяйства,—приходѣ и расходѣ. Хозяйственная дѣятельность всегда направлена къ полученію наибольшихъ выгодъ. Но выгоды эти могутъ имѣть двойственный характеръ: онѣ могутъ заключаться или въ увеличеніи прихода, или въ уменьшеніи расхода. Выгоды перваго рода по своей природѣ всегда допускаютъ точное опредѣленіе; выгоды второго рода нерѣдко по самому существу такому опредѣленію недоступны.

Возьмемъ конкретный примѣръ. Сельскій хозяинъ желаетъ увеличить удойность своихъ коровъ и съ этой цѣлью измѣняетъ характеръ даваемаго имъ корма. Полученныя имъ отъ этого выгоды могутъ быть легко учтены по увеличенію количества молока, доставляемаго каждой коровой. Это вновь полученное молоко соотвѣтственно увеличитъ доходъ даннаго хозяйства.

Но пусть тотъ же сельскій хозяинъ, чтобы уменьшить опасность заболѣванія своихъ коровъ, прививаетъ имъ сибирскую язву. Такой образъ дѣйствій хозяина, если опасность заболѣванія сибирской язвой велика (напр., если болѣзнь появилась въ сосѣднемъ стадѣ), несомнѣнно, вполнѣ раціоналенъ и выгоденъ для хозяйства. Но опредѣлить размѣръ полученной выгоды совершенно невозможно, ибо невозможно знать, заболѣлъ ли бы данный скотъ опредѣленной болѣзнью или нѣтъ, если бы прививокъ не послѣдовало.

Въ первомъ случаѣ полученная выгода имѣетъ опредѣленный характеръ, ибо это есть новая цѣнность, поступившая въ приходъ даннаго хозяйства. Во второмъ случаѣ никакой новой цѣнности отъ данной хозяйственной операціи не получилось, ибо операція эта имѣла въ виду лишь предотвратить возможный убытокъ.

Возможный убытокъ есть по самой своей природѣ нѣчто не-

опредѣленное, какъ и все лишь возможное, но реально неосуществившееся; полученный же приростъ цѣнности имѣетъ вполнѣ реальный характеръ и допускаетъ точное измѣреніе.

Раціональное хозяйство должно принимать мѣры въ двоякомъ направленіи: какъ къ увеличенію своего реальнаго прихода, такъ и къ уменьшенію своего реальнаго расхода, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ могутъ имѣться въ виду и только возможныя, ожидаемыя, но и реально еще не наступившія опасности. Такой характеръ имѣютъ всѣ операціи страхованія и многое другое.

Теперь мы можемъ понять природу выгодъ, доставляемыхъ потребительнымъ обществомъ его членамъ. Эти выгоды заключаются не въ увеличеніи дохода послѣднихъ, а въ уменьшеніи ихъ расходовъ. Потребительное общество не даетъ своимъ членамъ новаго дохода, но оно сокращаетъ ихъ расходы, и въ этомъ его польза.

Насколько именно сокращаетъ общество эти расходы, сказать невозможно, такъ какъ въ данномъ случаѣ приходится учитывать не реально существующіе экономическіе факты, а исходить изъ предположенія возможнаго, но реально не существующаго экономическаго положенія.

Итакъ трудность, или, точнѣе, невозможность опредѣлить экономическую природу дохода потребительныхъ обществъ зависѣла отъ того, что суммы, распредѣляемыя потребительнымъ обществомъ между его членами, вообще не являются, въ экономическомъ смыслѣ, доходомъ. Онѣ суть лишь сбереженная членами общества часть расходовъ послѣднихъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ вовсе не о тонкостяхъ экономической терминологіи, а о реальныхъ экономическихъ различіяхъ огромной важности. Предположимъ, напр., что рабочіе устраиваютъ на свои сбереженія фабрику, на которой работа производится наемнымъ трудомъ. Хозяевами данной фабрики будутъ только рабочіе; но какъ бы демократически ни было организовано управленіе данной фабрики, какъ бы ни было велико равноправіе между ея хозяевами, она никогда не составитъ кооператива, если будетъ ставить своей цѣлью продажу продуктовъ на сторону. Она явится вполнѣ капиталистическимъ предпріятіемъ, подчиненнымъ всѣмъ законамъ капиталистическихъ предпріятій. Хозяева фабрики, рабочіе, могутъ преслѣдовать только одну цѣль при устрой-

ствѣ этой фабрики,—получить наибольшую прибыль на затраченный ими капиталъ. Чѣмъ лучше будетъ вестись фабрика, тѣмъ больше будетъ доставляемая сю прибыль. При удачѣ операціи фабрики могутъ неограниченно расти, и соотвѣтственно этому можетъ расти и прибыль, получаемая хозяевами. Хотя устроителями фабрики были рабочіе и фабрика устроена ими на заработанныя деньги, но ничто не мѣшаетъ тому, чтобы рабочіе-хозяева фабрики стали по истеченіи извѣстнаго времени крупными капиталистами и вышли изъ рядовъ рабочаго класса.

Рабочій, имѣющій пай въ фабрикѣ, на который начисляется дивидендъ, получаетъ доходъ изъ двоякаго источника: съ одной стороны—со своего труда, съ другой стороны—со своего капитала. Чѣмъ лучше идетъ принадлежащее ему капиталистическое предпріятіе, тѣмъ важнѣе капиталистическій доходъ такого рабочаго, и, въ концѣ-концовъ, рабочій можетъ превратиться въ настоящаго капиталиста, переставъ лично работать по найму, въ чемъ исчезнетъ надобность вслѣдствіе увеличенія его нетрудовыхъ доходовъ.

Возьмемъ теперь фабрику, принадлежащую потребительному обществу рабочаго состава. Ея хозяевами являются такіе же рабочіе, какъ и хозяева первой фабрики. Но эта фабрика работаетъ не на сторону, а на потребительныя нужды членовъ потребительнаго общества.

Получая свою долю на заборный рубль, членъ потребительнаго общества получаетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ хозяинъ первой фабрики. И это лучше всего видно изъ слѣдующаго. Какъ бы хорошо ни шли дѣла второй фабрики, денежный доходъ отъ нея не можетъ превзойти очень узкихъ размѣровъ,—онъ не только не можетъ превысить размѣръ доходовъ ея хозяевъ изъ другихъ источниковъ, но даже не можетъ достигнуть полныхъ размѣровъ этихъ послѣднихъ доходовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ видѣ доли на заборный рубль рабочій возвращаетъ себѣ часть своихъ расходовъ, производимыхъ имъ изъ его же заработка. Какъ бы удачно ни шли дѣла потребительнаго общества, но расходы его не могутъ быть сведены до нуля, значитъ, рабочій во всякомъ случаѣ получитъ обратно отъ потребительнаго общества въ видѣ денежнаго остатка меньше того, что онъ далъ.

Итакъ, потребительное общество ни въ какомъ случаѣ не мо-

жетъ превратить рабочаго въ капиталиста. Чтобы получить свою долю доходовъ потребительнаго общества, рабочій долженъ прежде всего израсходовать свои деньги. Откуда же онъ ихъ можетъ получить? Только путемъ продажи своей рабочей силы. Никакого новаго источника дохода потребительное общество своему члену не даетъ, ибо оно, согласно сказанному, имѣетъ своей цѣлью уменьшить расходы потребителя, а не дать новые источники дохода производителю.

Правда, и капиталистическія предпріятія стремятся къ сбереженію расходовъ, но предпріятія эти, сберегая расходы, тѣмъ самымъ повышаютъ свою прибыль, между тѣмъ, какъ потребительное общество, сберегая расходы, никакого новаго дохода не создаетъ.

То обстоятельство, что выгоды потребительнаго общества находятся въ извѣстной зависимости отъ эксплоатаціи обществомъ труда его служащихъ и рабочихъ, ничего не мѣняетъ въ этомъ положеніи дѣла. Далеко не всегда эксплоатація труда приводитъ къ возникновенію специфическаго капиталистическаго дохода— прибыли. Возьмемъ, напр., трудъ домашней прислуги. Ея трудъ эксплоатируется нанимателями нисколько не менѣе, чѣмъ трудъ рабочаго, занятаго на фабрикѣ. Однако никому въ голову не приходитъ, вычисляя свои доходы, причислять къ нимъ еще «прибавочный трудъ» своей домашней прислуги.

Можетъ быть, однако, это просто неточность составленія баланса домашняго хозяйства? Отнюдь нѣтъ. Приравнивать «прибавочный трудъ» домашней прислуги прибавочному труду рабочаго, занятаго въ капиталистическомъ предпріятіи, значитъ совершенно не понимать природы капиталистическаго хозяйства и природы капиталистической прибыли.

Сущность капиталистическаго хозяйства сводится къ тому, что капиталистъ бросаетъ въ оборотъ извѣстную цѣнность, которая затѣмъ къ нему возвращается, но въ возросшемъ видѣ. Этотъ приростъ цѣнности образуетъ собой прибавочную цѣнность, ради которой и предпринимается капиталистомъ вся данная операція.

Если капиталистъ даетъ рабочему на своей фабрикѣ работу, то лишь для того, чтобы уплаченная заработная плата вернулась обратно къ уплатившему въ возросшемъ видѣ. Капиталистъ совершенно равнодушенъ къ тому, какую именно работу выпол-

пяетъ рабочій, какимъ потребностямъ удовлетворяетъ изготовленный рабочимъ продуктъ, какъ вліяетъ этотъ продуктъ на тѣ или иные общественные интересы и т. д., и т. д. Ему важно только одно,—чтобы цѣнность полученнаго имъ продукта превышала сдѣланныя затраты, чтобы возникла прибавочная цѣнность и вернулась къ своему исходному пункту, кассѣ капиталиста, пустившаго цѣнность въ оборотъ.

Что сущность круговорота капитала именно такова, объ этомъ не можетъ быть серьезнаго спора. Посмотримъ теперь, имѣется ли что-либо общее по своему внутреннему экономическому содержанію между наймомъ рабочаго на фабрику и наймомъ домашней прислуги.

Я нанимаю за 10 р. въ мѣсяцъ кухарку вовсе не потому, что я хочу пустить въ оборотъ свои 10 р. и превратить ихъ, скажемъ, въ 15 р. Мои побудительные мотивы совсѣмъ иные, не имѣющіе ничего общаго съ мотивами капиталиста. Мнѣ нужна не прибавочная цѣнность—мнѣ нуженъ обѣдъ. И, чтобы получить обѣдъ, я плачу кухаркѣ. И если согласиться, что я эксплоатирую свою кухарку, то все же окажется, что капиталистъ эксплоатируетъ своихъ рабочихъ ради прибыли, а я эксплоатирую свою кухарку ради потребительныхъ цѣлей, ради хорошаго обѣда, а это далеко не одно и то же.

Допустимъ, что фабрикантъ увеличилъ эксплоатацію своихъ рабочихъ, понизивъ ихъ плату на 1 р. Это сокращеніе расходовъ вызоветъ соотвѣтственное увеличеніе прибыли фабриканта также на 1 рубль.

Если же я увеличу эксплоатацію своей кухарки, понизивъ ей жалованье на 1 р., то я не увеличу своей прибыли отъ кухарки, ибо и раньше никакой прибыли отъ нея не получалъ. Сокращеніе расходовъ на мое домашнее хозяйство дастъ мнѣ, быть можетъ, возможность улучшить мой столъ—вотъ и все. Я существенно выиграю, какъ и фабрикантъ; но мой выигрышъ будетъ другой экономической природы—у капиталиста возросла прибыль, у меня же улучшилось потребленіе.

Правда, новая прибыль фабриканта можетъ быть затрачена имъ на улучшеніе своего потребленія, и, такимъ образомъ, окончательный результатъ въ обоихъ случаяхъ будетъ тотъ же. Но достигнутъ-то онъ будетъ разными путями: въ первомъ случаѣ

увеличеніе эксплоатаціи труда (въ капиталистическомъ хозяйствѣ) превращается въ добавочную прибыль, а затѣмъ добавочная прибыль превращается въ добавочные предметы потребленія капиталиста; во второмъ же случаѣ (въ домашнемъ хозяйствѣ) увеличеніе эксплоатаціи труда никакой добавочной прибыли не дастъ, а имѣетъ своимъ непосредственнымъ результатомъ улучшеніе условій домашняго хозяйства.

Вообще, капиталистическое хозяйство есть прибылевое, а не потребительное хозяйство—это нужно твердо помнить. Движущей силой капиталистическаго хозяйства является абстрактная прибавочная цѣнность; напротивъ, движущей силой потребительнаго хозяйства является потребность въ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ хозяйственныхъ предметахъ.

Потребительное общество, по самой своей природѣ, преслѣдуетъ потребительныя цѣли. Какъ бы оно ни эксплоатировало трудъ своихъ служащихъ и рабочихъ, оно не можетъ утратить этого своего основного характера. И потому уменьшеніе расходовъ на домашнее хозяйство, къ чему стремится потребительное общество,—нѣчто совершенно иное, чѣмъ увеличеніе прибыли, къ чему стремится капиталистическое предпріятіе. Суммированіе въ одно цѣлое ряда этихъ сбереженій и выдача ихъ въ концѣ года члену потребительнаго общества не измѣняетъ экономической природы такихъ сбереженій и не дѣлаетъ ихъ прибылью, хотя бы эти суммированныя сбереженія и назывались «дивидендомъ», подобно капиталистической прибыли акціонерныхъ обществъ.

Отсюда видно, какъ велико различіе соціально-экономической природы потребительнаго общества и капиталистическаго предпріятія, кому бы послѣднее ни принадлежало,—лицамъ капиталистическаго класса или, при акціонерной формѣ предпріятія,—рабочаго класса.

Перейдемъ теперь къ другимъ видамъ кооперативныхъ предпріятій. Совершенно ясно, что доходъ производительной артели является принципіально трудовымъ доходомъ и въ качествѣ таковаго ничего общаго съ нетрудовой капиталистической прибылью не имѣетъ. Къ какому же подраздѣленію тройственной группы доходовъ,—земельной ренты, прибыли и заработной платы,—относится этотъ доходъ? Ни къ какому, по той простой причинѣ, что эти три вида дохода предполагаютъ капиталистическій способъ произ-

водства, въ данномъ же случаѣ производство не имѣетъ капиталистическаго характера. Поэтому доходъ производительной артели, равно какъ и доходъ одиночнаго самостоятельнаго производителя, стоитъ внѣ названнаго тройственнаго дѣленія.

Правда, въ доходѣ производительной артели могутъ быть и нетрудовые элементы, общіе съ капиталистической прибылью. Такъ, напр., поскольку доходъ артели основывается на разницѣ между покупной и продажной цѣной пріобрѣтаемыхъ матеріаловъ, доходъ этотъ принципіально не отличается отъ торговой прибыли. Но не эти извнѣ привходящіе элементы опредѣляютъ собой экономическую природу дохода артели. Артель устраивается не для спекуляцій на разницѣ покупной и продажной цѣны, а для достиженія наилучшаго использованія въ интересахъ рабочаго его рабочей силы. Торговая спекуляція является постороннимъ элементомъ въ дѣятельности артели. Напротивъ, трудовой доходъ составляетъ самое существо ея, и изображать трудовую артель компаніей капиталистовъ-спекулянтовъ значитъ совершенно искажать дѣйствительность.

Возьмемъ другіе виды кооперативовъ,—кооперативы по сбыту продуктовъ труда членовъ кооперативовъ и по переработкѣ этихъ продуктовъ. Кооперативы эти во многихъ случаяхъ по своей внѣшней формѣ значительно сближаются съ ультра-капиталистическими организаціями нашего времени,—картелями и синдикатами капиталистовъ. Одна изъ важнѣйшихъ цѣлей этихъ капиталистическихъ организацій заключается въ совмѣстной продажѣ продуктовъ каждаго отдѣльнаго предпріятія. Для этого картель устраиваетъ общую контору продажи, при чемъ полученная прибыль обычно разверстывается между участниками картеля въ соотвѣтствіи съ количествомъ проданнаго черезъ посредство общей конторы продукта. Чѣмъ больше продуктовъ продаетъ черезъ общую контору каждое отдѣльное предпріятіе, тѣмъ больше причитающаяся ему доля общей прибыли. Передъ нами полная аналогія съ распредѣленіемъ выручки въ кооперативахъ для сбыта.

Не слѣдуетъ ли такой капиталистическій картель,—напр., хотя бы нашу русскую знаменитую «Продамету»,—признать кооперативомъ? Ея экономическая форма принципіально не отличается отъ любого кооператива сбыта. Правда, юридически общество «Продамета»—не что иное, какъ обычная акціонерная компанія съ та-

кими же акціями, дивидендомъ на нихъ и т. д. Но эта акціонерная форма—только обманчивая видимость. На самомъ же дѣлѣ «Продамета» отнюдь не походитъ на обычную акціонерную торговую компанію, и это съ полной очевидностью выступаетъ изъ поразительнаго несоотвѣтствія между оборотами «Продаметы» и ея акціонернымъ капиталомъ. Основной капиталъ «Продаметы» при учрежденіи этого общества былъ опредѣленъ всего въ 100 тыс. рублей, между тѣмъ обороты его въ ближайшіе же годы достигли десятковъ милліоновъ рублей. Отсюда ясно, какое ничтожное значеніе имѣлъ для оборотовъ «Продаметы» ея основной капиталъ. Объясняется это тѣмъ, что «Продамета» не покупаетъ товаровъ, а только продаетъ ихъ по порученію ея членовъ. Она организована въ видѣ акціонернаго общества только для того, чтобы получить права юридическаго лица.

Акціи «Продаметы» не могутъ быть отчуждаемы по усмотрѣнію акціонеровъ, но распредѣляются между участниками пропорціонально долѣ участія каждаго въ сбытѣ соотвѣтствующихъ товаровъ; поэтому и прибыль «Продаметы» распредѣляется фактически между ея членами такимъ же порядкомъ, подобно тому какъ въ артельной маслодѣльнѣ полученный доходъ распредѣляется пропорціонально количеству поставленнаго молока.

Нѣкоторые теоретики кооперации не прочь, повидимому, признать подобныя капиталистическія организаціи за настоящіе кооперативы. Но вѣдь совершенно очевидно, что экономическая роль и всѣ условія развитія капиталистическихъ картелей и трестовъ не имѣютъ ничего общаго съ ролью и условіями развитія въ современномъ обществѣ кооперативовъ. Ни одинъ кооператоръ не предложитъ въ серьезъ включить въ кооперативные союзы и организаціи также и капиталистическіе картели и тресты. Если же теоретики коопераціи приходятъ въ результатѣ своихъ попытокъ опредѣлить кооперацію къ признанію кооперативами и картелей, то это является лучшимъ доказательствомъ неудачности этихъ попытокъ, сведеніемъ къ абсурду данныхъ теоретическихъ построеній.

Итакъ, чѣмъ же отличаются кооперативы сбыта отъ капиталистическихъ конторъ сбыта, иначе говоря, картелей? Только тѣмъ, что первыя организаціи объединяютъ трудовыхъ производителей, а вторыя—капиталистическихъ предпринимателей. Различіе юри-

дической структуры тѣхъ и другихъ есть послѣдствіе этого основного ихъ различія.

Кооперативы сбыта не нуждаются въ юридической формѣ акціонерной компаніи потому, что они не преслѣдуютъ капиталистическихъ цѣлей. Какъ и картели, они стремятся къ повышенію доходовъ ихъ членовъ; но такъ какъ членами кооперативовъ являются не капиталисты, а трудящіеся производители, то и кооперативы по сбыту увеличиваютъ трудовые доходы своихъ членовъ.

Опять-таки, какъ мы видѣли и на примѣрѣ производительныхъ артелей, нельзя провести точной разграничительной черты между трудовыми и нетрудовыми элементами доходовъ самостоятельныхъ производителей, образующихъ кооперативъ по сбыту. Каждый производитель стремится продать свой продуктъ по возможно высшей цѣнѣ, и это вѣрно какъ относительно капиталистическихъ, такъ и трудовыхъ производителей. Если продажная цѣна продукта мелкаго производителя не соотвѣтствуетъ его относительной трудовой стоимости, то въ ней имѣются нетрудовые элементы,— мелкій производитель получаетъ доходъ, аналогичный торговой прибыли. Но мелкіе производители по самой природѣ капиталистическаго общества являются въ немъ не сильнѣйшимъ, а слабѣйшимъ общественнымъ классомъ. Они борются не за повышеніе ихъ трудового продукта выше трудовой нормы, а стараются оградить себя путемъ кооперативной организаціи отъ пониженія цѣны ихъ продуктовъ капиталистами-посредниками ниже этой нормы.

«Продавецъ всегда стремится,—сказалъ извѣстный теоретикъ коопераціи Оппенгеймеръ,—къ возможно большей прибыли». Это сказано очень неточно. Дѣйствительно, всякій продавецъ всегда стремится къ наибольшей выгодѣ, но эта выгода не всегда имѣетъ характеръ капиталистической прибыли. Если продавецъ продаетъ свой собственный трудовой продуктъ, то, какъ общее правило, не онъ является эксплоататоромъ покупателей, а покупатель его эксплоатируетъ. Торговый посредникъ обладаетъ капиталомъ, а мелкій производитель находитъ опору только въ своемъ трудѣ. Повышеніе продажной цѣны продукта мелкаго производителя отнюдь не превращаетъ его въ капиталиста, но, какъ общее правило, только уменьшаетъ эксплоатацію мелкаго производителя капиталистомъ-посредникомъ.

Но и по самому существу дѣла продажная цѣна продукта тру-

дового производителя не можетъ превысить, какъ общее правило, трудовой нормы. И это потому, что если бы нѣчто подобное произошло, если бы продажныя цѣны въ данной отрасли производства существенно повысились противъ названной нормы, то мелкій производитель получилъ бы сильный мотивъ къ расширенію своего предпріятія путемъ привлеченія къ нему наемнаго труда; такимъ образомъ, мелкій производитель развивался бы въ мелкаго капиталиста. Кооперація мелкихъ производителей повела бы въ этомъ случаѣ къ превращенію трудовыхъ производителей въ мелкихъ капиталистовъ. Но организація, въ которой трудящіеся элементы перестали бы давать тонъ, неизбѣжно утратила бы и специфическія черты кооператива, которыя обычно считаются его признаками, какъ-то: демократизмъ, личное начало и т. д. Всѣ эти черты суть неизбѣжное и неустранимое слѣдствіе существенной природы кооператива,—того, что кооперативъ объединяетъ трудовые, а не капиталистическіе элементы.

Капиталистическая организація имѣетъ всегда крайне характерный обликъ. Весь смыслъ этой организаціи заключается въ стремленіи къ наибольшему барышу. Отсюда тенденція къ неограниченному расширенію оборотовъ предпріятія, ибо жажда наживы никогда не достигаетъ насыщенія. Капиталу свойственно становиться самоцѣлью, подчинять себѣ не только весь строй данной экономической организаціи, но и самого человѣка.

Кооперативы характеризуются прямо противоположными чертами. Ихъ цѣль—не наибольшая прибыль, но наибольшая степень благосостоянія членовъ кооператива: они не только не подчиняютъ человѣка капиталу, но, наоборотъ, ставятъ своей задачей избавить человѣка отъ такого подчиненія.

И въ этомъ смыслѣ кооператоры, настаивающіе еще со временъ Шульце-Делича на томъ, что кооперація есть союзъ лицъ въ противоположность союзамъ капиталовъ, совершенно правы. Недостаткомъ опредѣленія кооператива какъ союза лицъ является лишь неопредѣленность и неясность этого понятія. Нужно показать, какой же экономическій смыслъ имѣетъ противопоставленіе понятія лица понятію капитала.

Вопросъ о природѣ доходовъ кооперативовъ можетъ быть рѣшенъ слѣдующимъ образомъ. Доходъ кооперативнаго предпріятія принципіально глубоко отличенъ отъ капиталистической при-

были. Правда, элементы прибыли могутъ примѣшиваться къ доходу кооперативовъ. Но они всегда являются инороднымъ тѣломъ въ природѣ этого дохода, явленіемъ ненормальнымъ, препятствующимъ кооперативу достигать своихъ основныхъ цѣлей, началомъ капиталистическаго вырожденія кооператива, которое постигаетъ очень многіе кооперативы, но которое никоимъ образомъ не можетъ считаться выраженіемъ ихъ внутренней сущности. Кооперація выросла на капиталистической почвѣ и имѣетъ капиталистическую форму; но въ этой капиталистической формѣ живетъ совершенно иной, некапиталистическій, духъ, влекущій человѣчество на новые пути, создающій новыя общественныя формы, настолько противоположныя формамъ жизни капиталистическаго общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплоатаціи и насилію.

V.

Итакъ, кооперативъ не только не есть капиталистическое предпріятіе, но именно въ борьбѣ съ капиталомъ и заключается самая сущность кооперативнаго движенія. Въ своемъ капиталистическомъ тѣлѣ кооперативъ скрываетъ душу, враждебную капиталу. Кооперативы служатъ интересамъ не капиталистовъ, а тѣхъ, кто страдаетъ отъ капитализма. Кооперація есть одна изъ формъ самозащиты трудящихся классовъ отъ натиска капитала.

Каждый видъ кооперативовъ имѣетъ своей спеціальной задачей борьбу съ опредѣленнымъ родомъ капитала. Такъ, напр., потребительныя общества ведутъ борьбу, прежде всего, съ розничными торговцами, торгующими предметами широкаго массоваго потребленія; на слѣдующей ступени развитія потребительныя общества, объединенныя въ общества оптовыхъ закупокъ, вступаютъ въ борьбу и съ оптовыми торговцами, а еще на слѣдующей ступени, когда они переходятъ къ собственному производству,—и съ промышленнымъ капиталомъ. Товарищества по сбыту борются съ капиталистами-скупщиками, закупочныя товарищества—съ капиталистами продавцами. Производительныя ассоціаціи стремятся уничтожить капиталиста-предпринимателя, замѣняя его организованнымъ участіемъ рабочихъ въ руководительствѣ промышленнымъ предпріятіемъ.

Но не нужно забывать, что борьба кооперативовъ съ капиталистомъ ведется ими не созданіемъ совершенно новаго хозяйственнаго строя, какъ пытались, и безуспѣшно, бороться съ капитализмомъ соціалистическія общины. Кооперативы тоже создаютъ новый міръ, но тѣми орудіями, которыя имѣются въ самомъ капитализмѣ.

Развитіе капиталистическаго строя, будучи, несомнѣнно, прогрессивнымъ процессомъ и повышая въ огромной степени производительность общественнаго труда, въ то же время сопровождается тяжелыми страданіями для широкихъ массъ населенія. Мелкіе производители терпятъ отъ конкуренціи крупныхъ капиталистическихъ предпріятій и, въ то же время, все болѣе и болѣе втягиваясь въ сферу мѣновыхъ отношеній, утрачиваютъ устойчивость своего хозяйства и попадаютъ въ зависимость отъ денежнаго и торговаго капитала. Создаваемый ростомъ капиталистическаго производства пролетаріатъ является новымъ общественнымъ классомъ, лишеннымъ средствъ производства и необезпеченнымъ въ своемъ доходѣ, всецѣло зависящимъ отъ условій продажи рабочей силы.

Въ то время какъ мелкіе производители страдаютъ отъ развитія капиталистическихъ отношеній въ качествѣ предпринимателей, рабочіе терпятъ отъ тѣхъ же отношеній въ качествѣ продавцевъ рабочей силы и потребителей. И для тѣхъ и для другихъ возникаетъ необходимость огражденія своихъ интересовъ отъ неблагопріятныхъ послѣдствій новаго хозяйственнаго строя.

Самозащита трудящихся классовъ возможна только путемъ объединенія ихъ въ болѣе или менѣе обширныя группы. И мелкіе самостоятельные производители и рабочіе являются, сравнительно съ крупными предпринимателями, капиталистами, экономически болѣе слабыми. Единоличная борьба отдѣльныхъ представителей трудящихся классовъ съ капиталистами невозможна. Но, связанные общей организаціей, трудящіеся классы могутъ съ успѣхомъ противостоять капиталу.

Единичный пролетарій не располагаетъ никакими средствами для борьбы съ розничнымъ торговцемъ, продающимъ ему предметы потребленія плохого качества по непомѣрно высокой цѣнѣ. Онъ не можетъ замѣнить покупку у розничнаго торговца пріобрѣтеніемъ товара у оптовика, ибо онъ покупаетъ по мелочамъ и не располагаетъ капиталомъ, необходимымъ для покупки товара большими

партіями. Но группа такихъ пролетаріевъ, объединенная въ качествѣ покупателей, представляетъ собой крупную покупательную силу, для которой покупка по оптовымъ цѣнамъ не представляетъ собой ничего невозможнаго. Точно такъ же мелкій производитель, выступая единолично, не имѣетъ никакой возможности отстоять себѣ тѣхъ условій кредита, которыя доступны крупному предпринимателю. Группа же мелкихъ производителей, при солидарной отвѣтственности ихъ другъ за друга, представляетъ собой не меньшее обезпеченіе исправнаго возврата полученной ссуды, чѣмъ и любой капиталистическій заемщикъ. Также и при сбытѣ своихъ продуктовъ мелкій производитель, предоставленный своимъ единоличнымъ силамъ, неизбѣжно попадаетъ въ зависимость отъ экономически болѣе сильнаго капиталиста-покупателя, между тѣмъ какъ группа тѣхъ же производителей, выступая какъ одно цѣлое на товарномъ рынкѣ, легко достигаетъ такихъ же условій продажи, какъ и крупный предприниматель.

Въ этомъ объединеніи многихъ лицъ вокругъ одной хозяйственной цѣли заключается источникъ силы коопераціи. Кооперативы— не только хозяйственныя предпріятія, но и предпріятія многоличныя.

Хозяйственныя организаціи въ интересахъ широкихъ общественныхъ группъ могутъ возникать двумя способами—принудительно или добровольно. Государство и его органы являются принудительной организаціей, которая можетъ ставить себѣ цѣли хозяйственныя и успѣшно достигать ихъ. Принудительныя общественныя организаціи могутъ создавать спеціальныя учрежденія для защиты хозяйственныхъ интересовъ тѣхъ же общественныхъ классовъ, которые объединяются и въ кооперативахъ.

Кооперативъ защищаетъ хозяйственные интересы экономически слабыхъ общественныхъ группъ путемъ объединенія ихъ въ одно хозяйственное цѣлое. Но то же можетъ дѣлать государство или его органы—городъ и земство. И дѣйствительно, мы нерѣдко видимъ, что принудительныя общественныя организаціи (напр., муниципалитеты), такъ сказать, конкурируютъ съ кооперативами въ защитѣ интересовъ совершенно того же порядка.

Потребительное общество борется за удешевленіе стоимости жизни нуждающихся классовъ населенія. Но за ту же задачу берется и муниципалитетъ. Такъ, напр., въ послѣднее время, подъ

вліяніемъ вздорожанія жизни многіе города устраиваютъ городскія лавки для продажи разныхъ продуктовъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

Другимъ примѣромъ того же рода являются государственные и общественныя зернохранилища—элеваторы, устраиваемые государствомъ и муниципалитетами для улучшенія условій продажи хлѣба. Тѣ же цѣли преслѣдуютъ и элеваторы, принадлежащіе кооперативамъ.

Если мы вспомнимъ, какой огромной экономической силой обладаютъ принудительные общественные союзы, то самая возможность конкуренціи съ послѣдними кооперативовъ покажется намъ мало понятной. Вѣдь государство и его органы собираютъ свои средства путемъ налоговъ. Экономическія средства государства кажутся неисчерпаемыми. Напротивъ, кооперативы не только не обладаютъ столь же обширными рессурсами, но, какъ общее правило, очень ограничены въ своихъ денежныхъ средствахъ. И это нисколько не удивительно. Вѣдь кооперативы возникаютъ среди болѣе бѣдныхъ классовъ населенія. Эти классы не располагаютъ никакими избытками, никакими свободными капиталами.

Начинаются кооперативы обычно съ самымъ ничтожнымъ денежнымъ капиталомъ, который только постепенно, послѣ продолжительнаго существованія кооператива, достигаетъ большихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, передъ нами двѣ хозяйственныхъ организаціи—одна изъ нихъ располагаетъ средствами, практически неисчерпаемыми и получаемыми безъ малѣйшаго затрудненія въ желаемыхъ размѣрахъ путемъ принудительнаго обложенія населенія; другая же организація до послѣдней степени стѣснена въ средствахъ, собираемыхъ жалкими грошами среди болѣе нуждающихся общественныхъ классовъ. Развѣ возможна успѣшная конкуренція между организаціями столь различной экономической силы?

Опытъ показываетъ, что не только возможна, но что нерѣдко кооперативы оказываются болѣе пригодными для разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя они себѣ ставятъ, чѣмъ преслѣдующія сходныя цѣли учрежденія, связанныя съ государствомъ и муниципалитетами.

Городскія лавки и тому подобныя учрежденія далеко не всегда имѣютъ успѣхъ, несмотря на громадныя средства, которыя на нихъ затрачиваются. Рѣдко онѣ себя окупаютъ и обычно могутъ существовать только благодаря новымъ и новымъ затратамъ обще-

ственныхъ средствъ. Напротивъ, кооперативы не только окупаютъ себя, но и имѣютъ возможность накапливать изъ своей выручки крупныя сбереженія. Накопленный англійскими потребительными обществами капиталъ считается десятками милліоновъ ф. с., но, кромѣ того, эти общества имѣютъ возможность возвращать своимъ покупателямъ изъ своей выручки свыше десяти милліоновъ ф. с. ежегодно.

Что же возмѣщаетъ кооперативамъ недостатокъ капитала при началѣ дѣла? Въ чемъ источникъ ихъ силы?

Отвѣтъ не труденъ. Если сила принудительныхъ союзовъ заключается въ возможности принужденія населенія, то сила кооперативовъ заключается именно въ ихъ полной добровольности, въ совершенной свободѣ каждаго члена принимать или не принимать въ нихъ участія. Кооперативъ является такой хозяйственной организаціей, которая возникаетъ совершенно свободно, безъ какого бы то ни было принужденія. Кооперативъ есть организованная самопомощь, и въ этомъ его специфическая сила.

Сравнимъ потребительное общество съ лавкой, устраиваемой городомъ для борьбы съ дороговизной тѣхъ или иныхъ продуктовъ. Въ городской лавкѣ управленіе принадлежитъ городскимъ властямъ, которыя сами непосредственно очень мало заинтересованы въ томъ, чтобы лавка достигала своихъ цѣлей. Лавка существуетъ въ интересахъ покупателей, но сами покупатели не принимаютъ никакого участія въ управленіи ею. Они ничѣмъ не помогаютъ управленію лавкой и относятся къ ней такъ же, какъ и къ любому капиталистическому предпріятію.

Возьмемъ теперь потребительное общество. Правда, начинать ему приходится съ грошей, и его первые шаги всегда сопряжены съ огромными затрудненіями. Но зато члены потребительнаго общества лично заинтересованы въ томъ, чтобы оно достигало своихъ цѣлей. Всѣ покупатели суть вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяева. Какое-либо упущеніе или неисправность управленія лавкой контролируются самымъ дѣйствительнымъ образомъ, сотнями и тысячами участниковъ кооператива. Всякій изъ нихъ понимаетъ, что неудача лавки есть его собственная неудача, и отсюда является готовность идти на извѣстныя пожертвованія своими экономическими интересами и своимъ временемъ и трудомъ для поддержанія лавки.

Опираясь на эту солидарную заинтересованность всѣхъ своихъ кліентовъ, кооперативъ можетъ достигать огромныхъ результатовъ съ самымъ ничтожнымъ капиталомъ. Недостатокъ капитала замѣняется общей готовностью сдѣлать все возможное для успѣха общаго дѣла.

Муниципальное предпріятіе въ интересахъ населенія есть опека послѣдняго сверху. Напротивъ, кооперативъ есть самопомощь самого населенія.

Кооперативъ взываетъ, прежде всего, къ личной заинтересованности каждаго. Но это не все—на личной заинтересованности основываются и капиталистическія предпріятія. Кооперація въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, существенно отличается отъ капитализма.

Люди, поведеніе которыхъ опредѣляется только мотивами личнаго эгоизма, непригодны для коопераціи. Правда, кооперативъ обѣщаетъ своимъ членамъ существенныя экономическія выгоды, но эти выгоды могутъ быть получены ими лишь въ томъ случаѣ, если члены кооператива способны отказаться отъ своихъ выгодъ.

Первые шаги кооператива всегда очень трудны, и кооперативъ не переживетъ болѣзней своего дѣтства, если члены его будутъ думать только о своихъ личныхъ интересахъ. На первыхъ порахъ кооперативъ никакихъ выгодъ не даетъ, а требуетъ жертвъ. Не только нужно вносить паи, что для тѣхъ классовъ населенія, среди которыхъ возникаетъ кооперативъ и которые не обладаютъ никакими избытками, очень и очень не легко, но нужно быть готовымъ и переносить послѣдствія промаховъ и ошибокъ, неизбѣжныхъ у руководителей новаго дѣла. Кучка рабочихъ, рѣшившихся основать потребительное общество, не располагаетъ знаніемъ рынка и вообще не обладаетъ торговымъ умѣніемъ. Поэтому, какъ общее правило, первое время рабочее потребительное общество оказывается по отношенію къ выполненію своихъ непосредственныхъ задачъ—снабженію своихъ членовъ доброкачественными предметами потребленія по умѣренной цѣнѣ—стоящимъ значительно ниже обычной капиталистической лавки. Для членовъ общества возникаетъ соблазнъ покупать товары не въ своей лавкѣ, а у сосѣдняго торговца, который къ тому же предлагаетъ товаръ въ кредитъ въ то время, какъ общество отпускаетъ товаръ только на наличныя.

Затѣмъ, самое веденіе дѣла—должности члена правленія, ревизіонной комиссіи — требуетъ значительной затраты времени и труда. А всякая свободная минута дорога рабочему человѣку. Приходится жертвовать своимъ досугомъ и вмѣсто того, чтобы отдыхать отъ утомительнаго труда, тратить время на скучныя и нисколько не интересныя мелкія хлопоты и счеты.

Что же побуждаетъ людей не отступать передъ всѣми этими трудностями и побѣдоносно преодолѣвать ихъ? Очевидно, только интересъ къ общему дѣлу, общественное воодушевленіе, энтузіазмъ. Безъ такого энтузіазма невозможенъ успѣхъ кооператива.

Какихъ же душевныхъ свойствъ требуетъ кооперація отъ своихъ участниковъ? Конечно, не равнодушія къ личному интересу. Наоборотъ, кооперативъ предполагаетъ личную заинтересованность и безъ нея не можетъ имѣть успѣха. Личная заинтересованность создаетъ тотъ непрерывный контроль, который такъ важенъ для успѣха кооператива. Приказчикъ продаетъ въ лавкѣ потребительнаго общества товаръ плохого качества. Если покупатели лавки не привыкли беречь всякую свою копейку, то они могутъ и не обратить вниманія на полученный ими отъ плохого качества товара небольшой хозяйственный ущербъ. Въ результатѣ этихъ мелкихъ упущеній получается плохое веденіе всего дѣла. Напротивъ, если члены кооператива привыкли строго охранять свои интересы и избѣгать всякаго хозяйственнаго ущерба, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, то ни одно упущеніе правленія не остается незамѣченнымъ и можетъ быть, слѣдовательно, исправлено.

Такимъ образомъ, мелочный контроль дѣла, исходящій отъ массы членовъ кооператива, пользующихся его услугами, есть необходимое условіе успѣха. А этотъ мелочный контроль можетъ основываться только на привычкѣ строго охранять свои интересы.

VI.

Но охрана своихъ интересовъ должна соединяться у кооператора съ готовностью жертвовать ими во имя общихъ интересовъ. Не чистый эгоизмъ и не чистый альтруизмъ, а солидарность интересовъ—вотъ духовная основа кооперацін. Эгоизмъ лежитъ въ основѣ капитализма, альтруизмъ—соціализма; кооперація соединя-

етъ эгоизмъ съ альтруизмомъ въ сознанiи солидарности общаго и частнаго интересовъ. Въ кооперативѣ интересы всѣхъ примирены, и всѣ въ равной мѣрѣ заинтересованы въ томъ, чтобы общее дѣло преуспѣвало; успѣхъ этого общаго дѣла обѣщаетъ и многочисленныя выгоды отдѣльнымъ участникамъ. Но чтобы получить эти выгоды, нужно умѣть и отказываться отъ нихъ, если это требуется общими интересами.

Какъ правильно замѣчаетъ Рейнольдъ Ринъ, авторъ прекрасной книги «Das Konsumvereinswesen in Deutschland» (1902), «сознанiе своихъ собственныхъ интересовъ побуждаетъ кооператора стремиться къ сохраненiю всѣхъ тѣхъ, по внѣшней видимости, чисто-идеалистическихъ учрежденiй, которыя имѣютъ своей цѣлью развитiе чувства солидарности между кооператорами. Отсюда затрата огромныхъ суммъ въ англiйскихъ потребительныхъ обществахъ на цѣли воспитанiя, образованiя и благотворительности, достигающихъ, чтобы привести конкретный примѣръ, въ обоихъ потребительныхъ обществахъ Ольдгама за пятидесятилѣтiе ихъ существованiя, не менѣе двухъ съ половиною миллiоновъ марокъ. Эти общества знаютъ, что эти два съ половиною миллiона марокъ были не слѣдствiемъ, а причиной 53,5 мил. марокъ, выдаваемыхъ членамъ тѣхъ же обществъ. Отсюда и стремленiе создать въ потребительномъ обществѣ средоточiе духовной и общественной жизни членовъ общества. Какъ хорошiй хозяинъ, потребительное общество вводитъ въ свой финансовый учетъ выгоды отъ поднятiя моральнаго и интеллектуальнаго уровня своихъ членовъ, совершенно такъ же, какъ государство учитываетъ выгоды отъ поднятiя платежеспособности населенiя, поощряя развитiе образовательныхъ учрежденiй. Наблюдателя поражаетъ контрастъ между тѣмъ членомъ потребительнаго общества, который на общемъ собранiи гремитъ по поводу плохого чая, проданнаго его достойной супругѣ, и кооператоромъ, который съ воодушевленiемъ требуетъ затратъ на кооперативныя школы, библiотеки, санаторiи и пр., но въ концѣ-концовъ это только подтвержденiе тривiальной истины, что съ поднятiемъ моральнаго и интеллектуальнаго уровня возрастаютъ и хозяйственные успѣхи человѣка».

Итакъ, кооперацiя воспитываетъ новаго человѣка, гармонично сочетающаго въ себѣ умѣнiе отстаивать личные интересы съ готовностью отказываться отъ нихъ во имя интереса общаго. Какъ

кооперація есть дѣтище двухъ совершенно противоположныхъ общественныхъ системъ — капитализма и соціализма, такъ и душевныя свойства кооператора являются своеобразнымъ сочетаніемъ противоположныхъ этическихъ началъ эгоизма и альтруизма.

Суммируя всѣ указанныя характерныя черты кооператива, мы приходимъ къ слѣдующему опредѣленію его: *кооперативъ есть такое хозяйственное предпріятіе нѣсколькихъ, добровольно соединившихся лицъ, которое имѣетъ своею цѣлью не полученіе наибольшаго барыша на затраченный капиталъ, но увеличеніе, благодаря общему веденію хозяйства, трудовыхъ доходовъ своихъ членовъ или уменьшеніе ихъ расходовъ на потребительныя нужды.*

Кооперативъ, по самому своему существу, есть организація трудящихся общественныхъ классовъ, въ ихъ борьбѣ съ капиталистами. Поэтому ничего не можетъ быть фальшивѣе разсужденій многихъ проповѣдниковъ кооперации о неклассовомъ характерѣ кооперативнаго движенія. Кооперативы всегда были и остаются организаціями классовыми, организаціями трудящихся классовъ.

Самозащита трудящихся классовъ можетъ вестись двумя способами: путемъ непосредственной борьбы съ ихъ антагонистами и путемъ конкуренціи съ послѣдними. Отсюда и вытекаютъ три основныя русла современнаго рабочаго движенія—профессіональное движеніе, политическое и кооперативное. Профессіональное движеніе, выражающееся въ союзахъ рабочихъ, какъ продавцовъ рабочей силы, непосредственно направлено противъ капиталистовъ. Весь смыслъ рабочаго союза заключается въ борьбѣ съ капиталистомъ-предпринимателемъ ради возможнаго улучшенія условій продажи рабочей силы. Интересы капиталистовъ и рабочихъ находятся въ данномъ случаѣ въ рѣзкомъ антагонизмѣ, и всякій выигрышъ для рабочихъ равносиленъ проигрышу для капиталистовъ.

Политическія партіи рабочихъ ведутъ такую же борьбу, но въ болѣе широкихъ политическихъ рамкахъ. Борьба направлена въ этомъ случаѣ не непосредственно на капиталистовъ, а на государство, поскольку послѣднее является выраженіемъ классового господства владѣльцевъ средствъ производства. И политическая пар-

тія рабочихъ, не менѣе рабочаго союза, есть боевая организація, созданная всецѣло для борьбы.

Кооперативъ глубоко различенъ по своей природѣ и отъ рабочаго союза, и отъ политической партіи. Правда, всѣ три организаціи имѣютъ своей средой трудящіеся классы и защищаютъ интересы этихъ классовъ. Но кооперативъ ведетъ эту защиту совсѣмъ другимъ методомъ, чѣмъ рабочій союзъ (не говоря уже о политической партіи). Рабочій союзъ борется внутри капиталистическаго предпріятія и, значитъ, предполагаетъ существованіе послѣдняго; въ рабочемъ союзѣ находитъ себѣ выраженіе внутренній антагонизмъ, присущій капиталистическому предпріятію, какъ таковому.

Напротивъ, кооперативъ существуетъ не внутри капиталистическаго предпріятія, а внѣ его, рядомъ съ нимъ. Рабочій союзъ беретъ капиталистическое предпріятіе, какъ оно есть, и стремится измѣнить, въ интересахъ рабочихъ, его внутреннее соотношеніе силъ. Кооперативъ не затрогиваетъ непосредственно внутренняго строенія капиталистическаго предпріятія и соотношенія его антагонистическихъ силъ, а создаетъ новое предпріятіе въ интересахъ трудящихся классовъ.

Поэтому съ формальной, внѣшней стороны кооперативъ не ведетъ никакой борьбы съ капиталистическимъ классомъ. Въ то время, какъ весь смыслъ рабочаго союза заключается въ этой борьбѣ, кооперативъ занятъ веденіемъ своего предпріятія и совершенно не вмѣшивается въ отношенія труда и капитала въ другихъ предпріятіяхъ.

Рабочій союзъ стремится измѣнить соотношеніе соціальныхъ силъ въ современномъ обществѣ, но не строитъ непосредственно новаго общества. Точно такъ же задача политической партіи рабочихъ разрушительная, а не созидательная. Напротивъ, кооперативъ строитъ новое общество въ предѣлахъ существующаго. Онъ создаетъ новое предпріятіе, существенно иного типа, чѣмъ капиталистическое.

Такимъ образомъ, кооперативъ является творческой, созидательной силой въ противоположность разрушительной силѣ рабочаго союза и политической партіи рабочихъ.

Многіе кооператоры думаютъ, что кооперативъ есть организація принципіально чуждая какой бы то ни было борьбы. Коопе-

рація, говорятъ они, есть соціальный миръ, кооперація не посягаетъ ни на чьи интересы, она стоитъ выше классовыхъ антагонизмовъ современности.

Это, однако, безусловно невѣрно. Если бы кооперація была внѣ классовыхъ антагонизмовъ капиталистическаго общества и выражала собою соціальный миръ, то почему она встрѣчала бы въ своемъ развитіи столько вражды? Въ особенности потребительная кооперація—самая высшая форма коопераціи—вызываетъ въ своемъ ростѣ самое ожесточенное противодѣйствіе капиталистическаго класса. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже, теперь же ограничимся констатированіемъ того безспорнаго факта, что не только лавочники борются всѣми средствами съ потребительными обществами, но нерѣдко и государство. Достаточно сослаться на примѣръ Германіи.

Въ дѣйствительности кооперативы ведутъ не менѣе энергичную борьбу съ капиталистическимъ классомъ, чѣмъ и рабочіе союзы, но совершенно инымъ образомъ. Создавая новое предпріятіе, кооперативъ конкурируетъ съ капиталистическими предпріятіями и уничтожаетъ послѣднія. Въ этомъ смыслѣ кооперативъ еще опаснѣе для капиталистическаго предпріятія, чѣмъ рабочій союзъ. Послѣдній стремится измѣнить соотношеніе силъ внутри капиталистическаго предпріятія въ ущербъ интересамъ капитала, но не только не желаетъ разрушенія самого предпріятія, а, наоборотъ, не менѣе капиталиста заинтересованъ въ сохраненіи его. Самой дѣйствительной угрозой рабочимъ является закрытіе предпріятія: нѣтъ работодателя,—нѣтъ и работы.

Напротивъ, кооперативъ не только не боится прекращенія капиталистическаго предпріятія, а стремится къ этому. Всякій кооперативъ имѣетъ передъ собой опредѣленный видъ капиталистическаго предпріятія, съ которымъ онъ конкурируетъ и который онъ стремится уничтожить.

Въ этомъ смыслѣ кооперація ведетъ съ капитализмомъ еще болѣе рѣшительную борьбу, чѣмъ другія организаціи рабочаго класса. Рабочій союзъ, какъ сказано, борется съ капиталистомъ, но не съ капитализмомъ. Что касается политическаго движенія рабочихъ, то оно, конечно, направлено на уничтоженіе капиталистической системы, но лишь въ окончательномъ итогѣ. Непосредственно же удары политической рабочей партіи направлены отнюдь

не на капиталистическія предпріятія, а на государственную власть, поскольку послѣдняя ограждаетъ интересы капиталистическаго класса въ ущербъ интересамъ рабочихъ.

Съ капиталистическими предпріятіями, какъ таковыми, борются только кооперативы. И потому кооперація отнюдь не является соціальнымъ миромъ, а соціальной борьбой, столь же принципіальной и идущей до конца, какъ и политическая борьба рабочаго класса. Но кооперація борется не насиліемъ, не оружіемъ и не баррикадами, а мирнымъ строительствомъ новаго общественнаго строя. Кооперація есть, конечно, борьба, но борьба мирными средствами.

ГЛАВА IV.

Классификація кооперативовъ.

I.—Кооперативы какъ некапиталистическія предпріятія. II.—Классификація кооперативовъ Кауфмана и Якоба. III.—Классификація кооперативовъ какъ хозяйственныхъ предпріятій. IV.—Важность правильной классификаціи кооперативовъ. V.—Формы кооперативнаго движенія.

I.

Кооперативъ принципіально отличается отъ капиталистическаго предпріятія не внѣшними, формальными признаками, а своей внутренней природой. Поэтому, чтобы рѣшить вопросъ, является ли кооперативомъ то или другое предпріятіе, нужно, прежде всего, выяснить, имѣетъ ли данное предпріятіе капиталистическій характеръ, и если оно имѣетъ этотъ характеръ, то оно никоимъ образомъ не можетъ быть признано кооперативомъ, какъ бы ни были велики черты его сходства съ кооперативами.

Возьмемъ, напримѣръ, общество взаимнаго кредита. По внѣшнему устройству оно очень близко къ кредитному кооперативу. Общество взаимнаго кредита возникаетъ для того, чтобы удовлетворить нужду въ кредитѣ его членовъ, совершенно подобно кооперативному кредитному товариществу. Обѣ организаціи носятъ одинаково демократическій характеръ, и въ обществѣ взаимнаго кредита, какъ и въ кредитномъ товариществѣ, каждое лицо имѣетъ одинъ голосъ, независимо отъ размѣра своего паевого взноса. Обѣ организаціи носятъ одинаково открытый характеръ: каждый можетъ въ нихъ вступать съ разрѣшенія правленія—число членовъ въ нихъ не ограничено.

Проф. Вигодзинскій устанавливаетъ три признака кооператива: 1) неограниченное число членовъ; 2) содѣйствіе промыслу или хозяйству членовъ; 3) общее предпріятіе. Всѣми этими тремя при-

знаками обладаетъ общество взаимнаго кредита и, значитъ, должно быть признано кооперативомъ. Однако общества этого рода живутъ совершенно иной жизнью, чѣмъ кредитные кооперативы, не входятъ въ союзы кооперативовъ и не имѣютъ ничего общаго съ кооперативнымъ движеніемъ. Какъ общее правило, эти общества и не называются кооперативами.

Чѣмъ же они отличаются отъ кооперативовъ? Тѣмъ, что они служатъ интересамъ не мелкихъ трудовыхъ производителей, а болѣе зажиточныхъ общественныхъ классовъ. Это доказывается многими признаками,—прежде всего, размѣромъ открываемаго ими кредита, который уже не можетъ быть названъ мелкимъ кредитомъ. Затѣмъ, самый характеръ кредита иной: кредитный кооперативъ кредитуетъ своихъ членовъ подъ ихъ долговыя расписки, а общество взаимнаго кредита учитываетъ векселя. Кліенты кредитнаго кооператива принадлежатъ къ тѣмъ классамъ общества, которые не пользуются векселями, такъ какъ вообще не ведутъ коммерческихъ капиталистическихъ операцій. Напротивъ, общества взаимнаго кредита, учитывая векселя, содѣйствуетъ капиталистическимъ операціямъ своихъ членовъ. Затѣмъ, истинный кредитный кооперативъ не можетъ начислятъ дивидендовъ на паи. Правда, кооперативъ долженъ оплачивать капиталъ, которымъ онъ пользуется, но онъ не ставитъ себѣ цѣлью повышеніе этого дохода, а, наоборотъ, естественно стремится свести вознагражденіе капитала къ возможному минимуму. Напротивъ, общество взаимнаго кредита выдаетъ на паи дивидендъ, который нерѣдко достигаетъ столь же высокихъ размѣровъ, какъ и дивидендъ любой акціонерной компаніи. И это не удивительно, ибо въ то время, какъ члены кредитнаго кооператива принадлежатъ къ тѣмъ классамъ общества, которые не располагаютъ свободнымъ капиталомъ, члены общества взаимнаго кредита выходятъ изъ среды болѣе или менѣе состоятельныхъ общественныхъ классовъ, получающихъ капиталистическіе доходы и потому естественно стремящихся оплачивать высоко и вложенный ими въ общее дѣло паевой капиталъ.

Итакъ, различіе общества взаимнаго кредита и кредитнаго кооператива заключается въ томъ, что первое обслуживаетъ болѣе или менѣе состоятельные, капиталистическіе или полукапиталистическіе классы, а второй служитъ интересамъ некапиталистическаго класса мелкихъ трудящихся производителей. Именно по-

этому общество взаимнаго кредита и не можетъ быть причислено къ кооперативамъ.

Точно такъ же, какъ бы близко ни походилъ по внѣшнимъ чертамъ своего устройства капиталистическій картель на кооперативъ по сбыту, онъ не можетъ быть признанъ кооперативной организаціей, потому что членами его являются не мелкіе трудящіеся производители, а капиталисты.

Конечно, отнюдь не обязательно, чтобы всѣ члены кооператива принадлежали къ трудящимся классамъ. Наоборотъ, почти неизбѣжно, чтобы въ составъ кооперативовъ входили и лица другихъ общественныхъ классовъ. Вѣдь кооперативы въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ открытыхъ организацій, въ которыхъ можетъ принимать участіе каждый желающій. Если въ кооперативъ пожелаетъ вступить лицо капиталистическаго класса, то кооперативъ не имѣетъ никакихъ основаній противиться этому

Возьмемъ, напримѣръ, потребительное общество. Въ него можетъ вступить каждый желающій, къ какому бы общественному классу онъ ни принадлежалъ. Потребительное общество не имѣетъ мотивовъ препятствовать богатымъ людямъ вступать въ число его членовъ. Наоборотъ, оно только выигрываетъ, если его члены и покупатели обладаютъ большими покупательными средствами. И фактически классовый составъ членовъ потребительнаго общества обычно бываетъ весьма разнообразенъ. Правда, въ потребительныхъ кооперативахъ обычно преобладаютъ члены изъ состава трудящихся классовъ, но на ряду съ ними входятъ и лица состоятельныя, и даже богатыя. Если послѣднихъ обычно бываетъ очень мало, то лишь вслѣдствіе ихъ нежеланія вступать въ члены организаціи, въ которой они не нуждаются и которая имъ чужда по духу. Дѣло въ томъ, что все устройство потребительнаго кооператива приспособлено къ обслуживанію интересовъ не капиталистовъ, а лицъ трудящихся классовъ. На это указываетъ скудная оплата паевого капитала, равное право голоса всѣхъ членовъ, независимо отъ числа паевъ, запрещеніе сосредоточенія въ рукахъ одного лица болѣе опредѣленнаго числа паевъ, а, главнымъ образомъ—распредѣленіе выручки не по паямъ, а по забору. И потому участіе отдѣльныхъ лицъ капиталистическаго класса въ потребительномъ обществѣ не мѣшаетъ послѣднему быть кооперативомъ.

Точно такъ же въ разнообразныхъ кооперативахъ по сбыту и закупкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ составъ членовъ не можетъ быть пріуроченъ къ какому-либо одному общественному классу. Не только крестьяне, но и помѣщики играютъ большую роль въ сельскохозяйственной коопераціи, а въ нѣкоторыхъ странахъ наблюдается даже, что сельскохозяйственная кооперація развивается подъ непосредственнымъ руководительствомъ и преобладающимъ вліяніемъ помѣщичьяго класса. Тѣмъ не менѣе это кооперативы, а не капиталистическія компаніи, ибо таково ихъ внутреннее строеніе.

Возьмемъ, напримѣръ, маслодѣльную артель. Она не имѣетъ никакихъ поводовъ отказывать въ пріемѣ въ число своихъ членовъ лицамъ помѣщичьяго класса. Наоборотъ, чѣмъ больше поставщиковъ молока примыкаетъ къ артели, тѣмъ сильнѣе она себя чувствуетъ. Что же дѣлаетъ кооперативомъ маслодѣльную артель, въ составъ которой входятъ какъ крестьяне, такъ и помѣщики? То, что внутреннее устройство маслодѣльной артели не капиталистическое. Это видно изъ низкой оплаты паевого капитала, равнаго права голоса всѣхъ членовъ, и главное — распредѣленія выручки не по паямъ, а по молоку. Эти черты устройства маслодѣльной артели свидѣтельствуютъ, что она служитъ интересамъ не капиталистовъ, а тѣхъ, кто собственнымъ трудомъ производитъ молоко, и вотъ почему артель является кооперативомъ, сколько бы помѣщиковъ ни принимало въ ней участія.

То же можно сказать и о кредитномъ кооперативѣ, служащемъ интересамъ мелкихъ заемщиковъ и отнюдь не утрачивающемъ этого своего характера оттого, что въ члены его входятъ лица состоятельныя.

Итакъ, некапиталистическій характеръ кооператива нужно понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы въ кооперативы не могли входить лица капиталистическихъ классовъ, а въ томъ, что кооперативы, по своему внутреннему устройству, приспособлены къ обслуживанію интересовъ не капитала, а трудящихся классовъ. Лица капиталистическаго класса, входящія въ составъ кооператива, приравниваются послѣднимъ къ остальнымъ его членамъ, и кооперативъ, такимъ образомъ, не утрачиваетъ своего демократическаго характера.

II.

Переходя къ классификаціи кооперативовъ, нужно, прежде всего, отмѣтить, что кооперативная организація можетъ охватывать собой всѣ отрасли труда, совершенно такъ же, какъ и капиталистическая организація. Поэтому классификація кооперативныхъ предпріятій должна исходить изъ общей классификаціи предпріятій вообще. Классификація эта можетъ отправляться отъ различныхъ точекъ зрѣнія, и нисколько не удивительно, что въ литературѣ по коопераціи встрѣчается довольно много различныхъ системъ классификаціи кооперативовъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя не остановиться.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе классификація кооперативовъ, данная Георгомъ Кауфманомъ, извѣстнымъ теоретикомъ и практическимъ дѣятелемъ кооперативнаго движенія. Кауфманъ подраздѣляетъ кооперативы на три группы: денежные, товарные и потребительные. Подъ денежными кооперативами онъ понимаетъ такіе, которые содѣйствуютъ денежнымъ операціямъ своихъ членовъ; товарные кооперативы имѣютъ цѣлью содѣйствовать своимъ членамъ, какъ товаропроизводителямъ, а потребительные—какъ потребителямъ.

Каждая полная хозяйственная операція въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ,—говоритъ Кауфманъ,—слагается изъ трехъ слѣдующихъ частей: 1) пріобрѣтенія соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ предметовъ, 2) качественнаго или количественнаго ихъ преобразованія и 3) сбыта. Соотвѣтственно этому члены кооператива могутъ занимать троякое положеніе по отношенію къ кооперативу: они могутъ или 1) сбывать кооперативу свои хозяйственные продукты, и въ такомъ случаѣ кооперативное предпріятіе является кооперативомъ сбыта, или 2) подвергать въ кооперативѣ извѣстному преобразованію хозяйственные предметы, и въ такомъ случаѣ кооперативное предпріятіе является рабочимъ кооперативомъ, или же, наконецъ, 3) пріобрѣтать отъ кооператива нужные имъ хозяйственные предметы, и въ этомъ случаѣ кооперативное предпріятіе пріобрѣтаетъ характеръ кооператива по пріобрѣтенію. Каждая изъ вышеуказанныхъ трехъ группъ кооперативовъ въ свою очередь можетъ быть подраздѣлена на три подгруппы согласно только что установленному основанію.

Возьмемъ группу денежныхъ кооперативовъ. Она можетъ быть теоретически подраздѣлена на слѣдующія три подгруппы. Во-первыхъ, денежные кооперативы могутъ имѣть своей цѣлью предоставленіе ихъ членамъ возможности съ выгодой помѣщать ихъ денежныя сбереженія,—функціонировать, какъ сберегательныя кассы. Это будутъ денежные кооперативы по сбыту денегъ. Во-вторыхъ, можно себѣ представить денежные кооперативы, которые состоятъ изъ рабочихъ банковаго дѣла: представимъ себѣ, напр., что всѣ служащіе банка образуютъ собой производительную артель и сообща организуютъ банкъ, который принадлежитъ занятому въ немъ персоналу. Такой банкъ былъ бы денежнымъ рабочимъ кооперативомъ. Наконецъ, третьимъ типомъ денежныхъ кооперативовъ являются кооперативы, цѣлью которыхъ является доставленіе денежныхъ средствъ членамъ кооператива. Это будетъ денежный кооперативъ по пріобрѣтенію. На практикѣ только третій типъ денежныхъ кооперативовъ и существуетъ, образуя собой, такъ называемыя, кредитныя товарищества.

Точно такъ же и товарные кооперативы распадаются на три подгруппы. Товарный кооперативъ по сбыту представляетъ собой весьма распространенный типъ товариществъ по сбыту; товарный рабочій кооперативъ — производительная артель; товарный кооперативъ по пріобрѣтенію — обычное закупочное товарищество.

Третья группа кооперативовъ,—потребительные кооперативы,—точно такъ же теоретически распадается на три подгруппы. Первой подгруппой—потребительныхъ кооперативовъ по сбыту—были бы такіе потребительные кооперативы, которые ставили бы своей задачей сбытъ, напр., отбросовъ домашняго хозяйства; второй подгруппой—рабочихъ потребительныхъ кооперативовъ—были бы такіе, которые ставили бы своей цѣлью организацію на общихъ началахъ работъ по домашнему хозяйству, напр., общее приготовленіе пищи нѣсколькими хозяйками; наконецъ, третьей подгруппой потребительныхъ кооперативовъ — потребительныхъ кооперативовъ по пріобрѣтенію—являются обычныя потребительныя общества.

Такимъ образомъ, Кауфманъ приходитъ къ установленію 9-ти различныхъ видовъ кооперативовъ. Воспроизведемъ для ясности эти виды въ таблицѣ.

Классификація кооперативовъ по Г. Кауфману.

I. Денежные кооперативы.	1) Кооперативы по сбыту денегъ (кооперативн. сберегательныя кассы). 2) Рабочіе банки. 3) Кооперативы по пріобрѣтенію денегъ (кредитныя товарищества).
II. Товарные кооперативы.	1) Кооперативы по сбыту товаровъ. 2) Производительныя артели. 3) Кооперативы по закупкѣ средствъ производства.
III. Потребительные кооперативы.	1) Кооперативы по сбыту отбросовъ домашняго хозяйства. 2) Кооперативы по совмѣстному веденію домашняго хозяйства. 3) Потребительныя общества.

Классификація эта очень стройна и строго выдержана въ логическомъ отношеніи. Однако эта стройность пріобрѣтается въ ущербъ ея соотвѣтствію фактамъ. Цѣлый рядъ кооперативовъ, фигурирующихъ въ этой классификаціи, на самомъ дѣлѣ не существуетъ и не можетъ существовать. Такъ, напр., мыслимъ ли «рабочій банкъ», т.-е. такой банкъ, который принадлежалъ занятому въ немъ рабочему персоналу? Очевидно, нѣтъ, ибо въ банковой дѣятельности затрата труда играетъ совершенно ничтожную роль, а на первомъ планѣ стоитъ капиталъ. Точно такъ же немыслимъ и денежный кооперативъ по сбыту денегъ, фигурирующій въ таблицѣ Кауфмана. Учрежденіе, возникающее для того, чтобы найти выгодное помѣщеніе для денежныхъ средствъ его хозяевъ путемъ отдачи ихъ въ ссуду, конечно, вполнѣ возможно, но только такое учрежденіе ничего кооперативнаго въ себѣ не заключало бы, а было бы учрежденіемъ вполнѣ капиталистическимъ. Мы можемъ себѣ представить, что мелкіе капиталисты устраиваютъ за общій счетъ сберегательную кассу, имѣющую въ виду выгодное помѣщеніе ихъ капиталовъ; нѣчто близкое этому представляютъ собой частныя сберегательныя кассы, поскольку во главѣ ихъ стоятъ лица, заинтересованныя въ наиболѣе выгодномъ помѣщеніи своихъ капиталовъ. Но такія кассы не являются кооперативами, ибо погоня за наибольшимъ барышомъ не можетъ быть задачей кооператива. Если же называть такую сберегательную кассу кооперативомъ, то почему не называть кооперативомъ и обычный акціонерный банкъ, который вѣдь тоже является мно-

голичнымъ предпріятіемъ и ставитъ себѣ задачей выгодное помѣщеніе своихъ денежныхъ капиталовъ.

Кауфманъ недостаточно оцѣниваетъ различіе кооперативовъ отъ капиталистическимъ предпріятіи; именно поэтому онъ и говоритъ о рабочихъ банкахъ и коопера ивахъ по сбыту денегъ.

Потребительный кооперативъ по сбыту отбросовъ домашняго хозяйства также относится къ измышленіямъ Кауфмана, которымъ никакая дѣйствительность не соотвѣтствуетъ.

Ближе къ жизни классификація кооперативовъ, предложенная Якобомъ въ его книгѣ «Volkswirtschaftliche Theorie der Genossenschaften». Якобъ дѣлитъ кооперативы, прежде всего, на два рода: кооперативы производителей и кооперативы потребителей. Въ свою очередь кооперативы производителей распадаются на кооперативы по пріобрѣтенію и кооперативы по сбыту. Кооперативы по пріобрѣтенію могутъ быть кредитными кооперативами (если пріобрѣтаются денежныя средства) и товарными кооперативами (если пріобрѣтаются средства производства). Кооперативы по сбыту распадаются на кооперативы по сбыту труда (производительныя артели) и кооперативы по сбыту товаровъ.

Такимъ образомъ, получается слѣдующая классификаціонная система кооперативовъ:

I. Кооперативы производителей.	1) Кооперативы по пріобрѣтенію.	А) Кредитные кооперативы. Б) Товарные кооперативы.
	2) Кооперативы по сбыту.	А) По сбыту труда. Б) По сбыту товаровъ.
II. Кооперативы потребителей.		

Достоинствомъ этой классификаціи является ея простота. Однако она имѣетъ весьма существенные недостатки. Прежде всего кооперативы не образуютъ въ ней стройнаго ряда соотвѣтственно большей и большей сложности своихъ задачъ. Самый сложный видъ кооперативовъ—производительныя артели—фигурируетъ въ ней въ ряду кооперативовъ по сбыту (кооперативы по сбыту труда). Но кооперативы по сбыту товаровъ, слѣдующіе въ этой таблицѣ за кооперативами по сбыту труда, выполняютъ болѣе простыя функціи, чѣмъ производительныя артели. Еще проще по своимъ задачамъ кооперативы потребителей.

Однако, главнымъ недостаткомъ классификаціи Якоба является

совершенно неправильная характеристика производительной артели, какъ кооператива по сбыту труда. Производительная артель сбываетъ, прежде всего, вовсе не трудъ, а продукты труда. Затѣмъ, производительная артель не только сбываетъ свои продукты, но и закупаетъ средства производства, она, слѣдовательно, является одновременно и кооперативомъ по пріобрѣтенію. Наконецъ, главной задачей производительной артели является не сбытъ, а производство товаровъ. Такимъ образомъ, втискивать производительную артель въ рамки кооператива по сбыту—значитъ производить очевидное насиліе надъ фактами. Вотъ почему и классификація Якоба должна быть признана непріемлимой.

III.

Приводимая ниже классификаціонная таблица кооперативовъ построена слѣдующимъ образомъ. Основнымъ дѣленіемъ хозяйственныхъ процессовъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ является дѣленіе ихъ на трудъ производства и обмѣнъ. Къ этому иногда присоединяютъ третій родъ этихъ процессовъ—потребленіе. Однако потребленіе не составляетъ хозяйства, и потому включеніе его въ хозяйственные процессы принципіально недопустимо. Хозяйство кончается въ тотъ моментъ, когда начинается потребленіе, образующее собой конечную цѣль хозяйства, но не само хозяйство.

Итакъ, хозяйство исчерпывается трудомъ производства и обмѣномъ: хозяйственный процессъ вполнѣ законченъ, когда предметъ произведенъ трудомъ и купленъ кѣмъ-либо для цѣлей потребленія. Поэтому и кооперативы не могутъ имѣть другихъ задачъ, кромѣ организаціи на кооперативныхъ началахъ производительнаго труда и обмѣна.

Однако, такихъ кооперативовъ, которые ставили бы себѣ задачей кооперативную организацію только труда производства, не существуетъ, и по очень понятной причинѣ. Современное хозяйство есть хозяйство мѣновое, и потому всякій процессъ производства непремѣнно предполагаетъ и обмѣнъ. Если даже произведенные трудомъ продукты не поступаютъ на рынокъ, то все же для возможности ихъ производства нужно прибѣгнуть къ обмѣну—покупкѣ средствъ производства. Всякое предпріятіе въ мѣновой си-

стемѣ хозяйства неизбѣжно должно такъ или иначе связываться съ рынкомъ.

Но если кооперативъ не можетъ ограничиваться только трудомъ производства, то вполнѣ возможны кооперативы, которые отнюдь не ставятъ себѣ цѣлью объединеніе труда ихъ членовъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ основному дѣленію кооперативовъ на два рода: 1) кооперативы въ сферѣ только обмѣна, но не въ сферѣ труда, и 2) кооперативы въ сферѣ труда и обмѣна. Кооперативы перваго рода ставятъ себѣ, очевидно, цѣли болѣе простыя и несложныя, чѣмъ вторые.

Дальнѣйшія подраздѣленія кооперативовъ видны изъ нижеслѣдующей таблицы:

Классификаціонная таблица кооперативовъ.

- **А. Кооперативы въ сферѣ только обмѣна, но не въ сферѣ труда.**
  - а) Кооперативы по пріобрѣтенію хозяйственныхъ предметовъ.
    - I. Кооперативы по полученію денежныхъ средствъ (кредитныя товарищества).
    - II. Кооперативы по покупкѣ хозяйственныхъ предметовъ.
      - а) Для собственнаго потребленія.
        - 1) потребительныя общества (съ собственнымъ производствомъ или безъ него).
        - 2) домостроительныя общества (для пріобрѣтенія жилыхъ домовъ).
      - b) для нуждъ своего предпринимательскаго хозяйства. Закупочныя товарищества, пріобрѣтающія сырье и иныя средства производства.
  - б) Кооперативы по продажѣ хозяйственныхъ предметовъ.
    - I. Продающіе продукты индивидуальнаго производства своихъ членовъ (товарищества по сбыту).
    - II. продающіе продукты своихъ членовъ, подвергаемые предварительной переработкѣ самимъ кооперативомъ (товарищества по переработкѣ).
- **Б. Кооперативы въ сферѣ труда и обмѣна.**
  - а) Кооперативы совмѣстнаго трудового пользованія средствами производства (производительноподсобныя артели).
  - б) Кооперативы совмѣстной продажи своихъ совмѣстныхъ трудовыхъ услугъ (трудовыя артели).
  - в) Кооперативы совмѣстнаго трудового производства продуктовъ для сбыта (производительныя артели).

Такимъ образомъ, можно различить слѣдующіе 9 основныхъ видовъ коопераціи:

1. Кредитные кооперативы.
2. Потребительныя общества.
3. Домостроительныя общества.
4. Закупочныя товарищества.
5. Товарищества по сбыту.
6. Товарищества по переработкѣ.
7. Производительноподсобныя артели.
8. Трудовыя артели.
9. Производительныя артели.

Эти 9 видовъ кооперативовъ расположены по порядку возрастающей сложности ихъ функцій. Наибольшей простотой отличаются кредитные кооперативы, задача которыхъ сводится къ распредѣленію между членами денегъ, получаемыхъ ими путемъ кредита со стороны, подъ отвѣтственностью всѣхъ членовъ кооператива. Организаціи этого рода такъ не сложны и требуютъ такъ мало кооперативнаго сознанія и дѣлового умѣнья, что легко удаются даже въ самыхъ отсталыхъ странахъ. Потребительныя общества также преслѣдуютъ простыя задачи совмѣстной закупки предметовъ потребленія, но уже требуютъ болѣе сложнаго предпріятія и значительной степени торговаго умѣнья. Домостроительныя товарищества представляютъ гораздо болѣе трудностей для своего осуществленія, такъ какъ они предполагаютъ и болѣе значительную затрату средствъ (постройка дома), и связываютъ на долгій срокъ въ одно хозяйственное цѣлое всѣхъ участниковъ кооператива (погашеніе основного капитала, вложеннаго въ домъ). Закупочныя товарищества также труднѣе осуществимы, чѣмъ потребительныя общества, ибо интересы потребителей легче могутъ быть приведены къ взаимному согласованію, чѣмъ интересы конкурирующихъ другъ съ другомъ производителей.

Всѣ эти четыре вида кооперативовъ ставятъ себѣ задачей пріобрѣтеніе хозяйственныхъ предметовъ. А такъ какъ покупка, по самой природѣ мѣнового хозяйства, является операціей гораздо легче осуществимой, чѣмъ продажа, то названные кооперативы вообще легче осуществимы, чѣмъ вторая группа кооперативовъ въ сферѣ обмѣна,—кооперативы по сбыту. Кооперативы этого

послѣдняго рода естественно распадаются на два подраздѣленія: кооперативы по сбыту продуктовъ индивидуальнаго производства своихъ членовъ и товарищества по переработкѣ, сбывающія продукты своихъ членовъ въ переработанномъ видѣ. Товарищества по переработкѣ преслѣдуютъ болѣе сложныя задачи, чѣмъ простыя товарищества по сбыту, такъ какъ, кромѣ сбыта, они организуютъ также и переработку продуктовъ.

Наиболѣе сложныя задачи преслѣдуютъ кооперативы въ сферѣ труда и обмѣна. По степени сложности своихъ функцій кооперативы этого рода распадаются на три вида. Производительно-подсобной артелью является такой кооперативъ, члены котораго работаютъ порознь, но сообща владѣютъ и пользуются нѣкоторыми средствами производства. Примѣрами такихъ производительно-подсобныхъ артелей въ кустарной промышленности являются артельные горны, кузни, парни, а въ сельскомъ хозяйствѣ—артельное пользованіе молотилками и другими сельскохозяйственными машинами. Трудовой артелью является группа рабочихъ, сообща продающихъ свой трудъ и сообща исполняющихъ трудовые процессы. Съ этимъ обычно соединяется и общее владѣніе нѣкоторыми средствами производства. Типомъ такихъ трудовыхъ артелей являются строительныя артели или артели газетчиковъ, грузчиковъ, носильщиковъ, грабарей и т. п. Наконецъ, производительной артелью является группа лицъ, совмѣстно владѣющихъ средствами производства, вмѣстѣ участвующихъ въ трудѣ производства и совмѣстно владѣющихъ изготовленнымъ продуктомъ. Очевидно, производительная артель образуетъ собой наиболѣе сложный видъ кооператива, такъ какъ она является и кооперативомъ по покупкѣ (средствъ производства), и кооперативомъ по труду производства, и кооперативомъ по сбыту.

IV.

До какой степени важна стройная и соотвѣтствующая внутренней природѣ каждаго вида кооперативовъ общая классификація ихъ, видно изъ тѣхъ недоразумѣній, къ которымъ приводитъ отсутствіе такой общепринятой классификаціи. Такъ, напримѣръ, на первомъ всероссійскомъ кооперативномъ съѣздѣ маслодѣльныя

артели были отнесены съѣздомъ въ одну секцію съ производительными артелями и разсматривались съѣздомъ, какъ одно изъ подраздѣленій производительныхъ артелей. Маслодѣльныя артели представляютъ собой одинъ изъ наиболѣе успѣшныхъ кооперативовъ. Такимъ образомъ, создавалось представленіе, что и производительныя артели способны къ такимъ же быстрымъ успѣхамъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ производительныя артели являются самымъ неудачнымъ членомъ кооперативной семьи и влачатъ, въ общемъ, очень жалкое существованіе по причинамъ, которыя будутъ выяснены ниже. Отнесеніе маслодѣльныхъ артелей къ числу производительныхъ артелей совершенно искажало, такимъ образомъ, дѣйствительное положеніе дѣлъ.

Къ какому же виду кооперативовъ должны быть отнесены маслодѣльныя артели? Производство въ маслодѣльной артели выполняется при помощи наемнаго труда и ничего кооперативнаго въ себѣ не заключаетъ, такъ какъ участвующіе въ производствѣ рабочіе не состоятъ членами кооператива. Кооперативное начало маслодѣльной артели заключается въ томъ, что ея хозяевами являются мелкіе производители молока, которые, какъ молочные производители, опять-таки ведутъ хозяйство единолично, не кооперативнымъ образомъ, и вступаютъ въ кооперативную связь лишь въ сферѣ сбыта молока, перерабатывая его рабочими, не состоящими членами кооператива.

Переработка молока въ масло при помощи наемнаго труда не есть кооперативная организація труда; но объединеніе производителей молока въ одну группу для улучшенія условій сбыта ихъ молока является кооперативной организаціей. Въ какомъ видѣ сбывается молоко объединившихся производителей его,—въ видѣ ли просто молока, или въ переработанномъ видѣ, въ видѣ масла,—это принципіально значенія не имѣетъ, и маслодѣльная артель принципіально является кооперативомъ сбыта, а именно товариществомъ по переработкѣ, но отнюдь не кооперативомъ по труду производства, ибо въ такомъ кооперативѣ участники труда производства (въ данномъ случаѣ рабочіе маслодѣльной артели) должны быть кооперативно связаны между собой.

Вотъ если бы рабочіе маслодѣльной артели были хозяевами ея, сами пріобрѣтали молоко и за свой счетъ продавали его на рынкѣ, это былъ бы трудовой производительный кооперативъ. Та-

кихъ маслодѣльныхъ артелей мы не знаемъ по понятнымъ причинамъ, на которыхъ мы останавливаться теперь не будемъ, но такія артели мыслимы, и на это слѣдуетъ указать, чтобы сдѣлать вполнѣ яснымъ различіе трудового производительнаго кооператива отъ кооператива только въ сферѣ обмѣна.

Дѣло по существу очень просто, хотя и вызываетъ недоразумѣнія. Поэтому пояснимъ еще въ двухъ словахъ, почему маслодѣльная артель не есть трудовой производительный кооперативъ.

Процессъ производства масла слагается изъ двухъ ступеней,— производства молока и переработки молока въ масло. Молоко производится хозяевами артели не кооперативнымъ способомъ, а единолично, каждымъ за свой счетъ. Масло производится также не кооперативнымъ трудомъ, а при помощи наемныхъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ кооперативу. Значитъ, въ сферѣ труда производства ни на какой его ступени кооператива въ данномъ случаѣ нѣтъ. Иными словами, маслодѣльная артель не есть трудовой производительный кооперативъ, а только особый видъ кооператива сбыта, товарищество по переработкѣ, подобно тому, какъ мастерская потребительнаго общества не есть трудовой производительный кооперативъ, а только дополнительная организація закупочнаго кооператива.

И не только русскіе кооператоры не замѣчаютъ принципіальнаго различія товариществъ по переработкѣ и производительныхъ артелей. Ту же ошибку дѣлаютъ и многіе теоретики коопераціи на Западѣ. Такъ, напримѣръ, проф. Вигодзинскій, въ своемъ извѣстномъ курсѣ «Das Genossenschaftswesen in Deutschland» относитъ товарищества по переработкѣ къ группѣ производительныхъ кооперативовъ, которые дѣлятся имъ на частичные и полные. Частичные производительные кооперативы выполняютъ на кооперативныхъ началахъ только часть того или иного производительнаго процесса. Такъ, напримѣръ, маслодѣльная артель, которую Вигодзинскій относитъ къ частичнымъ производительнымъ кооперативамъ, перерабатываетъ въ кооперативномъ предпріятіи молоко въ масло, но само молоко добывается внѣ кооперативнаго предпріятія. Напротивъ, полные производительные кооперативы организуютъ кооперативнымъ образомъ весь процессъ производства съ начала до конца.

Въ данномъ случаѣ Вигодзинскій обнаруживаетъ прямо-таки

поразительное непониманіе особенностей различнаго вида кооперативовъ. Онъ думаетъ, что товарищество по переработкѣ есть та же производительная артель, только идущая не столь далеко, «менѣе радикальная», какъ онъ выражается, чѣмъ эта послѣдняя. Не трудно показать, однако, до какой степени несостоятельно такое пониманіе.

Возьмемъ производительную артель хотя бы сапожниковъ и сравнимъ ее съ маслодѣльной артелью. Въ артели сапожниковъ производителями являются сами сапожники, непосредственно своимъ трудомъ участвующіе въ производствѣ. Наемнаго труда не существуетъ, собственниками сапогъ являются тѣ самыя лица, которыя ихъ произвели. Напротивъ, въ маслодѣльной артели масло принадлежитъ отнюдь не тѣмъ рабочимъ, которые его произвели. Масло принадлежитъ поставщикамъ молока, не принимавшимъ ровно никакого участія своимъ трудомъ въ переработкѣ молока въ масло.

А между тѣмъ, съ точки зрѣнія Вигодзинскаго, сапожная артель и маслодѣльная артель должны быть признаны кооперативами одного рода,—частичнымъ производительнымъ кооперативомъ. Вѣдь и сапожная артель подобно маслодѣльной артели, не выполняетъ въ своемъ предпріятіи всего процесса производства сапогъ: она покупаетъ кожу на сторонѣ и только перерабатываетъ эту кожу въ сапоги, совершенно такъ же, какъ маслодѣльная артель только перерабатываетъ въ своемъ предпріятіи молоко, а получаетъ его отъ индивидуальныхъ производителей.

Въ сущности Вигодзинскій долженъ признавать всѣ производительныя артели частичными производительными кооперативами, ибо ни въ одной изъ нихъ процессъ производства не ведется съ начала до самаго конца въ томъ же предпріятіи, всѣ они покупаютъ сырой матеріалъ и иныя средства производства на сторонѣ и, слѣдовательно, выполняютъ только частичныя операціи производства.

Съ точки зрѣнія Вигодзинскаго не было бы никакого различія между двумя маслодѣльными кооперативами слѣдующихъ типовъ: въ одномъ переработка масла велась бы наемнымъ трудомъ, а предпріятіе принадлежало бы поставщикамъ молока, въ другомъ же переработка масла велась бы самими маслодѣльными рабо-

чими, которые покупали бы молоко на сторонѣ, а предпріятіе принадлежало бы маслодѣльнымъ рабочимъ. И тотъ и другой кооперативы Вигодзинскій долженъ признать въ равной мѣрѣ частичнымъ производительнымъ кооперативомъ.

Однако не требуетъ никакихъ доказательствъ, что маслодѣльные кооперативы двухъ названныхъ типовъ глубочайшимъ образомъ отличаются другъ отъ друга; это видно уже изъ того, что маслодѣльные кооперативы перваго типа удивительно преуспѣваютъ и въ нѣкоторыхъ странахъ уже почти уничтожили въ области маслодѣлія капиталистическія предпріятія, между тѣмъ, какъ маслодѣльные кооперативы второго типа совершено отсутствуютъ.

Легко понять, какая невѣроятная путаница возникнетъ, если, говоря объ успѣхахъ маслодѣльной артели, мы не будемъ различать, о какой именно артели идетъ рѣчь,—о той, при которой продуктъ принадлежитъ поставщикамъ молока, или о той, при которой продуктъ принадлежитъ маслодѣльнымъ рабочимъ. Первая артель дѣйствительно дѣлаетъ быстрые успѣхи, что же касается до второй, то она не только преуспѣваетъ, но до сихъ поръ еще и не возникла.

И если, какъ заявляетъ Вигодзинскій, успѣхи полныхъ производительныхъ кооперативовъ «равняются въ Германіи нулю», то дѣло тутъ совсѣмъ не въ томъ, что «полные» производительные кооперативы идутъ дальше въ своихъ производительныхъ операціяхъ, чѣмъ «частичные», а въ томъ, что преуспѣвающіе «частичные» производительные кооперативы организованы совершенно иначе и имѣютъ совершенно иную внутреннюю природу, чѣмъ «полные» кооперативы. Успѣхи маслодѣльной артели, организованной по типу «полнаго» производительнаго кооператива (т.-е. безъ наемныхъ рабочихъ), также «равны нулю».

Такая путаница понятій у лучшихъ теоретиковъ коопераціи нагляднѣе всего свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ современной кооперативной теоріи. Нерѣдко дѣлаютъ и другую ошибку въ классификаціи кооперативовъ: смѣшиваютъ производительную артель съ фабрикой потребительнаго общества. Совершенно ясно, что эти хозяйственныя организаціи имѣютъ различную структуру: въ производительной артели нѣтъ наемнаго труда, а на фабрикѣ потребительнаго общества работаютъ наемные рабочіе. Тѣмъ не

менѣе, и то, и другое производство сплошь и рядомъ фигурируютъ и въ кооперативной литературѣ, и въ официальной кооперативной статистикѣ (что еще хуже) подъ общей рубрикой «производительной кооперации».

И опять-таки въ этомъ смѣшеніи виновны даже видные кооперативные дѣятели. Такъ, напримѣръ, на съѣздѣ германскаго «Всеобщаго союза» въ Баденъ-Баденѣ въ 1901 г. между председателемъ союза Крюгеромъ и однимъ изъ вождей пролетарскаго кооперативнаго движенія, ф.-Эльмомъ, завязалась полемика, основанная на неправильномъ употребленіи термина «производительная ассоціація». А именно, Крюгеръ, возражая противъ стремленія пролетарскихъ потребительныхъ обществъ основать собственное производство, указалъ на неосуществимость производительной ассоціаціи (артели). Въ свою очередь ф.-Эльмъ, ссылаясь на успѣхи собственнаго производства потребительныхъ обществъ, сталъ защищать производительныя ассоціаціи, апеллируя къ памяти отца германской кооперации, Шульце, который призналъ производительныя ассоціаціи «вѣнцомъ кооперации». И Крюгеръ, и Эльмъ не сознавали, что между «производительной ассоціаціей» и собственнымъ производствомъ потребительнаго общества нѣтъ ничего общаго, и что Шульце, говоря о производительной ассоціаціи, никогда не имѣлъ въ виду собственнаго производства потребительныхъ обществъ.

V.

Кооперативное движеніе есть общественное движеніе, имѣющее своей непосредственной цѣлью созданіе разнаго рода кооперативовъ, классификація которыхъ дана выше. Кооперативное движеніе имѣетъ такой же классовый характеръ, какъ и другія великія соціальныя движенія нашего времени.

Такъ какъ кооперативы являются одной изъ формъ самозащиты трудящихся классовъ отъ неблагопріятныхъ для нихъ условій капиталистическаго хозяйства, то естественно, что кооперативное движеніе возможно и исторически существовало и существуетъ только въ средѣ трудящихся классовъ. Соотвѣтственно этому можно различать кооперативное движеніе среди пролетаріата, крестьянства и промежуточнаго класса мелкой буржуазіи.

Что касается до пролетаріата, то для него открыты преимущественно нижеслѣдующіе кооперативы: потребительныя общества, домостроительные кооперативы, трудовыя и производительныя артели. По причинамъ, которыя будутъ выяснены ниже, производительныя артели не могутъ достигнуть большихъ успѣховъ въ современномъ хозяйствѣ. Трудовыя артели болѣе жизнеспособны, но и онѣ играютъ сравнительно незначительную роль въ системѣ современнаго хозяйства. Домостроительные кооперативы уже гораздо важнѣе, но главнѣйшимъ пролетарскимъ кооперативомъ являются потребительныя общества, составляющія, вмѣстѣ съ тѣмъ, важнѣйшій видъ кооперативовъ.

Легко понять, что всѣ кооперативы по сбыту продуктовъ и закупкѣ средствъ производства не существуютъ для наемныхъ рабочихъ, не ведущихъ самостоятельнаго производства. Кредитные кооперативы также имѣютъ въ виду преимущественно самостоятельнаго производителя, ибо совершаютъ операціи преимущественно производительнаго, а не потребительнаго кредита. Такимъ образомъ, и кредитные кооперативы существуютъ не для пролетарія.

Для мелкихъ самостоятельныхъ производителей открыты всѣ роды кооперативовъ, а нѣкоторые изъ послѣднихъ только и имѣютъ въ виду самостоятельныхъ производителей. Мелкое производство существуетъ какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и промышленности. Однако сельскохозяйственная кооперація, по причинамъ, которыя будутъ выяснены ниже, далеко превосходитъ по своему значенію промышленную кооперацію, и изъ трехъ основныхъ вѣтвей кооперативнаго движенія—пролетарскаго, крестьянскаго и мелко-буржуазнаго—наибольшаго развитія достигли двѣ первыя вѣтви.

Что касается мелко-буржуазной коопераціи, то она имѣетъ своеобразный характеръ, соотвѣтственно своеобразному классовому характеру мелкой буржуазіи. Къ мелкой буржуазіи можно причислить частью высшія категоріи служащихъ — мелкихъ чиновниковъ, представителей либеральныхъ профессій и т. д., частью мелкихъ предпринимателей, которые получаютъ доходъ изъ двойственнаго источника: изъ своего труда и изъ своего капитала, иначе говоря, изъ эксплоатаціи чужого труда. Поскольку мелкій предприниматель является представителемъ трудового элемента,

постольку онъ можетъ быть истиннымъ кооператоромъ; но поскольку мелкій предприниматель является капиталистомъ, постольку онъ чуждъ кооперацін. И потому кооперація въ средѣ мелкой буржуазіи есть не полная, но капиталистически-перерожденная кооперація, легко превращающаяся въ чисто-капиталистическіе товарищества и союзы, не имѣющіе съ кооперацiей ничего общаго. Эти три основныя вѣтви кооперативнаго движенія—пролетарская, крестьянская и мелко-буржуазная кооперація—и будутъ разсматриваемы нами въ послѣдующемъ изложенін особо.

ОТДѢЛЪ II.

ПРОЛЕТАРСКАЯ КООПЕРАЦІЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Пролетарская кооперація.

ГЛАВА I.

Робертъ Оуэнъ и связанное съ нимъ кооперативное движеніе.

I.—Міровоззрѣніе Оуэна. II.—Возникновеніе кооперативнаго движенія. III.—Кризисъ мелкаго производства и кооперація.

I.

Пролетарская кооперація явилась совершенно непредвидѣннымъ результатомъ того общественнаго движенія, которое связывается съ именемъ Оуэна. Въ настоящее время вполнѣ установлено, что ни Оуэнъ, ни его ближайшіе послѣдователи отнюдь не ставили своей цѣлью созданіе такихъ хозяйственныхъ организацій, какими являются современныя потребительныя общества. Организаціи эти возникли на основѣ совершенно иныхъ цѣлей и стремленій, чѣмъ тѣ, которыя въ настоящее время преслѣдуютъ участники и дѣятели потребительныхъ обществъ.

Робертъ Оуэнъ былъ однимъ изъ наиболѣе прямолинейныхъ и радикальныхъ общественныхъ дѣятелей, какіе только намъ извѣстны въ исторіи. Это былъ человѣкъ не особенно глубокаго ума, очень несовершеннаго образованія, но съ большимъ здравымъ смысломъ и непоколебимымъ упорствомъ въ логическомъ развитіи своихъ идей. Съ крайней самоувѣренностью соединялась у него безстрашная смѣлость мысли, побуждавшая его итти до конца въ своихъ исканіяхъ истины, не смущаясь тѣмъ, что выводы его расходятся съ господствующими мнѣніями и принятыми вѣрованіями.

Если что-либо казалось ему вѣрнымъ, онъ готовъ былъ это защищать передъ всѣмъ свѣтомъ и до конца своихъ дней. Съ такимъ складомъ ума Оуэнъ соединялъ мягкое, сострадательное сердце, которое привлекало къ нему людей.

Не обладая особымъ богатствомъ духовныхъ дарованій и будучи человѣкомъ крайне разсудочнымъ, Оуэнъ долженъ былъ чувствовать глубокую антипатію ко всему ирраціональному, безсознательному мистическому. Благодаря этому Оуэнъ не могъ не разойтись съ господствующей религіей. Этотъ же раціонализмъ въ связи съ его сочувствіемъ страданіямъ народныхъ массъ сдѣлалъ Оуэна соціалистомъ.

Какъ соціалистъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ. Проповѣдникъ «новаго нравственнаго міра» могъ примириться только съ совершеннымъ коммунизмомъ, полнымъ отрицаніемъ какой бы то ни было частной собственности и какого бы то ни было неравенства. Онъ былъ не только коммунистомъ, но и анархистомъ,—его боязнь какого бы то ни было насилія и стѣсненія свободы дѣйствій человѣка были такъ велики, что ему казалось недопустимымъ какое бы то ни было правительство, даже выборное. Власть, выбранная народомъ, есть все же власть, а всякая власть есть насиліе.

Новый общественный строй казался ему достижимымъ не въ отдаленномъ будущемъ, а немедленно, сегодня или завтра. Отъ этой увѣренности, несмотря на всѣ горькія разочарованія, которыми его подарила жизнь, Оуэнъ не отказывался до конца жизни.

Какъ ни различны въ настоящее время формы общественной жизни у разныхъ народовъ, все это не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ достиженію «новаго нравственнаго міра». Отсюда полное равнодушіе великаго утописта къ формѣ правленія и отрицаніе значенія политической борьбы. Страны съ самымъ деспотическимъ правительствомъ такъ же легко могутъ перейти къ новымъ формамъ жизни, какъ и страны демократическія. Новый общественный строй соотвѣтствуетъ интересамъ всѣхъ и каждаго, и потому этотъ строй не имѣетъ основанія опасаться противодѣйствія какихъ бы то ни было общественныхъ элементовъ. Единственнымъ врагомъ его является человѣческое невѣжество—непониманіе людьми своихъ интересовъ. Короли и министры боятся коммунизма лишь потому, что они не достаточно ознакомлены съ сущностью новаго ученія. И потому Оуэнъ столь же охотно обращался

со своей проповѣдью къ королямъ и министрамъ и вообще къ богатымъ людямъ, какъ и къ рабочимъ и бѣднякамъ.

Убѣжденіе въ возможности создать такую соціальную организацію, которая примирила бы всѣ интересы и была бы въ равной мѣрѣ пріемлема для всѣхъ, коренилось глубочайшимъ образомъ во всемъ міровоззрѣніи Оуэна. Убѣжденіе это было непосредственно связано съ его раціонализмомъ и упрощенной прямолинейностью мысли. Различія человѣческихъ взглядовъ, вкусовъ, симпатій, влеченій, интересовъ казались ему чѣмъ-то очень поверхностнымъ и неглубокимъ. Человѣческій характеръ,—училъ онъ,—есть результатъ воспитанія и окружающихъ человѣка условій жизни. Значитъ, всѣ различія взглядовъ и вкусовъ легко могутъ быть преодолены соотвѣтствующимъ воспитаніемъ и устройствомъ общества, и общее благополучіе можетъ быть достигнуто безъ пожертвованія интересами кого бы то ни было.

II.

Таковъ былъ человѣкъ, которому было суждено стать отцомъ кооперативнаго движенія, и таковы были его взгляды. Что же общаго, однако, между «новымъ нравственнымъ міромъ», къ которому стремился Оуэнъ и которой показался ему достижимымъ въ ближайшемъ же будущемъ, и потребительными обществами?

Общаго настолько мало, что, конечно, потребительныя общества не напоминаютъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, тѣхъ свободныхъ коммунистическихъ общинъ, къ которымъ стремился Оуэнъ. Возникли же потребительныя общества слѣдующимъ образомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Оуэнъ выработалъ свое соціальное міровоззрѣніе, которому онъ остался вѣренъ до конца своей жизни, цѣлью его неутомимой пропаганды стало осуществленіе въ предѣлахъ существующаго общества коммунистическихъ общинъ. Для устройства этихъ общинъ, которыя онъ называлъ «кооперативными» общинами, недостаточно было доброй воли отдѣльныхъ лицъ, но требовались также и денежныя средства, и очень крупныя. Въ связи съ этимъ «денежнымъ вопросомъ» общественное движеніе, связанное съ именемъ Оуэна, быстро проходитъ два фазиса. Въ пер-

вомъ оно было непосредственно направлено на устройство коммунистическихъ общинъ. Такъ, первой крупной общественной организаціей, примыкавшей къ Оуэну, было «Кооперативное и экономическое общество», возникшее въ 1821 г. Цѣлью этого общества было, согласно уставу, «устройство деревни на основахъ единства и взаимной коопераціи, соединяющей земледѣліе, промышленность и торговлю, согласно плану Роберта Оуэна». Общество имѣло въ виду приступить къ покупкѣ въ предмѣстьяхъ Лондона зданій, въ которыхъ могли бы сообща жить и работать члены общества. Чтобы немедленно же начать общее хозяйство, общество стало покупать предметы потребленія своихъ членовъ по оптовымъ цѣнамъ, а продавать имъ эти предметы по той же цѣнѣ плюсъ 5% для покрытія издержекъ по этимъ операціямъ.

Общество дѣйствительно пріобрѣло нѣсколько домовъ, но скоро распалось. Въ томъ же 1821 г. въ Эдинбургѣ возникаетъ «Практическое общество» съ цѣлью устройства коммунистической общины. Оно скоро распалось, но его иниціаторъ, Авраамъ Комбъ, человѣкъ съ большимъ состояніемъ, сдѣлалъ въ компаніи съ нѣсколькими другими состоятельными людьми попытку устроить коммунистическую общину въ окрестностяхъ Глазго, въ пріобрѣтенномъ для этой цѣли имѣніи Орбистонѣ (объ этой общинѣ было сказано выше, во II главѣ I отдѣла).

Возможность этой попытки объяснялась тѣмъ, что среди учениковъ Оуэна было нѣсколько богатыхъ людей, которые могли взять на себя сопряженные съ этимъ крупные расходы.

Однако огромное большинство послѣдователей Оуэна принадлежало къ числу людей бѣдныхъ, которые, несмотря на свою полную готовность стать участниками «новаго нравственнаго міра», не располагали никакими избытками для его устройства. Поэтому оуэнистское движеніе очень скоро, по мѣрѣ своего роста и распространенія среди народныхъ массъ, вступаетъ въ новый фазисъ: его непосредственной цѣлью становится не устройство коммунистической общины, ибо для этого не хватало денежныхъ средствъ, а собираніе денежныхъ средствъ, требующихся для такой общины.

Въ 1824 г. послѣдователи Оуэна основываютъ «Лондонское кооперативное общество», имѣющее цѣлью пропаганду новаго ученія всѣми возможными способами,—лекціями, печатными изданіями, диспутами и т. д. Общество очень энергично принимается за ра-

боту и создаетъ особый періодическій органъ «Cooperative Magazine», который выходилъ подъ разными названіями вплоть до конца 1830 г. По этому изданію можно слѣдить за развитіемъ общественнаго движенія, вызваннаго Оуэномъ.

Въ первыхъ номерахъ «Cooperative Magazine» сообщается преимущественно о событіяхъ, связанныхъ съ двумя крупными опытами устройства коммунистическихъ общинъ,—американской общины Нью-Гармони и шотландской въ Орбистонѣ. Обѣ эти попытки кончились, какъ извѣстно, полнѣйшей неудачей.

Лондонскіе кооператоры пытаются и съ своей стороны сдѣлать кое-что въ томъ же направленіи—ищутъ въ окрестностяхъ Лондона подходящую землю площадью отъ 500 до 2,000 акровъ и собираютъ для этой цѣли капиталъ въ 4,000 ф. с. И въ другихъ частяхъ страны образуются общества для устройства коммунистическихъ колоній; такъ, напр., въ Дублинѣ при поддержкѣ лорда Клонкери (Cloncurry) образуется «Кооперативное общество», собравшее для названной цѣли нѣсколько тысячъ ф. с. Въ томъ же 1826 г. возникаетъ «Девонское-Экзетерское кооперативное общество», которое при денежной поддержкѣ одного состоятельнаго человѣка приступаетъ даже къ устройству кооперативной общины и строитъ на купленной землѣ нѣсколько коттэджей. Въ слѣдующемъ году образуется «Доулэндсъ-Девонская община» (Dowlands-Devon Community) такого же рода и много другихъ, о которыхъ не имѣется опредѣленныхъ свѣдѣній. Всѣ эти общества были крайне эфемерными образованіями и распадались почти немедленно послѣ ихъ возникновенія. Они интересны лишь въ томъ отношеніи, что показываютъ, куда была направлена первое время дѣятельность послѣдователей Оуэна.

Послѣ неудачи экспериментовъ въ Нью-Гармони и Орбистонѣ среди широкихъ массъ послѣдователей Оуэна начинаетъ распространяться правильное убѣжденіе, что на помощь богатыхъ людей разсчитывать нечего и что рабочіе могутъ помочь себѣ только собственными силами.

Въ одномъ анонимномъ письмѣ въ январской книжкѣ «Cooperative Magazine» 1828 г. авторъ развиваетъ, напр., слѣдующія любопытныя мысли: если бы и нашлись богатые люди, вродѣ Оуэна и Комба, которые пожелали бы на свои средства устроить коммунистическую общину, что очень сомнительно, то этимъ самымъ

община попала бы въ полную зависимость отъ богатыхъ филантроповъ, и въ ней не было бы дѣйствительнаго равенства. Необходима община, устроенная на средства тѣхъ самыхъ лицъ, которыя будутъ въ ней жить и работать.

Сторонники этого взгляда основали въ іюнѣ 1826 г. «Cooperative Community Fund Association»—«Общество фонда кооперативной общины».

Существенная особенность этой организаціи, сравнительно съ другими болѣе ранними того же рода, заключалась въ томъ, что общество это стремилось открыть доступъ въ него болѣе обширнымъ группамъ, для чего была введена очень низкая купюра паевъ, и самые паи должны были составляться незначительными еженедѣльными взносами.

Въ апрѣлѣ 1827 г. эта организація объявила объ образованіи дополнительнаго фонда, который долженъ былъ составляться слѣдующимъ образомъ. Общество продаетъ своимъ членамъ разнаго рода продукты, при чемъ вся прибыль поступаетъ въ распоряженіе общества. При этомъ первоначально имѣлось въ виду продавать продукты труда членовъ общества, но съ теченіемъ времени выдвинулась мысль продавать членамъ общества вообще всякіе предметы потребленія независимо отъ того, кѣмъ они произведены, выигрывая на разницѣ между розничной и оптовой цѣной.

Въ майской книжкѣ «Cooperative Magazine» за 1827 г. появляется статья, озаглавленная «Какъ собрать средства для устройства коммунистической общины», авторъ которой совѣтуетъ лицамъ, желающимъ образовать общину, продавать другъ другу продукты своего труда или же иные предметы потребленія, купленные по низкимъ цѣнамъ, и извѣстный процентъ прибыли отчислять въ общій фондъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу образуется достаточный фондъ для устройства общины, и въ то же время члены данной организаціи привыкнутъ къ общему хозяйству и узнаютъ другъ друга.

Статья эта произвела большое впечатлѣніе, и черезъ нѣсколько недѣль возникло новое общество «Union Exchange Society». («Общество совмѣстнаго сбыта»). Члены этой организаціи условились собираться разъ въ мѣсяцъ въ помѣщеніи «Лондонскаго кооперативнаго общества» и продавать другъ другу тѣ продукты, которые они могли тѣмъ или другимъ способомъ пріобрѣсти. Къ

продажной цѣнѣ должны быть прибавляемы 10%, которые и передавались въ общій фондъ для устройства коммунистической общины. Однако этотъ фондъ долженъ былъ распредѣляться поровну между всѣми членами общества и храниться у каждаго изъ нихъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи поступить на устройство общины.

Дѣло пошло удачно, и скоро обороты этого общества, которое можно считать первымъ потребительнымъ обществомъ, возникшимъ въ связи съ пропагандой Оуэна, значительно возросли. Однако оно продержалось недолго и, повидимому, не просуществовало и одного года. Болѣе успѣха имѣла аналогичная организація, возникшая въ Брайтонѣ—«Brighton Cooperative Benevolent Fund Association» («Брайтонская ассоціація кооперативнаго дружескаго фонда»). Цѣли этой организаціи опредѣлялись ея иниціаторами слѣдующимъ образомъ: «1) образовать небольшими еженедѣльными взносами фондъ для того, чтобы соотвѣтствующія лица могли устроить кооперативную общину, отдавая на это собранный капиталъ или часть его, по усмотрѣнію каждаго, и 2) распространить знаніе кооперативной системы».

Черезъ нѣсколько недѣль число членовъ этого общества достигло 150 человѣкъ, при чемъ еженедѣльный взносъ одного члена былъ 1 пенни. Члены были почти исключительно изъ числа ремесленниковъ и рабочихъ.

Однако такой способъ составленія капитала скоро былъ найденъ членами общества недостаточнымъ, и при обществѣ организовывается новое со слѣдующими операціями. Во-первыхъ, общество пріобрѣтаетъ по оптовымъ цѣнамъ товары и перепродаетъ ихъ своимъ членамъ съ соотвѣтствующей прибылью. Во-вторыхъ, общество организовываетъ продажу продуктовъ труда его членовъ, при чемъ имѣетъ въ виду достигнуть того, чтобы продукты продавались соотвѣтственно ихъ трудовой стоимости, и такимъ образомъ обезпечивалась каждому трудящемуся полная выручка его труда.

Въ обществѣ скоро начались раздоры, при чемъ нѣсколько мелкихъ капиталистовъ, участвовавшихъ въ немъ, вышли. Общество пріобрѣло небольшой участокъ земли, на которомъ устроило садъ и огородъ. Имѣлось въ виду пріобрѣтеніе болѣе крупнаго земельнаго участка, на которомъ предполагали выстроить рядъ домовъ и обширное зданіе для продажи продуктовъ труда членовъ общества.

Брайтонское кооперативное общество имѣло относительный успѣхъ и явилось образцомъ для ряда другихъ. Въ маѣ 1828 г. въ Англіи было только 4 кооперативныхъ общества, а въ 1830 г. ихъ насчитывалось уже около 300. Огромное большинство этихъ обществъ возникло, повидимому, съ непосредственной цѣлью собрать средства для коммунистической общины. Во всякомъ случаѣ въ кооперативной литературѣ того времени конечной цѣлью этихъ обществъ признается «пріобрѣтеніе земли и жизнь въ общинѣ» («the purchase of land and living upon it in Community»).

Еще черезъ два года число кооперативныхъ обществъ, большинство которыхъ было одновременно и потребительными обществами, и сырьевыми товариществами, опредѣлялось уже въ 400—500. Всѣ эти общества признавали себя созданіемъ Оуэна и видѣли въ немъ своего пророка. «Приципы кооперацiи», по пониманію этихъ первыхъ кооператоровъ, суть не что иное, какъ принципы коммунизма согласно ученію Оуэна.

Очень характерна книга самаго выдающагося ученика Оуэна, Вилліама Томпсона «Practical Directives for the speedy and economical Establishment of Communities» («Практическія указанія для скораго и экономическаго устройства общинъ»), вышедшая въ 1830 г. Характерно уже самое ея заглавіе. Истинный методъ кооперацiи заключается, по его словамъ, не въ чемъ иномъ, какъ въ «добровольномъ соединеніи лицъ промышленныхъ и производительныхъ классовъ для образованія рынка другъ для друга, работы другъ на друга, взаимнаго снабженія собственными силами всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ нуждъ». «Кооперативныя общества,—говоритъ онъ,—всѣ имѣютъ своей цѣлью превращеніе въ полныя кооперативныя общины, какъ только изъ прибылей торговаго фонда будетъ скоплена сумма для пріобрѣтенія достаточно значительнаго участка земли, чтобы на немъ можно было существовать».

На первомъ кооперативномъ конгрессѣ въ Манчестерѣ въ маѣ 1831 г. было единогласно постановлено, что «конгрессъ признаетъ въ высшей степени желательнымъ, чтобы въ Англіи была организована настолько скоро, насколько это возможно, коммунистическая община на основахъ взаимной кооперацiи, общаго владѣнія, равенства труда и источниковъ удовольствія». Конгрессъ предпринялъ шаги къ немедленному осуществленію этого пожеланія и съ этой

цѣлью обратился, по предложенію Вилліама Томпсона, ко всѣмъ кооперативнымъ обществамъ страны съ приглашеніемъ, чтобы каждое изъ нихъ назначило особаго делегата и ассигновало ему 30 ф. с. для немедленнаго устройства въ Англіи первой коммунистической общины на 200 человѣкъ.

Обращеніе это никакого успѣха не имѣло, отчасти потому, что его не одобрилъ Оуэнъ, незадолго передъ тѣмъ испытавшій горькое разочарованіе со своей американской общиной. Но, конечно, неудача эта зависѣла также и отъ того, что ближайшія задачи кооперативныхъ обществъ требовали всѣхъ ихъ средствъ и по самой силѣ вещей не могли не заслонять собой ихъ болѣе отдаленныхъ цѣлей.

Что же такое представляло собой типичное «кооперативное общество» начала тридцатыхъ годовъ? Въ большинствѣ случаевъ оно слагалось изъ мелкихъ производителей того или другого опредѣленнаго ремесла, и непосредственной цѣлью его было пріобрѣтеніе за общій счетъ не столько предметовъ потребленія, сколько сырыхъ матеріаловъ для производства. Оно было болѣе сырьевымъ товариществомъ, чѣмъ потребительнымъ обществомъ.

Соотвѣтственно такому характеру кооперативныхъ обществъ, для нихъ очень скоро выдвинулась новая задача—организація сбыта изготовленныхъ издѣлій. Этой цѣли должны были служить особые кооперативные «базары»,—магазинныя товарищества, находившіяся въ сношеніяхъ одновременно со многими кооперативными обществами и продававшія ихъ издѣлія широкой публикѣ. Одинъ изъ первыхъ такихъ базаровъ былъ открытъ въ Лондонѣ въ 1830 г., при чемъ свыше 40 кооперативныхъ обществъ только въ Лондонѣ находились съ нимъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ число кооперативныхъ базаровъ стало быстро расти, и вмѣстѣ съ этимъ среди послѣдователей Оуэна возникаетъ новая мысль относительно условій наилучшей организаціи сбыта,—мысль, слѣдующимъ образомъ формулированная въ одной изъ статей журнала Оуэна: «The Crisis» (іюнь 1832 г.).

«Сотни тысячъ людей разнообразныхъ промысловъ просыпаются ежедневно, не зная, какъ обезпечить себя своимъ трудомъ. Каждый изъ нихъ можетъ произвести больше продуктовъ даннаго рода, чѣмъ ему требуется для своихъ собственныхъ нуждъ, и всѣ они нуждаются въ продуктахъ другъ друга. Обычный поря-

докъ для полученія нужныхъ продуктовъ сводится къ тому, что эти лица превращаютъ изготовленные ими продукты въ деньги путемъ продажи своихъ произведеній посреднику и затѣмъ обратно превращаютъ полученныя деньги въ нужные имъ продукты, обращаясь при этомъ обычно къ какому-либо торговому посреднику. Но если денегъ мало или посредникъ не обнаруживаетъ желанія купить предлагаемый продуктъ, то производитель принужденъ итти на большія жертвы, чтобы получить нужныя ему деньги, отдавая большее количество своихъ собственныхъ продуктовъ, чтобы пріобрѣсть тѣ продукты, въ которыхъ онъ чувствуетъ нужду. Такимъ образомъ, производитель попадаетъ въ зависимость отъ посредника, получающаго прибыль путемъ удержанія въ свою пользу части продукта, проходящаго черезъ его руки, къ очевидному ущербу для производителя, отчуждающаго съ убыткомъ свой собственный продуктъ и пріобрѣтающаго чужой продуктъ по повышенной цѣнѣ. Однако никакой необходимости въ торговомъ посредникѣ не существуетъ. Производители могутъ обойтись безъ него, для этого требуется только, чтобы производители вступили въ непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ, и въ такомъ случаѣ они получатъ возможность обмѣниваться своими продуктами къ своей взаимной выгодѣ и къ выгодѣ потребителей вообще».

При этомъ необходимо новое орудіе обмѣна—таковымъ должны стать билеты, на которыхъ обозначено среднее количество труда, требующееся для производства даннаго продукта. Иными словами, обмѣнъ продуктовъ долженъ совершаться не на основѣ обычныхъ металлическихъ денегъ, а при помощи новыхъ рабочихъ денегъ, спеціально выпускаемыхъ для этой цѣли.

Такимъ образомъ возникла мысль организовать особые кооперативы, которые должны были обезпечить сбытъ продуктамъ мелкихъ производителей при помощи рабочихъ денегъ. Кооперативы эти получили названіе «рабочихъ биржъ». Первая изъ такихъ биржъ была открыта въ Лондонѣ въ 1832 г.

Первые дни приливъ разнаго рода издѣлій въ эту биржу былъ чрезвычайно великъ. Выпускаемыя биржей рабочія деньги довольно охотно принимались мелкими торговцами окружающаго района. Тѣмъ не менѣе трудности, связанныя съ такой организаціей сбыта, почувствовались очень осязательно съ первыхъ же шаговъ

дѣятельности рабочей биржи, и она немедленно же должна была отступить отъ своего основного принципа—расцѣнки продуктовъ по вложенному въ нихъ общественно-необходимому труду, и перешла къ расцѣнкѣ послѣднихъ по условіямъ рынка. Если биржа не разсчитывала на возможность сбыта продукта по его трудовой цѣнѣ, то цѣна, уплачиваемая биржей въ рабочихъ деньгахъ, соотвѣтственно понижалась. Хотя въ этомъ случаѣ самая идея рабочихъ денегъ утрачивала свое значеніе (ибо производитель получалъ въ обмѣнъ на свой продуктъ меньше трудовыхъ единицъ, чѣмъ онъ затратилъ на производство), биржа иначе поступать не могла, такъ какъ въ противномъ случаѣ (при соблюденіи трудового принципа) биржа совсѣмъ не могла бы реализовать полученные продукты.

Только благодаря отказу отъ трудовой расцѣнки, лондонская рабочая биржа могла продержаться около двухъ лѣтъ. Кончилось дѣло все-таки крахомъ. Еще менѣе удачными были многочисленныя рабочія биржи, возникшія по образцу лондонской, въ различныхъ провинціальныхъ городахъ Англіи. Всѣ онѣ кончились полной неудачей, создавшей общее недовѣріе и къ другимъ кооперативнымъ организаціямъ, возникшимъ въ связи съ агитаціей Оуэна. Одно кооперативное общество за другимъ стало закрываться; половина тридцатыхъ годовъ была временемъ почти всеобщаго крушенія оуэнистскаго движенія. Можно было думать, что кооперація закончила кругъ своего развитія своей гибелью.

III.

Столь разнообразныя кооперативныя общества двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка явились сложнымъ результатомъ факторовъ двоякаго рода. Съ одной стороны, ихъ происхожденіе находилось въ несомнѣнной связи съ опредѣленнымъ цикломъ общественныхъ идей,—соціальной системой Оуэна. Коммунистическій идеалъ Оуэна былъ тѣмъ сѣменемъ, изъ котораго выросли всѣ эти кооперативныя организаціи. И это вѣрно не только въ смыслѣ генетической зависимости, историческаго происхожденія первыхъ кооперативовъ,—нѣтъ, это происхожденіе кооперативовъ самымъ существеннымъ образомъ опредѣляло всю ихъ внутрен-

ную структуру. Имъ былъ присущъ въ высокой степени идеалистическій духъ, ихъ цѣлью оставалась коммунистическая община. И хотя эта цѣль не только не была ими достигнута, но и была недостижима, тѣмъ не менѣе только эта недостижимая цѣль придавала имъ жизненную силу, сплачивала въ одну тѣсную организацію сотни и тысячи рабочаго люда. Только благодаря наличности этой идеальной недостижимой цѣли могла быть преодолѣна соціальная инерція, препятствующая созданію существенно новыхъ формъ жизни, особенно въ такой малообразованной и неинтеллигентной средѣ, каковой являлись въ началѣ прошлаго столѣтія рабочіе классы Англіи. Только идеальный порывъ, новая соціальная вѣра могли дать англійскимъ трудящимся классамъ силы къ тому мощному соціальному творчеству, которое проявилось въ созданіи кооперативныхъ организацій.

Но, съ другой стороны, кооперативныя общества, возникшія въ дѣйствительной жизни, имѣли такъ мало общаго съ тѣмъ, что Оуэнъ называлъ этимъ именемъ, такъ мало походили на идеальную коммунистическую общину, къ которой онъ призывалъ людей, что Оуэнъ не могъ видѣть въ нихъ своихъ духовныхъ дѣтищъ. Они были созданы стремленіемъ къ коммунизму, но ничего коммунистическаго въ себѣ не заключали. Въ той формѣ, какую они реально получили, они никогда не входили въ кругъ идей Оуэна. Они отразили на себѣ реальную историческую среду, въ которой пришлось дѣйствовать великому утописту. Средой этой были опредѣленные классы капиталистическаго общества, главнымъ образомъ, мелкіе производители, ремесленники и кустари. Пропаганда Оуэна нашла горячихъ послѣдователей именно среди этихъ классовъ англійскаго общества, такъ какъ они тяжело страдали отъ новой въ то время системы хозяйства—капитализма. Первая половина прошлаго вѣка была эпохой промышленной революціи, выражавшейся въ вытѣсненіи ремесла и кустарной промышленности фабрикой. Мелкое производство въ области промышленности, имѣвшее ручной характеръ, погибало отъ конкуренціи крупнаго производства, получившаго въ свое распоряженіе такое могучее орудіе труда, какъ машина. Ростъ новой формы промышленности сопровождался чрезвычайнымъ упадкомъ заработковъ мелкихъ ремесленниковъ и кустарей. А такъ какъ кустари и ремесленники пополняли ряды и фабричныхъ рабочихъ, то неудиви-

тельно, что заработная плата и фабричныхъ рабочихъ должна была оставаться на низкомъ уровнѣ. Такимъ образомъ, создалось то паденіе благосостоянія широкихъ массъ англійскаго народа, которое отмѣтило собой всю данную эпоху и которое получило свое яркое освѣщеніе въ цѣломъ рядѣ работъ парламентскихъ комиссій первой половины XIX вѣка, занимавшихся выясненіемъ причинъ этого явленія и средствъ борьбы съ нимъ.

Этотъ кризисъ мелкаго производства въ Англіи сдѣлалъ народныя массы Англіи воспріимчивыми къ проповѣди Оуэна, призывавшаго своихъ современниковъ къ созданію новаго общественнаго строя. И дѣйствительно, въ предѣлахъ существующаго общественнаго строя не было выхода изъ этого кризиса. Мелкіе ремесленники и кустари, составлявшіе въ Англіи того времени огромное большинство промышленнаго населенія, были обречены ходомъ экономическаго развитія на пролетаризацію. Однако они упорно держались за свою, хотя бы и призрачную, экономическую самостоятельность и болѣе всего опасались перспективы стать фабричными рабочими. И вотъ является Оуэнъ, краснорѣчиво доказывающій имъ, что можно сохранить хозяйственную самостоятельность и избѣжать горькой участи работать по найму, подъ властью капиталиста, если только рѣшиться порвать со старымъ міромъ и основать свободную коммунистическую общину. Не удивительно, что проповѣдь Оуэна нашла откликъ въ массахъ.

Какъ человѣкъ, близко стоявшій къ промышленной жизни, Оуэнъ прекрасно понималъ сущность того промышленнаго переворота, который переживала Англія. «Ваша работа,—говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ обращеній къ трудящемуся люду,—страдаетъ отъ конкуренціи съ машинами и другими научными изобрѣтеніями, угнетающими васъ, пока вы не опускаетесь до самаго низкаго уровня существованія». Кризисъ мелкаго производства казался Оуэну съ полнымъ основаніемъ недопускающимъ никакого удовлетворительнаго разрѣшенія на почвѣ существующаго строя, такъ какъ техническій прогрессъ не можетъ быть остановленъ, а бѣдствія мелкихъ производителей именно и вызываются техническимъ прогрессомъ.

Отъ этого кризиса непосредственно страдали мелкіе производители и только косвенно и въ гораздо меньшей степени фабричные рабочіе. А такъ какъ главную массу промышленнаго населенія

Англіи составляли въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка именно мелкіе производители-ремесленники и кустари, то вполнѣ естественно, что именно въ этой соціальной средѣ проповѣдь Оуэна оказала наиболѣе сильное дѣйствіе.

Первый періодъ кооперативнаго движенія въ Англіи характеризуется, какъ мы видѣли, попытками устройства коммунистическихъ общинъ. Въ этомъ періодѣ, по самому существу дѣла, наибольшую роль играла интеллигенція—люди имущихъ классовъ и даже нерѣдко очень богатые, по чисто идеалистическимъ мотивамъ примыкавшіе къ Оуэну и дававшіе деньги, требовавшіяся для такихъ попытокъ. Періодъ этотъ, какъ мы видѣли, былъ очень непродолжителенъ и охватывалъ только нѣсколько лѣтъ. Тѣмъ не менѣе о немъ не слѣдуетъ забывать, такъ какъ именно онъ съ наибольшей ясностью свидѣтельствуетъ о конечныхъ цѣляхъ всего движенія; и какъ бы ни были далеки эти цѣли отъ исторической почвы, онѣ составляли силу движенія, создавая тотъ нравственный подъемъ и энтузіазмъ, безъ котораго движеніе не могло бы получить большого общественнаго размаха.

Второй періодъ кооперативнаго движенія начинается съ того времени, когда оно перерастаетъ свои первоначальныя классовыя рамки и становится движеніемъ уже не только интеллигенціи, но и широкихъ народныхъ массъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что со вступленіемъ движенія въ этотъ фазисъ важнѣйшей соціальной средой движенія становятся не столько фабричные пролетаріи, сколько ремесленники и кустари.

Въ потребительныхъ обществахъ участвовали разнообразные общественные элементы, но преобладали въ нихъ все же мелкіе производители. Это видно уже изъ того, что первыя потребительныя общества возникали отнюдь не въ центрахъ фабричной промышленности, а въ городахъ съ развитой мелкой промышленностью и торговлей,—въ Лондонѣ, Брайтонѣ, Бирмингамѣ, Норвичѣ и др. Еще яснѣе этотъ не-пролетарскій характеръ членовъ первыхъ потребительныхъ обществъ обнаруживается въ томъ, что большинство изъ нихъ были не столько потребительными обществами, сколько сырьевыми товариществами.

Что касается до биржъ труда, которыя получаютъ такое развитіе въ тридцатыхъ годахъ, то ихъ классовый характеръ уже не можетъ вызвать ни малѣйшаго сомнѣнія: очевидно, передъ

нами организаціи мелкихъ производителей, страдающихъ отъ недостатка рынка для своихъ произведеній. Этотъ недостатокъ рынка былъ непосредственно созданъ промышленной революціей, ростомъ фабрики.

На ряду съ рабочими биржами въ это время растутъ и производительныя артели мелкихъ производителей. Именно, въ этомъ классовомъ характерѣ кооперативнаго движенія тридцатыхъ годовъ и лежитъ ключъ къ пониманію всѣхъ его особенностей, какъ совершенно справедливо настаиваетъ Л. Пумпянскій въ своей работѣ, посвященной ранней исторіи англійской кооперацій (Die Kooperation und der Socialismus in England. Archiv f. die Geschichte des Socialismus, B. II, H. 2—3).

Вотъ почему кооперативное движеніе, созданное Оуэномъ, мало-по-малу сошлось, какъ бы въ фокусѣ, въ рабочихъ биржахъ. Дѣйствительно, вѣдь именно въ недостаткѣ рынка заключался центръ кризиса мелкаго производства.

Съ другой стороны, ясно, что крушеніе рабочихъ биржъ было неизбѣжно. Не говоря уже о томъ, что кооперація среди ремесленниковъ, по причинамъ, которыя выяснятся въ послѣднемъ отдѣлѣ этой книги, встрѣчаетъ для своего осуществленія огромныя трудности,—та форма кооперацій, которую представляли собой рабочія биржи, была чистѣйшей утопіей.

Дѣло шло объ организаціи сбыта произведеній мелкихъ производителей. Произведенія эти не находили себѣ сбыта (или, точнѣе, не находили себѣ на рынкѣ цѣны, окупавшей затраты производства), благодаря тому, что съ ними конкурировали болѣе дешевыя произведенія фабричной промышленности. Что же такое представляли собой рабочія биржи? Не что иное, какъ организованныя сообщества этихъ самыхъ мелкихъ производителей для обмѣна другъ съ другомъ своими произведеніями. Но вѣдь эти небольшія группы производителей составляли только ничтожную долю того рынка, который требовался для сбыта произведеній ихъ труда. Даже если бы всѣ мелкіе производители страны входили въ составъ рабочихъ биржъ, и въ этомъ случаѣ они не могли бы обезпечить своимъ сочленамъ достаточнаго рынка сбыта, ибо продукты труда мелкихъ производителей сбывались также и другимъ общественнымъ классамъ: капиталистамъ, фабрикантамъ, землевладѣльцамъ, промышленнымъ и сельскимъ рабо-

чимъ и т. д. Какое же значеніе, въ качествѣ рынка сбыта, могли имѣть небольшія группы мелкихъ производителей, образовывавшія собою рабочія биржи?

Въ довершеніе всего рабочія биржи отказывались отъ употребленія денегъ, обращавшихся въ странѣ, и замѣняли ихъ новыми «рабочими деньгами», которыя могли приниматься только въ тѣсномъ кругу лицъ, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ биржахъ.

Все вмѣстѣ представляло собой нѣчто до послѣдней степени непрактичное и внутренне невозможное. Правда, новыя общественныя образованія обычно появляются первоначально въ несовершенной формѣ, и если только въ нихъ есть здоровое зерно, то какъ бы ни была неудачна форма, зерно можетъ дать ростки. Такъ, напримѣръ, и потребительныя общества возникли изъ организацій, преслѣдовавшихъ утопическія цѣли устройства коммунистическихъ общинъ. Можно себѣ представить, что и изъ рабочихъ биржъ могли бы возникнуть жизнеспособные кооперативы, именно кооперативы по сбыту продуктовъ мелкой промышленности.

Этого не случилось по той причинѣ, что общественная среда этихъ кооперативовъ не могла создать жизнеспособныхъ кооперативныхъ организацій. Ремесленная кооперація до настоящаго времени не выходитъ изъ области благихъ пожеланій. Вполнѣ естественно, что въ тридцатые годы прошлаго вѣка ремесленная кооперація не могла возникнуть.

Такимъ образомъ, сведеніе кооперативнаго движенія къ рабочимъ биржамъ знаменовало собой крушеніе всего дѣла. И дѣйствительно, вторая половина тридцатыхъ годовъ отмѣчена въ исторіи коопераціи, какъ постепенное разложеніе и упадокъ великаго движенія, вызваннаго Оуэномъ, поскольку соціальной средой этого движенія были мелкіе производители.

Однако, хотя мелкіе производители и составляли главную массу членовъ кооперативныхъ обществъ двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ, на ряду съ ними въ составъ первыхъ кооперативовъ входили и представители совершенно иного общественнаго класса—фабричные рабочіе. Фабричные рабочіе могли участвовать въ кооперативахъ только одного опредѣленнаго рода—потребительныхъ обществахъ.

ГЛАВА II.

Возникновеніе пролетарскихъ потребительскихъ обществъ.

I.—Кооперація и пролетаріатъ. II.—Рочдельское общество и сущность его принциповъ.

I.

Второй періодъ исторіи кооперативнаго движенія былъ болѣе продолжителенъ, чѣмъ первый, и закончился крушеніемъ большинства кооперативныхъ обществъ, созданныхъ Оуэномъ и его непосредственными послѣдователями. Однако кооперативное движеніе не погибло: оно вступило послѣ этой неудачи въ свой третій и уже успѣшный фазисъ, для чего оно должно было еще разъ измѣнить свою соціальную среду и найти, наконецъ, тотъ общественный классъ, условіямъ жизни котораго оно, естественно, соотвѣтствовало.

Этимъ классомъ явились фабричные рабочіе. Новая исторія коопераціи начинается съ образованія потребительныхъ обществъ чисто пролетарскаго классоваго состава.

Однако для того, чтобы пролетарскія потребительныя общества могли получить развитіе, для этого жизнь должна была выработать для нихъ соотвѣтствующую форму. Потребительныя общества двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка просуществовали недолго. Они были слишкомъ рудиментарны, безформенны и внутренне нестройны, чтобы обладать жизненными силами. И классовый составъ ихъ былъ очень неопредѣленнымъ. На ряду съ фабричными рабочими въ эти общества входили—и въ преобладающемъ числѣ—и ремесленники и люди многихъ другихъ классовъ. Одновременно они были и сырьевыми товариществами, а также стремились быть организаціями сбыта. Они не были чи-

стыми пролетарскими организаціями и соотвѣтственно этому страдали отъ внутреннихъ раздоровъ.

Кромѣ того, первые кооперативы были слишкомъ тѣсно связаны съ утопическимъ идеаломъ коммунистической общины, чтобы удачно справляться съ практическими трудностями жизни. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе уклонялись они отъ оуэнистскихъ идей и тѣмъ пригоднѣе становились для жизни. Этого не могъ не видѣть ихъ духовный отецъ и становился къ нимъ все болѣе и болѣе равнодушнымъ. Такъ, напр., онъ пишетъ по поводу посѣщенія города Карлейля въ ноябрѣ 1836 г.: «Къ моему удивленію, я нашелъ въ различныхъ частяхъ города 6 или 7 кооперативныхъ обществъ. Общества эти хорошо работаютъ, т.-е. получаютъ извѣстную прибыль отъ совмѣстной продажи врозницу. Однако давно пора покончить со столь распространеннымъ взглядомъ, будто такія общества и суть та соціальная система, къ которой мы стремимся, или что эти общества имѣютъ что-либо общее съ новымъ нравственнымъ міромъ».

Чѣмъ болѣе развивалось классовое самосознаніе англійскаго пролетаріата, тѣмъ отчужденнѣе чувствовалъ себя Оуэнъ среди англійскихъ рабочихъ. Для Оуэна кооперація была, какъ сказано, средствомъ примиренія всѣхъ классовъ, и потому онъ не могъ не относиться враждебно и къ трэдъ-юніонизму, и къ чартизму. Реальное кооперативное движеніе англійскаго пролетаріата также ускользало отъ его непосредственнаго вліянія.

II.

Какъ извѣстно, современная потребительная кооперація ведетъ свое начало отъ устройства въ 1844 г. въ небольшомъ фабричномъ городкѣ сѣверной Англіи, Рочделѣ, знаменитаго потребительнаго общества новаго типа. Въ чемъ же заключался секретъ поразительнаго успѣха этого общества, явившагося прообразомъ столькихъ тысячъ потребительныхъ обществъ во всемъ мірѣ?

Важнѣйшими изъ «рочдельскихъ принциповъ», столько разъ комментировавшихся въ кооперативной литературѣ, были слѣдующіе: 1) демократичность устройства (каждый членъ имѣетъ равный голосъ), 2) низкіе размѣры пая и возможность вносить его

небольшими взносами, 3) продажа продуктовъ отнюдь не въ кредитъ, а на наличныя деньги, 4) продажа продуктовъ не по себѣстоимости, а по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ и 5) распредѣленіе всѣхъ денежныхъ остатковъ въ концѣ года не по паямъ, а по закупкамъ каждаго члена (по забору). Въ чемъ же заключалась та внутренняя связь, которая объединяетъ всѣ эти принципы и которая вызвала ихъ къ жизни?

Прежде всего слѣдуетъ констатировать, что рочдельское общество возникло на той же самой идейной основѣ, какъ и потребительныя общества болѣе ранняго періода. Извѣстный англійскій кооперативный дѣятель, Голейокъ, въ своей исторіи «честныхъ рочдельскихъ піонеровъ» (какъ они себя назвали) приводитъ подробную характеристику тринадцати изъ 28-ми основателей рочдельскаго общества. Всѣ они—фабричные рабочіе; по своимъ убѣжденіямъ почти всѣ они являются или соціалистами, или чартистами; а такъ какъ чартизмъ былъ политическимъ движеніемъ, преслѣдовавшимъ широкія соціальныя цѣли, то мы смѣло можемъ признать основателей рочдельскаго общества болѣе или менѣе опредѣленными соціалистами или радикальными реформаторами. Среди этихъ 28-ми не встрѣчается ни одного имени, получившаго ранѣе общественную извѣстность,—все это были, очевидно, рядовые рабочіе, ничѣмъ особенно не выдѣлявшіеся и никакими особыми талантами не обладавшіе.

Конечно, сами по себѣ, по своимъ внутреннимъ свойствамъ это были далеко не заурядные люди. Но характерно, что никто изъ нихъ не выдвинулся изъ рядовъ рабочихъ и что, слѣдовательно, ихъ дѣло было создано не лицами, посторонними рабочему классу, но представителями этого самаго класса, безъ всякой внѣшней поддержки.

Цѣли созданнаго ими общества, «Общества честныхъ рочдельскихъ піонеровъ», формулированы ими слѣдующимъ образомъ:

«Устройство склада для продажи провизіи, одежды и пр. Пріобрѣтеніе или постройка ряда домовъ, въ которыхъ могли бы жить члены общества, желающіе помогать другъ другу въ улучшеніи ихъ домашней и общественной жизни; организація производства тѣхъ продуктовъ, которые признаетъ нужнымъ производить общество для предоставленія занятія тѣмъ членамъ общества, которые не имѣютъ занятія или страдаютъ отъ длительнаго пониженія

ихъ заработной платы; въ интересахъ дальнѣйшаго обезпеченія экономическаго положенія членовъ общество должно пріобрѣсти одно или нѣсколько имѣній для обработки ихъ тѣми изъ членовъ общества, которые не имѣютъ занятія или трудъ которыхъ плохо вознаграждается. Какъ только это будетъ возможно, общество должно приступить къ организаціи силъ производства, распредѣленія, воспитанія и управленія, или, иными словами, должно организовать собственными силами общину съ объединенными интересами или же придти на помощь другимъ обществамъ, организующимъ подобныя общины».

Послѣдній пунктъ бросаетъ особенно яркій свѣтъ на соціальныя вѣрованія первыхъ рочдельскихъ піонеровъ. Та же вѣра въ немедленную осуществимость «новаго нравственнаго міра», которая вдохновляла кооператоровъ двадцатыхъ годовъ, дала силы и рочдельцамъ создать ихъ общество.

Историческое значеніе этого дѣла заключалось въ томъ, что рочдельцы положили въ основу своего потребительнаго общества именно тѣ принципы, которые,—какъ показалъ послѣдующій опытъ,—наиболѣе обезпечиваютъ успѣхъ и развитіе организацій этого рода. Какимъ же образомъ никому неизвѣстные и ничѣмъ не доказавшіе своихъ выдающихся умственныхъ способностей рядовые фабричные рабочіе небольшого англійскаго городка придумали эти принципы, ставшіе какъ бы евангеліемъ потребительной кооперація?

Единственно возможный отвѣтъ долженъ быть слѣдующій. Именно потому рочдельскіе принципы и оказались до такой степени плодотворными, что они никѣмъ не были «придуманы». Они явились какъ бы сами собой, естественнымъ выраженіемъ тѣхъ соціальныхъ потребностей, которымъ служила вновь возникшая организація.

Никакой глубокой мудрости не требовалось для того, чтобы понять практичность и цѣлесообразность этихъ принциповъ. И потому нисколько не удивительно, что,—какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія,—многіе «рочдельскіе принципы» практиковались сходными обществами рабочихъ задолго до рочдельскаго общества. Можно сказать, что всякій разумный фабричный рабочій, сходнаго душевнаго склада и сходныхъ соціальныхъ вѣрованій, легко могъ притти къ этимъ принципамъ.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что рочдельское общество было типичнымъ обществомъ фабричныхъ рабочихъ. Среди рочдельцевъ не было ремесленниковъ и мелкихъ буржуа. Поэтому рочдельцы не говорятъ, перечисляя свои цѣли, объ организаціи совмѣстной продажи продуктовъ труда отдѣльныхъ членовъ общества, не говорятъ и относительно совмѣстной закупки необходимаго для производства сырья. Въ этомъ бросающееся въ глаза различіе между рочдельскимъ обществомъ и потребительными обществами двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ, которыя всѣ были смѣшаннаго состава и на ряду съ фабричными включали въ себя многочисленныхъ ремесленниковъ и кустарей.

Рочдельское общество вышло изъ среды фабричныхъ пролетаріевъ, и потому оно имѣетъ непосредственно въ виду только потребительскіе интересы. Это объясняетъ отсутствіе въ рочдельскомъ обществѣ тѣхъ утопическихъ элементовъ, которые сказались въ рабочихъ биржахъ и т. п. организаціяхъ, стремившихся сохранить хозяйственную самостоятельность мелкихъ производителей и въ то же время обезпечить имъ постоянный сбытъ ихъ издѣлій.

Пойдемъ дальше. Откуда въ рочдельскомъ обществѣ эти строгія требованія относительно продажи товара на наличныя деньги, назначеніе сравнительно высокой (рыночной, а не болѣе низкой) продажной цѣны и распредѣленіе остатковъ не по паямъ, а по забору? Все это имѣетъ тотъ же источникъ: классовую природу рочдельскаго общества.

Основатели рочдельскаго общества были не только потребителями, но потребителями-фабричными рабочими. Они сами непосредственно участвовали въ производствѣ, но продуктъ ихъ труда принадлежалъ не имъ. Отсюда и возникли знаменитые рочдельскіе принципы.

Правило о распредѣленіи остатковъ по забору съ необходимостью вытекало изъ того, что рочдельцы были пролетаріями, а не мелкими капиталистами. Какъ рабочіе пролетаріи, они привыкли отстаивать интересы труда, а не капитала, въ капиталѣ же привыкли видѣть своего прирожденнаго врага. Правда, для устройства общества требовались паи, но сила общества основывалась не на его ничтожныхъ капиталахъ (весь первоначальный капиталъ рочдельскаго общества опредѣлялся 28 ф. с.—280 р. на наши деньги), а на томъ, что общество располагало покупательными сред-

ствами своихъ членовъ. Если бы остатки распредѣлялись по паямъ, то интересы паевого капитала выдвинулись бы на первый планъ; этимъ самымъ было бы ослаблено общество, такъ какъ оно не могло опираться на значительный паевой капиталъ, котораго неоткуда было собрать его пролетарскимъ членамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое распредѣленіе не соотвѣтствовало бы интересамъ и членовъ общества, опять-таки потому, что они были не мелкими капиталистами, а пролетаріями. Правда, каждый изъ нихъ внесъ свой пай; но насколько больше онъ вносилъ обществу въ качествѣ покупателя предметовъ потребленія! Сознавая это, рочдельцы, какъ пролетаріи, не могли не притти къ заключенію, что остатки должны распредѣляться отнюдь не по паямъ, которые въ ихъ личномъ хозяйствѣ и въ хозяйствѣ общества играли сравнительно ничтожную роль, а по закупкамъ каждаго члена, что было основой всей силы общества и что составляло самую крупную затрату въ хозяйствѣ каждаго изъ нихъ.

Такимъ образомъ, знаменитое правило распредѣленія остатковъ по забору естественно вытекало изъ пролетарскаго характера рочдельскаго кооператива. Извѣстно, какую важную роль во всемъ послѣдующемъ развитіи потребительной кооперации суждено было сыграть этому правилу. Можно безъ преувеличенія сказать, что на этомъ правилѣ основана вся потребительная кооперація и что безъ него потребительные кооперативы не могли бы разсчитывать на какой бы то ни было успѣхъ въ средѣ рабочаго класса.

Не такъ просто поддается объясненію рочдельское правило продажи по рыночной цѣнѣ и на наличныя. Обычно указываютъ для оправданія этого правила на то, что благодаря ему потребительное общество функціонируетъ какъ принудительная сберегательная касса: небольшія сбереженія при каждой продажѣ въ концѣ года суммируются и въ такомъ суммированномъ видѣ выдаются каждому члену, выигрывающему благодаря тому, что суммированныя небольшія сбереженія имѣютъ гораздо большее экономическое значеніе, чѣмъ эти ничтожныя сбереженія въ несуммированномъ видѣ. Это объясненіе совершенно неудовлетворительно. Конечно, нельзя отрицать, что суммированіе сбереженій увеличиваетъ ихъ экономическое значеніе. Но вѣдь въ данномъ случаѣ это суммированіе производится принудительнымъ образомъ. Казалось бы, было бы гораздо согласнѣе съ духомъ кооперации предоставить каждому

самому рѣшать, суммировать свои сбереженія или пользоваться ими въ отдѣльности.

Иными словами, продажа не по рыночнымъ цѣнамъ, а по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ, лишь окупающимъ покупную цѣну плюсъ необходимые расходы общества, кажется съ перваго взгляда наиболѣе соотвѣтствующей принципу свободы кооперацiи.

И это кажется тѣмъ правдоподобнѣе, что существуетъ много потребительныхъ организацій, не придерживающихся этого правила. Можно сказать болѣе, различныя организаціи потребителей распадаются на два типа: однѣ твердо держатся правила продавать по рыночнымъ цѣнамъ, другія продаютъ по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ общества рочдельскаго типа, т.-е. огромное большинство современныхъ потребительныхъ обществъ. Къ числу вторыхъ принадлежатъ также довольно многочисленныя (хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ общества перваго типа) потребительныя организаціи типа лондонскихъ обществъ поставокъ для служащихъ въ различныхъ вѣдомствахъ (Civil Service Supply Association или Civil Service Cooperative Society). Организаціи послѣдняго рода распространены и въ другихъ странахъ среди лицъ среднихъ классовъ. Въ Германіи наблюдается даже любопытная историческая послѣдовательность въ этомъ смыслѣ. По словамъ Гуго Цейдлера, автора «Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens der Neuzeit», до половины шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка потребительныя общества Германіи характеризовались тѣмъ, что они отнюдь не стремились продавать товары по рыночнымъ цѣнамъ, а, наоборотъ, старались возможно понизить продажную цѣну товаровъ. «Принципіальное отсутствіе накопленія прибыли и распредѣленія прибыли,—говоритъ Цейдлеръ,—есть характерная черта всѣхъ потребительныхъ обществъ этого типа». И въ настоящее время въ Германіи сохранилось немало обществъ этого типа, хотя преобладающимъ типомъ въ Германіи сталъ рочдельскій типъ. «Полное вытѣсненіе обществъ перваго типа рочдельскими мало вѣроятно,— говоритъ тотъ же авторъ,—такъ какъ эти общества вполнѣ удобны для имущихъ среднихъ и даже высшихъ классовъ. Ибо лица, принадлежащія къ этимъ классамъ, какъ чиновники, врачи,

учителя и т. д., имѣющіе обезпеченный доходъ, пользуются потребительными обществами обычно для того, чтобы получать продукты или лучшаго качества или по болѣе низкимъ цѣнамъ, когда повышеніе цѣнъ или пониженіе ихъ доходовъ угрожаетъ понизить ихъ обычный уровень жизни. Въ Англіи эти потребительныя общества извѣстны какъ Лондонская система или «Civil system», но не признаются кооперативами со стороны собственно рабочихъ или потребительныхъ обществъ рочдельскаго типа».

Итакъ, потребительныя общества бываютъ двухъ родовъ,—рочдельскаго и иного типа. Эти два типа различаются не только по своему внутреннему строенію, но и по своему классовому составу. Общества рочдельскаго типа являются по своему классовому составу пролетарскими обществами и продаютъ товары по высокимъ сравнительно цѣнамъ, между тѣмъ какъ общества второго типа, состоящія изъ лицъ среднихъ общественныхъ классовъ, продаютъ товары по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ.

Дѣло принимаетъ нѣсколько парадоксальный видъ. Почему пролетарскія общества, т.-е. общества, члены которыхъ принадлежатъ къ наименѣе обезпеченнымъ классамъ, не щадятъ денежныхъ средствъ своихъ членовъ и принуждаютъ ихъ покупать дорого, чтобы накоплять свои сбереженія, между тѣмъ какъ общества изъ среды обезпеченныхъ классовъ придерживаются обратной политики и стремятся немедленно же передавать въ пользу своихъ членовъ всѣ составляемыя ими сбереженія?

Отвѣтить на этотъ вопросъ поможетъ намъ исторія потребительной кооперацій. Вспомнимъ, что потребительныя общества возникли, такъ сказать, попутно. Энтузіасты коммунизма изъ среды рабочаго класса хотѣли собрать средства для устройства коммунистической общины, и для этого имъ нужно было накопить капиталъ. Если бы товары продавались по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ, то никакого накопленія капитала не могло бы произойти. При рочдельской системѣ капиталъ накоплялся въ двухъ мѣстахъ. Во-первыхъ, въ концѣ года члены общества получали обратно большую часть своихъ сбереженій въ суммированномъ видѣ. Эти денежныя средства членовъ могли получить любое назначеніе въ зависимости отъ ихъ усмотрѣнія. Во-вторыхъ, располагая значительными избытками, и самъ потребительный кооперативъ получалъ возможность удержать въ свою пользу нѣкоторую часть этихъ

сбереженій и, такимъ образомъ, образовать нѣкоторый запасный капиталъ, который могъ также получить любое назначеніе.

Эти соображенія вполнѣ объясняютъ, почему рочдельское общество неизбѣжно должно было продавать продукты не по возможно болѣе низкимъ, а, наоборотъ, по возможно болѣе высокимъ цѣнамъ. Ибо это общество возникло вовсе не для того, чтобы немного улучшить экономическое положеніе его членовъ, уменьшить расходы по пріобрѣтенію необходимыхъ предметовъ потребленія, а для преобразованія всего существующаго соціальнаго строя, для созданія новаго нравственнаго міра. Для этой великой цѣли необходимы были извѣстныя жертвы, и общество требовало этихъ жертвъ со стороны своихъ членовъ.

Напротивъ, потребительныя общества среднихъ классовъ возникаютъ по совершенно другимъ побужденіямъ. Чиновники, офицеры, врачи и пр. менѣе всего стремились и стремятся, основывая свои общества, уничтожить существующій общественный строй. Ихъ цѣли совершенно иныя и несравненно болѣе скромныя. Они хотятъ возможно уменьшить свои домашніе расходы—и только. Для уменьшенія расходовъ нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ рочдельской практикѣ,—продавать продукты изъ потребительной лавки по высокой цѣнѣ и затѣмъ въ концѣ года распредѣлять накопленные избытки. Напротивъ, всего цѣлесообразнѣе и разумнѣе поступать обратно,—продавать товары по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ и оставлять въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ всѣ полученныя такимъ образомъ сбереженія.

Данное объясненіе рочдельскаго принципа продажи по рыночной цѣнѣ можетъ показаться очень натянутымъ. Дѣйствительно, если и нельзя спорить, что рочдельцы въ 1844 г. ввели этотъ принципъ именно по этимъ побужденіямъ (ибо это историческій фактъ, что рочдельцы разсматривали свою организацію какъ подготовительную ступень къ коммунистической общинѣ), то вѣдь въ настоящее время многія тысячи потребительныхъ обществъ, разсѣянныхъ по всему свѣту и организованныхъ по рочдельскому типу, отнюдь не мечтаютъ ни о какихъ общинахъ и возникаютъ по совершенно инымъ побужденіямъ и мотивамъ.

Конечно, было бы нелѣпо утверждать, что современныя потребительныя общества рочдельскаго типа преслѣдуютъ тѣ же соціальныя цѣли, что и ихъ историческій прототипъ. Но все же

и въ современныхъ пролетарскихъ потребительныхъ обществахъ продажа по рыночнымъ цѣнамъ опредѣляется причинами сходнаго характера.

Современное пролетарское потребительное общество не мечтаетъ о коммунистической общинѣ. Тѣмъ не менѣе психологія его членовъ имѣетъ существенно иной характеръ, чѣмъ психологія членовъ чиновничьихъ и офицерскихъ обществъ.

Лица рабочаго класса не обладаютъ никакими избытками. Между тѣмъ устройство потребительнаго общества требуетъ извѣстнаго, хотя бы и небольшого капитала. Эта необходимость собрать паевой капиталъ требуетъ большихъ жертвъ со стороны пролетарскихъ членовъ потребительнаго общества.

Затѣмъ, всякое вновь возникшее потребительное общество, въ особенности, когда оно плохо снабжено капиталомъ, первое время, нерѣдко первые годы, не можетъ удовлетворительно справляться со своими задачами и обычно оказывается неспособнымъ такъ же хорошо удовлетворять потребностямъ своихъ членовъ, какъ обыкновенная капиталистическая лавка. Для того, чтобы общество пережило благополучно первые и самые трудные годы, необходимо, чтобы его члены были готовы идти на извѣстныя матеріальныя жертвы, безъ этой готовности общество не можетъ достигнуть успѣха.

Чѣмъ менѣе обезпечена общественная среда, изъ которой вербуются члены общества, тѣмъ чувствительнѣе эти жертвы. И притомъ требуются не только денежныя жертвы, но и значительная затрата времени и труда безъ соотвѣтствующей оплаты. Только на дружной работѣ всѣхъ членовъ общества въ его общую пользу, на не ослабѣвающемъ интересѣ массы членовъ общества къ своему общему дѣлу и основывается сила пролетарскаго потребительнаго общества.

Хотя въ настоящее время устройство потребительнаго общества требуетъ гораздо менѣе иниціативы и идеалистическаго подъема, чѣмъ въ эпоху Оуэна, тѣмъ не менѣе и теперь безъ моральнаго подъема, элемента идеализма, невозможенъ успѣхъ пролетарскаго кооператива. Откуда же берется этотъ энтузіазмъ? Изъ сознанія, что кооперативъ служитъ не только эгоистическимъ цѣлямъ его членовъ, но и выполняетъ нѣкоторую важную задачу. Только высокія общественныя цѣли могутъ вызвать энтузіазмъ.

Иными словами, потребительное общество можетъ вызвать со стороны своихъ членовъ готовность къ извѣстнымъ жертвамъ лишь въ томъ случаѣ, если кооперативъ пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ нѣкоторую идеальную цѣнность. Нужно, чтобы члены кооператива любили его, разсматривали его, какъ нѣчто высшее, нежели ихъ собственные интересы.

И несомнѣнно, успѣшныя кооперативныя организаціи вызываютъ къ себѣ именно такое отношеніе со стороны своихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ. Гдѣ нѣтъ группы такихъ преданныхъ дѣлу лицъ, тамъ дѣло не можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Только тогда, когда кооперативъ въ большей или меньшей мѣрѣ является самоцѣлью (а это существенно важно для его преуспѣянія), можно разсчитывать на готовность со стороны членовъ приносить извѣстныя матеріальныя жертвы для развитія кооператива. Для успѣха кооператива требуется, чтобы онъ располагалъ достаточнымъ капиталомъ. А капиталъ этотъ не можетъ быть собранъ, если потребительное общество будетъ продавать свои товары по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ.

Итакъ, для преуспѣянія кооператива необходимо, чтобы въ его распоряженіи оставались значительныя свободныя денежныя средства, которыми онъ могъ бы свободно располагать. Это достигается тѣмъ, что товары продаются кооперативомъ по сравнительно высокой цѣнѣ. Правда, кооперативъ выдаетъ большую часть накопленныхъ такимъ образомъ денежныхъ средствъ обратно своимъ членамъ. Но, во-первыхъ, извѣстная часть накопленныхъ средствъ остается все же въ рукахъ кооператива и превращается въ его запасный капиталъ. Во-вторыхъ, въ случаѣ надобности кооперативъ все же сохраняетъ свободу распоряженія этимъ избыткомъ. Въ случаѣ надобности онъ можетъ дать имъ и другое употребленіе. Въ-третьихъ, пока эти избытки не возвращены членамъ, кооперативъ пользуется ими для своихъ оборотовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ бирмингэмскомъ конгрессѣ британскихъ потребительныхъ обществъ генеральный секретарь кооперативнаго союза, покойный теперь Грей, сдѣлалъ предложеніе создать «кооперативное государство»,—объединить въ одну громадную организацію всѣ британскія потребительныя общества. Въ своей рѣчи Грей указалъ на идеалистическій духъ, проникавшій

британское кооперативное движеніе въ первые годы послѣ его возникновенія. Современная британская кооперація,—доказывалъ онъ,—несмотря на свои огромные успѣхи, все же не осуществила рочдельскихъ принциповъ, какъ ихъ понимали сами рочдельцы. Рочдельцы на первый планъ выдвигали не личные интересы отдѣльныхъ членовъ кооператива, а общій интересъ, выраженіемъ котораго является кооперативъ. Основную рочдельскую идею, изъ которой вытекали всѣ рочдельскіе принципы, Грей усматривалъ въ требованіи, чтобы каждый членъ содѣйствовалъ успѣху цѣлаго и чтобы сбереженія, получаемыя благодаря существованію кооператива, шли въ большей или меньшей степени на нужды самого кооператива, т.-е. на развитіе и усиленіе кооперативнаго строительства.

«Не пришло ли теперь время,—воскликнулъ Грей,—серьезно подумать, какъ соединить старые рочдельскіе идеалы съ новыми методами дѣйствія и создать планъ объединенія разсыпанныхъ силъ современнаго кооперативнаго движенія въ одно цѣлое? Соберемъ же силы, осуществимъ идеалы рочдельцевъ, соединившись въ кооперативное государство».

Для осуществленія такого кооперативнаго государства Грей считалъ нужнымъ, чтобы члены кооперативовъ согласились отчислять половину слѣдуемыхъ имъ заборныхъ отчисленій въ неотчуждаемый капиталъ создаваемой кооперативной организаціи.

Планъ Грея не получилъ пока осуществленія, но все же его нельзя не считать крайне характернымъ для духа британскаго кооперативнаго движенія, который уже теперь привелъ къ грандіозному развитію мощи этого движенія. Если кооперативнаго государства, о которомъ мечталъ Грей, пока и нѣтъ, то уже давно существуютъ и все больше развиваютъ свои операціи англійское и шотландское общества оптовыхъ продажъ, съ ихъ оборотами въ десятки милліоновъ фунтовъ, десятками тысячъ рабочихъ, занятыхъ въ производительныхъ предпріятіяхъ, многочисленными фабриками, пароходами, плантаціями и пр., и пр. Эти гигантскія хозяйственныя организаціи, созданныя британской коопераціей, возникли всецѣло за счетъ средствъ, накопленныхъ потребительными обществами изъ разницы между продажной и покупной цѣной товаровъ. Правда, гораздо большая доля этой разницы пошла въ пользу отдѣльныхъ членовъ кооперативовъ. Но и

оставшихся средствъ хватило на то, чтобы создать то великое дѣло, какимъ является британская кооперація.

Итакъ, въ рочдельскомъ принципѣ продажи по сравнительно высокой цѣнѣ выражается требованіе отъ каждаго члена кооператива быть готовымъ на извѣстныя жертвы для усиленія кооператива. Рочдельскій кооперативъ существуетъ не только для доставленія его членамъ извѣстныхъ экономическихъ выгодъ. Конечно, онъ существуетъ и для этого, и безъ достиженія этой цѣли кооперативъ не могъ бы имѣть успѣха. Но на ряду съ этой цѣлью, удовлетворяющей эгоистическимъ интересамъ членовъ, кооперативъ преслѣдуетъ и идеальныя цѣли, и въ качествѣ такой идеальной цѣнности онъ существуетъ ради себя, для развитія и укрѣпленія новой формы хозяйственной организаціи, соотвѣтствующей высшимъ интересамъ человѣчества. Въ качествѣ идеальной цѣнности кооперативъ требуетъ отъ своихъ членовъ готовности жертвовать своими интересами интересу кооператива. Если кооперативъ служитъ интересамъ его членовъ, то и, обратно, его члены должны служить интересамъ кооператива,—такова сущность рочдельскаго кооператива.

Послѣ сказаннаго не трудно понять, почему потребительныя общества изъ среды лишь болѣе обезпеченныхъ классовъ придерживаются совершенно иныхъ принциповъ дѣятельности, чѣмъ пролетарскіе кооперативы. Чиновники, офицеры и проч. не могутъ не относиться къ своему кооперативу совершенно иначе, чѣмъ относятся рабочіе. Никакой идеальной цѣнности кооперативъ для нихъ не имѣетъ. Кооперативъ нуженъ имъ лишь постольку, поскольку онъ имъ доставляетъ опредѣленныя хозяйственныя выгоды. Ни на какое самопожертвованіе ради усиленія своего кооператива они не пойдутъ, и потому они требуютъ отъ кооператива немедленныхъ опредѣленныхъ выгодъ. Ни о какомъ «кооперативномъ государствѣ» они не мечтаютъ, а желаютъ имѣть въ своей кухнѣ продукты лучшаго качества и по возможно болѣе низкой цѣнѣ.

Третій рочдельскій принципъ—покупка на наличныя деньги—былъ выраженіемъ той же основной сущности рочдельскаго кооператива. «Представленіе о кредитѣ, какъ о соціальномъ злѣ,—говоритъ Голейокъ,—было частью соціалистическаго воспитанія рочдельцевъ. Какъ соціальные реформаторы, они привыкли думать,

что для всего общества будетъ лучше, что коммерческія операціи будутъ проще и честнѣе, если кредитъ будетъ уничтоженъ».

Объясненіе Голейока справедливо, поскольку дѣло идетъ о мотивахъ тѣхъ знаменитыхъ «двадцати восьми», которые создали рочдельскій кооперативъ. Но, конечно, не этими соціалистическими соображеніями о вредѣ кредита объясняется то, что и этотъ рочдельскій принципъ получилъ такое распространеніе въ пролетарскихъ потребительныхъ обществахъ.

И этотъ принципъ основанъ на той же идеѣ, что и принципъ продажи по рыночнымъ цѣнамъ. Покупка на наличныя требуетъ большого напряженія силъ со стороны малообезпеченныхъ членовъ пролетарскаго кооператива; но она необходима потому, что безъ нея кооперативъ будетъ слишкомъ слабъ, чтобы ставить себѣ крупныя цѣли.

Покупка на наличныя особенно необходима именно для пролетарскаго кооператива, такъ какъ кооперативъ, возникшій въ этой средѣ, не можетъ располагать значительными капиталами и, значитъ, долженъ черпать всю свою силу изъ средствъ своихъ покупателей. Продажа въ кредитъ лишитъ пролетарскій кооперативъ всѣхъ его оборотныхъ средствъ, и вотъ почему рочдельская кооперація предъявляетъ такія высокія требованія своимъ членамъ.

Демократичность устройства, невысокій размѣръ пая и внесеніе его небольшими взносами съ очевидностью вытекаютъ изъ классоваго характера членовъ рочдельской коопераціи. Иными словами, всѣ «рочдельскіе принципы» цѣликомъ и безъ остатка объясняются классовымъ составомъ членовъ рочдельскихъ кооперативовъ, тѣмъ, что данный кооперативъ является хозяйственной организаціей пролетаріата,—производительнаго класса, сплоченнаго условіями своего труда, но не являющагося собственникомъ своего продукта и потому не обладающаго капиталомъ.

На особенностяхъ рочдельскаго кооператива отразилась, однако, не только экономическая необезпеченность того общественнаго класса, который создалъ эту новую форму хозяйственной организаціи. Самая возможность развитія въ этой средѣ хозяйственныхъ союзовъ, предъявляющихъ къ своимъ членамъ столь суровыя требованія, показываетъ, что эта среда, хотя и не обладаетъ капиталомъ, обладаетъ правильнымъ, регулярнымъ доходомъ. Этотъ пра-

вильный доходъ является источникомъ, откуда пролетарскій кооперативъ черпаетъ свои силы.

Съ другой стороны—и это существенно важно—рочдельскій кооперативъ характеризуетъ и идеальную сторону соціальной природы пролетаріата. Пролетаріатъ, это—классъ будущаго, классъ, по всѣмъ условіямъ своей жизни долженствующій стремиться къ новому общественному строю. Коммунистическія общины, стремленіе къ которымъ создало потребительныя общества, это, конечно,—утопія, неосуществимая мечта. Но не случайно, что эта мечта получила распространеніе именно среди пролетаріата.

Въ настоящее время милліонныя массы рабочаго класса, выступающія подъ знаменемъ коопераціи, совершенно равнодушны къ коммунистическимъ планамъ Оуэна. Но и теперь, какъ и въ первое время возникновенія коопераціи, рабочій классъ видитъ въ коопераціи нѣкоторую идеальную цѣнность, ради которой можно пойти на крупныя жертвы.

Именно въ этомъ признаніи идеальной цѣнности коопераціи какъ общественнаго движенія, создающаго новыя формы жизни, и заключается характернѣйшая черта рочдельскаго кооператива, откуда и вытекли такъ наз. рочдельскіе принципы. Отсюда удивительная сила рочдельскаго кооператива, которая получила столь яркое выраженіе въ потребительныхъ обществахъ Англіи.

Въ своемъ реальномъ историческомъ осуществленіи рочдельская кооперація, удовлетворяя насущнымъ мелкимъ нуждамъ своихъ членовъ, въ то же время преслѣдуетъ широкія цѣли огромнаго общественнаго значенія. За устраненіемъ розничнаго торговца, посредника между потребителемъ и оптовымъ торговцемъ, идетъ устраненіе оптоваго торговца. Такова задача гигантскихъ обществъ оптовыхъ продажъ, созданныхъ британской коопераціей. Но этимъ дѣло не кончается. Общества оптовыхъ продажъ организовываютъ производство нужныхъ имъ продуктовъ и такимъ образомъ устраняютъ капиталиста и въ сферѣ производства.

Такимъ образомъ, рочдельская кооперація работаетъ надъ осуществленіемъ грандіознаго плана общественнаго преобразованія,—наполовину безсознательно,—но тѣмъ характернѣе это направленіе для кооперативовъ рочдельскаго типа.

ГЛАВА III.

Современное положеніе и общіе вопросы пролетарской потребительной коопераціи.

I. Оптовая организація потребительной коопераціи. II.—Производство потребительныхъ обществъ. III.—Рабочій вопросъ въ коопераціи. IV.—Предѣлы потребительной коопераціи. V.—Потребительная кооперація и борьба классовъ. VI.—Потребительная кооперація въ Россіи.

I.

Наибольшее развитіе пролетарскія потребительныя общества получили въ Великобританіи, которая остается донынѣ образцомъ того, чего можетъ достигнуть пролетаріатъ въ области коопераціи.

Рѣшающую роль въ исторіи пролетарской коопераціи сыграло, какъ сказано, учрежденіе въ 1844 г. рочдельскаго потребительнаго общества, выработавшаго тѣ единственно возможныя основанія, на которыхъ неизбѣжно должна основываться пролетарская кооперація. Слѣдующей знаменательной датой въ исторіи пролетарскихъ кооперативовъ явилось учрежденіе въ 1863 г. въ Манчестерѣ «Кооперативнаго общества оптовой продажи сѣверной Англіи». Въ основу этой новой хозяйственной организаціи, объединяющей для оптовыхъ операцій отдѣльныя потребительныя общества, положены своеобразно измѣненные рочдельскіе принципы. Потребительное общество ведетъ розничную продажу, и его членами являются отдѣльныя лица; напротивъ, «общество оптовой продажи» ведетъ оптовую продажу, и его членами являются не физическія лица, а цѣлыя группы такихъ лицъ, юридическія лица—потребительныя общества. Капиталъ общества оптовой продажи слагается изъ взносовъ участвующихъ въ немъ потребительныхъ обществъ, при чемъ каждое общество должно дѣлать взносъ, пропорціональный числу своихъ членовъ. Общество отку-

скаетъ своимъ членамъ продукты только на наличныя деньги по оптовымъ рыночнымъ цѣнамъ и въ концѣ года возвращаетъ остатокъ членамъ, пропорціонально закупкамъ. Въ общемъ собраніи членовъ каждое общество располагаетъ числомъ голосовъ, пропорціональнымъ числу своихъ паевъ въ общемъ капиталѣ.

Таковы хозяйственныя основы оптовой организаціи потребительныхъ обществъ. Онѣ совпадаютъ съ рочдельскими принципами. Правда, можетъ показаться, что послѣдній пунктъ противорѣчитъ рочдельскому требованію, чтобы каждый членъ имѣлъ одинъ голосъ, независимо отъ числа паевъ, которымъ онъ располагаетъ, Однако, на самомъ дѣлѣ, предоставленіе въ общемъ собраніи членовъ «Общества оптовой продажи» каждому члену тѣмъ болѣе голосовъ, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ паевъ, вполнѣ согласуется съ демократическими принципами рочдельцевъ. Если бы члены общества оптовой продажи имѣли равное число голосовъ каждый, то это было бы равносильно подавленію интересовъ большинства интересами меньшинства. Вѣдь каждый кооперативъ вноситъ въ общество тѣмъ больше паевъ, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ въ своемъ составѣ членовъ, и, слѣдовательно, чтобы интересы всѣхъ членовъ различныхъ кооперативовъ, объединенныхъ центральной организаціей, были въ ней одинаково защищены, необходимо, чтобы число голосовъ въ распоряженіи каждаго кооператива было пропорціонально числу участвующихъ въ немъ лицъ, а, значитъ, и пропорціонально числу паевъ въ его распоряженіи.

Въ то время какъ потребительныя общества ставятъ своей задачей передать въ распоряженіе рабочаго класса прибыль розничнаго торговца, общество оптовой продажи стремится къ тому же по отношенію къ прибыли оптоваго торговца. Въ этомъ было принципіально новое въ данной кооперативной организаціи, объединившей, мало-по-малу, огромное большинство пролетарскихъ кооперативовъ.

Въ 1872 г. оно было переименовано въ «Кооперативное общество оптовой продажи» («Cooperative Wholesale Society»), безъ ограниченія его района сѣверной Англіей. Райономъ его дѣйствій въ настоящее время является вся Англія, въ то время какъ въ Шотландіи дѣйствуетъ возникшее въ 1869 г. «Шотландское кооперативное общество оптовой продажи».

Дальнѣйшій принципіально важный шагъ въ дѣлѣ развитія

пролетарской кооперацiи былъ сдѣланъ присоединенiемъ къ операцiямъ обществъ оптовой продажи собственнаго производства. Потребительная кооперацiя стремится къ возможному улучшенiю условiй потребленiя своихъ членовъ. Для этого она вытѣсняетъ сначала розничнаго торговаго посредника, затѣмъ оптоваго и, наконецъ, переходитъ къ собственному производству, вытѣсняя такимъ образомъ капиталистическое посредничество и въ области производства. Благодаря этому, въ настоящее время британскiя общества оптовой продажи представляютъ собой нѣчто большее, чѣмъ простую организацiю оптовой продажи на кооперативныхъ началахъ: они являются одновременно и обществами производства тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ нуждается потребительная кооперацiя.

О размѣрахъ самостоятельнаго производства англiйскаго общества оптовой продажи можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ: въ 1912 г. общество имѣло 43 фабрики, товарные склады въ Манчестерѣ, Ньюкастлѣ и Лондонѣ, 4 парохода, чайныя плантацiи на островѣ Цейлонѣ, 2 фермы въ Англiи; продуктовъ было изготовлено на 7,5 милл. ф. с., при чемъ число занятыхъ рабочихъ достигало почти 17 тыс. Шотландское общество оптовой продажи владѣетъ 27 фабриками, товарными складами въ Глазго, Эдинбургѣ и др. мѣстахъ, хлѣбнымъ элеваторомъ въ Канадѣ; продуктовъ имъ было произведено на 2,5 милл. ф. с., а число занятыхъ рабочихъ превышало 5 тыс.

Но далеко не только общества оптовой продажи имѣютъ свои производительные отдѣлы: почти всѣ болѣе крупныя потребительныя общества Великобританiи имѣютъ свои фабрики и заводы, на которыхъ производятся тѣ или иные продукты для надобностей обществъ. Самое крупное изъ англiйскихъ потребительныхъ обществъ рочдельскаго типа—Лидское—имѣетъ цѣлый рядъ своихъ фабрикъ и иныхъ производительныхъ предпрiятiй. Тѣмъ не менѣе общая сумма производства въ производительныхъ отдѣлахъ потребительныхъ обществъ Великобританiи уступаетъ по своимъ размѣрамъ производству обоихъ обществъ оптовой продажи.

Впрочемъ, несмотря на огромное развитiе собственнаго производства, значительно большую часть продаваемыхъ ими продуктовъ британскiя потребительныя общества покупаютъ все же на сторонѣ, у частныхъ предпринимателей; въ 1912 г. всего было

продано обществами продуктовъ на 78 мил. ф. с., въ томъ числѣ произведенныхъ въ производительныхъ отдѣлахъ потребительной коопераціи не болѣе, чѣмъ на 17,5 милл. ф. с. Черезъ посредство обоихъ обществъ оптовой продажи потребительными обществами было пріобрѣтено продуктовъ на 38 милл. ф. с., т.-е. (принимая въ соображеніе возвышеніе цѣны въ розничной продажѣ) болѣе половины всѣхъ проданныхъ продуктовъ.

II.

Для внутренней жизни британской потребительной коопераціи особое значеніе получилъ вопросъ о наиболѣе желательныхъ формахъ кооперативнаго производства. По отношенію къ этому вопросу среди англійскихъ кооперативовъ очень рано обнаружились два борющихся теченія, которыя и понынѣ раздѣляютъ британскій кооперативный міръ на два лагеря—«индивидуалистовъ» и «федералистовъ». Первые признаютъ наиболѣе желательной формой производства самостоятельную производительную ассоціацію, вторые—производительное предпріятіе потребительнаго общества.

Первое теченіе пріобрѣтаетъ особое значеніе въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и выразителями его становится рядъ замѣчательныхъ людей изъ среднихъ классовъ общества, объединившихся подъ флагомъ, такъ назыв., «христіанскаго соціализма». Къ числу ихъ принадлежали Кингсли, Нилъ, Юзъ, Морисъ и др. Къ нимъ примыкали въ ревностной пропагандѣ производительныхъ ассоціацій и болѣе ранніе вожди англійской коопераціи, въ томъ числѣ и знаменитый сподвижникъ Оуэна, Голейокъ.

Для представителей этого теченія производительная ассоціація (производительная артель) являлась самой совершенной формой коопераціи или даже единственно истинной коопераціей, такъ какъ только производительная ассоціація принципіально уничтожаетъ наемный трудъ. И они дѣлали героическія усилія для насажденія въ странѣ производительныхъ ассоціацій,—усилія, совершенно безуспѣшныя, такъ какъ основываемыя ими въ значительномъ количествѣ артели неизмѣнно распадались по причинамъ, которыя будутъ выяснены ниже, въ главѣ о производительныхъ артеляхъ.

Противоположное теченіе, которое относилось отрицательно къ производительнымъ ассоціаціямъ и стремилось къ созданію собственнаго производства потребительныхъ обществъ, долгое время не имѣло опредѣленнаго теоретическаго выраженія. Цитаделью его стало англійское общество оптовой продажи, которое, какъ только оно упрочилось, стало энергично стремиться къ развитію собственнаго производства. Въ основѣ этого стремленія не лежало, какъ сказано, никакой опредѣленной теоріи, никакой опредѣленной конечной цѣли, а только ясно сознаваемыя потребности практической жизни. «Кооперативные путники пришли къ этому принципу,—говоритъ Редфернъ, историкъ англійскаго общества оптовой продажи, въ юбилейномъ изданіи «The Story of the C. W. S.»,—скорѣе случайно, чѣмъ съ заранѣе опредѣленной цѣлью, какъ Колумбъ случайно приплылъ къ островамъ Вестъ-Индіи».

Теоретическое обоснованіе этого теченія было дано значительно позже, въ извѣстной книгѣ Беатрисы Поттеръ—«Кооперативное движеніе Великобританіи». Теченіе это, именовавшее себя «федералистическимъ», въ противоположность «индивидуалистическому» теченію, защищавшему производительныя ассоціаціи, признавало производство потребительныхъ обществъ болѣе высокимъ соціальнымъ типомъ, чѣмъ производство производительныхъ ассоціацій, такъ какъ въ первомъ случаѣ производство служитъ интересамъ всего общественнаго цѣлаго, совпадающаго съ кругомъ потребителей, между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ на первый планъ выдвигаются сепаратные интересы обособленной группы рабочихъ, занятыхъ даннымъ производствомъ и естественно противопоставляющихъ себя общественному цѣлому. Первая система производства объединяетъ рабочихъ служеніемъ общему интересу, между тѣмъ какъ вторая вноситъ разъединеніе въ ихъ среду и разбиваетъ рабочій классъ на группы враждующихъ другъ съ другомъ отдѣльныхъ производительныхъ единицъ, совершенно такъ же, какъ мы это видимъ и по отношенію къ отдѣльнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ.

Въ виду очевиднаго неуспѣха производительныхъ ассоціацій, сочувственное имъ теченіе скоро приняло на практикѣ смягченную форму требованія, чтобы рабочіе, если они уже не являются полными хозяевами предпріятія, то, по крайней мѣрѣ, уча-

ствовали бы въ его прибыляхъ и въ управленіи предпріятіемъ. Въ такой формѣ теченіе это выразилось въ требованіи организаціи производства на началахъ такъ назыв. «копартнершипа».

Споръ обоихъ теченій неоднократно доходилъ до обсужденія на ежегодныхъ конгрессахъ высшей организаціи, объединяющей британскую кооперацію — «Кооперативнаго союза». Англійское «Общество оптовой продажи» нѣкоторое время выдавало своимъ рабочимъ извѣстную процентную премію въ видѣ прибавки къ заработной платѣ, но въ 1875 г. отказалось отъ такихъ выдачъ, не по принципіальнымъ соображеніямъ, а по мотивамъ чисто практическаго характера. Затѣмъ эта форма оплаты труда была возобновлена и наконецъ окончательно отвергнута обществомъ въ 1886 г.

Сторонники участія рабочихъ въ прибыляхъ апеллировали къ «Кооперативному союзу». Во главѣ кампаніи противъ общества оптовой продажи сталъ Юзъ. Стачка рабочихъ на фабрикѣ общества въ Лестерѣ въ 1886 г. дала поводъ къ рѣзкимъ нападкамъ на общество. Голейокъ сказалъ даже, что «появленіе общества оптовой продажи въ Лестерѣ было несчастіемъ для коопераціи». Сторонники «индивидуалистическаго» производства, въ числѣ которыхъ было пять бывшихъ президентовъ конгрессовъ «Кооперативнаго союза» (Голейокъ, Юзъ, Нилъ, маркизъ Рипонъ, Тейлоръ), предложили на конгрессѣ союза въ Дьюсбёри резолюцію, защищавшую принципъ самостоятельныхъ производительныхъ ассоціацій и настаивавшую на томъ, чтобы, во всякомъ случаѣ, рабочимъ было возвращаемо не менѣе половины всей чистой прибыли. Голейокъ сказалъ, между прочимъ, на этомъ конгрессѣ слѣдующее: «Въ 1886 г. у «Общества оптовой продажи» было въ Лестерѣ 990 рабочихъ. Прибыль общества равнялась 9500 ф. с. Раздѣленная между рабочими, эта прибыль дала бы на каждаго рабочаго 9 ф. с. 10 шилл. Кому же досталась эта прибыль, выработанная рабочими? Ее получили 970 потребительныхъ обществъ. Что же они сдѣлали съ нею? Они передали ее 650 тысячамъ своихъ членовъ. Сколько же получилъ каждый членъ? Около полутора фартинга... Имя Іуды Искаріота предается проклятіямъ всего свѣта въ теченіе 18 вѣковъ за то, что онъ предалъ распятію Христа; но онъ предалъ Христа, по крайней мѣрѣ, не даромъ, а за тридцать сребрениковъ. Между тѣмъ, коопера-

торы предаютъ рабочаго распятію неоплаченнаго труда за три восьмыхъ пенни».

Легко понять софизмъ Голейока: онъ противопоставилъ ничтожность выгоды, получаемой каждымъ членомъ потребительныхъ обществъ, отъ присвоенія прибавочнаго труда рабочаго отдѣльной фабрики, крупной потерѣ отъ такого присвоенія для рабочаго. Но при этомъ Голейокъ игнорировалъ два обстоятельства: во-первыхъ, то, что если выгоды членовъ потребительныхъ обществъ на каждаго отдѣльнаго члена оказываются гораздо меньшими, чѣмъ потери каждаго отдѣльнаго рабочаго, то зато число выигрывающихъ членовъ гораздо больше, чѣмъ число проигрывающихъ рабочихъ. Во-вторыхъ, Голейокъ совершенно неправильно противопоставилъ всей массѣ членовъ потребительныхъ обществъ рабочихъ только одной фабрики, между тѣмъ какъ нужно было бы противопоставить членамъ потребительныхъ обществъ рабочихъ всѣхъ фабрикъ и предпріятій, принадлежащихъ потребительнымъ обществамъ. Тогда результатъ сравненія получился бы совершенно иной. Въ 1912 г. въ потребительныхъ обществахъ Великобританіи, принадлежащихъ къ «Кооперативному союзу», было 2.750.633 члена, а общая сумма чистаго дохода этихъ обществъ достигала 11.957.422 ф. с.,—на каждаго члена приходилось чистаго дохода свыше 4 ф. с. Если бы весь этотъ доходъ поступилъ въ распоряженіе рабочихъ и служащихъ потребительныхъ обществъ, то каждый членъ потребительнаго общества лишился бы не ничтожной суммы въ три восьмыхъ пенни, какъ разсчитывалъ Голейокъ, но свыше 4 ф. с. въ годъ, что уже составляетъ немаловажную сумму въ скромномъ бюджетѣ рабочаго, изъ числа которыхъ вербуются члены потребительныхъ обществъ союза.

На конгрессѣ побѣдило компромиссное предложеніе, которое, однако, было ближе къ резолюціи, предложенной сторонниками копартнершипа, чѣмъ къ противоположному теченію, и могло разсматриваться, какъ побѣда первыхъ. Большинствомъ 213 голосовъ противъ 160 прошла резолюція, приглашавшая «Общество оптовой продажи» и вообще всѣ кооперативы распредѣлять прибыль между рабочими, пайщиками и потребителями.

«Общество оптовой продажи» не подчинилось этому постановленію, равно какъ и большинство потребительныхъ обществъ. Въ 1890 г. общество предприняло анкету для выясненія, въ какой

мѣрѣ потребительныя общества предоставляютъ своимъ служащимъ и рабочимъ участіе въ прибыляхъ. Оказалось, что изъ 881 обществъ, принадлежащихъ къ «Обществу оптовой продажи», только 94 дѣлали это. Такой результатъ анкеты только укрѣпилъ «Общество оптовой продажи» въ его нежеланіи вводить участіе рабочихъ въ прибыляхъ, и на этой позиціи оно твердо стоитъ и въ настоящее время, въ противоположность «Шотландскому обществу оптовой продажи», въ которомъ служащіе и рабочіе принимаютъ участіе въ прибыли (правда, въ очень незначительной мѣрѣ).

Сторонники копартнершипа усмотрѣли въ образѣ дѣйствій англійскаго «Общества оптовой продажи» рѣшительную измѣну кооперативнымъ принципамъ и превращеніе общества въ обычную акціонерную капиталистическую компанію. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что образъ дѣйствій англійскаго «Общества оптовой продажи» опирается на сочувствіе огромнаго большинства британскихъ кооператоровъ, и что общество остается истиннымъ кооперативомъ рочдельскаго типа.

Въ концѣ-концовъ сторонники самостоятельныхъ производительныхъ ассоціацій выдѣлились изъ общей организаціи британскихъ кооперативовъ—«Кооперативнаго союза»—и образовали свой собственный союзъ, получившій впослѣдствіи названіе «Ассоціаціи трудового копартнершипа», существующій и нынѣ, но большого успѣха не имѣющій. Принципы англійскаго «Общества оптовой продажи» стали руководящими въ англійской коопераціи, дополнившей рочдельскіе принципы принципомъ организаціи производства силами объединенныхъ потребительныхъ обществъ.

Это ярко сказалось въ статьяхъ англійскихъ кооперативныхъ изданій по поводу исполнившагося въ 1914 г. пятидесятилѣтія дѣятельности «Общества оптовой продажи». Вотъ, напримѣръ, какъ рисуется будущее англійской коопераціи руководящему органу британской коопераціи «Cooperative News».

«Къ концу слѣдующаго пятидесятилѣтія «Общество оптовой продажи» будетъ, вѣроятно, владѣть каменноугольными копями въ Англіи и Уэльсѣ, источниками нефти въ Америкѣ, хлопковыми плантаціями въ Африкѣ, пшеничными полями въ Канадѣ и другихъ странахъ. Оно будетъ само добывать желѣзо изъ своихъ собственныхъ рудниковъ, вырабатывать кожу со своего скота на

своихъ пастбищахъ въ Аргентинѣ, получать шерсть и баранину со своихъ овецъ въ Англіи и Австраліи; оно создастъ свои рыбачьи флотиліи съ помощью потребительныхъ обществъ, расположенныхъ вблизи отъ моря, а также земледѣльческія фермы внутри страны. Что касается океанскаго транспорта, то, въ виду захвата торговыхъ судовъ синдикатами судовладѣльцевъ, для «Общества оптовой продажи» станетъ необходимымъ завести свои собственныя суда, чѣмъ и будетъ завершенъ контроль общества надъ всѣми источниками удовлетворенія жизненныхъ потребностей».

Можно сомнѣваться въ правильности этого прогноза, но во всякомъ случаѣ ясно, что для «Cooperative News» дальнѣйшее развитіе британской кооперацiи рисуется въ видѣ постепеннаго расширенія сферы дѣйствій «Общества оптовой продажи», пока въ его рукахъ не сосредоточится производство всего того, въ чемъ нуждается англійскій потребитель. Для отдѣльныхъ производительныхъ ассоціацій въ этой концепціи мѣста совсѣмъ не остается.

Однако за послѣдніе годы въ общественномъ мнѣніи англійской кооперацiи какъ будто замѣчается по отношенію къ этому вопросу нѣкоторый многозначительный поворотъ, что сказалось не только въ появленіи многихъ книгъ и статей въ защиту копартнершипа, но и въ резолюціи Абердинскаго конгресса (1913 г.). Конгрессъ этотъ снова разсматривалъ старый и, казалось бы, окончательно рѣшенный вопросъ о наиболѣе желательныхъ формахъ кооперативнаго производства и вынесъ слѣдующую резолюцію:

«Въ виду неупорядоченности, тренія и малой производительности современной промышленной организаціи, основанной на конкуренціи, конгрессъ признаетъ, что пришло время для развитія кооперативнаго производства во всѣхъ его формахъ и приглашаетъ кооператоровъ тщательно изучить наилучшіе способы содѣйствія всѣмъ формамъ ассоціированнаго труда, включая сюда какъ существующія формы производства при посредствѣ потребительныхъ обществъ и обществъ оптовой продажи, такъ и при посредствѣ независимыхъ производительныхъ ассоціацій».

Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что этотъ возвратъ къ прежнимъ, казалось бы, давно похороненнымъ воззрѣніямъ отнюдь не былъ вызванъ успѣхами производительныхъ ассоціацій или хотя бы успѣхами предпріятій на принципахъ копартнершипа. Какъ будетъ указано въ главѣ о производительныхъ артеляхъ, успѣ-

хи производительныхъ ассоцiацiй до сихъ поръ совершенно ничтожны, и немногимъ лучше обстоитъ дѣло съ принципомъ копартнершипа. Поворотъ къ этимъ принципамъ вызванъ, какъ правильно указываетъ г. Чекинъ въ статьѣ «Трансформацiя капитализма» въ «Вѣстникѣ Кооперацiи», причинами совершенно иного рода,—разочарованiемъ англiйскихъ кооператоровъ въ возможности для потребительной кооперацiи захватить въ свои руки значительную часть современнаго производства. «Кооперативный рынокъ,—говорилъ на Абердинскомъ конгрессѣ Гаррисонъ,—хотя еще не цѣликомъ прiобрѣтенъ кооперацiей, но имѣетъ свои опредѣленныя границы. Онъ ограниченъ не только численностью участниковъ кооперацiи, хотя и возрастающей изъ году въ годъ, но въ уменьшающейся прогрессiи, но и низкой покупательной способностью членовъ потребительныхъ обществъ и незначительностью исходящаго отъ нихъ платежеспособнаго спроса. Не считая пищевыхъ продуктовъ, потребленiе рабочимъ классомъ продуктовъ производства печально мало. Голыя спины въ достаточной степени, по выраженiю Карлейля, нуждаются въ рубахахъ. Но за рубахи нечѣмъ платить, и потребностямъ не соотвѣтствуетъ достаточный платежеспособный спросъ».

Эта ограниченность кооперативнаго рынка, въ связи съ другими условiями, которыя будутъ выяснены ниже, приводитъ къ невозможности занять въ кооперативныхъ предпрiятiяхъ трудъ тѣхъ миллiоновъ членовъ потребительныхъ обществъ, которые уже теперь объединены кооперацiей. Дѣйствительно, въ 1912 г., при 2.750 тыс. членовъ потребительныхъ обществъ, общее число служащихъ и рабочихъ въ этихъ обществахъ и двухъ обществахъ оптовой продажи достигало всего 122 тыс., т.-е. менѣе 5% числа членовъ. И, очевидно, какъ бы быстро ни шло развитiе потребительныхъ обществъ, соотношенiе это врядъ ли существенно измѣнится, хотя бы уже потому, что большую часть предметовъ потребленiя рабочаго класса составляютъ различныя пищевыя вещества, въ производствѣ которыхъ потребительныя общества не могутъ достигнуть многаго. Большая часть этихъ пищевыхъ продуктовъ привозится изъ другихъ странъ и, слѣдовательно, не можетъ быть производима англiйскимъ рабочимъ; но и тѣ продукты, которые производятся внутри страны, не могутъ быть съ успѣхомъ изготовляемы наемными рабочими на фермахъ потре-

бительныхъ обществъ, въ силу особенностей сельскохозяйственнаго производства, дѣлающихъ послѣднее болѣе пригоднымъ для крестьянскаго хозяйства. Неудача попытокъ обществъ оптовой продажи организовать собственное сельскохозяйственное производство является достаточной иллюстраціей трудностей этого дѣла.

Такимъ образомъ, приходится оставить мысль, что всѣ или хотя бы большинство членовъ потребительныхъ обществъ съ теченіемъ времени станутъ находить занятіе въ предпріятіяхъ потребительныхъ обществъ и сдѣлаются, такимъ образомъ, своими собственными хозяевами. Сознаніе этого положенія дѣлъ и вызываетъ среди кооперативныхъ дѣятелей Англіи извѣстное разочарованіе въ результатахъ потребительной кооперацін. Какъ быть съ милліонами рабочихъ, которые никогда не найдутъ себѣ занятія въ предпріятіяхъ потребительной кооперацін и, значитъ, обречены работать въ капиталистическихъ предпріятіяхъ?

Вообще эксплоатація наемнаго рабочаго потребительнаго общества этимъ послѣднимъ могла бы исчезнуть лишь въ томъ случаѣ, если бы потребительное общество охватило всю націю: въ этомъ послѣднемъ случаѣ общая совокупность потребителей совпала бы съ совокупностью производителей, и рабочій, какъ ни вознаграждался бы его трудъ въ формѣ заработной платы, все равно получалъ бы свой полный трудовой продуктъ, ибо все то, что онъ терялъ бы въ качествѣ производителя, онъ выигрывалъ бы въ качествѣ потребителя. Но пока общее число членовъ потребительнаго общества превосходитъ число занятыхъ въ немъ рабочихъ, эти послѣдніе, получая неполную оплату труда (что является неизбѣжнымъ по условіямъ капиталистической конкуренціи, такъ какъ потребительное общество не можетъ оплачивать рабочихъ существенно иначе, чѣмъ они оплачиваются капиталистическими предпріятіями), несомнѣнно, эксплоатируются потребителями, и, въ качествѣ членовъ потребительнаго общества, они получаютъ обратно только часть своего прибавочнаго продукта, присвоеннаго потребительнымъ обществомъ.

III.

Пониманіе этого положенія дѣлъ и вызвало за послѣднее время среди англійскихъ кооператоровъ извѣстное разочарованіе въ по-

требительной кооперации и тяготѣніе къ производительнымъ ассоціаціямъ и копартнершипу. Тяготѣніе это не можетъ, впрочемъ, имѣть значительныхъ практическихъ результатовъ, такъ какъ производительныя ассоціаціи, по причинамъ, которыя будутъ выяснены ниже, не являются въ современномъ хозяйственномъ строѣ жизнеспособными организаціями. Предпріятія же на началахъ копартнершипа обычно имѣютъ вполнѣ капиталистическій характеръ и ничего общаго съ кооперацiей не имѣютъ. Тѣ же предпріятія на началахъ копартнершипа, въ которыхъ контроль принадлежитъ не капиталистамъ, а рабочимъ, страдаютъ (хотя и въ меньшей мѣрѣ) недостатками, присущими производительнымъ ассоціаціямъ, и потому также не могутъ получить значительнаго распространенія.

Въ концѣ-концовъ слѣдуетъ признать, что хотя потребительная кооперація своими собственными средствами и не въ силахъ избавить рабочаго отъ эксплоатаціи, такое избавленіе не можетъ быть достигнуто и производительными ассоціаціями въ чистомъ или преобразованномъ видѣ. Кооперація вообще наталкивается здѣсь на свои естественныя границы и требуетъ своего восполненія со стороны государства и муниципалитетовъ, дѣйствующихъ на совершенно иной, публично правовой основѣ, а не на основѣ частной инициативы.

Ростъ числа рабочихъ, служащихъ въ потребительныхъ обществахъ, естественно, придаетъ все болѣе значенія «рабочему вопросу» въ коопераціи. Всѣ кооперативныя предпріятія, кромѣ производительныхъ артелей, предполагаютъ, какъ свое естественное основаніе, наемныхъ рабочихъ. По отношенію къ пользованію наемнымъ трудомъ кооперативы не отличаются въ формальномъ отношеніи отъ капиталистическихъ предпріятій. Однако между тѣми и другими имѣется то существенное различіе, что кооперативы преслѣдуютъ совершенно иныя цѣли, чѣмъ капиталистическія предпріятія, и члены кооперативовъ вербуются изъ иныхъ общественныхъ классовъ, чѣмъ капиталисты. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно отличаются отъ капиталистическихъ предпріятій потребительные кооперативы пролетарскаго типа. Въ пролетарскихъ кооперативахъ хозяиномъ предпріятія является организованная группа наемныхъ рабочихъ; они пользуются наемнымъ рабочимъ персоналомъ, принадлежащимъ къ тому же самому общественному классу, къ какому принадлежатъ и хозяева этихъ

кооперативовъ. Такимъ образомъ, въ пролетарскихъ кооперативахъ и хозяева, и рабочіе принадлежатъ къ одному и тому же классу пролетаріата, между тѣмъ какъ въ капиталистическомъ предпріятіи хозяева и рабочіе принадлежатъ къ разнымъ общественнымъ классамъ. Противоположность интересовъ предпріятія и рабочихъ, не уничтожается, однако, отъ того, что хозяева и рабочіе являются членами того же общественнаго класса, ибо, какъ опредѣленныя лица, хозяева и рабочіе различаются въ данномъ случаѣ другъ отъ друга.

Хозяиномъ въ пролетарскомъ кооперативѣ является обширная группа рабочихъ, между тѣмъ какъ работаетъ по найму въ этомъ кооперативѣ только небольшая часть тѣхъ же рабочихъ. Отсюда возникаетъ противоположность интересовъ въ кооперативѣ наемнаго персонала и хозяевъ, но, въ противоположность тому, что наблюдается въ капиталистическомъ предпріятіи, эта противоположность не имѣетъ классоваго характера. Тѣмъ не менѣе эта противоположность интересовъ можетъ принимать такой же острый характеръ, какъ и при условіяхъ капиталистическаго производства. Дѣйствительно, стачки рабочихъ въ кооперативахъ далеко не являются исключеніемъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ кооперація достигла наивысшаго развитія. Такъ, напр., въ Англіи англійскому «Обществу оптовой продажи» приходилось неоднократно вести борьбу со своими бастующими рабочими. То же нужно сказать о Франціи и Германіи.

Эти острыя проявленія антагонизма интересовъ рабочихъ и хозяевъ въ пролетарскихъ кооперативахъ не должны удивлять, такъ какъ названный антагонизмъ имѣетъ корни въ самомъ существѣ даннаго экономическаго отношенія. Однако принадлежность хозяевъ и рабочихъ къ одному и тому же общественному классу не остается безъ послѣдствій и приводитъ къ тому, что «рабочій вопросъ» въ кооперативахъ чувствуется членами кооператива, какъ нѣчто болѣзненное и ненормальное. Въ то время какъ капиталисты, стоящіе во главѣ своихъ предпріятій, легко примиряются съ мыслью, что антагонизмъ ихъ интересовъ съ интересами рабочихъ является естественнымъ и неустранимымъ условіемъ современной хозяйственной системы, пролетаріи, стоящіе во главѣ пролетарскаго кооператива, не могутъ не видѣть въ рабочихъ, занятыхъ въ ихъ кооперативѣ, своихъ товарищей, а не противниковъ.

Отсюда естественное стремленіе кооперативовъ смягчить по возможности противоположность интересовъ хозяевъ и рабочихъ въ предѣлахъ своего предпріятія.

Именно на почвѣ защиты интересовъ рабочихъ, занятыхъ въ кооперативахъ, и возникло теченіе среди кооператоровъ, благопріятствующее копартнершипу и вообще расширенію контроля рабочаго надъ кооперативомъ. Кооператоры старой школы отрицали неизбѣжность «рабочаго вопроса» въ кооперацiи. Такова была, напримѣръ, точка зрѣнія одного изъ самыхъ авторитетныхъ вождей британской кооперацiи, Митчелля, давшаго въ этомъ смыслѣ показаніе передъ извѣстной англійской «Королевской комиссіей о трудѣ». Противоположность интересовъ рабочихъ и хозяевъ въ потребительномъ обществѣ разсматривалась имъ, какъ преходящее явленіе, которое должно исчезнуть при дальнѣйшемъ развитіи кооперацiи.

Однако съ этимъ мнѣніемъ согласиться никоимъ образомъ нельзя. Какъ указано выше, только въ томъ случаѣ, если бы потребительныя общества охватили всю націю, названная противоположность интересовъ должна была бы исчезнуть. Но такъ какъ нѣчто подобное совершенно невозможно, то ясно, что и «рабочій вопросъ» въ предѣлахъ кооперацiи всегда сохранитъ свое значеніе.

Рабочій вопросъ въ кооперативахъ является, слѣдовательно, такимъ же неустранимымъ явленіемъ, какъ и рабочій вопросъ въ предѣлахъ капитализма. Только одна форма кооперацiи уничтожаетъ въ корнѣ антагонизмъ трудящагося и работодателя—это производительная ассоціація. Но характерно, что именно эта форма кооперацiи, какъ это будетъ выяснено ниже, оказывается на практикѣ почти неосуществимой.

Однако изъ неизбѣжности рабочаго вопроса въ предѣлахъ кооперацiи отнюдь не слѣдуетъ, что кооперація должна относиться пассивно къ этому положенію дѣлъ, предоставляя борьбѣ заинтересованныхъ лицъ устанавливать положеніе трудящихся въ кооперативѣ. Наоборотъ, кооперація не можетъ не занять въ данномъ случаѣ совершенно иную позицію, чѣмъ капиталистическое предпріятіе. Различіе это вытекаетъ изъ самаго существа предпріятій того и другого рода. Капиталистическое предпріятіе дѣйствуетъ въ интересахъ капиталиста, и интересы занятыхъ въ предпріятіи

рабочихъ не могутъ не разсматриваться капиталистомъ, какъ нѣчто совершенно чуждое реальнымъ цѣлямъ данной хозяйственной организаціи. Вотъ почему въ капиталистическомъ предпріятіи отношенія труда и капитала опредѣляются относительной силой двухъ борющихся сторонъ—капиталиста и рабочаго (до тѣхъ поръ, пока въ эти отношенія не вмѣшивается посторонняя сила государства, которое и регулируетъ положеніе трудящагося, исходя изъ совершенно иныхъ публично-правовыхъ основаній). Въ другомъ положеніи находится кооперативъ. Хотя кооперативъ также служитъ, прежде всего, интересамъ своихъ хозяевъ, но этими хозяевами являются трудящіеся люди, которые въ своей хозяйственной дѣятельности отстаиваютъ интересы не капитала, но труда. Кромѣ того, кооперативъ преслѣдуетъ не только цѣли хозяйственнаго благополучія своихъ участниковъ, но и ставитъ себѣ извѣстныя задачи идеалистическаго порядка. Эта существенная основа кооераціи не можетъ не оказать вліянія и на отношеніе кооперативовъ къ положенію занятыхъ въ нихъ наемныхъ рабочихъ.

И дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что лишь при неразвитыхъ формахъ коопераціи вопросъ о рабочихъ разрѣшается въ нихъ такъ же, какъ и въ капиталистическихъ предпріятіяхъ—путемъ борьбы рабочихъ и работодателей, на основаніи соотношенія реальныхъ силъ того и другого общественнаго элемента. Въ то время какъ капиталистическое предпріятіе отнюдь не тяготѣетъ къ какому-либо иному рѣшенію рабочаго вопроса, кооперація съ самаго начала воспринимаетъ борьбу рабочаго съ хозяиномъ, какъ нѣчто противорѣчащее природѣ кооператива, какъ «больной вопросъ» своего внутренняго строя. Правда, при неразвитыхъ формахъ коопераціи наемный трудъ обычно эксплоатируется кооперативами нисколько не меньше, или почти не меньше, чѣмъ въ обычныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ того же размѣра. Однако уже и въ это время такое отношеніе къ наемному труду встрѣчаетъ осужденіе со стороны представителей идеалистическаго духа коопераціи—вождей и идеологовъ кооперативнаго движенія. Поэтому въ это время отношеніе къ наемному труду въ предѣлахъ коопераціи характеризуется слѣдующими чертами. На практикѣ въ кооперативахъ положеніе труда существенно не отличается отъ положенія труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Но въ кооперативной теоріи такое положеніе вещей осуждается, и обществен-

ное мнѣніе кооперативнаго міра стремится измѣнить положеніе труда къ лучшему. Выраженіемъ этого общественнаго мнѣнія являются резолюціи кооперативныхъ съѣздовъ, которые обычно протестуютъ противъ эксплоатаціи труда и стремятся побудить кооперативы улучшить положеніе занятаго въ нихъ рабочаго персонала.

Однако долгое время кооперативная мысль не можетъ выработать принциповъ, которыми должны руководствоваться кооперативы въ своихъ отношеніяхъ къ наемному персоналу. Ясно одно, что отношенія эти не должны регулироваться борьбой труда и капитала, какъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Необходимо найти нѣкоторое общее начало, исходя изъ котораго кооперація могла бы создать такое положеніе для своихъ рабочихъ, которое одновременно было бы согласовано и съ хозяйственными цѣлями коопераціи, и съ интересами рабочихъ.

Какое же это начало? Прежде всего ясно, что наемный персоналъ коопераціи не можетъ никоимъ образомъ претендовать на полную оплату своего труда, согласно вырабатываемому имъ продукту. Ибо если бы кооперація стала возвращать рабочему все то, что рабочій создаетъ въ кооперативномъ предпріятіи, то кооперація не получила бы ничего въ свою собственную пользу и лишилась бы своего хозяйственнаго смысла. Возьмемъ, напр., фабрику потребительнаго общества. Весь продуктъ, производимый на этой фабрикѣ, мы должны разсматривать, какъ созданіе труда занятаго на ней рабочаго персонала (конечно, не только физическихъ, но и умственныхъ рабочихъ). Правда, потребительное общество дало капиталъ, необходимый для того, чтобы фабрика могла работать; но если мы не приписываемъ капиталу способности создавать новый прибавочный продуктъ въ частномъ капиталистическомъ предпріятіи, то мы не можемъ приписывать ему этой способности и въ томъ случаѣ, когда собственникомъ капитала является потребительное общество. Продуктъ, по общему правилу, создается только трудомъ, капиталу же принадлежитъ въ созданіи продукта только пассивная роль необходимаго условія производства.

Итакъ, весь продуктъ, производимый на фабрикѣ потребительнаго общества, созданъ рабочими, прямо или косвенно принимавшими участіе въ производствѣ. Потребительное общество, давшее фабрикѣ капиталъ, ни малѣйшимъ образомъ не создавало прибавочнаго продукта и, значитъ, можетъ претендовать на воз-

вращеніе изъ полученнаго продукта лишь той его части, которая соотвѣтствуетъ по своей цѣнности затраченному капиталу.

Но если такъ, то для чего потребительному обществу устраивать фабрику? Если оно вернетъ себѣ только затраченный капиталъ, то устройство фабрики будетъ для общества безполезно.

Точно такъ же, если всю разницу между себѣстоимостью и продажной цѣной продукта, продаваемаго изъ лавки потребительнаго общества, возвращать рабочимъ и служащимъ общества, то общество лишится своего смысла и должно будетъ прекратить свои операціи, ибо оно не будетъ давать никакихъ выгодъ своимъ членамъ.

Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что условіемъ самого существованія кооператива является удержаніе въ его пользу извѣстной части прибавочнаго продукта, создаваемаго рабочимъ персоналомъ, занятымъ въ кооперативномъ предпріятіи. Кооперативъ не можетъ вознаграждать занимаемыхъ имъ рабочихъ согласно принципу возвращенія имъ полнаго трудового продукта. Кооперативъ, подъ страхомъ своей гибели, долженъ удерживать въ свою пользу часть прибавочнаго продукта, создаваемаго рабочимъ.

Но какую часть? Здѣсь и возникаетъ главная трудность. Рѣшеніе ея возможно при помощи слѣдующихъ соображеній. Кооперативное предпріятіе конкурируетъ съ капиталистическимъ. Верховнымъ закономъ кооператива, какъ и всякаго другого жизненнаго образованія, является стремленіе къ самосохраненію. Нельзя требовать отъ кооператива, чтобы онъ давалъ рабочему больше, чѣмъ это совмѣстимо съ поддержаніемъ самого кооператива.

Если кооперативу приходится конкурировать съ капиталистическими предпріятіями, то, значитъ, и условія оплаты труда въ кооперативномъ предпріятіи не могутъ существенно разойтись съ условіями оплаты труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Въ противномъ случаѣ кооперативъ не могъ бы выдержать конкуренціи съ капиталистическими предпріятіями, и послѣднія вытѣснили бы кооперацію изъ современной хозяйственной системы.

Такимъ образомъ, основнымъ принципомъ вознагражденія труда въ кооперативахъ, должно быть признано правило, что вознагражденіе труда должно исходить изъ тѣхъ или иныхъ основаній, господствующихъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Но трудъ вознаграждается въ различныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ

не одинаково: въ однихъ вознагражденіе труда больше, въ другихъ меньше. Значитъ, вышесказанное правило требуетъ дальнѣйшаго развитія. Какія именно условія вознагражденія труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ должны быть руководящими для кооперативовъ—высшія, среднія или низшія нормы вознагражденія?

Несомнѣнно, именно высшія нормы. Кооперативное предпріятіе преслѣдуетъ не только цѣли хозяйственной выгоды своихъ членовъ, но и идеалистическія цѣли высшаго порядка. Требованіе труда на полную оплату всего трудового продукта вполнѣ соотвѣтствуетъ идеальнымъ цѣлямъ коопераціи. Если требованіе это, тѣмъ не менѣе, не осуществляется коопераціей, то лишь потому, что осуществленіе его было бы равносильно самоуничтоженію коопераціи. Но тѣмъ не менѣе кооперація должна стремиться подойти возможно ближе къ этому требованію, поскольку это допускается самымъ существомъ коопераціи.

Вознагражденіе труда по высшимъ капиталистическимъ нормамъ экономически возможно, ибо оно осуществляется нѣкоторыми капиталистическими предпріятіями. Слѣдовательно, оно возможно и для кооперативныхъ предпріятій, и такое вознагражденіе является нормой, къ которой кооперативъ долженъ всячески стремиться.

Итакъ, мы нашли принципъ, исходя изъ котораго кооперативъ можетъ опредѣлить, какова должна быть оплата занятаго въ немъ рабочаго персонала. Рабочіе должны быть поставлены въ кооперативномъ предпріятіи въ такое положеніе, которое соотвѣтствуетъ положенію трудящихся въ капиталистическихъ предпріятіяхъ съ наилучшими условіями для труда или даже нѣсколько выше.

Если кооперативъ будетъ исходить изъ этого принципа, то столкновенія съ рабочими на почвѣ неудовлетворенности послѣднихъ условіями труда не должны имѣть мѣста, ибо рабочіе будутъ дорожить работой въ данномъ предпріятіи, и въ другомъ предпріятіи они не найдутъ лучшихъ условій работы. Въ то же время и кооперативъ сохранитъ возможность достигать своихъ цѣлей, оплачивая рабочихъ ниже ихъ полнаго трудового продукта.

Только такимъ образомъ можетъ быть если не разрѣшено, то ослаблено противорѣчіе интереса работодателей и рабочихъ коопераціи. На практикѣ именно къ такому рѣшенію и идетъ кооперація въ тѣхъ странахъ, гдѣ кооперативное сознаніе всего выше.

Такъ, въ Англіи и Германіи между двумя основными формами

рабочаго движенія въ экономической области—кооперацiей и рабочими союзами—устанавливается все болѣе тѣсная связь. На конгрессахъ пролетарской коопераціи принимають участіе и представители рабочихъ союзовъ. Въ предѣлахъ самихъ кооперативовъ сознаніе общности классовыхъ интересовъ какъ служащихъ, такъ и хозяевъ кооператива все болѣе даетъ себя чувствовать.

Выдающееся значеніе вопросъ о положеніи рабочихъ въ кооперативахъ получилъ въ германской пролетарской коопераціи, которая стала очень быстро развиваться за послѣднее десятилѣтіе. На цѣломъ рядѣ конгрессовъ германскихъ пролетарскихъ потребительныхъ обществъ вопросъ этотъ вызвалъ страстные дебаты, въ особенности на когрессахъ въ Штутгартѣ (въ 1905 г.) и Дюссельдорфѣ (въ 1907 г.). Интересы рабочихъ защищались представителями рабочихъ союзовъ.

Точно такъ же вопросъ о положеніи рабочихъ въ кооперативахъ обсуждался и на конгрессахъ рабочихъ союзовъ, особенно на конгрессѣ въ Кельнѣ въ 1905 г. Потребительныя общества подвергались ожесточеннымъ нападкамъ со стороны рабочихъ за эксплоатацію своихъ рабочихъ.

Мало-по-малу и кооперативы и рабочіе пришли къ извѣстному сближенію, что и обнаружилось на Эйзенахскомъ конгрессѣ потребительныхъ обществъ въ 1908 г. Конгрессъ этотъ принялъ слѣдующую резолюцію: «конгрессъ признаетъ долгомъ кооперативовъ стремиться, насколько возможно, къ тому, чтобы по отношенію къ условіямъ оплаты и положенію своихъ рабочихъ кооперативы являлись образцомъ для другихъ предпріятій. Конгрессъ обнаруживаетъ готовность вступить въ переговоры съ рабочими союзами относительно установленія общихъ условій вознагражденія труда и продолжительности труда».

Въ Англіи рабочіе потребительной коопераціи получаютъ, какъ общее правило, заработную плату согласно тарифамъ рабочихъ союзовъ; рабочій день на фабрикахъ «Общества оптовой продажи» обычно значительно ниже, чѣмъ на капиталистическихъ фабрикахъ того же рода. Абердинскій кооперативный конгрессъ 1913 г. выработалъ скалу минимальной заработной платы и рекомендовалъ ея введеніе во всѣхъ принадлежащихъ къ союзу кооперативахъ.

И въ другихъ странахъ съ развитой пролетарской коопераціей условія труда въ пролетарскихъ кооперативахъ являются если и не

образцовыми, то все же лучшими, чѣмъ въ среднихъ капиталистическихъ предпріятіяхъ того же типа.

Очень ярко рисуетъ новый характеръ условій труда въ пролетарскихъ кооперативахъ. П. Гере въ своей книгѣ «Die deutschen Arbeiter-Konsumvereine» (1910).

Пролетарскіе кооперативы,—говоритъ онъ,—создаютъ болѣе совершенную обстановку труда, чѣмъ та, что мы видимъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. «Корни этихъ новыхъ отношеній заключаются въ своеобразномъ фактѣ, что въ рабочемъ потребительномъ обществѣ служащіе, какъ высшіе, такъ и низшіе, обученные и необученные, мужчины или женщины, въ равной мѣрѣ въ то же время являются членами общества, въ которомъ они служатъ. Въ большинствѣ обществъ служащіе нанимаются только изъ среды членовъ общества и притомъ по одному на семью. Если изъ этого правила приходится дѣлать исключеніе и нанимать лицъ, не состоящихъ членами общества, то вновь нанимаемое лицо должно немедленно же стать и членомъ общества: каждый служащій въ обществѣ долженъ состоять его членомъ. Это имѣетъ крайне важныя послѣдствія. Каждый рабочій и служащій общества соединяетъ въ своемъ лицѣ и нанимателя труда и рабочаго. Онъ рабочій, поскольку онъ работаетъ по найму общества; онъ наниматель труда, поскольку онъ, въ качествѣ члена общества, является хозяиномъ имущества общества и полноправнымъ членомъ общаго собранія—высшей инстанціи общества. Такъ какъ общее собраніе избираетъ правленіе и требуетъ отчетовъ отъ этого послѣдняго, то, поскольку служащій не является самъ членомъ правленія, какую бы должность онъ ни занималъ, хотя бы былъ только ночнымъ сторожемъ, онъ является одновременно и высшимъ лицомъ по отношенію къ своему начальству. Въ то же время онъ высшее лицо и по отношенію ко всѣмъ своимъ товарищамъ по службѣ. Иными словами, онъ свое собственное начальство и свой собственный работодатель. Въ предѣлахъ общества онъ является, такъ сказать, двойственнымъ лицомъ въ хозяйственномъ отношеніи, заключающимъ въ себѣ неустранимое внутреннее противорѣчіе, и въ то же время, какъ рабочій и работодатель, онъ вдвойнѣ заинтересованъ въ успѣхахъ общества. Благодаря тому, что служащіе и рабочіе рабочаго потребительнаго общества являются одновременно и его членами, въ современной хозяйственной жизни создается совершенно новый

тинъ рабочаго, который имѣетъ существенно иной характеръ, чѣмъ рабочій частнаго капиталистическаго предпріятія. Въ то время какъ въ капиталистическомъ предпріятіи рабочіе всегда остаются просто рабочими руками, и обычно тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ крупнѣе предпріятіе, въ потребительномъ обществѣ они являются до самаго послѣдняго уважаемыми лицами».

Въ общемъ собраніи потребительнаго общества рабочіе общества не только являются такими же членами, какъ и всѣ остальные, но обычно наиболѣе освѣдомленными и заинтересованными членами. Хотя общая численность рабочихъ общества составляетъ незначительный процентъ членовъ, но такъ какъ члены далеко не аккуратны въ посѣщеніи общихъ собраній, а служащіе общества естественно связаны съ нимъ всего тѣснѣе, всѣми своими интересами, то служащіе легко пріобрѣтаютъ значительное вліяніе на рѣшенія общаго собранія. Поэтому правленіе общества не можетъ относиться къ своимъ служащимъ такъ, какъ относится къ послѣднимъ правленіе капиталистическаго предпріятія, которому не приходится бояться своихъ служащихъ, такъ какъ въ общемъ собраніи акціонеровъ они участія не принимаютъ.

Конечно, это не должно приводить къ утратѣ авторитета правленія и недисциплинированности рабочаго персонала. Во всякомъ случаѣ такое положеніе дѣла не можетъ не имѣть своимъ слѣдствіемъ извѣстнаго уваженія къ личности рабочаго, который не чувствуетъ себя по своему соціальному положенію низшимъ лицомъ по отношенію къ правленію. И члены правленія и служащіе являются въ соціальномъ отношеніи товарищами, равными, а не высшими и низшими. Поэтому въ пролетарскихъ кооперативахъ нерѣдко наблюдается такая смѣна должностей, которая невозможна въ обычномъ предпріятіи. Сплошь и рядомъ высшая должность смѣняется на низшую, и притомъ совершенно добровольно, безъ всякаго чувства униженія для заинтересованнаго лица. Очень часто, напр., членъ правленія, т.-е. высшее лицо въ служебной іерархіи потребительнаго общества, становится приказчикомъ, т.-е. подчиненнымъ правленія. Иногда даже предсѣдатели правленія добровольно принимаютъ должности простыхъ служащихъ того или другого рода.

Такимъ образомъ, пролетарская кооперація является прообразомъ того общественнаго строя, при которомъ никакая работа

не будетъ заключать въ себѣ чего-либо соціально унижающаго человѣка, при которомъ уваженіе къ отдѣльному человѣку будетъ опредѣляется его личными достоинствами, а не занимаемымъ имъ общественнымъ положеніемъ.

Столкновеніе интересовъ рабочихъ и работодателей не можетъ исчезнуть въ кооперативномъ предпріятіи, ибо оно коренится въ самомъ существѣ данной хозяйственной организаціи. Но при томъ чувствѣ равенства, которое все больше и больше проникаетъ отношенія членовъ, служащихъ въ пролетарской кооперацiи, это столкновеніе интересовъ не должно приводить къ борьбѣ, но къ извѣстному компромиссу, основанному на взаимномъ уваженіи къ правамъ и интересамъ обѣихъ сторонъ.

IV.

Потребительныя общества являются кооперативомъ такого рода, въ которомъ, съ формальной стороны, могутъ участвовать всѣ классы общества, ибо всѣ являются въ равной мѣрѣ потребителями. Поэтому можно было бы думать, что потребительныя общества могутъ создаваться во всякой соціальной средѣ и, въ концъ-концовъ, должны охватить все общество.

Отсюда понятно, что именно съ потребительными обществами связывались и связываются среди кооперативовъ наибольшія надежды относительно преобразованія современнаго общества. Дѣло рисуется въ такомъ видѣ. Потребительныя общества растутъ все больше и больше, охватываютъ мало-по-малу всѣ общественные классы и становятся единственной организаціей, при посредствѣ которой потребители получаютъ необходимые для нихъ предметы потребленія. Вмѣстѣ съ этимъ растетъ и собственное производство потребительныхъ обществъ какъ въ области изготовленія промышленныхъ, такъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ концѣ-концовъ процессъ этотъ долженъ закончиться совершеннымъ поглощеніемъ новой формой хозяйства старой хозяйственной системы—капиталистическое хозяйство сходитъ со сцены, и мѣсто его занимаетъ коллективистическое хозяйство, ибо потребительное общество, охватившее все населеніе страны и управляющее всѣмъ народнымъ хозяйствомъ, было бы не чѣмъ инымъ, какъ системой коллективизма.

Таково было мнѣніе многихъ изъ соціалистовъ, именно въ силу этого и сочувствовавшихъ потребительной коопераціи. Казалось въ высшей степени замачивымъ достигнуть соціалистическаго строя безъ всякой политической и классовой борьбы, путемъ органическаго развитія потребительныхъ обществъ.

Однако въ настоящее время мнѣніе это врядъ ли можетъ разсчитывать на большое число сторонниковъ даже среди самыхъ увлекающихся кооператоровъ. Совершенно ясно, что потребительныя общества ни въ какомъ случаѣ не могутъ сами по себѣ замѣстить капиталистическую систему хозяйства, ибо развитіе ихъ, силою вещей, заключено въ довольно узкіе предѣлы.

Вопросъ этотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ выясненъ еще Б. Поттеръ въ ея классической книгѣ «Кооперативное движеніе въ Великобританіи». Прежде всего, отнюдь не нужно думать, что потребительные кооперативы могутъ развиваться во всякой общественной средѣ. Правда, всякій является потребителемъ, но далеко не всякій имѣетъ достаточные побудительные мотивы, чтобы вступать въ члены потребительнаго общества.

Кооперація открываетъ свои двери для всѣхъ, но не всѣ въ нихъ входятъ. Прежде всего кооперація существуетъ лишь для трудящихся классовъ современнаго общества, но не для капиталистовъ.

Конечно, и капиталистическіе классы могутъ нуждаться въ соединеніи своихъ силъ для достиженія тѣхъ или иныхъ цѣлей. Но хозяйственныя организаціи среди капиталистовъ естественно принимаютъ совершенно иныя формы, чѣмъ организаціи трудящихся классовъ. Хозяйственной организаціей трудящихся является кооперативъ; хозяйственная же организація капиталистовъ должна неизбѣжно сложиться въ формы капиталистическаго товарищества.

Что касается удовлетворенія лицами богатыхъ классовъ своихъ потребительныхъ нуждъ, то для этого существуютъ обычные капиталистическіе магазины, вполнѣ удовлетворяющіе своему назначенію и предоставляющіе богатымъ людямъ такія удобства выбора разнообразныхъ предметовъ потребленія и элегантной обстановки, которыя недостижимы для потребительнаго общества. Если же для болѣе низшихъ слоевъ капиталистическаго класса и возникаетъ потребность въ потребительныхъ организаціяхъ (для удешевленія жизни), то организаціи эти естественно складываются въ

болѣе или менѣе капиталистическія формы, какъ это мы видимъ на примѣрѣ лондонскихъ потребительныхъ обществъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства (о которыхъ будетъ сказано ниже, въ отдѣлѣ, посвященномъ мелкобуржуазной коопераціи).

Итакъ, потребительная кооперація не можетъ охватить капиталистическіе классы. Здѣсь лежитъ классовая граница потребительной коопераціи сверху.

Но и снизу для потребительной коопераціи имѣются свои предѣлы. Потребительная кооперація предъявляетъ довольно суровыя требованія своимъ участникамъ. Платежъ наличными, уплата пая— все это не подъ силу многимъ и многимъ болѣе бѣднымъ элементамъ современнаго общества. Полезнымъ членомъ потребительнаго общества можетъ быть только тотъ, кто располагаетъ опредѣленнымъ регулярнымъ и не совсѣмъ незначительнымъ доходомъ.

Поэтому бѣднѣйшіе элементы современнаго общества такъ же мало пригодны для потребительной коопераціи, какъ и болѣе богатые. Потребительная кооперація развивается съ успѣхомъ лишь среди нѣкоторой части трудящихся классовъ, именно среди лучше оплачиваемой или болѣе достаточной его части.

Потребительная кооперація можетъ развиваться среди всѣхъ трехъ общественныхъ классовъ, въ которыхъ вообще возможна кооперація,—среди пролетаріата, крестьянства и мелкой буржуазіи. Но полнаго своего развитія потребительная кооперація достигаетъ только среди одного общественнаго класса—пролетаріата, и притомъ городского пролетаріата.

Для этого существуютъ свои причины. Среди мелкой буржуазіи кооперація вообще тяготѣетъ къ капиталистическимъ формамъ, такъ какъ мелкая буржуазія сама является наполовину капиталистическимъ классомъ. Среди крестьянства потребительная кооперація также не можетъ получить значительнаго развитія по причинамъ, которыя будутъ выяснены при характеристикѣ крестьянскихъ потребительныхъ обществъ (въ отдѣлѣ крестьянской коопераціи). И только среди городского пролетаріата потребительная кооперація принимаетъ тѣ грандіозныя формы, которыя характеризуютъ потребительные кооперативы рочдельскаго типа.

Мало того—для полнаго успѣха потребительнаго кооператива требуется соціальная среда совершенно опредѣленнаго типа. А именно, какъ показываетъ опытъ, потребительныя общества дости-

гаютъ наибольшаго развитія только въ не очень большихъ фабричныхъ городахъ.

Небольшимъ фабричнымъ городомъ былъ Рочдель, гдѣ зародилась современная пролетарская кооперація. И это было далеко не случайнымъ, какъ показываетъ неудача попытокъ создать потребительную кооперацію въ Лондонѣ.

Казалось бы, Лондонъ, являющійся сосредоточіемъ духовныхъ силъ всей страны, могъ, во всякомъ случаѣ, достигнуть того, что такъ блестяще удалось ничтожному Рочделю. Между тѣмъ потребительная кооперація, быстро распространявшаяся въ фабричныхъ городкахъ сѣверной Англіи, натолкнулась на непреодолимыя препятствія въ міровой столицѣ.

И это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что кооперативное движеніе Англіи началось съ учрежденія въ Лондонѣ въ 1824 г. «Лондонскаго кооперативнаго общества».

Съ того времени, когда въ Рочделѣ жизнь выработала ту единственную форму, въ которой потребительная кооперація можетъ достигнуть полнаго развитія, не прекращались попытки создать въ Лондонѣ потребительную кооперацію. Только за время 1881—1892 гг. въ Лондонѣ было основано въ разное время не менѣе 73 потребительныхъ обществъ, и всѣ они погибли послѣ короткаго существованія. Причины гибели ихъ указывались разнообразныя: плохая администрація, раздоры среди членовъ, растраты и хищенія служащаго персонала и многое другое—вотъ что вызвало гибель этихъ обществъ согласно анкетѣ, произведенной «Кооперативнымъ союзомъ» и «Обществомъ оптовой продажи».

Но почему же именно въ Лондонѣ—міровой столицѣ—хуже справлялись съ трудностями, естественно сопровождающими всякое хозяйственное предпріятіе, чѣмъ въ Рочделѣ и другихъ небольшихъ фабричныхъ городахъ, гдѣ потребительная кооперація достигла такого блестящаго расцвѣта? Въ этомъ и заключается весь вопросъ.

Отвѣтъ на него долженъ быть слѣдующій. Для успѣха потребительнаго общества требуется наличность совершенно опредѣленной соціальной среды. Кооперативъ только въ томъ случаѣ можетъ существовать, если члены относятся къ нему, какъ къ чему-то имъ дорогому, ради чего они готовы итти на извѣстныя пожертвованія. Члены должны любить свой кооперативъ, составлять

собой какъ бы одну семью, видѣть въ своемъ кооперативѣ самостоятельную цѣнность. Такое отношеніе къ кооперативу гораздо легче достижимо въ небольшомъ городѣ съ мало мѣняющимся, устойчивымъ населеніемъ, чѣмъ въ такомъ необъятномъ скопленіи людей, какимъ является Лондонъ. Какимъ образомъ могутъ составить кооперативную семью жители Лондона, съ перемѣной квартиры внезапно исчезающіе изъ предѣловъ досягаемости кооператива, не знающіе своего сосѣда и имѣющіе множество интересовъ и приманокъ внѣ кооператива?

Только въ средѣ населенія, обладающаго прочной осѣдлостью и хорошо знакомаго другъ съ другомъ, имѣется почва для кооперации. Въ такой средѣ люди не боятся жертвовать своему кооперативу не только своими имущественными средствами, но и своимъ досугомъ и трудомъ. Дѣйствительно, сколько дарового труда со стороны всѣхъ болѣе дѣятельныхъ членовъ кооператива, а тѣмъ болѣе со стороны лицъ, руководящихъ имъ, требуетъ кооперативъ! Если члены будутъ относиться къ своему кооперативу, какъ къ обычному хозяйственному предпріятію, то, конечно, такой кооперативъ не выдержитъ конкуренціи съ капиталистическими предпріятіями.

Въ отсутствіи подходящей духовной атмосферы и заключается основная причина неудачи лондонской коопераціи. И это препятствіе оказывается настолько существеннымъ, что преодолѣть его не могли самыя упорныя усилія создать въ Лондонѣ потребительную кооперацію рочдельскаго типа. Въ 1894 г. за дѣло взялась такая мощная и опытная въ кооперативномъ строительствѣ организація, какъ «Общество оптовой продажи», ассигновавъ для созданія въ Лондонѣ потребительнаго общества 3000 ф. с. Оно само выбрало лицъ для управленія обществомъ, наняло помѣщенія для магазиновъ, доставило обществу всѣ нужные продукты,— словомъ, организовало все дѣло наилучшимъ образомъ. Въ то же время «Кооперативный союзъ», со своей стороны, предпринялъ въ Лондонѣ дѣятельную агитацію въ пользу новаго общества и мобилизовалъ всѣ свои силы, чтобы заинтересовать имъ лондонское населеніе. Общество открыло сразу 5 магазиновъ подъ руководствомъ лицъ, опытныхъ въ управленіи потребительными обществами. Сначала дѣло пошло хорошо, и Гаукинсъ, предсѣдатель правленія лондонскаго отдѣла «Общества оптовой продажи», заявилъ на кон-

грессѣ въ Вульвичѣ въ 1896 г., что пройдетъ немного времени и Лондонъ будетъ обладать самымъ крупнымъ потребительнымъ кооперативомъ во всей Великобританіи.

Будущее далеко не оправдало этихъ ожиданій, и черезъ нѣсколько лѣтъ лондонское общество закрылось вслѣдствіе постояннаго сокращенія своихъ операцій. Оказалось, что никакая пропаганда и никакія денежныя затраты не въ силахъ создать потребительную кооперацію, если для нея не имѣется почвы въ данной соціальной средѣ.

Эта неудача въ Лондонѣ рочдельской коопераціи тѣмъ характернѣе, что въ томъ же Лондонѣ прекрасно удаются потребительныя общества иного, не кооперативнаго (или не вполнѣ кооперативнаго) типа—чиновничьи общества, о которыхъ будетъ итти рѣчь въ отдѣлѣ о мелко-буржуазной коопераціи.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что наиболѣе благопріятной средой для развитія потребительной коопераціи являются небольшіе фабричные города, гдѣ имѣется достаточно многочисленная группа осѣдлыхъ и хорошо знающихъ другъ друга, довольно однородныхъ по своему образу жизни потребителей—фабричныхъ рабочихъ, составляющихъ обширный рынокъ для предметовъ потребленія массоваго характера и въ то же время, благодаря своему классовому составу и общему соціальному облику, обладающихъ достаточнымъ соціальнымъ идеализмомъ и чувствомъ товарищеской солидарности для соціальнаго творчества. И дѣйствительно, мы видимъ во всемъ мірѣ, что рочдельскіе кооперативы удаются преимущественно въ городахъ этого рода. Это наблюдается и въ Англіи, гдѣ потребительная кооперація сосредоточена преимущественно въ сѣверной части страны, въ районахъ фабричной промышленности, и во Франціи, и въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи,—словомъ, повсюду. Наоборотъ, міровыя столицы—Лондонъ, Парижъ, Берлинъ—если не являются въ полномъ смыслѣ слова «кооперативными пустынями», то во всякомъ случаѣ далеко отстаютъ по развитію въ нихъ потребительныхъ кооперативовъ отъ менѣе крупныхъ фабричныхъ городовъ.

Итакъ, сферой развитія потребительной коопераціи является лишь опредѣленная общественная среда. Затѣмъ, по самому существу потребительной коопераціи, она можетъ захватывать въ данной странѣ только тѣ отрасли хозяйства, въ которыхъ изго-

товляются продукты, предназначенные для потребленія внутри страны, но отнюдь не отрасли промышленности, работающія для экспорта. Продукты, предназначенные для вывоза, естественно, выходятъ за предѣлы дѣятельности туземныхъ потребительныхъ обществъ, ибо послѣднія суть организаціи туземныхъ потребителей, а не организаціи для сбыта товаровъ иностраннымъ покупателямъ.

Итакъ, вся огромная область экспортной промышленности и торговли остается внѣ сферы вліянія туземной потребительной кооперацiи. Но и по отношенію къ производству предметовъ ввоза вліяніе туземной потребительной кооперацiи весьма ограничено.

Правда, можно себѣ представить, что потребительныя общества внутри страны организуютъ собственное производство этихъ предметовъ за предѣлами страны, въ мѣстахъ ихъ производства. Образцы такого производства мы видимъ въ чайныхъ плантаціяхъ на Цейлонѣ, которыя принадлежатъ англійскому «Обществу оптовой продажи». Но сколько-нибудь значительнаго развитія производство этого рода получить не можетъ, въ силу огромныхъ трудностей для руководительства промышленнымъ предпріятіемъ за предѣлами страны,—трудностями, которыя для потребительнаго общества гораздо значительнѣе, чѣмъ для капиталистическаго предпріятія.

Такимъ образомъ, изъ сферы хозяйства потребительныхъ обществъ почти цѣликомъ изъемлется производство всѣхъ продуктовъ, обращающихся въ международной торговлѣ. Предметы ввоза могутъ, конечно, закупаться потребительными обществами, но почти не могутъ ими производиться. Предметы же вывоза ни продаваться, ни производиться потребительными обществами не могутъ.

Далѣе, потребительныя общества ограничиваютъ свое хозяйство почти исключительно предметами потребленія. Продажа же средствъ производства выходитъ за предѣлы хозяйственной дѣятельности потребительныхъ обществъ по той причинѣ, что члены потребительныхъ обществъ, какъ не имѣющіе своего производства, въ этихъ продуктахъ не нуждаются. Правда, общества потребителей имѣютъ свое собственное производство, но размѣры его столь ограничены, что спросъ на средства производства со стороны потребительной кооперацiи сравнительно не великъ. По-

требительное общество не можетъ устроить для своихъ надобностей желѣзодѣлательный заводъ, ибо желѣзо лишь въ ничтожной мѣрѣ можетъ понадобиться ему для своихъ надобностей, и большую часть изготовленнаго желѣза пришлось бы продавать на сторону, что не соотвѣтствуетъ задачамъ потребительныхъ обществъ. Каменноугольная шахта уже болѣе можетъ стать предметомъ эксплоатаціи потребительнаго общества, такъ какъ каменный уголь потребляется какъ топливо въ домашнемъ хозяйствѣ. Но, какъ общее правило, потребительная кооперація лишь въ очень незначительной степени нуждается въ средствахъ производства, и, слѣдовательно, изготовленіе средствъ производства по необходимости остается внѣ сферы потребительной коопераціи.

Между тѣмъ, для современнаго хозяйственнаго развитія характерно растущее значеніе средствъ производства въ общественной экономіи. Это очень ярко сказывается въ томъ, что руководящей отраслью промышленности все болѣе и болѣе становится желѣзодѣлательная промышленность (желѣзо—важнѣйшее средство производства современности), въ то время какъ еще не очень давно такую руководящую роль играла хлопчатобумажная промышленность. Такимъ образомъ, естественное развитіе капитализма въ этомъ отношеніи имѣетъ тенденцію не увеличивать, а уменьшать значеніе потребительной коопераціи въ общемъ строѣ народнаго хозяйства, ибо народное хозяйство все болѣе направляется на изготовленіе не предметовъ потребленія, а средствъ производства.

Но и помимо этого, многія отрасли хозяйства по самому своему существу непригодны для того, чтобы перейти въ сферу дѣйствія потребительной коопераціи. Это именно тѣ отрасли хозяйства, которыя по самой своей природѣ предполагаютъ работу на все общество. Важнѣйшимъ примѣромъ хозяйственныхъ организацій этого рода, непригодныхъ для потребительной коопераціи, является столь важная въ современной хозяйственной жизни транспортная промышленность. Желѣзная дорога для пассажирскаго передвиженія не можетъ быть устроена потребительнымъ обществомъ, ибо по желѣзной дорогѣ ѣздятъ не только члены потребительнаго общества, но все населеніе страны; желѣзная дорога только для надобностей членовъ потребительнаго общества была бы экономической нелѣпостью—по такой дорогѣ было бы слишкомъ мало движенія и стоимость транс-

порта достигла бы чудовищныхъ размѣровъ. Можно себѣ представить, пожалуй, только небольшую желѣзнодорожную подгородную вѣтку мѣстнаго значенія въ рукахъ потребительнаго общества, и то только въ томъ случаѣ, если передвиженіе членовъ потребительнаго общества по этой линіи такъ интенсивно, что окупаетъ расходы по ея эксплоатаціи. Но и въ этомъ случаѣ постройка желѣзной дороги потребительнымъ обществомъ не была бы экономически цѣлесообразна, ибо значительная часть населенія—всѣ не-члены потребительнаго общества—исключалась бы изъ пользованія дорогой, и потому такая дорога не могла бы конкурировать съ желѣзными дорогами обычнаго типа, которыми пользуются всѣ.

Морское сообщеніе болѣе пригодно для того, чтобы быть организованнымъ потребительными обществами, и мы, дѣйствительно, видимъ, что «Общество оптовой продажи» имѣетъ свою собственную небольшую флотилію. Однако и это возможно только въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, и пароходы «Общества оптовой продажи» служатъ не для пассажирскаго, а для грузового транспорта, и по очень понятнымъ причинамъ: для пассажирскаго транспорта не хватило бы пассажировъ, членовъ потребительныхъ обществъ.

Въ общемъ, нужно сказать, что желѣзнодорожный и пароходный транспортъ не можетъ перейти въ руки потребительныхъ обществъ, и только въ ничтожной мѣрѣ можетъ быть организуемъ на началахъ потребительной коопераціи.

Сфера потребительной коопераціи оказывается ограниченной и съ этой стороны. Но этими предѣлами далеко не исчерпываются естественныя границы, на которыя наталкивается потребительная кооперація.

Потребительныя общества ставятъ себѣ цѣлью доставленіе своимъ членамъ необходимыхъ для нихъ предметовъ потребленія. Изъ чего же состоятъ эти предметы потребленія? Главнымъ образомъ изъ различныхъ предметовъ питанія: тѣ общественные классы, нуждамъ которыхъ преимущественно служитъ потребительная кооперація, въ силу незначительности своего дохода принуждены бо́льшую часть послѣдняго тратить на свою пищу.

Поэтому важнѣйшую роль среди продуктовъ, продаваемыхъ потребительными обществами, играютъ разные предметы пита-

нія. Возникаетъ вопросъ, могутъ ли потребительныя общества организовать собственное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Отвѣтъ на это долженъ быть данъ отрицательный. Дѣло въ томъ, что въ силу особенностей сельскаго хозяйства, мелкое крестьянское хозяйство сильнѣе капиталистическаго. Но потребительное общество можетъ организовать сельскохозяйственное производство только на началахъ наемнаго труда. Поэтому сельскохозяйственное производство потребительнаго общества не можетъ не страдать всѣми недостатками капиталистическаго сельскаго хозяйства и оказывается такъ же слабо въ конкуренціи съ крестьянскимъ хозяйствомъ, какъ и капиталистическое сельское хозяйство.

И дѣйствительно, мы видимъ, что всѣ попытки «Общества оптовой продажи» организовать собственныя молочныя и иныя фермы оказались неудачны. Правда, общество имѣетъ свои чайныя плантаціи на островѣ Цейлонѣ, но это потому, что въ чайномъ дѣлѣ капиталистическое хозяйство болѣе выгодно. Вообще нельзя отрицать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ возможна организація потребительными обществами собственнаго сельскохозяйственнаго производства, но лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Какъ общее же правило, нужно признать, что въ сферѣ сельскаго хозяйства потребительныя общества силою вещей обречены на роль простыхъ покупателей продуктовъ, производимыхъ не ими.

Поэтому насъ нисколько не должны удивлять сравнительно ничтожные размѣры собственнаго производства потребительныхъ обществъ. Всего болѣе собственное производство потребительныхъ обществъ развито въ Англіи и сосредоточено въ этой странѣ, главнымъ образомъ, въ рукахъ двухъ обществъ оптовой продажи— англійскаго и шотландскаго. И что же мы видимъ? При болѣе чѣмъ 2,7 милліонахъ членовъ потребительныхъ обществъ и при 122 тыс. общаго числа служащихъ въ потребительной кооперации въ производительныхъ предпріятіяхъ обоихъ обществъ оптовой продажи было занято въ 1912 г. всего 22 тыс. рабочихъ.

Число членовъ потребительныхъ обществъ Великобританіи, съ семьями, значительно превышаетъ четверть всего населенія страны. Напротивъ, число рабочихъ въ производительныхъ предпріятіяхъ потребительныхъ обществъ составляетъ ничтожную долю процента всего рабочаго населенія страны. И нѣтъ основанія ду-

мать, чтобы это соотношеніе существенно измѣнилось къ лучшему по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія потребительной коопераціи.

И общія теоретическія соображенія и факты показываютъ, что потребительная кооперація хотя и растетъ, но ростъ ея наталкивается на извѣстные предѣлы, почему темпъ ея роста тамъ, гдѣ она уже успѣла достигнуть значительнаго развитія, падаетъ. Правда, еще и теперь въ Англіи оборотъ потребительныхъ обществъ растетъ быстрѣе суммы роста внѣшней торговли страны: за десятилѣтіе 1901—1910 гг. оборотъ потребительныхъ обществъ возросъ на 48,3%, въ то время какъ сумма всего національнаго ввоза и вывоза возросла за то же время на 36,9%. Но темпъ роста оборотовъ потребительныхъ обществъ въ общемъ падаетъ:

	Ростъ оборотовъ англійскихъ потребительныхъ обществъ.
1861—1870 г.	305,5%
1871—1880 „	163,5%
1881—1890 „	96,5%
1891—1900 „	34,5%
1901—1910 „	48,3%

Еще характернѣе цифры закупокъ въ потребительныхъ обществахъ на одного члена;

1905 г.	28 ф.	7 шил.
1906 „	28 „	10 „
1907 „	29 „	6 „
1908 „	29 „	
1909 „	28 „	10 „
1910 „	28 „	5 „

Эти цифры не показываютъ никакого роста, хотя члены потребительныхъ обществъ расходуютъ въ своихъ обществахъ только небольшую долю своего дохода, который опредѣляется приблизительно въ 110 ф. с. Только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ потребительная кооперація находится въ началѣ своего развитія, наблюдается ея быстрый ростъ. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ которой ростъ потребительныхъ обществъ былъ искусственно задержанъ особыми условіями германскаго общественнаго развитія, мы видимъ за послѣдніе годы чрезвычайно быстрое увеличеніе какъ числа членовъ, такъ и оборотовъ потребительныхъ обществъ, далеко оставляющее за собой то, что мы наблюдаемъ

въ этомъ отношеніи въ Англіи. Въ Германіи за время 1899—1909 г. оборотъ потребительныхъ обществъ поднялся на 269%, въ то время какъ обороты внѣшней торговли возрасли лишь на 59%. Но эти успѣхи находятся въ очевидной связи съ молодостью германской кооперацiи и должны неизбѣжно прекратиться съ теченіемъ времени.

Въ особенности ясна ограниченность потребительной кооперацiи въ сферѣ производства. Если въ области пріобрѣтенія продуктовъ потребительной кооперацiи удалось все же достигнуть очень многаго, то по отношенію ко всему національному производству собственное производство потребительныхъ обществъ является величиной совершенно незначительной. И это положеніе вещей не можетъ быть измѣнено никакими усиліями потребительныхъ обществъ, по причинамъ, которыя были указаны.

Невозможность расширенія собственнаго производства очень наглядно обнаруживается въ томъ, что англійскія потребительныя общества вложили до сихъ поръ въ свое производство только около $3^1/_2$ милл. ф. с., а ихъ капиталы, вложенные въ частныя капиталистическія предпріятія (преимущественно въ желѣзныя дороги), достигаютъ въ нѣсколько разъ большей суммы.

Все это доказываетъ, что характерныя для ранняго періода кооперативнаго движенія мечты о вытѣсненіи силами одной кооперацiи существующей хозяйственной системы не имѣютъ подъ собой реальной почвы. Какъ бы ни была велика мощь кооперацiи, но кооперація является лишь одной изъ многихъ силъ, преобразующихъ современное капиталистическое хозяйство. Такъ, кооперація отнюдь не можетъ выполнять тѣхъ хозяйственныхъ функцій, которыя съ успѣхомъ выполняются принудительными органами общества—государствомъ и муниципалитетами. Взять, напримѣръ, область желѣзнодорожнаго хозяйства—здѣсь кооперація безсильна, но государство вполнѣ доказало свою способность руководить желѣзнодорожнымъ дѣломъ. Снабженіе городовъ газомъ, водой, электричествомъ, трамвайное сообщеніе наилучшимъ образомъ могутъ быть организованы городскими муниципалитетами. Народное образованіе въ широкомъ смыслѣ слова (включая сюда библіотеки, музеи и прочія образовательныя учрежденія и т. д.) также естественно ложится на государство и муниципалитеты. Гдѣ муниципалитеты берутъ на себя организацію продажи

населенію тѣхъ или иныхъ продуктовъ, тамъ кооперативы иногда отказываются отъ конкуренціи съ муниципалитетами въ данной области. Такъ, въ Италіи, въ городахъ, гдѣ существуютъ городскія хлѣбопекарни, потребительныя общества обычно не продаютъ хлѣба.

Среди различныхъ общественныхъ союзовъ, выполняющихъ функціи снабженія населенія необходимыми ему предметами потребленія, особенно выдвинулись за послѣднее время городскіе муниципалитеты, развитіе дѣятельности которыхъ создало цѣлое общественное теченіе, обычно называемое «муниципальнымъ соціализмомъ». Муниципалитетъ нерѣдко конкурируетъ съ потребительной коопераціей, и естественно, что кооперація должна занять опредѣленную принципіальную позицію по отношенію къ муниципальному соціализму.

Болѣе старые кооператоры рочдельской школы, для которыхъ потребительная кооперація была единственнымъ средствомъ рѣшенія соціальнаго вопроса, принципіально отрицали какую бы то ни было принудительную организацію общественнаго хозяйства, въ томъ числѣ и муниципальную. Кооперація казалась имъ высшей хозяйственной системой, чѣмъ муниципальное хозяйство, и всякое ограниченіе кооперативнаго хозяйства муниципальнымъ они признавали принципіально недопустимымъ. Теперь сознаніе естественной ограниченности сферы достиженій потребительныхъ обществъ приводитъ и самихъ кооператоровъ къ сочувственному отношенію къ муниципальному соціализму. Такъ, на одномъ изъ недавнихъ конгрессовъ «Кооперативнаго союза» секретатрь «Международнаго союза», Мюллеръ, сказалъ по этому вопросу слѣдующее:

«Для кооператора пріятно констатировать, что нѣкоторые крупные города Великобританіи и континента уже много сдѣлали въ смыслѣ организаціи потребительныхъ интересовъ своихъ обитателей, создавъ для нихъ общественное снабженіе газомъ, водой и электричествомъ, построивъ жилища, общественныя бани и организовавъ трамвайное сообщеніе. Съ моей точки зрѣнія, это муниципализаторское движеніе по самой своей сущности и цѣлямъ близко подходитъ къ нашему, и я думаю, что понимающій принципы нашего движенія кооператоръ имѣетъ полное основаніе принимать участіе, какъ гражданинъ, въ развитіи и расширеніи подобныхъ предпріятій его общины».

V.

Потребительная кооперація является той формой коопераціи, которая рѣзче всего сталкивается съ интересами нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, въ особенности класса торговцевъ. Поэтому ни одинъ другой видъ коопераціи не встрѣчаетъ въ своемъ развитіи такого сильнаго общественнаго противодѣйствія, ибо торговый классъ является вліятельнымъ и могущественнымъ. Наиболѣе яркія формы общественная борьба, на основѣ роста потребительной коопераціи, получила въ Германіи, соотвѣтственно вообще особой обостренности классовой борьбы въ этой странѣ.

Какъ будетъ указано ниже (въ главѣ о возникновеніи мелко-буржуазной коопераціи), германская кооперація рочдельскаго типа возникла сравнительно недавно, при чемъ она первоначально примыкала ко «Всеобщему союзу», основанному Шульце, имѣвшему рѣзко выраженный мелко-буржуазный характеръ. Потребительныя общества пролетарскаго состава начинаютъ быстро расти со времени девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, преимущественно въ фабричныхъ центрахъ Саксоніи, и складываются въ формы рочдельской коопераціи въ противность мелко-буржуазному типу болѣе старыхъ германскихъ потребительныхъ обществъ. Эти новыя пролетарскія общества не замедлили вызвать къ себѣ самую ожесточенную вражду со стороны руководителей шульцевскаго союза,—вражду, которая закончилась исключеніемъ ихъ изъ союза вопреки ихъ собственному желанію (обо всемъ этомъ будетъ итти рѣчь ниже, въ отдѣлѣ мелко-буржуазной коопераціи). Но и послѣ того, какъ пролетарскія общества образовали свой особый союзъ—«Центральный союзъ германскихъ потребительныхъ обществъ», руководители шульцевскаго союза продолжали, какъ могли, вредить пролетарской коопераціи въ правительственныхъ кругахъ, а также въ кругахъ имущихъ классовъ, настаивая на томъ, что пролетарскіе кооперативы представляютъ собой соціалъ-демократическія организаціи, хотя, на самомъ дѣлѣ, кооперативы эти ровно ни въ какой связи съ политической партіей соціалъ-демократіи не состоятъ и строго придерживаются принципа политическаго нейтралитета (что отнюдь не мѣшаетъ большинству членовъ этихъ кооперативовъ примыкать къ соціалъ-демократической партіи).

Но, конечно, главнымъ врагомъ пролетарской коопераціи являются не мелко-буржуазная кооперація и ея руководители, а тѣ общественные классы, интересамъ которыхъ угрожаетъ ростъ пролетарскихъ кооперативовъ, и, прежде всего, классъ торговцевъ, особенно же мелкихъ торговцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ потребительныя общества въ Германіи, благодаря участію въ нихъ рабочихъ массъ, стали быстро расти, начинается и энергичная агитація противъ нихъ торговцевъ.

На почвѣ этой борьбы торговцевъ съ потребительными обществами возникли своеобразныя хозяйственныя организаціи торговцевъ—такъ назыв. «общества скидокъ» (Rabattvereine). Общество скидокъ является организаціей торговыхъ фирмъ, которыя на основаніи общаго соглашенія предоставляютъ лицамъ, примыкающимъ къ этимъ обществамъ, получать извѣстныя скидки съ цѣны товаровъ, продаваемыхъ въ соотвѣтствующихъ магазинахъ.

Торговцы вступаютъ въ такія соглашенія ради привлеченія къ себѣ кліентовъ. Однако въ большинствѣ случаевъ льготы подобнаго рода оказываются мнимыми, такъ какъ торговыя фирмы имѣютъ множество способовъ уклониться отъ исполненія своего обязательства путемъ продажи товара худшаго качества или по повышенной цѣнѣ. Но если даже торговыя фирмы и исполняютъ свои обязательства вполнѣ добросовѣстно, организаціи такого рода не имѣютъ ничего общаго съ цѣлями рочдельской коопераціи.

Цѣли рочдельской потребительной коопераціи отнюдь не исчерпываются удешевленіемъ предметовъ потребленія, но идутъ гораздо дальше: рочдельскія общества стремятся освободить потребителя отъ зависимости отъ торговаго посредничества во всѣхъ его видахъ. Поэтому общества эти по самой своей природѣ должны вести борьбу съ капиталомъ, и отсюда вытекаетъ для нихъ необходимость работать надъ созданіемъ новой хозяйственной системы. Въ результатѣ этой борьбы получаются огромныя выгоды для потребителей. Напротивъ, общества скидокъ, какъ организаціи торговаго капитала, оставляютъ торговое посредничество во всей его силѣ и даже укрѣпляютъ позицію торговаго посредника, привлекая къ нему новыхъ кліентовъ. Поэтому общества скидокъ являются не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ орудій борьбы торговаго капитала съ потребительной коопераціей, путемъ отвлеченія менѣе сознательныхъ общественныхъ элементовъ отъ вступленія

въ потребительныя общества, которыя требуютъ самодѣятельности отъ своихъ членовъ и готовности на извѣстныя жертвы, но зато и обѣщаютъ имъ гораздо болѣе крупныя выгоды, чѣмъ общества скидокъ, не требующія никакихъ жертвъ, но зато ничего существеннаго и не дающія ихъ кліентамъ.

Потребительныя общества не только уменьшаютъ для своихъ членовъ расходы по пріобрѣтенію необходимыхъ предметовъ потребленія, но являются еще и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ фальсификаціей продуктовъ, которая достигаетъ, при условіи капиталистической торговли, чудовищныхъ размѣровъ. Какъ показали спеціальныя обслѣдованія, бо́льшая часть предметовъ потребленія, пріобрѣтаемыхъ въ мелкихъ лавочкахъ болѣе бѣдными классами населенія, въ большей или меньшей степени фальсифицирована. Потребитель не имѣетъ никакой возможности провѣрить, фальсцфицированъ ли пріобрѣтаемый имъ продуктъ или нѣтъ, и является безпомощной жертвой эксплоатаціи лавочниковъ. Только потребительныя общества даютъ надежныя средства для борьбы съ фальсификаціей. Общества скидокъ въ этомъ отношеніи ровно никакого значенія не имѣютъ, ибо они оставляютъ потребителя въ рукахъ торговцевъ.

Вообще общества скидокъ реальныхъ экономическихъ выгодъ потребителю не обѣщаютъ, даже при полной добросовѣстности торговыхъ фирмъ. Взаимная конкуренція между фирмами и такъ понижаетъ процентъ торговой прибыли до довольно низкаго уровня, и непонятно, какимъ образомъ общества скидокъ могутъ сдѣлать процентъ торговой прибыли еще болѣе низкимъ. Пока этихъ обществъ мало и число участвующихъ въ нихъ фирмъ органичено, фирмы могутъ выигрывать на отвлеченіи покупателей отъ другихъ фирмъ, не участвующихъ въ данныхъ организаціяхъ, и такимъ образомъ, расширяя свои обороты, могутъ понижать процентъ прибыли на каждомъ отдѣльномъ товарѣ. Но если число фирмъ, участвующихъ въ такихъ организаціяхъ, возрастаетъ, то и выгоды участія въ нихъ путемъ возможности расширенія своихъ оборотовъ за счетъ неучаствующихъ фирмъ для каждой отдѣльной фирмы падаютъ, и, значитъ, фирмы не имѣютъ возможности понижать процентъ прибыли, падающей на каждый отдѣльный товаръ.

Несмотря на свою полную недѣйствительность по отношенію къ

интересамъ потребителей, общества скидокъ за послѣдніе годы получили въ Германіи очень большое распространеніе. Въ настоящее время число такихъ обществъ опредѣляется въ Германіи многими сотнями, а число членовъ—десятками тысячъ. Всѣ они образуютъ одинъ общеимперскій союзъ, распадающійся на подотдѣлы, подобно имперскому союзу потребительныхъ обществъ и его подотдѣламъ.

Успѣхъ обществъ скидокъ объясняется тѣмъ, что они являются организаціями торговцевъ, борющихся съ потребительными обществами. Именно, общества скидокъ и ведутъ наиболѣе дѣятельную агитацію противъ потребительныхъ обществъ. Рядомъ съ ними имѣется цѣлый рядъ иныхъ организацій торговцевъ, преслѣдующихъ тѣ же цѣли. Вообще германскіе торговцы копируютъ потребительную кооперацію и стремятся бороться съ нею ея же оружіемъ. Такъ, въ 1904 г. германскіе торговцы колоніальными товарами образовали центральное общество оптовой продажи по образцу такихъ же организацій потребительныхъ обществъ.

Кромѣ того, торговые классы Германіи располагаютъ многими обществами и союзами, не имѣющими характера хозяйственныхъ предпріятій и преслѣдующими цѣли защиты интересовъ торговцевъ противъ всѣхъ враждебныхъ имъ общественныхъ теченій. Эти общества и союзы выступаютъ подъ общимъ флагомъ защиты интересовъ «среднихъ классовъ общества». Однимъ изъ главнѣйшихъ враговъ среднихъ классовъ признается потребительная кооперація, съ которой организаціи этого рода ведутъ самую ожесточенную борьбу.

Такъ, напримѣръ, основанный еще въ 1898 г. «Нѣмецкій союзъ промышленности и торговли» выставилъ въ числѣ другихъ своихъ требованій также и «запрещеніе всѣхъ потребительныхъ обществъ и торговыхъ домовъ для военныхъ, чиновниковъ и иныхъ служащихъ». Союзъ этотъ является главной цитаделью борьбы съ потребительными обществами, къ чему, собственно говоря, и сводится вся его дѣятельность. Союзъ стремится вліять на правительство и законодательныя палаты въ смыслѣ, враждебномъ потребительной кооперации.

Въ отчетѣ союза за 1908—1909 гг. читаемъ по вопросу о потребительныхъ обществахъ слѣдующее:

«Потребительныя общества изъ года въ годъ даютъ поводъ

правленію союза обращать вниманіе властей на все возрастающую опасность отъ этихъ организацій для мелкихъ и среднихъ предпріятій. Прошлое собраніе союза вновь потребовало, чтобы было обращено вниманіе правительства на эту опасность. Въ соотвѣтствіи съ этимъ правленіе составило обширную записку, въ которой указывало на развитіе какъ социалъ-демократическихъ, такъ и чиновничьихъ потребительныхъ обществъ. Въ этой запискѣ обращается вниманіе министровъ, равно какъ рейхстага, на опасность для государства распространенія потребительной кооперацiи. Соціалъ-демократія пользуется потребительными обществами, какъ испытаннымъ средствомъ уничтоженія консервативныхъ общественныхъ элементовъ. Недальновидно со стороны государства не только предоставлять своимъ чиновникамъ полную свободу устраивать потребительныя общества, но даже и поощрять разными способами послѣднія».

Всѣ эти организаціи выпускаютъ въ свѣтъ разнообразную литературу, посвященную борьбѣ съ потребительными обществами. Въ этой литературѣ потребительныя общества объявляются созданіемъ соціалъ-демократіи, и средніе общественные классы призываются къ уничтоженію потребительныхъ обществъ. Сплошь и рядомъ литература эта принимаетъ характеръ открытыхъ политическихъ доносовъ, при чемъ поименно указываются чиновники и городскіе служащіе, занимающіе тѣ или иныя должности въ потребительныхъ обществахъ. Нерѣдкимъ пріемомъ борьбы съ потребительными обществами является слѣдующій.

Въ Германіи потребительнымъ обществамъ запрещено закономъ продавать свои продукты не-членамъ. Враждебныя обществамъ лица всячески стараются уличить послѣднія въ продажѣ товаровъ не-членамъ; для этого подсылаютъ кого-либо съ улицы, чтобы незаконнымъ образомъ купить въ лавкѣ потребительнаго общества, и затѣмъ немедленно доносятъ властямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ торговыя организаціи, равно какъ и отдѣльные торговцы, всѣми способами стараются помѣшать развитію операцій потребительныхъ обществъ, при чемъ обычнымъ средствомъ является бойкотъ обществъ и запугиваніе всѣхъ тѣхъ лицъ, кто состоитъ въ сношеніяхъ съ потребительной кооперацiей. Членамъ потребительныхъ обществъ нерѣдко отказываютъ въ продажѣ нужныхъ имъ продуктовъ, если они обращаются въ обычную лавку,

торговцамъ же, которые продаютъ свои товары обществамъ, отказываютъ въ какихъ бы то ни было коммерческихъ сношеніяхъ, какъ измѣнникамъ своему классу. Иногда бойкотъ распространяется на фирмы, которыя помѣщаютъ свои объявленія въ прессѣ потребительныхъ обществъ. Бойкоту подвергаются и служащіе въ потребительныхъ обществахъ, въ случаѣ если имъ приходится искать мѣсто въ обычныхъ лавкахъ. Иногда составляются проскрипціонные листы всѣхъ лицъ, такъ или иначе имѣющихъ хозяйственныя связи съ потребительной коопераціей, не только служащихъ, но и торговцевъ, фабрикантовъ и пр., состоящихъ въ коммерческихъ сношеніяхъ съ потребительной коопераціей. Такой проскрипціонный списокъ составленъ былъ, напримѣръ, въ 1904 г. въ Галле и сообщенъ мѣстнымъ торговцамъ со слѣдующимъ обращеніемъ:

«Присылаемый списокъ очень обширенъ и является результатомъ большого труда. Ваше дѣло воспользоваться имъ. Для этого Вы должны, если только Вы нуждаетесь въ услугѣ какого-либо ремесленника или если Вамъ нужно у кого-либо купить какой-либо товаръ, прежде всего удостовѣриться, не состоитъ ли данное лицо въ названномъ спискѣ. Если оно состоитъ въ спискѣ, то Вамъ слѣдуетъ ранѣе заказа настоять на томъ, чтобы данное лицо прекратило всѣ сношенія съ потребительными обществами и вернулось къ сношеніямъ со свободными торговыми предпріятіями. Указывайте ему, какъ горько почувствовалъ бы онъ самъ, если бы его лишили его кліентуры, и настаивайте, что основой соціальнаго мира является правило: жить самому и давать жить другимъ».

Въ случаѣ согласія бойкотируемаго лица отказаться отъ сношеній съ потребительными обществами оно должно подписать особое письменное обязательство, которое и сообщается руководителямъ бойкотистской кампаніи—правленію мѣстнаго союза обществъ скидокъ. Даже простые члены потребительныхъ обществъ подвергаются подобному бойкоту и рискуютъ потерять работу въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Иногда членамъ потребительныхъ обществъ отказываютъ въ квартирахъ или же отдаютъ квартиры лишь по повышенной платѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ домовладѣльцы, являющіеся вмѣстѣ съ тѣмъ и торговцами, даже включаютъ въ свои контракты съ квартирантами особый пунктъ о непринадлежности квартиранта

къ потребительному обществу. Еще труднѣе потребительному обществу найти помѣщеніе для своихъ общихъ собраній, такъ какъ владѣльцы подходящихъ помѣщеній нерѣдко принципіально отказываютъ уступать ихъ для надобностей кооперативовъ, почему иногда приходится устраивать такія собранія подъ открытымъ небомъ.

Особенно усиленно агитируютъ торговыя организаціи противъ участія чиновниковъ въ потребительныхъ обществахъ. При этомъ развивается такая аргументація. Торговцы являются основой средняго класса общества; средній общественный классъ является опорой современнаго государства, и отъ него получаетъ свои денежныя средства казна. Поэтому государство должно считать недопустимымъ для своихъ служащихъ, чтобы они участвовали въ организаціяхъ, уничтожающихъ средніе классы.

Иногда требованія торговцевъ, обращенныя къ властямъ, принимаютъ болѣе мягкія формы, оставаясь такими же по существу. Очень характерны въ этомъ смыслѣ пожеланія Гессенскаго союза торговцевъ, вынесенныя въ общемъ собраніи союза въ 1908 г.: «Союзу чужда мысль требовать, чтобы правительство совершенно запретило своимъ чиновникамъ участвовать въ потребительныхъ обществахъ. Союзъ хорошо понимаетъ, что такой мѣры нельзя совѣтовать правительству, такъ какъ она равносильна ограниченію личной свободы гражданъ. Но, конечно, правительство можетъ поступить, какъ это сдѣлало баварское министерство путей сообщенія,—указать, что участіе его чиновниковъ въ потребительныхъ обществахъ несогласно съ общечеловѣческой справедливостью, а въ особенности съ дѣятельностью чиновниковъ».

Въ другихъ случаяхъ организаціи торговцевъ менѣе умѣренны и прямо требуютъ закрытія всѣхъ чиновничьихъ потребительныхъ обществъ.

При этомъ вся эта агитація проводитъ глубокое различіе между потребительной и всякой иной кооперацiей: очень часто опредѣленно указывается, что торговый классъ ничего не имѣетъ противъ крестьянской кооперацiи и только потребительная кооперація признается имъ недопустимой.

Въ петиціи президенту прусскаго совѣта министровъ, князю Бюлову, представленной отъ имени «Центральнаго союза германскихъ обществъ для защиты промышленности и торговли» въ

1908 г., было выдвинуто требованіе, чтобы допущеніе дѣятельности существующихъ потребительныхъ обществъ, равно какъ и устройство новыхъ, было разрѣшаемо лишь съ особаго согласія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ правительственной власти. Осуществленіе этого требованія дало бы возможность властямъ совершенно уничтожить потребительную кооперацію.

Правда, такая крайняя мѣра не встрѣтила сочувствія со стороны законодательныхъ палатъ и потому не могла осуществиться. Но, несомнѣнно, правительства различныхъ германскихъ государствъ не остались глухи къ домогательствамъ торговцевъ, и отношеніе правительственныхъ властей къ потребительной коопераціи было и остается совершенно инымъ, чѣмъ къ другимъ видамъ коопераціи. Враждебность германскихъ правительствъ къ потребительной коопераціи обнаруживается очень ярко. Статья закона, запрещающая потребительнымъ обществамъ продажу не-членамъ, даетъ поводъ къ многочисленнымъ стѣсненіямъ потребительныхъ обществъ въ ихъ нормальной дѣятельности по отношенію къ членамъ. Мѣстныя власти путемъ всевозможныхъ мелочныхъ придирокъ стараются затруднить дѣятельность потребительныхъ обществъ, что имъ нерѣдко и удается. Объ отношеніи мѣстныхъ властей къ потребительной коопераціи можетъ дать понятіе слѣдующій отвѣтъ магистрата города Акена на просьбу центральной организаціи германскихъ потребительныхъ обществъ—«Общества оптовыхъ закупокъ»—разрѣшить постройку въ предѣлахъ города мыловареннаго завода:

«Магистратъ постановилъ отклонить эту просьбу, ибо постройка мыловареннаго завода не соотвѣтствуетъ государственнымъ и мѣстнымъ интересамъ. Очевидно, мыловаренный заводъ является только началомъ цѣлаго ряда подобныхъ кооперативныхъ предпріятій въ Акенѣ. Это ясно, какъ изъ обширныхъ размѣровъ пріобрѣтеннаго обществомъ земельнаго участка, такъ и изъ публичныхъ заявленій депутатовъ рейхстага, Пеуса и ф.-Эльма. По словамъ этихъ послѣднихъ, «Общество оптовыхъ закупокъ» имѣетъ въ виду устроить въ Акенѣ различныя другія фабрики и вообще концентрировать въ Акенѣ кооперативное производство. Производство это угрожаетъ существованію многочисленныхъ торговцевъ и ремесленниковъ разнаго рода, такъ же, какъ и интересамъ многихъ домовладѣльцевъ, которымъ грозитъ утрата квар-

тирантовъ и нанимателей лавокъ. Кооперативное производство угрожаетъ гибелью такъ назыв. среднихъ классовъ общества, противорѣчитъ интересамъ государства и не соотвѣтствуетъ желанію правительства охранять интересы среднихъ классовъ общества, особенно же ремесленниковъ».

На такія неожиданныя, необоснованныя возраженія мѣстныхъ властей противъ расширенія дѣятельности потребительныхъ обществъ послѣднимъ приходится наталкиваться сплошь и рядомъ.

Государственныя власти также нерѣдко запрещаютъ рабочимъ въ государственныхъ предпріятіяхъ и своимъ чиновникамъ принимать участіе въ опредѣленныхъ потребительныхъ обществахъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, среди руководителей которыхъ имѣются соціалъ-демократы. Такъ, напримѣръ, прусскій министръ желѣзныхъ дорогъ, фонъ-Будде, издалъ въ 1904 г. слѣдующій циркуляръ своимъ подчиненнымъ мѣстамъ:

«Вообще желательно, чтобы служащіе въ управленіи государственныхъ желѣзныхъ дорогъ получали нужные имъ продукты при посредствѣ обычныхъ лавокъ. Обращаю вниманіе, что принятіе на себя служащими въ управленіи государственныхъ желѣзныхъ дорогъ должностей въ правленіяхъ потребительныхъ обществъ и предоставленіе помѣщеній въ казенныхъ зданіяхъ для торговыхъ операцій потребительныхъ обществъ допустимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда созданіе или сохраненіе потребительнаго общества является настоятельно необходимымъ. Послѣднее же я могу признать лишь тогда, когда:

1) большому числу служащихъ, вслѣдствіе удаленности ихъ мѣстожительства отъ торговыхъ заведеній, существенно затрудняется пріобрѣтеніе предметовъ жизненной необходимости;

2) когда замѣчается въ данномъ районѣ дороговизна жизни длительнаго характера;

3) когда есть основанія опасаться, что служащіе будутъ удовлетворять свою потребность въ удешевленіи своей жизни путемъ участія въ потребительныхъ обществахъ, которыя фактически преслѣдуютъ не только частно-хозяйственныя цѣли».

Сходнымъ образомъ относятся къ потребительнымъ обществамъ и другіе министры различныхъ германскихъ правительствъ, причемъ подобные циркуляры далеко не остаются только на бумагѣ,

но приводятся въ исполненіе съ величайшей строгостью. Участіе въ потребительныхъ обществахъ, входящихъ въ составъ «Центральнаго союза германскихъ потребительныхъ обществъ», обычно разсматривается властями, какъ несовмѣстимое съ пребываніемъ на государственной службѣ или работой въ государственныхъ предпріятіяхъ, и виновные въ этомъ немедленно увольняются. Пожеланія торговыхъ организацій получили, такимъ образомъ, въ данной области полное осуществленіе.

Даже потребительныя общества чиновниковъ встрѣчаютъ въ Германіи несочувственное отношеніе власти; нерѣдко чиновникамъ указывается на желательность участія, вмѣсто потребительныхъ обществъ, въ обществахъ скидокъ.

Мѣстная полиція пользуется всякимъ поводомъ, чтобы не разрѣшать собранія потребительныхъ обществъ пролетарскаго состава. Хотя эти общества въ Германіи, какъ сказано, политически совершенно нейтральны и никакой связи съ соціалъ-демократіей не имѣютъ, они всегда стоятъ подъ угрозой закрытія подъ предлогомъ ихъ политическаго характера. Такъ, одно изъ крупнѣйшихъ германскихъ обществъ потребителей—Лейпцигъ-Плагвицкое—едва не было закрыто за то, что передало нѣсколько сотъ марокъ совершенно неполитическому образовательному кружку рабочихъ.

Но главнымъ орудіемъ борьбы съ потребительными обществами является для германскихъ правительствъ крайне несправедливое и тяжелое обложеніе налогами. Въ Англіи потребительныя общества свободны отъ обычнаго промыслового обложенія,—и это только справедливо, ибо потребительныя общества не даютъ никакой прибыли, и распредѣляемые ими остатки не имѣютъ по своей экономической природѣ ничего общаго съ дивидендомъ акціонерныхъ компаній.

Въ Германіи положеніе потребительныхъ обществъ иное. Первоначально, пока потребительныя общества были распространены преимущественно среди мелкой буржуазіи, германское обложеніе потребительныхъ обществъ было болѣе или менѣе справедливо: облагались особымъ налогомъ только тѣ общества, которыя продавали товары не-членамъ, и лишь соотвѣтственно той части своихъ доходовъ, которая получалась ими отъ не-членовъ. Затѣмъ была совершена первая несправедливость: былъ обложенъ весь доходъ потребительныхъ обществъ, продающихъ не-членамъ, т.-е.

и тотъ остатокъ, который получался отъ сбереженій на цѣнѣ при покупкахъ членами.

Затѣмъ, въ 1889 г. потребительнымъ обществамъ было запрещено продавать товары не-членамъ. Эта мѣра должна была, по мысли ея инициаторовъ, замедлить ростъ потребительныхъ обществъ, лишивъ ихъ значительной части ихъ кліентовъ. На самомъ же дѣлѣ она привела къ противоположному результату: не-члены, не желая терять выгодъ пріобрѣтенія предметовъ потребленія черезъ посредство обществъ, стали поступать въ число членовъ послѣднихъ, которыя именно съ этого времени стали быстро расширять свои обороты.

Тогда власти начали борьбу съ ростомъ потребительныхъ обществъ при посредствѣ налоговаго законодательства: ихъ стали подчинять обычному промысловому обложенію и притомъ такимъ образомъ, что потребительныя общества должны были платить не менѣе, а болѣе, чѣмъ обычныя промышленныя предпріятія.

Не удивительно, что Гере, описывая всѣ эти формы борьбы съ потребительными обществами въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ эти организаціи получили огромное распространеніе среди германскаго пролетаріата, приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Все это не что иное, какъ классовая борьба, въ которой германскія рабочія потребительныя общества уже давно такъ же участвуютъ, какъ и германскій пролетаріатъ вообще... Поэтому невѣрно обычное утвержденіе, что кооперація есть миръ. Нѣтъ, кооперація, во всякомъ случаѣ, пролетарская потребительная кооперація, есть борьба, и именно классовая борьба. Не имѣетъ значенія, что генеральный секретарь «Центральнаго союза» заявляетъ въ отчетѣ союза за 1908 г., что рабочія потребительныя общества принципіально отвергаютъ, чтобы они представляли собой классовую кооперацію, хотя они и не спорятъ, что они обязаны своимъ возникновеніемъ и развитіемъ опредѣленному общественному классу. Это невѣрно, и это опровергается фактами. Еще болѣе ложно то, что д-ръ Крюгеръ опять повторилъ на весь свѣтъ въ декабрѣ 1909 г., будто рабочія потребительныя общества не что иное, какъ боевыя и классовыя организаціи соціалъ-демократической партіи. Правда, доказываемая фактами и которой не можетъ не видѣть никто, кто не желаетъ отъ нея отворачиваться, заключается въ слѣдующемъ: потребительныя общества

суть боевая и классовая организація современнаго пролетаріата, точно такъ же, какъ партія и рабочіе союзы. Потребительныя общества имѣютъ свое самостоятельное значеніе, какъ каждая изъ двухъ послѣдующихъ организацій. Въ противоположность этимъ послѣднимъ, они преслѣдуютъ исключительно хозяйственныя цѣли и—никто не можетъ доказать противнаго—не стремятся въ своей дѣятельности ни къ какимъ политическимъ цѣлямъ, стоятъ совершенно внѣ политическихъ партій. Но они не менѣе, чѣмъ эти послѣднія,—боевыя и классовыя организаціи современнаго пролетаріата».

VI.

Потребительная кооперація въ Россіи, какъ и вообще русская кооперація, имѣетъ преимущественно крестьянскій характеръ. Возникла же она въ 60-е годы прошлаго вѣка въ средѣ имущихъ классовъ, на почвѣ того общественнаго подъема, который характеризовалъ собой это время.

Пролетарская потребительная кооперація начинаетъ развиваться у насъ только въ самое послѣднее время. Какъ правильно указалъ С. Н. Прокоповичъ, успѣхи пролетарской потребительной коопераціи задерживаются въ Россіи цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ условій. Важнѣйшимъ изъ нихъ является то, что у насъ не достигъ еще значительнаго развитія классъ фабричнаго пролетаріата. Правда, у насъ имѣется нѣсколько милліоновъ фабричныхъ рабочихъ, но изъ нихъ значительная часть еще не утратила связи съ деревней. По даннымъ всероссійской переписи 1897 г. 57,1% рабочихъ, занятыхъ въ нашей промышленности, были одиночками, т.-е. жили безъ семьи, при чемъ часть ихъ совсѣмъ не имѣла семьи, а другая часть имѣла семью въ деревнѣ. Но безсемейный рабочій, какъ общее правило, не имѣетъ своего домашняго хозяйства—столуется онъ не дома, а либо у хозяина предпріятія, гдѣ работаетъ, либо у квартирной хозяйки, либо въ трактирѣ. Въ потребительномъ обществѣ такіе рабочіе почти не нуждаются и во всякомъ случаѣ не могутъ расходовать въ этихъ обществахъ значительную часть своего бюджета.

Но и семейный рабочій только тогда можетъ много давать потребительному обществу, когда его заработная плата достаточно высо-

ка. При крайне низкомъ уровнѣ заработной платы въ Россіи нашъ фабричный рабочій является плохимъ покупателемъ. Такъ, напр., по бюджетному обслѣдованію условій жизни петроградскихъ рабочихъ, болѣе трети рабочихъ никогда не покупало новаго платья, довольствуясь пріобрѣтеніемъ ношенаго. Естественно, что при такихъ условіяхъ потребительная кооперація среди нашего фабричнаго пролетаріата не можетъ достигнуть того развитія, какъ на Западѣ.

Правда, на ряду съ этимъ въ нашихъ экономическихъ условіяхъ имѣются и противоположные факторы, благопріятствующіе созданію потребительныхъ организацій среди рабочаго класса. А именно, значительная часть нашихъ фабрикъ расположена вдали отъ городскихъ поселеній и торговыхъ центровъ. Удовлетвореніе потребительныхъ нуждъ фабричныхъ рабочихъ путемъ пріобрѣтенія предметовъ потребленія въ обычныхъ лавкахъ наталкивается въ этомъ случаѣ на серьезное препятствіе въ видѣ отсутствія или недостаточнаго количества этихъ лавокъ. Въ этомъ случаѣ сама жизнь требуетъ созданія какой-либо особой организаціи для удовлетворенія потребительныхъ нуждъ рабочихъ.

Въ нашихъ русскихъ условіяхъ положеніе это привело къ тому, что потребительныя организаціи рабочихъ сложились довольно рано и получили довольно значительное развитіе, но въ своеобразной, почти некооперативной формѣ. Отдаленность нашихъ фабрикъ отъ торговыхъ центровъ уже издавна привела къ тому, что у насъ получила огромное распространеніе система фабричныхъ лавокъ, при чемъ эти фабричныя лавки являлись въ рукахъ фабрикантовъ орудіемъ самой грубой эксплоатаціи фабрикантами своихъ рабочихъ. Когда же, съ созданіемъ нашей фабричной инспекціи, органы инспекторскаго надзора начали борьбу съ расплатой съ рабочими при помощи товаровъ, фабричныя лавки уступили мѣсто фабричнымъ потребительнымъ обществамъ, которыя номинально являлись потребительными кооперативами пролетаріата, но фактически во многихъ случаяхъ мало отличались отъ прежнихъ фабричныхъ лавокъ, такъ какъ эти потребительныя общества находились въ полной зависимости отъ фабрикантовъ и служили ихъ интересамъ.

Въ сходномъ положеніи находятся и желѣзнодорожные рабочіе. Среди нихъ чувствуется также настоятельная нужда въ особыхъ

потребительныхъ организаціяхъ, но въ то же время, вслѣдствіе общихъ условій нашей общественности, организаціи эти съ трудомъ сохраняютъ самостоятельность и, какъ общее правило, находятся въ сильной зависимости отъ правленія дороги.

Такимъ образомъ, у насъ имѣется три различнаго рода пролетарскихъ кооператива: зависимыя фабричныя потребительныя общества, зависимыя желѣзнодорожныя потребительныя общества и независимыя рабочія потребительныя общества.

Въ 1912 г. потребительныхъ обществъ перваго рода считалось у насъ 430, желѣзнодорожныхъ—190 и рабочихъ независимыхъ—86. Нужно, однако, имѣть въ виду, что желѣзнодоржныя общества гораздо крупнѣе всѣхъ остальныхъ: въ 1911 г. желѣзнодорожное общество, принадлежавшее къ московскому союзу потребительныхъ обществъ, имѣло въ среднемъ 3.687 членовъ, зависимое фабрично-заводское—662 члена, а рабочее независимое—только 415 членовъ. Поэтому наибольшее число членовъ имѣютъ среди рабочихъ обществъ желѣзнодорожныя, затѣмъ идутъ фабрично-заводскія зависимыя общества и послѣднее мѣсто занимаютъ независимыя рабочія общества.

Зависимыя фабрично-заводскія и желѣзнодорожныя общества представляютъ собой во многихъ отношеніяхъ очень сходный типъ. Они не могутъ считаться вполнѣ кооперативными организаціями, такъ какъ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ правленій соотвѣтствующихъ капиталистическихъ предпріятій и во многихъ случаяхъ являются простымъ придаткомъ къ этимъ послѣднимъ. Это сказывается очень наглядно въ томъ, что, какъ общее правило, выборъ членовъ правленія въ такихъ обществахъ не свободенъ; нерѣдко правленіе состоитъ въ большей своей части изъ членовъ администраціи предпріятія. Затѣмъ, такъ какъ въ уставахъ многихъ такихъ обществъ имѣется пунктъ, согласно которому членами общества могутъ быть только служащіе въ данномъ предпріятіи, то администрація послѣдняго имѣетъ полную возможность исключать любого члена общества путемъ увольненія его изъ числа служащихъ.

Иногда лавка фабрично-заводскаго потребительнаго общества становится простымъ отдѣленіемъ фабричной конторы, воскрешая собой фабричныя лавки прежняго времени.

Неудивительно, что потребительныя общества при фабрикахъ

и заводахъ сплошь и рядомъ вызываютъ къ себѣ рѣзко враждебное отношеніе со стороны рабочихъ. Во время рабочихъ безпорядковъ на Брянскомъ заводѣ въ Екатеринославлѣ, 1898 г., рабочіе подожгли и разграбили лавку потребительнаго общества. Такіе случаи бывали неоднократно.

Заводуправленія сплошь и рядомъ распоряжаются капиталомъ состоящихъ при нихъ потребительныхъ обществъ по своему усмотрѣнію и затрачиваютъ ихъ капиталы на нужды заводовъ, состоя въ неоплатномъ долгу по отношенію къ обществамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ форма потребительнаго общества прикрываетъ собой организацію, ничего общаго съ кооперацiей не имѣющую.

Дѣйствительно кооперативными организаціями среди нашего фабричнаго пролетаріата являются лишь, такъ называемыя, независимыя рабочія потребительныя общества, которыхъ пока имѣется очень мало. И это неудивительно въ силу указанныхъ выше условій, которыя чрезвычайно затрудняютъ развитіе коопераціи среди русскаго пролетаріата. Во всякомъ случаѣ такіе кооперативы существуютъ. Самымъ крупнымъ изъ нихъ былъ эфемерный «Трудовой союзъ», возникшій среди петроградскихъ рабочихъ лѣтомъ 1906 г., быстро достигшій значительныхъ размѣровъ (въ октябрѣ 1907 г. число членовъ въ немъ превысило 8 тыс.), но уже въ началѣ 1908 г. принужденный ликвидировать дѣло. Причина крушенія «Трудового союза» заключалась, помимо преслѣдованій администраціи, въ плохой постановкѣ всей коммерческой стороны дѣла.

Вообще пролетарская кооперація дѣлаетъ у насъ только свои первые шаги. Тѣмъ не менѣе у насъ существуетъ уже много лѣтъ вполнѣ окрѣпшая центральная организація потребительныхъ кооперативовъ, московскій «Союзъ потребительныхъ обществъ», возникшій въ 1898 г. и имѣющій всѣ данныя пріобрѣсть всероссійское значеніе. Обороты этого союза приближаются въ настоящее время къ 20 мил. р. въ годъ. Рядомъ съ этимъ союзомъ, являющимся обществомъ оптовыхъ закупокъ, которымъ русская кооперація можетъ гордиться, возникаетъ за послѣднее время много другихъ союзовъ потребительныхъ обществъ районнаго характера. Такъ, за самое послѣднее время былъ созданъ, послѣ многихъ усилій, при дѣятельной поддержкѣ Петроградскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ, петро-

градскій районный союзъ. Въ виду трудности утвержденія устава возникающіе у насъ союзы кооперативовъ во многихъ случаяхъ принимаютъ форму договорныхъ объединеній. Такихъ договорныхъ объединеній среди потребительныхъ обществъ считалось къ началу 1915 г. уже болѣе полусотни, что является яркой иллюстраціей, до какой степени русская кооперація, стѣсняемая устарѣлымъ законодательствомъ и администраціей, нуждается въ объединяющихъ ее центральныхъ организаціяхъ.

ГЛАВА IV.

Домостроительная кооперація.

Родиной домостроительной коопераціи, какъ и пролетарской кооперацін вообще, является Англія.—Появленіе этого вида коопераціи тѣсно связано съ развитіемъ капиталистической хозяйственной системы. Характерный для капитализма ростъ большихъ городовъ приводитъ къ крайнему вздорожанію квартиръ, въ особенности для бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря чрезвычайной скученности городского населенія, существенно ухудшаются жилищныя условія большинства городского населенія. Отсюда настоятельная потребность городского пролетаріата, а также и вообще всѣхъ менѣе достаточныхъ слоевъ городского населенія, включая сюда хуже оплачиваемыхъ служащихъ, чиновниковъ и лицъ либеральныхъ профессій, въ мѣрахъ общественной самопомощи для улучшенія жилищныхъ условій и пониженія расходовъ по оплатѣ жилища.

Первыя домостроительныя товарищества возникаютъ въ Англіи еще ранѣе потребительныхъ обществъ и, повидимому, внѣ всякой связи съ великимъ общественнымъ движеніемъ, вызваннымъ Оуэномъ. Такимъ образомъ, домостроительная кооперація съ самаго своего возникновенія стоитъ особнякомъ отъ другихъ видовъ коопераціи и продолжаетъ занимать такое же положеніе и нынѣ. Объясняется это какъ особымъ характеромъ, по своимъ техническимъ задачамъ, домостроительной коопераціи, такъ и недоступностью этого вида коопераціи для массы городского пролетаріата въ силу необходимости затраты сравнительно очень крупныхъ денежныхъ средствъ.

Первые англійскіе строительные кооперативы имѣли характеръ особаго рода сберегательныхъ кассъ, ставившихъ себѣ цѣлью на-

копленіе денежныхъ средствъ, необходимыхъ для постройки дома. Организація ихъ была слѣдующая. Группа лицъ съ неопредѣленнымъ составомъ обязывается дѣлать еженедѣльные взносы въ общую кассу, взносы эти накапливаются, пока они не достигнутъ такихъ размѣровъ, что образуется капиталъ, достаточный для постройки небольшого дома для одной семьи. Капиталъ этотъ выдается въ ссуду тому или иному члену товарищества, при чемъ домъ переходитъ въ собственность лица, получившаго ссуду, строящаго домъ совершенно самостоятельно и пользующагося имъ по своему собственному усмотрѣнію.

Товарищества этого типа получили большое распространеніе въ Англіи, англійскихъ колоніяхъ и въ Америкѣ. Въ настоящее время въ Англіи числится свыше 700 тыс. членовъ этихъ товариществъ, въ Америкѣ же число членовъ превышаетъ два милліона.

Въ строительныхъ кооперативахъ принимаютъ участіе преимущественно высшіе слои пролетаріата, а также служащіе разнаго рода. Кооперативная связь ихъ членовъ очень не велика: кооперативъ существуетъ только для того, чтобы дать своимъ членамъ возможность пріобрѣсть въ собственность домъ. Когда эта цѣль достигнута, то лицо, получившее ссуду для постройки дома, остается по отношенію къ кооперативу должникомъ, и только эта связь соединяетъ его съ кооперативомъ. По уплатѣ ссуды данное лицо выходитъ изъ состава товарищества.

Операціи товарищества въ высшей степени несложны. Оно является простой сберегательной кассой, только тѣмъ отличающейся отъ обычной сберегательной кассы, что активная операція ея имѣетъ строго опредѣленный характеръ и состоитъ въ выдачѣ ссудъ подъ залогъ домовъ. Этотъ характеръ активныхъ операцій домостроительныхъ товариществъ придаетъ чрезвычайную финансовую устойчивость товариществамъ: ссуды обезпечены закладными и рискъ потери выданной ссуды минималенъ. Расходы по управленію товариществомъ также очень невелики, ибо, въ виду крайней простоты операцій товарищества, послѣднее не нуждается даже въ своемъ особомъ помѣщеніи.

Эта простота организаціи, въ связи съ тяготѣніемъ населенія англо-саксонской культуры къ жизни въ отдѣльныхъ небольшихъ домикахъ, каждая семья особо, привела къ значительному распространенію товариществъ описаннаго типа въ Англіи и родствен-

ныхъ ей странахъ. Однако этому виду строительной кооперацiи присущи очень крупные недостатки. Прежде всего она доступна только для болѣе достаточныхъ лицъ, такъ какъ требуетъ внесенія, хотя и по частямъ, очень значительнаго пая. Затѣмъ, въ ней могутъ принимать участіе только лица, увѣренныя, что имъ не придется мѣнять своего мѣстожительства въ поискахъ работы. Зауряднный рабочій, которому приходится переходить изъ одного мѣста въ другое, не склоненъ связывать себя съ опредѣленной недвижимостью. Затѣмъ, задача товарищества этого рода ограничивается доставленіемъ своимъ членамъ денежной суммы, необходимой для постройки дома, самая же постройка, равно какъ условія эксплоатацiи дома, товарищества не касаются. Все это имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что жилищный вопросъ ни малѣйшимъ образомъ не разрѣшается домостроительными товариществами даннаго типа, создающими лишь новыхъ домовладѣльцевъ, иногда пользующихся своимъ домомъ въ видахъ спекуляцiи.

Поэтому за послѣдніе годы начинаетъ быстро расти новый видъ домостроительнаго товарищества, существенно иного типа. Прежнія англо-саксонскія товарищества, какъ сказано, не строили домовъ, а только доставляли своимъ членамъ средства для такой постройки. Въ настоящее время задачей домостроительнаго товарищества становится постройка домовъ.

Въ Англіи инициаторомъ этого новаго типа товарищества явился видный общественный дѣятель Генри Вивіанъ. Домостроительныя товарищества должны, по его представленію, ставить себѣ несравненно болѣе широкія задачи, чѣмъ товарищества стараго типа. А именно, они должны стремиться преобразовать къ лучшему жилищныя условія городского населенія. Городъ нашего времени представляетъ собой нѣчто до послѣдней степени нераціональное и уродливое. Нужно создать новый типъ человѣческаго поселенія—городъ-садъ. Чтобы достигнуть этого, домостроительныя товарищества должны сами строить дома и оставаться ихъ собственниками послѣ того, какъ въ нихъ поселятся жильцы.

Въ настоящее время въ Англіи имѣется 14 товариществъ этого новаго типа, располагающихъ недвижимой собственностью въ 800 тыс. ф. с. Товарищества пріобрѣтаютъ для застройки обширные земельные участки и возводятъ на нихъ по опредѣленному плану изящные дома, устраивая между домами сады, площадки

для лаунтенниса, дѣтскихъ игръ и вообще принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы создать не только вполнѣ гигіеничное и комфортабельное, но и пріятное для жизни жилище. Правда, товарищества эти не могутъ считаться въ полномъ смыслѣ слова кооперативами и приближаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ акціонернымъ компаніямъ. Отступленіе отъ кооперативныхъ принциповъ выражается слѣдующими чертами: во-первыхъ, въ этихъ товариществахъ число голосовъ, которыми располагаетъ каждый членъ, пропорціонально числу паевъ во владѣніи каждаго (максимумъ числа паевъ въ однѣхъ рукахъ ограниченъ 10 паями); во-вторыхъ, на паи выдается довольно крупный дивидентъ (однако не свыше 5$^0/_0$); наконецъ, товарищества имѣютъ въ виду какъ менѣе достаточныхъ, такъ и болѣе состоятельныхъ квартирантовъ—стоимость квартиръ доходитъ въ нихъ до 1000 р. въ годъ и выше.

Товарищества этого типа работаютъ, въ противность старымъ товариществамъ, только въ ничтожной мѣрѣ на собственный, а главнымъ образомъ на заемный капиталъ, выпуская особые закладные листы, которые безъ труда размѣщаются на рынкѣ. Паевой капиталъ составляетъ только около 15$^0/_0$ всего капитала, которымъ располагаютъ товарищества.

Англійскіе строительные кооперативы основаны всецѣло на частной инициативѣ и не пользуются никакими пособіями со стороны государства или муниципалитетовъ. Но государство и городъ самымъ жизненнымъ образомъ заинтересованы въ оздоровленіи условій жизни городского населенія. Поэтому борьба съ жилищной нуждой должна по справедливости разсматриваться, какъ задача, лежащая не только на коопераціи, но и на государствѣ и его органахъ. Кооперація не въ силахъ собственными средствами справиться съ этой задачей уже потому, что наиболѣе нуждаются въ коренной реформѣ жилищныя условія бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія, не обладающаго достаточными средствами, чтобы принять безъ посторонней помощи участіе въ строительной коопераціи, требующей гораздо большихъ капиталовъ, чѣмъ какой бы то ни было другой видъ коопераціи. Поэтому мы видимъ, что на европейскомъ континентѣ строительная кооперація развивается въ новѣйшее время при непосредственной и очень значительной поддержкѣ государства и муниципалитетовъ.

Особенный размахъ строительная кооперація получила за по-

слѣдніе годы въ Германіи. Германскія товарищества по демократичности своего устройства стоятъ гораздо выше англійскихъ новаго типа, такъ какъ въ нихъ каждый членъ имѣетъ только одинъ голосъ. Члены ихъ принадлежатъ преимущественно къ высшимъ слоямъ пролетаріата. Паи въ нихъ также значительно ниже, чѣмъ въ англійскихъ товариществахъ, и преобладаетъ пай въ 200 марокъ; внесеніе такой суммы сразу не подъ силу пролетарію, но она вносится не сразу, а по частямъ.

Въ 1910 г. въ Германіи было 1.056 строительныхъ кооперативовъ, при чемъ въ 739, давшихъ о себѣ свѣдѣнія, числилось 196.751 членовъ, располагавшихъ 41 милліономъ марокъ паевого капитала и 363 милліонами марокъ заемнаго капитала. Огромное большинство германскихъ строительныхъ кооперативовъ остается собственниками выстроенныхъ ими домовъ. Члены кооператива пользуются за опредѣленную плату квартирами въ этихъ домахъ.

Десятая часть пая вносится обычно при вступленіи, а остальная сумма покрывается еженедѣльными взносами, размѣръ которыхъ колеблется отъ 30 пфенниговъ до 1 марки. Какъ общее правило, каждый членъ владѣетъ только однимъ паемъ. Высота процента на паи не превышаетъ 4, а нерѣдко спускается значительно ниже.

Успѣхи германской строительной коопераціи всецѣло основываются на томъ, что кооперативному строительству приходятъ на помощь государство и муниципалитеты. Дѣло въ томъ, что кооперативы, располагая незначительнымъ собственнымъ капиталомъ, настоятельно нуждаются въ привлеченіи капиталовъ со стороны. Между тѣмъ частные банки очень неохотно ссужаютъ въ Германіи своими капиталами строительную кооперацію благодаря тому, что банки находятся въ рукахъ домовладѣльческихъ элементовъ, относящихся къ строительной коопераціи очень враждебно, какъ къ своему опасному конкуренту. И германская строительная кооперація влачила бы жалкое существованіе, если бы ей не пришли на помощь государственныя кассы страхованія рабочихъ, которыя располагаютъ милліарднымъ капиталомъ, составившимся изъ страховыхъ взносовъ.

Германскія кассы рабочаго страхованія понимаютъ свою задачу очень широко и признаютъ, что въ сферу дѣятельности ихъ входитъ содѣйствіе всякаго рода мѣрамъ, которыя приводятъ къ оздоровленію населенія. Конечно, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ

къ поднятію уровня народнаго здоровья является улучшеніе жилищныхъ условій. Поэтому кассы поступаютъ въ полномъ соотвѣтствіи со своими основными задачами, открывая широкій кредитъ домостроительнымъ товариществамъ на льготныхъ условіяхъ.

Къ 1913 г. кассы выдали въ кредитъ на постройку рабочихъ жилищъ болѣе 418 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ 238 милліоновъ марокъ приходится на долю строительныхъ кооперативовъ и общеполезныхъ строительныхъ акціонерныхъ обществъ. Процентъ по этимъ ссудамъ колебался между 3 и 4. При этомъ кассы выдавали въ ссуду значительно большую часть капитала, необходимаго для постройки, чѣмъ частныя кредитныя учрежденія, выдающія не свыше 60% стоимости имущества, между тѣмъ какъ кассы кредитуютъ до 70%, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и до 85% стоимости имущества.

Существенную помощь германскіе строительные кооперативы получаютъ и отъ городскихъ муниципалитетовъ. Большинство германскихъ городовъ признаетъ въ настоящее время, что жилищная реформа, настоятельная необходимость которой никѣмъ не отрицается, можетъ быть проведена только при помощи строительной кооперации. Поэтому обязанностью города является всяческое содѣйствіе этому виду кооперации и принятіе мѣръ къ тому, чтобы кооперативное строительство было возможно болѣе согласовано съ интересами массы городского населенія.

Германскіе города обычно не продаютъ своихъ земель кооперативамъ, а сдаютъ ихъ въ наслѣдственно-строительную аренду срокомъ отъ 70—100 лѣтъ, при чемъ на все это время обычно назначается одна и та же умѣренная арендная плата. Такимъ образомъ, кооперативы избѣгаютъ необходимости затрачивать крупный капиталъ на пріобрѣтеніе земельной собственности и въ то же время избѣгаютъ столь разорительнаго повышенія городской земельной ренты. Далѣе, города дѣятельно содѣйствуютъ полученію кооперативами необходимыхъ имъ денежныхъ средствъ, что достигается слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ частныя кредитныя учрежденія кредитуютъ только въ извѣстномъ процентѣ къ стоимости имущества, то города устраиваютъ спеціальные банки для кредитованія подъ вторую закладную. Въ 1912 г. такихъ городскихъ банковъ было уже 61. Если же городъ не можетъ непосредственно ссудить капиталъ, необходимый кооперативу, то онъ достигаетъ того же,

принимая на себя передъ кредитнымъ учрежденіемъ поручительство за исправное выполненіе кооперативомъ своихъ обязательствъ, при чемъ благодаря поручительству кредитуемая сумма повышается иногда до 90% стоимости постройки.

Но, конечно, городъ приходитъ на помощь строительной кооперации лишь въ томъ случаѣ, если она удовлетворяетъ цѣлямъ, которыя ставитъ себѣ городъ въ своей дѣятельности по улучшенію жилищныхъ условій массы городского населенія. Поэтому городъ требуетъ одобренія плановъ постройки городской властью, городского контроля за квартирной платой и предназначенія квартиръ для болѣе нуждающихся слоевъ городского населенія. Поэтому обычно городъ содѣйствуетъ только такому строительству, которое имѣетъ въ виду устройство дешевыхъ рабочихъ квартиръ, число комнатъ въ которыхъ (включая и кухню) не превышаетъ трехъ, рѣдко четырехъ.

Нѣкоторые германскіе строительные кооперативы строятъ небольшіе домики съ двумя квартирами (такъ называемые парные особняки), но большинство строитъ огромные многоэтажные дома, стремясь однако согласовать свои постройки съ требованіями гигіены и эстетики.

Благодаря содѣйствію государства и городовъ, германская строительная кооперація служитъ интересамъ той части населенія, которая не располагаетъ капиталами, необходимыми для постройки дома, но въ то же время всего болѣе нуждается въ улучшеніи своихъ жилищныхъ условій,—городского пролетаріата. Правда, и при помощи со стороны строительная кооперація доступна все же не всей массѣ пролетаріата, а только наиболѣе обезпеченной его части.

Интересна постановка государственной помощи строительной кооперации въ Австріи. «Центральное общество жилищной реформы въ Австріи» выработало въ 1908 г. особый проектъ образованія государственнаго фонда для поддержки общеполезной строительной дѣятельности вообще и кооперативнаго строительства въ частности. Согласно этому проекту, государственный фондъ долженъ былъ служить для покрытія расходовъ по государственному поручительству за капиталъ, выдаваемый въ ссуду строительнымъ организаціямъ ипотечными учрежденіями, при чемъ поручительство это должно выдаваться не за всю ссуду, а лишь за ту ея

часть, которая выдается подъ вторую закладную сверхъ 50% стоимости дома. Кредитъ строительнымъ кооперативамъ долженъ былъ быть организованъ, согласно проекту, слѣдующимъ образомъ: подъ первую закладную строительные кооперативы получаютъ деньги безъ всякаго содѣйствія государства, подъ вторую же закладную беретъ на себя ручательство государство—въ размѣрѣ 40% стоимости дома. Такимъ образомъ, кооперативы получаютъ возможность получать ссуду до 90% стоимости своей недвижимости на такихъ условіяхъ, какъ и подъ первую закладную.

Проектъ этотъ былъ одобренъ правительствомъ, и въ 1910 г. въ Австріи вступилъ въ дѣйствіе законъ объ образованіи государственнаго жилищнаго фонда въ 25 милліоновъ кронъ. Фондъ предназначается на поддержаніе общеполезнаго домостроительства, а строительство можетъ быть признано общеполезнымъ лишь въ томъ случаѣ, если соотвѣтствующая строительная организація выдаетъ не свыше 5% дивиденда на пай. При этомъ, однако, фондъ оказываетъ содѣйствіе постройкѣ лишь небольшихъ квартиръ, подъ каковыми законъ понимаетъ семейныя квартиры общей площадью не свыше 80 кв. метровъ, дома для безсемейныхъ, при чемъ въ каждой комнатѣ должно быть помѣщаемо не болѣе трехъ жильцовъ, и ночлежные дома. Всѣ дома должны удовлетворять въ строительно-техническомъ, санитарномъ и нравственномъ отношеніяхъ требованіямъ, предъявляемымъ къ здоровымъ и дешевымъ народнымъ квартирамъ.

Какъ справедливо указываетъ въ «Вѣстникѣ Коопераціи» г. А. Глѣбовъ, въ австрійскомъ законѣ имѣетъ наибольшее значеніе признаніе принципа планомѣрной государственной поддержки строительной коопераціи, но идея государственной гарантіи не можетъ быть признана удачной. Благодаря гарантіи, всѣ выгоды отъ кредитованія кооперативнаго строительства будутъ доставаться существующимъ ипотечнымъ учрежденіямъ, а убытки по возможнымъ несостоятельностямъ будетъ нести государство. Было бы гораздо раціональнѣе, если бы государство основало со спеціальной цѣлью содѣйствія общеполезному строительству особый ипотечный банкъ съ правомъ выпуска закладныхъ листовъ. Такимъ образомъ государство получило бы не меньшую возможность кредитовать строительные кооперативы, чѣмъ и при системѣ поручительства, но въ то же время оно гораздо непосредственнѣе

вліяло бы на ходъ общеполезнаго строительства, извлекая въ свою пользу всѣ выгоды отъ поддержки строительной кооперацiи. Но необходимымъ условiемъ для успѣха дѣла является связь съ органами мѣстнаго самоуправленія—непосредственно распредѣлять государственную поддержку должны муниципалитеты, какъ учрежденія, ближе всего стоящія къ мѣстнымъ дѣламъ.

Что касается Россіи, то у насъ домостроительная кооперація имѣется только въ слабыхъ зачаткахъ. Поскольку она существуетъ, она служитъ интересамъ не пролетаріата, а достаточныхъ классовъ городского населенія, что и понятно, такъ какъ наши рабочіе получаютъ слишкомъ низкую заработную плату, чтобы дѣлать изъ нея крупныя сбереженія, требующіяся для участія въ строительныхъ кооперативахъ.

ГЛАВА V.

Производительныя артели.

I.—Производительныя ассоціаціи во Франціи. II.—Производительныя ассоціаціи въ соціалистической и кооперативной литературѣ. III.—Неудачи производительныхъ артелей. IV.—Причины неудачъ производительныхъ артелей. V.—Организаціи типа копартнершипъ. VI.—Желательныя формы кооперативнаго производства.

I.

Производительныя артели занимаютъ крайне своеобразное мѣсто среди другихъ кооперативовъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что вся современная кооперація выросла изъ идеи производительной артели и что въ этомъ смыслѣ производительная артель является основнымъ и первоначальнымъ видомъ коопераціи. Ибо что такое соціалистическія общины, явившіяся духовной почвой коопераціи, какъ не производительныя артели извѣстнаго рода, лишь тѣмъ принципіально отличающіяся отъ обычнаго типа артелей, что изготовленные ими продукты предназначаются не для сбыта, а для собственнаго потребленія артельщиковъ? Между соціалистической общиной и производительной артелью обычнаго типа существуетъ множество незамѣтныхъ переходовъ и между обѣими организаціями имѣется несомнѣнная внутренняя связь.

И дѣйствительно, кооперативное движеніе во всѣхъ странахъ начинается съ увлеченія идеей производительной артели въ тѣхъ или другихъ формахъ. Классической страной производительныхъ ассоціацій считается, по справедливости, Франція. Въ кооперативной литературѣ прежняго времени было принято отождествлять различные роды коопераціи съ различными странами: Англія считалась страной потребительной коопераціи, Франція—производи-

тельныхъ артелей, а Германія—кооперации кредитной. Это совершенно невѣрно, поскольку дѣло идетъ о современномъ состояніи кооперации въ этихъ странахъ; но въ историческомъ смыслѣ указанная характеристика не лишена основанія. Дѣйствительно, въ то время какъ въ Англіи кооперація всегда выражалась почти исключительно въ формѣ потребительныхъ обществъ, въ Германіи долгое время руководящую роль въ кооперативномъ движеніи играли кредитные кооперативы Шульце-Делича, а во Франціи самой яркой страницей исторіи кооперации были попытки къ устройству производительныхъ ассоціацій.

Попытки эти ведутъ свое начало отъ Бюше, ученика Сенъ-Симона и Фурье. Самъ себя онъ считалъ сенсимонистомъ и долгое время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ сенсимонистскихъ изданій. Однако идея производительной ассоціаціи, какъ основной ячейки новаго общественнаго строя, была заимствована имъ не у Сенъ-Симона, а у Фурье. Съ первымъ Бюше сближался высокой оцѣнкой роли религіознаго элемента въ общественной жизни; но въ своей практической общественной дѣятельности онъ былъ ближе къ Фурье. Подобно послѣднему (и въ противоположность школѣ Сенъ-Симона) Бюше отнюдь не былъ государственникомъ и возлагалъ надежды преимущественно на частную инициативу и свободу самодѣятельности.

Идея производительной ассоціаціи сводилась у Бюше къ слѣдующему. Группа рабочихъ той же профессіи образуетъ собой ассоціацію для того, чтобы совмѣстно за общій счетъ производить извѣстные продукты для продажи. Объединенные рабочіе образуютъ собой предпріятіе, въ которомъ нѣтъ хозяевъ-капиталистовъ, но каждый является одновременно и хозяиномъ и рабочимъ. Каждый получаетъ въ теченіе года обычную заработную плату, весь же чистый доходъ предпріятія, остающійся за покрытіемъ всѣхъ расходовъ (въ томъ числѣ и на заработную плату), распредѣляется слѣдующимъ образомъ: одна пятая идетъ въ недѣлимый капиталъ ассоціаціи, остальная же доля частью распредѣляется между членами ассоціаціи пропорціонально труду каждаго, частью же идетъ на цѣли взаимопомощи. Недѣлимый капиталъ ассоціаціи, долженствующій такимъ образомъ механически возрастать съ каждымъ годомъ, не можетъ быть раздѣленъ между членами ассоціаціи и не выдается никому изъ послѣднихъ при ихъ уходѣ изъ ассо-

ціаціи. Онъ принадлежитъ ассоціаціи въ ея цѣломъ и долженъ итти на расширеніе общаго дѣла. Ассоціація не можетъ пользоваться болѣе года работой по найму постороннихъ рабочихъ; по истеченіи годового срока она обязана вводить этихъ рабочихъ въ среду своихъ полноправныхъ членовъ, если только имѣется надобность въ ихъ работѣ.

Образованію недѣлимаго «соціальнаго» капитала Бюше придавалъ особое значеніе: только благодаря такому самовозрастающему фонду принципъ ассоціаціи можетъ восторжествовать надъ своекорыстными интересами ея членовъ, и вся организація пріобрѣтаетъ устойчивость и возрастающую экономическую силу.

Капиталъ, необходимый для устройства такихъ ассоціацій, могъ бы быть полученъ, по представленію Бюше, или отъ государства или же отъ частныхъ лицъ, сочувствующихъ идеѣ ассоціаціи. Въ концѣ-концовъ ассоціація должна охватить всѣхъ рабочихъ той же профессіи, живущихъ въ томъ же районѣ, но это должно явиться результатомъ роста ассоціаціи, а не началомъ всего дѣла. Ассоціаціи должны возникать первоначально независимо одна отъ другой, совершенно добровольно и безъ всякаго принужденія со стороны общественной власти. Ихъ собственный успѣхъ долженъ привести къ тому, что онѣ станутъ господствующей формой хозяйства и вытѣснятъ капиталистическія предпріятія въ современномъ обществѣ.

Этотъ планъ устройства производительной ассоціаціи обратилъ на себя большое вниманіе французскихъ рабочихъ, и скоро начались попытки его осуществленія. Первой ассоціаціей, возникшей по плану Бюше, была небольшая ассоціація рабочихъ ювелирнаго дѣла. Но особое значеніе идеи Бюше получили послѣ революціи 1848 г., когда революціонное правительство ассигновало капиталъ въ 3 милліона фр. на поддержку производительныхъ ассоціацій. Декретъ объ этомъ ассигнованіи былъ принятъ Національнымъ собраніемъ единогласно и даже безъ преній, но отнюдь не потому, чтобы всѣ члены Національнаго собранія были убѣждены въ спасительности производительныхъ ассоціацій. Наоборотъ, большинство депутатовъ относилось къ этой идеѣ съ рѣшительной враждебностью, но не считало возможнымъ противиться желаніямъ парижскихъ рабочихъ; нѣкоторые же депутаты руководились мотивомъ, который былъ выраженъ Тьеромъ, сказавшимъ докладчи-

ку законопроекта: «Слѣдовало бы попросить объ ассигновкѣ не въ три, а въ двадцать мил. фр. Да, мы бы дали вамъ двадцать милліоновъ, и это была бы не слишкомъ большая плата за убѣдительный опытъ, который излѣчилъ бы васъ всѣхъ отъ этого грандіознаго безумія».

Впрочемъ, что касается послѣдователей Бюше, то они были скромнѣе правительства и опасались, что слишкомъ щедрая помощь государства поведетъ къ основанію несолидныхъ ассоціацій, и Тьеръ окажется правъ. «Лучше было бы,—писали они въ своемъ органѣ,—чтобы въ годъ было издержано для данной цѣли сто тыс. фр., лучше было бы поддержать одну или двѣ ассоціаціи, чѣмъ дать поводъ для враговъ освобожденія рабочаго кричать о невозможности рабочихъ ассоціацій».

Въ сороковые годы прошлаго вѣка среди рабочаго класса Франціи шла борьба между двумя теченіями: одно, примыкавшее къ Бюше, стояло на принципѣ добровольности ассоціацій и опасалось слишкомъ легкаго возникновенія ихъ на государственныя средства; другое, во главѣ котораго былъ Луи Бланъ, отрицало возможность развитія производительныхъ ассоціацій безъ помощи государства и настаивало на государственной организаціи ассоціацій среди рабочихъ. Первое теченіе защищало кооперацію, второе—соціализмъ. Споръ по существу вращался вокругъ тѣхъ же идей, какъ и болѣе поздній споръ Лассаля и Шульце-Делича.

Для распредѣленія ссудъ былъ образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія и торговли. Комитетъ выработалъ нормальный уставъ для производительныхъ ассоціацій, имѣющихъ право на полученіе государственной поддержки. Уставъ этотъ былъ составленъ почти во всемъ согласно идеямъ Бюше, вплоть до образованія недѣлимаго «соціальнаго» капитала. Комитетъ былъ заваленъ просьбами о ссудахъ для возникавшихъ ассоціацій. Всего было подано около 600 такихъ просьбъ, при чемъ общее число членовъ предполагавшихся ассоціацій должно было достигать свыше 60 тыс. Одна ассоціація портныхъ Парижа должна была включать 30 тыс. членовъ,—всѣхъ лицъ, занятыхъ этимъ промысломъ въ городѣ.

Точныхъ данныхъ о распредѣленіи ассигнованной суммы между различными ассоціаціями не имѣется. Извѣстно только о полученіи правительственной ссуды 32 ассоціаціями Парижа и 29—

провинціи. Огромное большинство просьбъ о ссудѣ осталось, какъ видно, безъ удовлетворенія.

Очень немногія изъ ассоціацій, получившихъ ссуду, не распались въ теченіе ближайшихъ же лѣтъ. Тѣ, которыя сохранились, въ большинствѣ превратились въ капиталистическія товарищества.

Кромѣ ассоціацій, учреждавшихся при непосредственной поддержкѣ государства, въ концѣ сороковыхъ годовъ во Франціи возникло безъ правительственной помощи нѣсколько десятковъ производительныхъ ассоціацій, судьба которыхъ была приблизительно такая же.

Затѣмъ, во Франціи была новая вспышка артельнаго движенія въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, благодаря тому, что богатый благотворитель Рампаль завѣщалъ городу Парижу капиталъ въ 1.400.000 фр. для поддержки производительныхъ ассоціацій. Изъ этого капитала было выдано до 1901 г. 127 отдѣльныхъ ссудъ, значительная часть которыхъ пропала безвозвратно. Большихъ практическихъ результатовъ въ смыслѣ развитія производительныхъ ассоціацій это пожертвованіе не имѣло.

II.

Производительныя артели были той формой коопераціи, къ которой вожди соціалистическаго движенія относились въ теченіе долгаго времени съ совершенно исключительной симпатіей. Точнѣе говоря, только производительная артель среди различныхъ кооперативныхъ организацій и встрѣчала сочувствіе со стороны создателей современнаго соціализма.

И это относится не только къ болѣе раннимъ представителямъ соціализма въ его утопической формѣ, но и къ Марксу съ его ближайшими послѣдователями. Такъ, «Интернаціональная ассоціація рабочихъ» въ своемъ вступительномъ воззваніи, составленномъ Марксомъ и принятомъ на митингѣ рабочихъ въ Лондонѣ 28-го сентября 1864 г., говоритъ по поводу производительныхъ артелей слѣдующее: «Высокая цѣнность этого соціальнаго эксперимента не можетъ быть преувеличена. Фактами, вмѣсто аргументовъ, доказываютъ производительныя ассоціаціи, что производство въ крупныхъ размѣрахъ и въ соотвѣтствіи съ успѣ-

хами современнаго знанія можетъ совершаться безъ участія хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ; что средства производства, для того чтобы приносить свои плоды, отнюдь не должны быть неизбѣжно монополизированы, какъ средство господства надъ рабочими и эксплоатаціи ихъ, во вредъ труду, и что какъ рабскій трудъ, какъ крѣпостное право, такъ и наемный трудъ, являются лишь преходящими общественными формами, обреченными на исчезновеніе при появленіи ассоціированнаго труда, исполняющаго свое дѣло добровольно, съ бодрымъ сердцемъ и полной энергіей. Въ Англіи сѣмена кооперативной системы были посѣяны Робертомъ Оуэномъ; рабочіе эксперименты на континентѣ были фактически практическимъ результатомъ теорій, которыя въ 1848 г. не были впервые открыты, но только были во всеуслышаніе провозглашены».

Не менѣе энергично подчеркивала значеніе производительной артели и извѣстная резолюція женевскаго конгресса «Интернаціонали», спеціально посвященная коопераціи. Резолюція эта признавала необходимымъ объединеніе отдѣльныхъ производительныхъ артелей, но предостерегала рабочихъ отъ увлеченія «доктринерскими системами коопераціи». Значеніе коопераціи резолюція усматривала въ томъ, что кооперація «доказала на практикѣ возможность замѣны существующей губительной и деспотической системы подчиненія труда капиталу благодѣтельной и республиканской системой ассоціаціи свободныхъ и равныхъ производителей». Однако, «Интернаціональ» не предавалась иллюзіи относительно возможности для артели преобразовать капиталистическій хозяйственный строй. Напротивъ, по мнѣнію «Интернаціонали», преобразованіе современнаго общества могло совершиться только путемъ измѣненія всѣхъ его основъ, для чего требуется, прежде всего, чтобы политическая власть перешла пролетаріату. Кооперація же можетъ играть при этомъ лишь второстепенную роль.

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ видовъ коопераціи, резолюція заканчивается слѣдующимъ призывомъ къ рабочимъ: «Мы совѣтуемъ рабочимъ обратить бо́льшее вниманіе на кооперативное производство, чѣмъ на кооперативныя лавки (потребительныя общества). Эти послѣднія задѣваютъ лишь поверхность современной хозяйственной системы, въ то время какъ кооперативное производство затрогиваетъ самыя ея основы. Мы совѣтуемъ всѣмъ

кооперативнымъ обществамъ часть ихъ дохода обращать въ фондъ для пропаганды, совѣтуемъ распространять ихъ основные принципы какъ путемъ примѣровъ, такъ и практическихъ указаній, иными словами, путемъ новыхъ предпріятій кооперативнаго производства. Чтобы помѣшать превращенію кооперативныхъ обществъ въ обычныя буржуазныя коммандитныя товарищества, всѣ рабочіе кооперативовъ должны имѣть равныя права, все равно, состоятъ ли они пайщиками или нѣтъ. Какъ переходную мѣру, мы можемъ допустить, чтобы пайщики получали небольшой процентъ на свой пай».

Вопросъ о производительныхъ артеляхъ привлекалъ усиленное вниманіе и послѣдующихъ конгрессовъ «Интернаціонали». Такъ, на лозаннскомъ конгрессѣ былъ поднятъ вопросъ о мѣрахъ содѣйствія развитію кооперативнаго производства. Въ этихъ видахъ конгрессъ совѣтовалъ рабочимъ союзамъ «помѣщать ихъ фонды въ производительныя товарищества, какъ лучшее средство для извлеченія этихъ фондовъ изъ рукъ буржуазіи и правительства и использованія ихъ для освобожденія рабочаго класса». Въ концѣ концовъ это должно было повести, по мнѣнію конгресса, къ созданію широко организованнаго національнаго кредита производительнымъ товариществамъ.

Но «Интернаціональ» не довольствовалась теоретической защитой производительныхъ артелей. Она пыталась и сама создавать артели черезъ посредство своихъ секцій въ разныхъ странахъ. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что производительныя артели были единственнымъ видомъ коопераціи, встрѣчавшимъ горячее сочувствіе со стороны «Интернаціонали».

Такое отношеніе къ производительнымъ ассоціаціямъ Марксъ сохранилъ до конца. Такъ, въ III томѣ «Капитала» мы находимъ по данному вопросу слѣдующія характерныя соображенія:

«Кооперативныя фабрики самихъ рабочихъ представляютъ въ предѣлахъ старыхъ формъ первую брешь въ старыхъ формахъ, хотя онѣ, конечно, повсюду по своей дѣйствительной организаціи воспроизводятъ и принуждены воспроизводить всѣ недостатки существующей системы. Но противоположность между капиталомъ и трудомъ въ нихъ утрачивается, хотя вначалѣ въ такой формѣ, что рабочіе, какъ ассоціація, представляются своимъ собственнымъ капиталистомъ, т.-е. употребляютъ средства производства

для увеличенія цѣнности своего собственнаго труда. Онъ показываетъ, какимъ образомъ на извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ и соотвѣтственныхъ имъ формъ общественнаго производства изъ одного способа производства естественно развивается и вырабатывается новый способъ производства. Кооперативная фабрика не могла бы развиться иначе, какъ изъ фабричной системы, возникшей изъ капиталистическаго способа производства, и безъ кредита, возникающаго изъ него же. Кредитъ, образуя существеннѣйшее основаніе для постепеннаго превращенія капиталистическихъ единичныхъ предпріятій въ капиталистическія акціонерныя общества, оказывается точно такъ же средствомъ постепеннаго расширенія кооперативныхъ предпріятій до болѣе или менѣе національныхъ размѣровъ. На капиталистическія акціонерныя предпріятія точно такъ же, какъ и на кооперативныя фабрики, надо смотрѣть, какъ на переходныя формы отъ капиталистическаго способа производства къ обобществленному, только въ одномъ случаѣ противоположность уничтожается отрицательно, а въ другомъ положительно».

Знаменитый споръ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка между Шульце-Деличемъ и Лассалемъ вращался вокругъ вопроса о томъ, какимъ образомъ рабочій классъ Германіи можетъ скорѣе всего притти къ созданію производительныхъ артелей. Что касается Шульце, то этотъ выдающійся дѣятель германскаго кооперативнаго движенія выступилъ на историческую арену горячимъ поклонникомъ артельной идеи; онъ вырабатываетъ своеобразную теорію естественнаго хода развитія коопераціи, теорію, въ которой производительной артели принадлежитъ роль вѣнца всего кооперативнаго зданія.

Кооперативное движеніе, думалъ Шульце, когда его теорія окончательно сложилась, естественно начинается съ кредитныхъ кооперативовъ и потребительныхъ обществъ. Значеніе этой первой ступени кооперативнаго движенія заключается въ томъ, что при помощи кредитныхъ кооперативовъ и потребительныхъ обществъ мелкіе производители и фабричные рабочіе накапливаютъ въ своихъ рукахъ нѣкоторыя сбереженія, которыя должны дать имъ возможность перейти ко второй ступени коопераціи, каковой являются сырьевыя и магазинныя товарищества—кооперативы по закупкѣ и сбыту. Эти товарищества представляютъ собой коопера-

тивы уже болѣе сложнаго состава и должны въ еще большей степени увеличивать достатки своихъ членовъ, пріучая ихъ въ то же время къ самостоятельному руководительству сложнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ и знакомя съ торговыми операціями. По достиженіи извѣстнаго уровня кооперативнаго воспитанія и накопленіи достаточнаго капитала участники этихъ кооперативовъ могутъ перейти къ заключительной, высшей формѣ кооперацін—производительнымъ ассоціаціямъ.

Производительная ассоціація казалась Шульце не только высшей формой кооперации, но и такой, по достиженіи которой исчезаетъ потребность въ кооперативахъ низшихъ ступеней. Только производительная артель, по мнѣнію Шульце, можетъ преодолѣть кризисъ мелкой промышленности, ремесла, вызванный ростомъ капиталистической фабрики. Только производительная ассоціація можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ фабрикой и успѣшно бороться съ пролетаризацией ремесленниковъ.

«Въ производительной ассоціаціи,—говорилъ Шульце,—мы привѣтствуемъ завершеніе всей системы. Въ то время какъ ассоціаціи первыхъ ступеней обезпечиваютъ своимъ сочленамъ въ ихъ мелкихъ предпріятіяхъ и домашнемъ хозяйствѣ выгоды крупнаго капитала только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, производительныя ассоціаціи даютъ возможность своимъ членамъ создать крупное предпріятіе со всѣми выгодами новыхъ пріемовъ хозяйства и такимъ образомъ заполнить пропасть, которая теперь отдѣляетъ рабочихъ и мелкихъ мастеровъ отъ класса крупныхъ предпринимателей».

Производительныя ассоціаціи не только превращаютъ своихъ членовъ въ самостоятельныхъ участниковъ крупнаго предпріятія, но и повышаютъ уровень заработной платы рабочихъ, находящихся внѣ ихъ: капиталистъ принужденъ уплачивать своимъ рабочимъ ту плату, которую они могли бы получить, основавъ производительную ассоціацію, такъ какъ въ противоположномъ случаѣ рабочіе бросятъ работу по найму и организуютъ самостоятельную ассоціацію.

Благодаря росту ассоціацій, заработная плата въ капиталистическихъ предпріятіяхъ должна будетъ въ концѣ-концовъ принять ту форму, которая единственно соотвѣтствуетъ интересамъ «справедливости и гуманности»,—форму участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія.

выгоды такого порядка вещей почувствуетъ все общество. Предприниматели выиграютъ, благодаря повышенію производительности труда. Затѣмъ, общество выиграетъ, «благодаря сохраненію и укрѣпленію здоровыхъ среднихъ классовъ, этихъ незамѣнимыхъ носителей здраваго, какъ политическаго, такъ и соціальнаго, духовнаго и матеріальнаго развитія». Будетъ положенъ предѣлъ росту мамонизма и пауперизма, бичей современнаго общества.

Однако Шульце рѣшительно протестуетъ противъ мысли, что ассоціаціи вытѣснятъ капиталистическія предпріятія. «Никто не можетъ отрицать значенія капитала и интеллигентности, если и тѣмъ, и другимъ въ достаточной мѣрѣ обладаетъ отдѣльное лицо. Устройство промышленнаго предпріятія такимъ лицомъ во всякомъ случаѣ легче осуществимо, чѣмъ организація удачной ассоціаціи. И, безъ сомнѣнія, такой предприниматель, даже если въ той же отрасли промышленности имѣются ассоціаціи, не встрѣтитъ труда въ пріискании рабочихъ, которые признаютъ для себя выгоднѣе, вмѣсто того, чтобы брать на себя рискъ участія въ ассоціаціи, работать по найму, въ особенности, если отношенія наемнаго труда будутъ регулированы указаннымъ способомъ».

Поэтому неудивительно, что Шульце признавалъ планы общественнаго преобразованія, предложенные Оуэномъ, «самой безсмысленной и радикальной системой, которую когда-либо зналъ свѣтъ». Излагая исторію кооперативнаго движенія въ Англіи, Шульце рисуетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто рабочій классъ Англіи, убѣдившись въ безполезности рабочихъ союзовъ и во вредѣ стачекъ, пришелъ къ мысли, что единственное средство улучшенія его участи заключается въ устройствѣ производительныхъ ассоціацій. «Производительная ассоціація есть только дальнѣйшее развитіе тредъ-юніона», заявляетъ онъ категорически.

Производительная ассоціація объединила, по мнѣнію Шульце, англійское рабочее движеніе, которое раньше выражалось въ другихъ формахъ: трэдъ-юніонахъ и потребительныхъ обществахъ. Что касается французскаго рабочаго движенія, то въ немъ Шульце не видитъ ничего, кромѣ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ устройства производительныхъ ассоціацій.

Итакъ, производительная артель—вотъ къ чему должны стремиться трудящіяся массы, чтобы прочнымъ образомъ улучшить

свое экономическое положеніе. Но производительная артель, являясь самымъ сложнымъ видомъ коопераціи, можетъ возникнуть только въ результатѣ долгой кооперативной эволюціи, послѣ многихъ лѣтъ кооперативнаго воспитанія населенія. Пока массы этого воспитанія еще не получили, не слѣдуетъ и мечтать объ артеляхъ— преждевременныя попытки созданія артелей могутъ только скомпрометировать самую идею коопераціи. Въ особенности нежелательны и опасны попытки насажденія артелей сверху, при поддержкѣ государственной власти, такъ какъ кооперація, основанная на поддержкѣ извнѣ, нежизнеспособна и неминуемо должна привести къ крушенію всего дѣла, какъ бы ни была щедра эта поддержка.

Такова была точка зрѣнія того, кого съ полнымъ правомъ считаютъ отцомъ германской коопераціи. Противникомъ его выступилъ блестящій ораторъ и мыслитель, Фердинандъ Лассаль.

Лассаль рѣшительно отрицалъ, чтобы кооперативы, которые явились въ дѣйствительной жизни результатомъ дѣятельности Шульце, могли имѣть какое бы то ни было значеніе по отношенію къ улучшенію положенія фабричнаго пролетаріата. «Что касается сырьевыхъ товариществъ и ссудо-сберегательныхъ,—писалъ онъ,— то обѣ эти формы хозяйственныхъ организацій существуютъ лишь для тѣхъ, кто ведетъ предпріятіе за свой собственный счетъ, т.-е. для ремесленнаго класса. Для рабочаго класса въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. для рабочихъ, занятыхъ въ крупномъ фабричномъ производствѣ, не имѣющихъ собственнаго предпріятія, эти формы совсѣмъ не существуютъ». Но и по отношенію къ ремесленникамъ кооперативы этого рода, по мнѣнію Лассаля, большого значенія имѣть не могутъ. «Они могутъ только продлить безнадежную борьбу, которую мелкая промышленность ведетъ съ крупной, и тѣмъ увеличить муки этой борьбы, задержать безъ всякой пользы поступательный ходъ развитія. Таковъ единственный ихъ результатъ по отношенію къ классу ремесленниковъ, между тѣмъ какъ класса рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, они совсѣмъ не затрогиваютъ».

Потребительныя общества также ничего не могутъ сдѣлать для рабочихъ, ибо заработная плата, въ силу «желѣзнаго закона», никогда не можетъ подняться на продолжительное время выше уровня, строго необходимаго для жизни. Если потребительныя общества не имѣютъ большого распространенія, то они могутъ помочь своимъ

членамъ изъ числа рабочихъ классовъ, удержавъ въ свою пользу прибыль мелкаго лавочника. Но если потребительныя общества получаютъ значительное распространеніе и въ составъ ихъ начинаютъ входить значительныя массы рабочаго класса, заработная плата соотвѣтственно падаетъ, и всѣ выгоды пріобрѣтенія рабочими предметовъ потребленія по болѣе дешевымъ цѣнамъ достаются предпринимателямъ.

Однако Лассаль отнюдь не хотѣлъ этимъ сказать, что кооперація ничего не можетъ дать рабочему классу. Наоборотъ, именно въ коопераціи онъ и видѣлъ выходъ для рабочаго изъ капиталистическаго хозяйства. Но единственной формой коопераціи, преобразующей самую основу капитализма, Лассаль признавалъ производительную артель.

Производительная ассоціація не можетъ явиться результатомъ долгой эволюціи другихъ кооперативныхъ формъ, такъ какъ эти формы существеннаго значенія для рабочаго класса имѣть не могутъ. Съ другой стороны, производительныя ассоціаціи не могутъ быть создаваемы рабочими собственными усиліями, такъ какъ, чтобы имѣть успѣхъ, онѣ должны располагать значительными капиталами, которые никакъ не могутъ быть накоплены рабочими, заработная плата которыхъ не можетъ подняться надъ уровнемъ голаго существованія. Значитъ, производительныя ассоціаціи могутъ возникать лишь при помощи извнѣ, со стороны государства. Рабочіе составляютъ большинство населенія и потому они могутъ потребовать отъ государственной власти, чтобы она взяла въ свои руки образованіе производительныхъ ассоціацій. На это государство должно единовременно ассигновать достаточно крупную сумму, такъ какъ дѣло можетъ удаться лишь въ томъ случаѣ, если оно будетъ ведено въ крупномъ масштабѣ. Пруссія могла бы, напр., ассигновать 100 милліоновъ талеровъ для устройства производительныхъ ассоціацій и этимъ сдѣлала бы рѣшительный шагъ на пути къ превращенію современнаго капиталистическаго хозяйства въ новый хозяйственный строй, въ которомъ производство перейдетъ въ руки связанныхъ между собой производительныхъ ассоціацій. Но все это станетъ возможно лишь тогда, когда рабочій классъ получитъ возможность вліять на законодательство страны. Для этого же, въ свою очередь, прежде всего требуется, чтобы рабочіе завоевали всеобщее избирательное право.

Таковъ былъ ходъ мыслей Лассаля, приведшій его къ рѣзкому полемическому столкновенію съ Шульце. Каждый изъ обоихъ противниковъ одержалъ въ своей области побѣду: Шульце на долгое время подчинилъ своимъ идеямъ кооперативное движеніе Германіи, а Лассаль явился отцомъ политической партіи германскихъ рабочихъ—соціалъ-демократіи. Но характерно, что оба противника въ равной мѣрѣ видѣли въ производительной артели заключительное звено общественнаго развитія.

III.

Эти исключительныя симпатіи теоретиковъ и общественныхъ дѣятелей идеѣ производительной артели должны были бы, казалось, привести эту форму кооперации къ особенно быстрому росту. Что же намъ показала жизнь? Исключительно быстрый ростъ артелей? Ни малѣйшимъ образомъ. Именно этотъ видъ кооперации получилъ на практикѣ наименьшее распространеніе. Совсѣмъ недавно знаменитое «Фабіанское общество» въ Англіи предприняло изслѣдованіе вопроса о производительной кооперации. Въ результатѣ изслѣдованія получился напечатанный въ 1914 г. докладъ лучшихъ знатоковъ рабочаго движенія въ Англіи С. и Б. Веббъ, пришедшихъ по вопросу объ успѣшности артельнаго движенія къ слѣдующему заключенію:

«Если мы попробуемъ обозрѣть три четверти столѣтія упорнаго и воодушевленнаго труда, который былъ затраченъ въ полудюжинѣ различныхъ странъ по созданію ассоціацій производителей, владѣющихъ своими средствами производства и управляющихъ своимъ промышленнымъ предпріятіемъ, то нельзя не вынести чувства разочарованія. Ни въ одной изъ странъ не существуетъ болѣе сотенъ такихъ ассоціацій изъ тысячъ, которыя возникали; и большинство изъ этихъ ассоціацій все еще съ трудомъ борется за свое существованіе. Къ тому же эти ассоціаціи въ большинствѣ случаевъ наблюдались въ тѣхъ родахъ промышленности, которые допускаютъ производство въ небольшихъ размѣрахъ; и онѣ ни въ одномъ случаѣ не охватываютъ большого числа рабочихъ или значительнаго капитала. Затѣмъ, тѣ изъ такихъ обществъ, которыя имѣли сколько-нибудь значительный экономическій успѣхъ или достигли болѣе значительныхъ размѣровъ, существенно укло-

нились, въ большинствѣ случаевъ отъ типа самоуправляющейся мастерской, — и это въ такой мѣрѣ, что можно, не удаляясь отъ истины, утверждать, что шансы успѣха такого общества тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше оно отъ типа самоуправляющейся мастерской!»

Этотъ неуспѣхъ, продолжаютъ С. и Б. Веббъ, тѣмъ поразительнѣе, что именно производительныя артели привлекали къ себѣ всего болѣе симпатій и поддержки не только со стороны идейныхъ вождей рабочаго движенія, но и со стороны правительства и общественныхъ учрежденій. «Поскольку дѣло идетъ о хозяйственной и интеллектуальной поддержкѣ другихъ общественныхъ классовъ,— читаемъ въ томъ же отчетѣ,—ассоціаціи производителей во всѣхъ странахъ находили гораздо болѣе поддержки и поощренія, чѣмъ ассоціаціи потребителей. Точно такъ же онѣ пользовались—по крайней мѣрѣ, во Франціи и Италіи—гораздо большей поддержкой и правительства. Въ Великобританіи, гдѣ правительство не оказывало помощи никакой формѣ кооперации, ассоціаціи производителей находили себѣ защиту и опору у вліятельныхъ людей промышленнаго и политическаго міра, точно такъ же какъ и въ прессѣ. Наконецъ, эти ассоціаціи производителей постоянно пользовались особой симпатіей, поощреніемъ и помощью столь вліятельныхъ организацій рабочаго класса, какъ рабочіе союзы».

И все это ни привело ни къ какимъ сколько-нибудь замѣтнымъ практическимъ результатамъ. Производительныя артели, въ чистомъ видѣ, представляютъ собой нѣчто до послѣдней степени рѣдкое и исключительное среди различныхъ экономическихъ организацій нашего времени. Достаточно указать, что вполнѣ компетентные авторы названнаго доклада Фабіанскаго общества находятъ въ Великобританіи всего *одну* производительную артель чистаго трудового типа, т.-е. такой кооперативъ, всѣ рабочіе котораго являются въ равной мѣрѣ собственниками предпріятія и изготавливаемаго ими продукта.

Эта *единственная* производительная артель Великобританіи представляетъ собой небольшую бумаготкацкую фабрику въ Нельсонѣ (въ Ланкаширѣ), существующую съ 1888 г. и возникшую послѣ неудачной стачки рабочихъ. Капиталъ этой фабрики равняется 4.355 ф. с.—рабочихъ на ней 116, изъ которыхъ полноправными членами артели состоитъ около половины, а остальные рабочіе -

женщины и малолѣтніе, принадлежащіе въ большинствѣ къ семьямъ членовъ артели.

Что же даетъ рабочимъ эта фабрика, столь исключительная по своему устройству? Судя по имѣющимся даннымъ, рабочіе отъ своеобразнаго строя своей фабрики выигрываютъ въ экономическомъ отношеніи весьма мало—они получаютъ за свой трудъ лишь обычную нормальную (трэдъ-юніонистскую) заработную плату, безъ всякихъ прибавокъ. Капиталъ, который эта артель накопила за четверть вѣка своего существованія, очень невеликъ, она сильно задолжена, въ техническомъ отношеніи оборудованіе фабрики стоитъ невысоко, и обороты ея въ теченіе ряда лѣтъ остаются стаціонарными.

Продолжительность рабочаго дня на ней, какъ сообщаетъ Губеръ, авторъ цѣнной монографіи о британской производительной коопераціи «Kapital und Vewaltungsbeteiligung der Arbeiter in den britischen Produktivgenossenchaften», равняется $9^1/_2$ часовъ, т.-е. какъ и на большинствѣ обычныхъ капиталистическихъ фабрикъ. Правда, рабочіе этой фабрики имѣютъ то преимущество, что они сами хозяева въ своемъ дѣлѣ—это можетъ давать имъ извѣстное самоудовлетвореніе, но и только—никакихъ реальныхъ экономическихъ выгодъ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, артельная организація рабочимъ не дала.

Итакъ, въ Англіи, родинѣ пролетарской коопераціи, существуетъ одна единственная производительная артель чистаго трудового типа. Въ Германіи дѣло обстоитъ еще хуже. Въ настоящее время въ Германіи нѣтъ ни одной производительной артели трудового типа. Еще недавно существовала такая артель—башмачниковъ въ Штраусбергѣ, но какъ сообщаетъ Вейль въ монографіи «Die gewerblichen Produktivgenossenchaften in Deutschland», она уже утратила свой чистый трудовой типъ и не можетъ считаться въ строгомъ смыслѣ производительной артелью.

Классической страной производительныхъ артелей обыкновенно принимаютъ Францію. Дѣйствительно, ни въ одной странѣ идея производительныхъ артелей не встрѣчала такой симпатіи и, что важнѣе, дѣятельной поддержки со стороны общественныхъ круговъ и даже правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, какъ во Франціи. Но результатъ всѣхъ этихъ усилій въ теченіе многихъ десятилѣтій оказался до послѣдней степени скуднымъ. Правда,

во Франціи насчитываютъ болѣе сотни производительныхъ артелей. Но, во-первыхъ, очень немногія изъ нихъ имѣютъ чистый трудовой характеръ; во-вторыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ это очень небольшія предпріятія, съ небольшимъ числомъ членовъ и небольшимъ капиталомъ; въ-третьихъ, онѣ существуютъ, въ большинствѣ случаевъ, только благодаря дѣятельной поддержкѣ ихъ со стороны или правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, снабжающихъ ихъ заказами и отчасти капиталами, или отдѣльныхъ частныхъ лицъ, сочувствующихъ идеѣ производительной артели. Знаменитый «Рабочій стекольный заводъ въ Альби», о которомъ будетъ рѣчь ниже, не является производительной артелью чистаго типа.

Единственнымъ примѣромъ успѣшныхъ производительныхъ артелей чистаго трудового типа, крупныхъ размѣровъ и существующихъ безъ посторонней поддержки, являются земледѣльческія артели Италіи, на которыхъ поэтому нужно остановиться.

Артели эти возникли весьма своеобразно въ итальянской провинціи Реджіо-Эмиліи. Въ провинціи этой преобладаетъ крупное землевладѣніе, при чемъ число земледѣльческихъ рабочихъ превышало за послѣднее время спросъ на нихъ со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Слѣдствіемъ этого явились безработица и ухудшеніе условій заработка, что, въ свою очередь, повело къ образованію среди земледѣльческихъ рабочихъ союзовъ, начавшихъ борьбу за улучшеніе условій труда. Союзы эти поставили себѣ цѣлью добиться такого распредѣленія труда между отдѣльными рабочими, при которомъ всѣ рабочіе находили бы себѣ занятіе, хотя бы и работая неполное время. Чтобы доставить занятія своимъ безработнымъ членамъ, союзы пришли къ мысли организовать на арендуемой землѣ земледѣльческія артели.

Эта мысль была приведена въ исполненіе, и такимъ образомъ возникли знаменитыя итальянскія земледѣльческія артели, тѣсно связанныя съ союзами земледѣльческихъ рабочихъ и съ политической партіей итальянскихъ соціалистовъ.

Устройство этихъ артелей слѣдующее. Артель ведетъ общее хозяйство на арендуемой землѣ, сообща пріобрѣтаетъ весь необходимый инвентарь и продаетъ изготовленные продукты. Каждый вновь поступающій членъ артели вноситъ небольшую вступную плату (обычно 1 лиру) и пріобрѣтаетъ извѣстное число паевъ, вы-

сота которыхъ обычно не превышаетъ 10—12 лиръ. Денежный остатокъ въ концѣ года, за вычетомъ отчисленій въ запасный капиталъ, распредѣляется между пайщиками пропорціонально числу паевъ.

Всѣ работы на арендуемомъ участкѣ производятся сообща артелью, во главѣ которой стоятъ избираемые ею правленіе и совѣтъ. Правленіе избираетъ директора и другихъ должностныхъ лицъ артели, при чемъ обычно директоромъ является предсѣдатель правленія.

Члены артели получаютъ заработную плату, которая обычно не отличается отъ средней платы земледѣльческихъ рабочихъ въ данномъ районѣ.

Чтобы понять внутренній смыслъ всей этой организаціи, нужно помнить, что она возникла путемъ своеобразнаго развитія союзовъ земледѣльческихъ рабочихъ, стремившихся тѣмъ или другимъ способомъ обезпечить своимъ членамъ достаточный заработокъ. Поэтому неудивительно, что члены такой артели одновременно состоятъ и членами мѣстнаго рабочаго союза. Далеко не всѣ члены артели работаютъ одновременно на арендуемомъ ею земельномъ участкѣ: если для нихъ занятія на этомъ участкѣ не находится, то они работаютъ на сторонѣ какъ обычные наемные рабочіе.

По словамъ г. Христіана, организаціи эти возникли «какъ дополненіе къ работѣ профессіональныхъ организацій, и это особое условіе необходимо имѣть въ виду для оцѣнки достигнутыхъ ими результатовъ. Коллективная аренда позволяетъ профессіональной организаціи давать работу тѣмъ членамъ, которые не находятъ мѣста на частновладѣльческихъ земляхъ, или находятъ слишкомъ кратковременную работу. Во-вторыхъ, они могутъ давать работу той части рабочихъ, которые не могутъ претендовать на полученіе установленной организаціями оплаты,—старикамъ, женщинамъ. И такимъ путемъ сохраняютъ на извѣстномъ уровнѣ заработную плату» («Вѣстникъ Коопераціи», 1914, I).

Такихъ своеобразныхъ земледѣльческихъ артелей возникло въ Италіи 82, изъ которыхъ 79 имѣютъ 21.644 члена и 525.957 лиръ основного капитала, и 8.168 гект. арендованной земли. Сопоставляя число членовъ этихъ артелей съ площадью арендуемой земли (почти 3 члена на 1 гектаръ), легко видѣть, что рабочая сила артельщиковъ только въ ничтожной мѣрѣ используется артелью. Какъ общее правило, на арендуемомъ участкѣ находятъ себѣ временное

занятіе только тѣ члены, которые по той или иной причинѣ остаются безъ работы въ обычныхъ капиталистическихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ.

Изъ всего этого видно, что земледѣльческія артели Италіи отнюдь не могутъ считаться производительными артелями нормальнаго типа. Онѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія, какъ производительныя предпріятія, а преслѣдуютъ иную цѣль—предоставленія временнаго занятія тѣмъ изъ своихъ членовъ, кто потерялъ заработокъ въ капиталистическомъ предпріятіи. Онѣ тѣсно примыкаютъ къ рабочимъ союзамъ, одной изъ важнѣйшихъ задачъ которыхъ всегда является борьба съ безработицей своихъ членовъ. Какъ средство борьбы съ безработицей, артели эти должны быть признаны достигающими цѣли, и потому онѣ, въ общемъ, не только не падаютъ, но, повидимому, развиваются и растутъ. Но очень сомнительно, чтобы артели эти могли существовать, если бы работа въ нихъ была единственнымъ занятіемъ ихъ членовъ.

Такимъ образомъ, сравнительный успѣхъ итальянскихъ земледѣльческихъ артелей очень мало говоритъ въ пользу производительныхъ артелей вообще.

Въ Россіи, не взирая на многочисленныя попытки созданія производительныхъ артелей, имѣется, строго говоря, въ настоящее время только одна производительная артель крупныхъ размѣровъ, существующая настолько продолжительное время, что ее можно считать доказавшей свою жизнеспособность. Это—извѣстная ножевая артель въ селѣ Павловѣ, созданная и руководимая А. Г. Штанге. Возникла она въ 1893 г. при дѣятельной поддержкѣ со стороны различныхъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, а также и государства. Благодаря неусыпнымъ стараніямъ своего устроителя, артель получила заимообразно довольно крупный капиталъ. Такъ, отъ частныхъ лицъ она получила въ ссуду въ разное время не менѣе 50 т. р., а кромѣ того, отъ правительственныхъ учрежденій 55 т. р. Благодаря этому артель получила возможность выстроить обширный корпусъ съ паровыми двигателями и вообще поставить дѣло производства въ уровень современной техники.

Число постоянныхъ работниковъ этой артели, по сообщенію А. Г. Штанге на Первомъ Всероссійскомъ кооперативномъ съѣздѣ, достигало 277, при чемъ членовъ было 144, а не членовъ—133. Значительное количество рабочихъ не членовъ ни малѣйшихъ обра-

зомъ не препятствуетъ артели сохранять свой чистый трудовой типъ, такъ какъ, по словамъ г. Штанге, «наемные рабочіе находятся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ членами въ отношеніи заработной платы, прибыль же до сихъ поръ между членами не распредѣлялась (она поступала на погашеніе убытковъ прежнихъ лѣтъ). При такомъ равенствѣ и заработкѣ необходимость для членовъ вносить 5% заработной платы въ пай и служитъ главной причиной, почему работающіе въ артели не торопятся вступать въ члены, несмотря на то преимущество членовъ, что положеніе ихъ въ артели прочнѣе».

Рабочій день въ артели является обычнымъ въ заведеніяхъ этого рода—$10^1/_2$ час.

Подводя итогъ сказанному, мы должны признать, что производительныя артели чистаго трудового типа являются крайне рѣдкой формой производительной организаціи.

Врядъ ли число участниковъ производительныхъ артелей превосходятъ число участниковъ коммунистическихъ общинъ. Обѣ эти формы хозяйственныхъ организацій представляютъ собой въ современной хозяйственной жизни явленіе исключительное, представляя въ этомъ отношеніи разительный контрастъ съ другими кооперативными организаціями, развивающимися съ такой удивительной быстротой и пріобрѣтающими все большее и большее значеніе въ хозяйственномъ строѣ современности.

IV.

Въ чемъ же заключаются глубокія внутреннія причины неуспѣха производительныхъ артелей? Въ своемъ вышецитированномъ докладѣ Фабіанскому обществу С. и Б. Веббъ указываютъ три основныя причины этого неуспѣха: 1) недостатокъ дисциплины среди членовъ артелей; 2) недостатокъ знанія ими условій рынка, и 3) недостаточную быстроту производительныхъ ассоціацій въ измѣненіи техники производства.

Что касается первой причины, то она выражается въ томъ, что рабочіе, члены артели, чувствуя себя хозяевами дѣла, плохо слушаются лица, руководящаго дѣломъ. Руководитель, какъ общее правило, оказывается не въ силахъ справиться съ рабочими и

заставить ихъ подчиняться дисциплинѣ, необходимой для того, чтобы сложное хозяйственное дѣло имѣло успѣхъ. При обычныхъ условіяхъ капиталистическаго производства руководитель предпріятія всегда можетъ настоять на своемъ распоряженіи, такъ какъ въ его власти отказать рабочему отъ работы. Напротивъ, въ артели авторитетъ руководителя очень ограниченъ, такъ какъ этотъ руководитель выбранъ самими же рабочими изъ ихъ собственной среды и можетъ быть каждую минуту ими же смѣщенъ. Онъ долженъ быть популяренъ среди своихъ избирателей, чтобы оставаться у власти, и потому послѣдняя не можетъ не быть весьма незначительной.

Именно эта невозможность подчинить рабочихъ дисциплинѣ указывается очень часто, какъ причина крушенія производительныхъ артелей. Исторія рабочаго стекольнаго завода въ Альби, представляющаго собой типъ, значительно уклоняющійся отъ настоящей производительной артели, является яркой иллюстраціей того, какъ трудно заставить рабочихъ повиноваться руководителю, если только рабочіе сознаютъ себя господами положенія. Администрація этого завода оказалась совершенно не въ силахъ справиться съ рабочими, и лица, стоящія во главѣ ея, должны были уходить, благодаря нежеланію рабочихъ считаться съ распоряженіями выбранныхъ ими же руководителей.

Дѣло шло все хуже и хуже, пока не былъ измѣненъ тотъ параграфъ устава завода, согласно которому выборы административнаго персонала находились въ рукахъ занятыхъ на заводѣ рабочихъ. Только тогда, когда рабочіе утратили власть выбирать по своему усмотрѣнію администрацію завода, дѣла на заводѣ пошли лучше.

Вторая причина неуспѣха артелей, указываемая С. и Б. Веббъ, также приводитъ множество артелей къ гибели. Рабочій можетъ превосходно знать свое дѣло и въ то же время совершенно не обладать знаніями, необходимыми для руководителя предпріятіемъ. А вѣдь успѣхъ предпріятія зависитъ въ огромной мѣрѣ отъ знанія условій товарнаго рынка. Особенно важно въ этомъ отношеніи знаніе условій сбыта продуктовъ. Чтобы быть хорошимъ предпринимателемъ, даже и знанія рынка недостаточно, нужно обладать еще особымъ душевнымъ складомъ и особыми предпринимательскими талантами. А такъ какъ условія жизни и дѣятельности рабочаго ни малѣйшимъ образомъ не предрасполагаютъ его

къ пріобрѣтенію всѣхъ этихъ знаній и развитію соотвѣтствующихъ талантовъ, то естественно, что рабочая группа оказывается плохимъ предпринимателемъ, а это не можетъ не дѣйствовать самымъ губительнымъ образомъ на успѣхъ предпріятія.

Наконецъ, что касается третьей причины, то и ея значеніе громадно. Рабочій, привыкшій къ опредѣленнаго рода труду и достигшій въ немъ значительнаго искусства, естественно, не склоненъ переходить къ новымъ пріемамъ производства, въ которыхъ преимущества его пріобрѣтенныхъ навыковъ и знаній отпадаютъ. Если предпріятіе находится въ рукахъ капиталиста, то послѣдній не имѣетъ основаній уклоняться отъ измѣненія характера производственныхъ процессовъ, если такое измѣненіе обѣщаетъ предпріятію существенную выгоду. Напротивъ, рабочій склоненъ насколько возможно оставаться при прежнихъ пріемахъ производства, которые ему привычны, и только подъ давленіемъ крайней необходимости отказывается отъ нихъ и переходитъ къ новымъ пріемамъ.

Кромѣ того, артель встрѣчаетъ большія затрудненія при введеніи новыхъ машинъ, такъ какъ машины уменьшаютъ спросъ на трудъ, а артель не можетъ оставлять своихъ членовъ безъ работы, подобно тому какъ это дѣлаетъ капиталистическій предприниматель. Такъ, напр., на кооперативныхъ сапожныхъ и башмачныхъ фабрикахъ Лестера, которыя, не будучи артелями чистаго трудового типа, все же значительно приближаются къ таковымъ, замѣчается значительная отсталость въ техническомъ отношеніи именно по этой послѣдней причинѣ. Въ докладѣ С. и Б. Веббъ приводятъ характерный отзывъ одного изъ горячихъ сторонниковъ производительныхъ ассоціацій, который, описывая одну фабрику этого типа въ Лестерѣ, прибавляетъ: «теперь фабрика эта можетъ легко ввести новыя машины, такъ какъ пятеро изъ ея рабочихъ пайщиковъ умерло».

Легко понять, до какой степени затрудняется введеніе новыхъ машинъ, если для введенія ихъ приходится ждать смерти тѣхъ рабочихъ, трудъ которыхъ эти машины могутъ сдѣлать излишнимъ.

Къ этимъ тремъ причинамъ С. и Б. Веббъ сводятъ основные факторы неуспѣха производительныхъ артелей. Врядъ ли можно, однако, признать этотъ анализъ причинъ неуспѣха артелей достаточно глубокимъ и исчерпывающимъ. Онъ кажется довольно

неубѣдительнымъ, и вполнѣ естественно, что такой горячій сторонникъ артелей, какъ А. В. Меркуловъ, пришелъ, въ статьѣ въ «Вѣстникѣ Коопераціи», посвященной изложенію названнаю доклада, къ выводу, что серьезныхъ доводовъ противъ возможности успѣха артелей авторы доклада не привели. Этотъ выводъ напрашивается самъ собой, но напрасно А. В. Меркуловъ заключаетъ отсюда, что такихъ доводовъ и вообще не существуетъ, и что неудачи артелей зависятъ отъ внѣшнихъ причинъ, которыя могутъ быть въ будущемъ устранены.

Нѣтъ, причины неудачи производительныхъ артелей коренятся въ самомъ существѣ соціально-экономической природы послѣднихъ. Правда, факторы неудачи артелей, которые указываютъ Веббы, могутъ казаться чѣмъ-то несущественнымъ и внѣшнимъ. Такъ, напр., можетъ показаться очень неубѣдительнымъ указаніе Веббовъ, что артели не могутъ имѣть успѣха, благодаря незнакомству рабочихъ съ условіями товарнаго рынка и отсутствію въ ихъ средѣ предпринимательскихъ талантовъ. На это можно возразить ссылкой на успѣхъ другихъ кооперативовъ, возникающихъ въ той же соціальной средѣ или же въ средѣ, еще менѣе знакомой съ условіями рынка. Возьмемъ, напр., потребительскую лавку среди тѣхъ же фабричныхъ рабочихъ. Развѣ рабочіе знакомы съ условіями покупки нужныхъ имъ товаровъ? Ни малѣйшимъ образомъ. И однако же потребительныя лавки съ успѣхомъ конкурируютъ съ обычными капиталистическими лавками. Точно такъ же, развѣ крестьяне, устраивающіе кооперативъ по сбыту хлѣба или яицъ, обладаютъ нужными торговыми свѣдѣніями? И тѣмъ не менѣе никому не придетъ въ голову отрицать на этомъ основаніи возможность успѣха этихъ кооперативовъ, доказываемаго ежедневнымъ опытомъ.

Точно такъ же извѣстная дисциплина и готовность подчинять свои частные интересы и выгоды общимъ требуются не только отъ участниковъ производительныхъ артелей, но и отъ членовъ всѣхъ другихъ кооперативовъ. А если такъ, то не сводится ли критика Веббовъ, направленная противъ артелей, къ указанію на трудности, свойственныя вообще всякому кооперативному предпріятію,—трудности, несомнѣнно вполнѣ реальныя, но, какъ показываетъ опытъ, вполнѣ преодолимыя?

Дѣйствительно, Веббы не указываютъ или, по крайней мѣрѣ,

не подчеркиваютъ достаточно ярко тѣхъ слабыхъ сторонъ производительной артели, которыя свойственны именно этому роду кооперативнаго предпріятія въ отличіе отъ кооперативовъ всѣхъ другихъ родовъ. И однако такія слабыя стороны въ производительной артели несомнѣнно имѣются, и именно онѣ приводятъ къ столь глубокому контрасту между мощнымъ развитіемъ другихъ кооперативовъ и прозябаніемъ производительныхъ артелей.

Принципіальное отличіе производительной артели отъ другихъ кооперативовъ заключается въ томъ, что только артель отрицаетъ наемный трудъ, между тѣмъ какъ другіе кооперативы имѣютъ въ своемъ основаніи наемный трудъ. Въ отрицаніи наемнаго труда вся сущность артели.

Всякій опредѣленный кооперативъ заключаетъ въ себѣ, въ своемъ особенномъ строѣ, опредѣленный внутренній смыслъ и вмѣстѣ специфическій источникъ своей экономической силы. Кооперативы возникаютъ не стихійно, сами собой, но какъ средство достиженія опредѣленныхъ цѣлей, во имя какихъ-либо опредѣленныхъ интересовъ составляющихъ ихъ лицъ. Такъ, производительная артель возникаетъ во имя вполнѣ опредѣленныхъ интересовъ,—интересовъ тѣхъ рабочихъ, которые выполняютъ въ данномъ предпріятіи рабочую функцію, составляющую хозяйственное содержаніе даннаго предпріятія. Другіе кооперативы возникаютъ съ другими цѣлями—въ интересахъ лицъ, пользующихся услугами даннаго предпріятія. Такъ, потребительная лавка возникаетъ въ интересахъ покупателей этой лавки, кооперативное зернохранилище—въ интересахъ лицъ, продающихъ хлѣбъ черезъ посредство даннаго зернохранилища, маслодѣльная артель—въ интересахъ поставщиковъ молока, сбывающихъ при помощи артельнаго завода свое молоко, перерабатываемое заводомъ въ масло, кредитное товарищество—въ интересахъ лицъ, нуждающихся въ кредитѣ, и т. д. и т. д.

Поэтому всѣ другіе кооперативы могутъ такъ же свободно организовывать рабочія функціи своего предпріятія, какъ и любыя капиталистическія предпріятія. Потребительная лавка нанимаетъ на сторонѣ приказчика, подобно любой другой лавкѣ; на фабрикѣ, принадлежащей потребительному обществу, работаютъ такіе же наемные рабочіе, какъ и на капиталистической фабрикѣ; въ маслодѣльной артели масло производится такимъ же

наемнымъ мастеромъ, какъ и въ капиталистическомъ заводѣ, и т. д. и т. д. Всѣ эти кооперативы почти не страдаютъ отъ незнакомства своихъ участниковъ съ торговымъ дѣломъ: руководительство торговыми операціями возлагается этими кооперативами на наемный персоналъ, совершенно такъ же, какъ это мы видимъ и въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Для успѣха этихъ кооперативовъ отнюдь не требуется, чтобы участники ихъ были людьми исключительныхъ умственныхъ и моральныхъ качествъ, были своего рода хозяйственными энциклопедистами, обладали знаніемъ процессовъ производства и торговыхъ пріемовъ, мѣстъ покупки и сбыта товаровъ, имѣли предпринимательскіе таланты и пр. и пр. Всѣ кооперативы, основанные на наемномъ трудѣ, могутъ привлекать къ дѣлу какихъ угодно рабочихъ и спеціалистовъ какого угодно дѣла въ какой угодно области, совершенно такъ же, какъ и капиталистическія предпріятія. И какъ для того, чтобы получать дивиденды отъ акцій химическаго завода отнюдь не требуется предварительное знакомство съ химіей, точно такъ же и полученіе выгодъ отъ участія въ потребительномъ кооперативѣ отнюдь не требуетъ знакомства съ условіями торговли.

Располагая наемнымъ рабочимъ персоналомъ, кооперативы пріобрѣтаютъ полную свободу въ такой организаціи предпріятія, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ успѣху даннаго дѣла. Успѣхъ же всякаго предпріятія зависитъ, прежде всего, отъ удачности подбора личнаго состава его рабочаго персонала. Кооперативы съ наемнымъ трудомъ могутъ свободно выбирать самый лучшій рабочій персоналъ: если только тотъ или иной агентъ или рабочій оказываются неудовлетворительными, то кооперативъ можетъ замѣнить ихъ лучшими. При этомъ кооперативъ можетъ оплачивать особо искусныхъ и талантливыхъ рабочихъ или лицъ своей администраціи такъ высоко, какъ это требуется, чтобы привлечь данное лицо на службу. Только это можетъ датъ кооперативу возможность привлекать къ себѣ наиболѣе производительныхъ и успѣшныхъ работниковъ, что существенно важно для успѣха дѣла.

Совершенно иной характеръ имѣетъ производительная артель Она не имѣетъ никакой свободы въ выборѣ своего рабочаго персонала и должна довольствоваться персоналомъ, которымъ являются члены артели. Персоналъ же этотъ даже въ томъ случаѣ, если онъ состоитъ изъ лучшихъ рабочихъ даннаго дѣла, неиз-

бѣжно страдаетъ весьма существеннымъ недостаткомъ: онъ состоитъ изъ людей, знакомыхъ съ операціями производства, но не съ торговыми операціями. Между тѣмъ производительная артель не только производитъ, но и покупаетъ необходимыя средства производства и сырой матеріалъ для обработки, да кромѣ того, и продаетъ свои издѣлія. Продажа же, при современныхъ капиталистическихъ условіяхъ хозяйства, представляетъ собой крайне трудную операцію, благодаря огромной конкуренціи между различными предпріятіями, производящими тѣ же самые продукты. Вообще нужно сказать, что въ современной хозяйственной системѣ самое главное—найти рынокъ для сбыта продукта, производство же продукта техническихъ трудностей не представляетъ. Въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ не тѣ предпріятія, которыя имѣютъ особыя преимущества по отношенію къ производству, а тѣ, которыя находятся въ лучшемъ положеніи по отношенію къ сбыту.

Производительная артель имѣетъ нѣкоторое преимущество сравнительно съ другими предпріятіями только по отношенію къ условіямъ производства. Преимущество это заключается въ томъ, что члены артели работаютъ не на хозяина, а на самихъ себя. Это, естественно, имѣетъ тенденцію повышать и производительность труда. Правда, оборотной стороной медали является то, что рабочіе, освобожденные отъ принудительной дисциплины, устанавливаемой хозяиномъ, могутъ работать небрежно и не исполнять своихъ обязанностей. Выше было указано, что эта небрежная, недисциплинированная работа является частой причиной гибели артелей. Тѣмъ не менѣе нужно признать, что при благопріятныхъ условіяхъ рабочіе артели, подъ вліяніемъ сознанія, что они получаютъ свой трудовой продуктъ полностью, безъ всякаго вычета въ пользу капиталиста, могутъ работать лучше и энергичнѣе, съ бóльшимъ успѣхомъ, чѣмъ наемные рабочіе, прибавочный продуктъ которыхъ достается не имъ самимъ, а хозяину-капиталисту.

Вотъ въ этой-то возможности поднятія производительности труда и заключается единственное преимущество артели передъ конкурирующими съ ней капиталистическими предпріятіями. Но можно ли считать это преимущество значительнымъ? Если производство основано на ручномъ трудѣ и притомъ требуетъ труда осо-

бенно искуснаго, квалифицированнаго, то преимущество это болѣе существенно. Поэтому артель чаще встрѣчается среди предпріятій, имѣющихъ характеръ ремесла. Но когда въ основѣ производства лежитъ машина, и количество и качество производимаго продукта не столько зависятъ отъ искусства труда, сколько отъ свойства употребляемыхъ при производствѣ машинъ, тогда это преимущество артели предъ капиталистическимъ предпріятіемъ утрачиваетъ большую часть своего значенія.

Уже одно это обстоятельство естественно суживаетъ область примѣненія артели по мѣрѣ распространенія машины.

Указанной сильной сторонѣ артели противостоитъ специфически свойственная ей слабость, заключающаяся въ томъ, что артель не можетъ привлекать рабочія силы по найму и потому должна довольствоваться своимъ собственнымъ рабочимъ персоналомъ, естественно слагающимся изъ представителей физическаго труда, незнакомыхъ съ условіями торговой дѣятельности. Какъ бы ни былъ успѣшенъ въ артели трудъ производства, это еще не гарантируетъ ея успѣха, если ея торговыя функціи выполняются плохо. А по отношенію къ выполненію торговыхъ функцій артель не можетъ не стоять ниже капиталистическаго предпріятія, ибо рабочіе, какъ таковые, отнюдь не обладаютъ знаніями и душевными свойствами, необходимыми предпринимателю.

Поэтому производительныя артели должны быть признаны, въ общемъ, болѣе слабыми предпріятіями, чѣмъ капиталистическія; ихъ слабость коренится не во внѣшнихъ, устранимыхъ условіяхъ, какъ, напр., въ недостаткѣ капитала, недостаточномъ знакомствѣ рабочихъ съ этимъ видомъ кооперации и т. д., а въ самой природѣ производительной артели. Эта основная слабость артели вытекаетъ изъ ея особенности, какъ кооператива, существующаго въ интересахъ рабочихъ, выполняющихъ въ ней хозяйственныя функціи.

Отсюда проистекаютъ и тѣ причины неуспѣха артелей, которыя указываютъ Веббы. Недисциплинированность рабочихъ потому такъ гибельно отражается на судьбѣ артели, что рабочіе артели не имѣютъ хозяина. Точно такъ же незнакомство членовъ артели съ торговыми функціями лишь потому такъ опасно для успѣха дѣла, что артель не можетъ нанять на сторонѣ лицъ, знакомыхъ съ этими функціями. Наконецъ, трудность введенія новыхъ прі-

емовъ производства и новыхъ машинъ очевиднымъ образомъ связана съ указанной особенностью артели.

Но этими тремя причинами неудачъ артелей далеко не исчерпываются слабыя стороны разсматриваемаго рода кооперативовъ. Веббы не указываютъ одной изъ нихъ, которая, быть можетъ, имѣетъ наибольшее значеніе.

Дѣло въ слѣдующемъ. Промышленная жизнь нашего времени слагается изъ чередованія періодовъ промышленнаго подъема и застоя. Въ этомъ заключается то, что называютъ промышленнымъ цикломъ. Всякое предпріятіе, разсчитывающее на продолжительное существованіе въ предѣлахъ существующей хозяйственной системы, должно быть построено такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность расширяться и сокращаться въ связи съ фазисами промышленнаго цикла.

При промышленномъ подъемѣ предпріятія должны расширять свои обороты, при наступленіи же промышленнаго застоя—сокращать послѣдніе. Только приспособляясь къ фазисамъ промышленнаго цикла, предпріятія могутъ существовать и развиваться.

Для капиталистическаго предпріятія приспособленіе къ циклическимъ колебаніямъ промышленности не представляетъ затрудненій. Оно можетъ легко и расширять свои обороты, и сокращать ихъ,—въ первомъ случаѣ путемъ найма новыхъ рабочихъ рукъ, которыя всегда имѣются въ избыткѣ на рабочемъ рынкѣ, во второмъ случаѣ путемъ увольненія тѣхъ рабочихъ, которые оказываются излишними по условіямъ товарнаго рынка. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится артель: она испытываетъ огромныя затрудненія и по отношенію къ расширенію и по отношенію къ сокращенію производства.

Въ первомъ случаѣ, т.-е. при расширеніи производства, артель должна увеличить число рабочихъ, занятыхъ въ ней. Какимъ же образомъ можетъ быть это достигнуто? Новые рабочіе могутъ быть введены либо какъ полноправные члены артели, либо какъ наемные рабочіе. Но первый способъ увеличенія рабочихъ силъ артели встрѣчаетъ большія затрудненія. Прежде всего, если артель является предпріятіемъ, имѣющимъ успѣхъ и приносящимъ своимъ членамъ хозяйственныя выгоды, то введеніе новыхъ лицъ въ качествѣ полноправныхъ хозяевъ дѣла равносильно отказу прежнихъ членовъ артели отъ части выгодъ, которыя они полу-

чили бы, если бы новые рабочіе были заняты обычнымъ порядкомъ, на условіи обычной заработной платы. Иными словами, введеніе новыхъ рабочихъ въ артель требуетъ добровольнаго отказа членовъ артели отъ извѣстныхъ хозяйственныхъ выгодъ. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ члены артели могутъ проявить такое безкорыстіе, но, какъ общее правило, ожидать отъ кого бы то ни было поведенія, противорѣчащаго собственнымъ хозяйственнымъ интересамъ, не приходится. Кромѣ того, введеніе новыхъ рабочихъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ артели нецѣлесообразно даже помимо соображеній подобнаго рода. Дѣло въ слѣдующемъ. Успѣхъ артели возможенъ только при подборѣ рабочихъ, обладающихъ болѣе или менѣе исключительными моральными и интеллектуальными свойствами. Обычно артель достигаетъ нѣкотораго успѣха только послѣ трудной и упорной борьбы за существованіе, при чемъ ея иниціаторамъ приходится итти на всякаго рода жертвы, лишь бы сохранить артель. И вотъ, когда артель добилась, наконецъ, извѣстнаго успѣха и можетъ расширить свои обороты, возникаетъ вопросъ о введеніи въ ея составъ новыхъ членовъ только потому, что это необходимо для расширенія производства. Но вѣдь новые рабочіе, потребность въ которыхъ должна быть удовлетворена немедленно, могутъ быть ниже тѣхъ требованій, которыя артельщики въ правѣ предъявить своимъ новымъ сочленамъ. Какимъ же образомъ артельщики могутъ принимать въ артель новыхъ лицъ и дѣлать ихъ своими полноправными товарищами, когда это можетъ повести къ крушенію всего дѣла, требующаго для успѣха исключительнаго подбора своихъ членовъ?

Всѣ эти соображенія препятствуютъ артели привлекать новыхъ рабочихъ въ качествѣ своихъ полноправныхъ товарищей. Конечно, артель можетъ вводить новыхъ членовъ, но лишь въ томъ случаѣ, если эти члены удовлетворяютъ тому высокому моральному и интеллектуальному уровню, который требуется отъ артельщиковъ. Потребность же въ расширеніи оборотовъ отнюдь не сопровождается увеличеннымъ предложеніемъ рабочихъ этого рода.

Итакъ, при необходимости расширить обороты, артель неизбѣжно переходитъ къ пользованію трудомъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Но этимъ самымъ она утрачиваетъ свой чистый трудовой типъ и приближается къ капиталистическому предпріятію.

Сокращеніе производства еще труднѣе выполнимо для артели,

ибо въ этомъ случаѣ артель не можетъ уменьшить числа занятыхъ рабочихъ, которые состоятъ ся полноправными членами. Въ общемъ артель представляетъ собой хозяйственную организацію, крайне неподвижную и неэластичную, съ трудомъ допускающую сжатіе и расширеніе оборотовъ, между тѣмъ какъ возможность того и другого настоятельно требуется условіями современной промышленной жизни. Иными словами, производительная артель не приспособлена къ условіямъ капиталистическаго хозяйства.

Тѣмъ не менѣе артели продолжаютъ возникать. Каждый промышленный кризисъ ведетъ къ образованію артелей, которыя обычно составляются изъ наиболѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ рабочихъ. Причины возникновенія артелей въ этомъ случаѣ слѣдующія. Кризисъ приводитъ къ сокращенію производства и къ потерѣ заработка тысячами рабочихъ. Среди безработныхъ естественно появляется мысль попытаться собственными средствами организовать производство, что возможно только въ случаѣ образованія артелей.

Яркой иллюстраціей такого возникновенія артелей является довольно сильное артельное движеніе, развившееся въ Россіи послѣ 1905 г., въ періодъ сильнаго застоя нашей промышленности, охватившаго нѣсколько лѣтъ. Застой этотъ привелъ къ массовой безработицѣ, между тѣмъ какъ общественный подъемъ, въ которомъ рабочій классъ принялъ такое выдающееся участіе, значительно содѣйствовалъ росту самосознанія и самодѣятельности рабочихъ. И вотъ мы видимъ, что во многихъ городахъ Россіи создаются въ большомъ числѣ самыя разнообразныя артели. Въ одномъ Петроградѣ образовалось нѣсколько десятковъ артелей, нѣкоторыя изъ которыхъ были довольно крупными предпріятіями, имѣвшими свыше сотни членовъ. Такъ, напримѣръ, артель производителей металлическихъ кроватей имѣла свой паровой двигатель и включала въ себя въ 1908 г. 135 членовъ.

Петроградскія артели были предметомъ особаго обслѣдованія со стороны артельнаго отдѣла Петроградскаго отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Для Всероссійскаго Кооперативнаго съѣзда 1908 г. были собраны свѣдѣнія о 15 артеляхъ, возникшихъ около этого времени въ Москвѣ, при чемъ одна изъ московскихъ артелей—артель портныхъ—включала въ себя 253 члена и имѣла обширную, прекрасно оборудо-

вашую мастерскую. Многочисленныя артели возникли также въ Ригѣ, Одессѣ, Баку, Николаевѣ и другихъ городахъ Россіи.

Нерѣдкимъ поводомъ къ возникновенію артелей являются также стачки рабочихъ. Нежеланіе хозяевъ уступить стачечникамъ приводитъ къ тому, что рабочіе, покинувшіе работу, устраиваютъ, самостоятельно, или при посторонней помощи, собственное предпріятіе, въ которомъ и начинаютъ работу. Такимъ образомъ возникъ, напримѣръ, извѣстный рабочій стекольный заводъ въ Альби, послѣ неудачной стачки въ Кармо въ 1894 г.

Наиболѣе крупнымъ рабочимъ предпріятіемъ, возникшимъ непосредственно изъ неудавшейся стачки, является стекольный заводъ въ сѣверной Италіи «Verreria operai federale», устроенный въ 1903 г. Стачечники, при поддержкѣ союза стекольныхъ рабочихъ, организовали это предпріятіе, въ скоромъ времени пріобрѣвшее огромные размѣры и ставшее крупнѣйшимъ стекольнымъ заводомъ Италіи. Число рабочихъ на этомъ заводѣ доходило до 2000 и на немъ производилось около $60^0/_0$ всего количества стеклянныхъ бутылокъ, изготовляемыхъ въ странѣ. Въ 1911 г. артель эта должна была ликвидировать свои дѣла вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, но затѣмъ реорганизовалась и возобновила производство.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ артели возникаютъ вслѣдствіе внѣшняго повода—потери рабочими занятія на обычныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Очень немногія изъ такихъ артелей оказываются жизнеспособными. Если на Западѣ за послѣднее время можно указать нѣсколько примѣровъ рабочихъ предпріятій этого рода, имѣвшихъ большій или меньшій успѣхъ, то это лишь потому, что предпріятія эти уклонялись отъ чистаго типа артелей и приближались къ иному типу, о которомъ будетъ рѣчь итти впереди.

Производительныя же артели чистаго трудового типа, возникающія такимъ образомъ, имѣютъ крайне мало шансовъ достигнуть успѣха и почти неизмѣнно распадаются. Это и понятно,—для своего успѣха артель требуетъ исключительнаго подбора рабочихъ, и наскоро организовать ее невозможно. Въ періодъ же промышленнаго застоя устройство новыхъ предпріятій вообще встрѣчаетъ огромныя затрудненія, благодаря трудности сбыта изготавливаемыхъ продуктовъ. И потому именно артели, возникаю-

щія изъ потребности найти занятіе для рабочихъ, утратившихъ работу, оказываются, какъ показываетъ опытъ, особенно недолговѣчными.

Огромное большинство артелей, возникшихъ у насъ въ періодъ промышленнаго застоя середины перваго десятилѣтія этого вѣка, очень скоро распалось, и артельное движеніе этихъ годовъ ни къ какимъ прочнымъ результатамъ не привело.

Итакъ, первая и самая обычная судьба производительныхъ артелей это—быстрое распаденіе ихъ вслѣдствіе неспособности артели выдержать конкуренцію капиталистическихъ предпріятій.

Но, конечно, нельзя сказать, что распадаются всѣ артели. Распадаются сотни, но десятки выживаютъ. Эти уцѣлѣвшія артели бываютъ двухъ типовъ.

Однѣ изъ нихъ, въ силу исключительно благопріятнаго подбора своихъ членовъ (напр., потому, что среди членовъ оказываются лица съ предпринимательскими талантами), имѣютъ положительный успѣхъ. Успѣхъ этотъ выражается въ томъ, что заработокъ артельщиковъ подымается надъ уровнемъ обычной заработной платы въ данномъ промыслѣ. Такая артель, если только она свободна и ея дѣйствія не регулируются какой-либо иной общественной организаціей, неизбѣжно испытываетъ своеобразную капиталистическую трансформацію. Она больше и больше приближается къ капиталистическому предпріятію, пока не становится въ полномъ смыслѣ слова таковымъ. Трансформація эта совершенно неизбѣжна по причинамъ, выясненнымъ выше. Преуспѣвающая артель не можетъ расширять своихъ оборотовъ путемъ привлеченія въ свой составъ новыхъ рабочихъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ. Новыя рабочія силы неизбѣжно должны стать въ положеніе наемныхъ рабочихъ по отношенію къ хозяевамъ артели. Рабочій персоналъ распадается такимъ образомъ на два класса—хозяевъ-артельщиковъ и наемныхъ рабочихъ. Чѣмъ лучше идутъ дѣла артели, тѣмъ многочисленнѣе становится группа наемныхъ рабочихъ. Процессъ этотъ завершается тѣмъ, что члены артели, первоначально участвовавшіе въ работѣ на ряду со всѣмъ остальнымъ рабочимъ персоналомъ, перестаютъ сами работать и становятся пайщиками предпріятія. Отъ артели не остается ровно ничего—вмѣсто нея выростаетъ капиталистическое предпріятіе на паяхъ.

Такой путь продѣлали всѣ свободныя въ своихъ дѣйствіяхъ артели, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ имѣли достаточный коммерческій успѣхъ. Такъ, напримѣръ, товарищество очечниковъ въ Парижѣ, возникшее въ 1848 г., имѣло выдающійся успѣхъ и очень скоро утратило свой первоначальный трудовой типъ. Оно существуетъ и теперь въ Парижѣ, какъ огромное предпріятіе, имѣющее свыше тысячи рабочихъ, но всѣ они работаютъ по найму. Предпріятіе это получило вполнѣ капиталистическій характеръ—во главѣ его стоятъ 58 пайщиковъ, владѣющихъ капиталомъ свыше 1 милл. фр. Такое же превращеніе испытали и другія производительныя ассоціаціи, возникшія во Франціи въ концѣ сороковыхъ годовъ и имѣвшія хозяйственный успѣхъ.

Но, конечно, нельзя сказать, чтобы всѣ артели, которымъ удается преодолѣть трудности борьбы за существованіе и уцѣлѣть, подвергались процессу капиталистическаго превращенія. Процессъ этотъ почти неизбѣженъ только для преуспѣвающихъ артелей. Если артель особаго успѣха не имѣетъ, то она можетъ сохранить трудовой характеръ, но именно благодаря отсутствію успѣха. Мы знаемъ примѣры артелей, которыя существуютъ многія десятилѣтія и не вырождаются въ капиталистическія предпріятія. Такъ, напр., ассоціація формовщиковъ, возникшая во Франціи въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, сохранилась вплоть до нашего времени и не пользуется наемнымъ трудомъ. Такой же чисто-трудовой характеръ имѣетъ описанная Веббами артельная хлопчатобумажная фабрика въ Нельсонѣ, Павловская ножевая артель и др.

Всѣ эти артели существуютъ уже давно, не распадаются и въ то же время не проникаются капиталистическимъ духомъ. Въ глазахъ поклонниковъ артелей онѣ являются доказательствомъ возможности для производительной артели достигать успѣха, сохраняя трудовой типъ. А если это удается нѣкоторымъ артелямъ, то почему при благопріятныхъ условіяхъ это же самое не удастся и многимъ?

Дѣло, однако, въ томъ, что сохраненіе названными артелями трудового типа именно тѣмъ и объясняется, что онѣ не имѣютъ большого успѣха. Возьмемъ, напр., едва ли не единственную артель чистаго трудового типа, сохранившуюся во Франціи съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка,—артель формовщиковъ. Артель эта имѣетъ всего на всего около десятка членовъ, а ея капиталъ

опредѣляется немногими десятками тысячъ франковъ. Отсюда видно, какъ скромны успѣхи этой артели. Или взять артельную фабрику въ Нельсонѣ. Какъ указано выше, артель эта, хотя и существуетъ болѣе чертверти вѣка, имѣетъ капиталъ только въ нѣсколько тысячъ ф. ст., а члены ея получаютъ не больше заработка, чѣмъ наемные рабочіе сосѣднихъ капиталистическихъ фабрикъ. Точно такъ же единственная русская крупная и упрочившаяся производительная артель—павловская,—несмотря на свое долговременное существованіе, даетъ своимъ членамъ такъ мало выгодъ, что, по свидѣтельству ея руководителя, наемные рабочіе, работающіе въ этой артели, не обнаруживаютъ никакого желанія вступать въ ея члены, хотя послѣдніе охотно принимаютъ ихъ въ свою среду: участіе въ артели выгодъ для рабочихъ не представляетъ, и потому послѣдніе предпочитаютъ работать на артельщиковъ по найму, вмѣсто того, чтобы вступать въ артель въ качествѣ полноправныхъ членовъ.

Вотъ въ этомъ-то отсутствіи какихъ бы то ни было реальныхъ выгодъ отъ участія въ артели и заключается секретъ сохраненія названными артелями ихъ трудового типа. Если артель имѣетъ дѣйствительный успѣхъ, то она даетъ своимъ членамъ большій заработокъ, чѣмъ они получали бы внѣ артели. Отсюда является искушеніе для артельщиковъ привлекать въ артель новыхъ работниковъ не въ качествѣ полноправныхъ членовъ, а нанимать ихъ такъ же, какъ нанимаетъ и любой фабрикантъ-капиталистъ. Если же артель не обезпечиваетъ своимъ членамъ лучшаго заработка, то отпадаетъ и мотивъ для артельщиковъ замыкать свои ряды, и артель обнаруживаетъ готовность принять въ свой составъ всякаго желающаго. Но по этой же самой причинѣ желающихъ вступать въ артель въ этомъ случаѣ оказывается мало, и артель—какъ, напр., въ Павловѣ—принуждена прибѣгнуть къ найму рабочихъ, несмотря на то, что двери для поступленія въ артель для нихъ открыты настежь.

Трудовой типъ артели объясняется въ этомъ случаѣ тѣмъ, что артель не доросла до капиталистическаго предпріятія, дающаго не только заработокъ рабочему, но и прибыль предпринимателю. На почвѣ этой слабости артели, какъ производительнаго предпріятія, нерѣдко возникаютъ очень странные факты. Такъ, обслѣдованіе петроградскихъ артелей, произведенное въ 1909 г., обнаружило,

что условія труда членовъ артелей гораздо хуже, чѣмъ условія труда наемныхъ рабочихъ въ тѣхъ же артеляхъ». И рабочій день оказался у членовъ артелей болѣе продолжительнымъ, чѣмъ у наемныхъ рабочихъ, и заработокъ ниже. Рабочій день въ артеляхъ, какъ показало обслѣдованіе, «доходитъ до предѣла физической возможности работать дальше». Какъ общее правило, обслѣдованныя артели работали больше установленной закономъ нормы рабочаго дня въ $11^1/_2$ час. Почти всѣ артели прибѣгали къ наемному труду, но, конечно, онѣ не заслуживали упрека въ эксплоатаціи своихъ наемныхъ рабочихъ. Наоборотъ, наемные рабочіе артели эксплоатировали своихъ хозяевъ, что явствуетъ изъ того, что наемные рабочіе находились въ большинствѣ случаевъ въ лучшихъ условіяхъ по отношенію къ заработку, чѣмъ ихъ хозяева. Вотъ что говоритъ по этому поводу цитированное обслѣдованіе:

«Установленнымъ можно считать тотъ фактъ, что условія наемнаго труда въ артеляхъ, какъ бы это ни показалось страннымъ съ перваго взгляда, значительно лучше тѣхъ условій, которыми обставленъ трудъ самихъ членовъ артели. Причина же этого вполнѣ реальна. Членъ артели, вложа въ устройство извѣстный капиталъ и самъ устанавливая для себя обстановку труда, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ (а въ настоящихъ артеляхъ «стѣсненныя» обстоятельства почти постоянны) легко примиряется даже съ очень значительнымъ ухудшеніемъ положенія своего труда, льстя себя перспективой на лучшія обстоятельства. Наемные же рабочіе, не являясь хозяевами въ артели, оцѣниваютъ условія труда безо всякихъ подобныхъ «видовъ», считаясь лишь съ рыночной цѣной ихъ рабочей силы. Это приводитъ къ тому, что артели, прибѣгая къ наемному труду, не могутъ переносить на него условія труда своихъ членовъ, а подчиняются общимъ среднимъ обычнымъ условіямъ наемнаго труда въ ихъ профессіи» («Вѣстникъ Коопераціи», 1909, кн. 3).

Понятное дѣло, что артели, не могущія обезпечить своимъ членамъ того заработка, который получается наемными рабочими, не подвергаются опасности капиталистическаго вырожденія. Но позволительно поставить вопросъ, для чего вообще нужны артели, если онѣ не могутъ доставить своимъ членамъ лучшихъ условій труда и заработка, чѣмъ обычныя капиталистическія предпріятія?

Итакъ, немногія артели, преодолѣвающія огромныя трудности конкуренціи съ капиталистическими предпріятіями, либо сами превращаются въ капиталистическія предпріятія, либо избѣгають этой участи, благодаря своей относительной безполезности для входящихъ въ нихъ членовъ. И то и другое является банкротствомъ артельной идеи.

Подводя итогъ сказанному, слѣдуетъ признать, что производительныя артели чистаго трудового типа являются кооперативами, не могущими разсчитывать на значительное распространеніе въ условіяхъ современнаго хозяйства. Конечно, это не значитъ, что такія артели совершенно невозможны. Онѣ могутъ имѣть въ рѣдкихъ случаяхъ успѣхъ, даже не утрачивая своего трудового типа, но это только въ томъ случаѣ, если успѣхъ ихъ не великъ. При значительномъ же успѣхѣ свободная артель почти неизбѣжно превращается въ капиталистическое предпріятіе.

И въ этомъ ничего страннаго нѣтъ. Производительная артель, будучи кооперативомъ, въ одномъ отношеніи наиболѣе далекимъ отъ условій капиталистическаго предпріятія, въ другихъ отношеніяхъ всего ближе къ капиталистическому предпріятію. Правда, артель отрицаетъ наемный трудъ, въ то время какъ естественнымъ основаніемъ другихъ кооперативовъ является наемный трудъ. Въ этомъ заключается противоположность артели капиталистическому предпріятію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коренная причина слабости артели. Но, съ другой стороны, артель ближе всѣхъ остальныхъ кооперативовъ къ капиталистическому предпріятію въ томъ отношеніи, что артель такъ же охватываетъ предпринимательскими интересами со всѣхъ сторонъ своихъ членовъ, какъ и любое капиталистическое предпріятіе. Дѣйствительно, возьмемъ другіе кооперативы, напр., потребительное общество. Кооперативъ этого рода ставитъ себѣ задачей не полученіе наибольшаго предпринимательскаго дохода, а сокращеніе расходовъ по пріобрѣтенію нужныхъ предметовъ потребленія. Предпринимательская психологія по необходимости отсутствуетъ въ такомъ кооперативѣ. Точно такъ же ничего общаго съ предпринимательствомъ не имѣютъ и кредитные кооперативы. Что касается до кооперативовъ по закупкѣ средствъ производства и сбыту продуктовъ (въ переработанномъ или не переработанномъ видѣ), то такіе кооперативы уже ближе къ предпринимательству, но все же не всецѣло стоятъ на предпринимательской

точкѣ зрѣнія, и это по слѣдующей причинѣ. Кооперативы эти имѣютъ въ виду создать наилучшія условія для трудового хозяйства членовъ этихъ кооперативовъ, каковыми фактически являются преимущественно крестьяне. Это трудовое крестьянское хозяйство болѣе или менѣе чуждо предпринимательской психологіи, а именно оно опредѣляетъ все направленіе кооператива. Возьмемъ, напр., маслодѣльную артель. Во главѣ ея стоятъ крестьяне, производящіе молоко и стремящіеся выручить, при посредствѣ маслодѣльной артели, наивысшую цѣну за свое молоко. Какъ производители молока, они ведутъ трудовое потребительское хозяйство, и только какъ продавцы масла, они являются предпринимателями.

Напротивъ, члены производительной артели со всѣхъ сторонъ стоятъ на почвѣ частно-хозяйственнаго предпринимательства. Они и покупаютъ на рынкѣ средства производства и продаютъ свои продукты, стремясь какъ можно дешевле купить и возможно дороже продать. Все ихъ хозяйственное благополучіе основывается на успѣхѣ ихъ предпріятія, и стремленіе къ расширенію этого предпріятія имъ естественно присуще. Хотя сами они являются рабочими, въ противность обычному предпринимателю-капиталисту, но они не менѣе послѣдняго заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ предпріятіе давало наибольшій доходъ. Артельщики не менѣе любого капиталиста чувствуютъ себя противниками и естественными конкурентами всѣхъ другихъ предпріятій, производящихъ тѣ же продукты, и противоставляютъ свои интересы интересамъ всего остальнаго міра.

Въ то время какъ всѣ остальные кооперативы естественно стремятся къ расширенію своихъ рядовъ и не имѣютъ ровно никакихъ основаній замыкаться въ своемъ составѣ, артель, наоборотъ, естественно тяготѣетъ къ замкнутости. Потребительное общество только выигрываетъ, если въ составъ его входятъ новые члены. То же нужно сказать и о кредитныхъ кооперативахъ, равно какъ и о кооперативахъ по закупкѣ и продажѣ. Чѣмъ больше членовъ входятъ въ составъ этихъ кооперативовъ, тѣмъ больше выигрываетъ каждый отдѣльный ихъ членъ, ибо тѣмъ лучше осуществляются задачи этихъ кооперативовъ.

Напротивъ, производительная артель должна опасаться включенія новыхъ членовъ въ свои ряды по мотивамъ, о которыхъ сказано выше, и тутъ принципіальное отличіе артели отъ всѣхъ

другихъ кооперативовъ (основанныхъ на наемномъ трудѣ). Введеніе новыхъ членовъ ни малѣйшимъ образомъ не разстраиваетъ рабочихъ функцій этихъ послѣднихъ кооперативовъ, ибо въ нихъ рабочія функціи исполняются не хозяевами кооператива, а наемнымъ персоналомъ (хотя, конечно, подъ руководствомъ и наблюденіемъ первыхъ), въ то время какъ въ артели рабочія функціи выполняются самими хозяевами кооператива, и потому каждый новый членъ измѣняетъ характеръ рабочей функціи. Съ другой стороны, члены преуспѣвающей артели проигрываютъ экономически, если въ составъ артели входитъ новый членъ, который могъ бы работать на артель и въ качествѣ наемнаго рабочаго.

Въ другихъ кооперативахъ вновь вступающій членъ есть источникъ новыхъ средствъ для кооператива, становящагося отъ этого только сильнѣе и богаче. Въ артели (если она имѣетъ успѣхъ) новый членъ есть новый претендентъ на тѣ выгоды, которыя артель получаетъ вслѣдствіе благопріятнаго положенія, достигнутаго старыми членами. Введеніе въ кооперативъ новаго члена во всѣхъ другихъ кооперативахъ соотвѣтствуетъ экономическимъ выгодамъ старыхъ членовъ. Въ артели же введеніе новаго члена въ артель требуетъ отказа отъ своихъ экономическихъ выгодъ со стороны старыхъ членовъ.

Отсюда естественное стремленіе артели принимать характеръ замкнутаго предпріятія. По сходнымъ мотивамъ артель неохотно входитъ и въ союзы съ другими артелями—совершенно такъ же, какъ капиталистическое предпріятіе неохотно входитъ въ союзы съ другими капиталистическими предпріятіями и дѣлаетъ это только подъ давленіемъ необходимости или подъ вліяніемъ надежды достигнуть такимъ образомъ монопольнаго положенія и вознаградить себя этимъ за потерю полной свободы дѣйствій (картели и иныя капиталистическія организаціи).

Вотъ почему для нѣкоторыхъ теоретиковъ кооперацiи возникаетъ даже вопросъ, можно ли признавать производительныя артели кооперативами или нѣтъ (столь видный теоретикъ кооперацiи, а вмѣстѣ и выдающійся практическій дѣятель въ той же области, какъ Георгъ Кауфманъ, видимо склоняется къ этой точкѣ зрѣнія). И дѣйствительно, свободная, предоставленная самой себѣ производительная артель по самому существу дѣла не можетъ быть организаціей открытой, а, по общему мнѣнію, откры-

тый характеръ предпріятія—возможность доступа въ него всѣмъ желающимъ—является характернымъ признакомъ кооператива. Производительная же артель является предпріятіемъ почти столь же замкнутымъ, какъ и капиталистическое предпріятіе, представляя съ послѣднимъ и въ этомъ отношеніи разительное сходство. Крайности, очевидно, сходятся.

Въ общемъ нужно признать, что условія современной хозяйственной жизни не благопріятствуютъ успѣху производительныхъ артелей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, артели могутъ удаваться, въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя не требуютъ примѣненія машинъ и вообще не требуютъ большой затраты капитала. Такъ какъ самая слабая сторона артели заключается въ ея коммерческихъ операціяхъ, то чѣмъ примитивнѣе хозяйственный строй страны, тѣмъ легче въ ней удаются артели, особенно въ добывающей промышленности, въ которой требуется наименьшая затрата капитала (отпадаетъ затрата на пріобрѣтенія сырья). Вотъ почему у насъ, въ Россіи, встрѣчаются артели въ рыболовныхъ промыслахъ, охотничьихъ, въ горномъ дѣлѣ, напр., по разработкѣ камня, добычѣ разнаго рода рудъ, золота и пр.

Затѣмъ, артели имѣютъ нѣкоторое распространеніе въ кустарной промышленности, хотя тутъ и требуется затрата капитала на пріобрѣтеніе сырья. Но благодаря тому, что въ кустарной промышленности производство имѣетъ характеръ мелкаго, кустари въ благопріятныхъ случаяхъ могутъ образовывать небольшія артели, хотя для возникновенія кустарныхъ артелей, какъ общее правило, требуется содѣйствіе извнѣ. Въ послѣднее время такія артели устраиваются въ различныхъ районахъ Россіи при помощи земства.

Вообще производительныя артели возможны и дѣйствительно существуютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, но почти всегда, какъ очень небольшія предпріятія, значеніе которыхъ въ общемъ строѣ современнаго хозяйства совершенно ничтожно.

V.

Въ концѣ-концовъ мы должны признать, что производительная артель въ чистомъ видѣ не играетъ почти никакой роли въ хозяйственной системѣ современности и не имѣетъ шансовъ играть

болѣе важную роль въ будущемъ. Однако жизнь создала нѣкоторый новый типъ предпріятій, имѣющихъ нѣчто общее съ артелями, и народно-хозяйственное значеніе которыхъ является несравненно болѣе важнымъ. Это предпріятія, основанныя на системѣ такъ называемаго копартнершипа.

Принципіальное различіе предпріятій этого рода отъ артелей заключается въ слѣдующемъ. Въ артели капиталъ и трудъ сливаются въ одно неразрывное цѣлое: каждый рабочій артели является въ то же время собственникомъ общаго капитала артели. Напротивъ, въ предпріятіяхъ по системѣ копартнершипа капиталъ и трудъ формально разъединены: капиталъ такого предпріятія слагается изъ паевъ, которые могутъ принадлежать какъ рабочимъ, занятымъ въ предпріятіи, такъ и другимъ лицамъ. Но для болѣе тѣсной связи между капиталомъ и трудомъ предпріятія этого рода, съ одной стороны, вводятъ въ составъ правленія извѣстное число членовъ по выбору рабочихъ, съ другой стороны, предоставляютъ рабочимъ извѣстную долю чистой прибыли предпріятія.

Большая часть предпріятій по системѣ копартнершипа объединена въ Англіи общей организаціей—обществомъ «Cooperative Production Federation», владѣющимъ капиталомъ свыше 400 т. ф. с. Къ обществу этому принадлежатъ около 60 фабрикъ. Задачи его заключаются въ содѣйствіи возникновенію новыхъ фабрикъ на основѣ копартнершипа, финансированіи ихъ и облегченіи сбыта ихъ издѣлій. Общество выработало нормальный уставъ предпріятій этого типа; основные пункты этого устава заключаются въ слѣдующемъ.

Членами предпріятія могутъ быть какъ частныя, такъ и юридическія лица. Капиталъ предпріятія всегда выражается опредѣленной фиксированной суммой, предпріятіе не имѣетъ открытаго характера, сближаясь въ этомъ отношеніи съ обычными капиталистическими предпріятіями и рѣзко отличаясь отъ кооперативныхъ.

Каждый новый членъ принимается правленіемъ. Для того, чтобы пріобрѣтеніе паевъ было доступно и простымъ рабочимъ, паи очень мелки—обычно въ 1 ф. с., при чемъ они могутъ быть уплачиваемы и по частямъ. Устанавливается максимумъ числа паевъ въ однѣхъ рукахъ. Паи могутъ быть свободно перепродаваемы и переуступаемы третьимъ лицамъ.

Въ общемъ собраніи пайщиковъ каждый имѣетъ одинъ голосъ, независимо отъ числа паевъ въ его обладаніи. Однако юридическія лица, входящія въ составъ членовъ, могутъ имѣть и дополнительное число голосовъ, соотвѣтственно числу своихъ паевъ.

Правленіе избирается общимъ собраніемъ пайщиковъ, при чемъ въ составъ его могутъ быть избираемы и тѣ члены, которые состоятъ рабочими предпріятія. Но во всякомъ случаѣ, будучи избранъ въ правленіе, рабочій долженъ оставить прежнюю работу въ предпріятіи.

Директоръ предпріятія (manager) назначается правленіемъ. Директоръ своею властью назначаетъ и увольняетъ всѣхъ рабочихъ и руководитъ всѣмъ дѣломъ, отдавая отчетъ въ ходѣ дѣла ежемѣсячнымъ засѣданіямъ правленія.

Изъ чистой прибыли предпріятія 5$^0/_0$ поступаетъ въ дивидендъ на паи, часть идетъ на возвращеніе затратъ покупателямъ товаровъ предпріятія, часть идетъ рабочимъ въ соотвѣтствіи съ полученной ими заработной платой, а часть (въ очень немногихъ предпріятіяхъ) и въ добавочный дивидендъ пайщикамъ. Въ большинствѣ предпріятій при распредѣленіи прибыли рабочіе получаютъ въ дополненіе къ своей обычной платѣ такой же процентъ, какъ и покупатели товаровъ предпріятія къ цѣнѣ этихъ товаровъ. Остальная прибыль идетъ на разныя другія цѣли: въ запасный капиталъ, на благотворительныя цѣли и пр.

Таковъ нормальный типъ фабрикъ на основѣ копартнершипа. Фабрики эти не могутъ похвалиться особенно быстрымъ ростомъ, однако все же это не то, что производительныя артели, почти не существующія въ дѣйствительности. Ихъ имѣется въ Англіи въ общемъ около сотни, съ 6—7 тыс. рабочихъ.

Внутренній строй предпріятій, основанныхъ на системѣ копартнершипа, можетъ быть весьма различенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ значительно приближаются къ производительнымъ артелямъ. Другія же почти ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ капиталистическихъ предпріятій.

Къ артелямъ приближаются тѣ изъ нихъ, въ которыхъ составъ членовъ почти совпадаетъ съ составомъ рабочихъ и въ которыхъ, слѣдовательно, хозяевами дѣла являются тѣ самые рабочіе, которые заняты въ предпріятіи. Правда, все же нѣкоторая часть паевъ оказывается и въ этомъ случаѣ принадлежащей не рабочимъ. Но

если большинство членовъ принадлежитъ къ числу рабочихъ въ данномъ предпріятіи, то система копартнершипа не препятствуетъ тому, чтобы все управленіе предпріятіемъ принадлежало рабочимъ.

Такое предпріятіе не можетъ все же считаться производительной артелью,—хозяиномъ предпріятія являются не рабочіе, какъ таковые, а пайщики предпріятія. Иными словами, предпріятіе принадлежитъ все же пайщикамъ, а не рабочимъ, какъ таковымъ. Директоръ назначается правленіемъ, избираемымъ пайщиками, и имѣетъ право увольнять рабочихъ и нанимать новыхъ, что совершенно противорѣчитъ духу артели.

Словомъ, при системѣ копартнершипа, если даже паи принадлежатъ преимущественно рабочимъ, рабочіе имѣютъ хозяина, и предпріятіе не связано неразрывно съ даннымъ составомъ рабочихъ. Въ этомъ огромное преимущество системы копартнершипа передъ производительной артелью—основная слабость артели, заключающаяся въ связанности ея съ даннымъ составомъ рабочихъ, отпадаетъ.

Въ то же время система копартнершипа, если только паи принадлежатъ въ своей большей части рабочимъ, приближается къ артели въ томъ отношеніи, что рабочіе могутъ неограниченно вліять на ходъ дѣла и получать всѣ его выгоды. Въ общемъ система эта можетъ быть признана наиболѣе раціональнымъ типомъ предпріятія, въ которомъ рабочимъ принадлежитъ фактическое руководительство предпріятіемъ и въ которомъ рабочіе получаютъ всѣ выгоды послѣдняго.

Другія предпріятія на основѣ копартнершипа совсѣмъ удаляются отъ кооперативнаго типа и должны быть отнесены къ чисто-капиталистическому типу. Это именно тѣ предпріятія, въ которыхъ паи принадлежатъ постороннимъ капиталистамъ, а рабочіе составляютъ лишь меньшинство—и нерѣдко ничтожное меньшинство—общаго числа членовъ. Такія предпріятія, хотя бы они и причисляли себя къ системѣ копартнершипа, начисляли рабочимъ извѣстный процентъ прибыли къ ихъ заработной платѣ и вводили въ составъ правленія извѣстную часть представителей рабочихъ, не могутъ считаться въ какомъ бы то ни было смыслѣ кооперативами и ничего общаго съ артелями не имѣютъ. О предпріятіяхъ этого типа здѣсь говорить не приходится.

По большей части фабрики на основѣ копартнершипа, если

онѣ имѣютъ успѣхъ и идутъ хорошо, выдаютъ своимъ рабочимъ около 5$^0/_0$ дополнительной платы. Это, конечно, немного, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибавка эта оказывается даже номинальной, такъ какъ она достигается путемъ соотвѣтствующаго уменьшенія нормальной платы или только зачисляется въ пай рабочаго, въ распоряженіе его фактически не поступая. Больше значенія имѣетъ, однако, то обстоятельство, что, повидимому, на многихъ фабрикахъ этого рода, особенно же въ тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся подъ большимъ вліяніемъ рабочаго персонала, рабочій день короче, иногда весьма значительно, чѣмъ на обычныхъ фабрикахъ, и вообще обстановка труда значительно лучше, чѣмъ на послѣднихъ.

Преимущество типа копартнершипа сравнительно съ обычной производительной артелью заключается также и въ томъ, что при этой системѣ чрезвычайно облегчается привлеченіе капитала и установленіе органической связи между даннымъ предпріятіемъ и иными организаціями рабочаго класса. Во многихъ фабрикахъ этого типа бо̀льшей или по крайней мѣрѣ очень значительной частью паевъ владѣютъ потребительныя общества. Благодаря этому послѣднія получаютъ возможность контролировать производство въ своихъ интересахъ, а соотвѣтствующее предпріятіе, не утрачивая своей самостоятельности, въ то же время пріобрѣтаетъ себѣ обезпеченный сбытъ.

Какъ общее правило, имѣютъ успѣхъ именно тѣ фабрики на основахъ копартнершипа, которыя находятся въ органической связи съ потребительными обществами. Но и кромѣ потребительныхъ обществъ, пайщиками могутъ быть рабочія организаціи иного рода. Такъ, напр., пайщиками рабочаго стекольнаго завода въ Альби явились разнообразныя рабочія организаціи Франціи—какъ кооперативы, такъ и рабочіе союзы.

Вообще, насколько можно судить по имѣющимся въ литературѣ даннымъ, всѣ или почти всѣ производительныя предпріятія на Западѣ, возникающія въ наше время, какъ самостоятельныя организаціи рабочихъ, не сливаютъ въ одно цѣлое трудъ и капиталъ. Капиталъ всегда собирается инымъ порядкомъ, чѣмъ составляется рабочій персоналъ. Иными словами, эти предпріятія не являются въ строгомъ смыслѣ слова артелями, рабочіе всегда имѣютъ хозяина, каковымъ является собраніе пайщиковъ, при чемъ въ со-

ставъ этихъ пайщиковъ входятъ въ большей или меньшей мѣрѣ и тѣ лица, которыя не принимаютъ участія въ работѣ.

Благодаря этому производительныя предпріятія рабочихъ становятся предпріятіями не только той группы рабочихъ, которые непосредственно участвуютъ въ работѣ въ этомъ предпріятіи, но и иныхъ рабочихъ группъ, преимущественно разнаго рода рабочихъ кооперативовъ. Фабрика становится въ этомъ случаѣ предпріятіемъ обширной группы рабочихъ, а непосредственно занятые на ней рабочіе находятъ себѣ хозяина въ болѣе обширной группѣ организованныхъ рабочихъ, которымъ принадлежатъ паи.

VI.

Въ заключеніе нужно рѣшить принципіальный вопросъ: какой типъ производства является болѣе желательнымъ—производство, организуемое потребительнымъ обществомъ въ интересахъ своихъ членовъ, или же производство, организуемое занятыми въ предпріятіи рабочими въ своихъ собственныхъ интересахъ? Предпріятіе перваго типа тѣмъ существенно отличается отъ второго, что въ первомъ интересы рабочихъ, какъ таковыхъ, подчинены интересамъ потребительнаго общества, между тѣмъ какъ во второмъ на первомъ планѣ стоятъ интересы рабочихъ.

Съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ слѣдуетъ безусловно отдать предпочтеніе первому типу, т.-е. производительнымъ предпріятіямъ, организуемымъ потребительными обществами. Потребительныя общества объединяютъ въ себѣ обширныя группы населенія. Мы можемъ мыслить потребительное общество, какъ охватывающее все общество. Подчиненіе общественнымъ интересамъ сепаратныхъ интересовъ группы рабочихъ, работающихъ на фабрикѣ потребительнаго общества, оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что рабочіе, не работающіе на фабрикѣ потребительнаго общества, имѣютъ не менѣе человѣческихъ правъ, чѣмъ и тѣ, кто непосредственно занятъ работой на фабрикѣ потребительнаго общества.

Огромное большинство членовъ потребительнаго общества работаетъ на обычныхъ капиталистическихъ фабрикахъ, и только немногіе изъ этихъ членовъ заняты работой на фабрикѣ потреби-

тельнаго общества. Эти послѣдніе рабочіе получаютъ, какъ общее правило, такую же плату, какъ и рабочіе въ капиталистическомъ предпріятіи. И это понятно: только оплачивая трудъ по этой нормѣ, потребительное общество можетъ извлекать выгоду изъ своего производительнаго предпріятія, иными словами, потребительное общество присваиваетъ себѣ прибавочный продуктъ нанимаемыхъ имъ рабочихъ. Напротивъ, самостоятельное предпріятіе рабочихъ для того именно и возникаетъ, чтобы весь трудовой продуктъ остался въ рукахъ рабочихъ.

Что же является болѣе справедливымъ и согласованнымъ съ интересами всего рабочаго класса: тотъ ли порядокъ, при которомъ рабочіе, занятые въ предпріятіи потребительнаго общества, получаютъ заработную плату, какую получаютъ и рабочіе въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, или же тотъ, при которомъ рабочіе въ своемъ собственномъ предпріятіи получаютъ свой полный трудовой продуктъ и, значитъ, получаютъ значительно больше, чѣмъ ихъ товарищи на капиталистическихъ фабрикахъ?

Въ первомъ случаѣ рабочіе получаютъ только часть своего трудового продукта; прибавочный продуктъ присваивается ихъ нанимателемъ—потребительнымъ обществомъ. Можно сказать, что потребительное общество эксплоатируетъ своихъ рабочихъ, подобно капиталисту. Но кому идетъ этотъ прибавочный продуктъ? Обширной группѣ рабочихъ, образующихъ потребительное общество

Положеніе создается такое. Всѣ рабочіе, какъ работающіе въ предпріятіи потребительнаго общества, такъ и работающіе на сторонѣ, въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, находятся въ равномъ положеніи—всѣ получаютъ только часть своего трудового продукта.

Прибавочный же продуктъ, создаваемый рабочими, нанимаемыми потребительнымъ обществомъ, распредѣляется равномѣрно между всѣми рабочими, входящими въ составъ потребительнаго общества, какъ между тѣми, кто создалъ этотъ прибавочный продуктъ, такъ и между тѣми, кто этого прибавочнаго продукта не создавалъ, но создавалъ прибавочный продуктъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Едва ли можетъ возникать сомнѣніе, что такое распредѣленіе прибавочнаго продукта наиболѣе соотвѣтствуетъ соціальной спра-

ведливости. Рабочіе, нанимаемые потребительнымъ обществомъ, принадлежатъ къ тому же рабочему классу, какъ и остальные рабочіе, работающіе въ капиталистическихъ фабрикахъ. Первые ничѣмъ не лучше вторыхъ и никакихъ преимущественныхъ правъ передъ послѣдними не имѣютъ. Поэтому вполнѣ согласно съ соціальной справедливостью, чтобы экономическое положеніе тѣхъ и другихъ было приблизительно одинаково и, значитъ, чтобы прибавочный продуктъ первыхъ былъ равномѣрно распредѣленъ между всѣми.

Напротивъ, при самостоятельной организаціи производства отдѣльной группоії рабочихъ въ ихъ сепаратныхъ интересахъ рабочіе эти хотятъ сохранить себѣ весь свой трудовой продуктъ и стать, такимъ образомъ, въ лучшее положеніе, чѣмъ ихъ товарищи, работающіе въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Это противорѣчитъ солидарности всего рабочаго класса и не можетъ не наталкиваться на противодѣйствіе остальной массы рабочаго класса. Весь смыслъ тяготѣнія рабочихъ къ артелямъ, равно какъ и къ предпріятіямъ на основѣ копартнершипа, являющимся наиболѣе жизнеспособнымъ типомъ самостоятельнаго предпріятія рабочихъ, и состоитъ въ томъ, что данные рабочіе желаютъ сохранить въ своихъ рукахъ весь свой трудовой продуктъ. Это вполнѣ законное стремленіе противорѣчитъ интересамъ остальной массы рабочаго класса, и потому мы должны признать производительныя предпріятія потребительныхъ обществъ болѣе высокимъ типомъ, болѣе согласованнымъ съ соціальной справедливостью, чѣмъ самостоятельныя производительныя предпріятія отдѣльныхъ рабочихъ группъ.

Однако изъ этого не слѣдуетъ дѣлать вывода, что предпріятія типа копартнершипъ (о производительныхъ артеляхъ мы не говоримъ, ибо этотъ типъ предпріятія не жизнеспособенъ) являются нежелательнымъ типомъ кооперативныхъ предпріятій. Отнюдь нѣтъ.

Во-первыхъ, сложные вопросы экономической жизни не могутъ быть рѣшаемы только съ точки зрѣнія отвлеченной соціальной справедливости. Та или другая группа рабочихъ, создающая свое самостоятельное предпріятіе, имѣетъ на это такое же право, какъ и любой частный предприниматель. Весьма возможно, что безъ иниціативы данныхъ рабочихъ соотвѣтствующее предпрія-

тіе совсѣмъ не возникло бы. Надежда повысить свой соціальный уровень, улучшить свое экономическое благосостояніе есть чрезвычайно важный двигатель экономической энергіи, содѣйствующій росту общественнаго богатства и развитію производительныхъ силъ. Можно только сказать, что производительныя предпріятія потребительныхъ обществъ принципіально болѣе желательны, чѣмъ самостоятельныя предпріятія рабочихъ. Но отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ нежелательность предпріятій этого второго рода.

Если же значительная часть паевъ въ самостоятельныхъ предпріятіяхъ рабочихъ принадлежитъ потребительнымъ обществамъ, то получается промежуточный типъ предпріятія, который иногда можетъ заключать въ себѣ сильныя стороны обоихъ типовъ.

Но имѣется и другое важное основаніе, говорящее въ пользу копартнершипа. Оно заключается въ слѣдующемъ. Потребительныя общества могутъ охватить только нѣкоторую часть общественнаго потребленія и соотвѣтственно этому могутъ подчинить своему контролю только часть общественнаго производства. Какъ же быть съ той большой частью общественнаго производства, которая остается внѣ контроля потребительныхъ обществъ? Такъ, напр., не ясно ли, что желѣзодѣлательные заводы, судостроительныя верфи, угольныя шахты, желѣзныя дороги и пр. никоимъ образомъ не могутъ подпасть контролю потребительныхъ обществъ. Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ единственнымъ средствомъ увеличить контроль рабочихъ массъ является введеніе принципа копартнершипа. Копартнершипъ является въ предпріятіяхъ этого рода единственно возможнымъ типомъ кооперацiи, ибо для потребительныхъ обществъ эти предпріятія недоступны.

Такимъ образомъ, копартнершипъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе рядомъ съ другими видами коопераций.

Исключительныя симпатіи къ производительнымъ артелямъ со стороны какъ интеллигенціи, такъ и рабочихъ массъ имѣли различное происхожденіе. Что касается до соціалистическихъ вождей—какъ, напр., Маркса и его школы,—то симпатіи эти вытекали изъ того, что производительныя артели казались имъ кооперативами, наиболѣе близкими къ соціалистическому идеалу. Напротивъ, потребительныя общества не встрѣчали сочувствія Маркса по той причинѣ, что Марксъ считалъ потребительныя общества чуждыми соціализму.

Теперь намъ ясно, что въ этой сравнительной оцѣнкѣ производительной артели и потребительнаго общества скрывалась глубокая ошибка. Правда, артель изъ всѣхъ кооперативовъ всего дальше отъ капиталистической организаціи въ томъ отношеніи, что она отрицаетъ естественное основаніе капиталистическаго строя— наемный трудъ. Но другими своими сторонами именно артель наиболѣе приближается къ капиталистической организаціи, превращая рабочихъ въ предпринимателей и пропитывая ихъ капиталистическимъ духомъ.

Напротивъ, потребительное общество, бывшее столь антипатичнымъ Марксу, по своему типу всего ближе къ соціалистическому обществу. Ибо соціалистическое общество является организаціей, имѣющей своей задачей обезпеченіе всѣмъ своимъ членамъ въ равной мѣрѣ наибольшаго благосостоянія, въ видахъ чего производительныя силы подчиняются общественному контролю въ интересахъ общественнаго цѣлаго. Точно такъ же и въ потребительномъ обществѣ данная хозяйственная организація создается въ интересахъ наилучшаго потребленія всѣхъ, а производство регулируется интересами потребленія.

По этой причинѣ современные марксисты—какъ, напр., Каутскій—рисуя соціалистическое общество, нерѣдко изображаютъ его какъ потребительное общество, охватившее все населеніе страны. И дѣйствительно, потребительное общество, достигшее естественнаго предѣла своего развитія, явилось бы, какъ было указано въ предыдущей главѣ, коллективизмомъ.

Впрочемъ, соціалистическое общество можетъ быть построено на разныхъ основаніяхъ, и необходимо разсмотрѣть именно эти различные типы соціалистическаго общества съ точки зрѣнія ихъ большей или меньшей близости къ производительной артели и потребительному обществу.

Потребительное общество ближе всего, какъ сказано, къ централистическому соціализму, коллективизму. При централистическомъ соціализмѣ общественное производство регулируется изъ одного центра, при чемъ работа исполняется подъ руководствомъ общественныхъ властей, избираемыхъ обществомъ. Рабочій при господствѣ коллективизма подчиненъ этимъ властямъ не менѣе, чѣмъ онъ подчиненъ при господствѣ наемнаго труда предпринимателю.

Напротивъ, производительная артель, не дополненная государственной организаціей обмѣна (какъ въ корпоративномъ соціализмѣ), приближается къ идеалу анархическаго соціализма. Анархизмъ отрицаетъ подчиненіе личности обществу и стремится къ такому общественному строю, при которомъ каждый рабочій или каждая группа рабочихъ выполняли бы свою работу безъ всякой принудительной власти со стороны. Артель и является такой свободной производительной группой, ничѣмъ не связанной въ своихъ дѣйствіяхъ и не подчиняющейся общественному контролю.

Поэтому совершенно естественно, что артели вызываютъ принципіальное сочувствіе всѣхъ, тяготѣющихъ къ анархическому идеалу (напр., французскихъ революціонныхъ синдикалистовъ, несомнѣнно стоящихъ на почвѣ анархическаго идеала). Но Марксъ и марксисты никогда не тяготѣли къ анархизму. Ихъ соціалистическимъ идеаломъ былъ коллективизмъ. Поэтому симпатіи Маркса къ артелямъ и антипатія къ потребительнымъ обществамъ основывались на недостаточномъ пониманіи внутренней природы кооперативовъ того и другого рода.

Напротивъ, симпатіи рабочихъ классовъ къ артелямъ вполнѣ естественны и законны. Производительныя артели привлекаютъ рабочихъ потому, что артель, при удачѣ, даетъ возможность рабочему избавиться отъ работы по найму, стать своимъ собственнымъ хозяиномъ. Именно, наиболѣе энергичные, предпріимчивые и даровитые рабочіе должны тяготѣть къ артелямъ. Успѣвающая артель обѣщаетъ рабочему превратить его въ капиталиста. Это не можетъ не привлекать тѣхъ изъ числа рабочихъ, кто обладаетъ предпринимательскими склонностями и талантами.

Вотъ почему, несмотря на всѣ неудачи самостоятельныхъ рабочихъ предпріятій, въ видѣ ли артелей или въ видѣ болѣе совершеннаго типа, основаннаго на системѣ копартнершипа, предпріятія эти не утрачиваютъ своей притягательной силы для рабочихъ, несмотря на то, что отношеніе къ такимъ предпріятіямъ со стороны соціалистическихъ вождей въ настоящее время рѣзко измѣнилось въ неблагопріятномъ смыслѣ.

ГЛАВА VI.

Трудовыя артели.

Трудовыя артели тѣмъ существенно отличаются отъ производительныхъ, что въ трудовыхъ артеляхъ рабочіе не владѣютъ изготовленнымъ продуктомъ, а нерѣдко и большею частью средствъ производства. Трудовыя артели являются гораздо болѣе простымъ типомъ предпріятія, чѣмъ производительныя. Послѣднія представляютъ собой кооперацію и въ сферѣ закупки средствъ производства, и въ сферѣ труда, и въ сферѣ продажи изготовленнаго продукта. Въ трудовыхъ же артеляхъ кооперація сосредоточивается преимущественно въ сферѣ труда и только въ небольшой части захватываетъ область закупки средствъ производства; что же касается области сбыта, то здѣсь мы имѣемъ, при трудовой артели, сбытъ не продукта, но несравненно менѣе сложную продажу самого труда.

Соотвѣтственно этому трудовыя артели являются гораздо болѣе жизнеспособными организаціями, чѣмъ артели производительныя. И это понятно, такъ какъ кооперативное начало въ этихъ организаціяхъ сосредоточивается преимущественно въ сферѣ труда, гдѣ рабочая артель обладаетъ наибольшими преимуществами сравнительно съ капиталистическимъ предпріятіемъ, а коммерческія функціи, въ которыхъ артель всего слабѣе сравнительно съ капиталистическими предпріятіями, отпадаютъ.

И мы, дѣйствительно, видимъ, что трудовыя артели имѣютъ сравнительно довольно большое распространеніе, притомъ не только въ странахъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ развитія, какъ Россія, но и въ странахъ высокой капиталистической культуры, какъ Италія, Франція, Новая Зеландія.

Что касается Россіи, то въ ней трудовыя артели охватываютъ многіе десятки, если не сотни тысячъ рабочихъ.

Всѣмъ извѣстнымъ примѣромъ трудовой артели являются весьма распространенныя у насъ плотничьи артели. Выгоды сотрудничества въ этомъ промыслѣ очень велики, а орудія труда сравнительно дешевы. Въ то же время капиталистическая организація промысла наталкивается на раздробленность работы въ деревнѣ. Въ городѣ господствуетъ капиталистическая организація строительнаго дѣла, но въ деревнѣ, при ничтожныхъ размѣрахъ построекъ и разбросанности ихъ, капиталистическая организація строительнаго дѣла встрѣчаетъ извѣстныя трудности. Благодаря этому, въ деревнѣ издавна распространены плотничьи артели, статистики которымъ никто никогда не велъ, но которыя считаются тысячами.

Плотничьи артели обычно отличаются небольшими размѣрами: въ нихъ участвуетъ 4—5, много 10 рабочихъ. Какъ исключеніе встрѣчаются артели и гораздо болѣе крупныя, напр., доходящія до 75 чел. Артели каменщиковъ, также имѣющія большое распространеніе, обычно имѣютъ небольшіе размѣры.

Кромѣ строительнаго промысла, артель очень распространена въ разнообразныхъ землекопныхъ промыслахъ, работахъ по проведенію дорогъ, каналовъ, промыслахъ по рубкѣ и сплаву лѣса и пр. Точно такъ же мы знаемъ многочисленныя артели по разгрузкѣ и выгрузкѣ разнаго рода товаровъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ артельщики работаютъ сообща, оказывая разнаго рода трудовыя услуги или исполняя тѣ или иныя производительныя операціи по заказамъ другихъ лицъ, отъ которыхъ артель нерѣдко получаетъ и важнѣйшія средства производства (такъ, напр., строительныя артели получаютъ строительный матеріалъ отъ нанимателя). Поэтому трудовая артель, будучи кооперативомъ, является въ то же время особой формой наемнаго труда. Въ Англіи заработокъ такихъ артелей разсматривается, какъ особая форма заработной платы—«кооперативная» заработная плата.

Кромѣ Россіи, гдѣ трудовыя артели являются стариннымъ бытовымъ явленіемъ, кооперативы этого рода получаютъ за послѣднее время значительное развитіе и въ нѣкоторыхъ странахъ Запада, преимущественно въ романскихъ странахъ. Всего болѣе замѣчательны трудовыя артели Италіи.

Трудовыя артели Италіи подробно описаны нѣмецкимъ авторомъ, Прейеромъ въ его книгѣ «Die Arbeits und Pachtgenossenschaften Italiens» (1913 г.). Согласно его даннымъ, въ концѣ 1910 г. въ Италіи было 1017 такихъ артелей, при чемъ въ 754 артеляхъ было 94.738 членовъ; большинство этихъ членовъ (55.387) принадлежали къ артелямъ по выполненію различнаго рода общественныхъ работъ.

Къ числу городскихъ артелей въ Италіи принадлежатъ артели строительныхъ рабочихъ, портовыхъ грузчиковъ и т. п. Однако особенно интересны артели для общественныхъ работъ. Первая изъ такихъ артелей образовалась въ провинціи Эмиліи въ 1883 г.; она возникла для выполненія обширныхъ работъ по меліораціи въ такъ назыв. Ager Romanum. Работы эти, порученныя артели правительствомъ, были исполнены ею такъ удачно, что правительство въ скоромъ времени создало особое законодательство въ видахъ поощренія трудовыхъ артелей.

Законодательство это допускаетъ къ выполненію общественныхъ работъ трудовыя артели на ряду съ капиталистическими предпринимателями, при чемъ, однако, артелямъ предоставляются извѣстныя преимущества, сравнительно съ частными предпринимателями.

Законъ указываетъ особыя мѣры, которыя должны быть принимаемы властями для того, чтобы частныя предпріятія, съ цѣлью воспользоваться льготами, предоставляемыми артелямъ, не принимали фиктивно формъ этихъ послѣднихъ. Съ этой цѣлью въ каждой префектурѣ должны вестись для даннаго района особые регистры дѣйствительныхъ трудовыхъ артелей, удовлетворяющихъ требованіямъ, указываемымъ въ законѣ. Идя навстрѣчу обнаруживающемуся среди трудовыхъ артелей стремленію соединяться во все болѣе крупные союзы, законъ опредѣленно разрѣшаетъ такія объединенія, получающія права юридическихъ лицъ и полную свободу въ своей дѣятельности. Объединенія этого рода не только не встрѣчаютъ въ Италіи подозрительнаго отношенія со стороны власти, но всячески поощряются и поддерживаются.

Одной изъ цѣлей итальянскаго законодательства о трудовыхъ артеляхъ является сохраненіе этими артелями ихъ трудового характера. Контроль государственной власти за дѣятельностью этихъ артелей преслѣдуетъ тѣ же цѣли—охраненіе ихъ трудового характера,—воспрепятствованіе развитію въ ихъ средѣ капиталисти-

ческихъ элементовъ, но, однако, такъ, чтобы артели сохраняли полную свободу своей дѣятельности и отнюдь не превращались въ подчиненную инстанцію государственныхъ учрежденій.

Артели организованы обычно слѣдующимъ образомъ. Лицо, желающее стать ихъ членомъ, должно представить рекомендацію не менѣе двухъ членовъ. Во главѣ артели стоитъ правленіе, избираемое рабочими изъ своей собственной среды, но рядомъ съ правленіемъ дѣйствуетъ нерѣдко и особый техническій комитетъ изъ лицъ съ высшимъ образовательнымъ уровнемъ (инженеровъ, юристовъ и пр.), не принадлежащихъ къ артели. Необходимость въ этомъ техническомъ комитетѣ, члены котораго состоятъ на жалованіи артели и къ ней отнюдь не принадлежатъ, вызывается трудностью для рабочихъ справиться съ выпадающими на нихъ сложными задачами собственными силами.

Наличность такого техническаго комитета порываетъ со строго рабочей организаціей артели, такъ какъ въ составъ ея вводится посторонній элементъ—служащихъ у самой артели по найму. Это вызываетъ нерѣдко недовольство ревнителей артельной чистоты, но экономическая необходимость привлекать къ участію въ операціяхъ артелей лицъ съ лучшимъ образованіемъ превозмогаетъ.

При исполненіи работъ члены артели получаютъ обычную заработную плату. Избытокъ заработка артели, сверхъ этой платы, идетъ частью въ запасный капиталъ, частью на образованіе особыхъ фондовъ на поддержаніе рабочихъ въ старости, частью же распредѣляется между членами артели, какъ добавочное вознагражденіе. Это добавочное вознагражденіе обычно очень невелико и рѣдко превышаетъ $2^0/_0$.

Трудовыя артели Италіи, благодаря поддержкѣ ихъ со стороны государства, выросли въ крупную экономическую силу и выполняютъ съ большимъ успѣхомъ самыя сложныя работы, соединяясь для этой цѣли въ огромные союзы. Такъ, напр., въ провинціи Равеннѣ союзъ трудовыхъ артелей взялъ на себя работы по меліораціи бассейна Рено, при чемъ общая стоимость этихъ работъ выражалась внушительной цифрой въ 10 милліоновъ фр. Въ Реджіо Эмиліи союзъ трудовыхъ артелей взялъ на себя и удачно выполнилъ постройку ширококолейной желѣзнодорожной линіи Reggio—Ciano. Въ Миланѣ точно такъ же союзы трудовыхъ артелей исполняютъ очень крупныя строительныя работы.

Изъ изложеннаго видно, что итальянскія артели представляютъ собой нѣчто дѣйствительно весьма жизнеспособное. Артели съ успѣхомъ конкурируютъ съ частными предпринимателями, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется благожелательное отношеніе къ нимъ государственной власти. Конечно, далеко не всѣ артели выживаютъ. Но все же статистическія данныя доказываютъ, что погибаетъ только меньшинство артелей.

За двадцать лѣтъ артели выполнили общественныхъ работъ на огромную сумму въ 70 милліоновъ лиръ. Во многихъ районахъ Италіи трудовыя артели почти вытѣснили капиталистическихъ предпринимателей при выполненіи общественныхъ работъ. Министерство общественныхъ работъ вполнѣ удовлетворено работами, выполняемыми артелями, и неоднократно это высказывало въ офиціальныхъ документахъ. Особенно удаются артелямъ земляныя работы и меліоративныя. Правда, вначалѣ артели выполняли работы съ нѣкоторымъ замедленіемъ; благодаря недостаточно хорошей организаціи работъ, но впослѣдствіи и въ этомъ отношеніи стали перегонять частныхъ предпринимателей. Особымъ преимуществомъ работъ, выполняемыхъ артелями, министерство признаетъ ихъ лучшее качество сравнительно съ работами, выполняемыми частными подрядчиками, а также и то, что съ артелями возникаетъ меньше споровъ и препирательствъ.

О ходѣ развитія въ Италіи трудовыхъ артелей даютъ представленіе нижеслѣдующія цифры:

Число артелей.		Количество выполняемыхъ работъ.	Цѣнность работъ (въ милліон. лиръ).
1889	2	26	0,4
1890	88	157	3,7
1891	201	120	1,6
1892	272	106	1,8
1893	346	177	2,6
1894	380	215	2,0
1895	408	159	2,1
1896	350	200	2,0
1897	303	125	1,8
1898	271	140	2,8
1899	165	146	3,2
1900	193	104	2,2
1901	201	136	2,8
1902	225	134	2,9

Число артелей.		Количество выполняемых работъ.	Цѣнность работъ въ (миллiон. лиръ).
1903	285	159	4,4
1904	341	180	3,9
1905	353	187	4,2
1906	394	215	5,1
1907	421	274	6,6
1908	492	212	7,3
1909	547	199	6,9

Отсюда видно, что хотя и съ колебанiями, но все же довольно быстро растетъ какъ число артелей по выполненiю общественныхъ работъ, такъ и цѣнность выполняемыхъ ими работъ. Очевидно, итальянскiя трудовыя артели стоятъ вполнѣ прочно и мало-помалу вытѣсняютъ изъ охватываемой ими сферы общественнаго хозяйства частно-хозяйственное предпринимательство.

Однако не нужно забывать, что эти успѣхи основываются въ значительной степени на покровительствѣ трудовымъ артелямъ со стороны государственной властъ, которая идетъ ради этого даже на извѣстныя жертвы: дѣло въ томъ, что государству работы, выполняемыя трудовыми артелями, обходятся нѣсколько дороже, чѣмъ выполняемыя частными предпринимателями.

Для массы рабочихъ трудовыя артели имѣютъ довольно большое значенiе: онѣ оказываютъ значительное влiянiе на общiя условiя труда въ соотвѣтствующихъ промыслахъ и повышаютъ заработокъ даже тѣхъ рабочихъ, которые непосредственнаго участiя въ артеляхъ не принимаютъ. Артели избавляютъ отъ безработицы рабочихъ, которымъ нехватаетъ работы въ частныхъ предпрiятiяхъ,—онѣ образуютъ собой естественное дополненiе рабочихъ союзовъ и выполняютъ самую важную функцiю этихъ послѣднихъ—пособiе безработнымъ. Можно думать, что въ непосредственной связи съ развитiемъ этихъ артелей находится замѣчаемое за послѣднее время въ тѣхъ итальянскихъ провинцiяхъ, гдѣ эти артели распространены, повышенiе заработной платы и сокращенiе рабочаго дня.

Эта тѣсная связь итальянскихъ трудовыхъ артелей съ рабочими союзами не должна упускаться изъ виду. Какъ и арендныя артели земледѣльческихъ рабочихъ, трудовыя артели лишь отчасти являются хозяйственными предпрiятiями; отчасти же, а, можетъ быть, и въ большей части, онѣ являются вспомогательными

организаціями при рабочихъ союзахъ, и преслѣдуютъ цѣли этихъ послѣднихъ.

Во всякомъ случаѣ трудовыя артели гораздо болѣе способны къ самостоятельному развитію, чѣмъ производительныя артели. И это понятно: трудовыя артели не продаютъ продуктовъ, въ гораздо меньшей степени нуждаются въ капиталѣ и не имѣютъ такого замкнутаго характера, какъ производительныя артели. Объединяя группы рабочихъ, выполняющихъ за извѣстную плату опредѣленныя работы въ пользу другого лица, артели эти легко сливаются въ болѣе обширные союзы. Трудовыя артели не отрицаютъ принципа наемнаго труда, ибо сами онѣ слагаются изъ наемныхъ рабочихъ.

Подводя итогъ сказанному, мы должны признать трудовыя артели вполнѣ жизнеспособнымъ видомъ кооперацін, который можетъ еще много дать въ будущемъ. Но для успѣха ихъ существенно важно, чтобы онѣ не боялись прибѣгать къ использованію труда наемнаго персонала: мы видѣли, что итальянскія артели, состоя изъ рабочихъ, оплачиваютъ изъ своихъ средствъ трудъ болѣе квалифицированнаго служащаго персонала—инженеровъ, механиковъ, юристовъ, и т. п. лицъ высшаго образовательнаго уровня. Этимъ нарушается артельный принципъ, и артель приближается къ кооперативамъ обычнаго типа, пользующихся наемнымъ трудомъ. Но отъ этого артель становится только сильнѣе.

ГЛАВА VII.

Международное объединенiе пролетарской кооперацiи.

Инициаторами «Международнаго кооперативнаго союза» явилась группа английскихъ кооператоровъ съ Ванзиттаромъ Ниломъ и Генрихомъ Вольфомъ во главѣ, которые при этомъ преслѣдовали свои особыя цѣли, связанныя съ борьбой двухъ теченiй въ предѣлахъ английскаго кооперативнаго движенiя. Какъ указано выше, лица эти стояли во главѣ того теченiя, которое искало рѣшенiя соцiальнаго вопроса въ участiи рабочихъ въ прибыляхъ предпрiятiя и возлагало большiя надежды на производительныя ассоцiацiи. Участiе рабочихъ въ прибыляхъ на ряду съ производительными ассоцiацiями должно, по мнѣнiю этихъ лицъ, примирить интересы труда и капитала, а, значитъ, и уничтожить основной соцiальный антагонизмъ нашего времени.

Значительное большинство английскихъ кооператоровъ враждебно этой точкѣ зрѣнiя. Въ виду этого Нилъ и Вольфъ задумали опереться въ своей борьбѣ за принципы копартнершипа на иностранныхъ кооператоровъ, которые, по ихъ разсчетамъ, были болѣе склонны къ этому принципу, чѣмъ англичане.

Такимъ образомъ возникла международная организацiя кооперативовъ. Первый международный кооперативный конгрессъ, состоявшiйся въ Лондонѣ въ 1895 г., прошелъ подъ преобладающимъ влiянiемъ сторонниковъ копартнершипа. Точно такъ же и на послѣдующихъ конгрессахъ первоначально преобладало то же теченiе. Но по мѣрѣ роста международнаго союза и все болѣе и болѣе энергичнаго участiя въ немъ пролетарскихъ потребительныхъ обществъ положенiе стало измѣняться. На манчестерскомъ международномъ конгрессѣ 1902 г., въ центрѣ английской коопе-

раціи, сторонники копартнершипа потерпѣли рѣшительное пораженіе: ихъ проектъ создать особую секцію участія рабочихъ въ прибыляхъ не встрѣтилъ никакой поддержки, и, такимъ образомъ, тотъ принципъ, во имя котораго возникъ международный кооперативный союзъ, былъ отвергнутъ имъ же самимъ.

Рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей эволюціи союза имѣлъ будапештскій международный конгрессъ 1904 г. На этомъ конгрессѣ столкнулись очень рѣзко три основныхъ теченія, раздѣляющія современную кооперацію,—крестьянское, мелко-буржуазное и пролетарское. Борьба разыгралась вокругъ вопроса о задачахъ потребительныхъ обществъ. Секретарь союза швейцарскихъ потребительныхъ обществъ Гансъ Мюллеръ прочелъ докладъ о потребительныхъ обществахъ, въ которомъ доказывалъ, что потребительныя общества должны стремиться къ уничтоженію капиталистической торговли и замѣнѣ капиталистической системы хозяйства коопераціей. Докладъ заканчивался слѣдующими словами: «Кооперативное движеніе есть освободительное движеніе въ экономической и соціальной области, стремящееся къ новому порядку хозяйственной и общественной жизни... И потому, кто дѣйствительно желаетъ содѣйствовать развитію коопераціи, тотъ никогда не долженъ забывать, что дѣло идетъ объ уничтоженіи существующихъ отношеній зависимости, а отнюдь не о созданіи новыхъ».

Эти послѣднія слова были направлены противъ венгерскихъ аграріевъ, достигшихъ очень вліятельнаго положенія въ венгерской сельской коопераціи и подчинившихъ ее себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Венгерскіе магнаты, въ большомъ числѣ принимавшіе участіе въ конгрессѣ, не сочли нужнымъ протестовать противъ реферата Мюллера, но это исполнили представители германской коопераціи: Крюгеръ—отъ имени руководимаго имъ союза кооперативовъ, вѣрныхъ идеямъ Шульце-Делича, и Клингенбиль—отъ имени райффейзеновскихъ кооперативовъ. «Отъ имени представляемаго мною союза,—сказалъ Крюгеръ,—я долженъ заявить, что принадлежащія къ нему потребительныя общества не раздѣляютъ взглядовъ Мюллера... Потребительное общество съ нашей точки зрѣнія не есть средство преобразованія и измѣненія современнаго хозяйственнаго строя, но для насъ потребительное

общество есть законный членъ существующаго строя. Современное кооперативное движеніе уже имѣетъ столько враговъ, что нѣтъ нужды увеличивать ихъ число, предаваясь такимъ утопіямъ, которыя вытекаютъ изъ указаннаго хода мыслей».

Въ своей рѣчи Крюгеръ старался доказать, что въ торговомъ посредникѣ не нужно видѣть врага коопераціи.

Очень рѣшительно высказался противъ Мюллера также и представитель райффейзеновскихъ кооперативовъ Клингенбиль. «Въ то время, какъ мы всячески содѣйствуемъ,—сказалъ онъ,—тѣмъ обществамъ, которыя стараются доставить земледѣльцу средства производства, въ которыхъ нуждается его хозяйство, мы не оказываемъ помощи потребительнымъ обществамъ въ собственномъ смыслѣ слова. У насъ, въ Германіи, имѣется классъ мелкой промышленности и торговли, въ составъ котораго входитъ множество независимыхъ хозяевъ, и онъ въ своей совокупности, конечно, не эксплоатируетъ общества. Въ виду особой важности поддержанія этого класса мы избѣгаемъ дѣлать послѣдніе выводы изъ идеи ассоціаціи, чтобы не подвергать опасности существованіе этого класса или хотя бы причинить ему вредъ, поскольку это не требуется необходимостью. Дѣйствуя такъ, мы остаемся вѣрны чистому райффейзеновскому духу, ибо мы положили въ основу практической дѣятельности нашей организаціи чувство общественности въ смыслѣ христіанской любви къ ближнему».

Огромное большинство ораторовъ высказалось въ пользу Мюллера, и побѣду одержали сторонники «кооперативнаго соціализма», какъ опредѣлилъ враждебную ему точку зрѣнія Крюгеръ. Конгрессъ раскололся на двѣ группы: съ одной стороны крюгеровскій и райффейзеновскій союзы, а также австрійскій союзъ товариществъ въ духѣ Шульце-Делича, съ другой—всѣ остальные участники конгресса.

Въ результатѣ Крюгеръ вмѣстѣ съ руководимымъ имъ союзомъ вышелъ изъ союза, такъ же поступилъ и глава австрійскаго союза Врабецъ. Германскій имперскій союзъ сельскохозяйственныхъ товариществъ, равно какъ и австрійскій того же рода, отказались примкнуть къ международному кооперативному союзу, и въ скоромъ времени возникъ особый международный союзъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ.

«Съ внѣшней стороны, — замѣчаетъ по этому поводу Мюл-

леръ,—этотъ расколъ ослаблялъ международную организацію кооперацiи; на самомъ же дѣлѣ выступившее наружу разногласіе было выгодно для союза». Дѣйствительно, нельзя объединять въ одной организаціи того, что по самой своей природѣ различно и преслѣдуетъ совершенно различныя общественныя цѣли.

Расколъ этотъ, показавшій, что въ предѣлахъ союза одержали окончательную побѣду представители «кооперативнаго соціализма», вызвалъ измѣненія и въ составѣ правленія союза. Президентъ его и одинъ изъ основателей, Генрихъ Вольфъ, горячій сторонникъ идеи примиренія классовъ посредствомъ участія рабочихъ въ прибыляхъ, долженъ былъ уйти, и мѣсто его занялъ Максвелль, глава шотландскаго общества оптовыхъ продажъ, а секретаремъ союза сталъ Гансъ Мюллеръ, рефератъ котораго вызвалъ расколъ въ средѣ союза.

Исторія международнаго кооперативнаго союза поучительна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего союзъ силой вещей получилъ совершенно иной характеръ, чѣмъ хотѣли его основатели. «Они хотѣли воздвигнуть зданіе союза на производительныхъ ассоціаціяхъ, и поскольку они придавали значеніе потребительнымъ обществамъ, то лишь какъ покупщикамъ продуктовъ производительныхъ ассоціацій. Но жизнь создала иное. Отброшенный уголъ сталъ основаніемъ всего зданія» (Мюллеръ).

Затѣмъ крайне характерно, что союзъ отнюдь не содѣйствовалъ объединенію различныхъ видовъ коопераціи, но, наоборотъ, углубилъ пропасть между ними. И это, несомнѣнно, содѣйствовало выясненію дѣйствительнаго положенія вещей. Несоединимаго по самой своей природѣ искусственными мѣрами соединить нельзя. «Ни въ одной странѣ,—говоритъ Мюллеръ,—не могли возникнуть союзныя организаціи, охватывающія всѣ отрасли и вѣтви кооперативнаго движенія. Единство кооперативнаго движенія, къ которому стремились его теоретики и практическіе дѣятели пять—десять лѣтъ тому назадъ, уже давно разрушено фактическимъ ходомъ развитія». «Международный кооперативный союзъ», задуманный какъ объединительный центръ всѣхъ видовъ коопераціи, превратился силою вещей въ объединительный центръ только одного вида кооперативовъ,—пролетарскихъ потребительныхъ обществъ.

ОТДѢЛЪ III.

КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

Крестьянская кооперація.

ГЛАВА I.

Райффейзенъ и его общественное міровоззрѣніе.

Какъ Оуэнъ является отцомъ пролетарской кооперации, такъ крестьянская кооперація ведетъ свое начало отъ Райффейзена. Крестьянская кооперація возникаетъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка въ прирейнскихъ провинціяхъ Пруссіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ агитаціи Райффейзена. Райффейзенъ былъ очень сильной и своеобразной фигурой, но весь его душевный обликъ представляетъ собой яркій контрастъ съ обликомъ Оуэна. Онъ тоже былъ идеалистомъ, но идеалистомъ совершенно иного рода, чѣмъ Оуэнъ. Послѣдній по своему душевному складу былъ прямолинейнымъ радикаломъ, человѣкомъ, не боящимся итти своимъ путемъ до конца, совершенно не считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ. Этотъ радикализмъ соединялся у Оуэна съ крайней увѣренностью въ правотѣ собственнаго мнѣнія. Отсюда его доктринерство, нетерпимость къ чужимъ взглядамъ.

Райффейзенъ былъ другимъ человѣкомъ. Успѣхъ его дѣятельности основывался на томъ, что онъ былъ менѣе всего доктринеромъ и самымъ тѣснымъ образомъ сроссясъ тѣми вѣрованіями и убѣжденіями, которыя господствовали въ его общественной средѣ. Это былъ типъ разумнаго филантропа, способнаго съ величайшимъ воодушевленіемъ боротся съ замѣчаемымъ имъ общественнымъ зломъ, но исходящаго въ своей дѣятельности, въ своихъ представленіяхъ о хорошемъ и дурномъ, изъ тѣхъ представленій, которыя преобладаютъ въ окружающемъ его обществѣ.

Въ то время какъ Оуэнъ началъ свою болѣе широкую общественную дѣятельность съ пропаганды коммунистическихъ общинъ, Райффейзенъ началъ ее съ устройства благотворительныхъ обществъ. Желаніе поставить благотворительность на болѣе прочную основу привело его къ тому, что онъ создалъ въ прирейнскомъ городкѣ Фламмерсфельдѣ свою первую наполовину кооперативную, наполовину благотворительную организацію «Фламмерсфельдскаго общества помощи нуждающимся сельскимъ хозяевамъ». Вторая организація въ томъ же родѣ, основанная Райффейзеномъ,— «Геддерсдорфское благотворительное общество»,—также имѣетъ не столько кооперативный, сколько благотворительный характеръ. Это общество ставило себѣ задачей наряду съ кредитованіемъ своихъ нуждающихся членовъ также и помощь безпризорнымъ дѣтямъ, воспитаніе ихъ, доставленіе работы выпущеннымъ изъ тюремъ и многое другое въ томъ же родѣ.

Превращеніе этого общества въ дѣйствительный кредитный кооперативъ произошло, такъ сказать, само собой, помимо желанія его учредителя. Оказалось, что благотворительныя функціи общества не получили развитія, а кредитная функція разрослась и вытѣснила остальныя. Такимъ образомъ, крестьянская кооперація, подобно пролетарской, возникла въ результатѣ переработки самой жизнью организацій, созданныхъ съ иными, идеалистическими и отнюдь не своекорыстно-хозяйственными цѣлями. Однако цѣли, которыя ставились въ первомъ и другомъ случаѣ, были совершенно иныя: пролетарскія потребительныя общества возникли изъ организацій, которыя стремились къ величайшей общественной реформѣ, — созданію коммунистическаго общественнаго строя, — а сельскохозяйственные кооперативы возникли изъ благотворительныхъ обществъ, никакими радикальными цѣлями не задававшихся, пытавшихся ослабить нужду тѣми средствами, которыя указывала господствующая мораль,—помощью ближнему.

Міровоззрѣніе Райффейзена очень отчетливо выражено имъ во введеніи къ его главному литературному труду «Die Darlehnkassen-Vereine» (первое изд. въ 1866 г.). Указывая, что наше время гордится своими хозяйственными успѣхами, авторъ скорбитъ, что эти успѣхи покупаются въ ущербъ нравственности. «Среди предпринимательскаго класса царитъ дикая погоня за наживой..., а въ низшихъ классахъ также распространяется все большая и

большая жажда чувственныхъ удовольствій; ненависть и зависть къ имущимъ получаютъ среди нихъ все большее распространеніе; партія соціальной революціи находитъ себѣ среди нихъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя законъ ставитъ ея планамъ, направленнымъ на ниспроверженіе всего существующаго государственнаго и общественнаго порядка, все болѣе и болѣе сторонниковъ... Наступило время дать другое направленіе духу нашего времени, пошедшаго по ложному пути. Каково должно быть это новое направленіе, для истиннаго христіанина не можетъ быть сомнѣнія. Оно указано нашимъ Господомъ... Нужно стремиться не къ преходящимъ земнымъ, а къ вѣчнымъ небеснымъ благамъ, къ чему самъ Христосъ указалъ намъ путь своимъ ученіемъ и примѣромъ».

Въ то время какъ конечная цѣль Оуэна заключалась въ радикальнѣйшей общественной реформѣ, Райффейзенъ не обнаруживалъ никакого интереса къ политическимъ и соціальнымъ реформамъ и признавалъ единственно важнымъ дѣломъ нравственное поднятіе человѣка, что ему казалось вполнѣ возможнымъ и въ условіяхъ современнаго общества. Онъ ожидалъ нравственнаго подъема человѣческой личности отъ основанныхъ имъ хозяйственныхъ организацій, въ свою очередь предполагающихъ дѣйствіе нравственныхъ силъ. «Безъ нравственныхъ силъ, т.-е. безъ познанія нашихъ обязанностей по отношенію къ Богу и по отношенію къ нашимъ ближнимъ, какъ это учитъ христіанство, и безъ искренняго стремленія исполнять эти обязанности совершенно невозможно развитіе кредитныхъ товариществъ», писалъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

Хотя основанныя имъ кредитныя товарищества въ томъ видѣ, который они окончательно приняли, отнюдь не были благотворительными учрежденіями, но всѣ такъ называемые «райффейзеновскіе принципы» исходятъ изъ убѣжденія, что высокій нравственный уровень членовъ долженъ быть основой кредитныхъ товариществъ. Въ этомъ требованіи нравственнаго обновленія человѣка заключался утопическій элементъ райффейзеновской организаціи, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ ея силы, подобно тому какъ соціальная утопія Оуэна явилась источникомъ силы кооперативнаго движенія Англіи. Ибо изъ утопическаго элемента вытекало воодушевленіе дѣятелей райффейзеновскаго движенія, а безъ воодушевленія невозможно никакое широкое соціальное творчество.

Соціальное міровоззрѣніе Райффейзена можетъ быть охарактеризовано, какъ христіанскій соціализмъ очень умѣреннаго оттѣнка,—міровоззрѣніе, къ которому естественно и неизбѣжно приходитъ всякій вѣрующій христіанинъ, не склонный къ политической борьбѣ. Во главѣ кредитныхъ товариществъ Райффейзенъ охотнѣе всего видѣлъ мѣстнаго священника. Къ политической борьбѣ Райффейзенъ былъ не только равнодушенъ, но даже совершенно чуждался политической жизни: по словамъ его близкаго товарища Фассбендера, онъ совсѣмъ не принималъ участія въ выборахъ въ законодательныя палаты по соображеніямъ принципіальнаго характера.

Евангельскія заповѣди Райффейзенъ разсматриваетъ, какъ единственно возможную основу дѣятельности кредитныхъ товариществъ. Защищая требованіе безплатности обязанностей членовъ правленія, Райффейзенъ ссылается на слова Христа: «возлюби ближняго своего, какъ самого себя». «Съ христіанской точки зрѣнія,—говоритъ онъ,—мы всѣ—дѣти Небеснаго Отца и какъ братья Того, Кто ради насъ сталъ человѣкомъ, будучи Сыномъ Божіимъ, образуемъ одну большую семью. Отсюда слѣдуетъ, что мы должны такъ же заботиться о своихъ ближнихъ, какъ о самихъ себѣ. И если отъ руководителей сельско-кредитныхъ товариществъ требуется, чтобы они безъ вреда для своихъ личныхъ дѣлъ часть своего свободнаго времени удѣляли руководительству товариществомъ (денежныя жертвы отъ нихъ не требуются), то это, поистинѣ, далеко не чрезмѣрное требованіе. У кого такъ мало готовности къ самопожертвованію и такъ мало чувства общественности, тотъ не долженъ считать себя христіаниномъ».

Задачи райффейзеновскаго кредитнаго товарищества далеко не ограничиваются, по мысли самого Райффейзена, кредитными операціями. Товарищество должно стать универсальнымъ кооперативомъ, охватывающимъ со всѣхъ сторонъ хозяйственную жизнь своихъ сочленовъ.

Такъ, товарищество должно прежде всего исполнять операціи по закупкѣ предметовъ, нужныхъ для сельскаго хозяйства. Къ обычнымъ потребительнымъ обществамъ Райффейзенъ относился очень несочувственно. «Сомнительно,—говоритъ онъ,—имѣютъ ли благопріятное дѣйствіе потребительныя общества, устраиваемыя въ городахъ. Это зависитъ отъ мѣстныхъ условій и отъ руководителей общества. При огромной конкуренціи торгующихъ предметами по-

требленія каждый изъ нихъ долженъ стараться превзойти другихъ качествомъ своего товара и дешевизной своихъ цѣнъ. Это дѣлаетъ, какъ можно думать, излишнимъ устройство потребительныхъ обществъ. Но если такія общества, тѣмъ не менѣе, возникаютъ, какъ это часто случается, то управленіе ими остается очень труднымъ дѣломъ».

Еще труднѣе, по мнѣнію Райффейзена, устраивать потребительныя общества въ деревнѣ. Въ послѣднихъ нѣтъ и дѣйствительной потребности, такъ какъ желательно, чтобы крестьянинъ не покупалъ предметовъ своего потребленія со стороны, а довольствовался произведеніями собственнаго хозяйства. Слѣдуетъ покупать только то, что не производится въ деревнѣ и необходимо для хозяйства, какъ удобрительные туки, сѣмена, каменный уголь, разныя орудія. Все это можетъ быть пріобрѣтаемо кредитнымъ товариществомъ.

Оно же можетъ заниматься и совмѣстной продажей продуктовъ хозяйства его членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно можетъ перерабатывать эти продукты за общій счетъ и исполнять разнообразныя производительныя функціи.

Капиталъ кредитнаго товарищества долженъ оставаться недѣлимой собственностью товарищества. Капиталъ этотъ долженъ возрастать до значительной величины, такъ какъ райффейзеновское товарищество не знаетъ паевъ и дивидендовъ, и весь доходъ товарищества, за вычетомъ его благотворительныхъ расходовъ, долженъ итти на увеличеніе его капитала. Товарищество образуетъ собой, такимъ образомъ, прочную хозяйственную организацію, которая съ теченіемъ времени должна стать еще сильнѣе. Но такъ какъ высшая цѣль райффейзеновскихъ товариществъ, по мысли ихъ творца, заключается не въ улучшеніи хозяйственнаго положенія ихъ членовъ, но въ ихъ нравственно-религіозномъ подъемѣ, то капиталъ товарищества не долженъ возрастать далѣе извѣстнаго предѣла, излишекъ долженъ употребляться на цѣли благотворенія.

«Истинный райффейзеновскій союзъ,—читаемъ въ «Райффейзеновскомъ календарѣ» за 1898 г.,—есть не что иное, какъ благотворительное учрежденіе, которое учреждается при помощи состоятельныхъ членовъ общины въ интересахъ менѣе обезпеченныхъ ея членовъ и бѣдныхъ».

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы понимать ту соціальную почву, на которой возникло райффейзеновское движеніе. Движеніе

это было столько же хозяйственнымъ, сколько и нравственно-религіознымъ. Долгое время оно сохраняло этотъ характеръ; до извѣстной степени сохраняетъ и теперь, хотя, конечно, въ гораздо меньшей степени. Выражается это очень наглядно въ томъ, что и теперь во главѣ большинства райффейзеновскихъ союзовъ стоятъ люди, которые непосредственныхъ выгодъ отъ этихъ союзовъ не получаютъ,—духовенство, богатые землевладѣльцы, учителя и т. д. Капиталъ этихъ союзовъ первоначально также получался преимущественно на благотворительной основѣ: путемъ ссуды его богатыми членами общины.

У Райффейзена также была своя утопія, какъ и у Оуэна, но утопія совершенно иного рода. А именно, по словамъ его близкаго друга Нагеля, Райффейзенъ «разсматривалъ свои товарищества, только какъ средство къ достиженію гораздо болѣе высокой цѣли. Ему рисовалась впереди реформа современнаго общественнаго строя на основѣ дѣятельнаго христіанства. Товарищества же казались ему этапомъ на пути къ этой цѣли, къ организація братскаго, христіанскаго общежитія».

ГЛАВА II.

Райффейзеновское кредитное товарищество.

I. Возникновеніе райффейзеновскаго товарищества. II. Райффейзеновскіе принципы.

I.

Возникновеніе перваго райффейзеновскаго кредитнаго кооператива В. А. Косинскій рисуетъ въ своей работѣ, основанной на тщательномъ изученіи первоисточниковъ «Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи», слѣдующимъ образомъ. Основанное Райффейзеномъ въ 1854 г. «Геддерсдорфское благотворительное общество» исполняло функціи какъ благотворительнаго, такъ и кредитнаго учрежденія. Какъ благотворительное общество, оно большого успѣха не имѣло, но кредитныя операціи его получили быстрое развитіе. Ростъ этихъ операцій имѣлъ своимъ послѣдствіемъ значительное увеличеніе задолженности самого общества. Когда на общемъ собраніи общества въ 1863 г. обнаружилось, что долгъ общества дошелъ почти до 25 тыс. талеровъ, то собраніе постановило ликвидировать общество, если его задолженность превыситъ эту сумму. Ростъ задолженности, однако, не прекратился, и общее собраніе постановило ликвидировать общество 1 ноября 1864 г.

Эта неудача привела Райффейзена къ признанію необходимости поставить кредитныя операціи на прочную основу, отдѣливъ ихъ отъ благотворительной дѣятельности. Знакомство съ организаціей шульцевскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ помогло ему выработать типъ кредитнаго учрежденія, приспособленнаго для цѣлей кредита въ крестьянской средѣ.

Въ первоначальномъ уставѣ геддерсдорфскаго кредитнаго товарищества явно сказывается вліяніе уставовъ народныхъ банковъ,

устроенныхъ нѣсколько ранѣе Шульце-Деличемъ. И это нисколько не удивительно, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что именно Шульце явился учителемъ Райффейзена въ области коопераціи. Въ виду послѣдующихъ враждебныхъ отношеній обоихъ крупнѣйшихъ кооперативныхъ дѣятелей Германіи фактъ этотъ долженъ быть особенно подчеркнутъ, тѣмъ болѣе, что въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ Райффейзенъ отрицаетъ вліяніе на него Шульце. Однако В. А. Косинскій вполнѣ установилъ, что именно отъ Шульце Райффейзенъ заимствовалъ идею своего кредитнаго товарищества, какъ показываетъ очень интересная рукопись самого Райффейзена, относящаяся къ 1864 г. Въ этой рукописи отецъ крестьянской кооперации говоритъ, что онъ долго велъ переписку съ Шульце, отстаивая мысль, что общества, подобныя геддерсдорфскому, должны основываться всецѣло на христіанской любви и быть чуждыми въ какомъ бы то ни было отношеніи своекорыстныхъ мотивовъ; однако неуспѣхъ фламмерсфельдскаго общества и недовольство среди членовъ геддерсдорфскаго общества въ концѣ-концовъ убѣдили его въ правотѣ Шульце. «Чтобы не повторить печальнаго опыта въ Фламмерсфельдѣ,—говоритъ Райффейзенъ далѣе,—я рѣшилъ не противодѣйствовать закрытію общества и съ теченіемъ времени создать новое на иной основѣ. Это мнѣ и удалось, и притомъ въ формѣ, близкой къ товариществамъ Шульце-Делича. Такъ какъ эти послѣднія приспособлены къ городскимъ условіямъ, то я, конечно, ввелъ въ уставъ постановленія, приспособленныя къ здѣшнимъ условіямъ».

Такимъ образомъ, можно считать безспорнымъ, что идея райффейзеновскаго кооператива непосредственно внушена Шульце. А такъ какъ, далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что кооперативныя воззрѣнія Шульце возникли на основѣ знакомства съ ученіями французскихъ соціалистовъ, то въ концѣ-концовъ крестьянская кооперація оказывается ведущей свое начало отъ соціалистическихъ ученій первой половины прошлаго вѣка.

Первый крестьянскій кредитный кооперативъ казался его создателю, Райффейзену, лишь слегка измѣненнымъ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ типа Шульце. И дѣйствительно, въ первомъ уставѣ геддерсдорфскаго товарищества связь съ «народными банками» Шульце еще очень велика: въ этомъ товариществѣ имѣется, напр., паевой капиталъ, на который начисляется дивидендъ, про-

тивъ чего очень рѣшительно протестовалъ Райффейзенъ впослѣдствіи. Только постепенно изъ этого товарищества развился кооперативъ совершенно новаго типа. Въ своей окончательной формѣ кооперативъ, созданный Райффейзеномъ, оказался организаціей, глубоко различной отъ шульцевскаго «народнаго банка». Тѣ нововведенія, которыя первоначально казались самому Райффейзену незначительными и вызванными необходимостью приспособить ссудо-сберегательное товарищество къ нуждамъ деревни, знаменовали собой въ дѣйствительности созданіе кооператива совершенно новаго типа.

Дѣйствительно, шульцевское ссудо-сберегательное товарищество было приспособлено къ нуждамъ и интересамъ совершенно иного общественнаго класса, чѣмъ райффейзеновскій кооперативъ: первое обслуживало нужды городской мелкой буржуазіи, а второй служилъ интересамъ крестьянства. А такъ какъ городская мелкая буржуазія и крестьянство являются совершенно различными общественными классами, съ разными интересами и различными условіями жизни и хозяйства, то естественно, что и хозяйственныя организаціи, удовлетворяющія ихъ интересамъ, должны были оказаться принципіально различными.

Глубоко неправъ поэтому В. А. Косинскій, расматривая райффейзеновскій кооперативъ, какъ одинъ изъ подвидовъ шульцевскихъ народныхъ банковъ. Повторяемъ, что райффейзеновское кредитное товарищество является организаціей принципіально совершенно новой, хотя творецъ ея и былъ приведенъ къ ней желаніемъ приспособить уже существовавшую организацію къ нуждамъ иной соціальной среды.

II

Новое райффейзеновскаго кооператива заключается въ такъ наз. «райффейзеновскихъ принципахъ», которые имѣли для крестьянской кредитной коопераціи такое же значеніе, какъ рочдельскіе принципы для пролетарской коопераціи. Наиболѣе характерные изъ этихъ принциповъ заключаются въ слѣдующемъ.

Райффейзеновское товарищество принципіально отрицаетъ паевой капиталъ. Правда, въ настоящее время всѣ райффейзеновскіе кредитные кооперативы въ Германіи имѣютъ паевой капиталъ, но

это—только уступка требованію германскаго закона, не допускающему существованія кооперативовъ безъ паевого капитала. Однако паи въ райффейзеновскихъ товариществахъ обычно очень незначительны, а иногда они имѣютъ даже номинальный характеръ.

Затѣмъ райффейзеновское товарищество строго придерживается принципа «локализаціи»—районъ дѣйствій товарищества долженъ быть строго ограниченъ и, по возможности, не превышать района церковнаго прихода. Максимальнымъ райономъ для кредитнаго товарищества Райффейзенъ призналъ территорію съ 1500 душъ населенія. Товарищества съ большимъ райономъ уже нежелательны

Третьимъ райффейзеновскимъ принципомъ является требованіе безвозмезднаго труда со стороны всѣхъ выборныхъ должностныхъ лицъ товарищества. Оплачиваться долженъ лишь трудъ наемнаго счетовода. Правленіе же и совѣтъ должны работать для товарищества даромъ.

Четвертымъ райффейзеновскимъ принципомъ является запрещеніе одному члену товарищества участвовать одновременно въ нѣсколькихъ товариществахъ.

Наконецъ, характерной особенностью райффейзеновскаго товарищества является отсутствіе согласованности между активными и пассивными операціями товарищества: райффейзеновское товарищество признаетъ себя совершенно свободнымъ въ помѣщеніи поступающихъ въ него вкладовъ и, какъ общее правило, даетъ долгосрочное помѣщеніе вкладамъ, поступившимъ въ него на короткіе сроки.

Всѣ названные принципы звучатъ очень парадоксально, и не удивительно, что они встрѣтили самое рѣшительное порицаніе со стороны того, отъ кого Райффейзенъ получилъ первый толчокъ въ своей кооперативной дѣятельности,—Шульце. Шульце былъ типичнѣйшимъ представителемъ мелкой буржуазіи, со всѣми сильными и слабыми сторонами этого общественнаго класса. Сильной стороной мелко-буржуазнаго духа является практичность, слабой—духовная ограниченность, связанная съ этой практичностью. Мѣщанство духа вполнѣ соединимо съ большой дозой здраваго смысла, но трудно соединимо со значительнымъ полетомъ воображенія.

Народные банки Шульце отразили всѣ типичныя стороны особенности ихъ духовнаго отца. Райффейзенъ былъ иной натурой,—

въ немъ была творческая мечта, и потому ему удалось создать нѣчто гораздо болѣе грандіозное, чѣмъ шульцевскіе народные банки (о которыхъ рѣчи будетъ итти ниже, въ отдѣлѣ о мелко-буржуазной коопераціи). Райффейзеновскіе «принципы» показались Шульце чѣмъ-то до послѣдней степени противорѣчащимъ здравому смыслу и раціональнымъ основамъ кредитнаго дѣла. Между обоими вождями германской коопераціи возникла ожесточенная полемика, въ которой Шульце былъ нападающей стороной и притомъ не только въ печати; какъ вліятельный депутатъ, Шульце боролся съ райффейзеновскими принципами и на законодательной почвѣ, ему удалось добиться того, что германское законодательство сдѣлало невозможнымъ осуществленіе одного изъ райффейзеновскихъ принциповъ, запретивъ товарищества безъ паевого капитала.

Какой же смыслъ имѣютъ эти столь странные принципы? Разберемъ ихъ одинъ за другимъ.

Отказъ отъ паевого капитала казался Шульце чистой нелѣпостью. Никакое предпріятіе не можетъ работать безъ капитала, это совершенно очевидно. Не можетъ обходиться безъ капитала и кредитное товарищество; откуда же оно можетъ получить этотъ капиталъ? Первоначальныя райффейзеновскія товарищества получали капиталъ на благотворительной основѣ: болѣе достаточные жители деревни—помѣщики, духовенство и др.—ссужали кредитныя товарищества необходимымъ имъ капиталомъ съ тѣмъ, чтобы этотъ капиталъ былъ возвращенъ имъ впослѣдствіи, когда товарищество окрѣпнетъ. Но на основѣ благотворительности не можетъ создаться прочная хозяйственная организація. Поэтому Шульце считалъ себя въ правѣ не только самымъ рѣзкимъ образомъ возражать противъ этого основного райффейзеновскаго принципа, но и добиваться законодательнаго запрещенія товариществъ безъ паевого капитала, чего ему, какъ сказано, и удалось достигнуть.

Однако этотъ райффейзеновскій принципъ отнюдь не былъ произвольнымъ измышленіемъ Райффейзена. Мало того, только на основѣ этого принципа возможенъ кредитъ для массы менѣе обезпеченнаго деревенскаго населенія, по той простой причинѣ, что нуждающійся крестьянинъ отнюдь не располагаетъ капиталомъ, необходимымъ для внесенія сколько-нибудь значительнаго пая Кредитъ, основанный на предварительномъ внесеніи пая въ нѣ-

сколько сотъ марокъ (какъ это практикуется въ шульцевскихъ «народныхъ банкахъ»), естественно предназначается не для нуждающагося крестьянина, а для болѣе достаточныхъ классовъ населенія. Небольшой же пай дѣлаетъ невозможнымъ самостоятельное возникновеніе кредитнаго кооператива и вызываетъ необходимость посторонней помощи, совершенно такъ же, какъ и при отсутствіи паевого капитала.

Такимъ образомъ, крестьянская кредитная кооперація стоитъ, повидимому, передъ дилеммой—или крупный пай и, слѣдовательно, недоступность кредита для болѣе бѣдной части крестьянства, или же небольшой пай (полное отсутствіе паевого капитала) и, въ такомъ случаѣ, необходимость помощи кооперативу со стороны. Райффейзенъ естественно выбралъ второе рѣшеніе, которое ему диктовалось уже тѣмъ, что онъ отправлялся въ своемъ построеніи отъ идеи благотворительнаго общества, и противъ помощи кооперативу со стороны онъ принципіально ничего не имѣлъ.

Но, конечно, если бы кооперація опиралась на благотворительность, какъ этого хотѣлъ Райффейзенъ, то она не могла бы получить большого развитія. Въ дѣйствительной жизни названная дилемма получила съ теченіемъ времени разрѣшеніе совершенно иное, не предвидѣнное творцомъ крестьянской коопераціи. А именно, кооперація постепенно настолько окрѣпла, создавши свои центральныя организаціи, что эти центральныя организаціи получили возможность открывать кредитъ вновь возникающимъ кооперативамъ и, такимъ образомъ, ссужать имъ необходимый основной капиталъ. Кооперативы получили прочную основу для начала своей дѣятельности, не прибѣгая къ помощи богатыхъ благотворителей (какъ это было вначалѣ), и въ то же время избѣгли необходимости требовать внесенія крупнаго пая отъ лицъ, нуждающихся въ кредитѣ.

Своеобразный, нехозяйственный подходъ Райффейзена къ разрѣшенію данной задачи—подходъ изъ области благотворительности—оказался чрезвычайно плодотворнымъ. Если бы Райффейзенъ стоялъ только на почвѣ хозяйственнаго раціонализма, какъ Шульце, то, конечно, онъ не могъ бы совершить своего историческаго дѣла—создать крестьянскую кооперацію. Нужно было преодолѣть систему капитализма, а для этого нужно было внести въ эту систему нѣкоторыя принципіально новыя начала, что и

сдѣлалъ Райффейзенъ, подойдя къ коопераціи, какъ къ наилучшей формѣ благотворительности.

Итакъ, отрицаніе паевого капитала какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ задачамъ крестьянской кредитной коопераціи, имѣющей своей цѣлью организовать кредитъ для лицъ, не обладающихъ денежнымъ капиталомъ. Капиталъ, необходимый для начала дѣла, получается въ этомъ случаѣ со стороны, изъ средствъ, которыми располагаютъ центральныя кооперативныя организаціи. Источникомъ же для открытія кредита являются, какъ и въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, вклады.

Для того, чтобы вклады притекали въ кредитное учрежденіе, необходимо довѣріе вкладчиковъ. Довѣріе же это достигается правильнымъ и добросовѣстнымъ веденіемъ дѣла, а отнюдь не значительностью паевого капитала. Такимъ образомъ, кредитное учрежденіе, даже не имѣющее никакого паевого капитала, можетъ пользоватъся полнымъ довѣріемъ пайщиковъ.

Второй райффейзеновскій принципъ—«локализація»—звучитъ не менѣе парадоксально. Всякое предпріятіе экономически тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше его размѣры. Поэтому, казалось бы, кредитный кооперативъ только выигрываетъ, если онъ принимаетъ большіе размѣры, и, значитъ, охватываетъ болѣе значительную группу лицъ. Между тѣмъ принципъ локализаціи требуетъ, чтобы кооперативъ никоимъ образомъ не увеличивалъ своихъ размѣровъ—товарищество всегда должно оставаться организаціей небольшихъ размѣровъ, какъ бы ни были благопріятны условія для его расширенія.

Это кажется такой же экономической несообразностью, какъ и первый принципъ—отрицаніе паевого капитала. Обрекая свои кооперативы на локализованность, не обрекаетъ ли ихъ Райффейзенъ вмѣстѣ и на безсиліе?

Однако и въ данномъ случаѣ Райффейзенъ обнаружилъ такой же тактъ и такое же глубокое пониманіе истинной природы крестьянской коопераціи, какъ и при отрицаніи паевого капитала. Крестьянское кредитное товарищество должно оказывать помощь лицамъ, не обладающимъ сколько-нибудь значительнымъ имуществомъ. Тѣмъ не менѣе оно должно быть вполнѣ обезпечено въ исправномъ возвращеніи заемщикамъ получаемыхъ ими ссудъ. Чѣмъ же можно замѣнить имущественное обезпеченіе ссуды? Очевидно,

только личнымъ довѣріемъ къ должнику. Данное лицо можетъ обладать ничтожнымъ имуществомъ и все-таки заслуживать полнаго довѣрія, если его личныя качества таковы, что внушаютъ довѣріе.

Особенностью крестьянскаго кредита является, такимъ образомъ, необходимость самаго близкаго знакомства кредитнаго учрежденія съ личностью должника. Безъ этого знакомства кредитное учрежденіе рискуетъ потерять свои ссуды, такъ какъ должникъ не можетъ обезпечить полученной имъ ссуды своимъ имуществомъ.

Но для возможности близкаго знакомства съ каждымъ должникомъ требуется, чтобы районъ дѣйствія кредитнаго учрежденія былъ ограниченъ. Въ одной деревнѣ или въ одномъ церковномъ приходѣ всѣ прекрасно знаютъ другъ друга. Въ этомъ случаѣ имѣется не только полное знаніе другъ друга, но и полное знакомство съ состояніемъ хозяйства каждаго; не представляетъ никакого труда провѣрить, насколько правильны заявленія того или иного лица, ищущаго ссуды. Если, напр., данное лицо заявляетъ, что ссуда ему нужна на покупку лошади, то не трудно убѣдиться, дѣйствительно ли данное лицо нуждается въ лошади и выиграетъ ли оно отъ покупки лошади. Столь же легко провѣрить и назначеніе, какое ссуда получаетъ въ хозяйствѣ лица, воспользовавшагося ссудой. Для односельчанъ всѣ жители деревни живутъ какъ бы подъ стеклянной крышей, и всѣ самыя интимныя подробности жизни каждаго всѣмъ превосходно извѣстны.

При такомъ близкомъ знакомствѣ совсѣмъ не трудно размѣщать ссуды безъ всякаго риска ихъ невозвращенія. Но имѣется и еще одна очень существенная выгода размѣщенія ссудъ среди лицъ, близко живущихъ другъ отъ друга. Въ этомъ случаѣ чрезвычайно затрудняется для должчика уклоненіе отъ выполненія имъ своихъ обязательствъ: неуплата долга однимъ лицомъ причиняетъ ущербъ всѣмъ членамъ товарищества, которые имѣютъ возможность тысячами способовъ дать почувствовать своему односельчанину все недовольство его образомъ дѣйствій. Уклоненіе отъ платежа полученной ссуды грозитъ въ этомъ случаѣ должнику множествомъ самыхъ серьезныхъ непріятностей.

Итакъ, принципъ локализаціи имѣетъ то значеніе, что онъ даетъ возможность индивидуализировать кредитныя операціи и такимъ путемъ достигать ихъ наибольшаго обезпеченія; въ то же

время онъ дастъ возможность самаго строгаго контроля за назначеніемъ ссуды и гарантируетъ исправный возвратъ ея путемъ нравственнаго давленія со стороны заинтересованныхъ членовъ товарищества. Всѣхъ этихъ выгодъ лишается товарищество болѣе крупнаго района, и вотъ почему Райффейзенъ придавалъ такое важное значеніе малому району дѣйствій своихъ товариществъ.

Однако невыгоды небольшихъ размѣровъ кредитнаго учрежденія все же остаются: мелкое предпріятіе по необходимости является слабымъ. Но для кредитнаго кооператива съ очень узкимъ райономъ возникаетъ, кромѣ этого, еще особое неудобство, связанное съ его операціями, какъ учрежденія кредита. А именно, товарищество кредитуетъ тѣми капиталами, которые оно получаетъ въ видѣ вкладовъ отъ лицъ, не нуждающихся въ данный моментъ въ этомъ капиталѣ. Но если вкладчики и члены кредитнаго учрежденія принадлежатъ къ очень узкому району и находятся вслѣдствіе этого въ очень сходныхъ условіяхъ экономической жизни, то усиленный спросъ на капиталъ, равно какъ и усиленное предложеніе капитала, приходятся для всѣхъ приблизительно на одни и тѣ же моменты времени. Такъ, осенью всѣ сельскіе хозяева, послѣ продажи урожая, имѣютъ нѣкоторые избытки денежныхъ средствъ, а весною, при началѣ полевыхъ работъ, чувствуютъ нужду въ оборотныхъ средствахъ. По этой причинѣ товарищество очень узкаго района рискуетъ періодически испытывать то избытокъ предложенія капитала, то избытокъ спроса на капиталъ; въ первомъ случаѣ будетъ трудно размѣстить капиталъ, во второмъ будетъ трудно удовлетворить потребность въ кредитѣ.

Такимъ образомъ, принципъ локализаціи заключаетъ въ себѣ, при своихъ сильныхъ сторонахъ, и нѣкоторыя опасности. Жизнь показала, однако, что имѣется полная возможность сохранить сильныя стороны этого принципа, избѣгнувъ его опасности: нужно только дополнить этотъ принципъ новымъ—принципомъ объединенія строго локализованныхъ товариществъ въ болѣе или менѣе обширные союзы. Такіе союзы, связывая сотни и тысячи отдѣльныхъ товариществъ, нисколько не уменьшаютъ самостоятельности каждаго отдѣльнаго товарищества и не препятствуютъ ему такъ же тонко и точно индивидуализировать свои кредитныя операціи, но въ то же время союзы эти дѣлаютъ отдѣльное товарищество

членомъ крупнаго цѣлаго, одной ячейкой огромной сѣти товариществъ. Перемѣщая капиталъ изъ одного товарищества въ другое, союзъ даетъ возможность выравнивать спросъ и предложеніе капиталовъ въ отдѣльныхъ товариществахъ, и, что не менѣе важно, союзъ связываетъ товарищество со всѣмъ денежнымъ рынкомъ страны: денежный капиталъ съ широкаго рынка не можетъ быть помѣщенъ въ небольшомъ деревенскомъ товариществѣ, но союзъ, объединяющій множество такихъ товариществъ, выступаетъ на денежномъ рынкѣ, какъ крупное кредитное учрежденіе, привлекающее денежные вклады съ широкаго денежнаго рынка, подобно всякому другому крупному кредитному учрежденію.

Такимъ образомъ, союзъ создаетъ для отдѣльнаго кредитнаго товарищества мощную экономическую базу. Товарищества, образующія союзъ, сплетаются въ одну сѣть, раскидывающуюся на обширной территоріи, и въ то же время товарищества не утрачиваютъ сами тѣсной связи съ небольшими группами лицъ, принадлежащихъ къ одному селу. Выгоды локализаціи кредитнаго товарищества цѣликомъ сохраняются, но невыгоды небольшого размѣра кредитнаго учрежденія отпадаютъ, благодаря союзному объединенію товариществъ.

Третій райффейзеновскій принципъ—безплатность работы руководителей товарищества—не менѣе существененъ для успѣха дѣла. Конечно, въ крупномъ кредитномъ предпріятіи нельзя требовать безплатнаго труда. Но вѣдь райффейзеновское товарищество должно оставаться мелкимъ. Въ мелкомъ кредитномъ товариществѣ распредѣленіе ссудъ между какой-нибудь сотней членовъ требуетъ самой незначительной затраты труда; засѣданія товарищества происходятъ всего разъ, много два раза въ недѣлю, въ свободное время, и жертва своимъ досугомъ, которая требуется въ этомъ случаѣ отъ члена правленія, настолько незначительна, что для принесенія ея не нужно героизма. Во всякомъ случаѣ опытъ показалъ, что безплатная служба членовъ правленія и совѣта вполнѣ осуществима.

Безплатность же службы членовъ правленія и совѣта значительно усиливаетъ товарищество. Во-первыхъ, непосредственная выгода соблюденія этого райффейзеновскаго принципа заключается въ значительномъ пониженіи расходовъ по управленію товариществомъ. Райффейзеновскія товарищества работаютъ съ такими

небольшими затратами на управленіе предпріятія, какъ никакія другія. Если бы служба членовъ правленія оплачивалась по обычной капиталистической мѣркѣ, то это привело бы къ огромному повышенію процентовъ по ссудамъ, выдаваемымъ товариществами, ибо при ничтожномъ количествѣ этихъ ссудъ, благодаря небольшимъ размѣрамъ товарищества, прибавка къ расходамъ товарищества, вызываемая оплатой членовъ правленія, выразилась бы крупнымъ увеличеніемъ расходовъ на каждую ссуду. Благодаря же безплатности труда членовъ правленія и совѣта, товарищества могутъ работать при самомъ ничтожномъ превышеніи процента по ссудамъ сравнительно съ процентомъ, платимымъ по вкладамъ. Такъ, за первые годы настоящаго столѣтія германскія сельскія кредитныя товарищества взимали по ссудамъ отъ 4,7 до 4,8%, въ то время, какъ по вкладамъ они платили отъ 3,6 до 3,7%— разница немногимъ болѣе 1%. Конечно, такой результатъ былъ бы невозможнымъ, если бы трудъ членовъ правленія и совѣта оплачивался.

Райффейзеновскія товарищества дали деревенскому населенію кредитъ изъ такого процента, который нерѣдко оказывается даже болѣе низкимъ, чѣмъ учетный процентъ Имперскаго банка. Въ этихъ случаяхъ крестьянинъ получалъ изъ своего товарищества ссуды на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ первоклассныя фирмы изъ крупныхъ капиталистическихъ банковъ.

Однако этимъ далеко не исчерпываются выгоды, получаемыя товариществомъ отъ строгаго соблюденія принципа безплатности трудовыхъ услугъ. Принципъ этотъ имѣетъ чрезвычайно важныя косвенныя послѣдствія. Райффейзеновское товарищество цѣликомъ основывается на довѣріи къ личности должника. Оно вручаетъ своему правленію очень большую власть—открывать или отказывать въ кредитѣ только на основаніи оцѣнки нравственныхъ качествъ человѣка. Поэтому важно, чтобы эта власть была въ достойныхъ рукахъ. Лишь въ этомъ случаѣ весь механизмъ можетъ работать правильно и товарищество будетъ заслуживать того довѣрія, которое оно само требуетъ отъ своихъ вкладчиковъ.

Отсюда слѣдуетъ особая важность для райффейзеновскаго товарищества привлекать въ свое правленіе лицъ, вполнѣ добросовѣстныхъ, которымъ не страшно вручать судьбу другихъ лицъ. Какъ же обезпечить подборъ въ составъ правленія лицъ именно

такихъ рѣдкихъ качествъ? Райффейзеновскій принципъ безплатности работы членовъ правленія и совѣта какъ нельзя лучше приспособленъ къ тому, чтобы достигать этой цѣли. Не разсчитывая ни на какія матеріальныя выгоды, члены правленія и совѣта райффейзеновскаго товарищества берутъ на себя свои обязанности только изъ интереса къ дѣлу и желанія помочь своимъ односельчанамъ. Правда, они получаютъ извѣстное вознагражденіе за свои труды, но вознагражденіе не денежное, а заключающееся въ уваженіи и благодарности тѣхъ, кому они безкорыстно служили. Такимъ образомъ, только благодаря слѣдованію этому принципу, заимствованному Райффейзеномъ изъ области благотворительности, созданныя имъ учрежденія крестьянскаго кредита могутъ наиболѣе удачно осуществлять свои отнюдь не благотворительныя функціи.

Четвертый райффейзеновскій принципъ не требуетъ особыхъ поясненій. Участіе одного и того же лица въ нѣсколькихъ кредитныхъ товариществахъ совершенно несовмѣстимо съ той тѣсной личной связью между товариществомъ и всѣми его членами, которая является основой райффейзеновскаго кооператива. Кредитное товарищество должно имѣть возможность осуществлять полный контроль надъ всей хозяйственной дѣятельностью своего члена; если же данное лицо участвуетъ одновременно въ нѣсколькихъ товариществахъ, то, конечно, каждое изъ нихъ, не будучи освѣдомлено относительно операціи этого лица съ другими товариществами, не имѣетъ никакой возможности осуществлять этотъ контроль.

Одной изъ характерныхъ особенностей райффейзеновскаго товарищества, вызвавшей особо горячіе нападки на этотъ типъ кредитныхъ учрежденій со стороны Шульце и его единомышленниковъ, было несоотвѣтствіе въ этихъ товариществахъ между характеромъ пассива и актива. Кредитное учрежденіе кредитуетъ изъ тѣхъ капиталовъ, которые притекаютъ къ нему со стороны. Поэтому общимъ правиломъ дѣятельности кредитныхъ учрежденій признается, что ихъ активныя операціи должны опредѣляться характеромъ ихъ пассивныхъ операцій: для того, чтобы данное кредитное учрежденіе могло практиковать долгосрочный кредитъ, оно должно получать и капиталъ въ свое распоряженіе на долгіе сроки.

Поэтому ипотечные банки, кредитирующіе своихъ кліентовъ на продолжительные сроки, получаютъ капиталы для своихъ операцій не путемъ привлеченія краткосрочныхъ вкладовъ, а выпускомъ осо-

быхъ кредитныхъ документовъ, закладныхъ листовъ, которые погашаются въ теченіе того же срока, на который выдается ссуда. Банки же, не выпускающіе подобныхъ документовъ, а получающіе свои средства для кредитованія изъ краткосрочныхъ вкладовъ, могутъ оказывать лишь краткосрочный кредитъ. Это признается элементарнымъ и основнымъ правиломъ банковскаго дѣла, нарушеніе котораго должно приводить къ невозможности для банка выполнять свои обязательства по отношенію ко своимъ кредиторамъ и, значитъ, ко крушенію банка.

Между тѣмъ райффейзеновское товарищество силою вещей приводится къ долгосрочному кредиту. Оно имѣетъ въ виду оказывать помощь сельскому хозяину въ его хозяйственной дѣятельности. Но въ сельскомъ хозяйствѣ капиталъ оборачивается медленно, это не торговля, въ которой капиталъ легко можетъ обернуться нѣсколько разъ въ теченіе года. Нормальный сельскохозяйственный оборотъ охватываетъ при озимомъ посѣвѣ почти годъ, въ скотоводствѣ три—четыре года. Основной же капиталъ (постройки, машины и пр.) оборачивается въ сельскомъ хозяйствѣ многіе годы. Между тѣмъ источникомъ средствъ для кредитованія являются для райффейзеновскаго товарищества краткосрочные вклады. Отсюда возникаетъ для крестьянскаго кредита серьезное затрудненіе, которое должно быть тѣмъ или инымъ способомъ преодолѣно.

Райффейзеновскія товарищества практикуютъ кредитъ двоякаго рода: во-первыхъ, краткосрочный кредитъ и, во-вторыхъ, долгосрочный, при чемъ послѣдній охватываетъ продолжительные сроки, даже свыше 10 лѣтъ.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что фактически краткосрочныя ссуды, срокомъ до одного года, играютъ въ райффейзеновскихъ кооперативахъ сравнительно незначительную роль. Значительно преобладаютъ ссуды срокомъ отъ 1 до 10 лѣтъ (на эти ссуды приходится около двухъ третей всѣхъ ссудъ), ссуды же на сроки свыше 10 лѣтъ составляютъ около $^1/_5$ всѣхъ ссудъ.

Какимъ же образомъ райффейзеновское товарищество открываетъ долгосрочный кредитъ, получая краткосрочные вклады?

Чтобы обезпечить товарищества на случай истребованія вкладовъ, Райффейзенъ ввелъ въ уставы своихъ товариществъ два постановленія: во-первыхъ, товарищества могутъ въ случаѣ надобности прибѣгнуть къ выпуску долгосрочныхъ облигацій; во-вторыхъ, то-

варищества имѣютъ право во всякое время потребовать отъ своихъ членовъ возвращенія полученныхъ послѣдними ссудъ, на какіе бы сроки ни были выданы послѣднія, подъ условіемъ предупрежденія должника за четыре недѣли.

Это послѣднее правило формально превращаетъ всѣ ссуды товарищества въ краткосрочныя, возвращаемыя черезъ четыре недѣли. Первое же правило даетъ возможность товариществу превратить свои обязательства въ долгосрочныя.

Однако и то и другое правило имѣетъ чисто-формальный характеръ и на практикѣ почти никогда не примѣняются. Что касается до выпуска долгосрочныхъ обязательствъ, то за все время существованія райффейзеновскихъ товариществъ къ этому не приходилось прибѣгать ни разу. А право требовать возвращенія ссуды съ предупрежденіемъ за четыре недѣли также остается на бумагѣ, такъ какъ фактически товарищества пользуются имъ крайне рѣдко, въ совершенно исключительныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, фактически товарищества открываютъ долгосрочный кредитъ при помощи вкладовъ, помѣщаемыхъ въ товарищества на короткіе сроки. Это возможно только потому, что фактически вклады остаются въ товариществѣ продолжительные сроки.

Указанное затрудненіе разрѣшается, слѣдовательно, слѣдующимъ образомъ: товарищества фактически получаютъ капиталъ на долгіе сроки и потому могутъ выдавать его въ ссуду на долгіе сроки. Формально же товарищества кредитуютъ на короткій срокъ (ибо каждая ссуда можетъ быть истребована обратно въ теченіе мѣсяца), получая вклады также на короткій срокъ. Требованіе банковской политики о соотвѣтствіи банковскаго актива и пассива фактически совершенно не нарушается, да и формальнаго нарушенія нѣтъ вслѣдствіе указанной статьи устава товарищества, разрѣшающей досрочное истребованіе ссуды.

Возможность кредитованія на долгій срокъ обусловливается, такимъ образомъ, особымъ характеромъ вкладовъ въ райффейзеновскихъ товариществахъ. Въ данномъ случаѣ еще разъ обнаруживается черта всей этой организаціи, ея тѣсная связь съ жизнью деревни и начало довѣрія, которое составляетъ основу всѣхъ ея операцій. Къ райффейзеновскому товариществу совершенно непримѣнимы тѣ требованія, которыя слѣдуетъ предъявлять ко всякой

хозяйственной организаціи, стоящей на почвѣ только хозяйственнаго эгоизма и строгаго хозяйственнаго расчета. Духъ райффейзеновскаго товарищества совершенно иной, и въ этомъ сила товарищества. Неудивительно, что Шульце, стоявшій на почвѣ совершенно иного міросозерцанія, оказался не въ силахъ уразумѣть эту специфическую силу райффейзеновской кооперации и, предъявляя къ ней тѣ же требованія, какъ и ко всякой другой хозяйственной организаціи, упорно отказывался признать раціональность и остроуміе той организаціи, при помощи которой Райффейзенъ рѣшилъ казавшуюся неразрѣшимой задачу—обезпечить кредитъ лицамъ, съ точки зрѣнія обычнаго банка, совершенно некредитоспособнымъ.

Но указанными чертами не исчерпываются особенности райффейзеновскаго товарищества. Оно заключаетъ въ себѣ еще одно учрежденіе, для него весьма характерное.

Кредитный кооперативъ былъ для Райффейзена не цѣлью въ себѣ, а только средствомъ для болѣе высокой цѣли. Кредитныя товарищества были задуманы ихъ творцомъ, какъ орудія преобразованія всего современнаго общественнаго строя на началахъ братской любви и христіанской морали. Они отнюдь не должны были служить интересамъ только своихъ членовъ.

Соотвѣтственно этому Райффейзенъ придавалъ особое значеніе тому, чтобы созданныя имъ товарищества могли исполнять свою общественную функцію помимо своихъ ближайшихъ задачъ улучшенія условій кредита небольшой группы своихъ членовъ.

Съ этой цѣлью Райффейзенъ сдѣлалъ обязательнымъ для своихъ товариществъ образованіе особаго недѣлимаго и постояннаго фонда, который, въ случаѣ прекращенія товарищества, долженъ итти на устройство новаго кредитнаго товарищества. Фондъ этотъ образуется изъ отчисленій товарищества и имѣетъ слѣдующее назначеніе: во-первыхъ, онъ долженъ дать возможность товариществу съ теченіемъ времени избавиться отъ чужого капитала,—товарищество, пользуясь этимъ фондомъ, получаетъ возможность изъ него кредитовъ своихъ членовъ; во-вторыхъ, при прекращеніи товарищества фондъ этотъ долженъ быть переданъ центральной организаціи райффейзеновскихъ товариществъ для устройства новаго товарищества такого же типа.

Образованію такого недѣлимаго фонда Райффейзенъ придавалъ

особое значеніе. Идея этого фонда была внушена Райффейзену очевидно, недѣлимымъ фондомъ для производительныхъ ассоціацій Бюше, хотя, повидимому, самъ Райффейзенъ и не былъ знакомъ со взглядами Бюше,—они дошли до него изъ вторыхъ рукъ. Фасбендеръ въ своей книгѣ («F. W. Raiffeisen, in seinem Leben, Denken und Wirken» 1902), основанной на многолѣтней личной дружбѣ съ Райффейзеномъ, отмѣчаетъ, что идея «недѣлимаго фонда» была высказана одновременно съ Райффейзеномъ извѣстнымъ швейцарскимъ соціалистомъ и кооператоромъ Беккеромъ, но что и тотъ и другой пришли къ своимъ взглядамъ независимо другъ отъ друга. Это вполнѣ возможно, такъ какъ и тотъ и другой воспользовались въ данномъ случаѣ идеей Бюше, которая была хорошо извѣстна въ шестидесятые годы прошлаго вѣка въ кругахъ лицъ, интересовавшихся кооперацiей.

Идея недѣлимаго фонда, какъ хозяйственнаго базиса кредитнаго кооператива, при устраненіи чужого капитала, является самымъ слабымъ изъ «райффейзеновскихъ принциповъ», и до настоящаго времени не получила практическаго осуществленія; фактически райффейзоновскія товарищества въ гораздо большей степени, чѣмъ кредитные кооперативы шульцевскаго типа, кредитуютъ чужимъ капиталомъ, и это нисколько не удивительно въ виду того, что образованіе значительнаго собственнаго капитала возможно лишь путемъ повышенія процента по ссудамъ, на что члены товарищества идутъ очень неохотно.

Чтобы понять сущность райффейзеновскаго товарищества, нужно имѣть въ виду, что кредитныя операціи отнюдь не должны были, по мысли Райффейзена, быть единственнымъ дѣломъ товарищества. Кредитное товарищество должно стать деревенскимъ кооперативомъ самаго универсальнаго рода: кромѣ ссудъ, оно должно также закупать для своихъ членовъ нужныя имъ средства производства, продавать продукты ихъ труда, организовывать для своихъ членовъ сельскохозяйственные курсы и лекціи, вообще всесторонне руководить жизнью и дѣятельностью своихъ членовъ и подымать ихъ хозяйственный, моральный и интеллектуальный уровень.

«Доставленіемъ денежныхъ средствъ,—говоритъ Райффейзенъ въ своемъ основномъ сочиненіи «Die Darlehnkassen Vereine»,—не ограничиваются задачи товарищества. Дальнѣйшая задача товарищества заключается въ томъ, чтобы достигнуть наилучшаго исполь-

зованія этихъ средствъ въ видахъ поднятія хозяйства и производства, а не увеличенія безполезныхъ расходовъ. Указаніе способовъ къ этому столь же важно или даже важнѣе, чѣмъ полученіе денегъ. Сельскохозяйственныя общества, такъ же какъ и крестьянскія общества, ставятъ себѣ задачей содѣйствовать этому. И они, безъ сомнѣнія, сдѣлали въ этомъ отношеніи многое. Однако рѣдкія собранія такихъ обществъ и доклады странствующихъ лекторовъ, при относительно очень скудномъ спеціальномъ образованіи въ сельскохозяйственныхъ школахъ, еще далеко не оказываютъ на отдѣльныя лица такого вліянія, чтобы произошелъ общій подъемъ. Очень часто подобныя собранія посѣщаются многими лицами, ищущими образованія и помощи въ своей нуждѣ. Но послѣ докладовъ нерѣдко слышишь: все это прекрасно и мы охотно бы сдѣлали все это, но у насъ нѣтъ денегъ. Землевладѣльцы могутъ предлагать, что имъ угодно, но мы ничѣмъ изъ этого воспользоваться не можемъ. Иначе обстоитъ дѣло съ кредитными товариществами. Безъ всякихъ особыхъ мѣръ собранія товарищества являются вмѣстѣ съ тѣмъ и собраніями сельскохоаяйственнаго общества. Но въ отличіе отъ сельскохозяйственныхъ обществъ товарищества располагаютъ средствами для проведенія и исполненія предлагаемыхъ улучшеній. Такимъ образомъ могутъ осуществляться всевозможныя меліораціи, дренажированія почвы, улучшенія луговъ, устройство виноградниковъ, плодовыхъ садовъ и т. д., и т. д., могутъ быть поощряемы разныя вспомогательныя отрасли хозяйства, какъ пчеловодство, рыбоводство, кустарные промыслы и т. д. Собранія товарищества могутъ правильно происходить каждое воскресенье. Все, что касается улучшенія хозяйственнаго положенія членовъ товарищества, можетъ быть обсуждаемо на этихъ собраніяхъ и осуществляемо при помощи имѣющихся денежныхъ средствъ».

ГЛАВА III.

Развитіе райффейзеновской кредитной коопераціи.

I. Райффейзеновское движеніе въ строгомъ смыслѣ. II. Движеніе Имперскаго союза. III. Крушеніе центральной организаціи германской крестьянской коопераціи.

1.

Первое райффейзеновское товарищество возникло, какъ сказано, въ 1864 г. Оно нашло для себя благодарную почву, такъ какъ во второй половинѣ XIX вѣка въ Германіи, какъ и въ другихъ государствахъ Западной Европы, крестьянское хозяйство переживало тяжелый кризисъ, вызванный быстрымъ проникновеніемъ въ деревню денежнаго хозяйства и сопровождавшійся чрезвычайнымъ обостреніемъ нужды крестьянина въ денежныхъ средствахъ.

Эта потребность въ денежномъ капиталѣ еще усиливалась обнаружившейся необходимостью перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства: отъ прежняго, преимущественно зерноваго хозяйства къ различнымъ отраслямъ животноводства и птицеводства. Какъ показало обслѣдованіе германскимъ «Союзомъ соціальной политики», вопроса о ростовщичествѣ германская деревня даже въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка сильно страдала отъ ростовщичества, и это было нисколько не удивительно, такъ какъ въ деревнѣ почти не существовало особыхъ учрежденій для удовлетворенія крестьянской потребности въ кредитѣ.

Положеніе еще осложнилось возникновеніемъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка тяжелаго аграрнаго кризиса, охватившаго свыше двухъ десятилѣтій. Кризисъ этотъ былъ вызванъ сложными причинами, въ основѣ которыхъ лежало удеше-

вленіе сухопутнаго и морского транспорта, благодаря чему зерновые продукты заокеанскихъ странъ и Россіи появились въ огромномъ количествѣ на рынкахъ Западной Европы, что естественно привело къ паденію цѣнъ этихъ продуктовъ, продолжавшемуся вплоть до половины девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Все это вмѣстѣ привело къ тому, что въ германской деревнѣ обнаружилась очень острая потребность въ кредитныхъ учрежденіяхъ, которыя могли бы кредитовать крестьянскую массу. Обычныя учрежденія кредита были недоступны для крестьянина. Вполнѣ понятно, что райффейзеновскіе кооперативы пришлись какъ нельзя болѣе кстати и начали быстро распространяться.

Вотъ данныя о ростѣ въ Германіи кредитныхъ товариществъ (всѣхъ типовъ):

	Число кредитныхъ товариществъ въ Германіи.
1890 г.	3.467
1895 „	6.417
1900 „	11.477
1905 „	15.011
1910 „	17.493
1912 „	18.830

Правда, въ этотъ итогъ входятъ и городскія товарищества Шульце. Но такъ какъ число послѣднихъ очень невелико и колеблется около тысячи, то приведенныя цифры характеризуютъ собой ростъ именно сельскихъ кредитныхъ товариществъ, огромное большинство которыхъ является товариществами болѣе или менѣе чистаго райффейзеновскаго типа.

Этотъ поразительный ростъ крестьянской кредитной кооперации сталъ возможенъ лишь благодаря тому, что райффейзеновскія товарищества дѣйствовали не изолированно другъ отъ друга, но очень скоро создали объединяющіе ихъ союзы.

Союзы эти носятъ въ Германіи названія центральныхъ кассъ и служатъ, какъ было указано выше, главнымъ образомъ, двумъ цѣлямъ: во-первыхъ, выравниванію спроса и предложенія денежнаго капитала въ отдѣльныхъ товариществахъ и, во-вторыхъ, установленію связи между отдѣльными товариществами и широкимъ денежнымъ рынкомъ. Только опираясь на центральныя кассы, райффейзеновскія товарищества могли достигнуть такихъ выдающихся успѣховъ.

Райффейзенъ прекрасно понималъ необходимость объединяющихъ товарищества союзовъ и съ самаго начала своей кооперативной дѣятельности сталъ стремиться къ созданію центральной кассы своихъ товариществъ, равно какъ и къ болѣе широкой организаціи, не банковскаго типа, для объединенія дѣятельности товариществъ въ другихъ отношеніяхъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, ему пришлось преодолѣть значительныя затрудненія, такъ какъ германскій кооперативный законъ 1868 г. запрещалъ образованіе союзовъ кооперативовъ. Препятствіе это было обойдено Райффейзеномъ путемъ образованія центральной кассы своихъ товариществъ на основахъ акціонерной компаніи. Такимъ образомъ, уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Нейвидѣ—въ небольшомъ прирейнскомъ городѣ, въ районѣ котораго развивалась дѣятельность Райффейзена — возникли двѣ центральныя организаціи для крестьянской коопераціи: «Сельскохозяйственная центральная кредитная касса Германіи» и «Общій союзъ сельскихъ товариществъ Германіи».

Центральная касса возникла, какъ сказано, въ формѣ акціонерной компаніи, съ капиталомъ въ 10 милліоновъ мар., раздѣленнымъ на 10.000 акцій по 1000 мар. Задача центральной кассы заключалась въ производствѣ банковскихъ операцій для доставленія членамъ кассы необходимыхъ денежныхъ средствъ. Членами же кассы являлись лишь райффейзеновскія товарищества. Кромѣ банковскихъ операцій, касса содѣйствовала также и другимъ операціямъ товариществъ—закупкѣ ими сельскохозяйственныхъ средствъ производства и продажѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Касса эта съ теченіемъ времени открыла 12 отдѣленій въ различныхъ районахъ Германіи, являющихся центрами, объединяющими дѣятельность товариществъ даннаго района. Главная задача отдѣленій кассы заключалась въ регулированіи распредѣленія денежныхъ капиталовъ между отдѣльными товариществами даннаго района. Директора отдѣленій составляли, вмѣстѣ съ главнымъ директоромъ, правленіе Центральной кассы. Отдѣленія возникли сравнительно недавно: первыя три отдѣленія были учреждены въ 1895 г., до этого же времени всѣ денежныя операціи объединенныхъ товариществъ были сосредоточены непосредственно въ нейвидской кассѣ.

Другимъ объединяющимъ центромъ райффейзеновскихъ това-

риществъ явился «Общій союзъ сельскихъ товариществъ Германіи». Эта организація не преслѣдовала непосредственныхъ хозяйственныхъ цѣлей и должна была стать духовнымъ центромъ всей сѣти райффейзеновскихъ товариществъ, играя по отношенію къ райффейзеновской коопераціи такую же роль, какую играетъ по отношенію къ британской потребительной коопераціи «Кооперативный союзъ». Но, кромѣ этого, «Общій союзъ» выполнялъ и нѣкоторыя иныя функціи: такъ, при немъ было ревизіонное отдѣленіе, завѣдующее ревизіей товариществъ, и страховое отдѣленіе, исполняющее роль посредника между товариществами и частными страховыми обществами. Союзъ представляетъ райффейзеновскую кооперацію и въ сношеніяхъ съ правительственными и законодательными учрежденіями.

Всѣ эти кооперативныя учрежденія,—отдѣльныя товарищества и обѣ центральныхъ организаціи,—образовали собой тѣсно сплоченное цѣлое, стоящее на стражѣ «райффейзеновскихъ принциповъ». Принципы эти являются для всей данной кооперативной организаціи чѣмъ-то священнымъ, не подлежащимъ никакимъ измѣненіямъ Райффейзеновскіе принципы признаются обязательными для всѣхъ товариществъ, принадлежащихъ къ центральной кассѣ, при чемъ, согласно уставу каждаго товарищества, какое-либо измѣненіе тѣхъ статей устава, которыя касаются основныхъ райффейзеновскихъ принциповъ, могутъ быть измѣнены общимъ собраніемъ только по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ товарищества. Въ уставѣ «Общаго союза» содержится въ этомъ отношеніи еще болѣе суровая статья, заявляющая, что вопросъ объ измѣненіи основныхъ райффейзеновскихъ принциповъ совсѣмъ не можетъ быть предметомъ обсужденія собранія. Измѣненіе этой статьи возможно лишь на основаніи единогласнаго постановленія всѣхъ товариществъ, принадлежащихъ къ союзу.

Нельзя не согласиться съ А. Н. Анцыферовымъ, что въ организаціи, созданной Райффейзеномъ, его принципы окружены тройной непроницаемой броней. Создана цѣлая хитросплетенная система, имѣющая цѣлью обезпечить этимъ принципамъ вѣчное существованіе. Разъ только товарищество организовано по нейвидскому образцу, разъ только члены-учредители подписали его, они тѣмъ самымъ отказываются навсегда за себя и за всѣхъ членовъ, которые впослѣдствіи вступятъ въ товарищество, отъ права касать-

ся основныхъ райффейзеновскихъ принциповъ. И по мѣрѣ того, какъ число членовъ будетъ расти, фундаментъ, на которомъ стоитъ незыблемость принциповъ, будетъ становиться все тверже и тверже. При современныхъ условіяхъ кредита отдѣльному товариществу нѣтъ возможности существовать, если оно не присоединится къ Центральной кассѣ, въ которую оно помѣщаетъ временный избытокъ своихъ средствъ и откуда, что еще важнѣе, оно получаетъ кредитъ на выгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, жизненная необходимость заставляетъ мѣстное товарищество сдѣлаться акціонеромъ Нейвидской центральной кассы. Но здѣсь принципы стоятъ незыблимо, и каждый новый акціонеръ укрѣпляетъ ихъ положеніе: выйти же изъ кассы для товарищества почти невозможно.

Правда, райффейзеновскіе принципы въ самомъ важномъ вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру крестьянской кооперации; однако этого все же нельзя сказать относительно каждаго изъ нихъ. Такъ, однимъ изъ основныхъ райффейзеновскихъ принциповъ является неограниченная отвѣтственность членовъ товарищества по всѣмъ его обязательствамъ. Этотъ принципъ отнюдь не можетъ считаться необходимымъ условіемъ кредитнаго товарищества, ибо при хорошемъ веденіи дѣла товарищество всегда можетъ выполнить свои обязательства, не прибѣгая къ дополнительнымъ взысканіямъ со своихъ членовъ. Опытъ показываетъ, что товарищества съ ограниченной отвѣтственностью почти такъ же или даже совершенно такъ же привлекаютъ вклады, какъ и товарищества съ неограниченной отвѣтственностью. Такимъ образомъ, этотъ райффейзеновскій принципъ особаго значенія на практикѣ не имѣетъ.

Принципъ безплатности услугъ въ общемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру кредитнаго товарищества небольшихъ размѣровъ, но опять-таки въ отдѣльныхъ случаяхъ строгое осуществленіе его можетъ натолкнуться на серьезныя затрудненія. И было бы совершенно непрактично жертвовать реальными интересами товарищества ради соблюденія чистоты принципа. Идея неприкосновеннаго учредительнаго фонда, бывшая въ глазахъ Райффейзена едва ли не самымъ основнымъ изъ его принциповъ, на практикѣ не имѣетъ почти никакого значенія.

Въ общемъ итогѣ, воздавая должное райффейзеновскимъ принципамъ и усматривая въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно единственно возможную основу крестьянскаго кредита, все же

никоимъ образомъ нельзя одобрить принудительнаго навязыванія этихъ принциповъ каждому товариществу, чѣмъ, несомнѣнно, грѣшитъ райффейзеновская организація. Поэтому нисколько не удивительно, что по мѣрѣ роста крестьянской коопераціи въ Германіи росла и оппозиція правовѣрному райффейзенизму.

Райффейзеновская организація, какъ справедливо замѣчаетъ А. Н. Анцыферовъ, была вся проникнута духомъ патріархальной опеки, что отнюдь не вяжется съ современной коопераціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ для всей организаціи характеренъ чрезвычайный централизмъ ея конструкціи. Первоначально этотъ централизмъ былъ даже еще большимъ. Такъ, вначалѣ не существовало никакихъ отдѣленій Центральной кассы, и все исполнялось непосредственно въ Нейвидѣ. Постепенно райффейзеновская организація должна была отказываться отъ своего первоначальнаго догматизма и предоставлять болѣе свободы своимъ кооперативамъ

II.

При томъ духѣ, который первоначально проникалъ всѣ райффейзеновскія товарищества, не удивительно, что рядомъ съ ними стали возникать крестьянскіе кооперативы, стоявшіе въ сторонѣ отъ райффейзеновскихъ организацій. Товарищества эти вскорѣ послѣ своего возникновенія стали соединяться въ союзы, а затѣмъ всѣ эти мѣстные союзы въ 1883 г. объединились въ одинъ «Всеобщій союзъ сельскохозяйственныхъ товариществъ Германіи» (въ 1903 г. переименованный въ «Имперскій союзъ сельскохозяйственныхъ товариществъ Германіи»). При своемъ возникновеніи союзъ этотъ объединилъ всего 278 товариществъ; къ 1913 г. въ составъ этого союза входило уже 13.131 кредитное товарищество.

Кредитныя товарищества, входящія въ составъ «Имперскаго союза», стоятъ въ сущности на основѣ тѣхъ же самыхъ принциповъ, какъ и райффейзеновскія товарищества, и въ этомъ смыслѣ могутъ быть съ полнымъ основаніемъ причислены къ типу этихъ послѣднихъ. Различія же между товариществами, принадлежащими къ тому и другому союзу, заключаются лишь въ томъ, что товарищества райффейзеновскаго союза признаютъ райффейзеновскіе принципы непререкаемымъ догматомъ, между тѣмъ какъ

товарищества «Имперскаго союза», стоя въ общемъ на основѣ тѣхъ же принциповъ, допускаютъ возможность и уклоненія отъ нихъ въ случаѣ необходимости. Самымъ крупнымъ принципіальнымъ расхожденіемъ съ этими принципами является, пожалуй, то, что «Имперскій союзъ» признаетъ необходимымъ для товариществъ паевой капиталъ, и даже довольно крупный.

Вопросъ о паевомъ капиталѣ былъ разсмотрѣнъ на конгрессѣ «Имперскаго союза» въ Свинемюнде въ 1909 г., при чемъ данному вопросу былъ посвященъ особый рефератъ д-ра Квабека. Докладчикъ рѣшительно высказался за усиленіе паевого капитала товарищества, при чемъ, однако, признавалъ нужнымъ ограничить дивидендъ по паямъ тѣми или другими нормами (процентомъ, платимымъ по вкладамъ, или же максимумомъ въ 4%), съ тѣмъ при этомъ условіемъ, чтобы дивидендъ этотъ приписывался къ паю, пока послѣдній не достигнетъ 100 марокъ. При этомъ Квабекъ признавалъ желательнымъ, чтобы товарищества доводили паи до еще болѣе крупныхъ размѣровъ—до 500 марокъ на члена. Обязательный взносъ при вступленіи въ товарищество, по мнѣнію Квабека, долженъ достигать, по крайней мѣрѣ, 50 мар.

Предложенная Квабекомъ резолюція, въ которой товариществамъ рекомендовалось стремиться къ увеличенію своего паевого капитала, была принята конгрессомъ единогласно.

Выше было сказано, что всѣ германскіе кооперативы по закону должны имѣть паевой капиталъ. Однако многія кредитныя товарищества, не только въ райффейзеновскомъ, но и въ «Имперскомъ союзѣ» стремятся свести паи къ такому ничтожному размѣру, при которомъ пай становится номинальнымъ. Такъ, въ 1908 г. среди германскихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ считалось 3131 товариществъ съ паями отъ 2—5 мар., 229—съ паями отъ 1 до 2 мар. и 126—съ паемъ въ 1 марку и ниже. Противъ подобныхъ товариществъ съ очень ничтожнымъ паевымъ капиталомъ и былъ направленъ рефератъ Квабека. Единогласное одобреніе его конгрессомъ показываетъ, что въ средѣ германской крестьянской коопераціи райффейзеновскій принципъ, отрицающій паевой капиталъ, въ настоящее время утрачиваетъ сочувствіе. Это объясняется поднятіемъ благосостоянія германскаго крестьянина, благодаря чему внесеніе пая уже не становится для него до такой степени затруднительнымъ, какъ это было въ 60-е годы

прошлаго вѣка, когда выработались райффейзеновскіе принципы. Во всякомъ случаѣ, принципъ этотъ сохраняетъ все свое значеніе для крестьянской коопераціи тѣхъ странъ, гдѣ благосостояніе крестьянской массы стоитъ не выше или даже ниже германскаго уровня полвѣка тому назадъ.

Точно такъ же и по вопросу о неограниченной отвѣтственности членовъ товарищества «Имперскій союзъ» отклоняется отъ райффейзеновскихъ принциповъ. Правда, союзъ рекомендуетъ неограниченную отвѣтственность, но допускаетъ и ограниченную. Фактически въ началѣ этого вѣка въ Германіи около 94% всѣхъ кредитныхъ товариществъ имѣли отвѣтственность неограниченную.

Затѣмъ «Имперскій союзъ» отнюдь не считаетъ обязательнымъ безплатность службы членовъ правленія и совѣта. Идея «учредительнаго фонда», которой Райффейзенъ придавалъ такое значеніе, совершенно чужда «Имперскому союзу». Товарищества «Имперскаго союза» имѣютъ, далѣе, болѣе спеціализированный характеръ: въ то время, какъ райффейзеновское товарищество выполняетъ всевозможныя операціи по закупкѣ и сбыту, товарищества «Имперскаго союза» выдѣляютъ операціи этого рода особымъ товариществамъ. Вообще союзъ предоставляетъ входящимъ въ его составъ товариществамъ полную свободу своего внутренняго устройства и ничего имъ не навязываетъ. Вся организація «Имперскаго союза» характеризуется отсутствіемъ централизаціи и широкимъ просторомъ для самодѣятельности, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ райффейзеновскаго союза.

Тѣмъ не менѣе товарищества «Имперскаго союза» въ большинствѣ мало отличаются по своей организаціи отъ товариществъ райффейзеновскаго союза: тѣ же небольшіе размѣры товарищества, та же, въ большинствѣ, безплатность работы членовъ правленія и совѣта, тѣ же небольшіе паи (хотя и болѣе крупные, чѣмъ въ товариществахъ чистаго райффейзеновскаго типа).

При своемъ возникновеніи «Имперскій союзъ» состоялъ исключительно изъ товариществъ по закупкѣ, сбыту и переработкѣ, кредитныя же товарищества не принимали въ немъ никакого участія. такъ какъ принадлежали къ райффейзеновской организаціи. Чтобы не раздражать Райффейзена, союзъ даже принципіально не принималъ въ свой составъ кредитныхъ товариществъ.

Послѣ смерти Райффейзена (въ 1888 г.) союзъ измѣнилъ свою

тактику и сталъ принимать въ свои составъ всѣ крестьянскія товарищества безъ различія. Немедленно же къ союзу стали примыкать въ большомъ числѣ кредитныя товарищества, и черезъ 15 лѣтъ число кредитныхъ товариществъ въ «Имперскомъ союзѣ» стало значительно превосходить число товариществъ въ райффейзеновской организаціи.

При отсутствіи глубокихъ принципіальныхъ различій между кооперативами обоихъ союзовъ существованіе двухъ обособленныхъ союзовъ долго продолжаться не могло, и въ 1905 г. произошло сліяніе обѣихъ организацій, при чемъ нельзя не признать, что сліяніе это было, въ сущности, присоединеніемъ гораздо менѣе крупнаго райффейзеновскаго союза къ болѣе мощному «Имперскому», широкая свобода котораго сдѣлала его привлекательнымъ и для райффейзеновскихъ товариществъ.

Присоединеніе райффейзеновскаго союза къ «Имперскому», о чемъ переговоры велись болѣе десяти лѣтъ безъ всякаго результата, въ виду упорнаго желанія преемниковъ Райффейзена по руководительству союзомъ сохранить свое самостоятельное существованіе, стало необходимымъ въ виду неудовлетворительнаго веденія дѣла въ Центральной нейвидской кассѣ, которая стала давать постоянные дефициты.

Значеніе состоявшагося соглашенія обѣихъ центральныхъ организацій сводилось преимущественно къ тому, что райффейзеновскій союзъ согласился отказаться отъ своей прежней централизаціи и предоставилъ своимъ 12 отдѣламъ такую же широкую свободу, какой полюзовались и отдѣлы «Имперскаго союза».

Послѣ достигнутаго сліянія съ райффейзеновской организаціей «Имперскій союзъ» объединилъ почти всю сельскохозяйственную кооперацію Германіи. Талантливый руководитель «Имперскаго союза» Гаазъ явился почти такой же центральной фигурой въ крестьянской коопераціи Германіи, какой былъ въ свое время Райффейзенъ. Гаазъ, несомнѣнно, много сдѣлалъ для дальнѣйшаго развитія крестьянской коопераціи, хотя дѣятельность его не внесла ничего существенно новаго въ формы, созданныя его предшественниками. Заслуга Гааза заключается только въ томъ, что онъ сгладилъ углы и шероховатости первоначальнаго райффейзеновскаго кооператива и приспособилъ его къ потребностямъ жизни. Гаазъ былъ человѣкомъ компромисса, а такіе люди всегда

идутъ въ главномъ за болѣе оригинальными людьми и выполняютъ второстепенное дѣло улучшенія въ частностяхъ основъ, вырабатываемыхъ не ими.

«Имперскій союзъ» представляетъ собой сложную организацію учрежденій различнаго рода. Кредитныя товарищества, принадлежащія къ нему, соединены между собой прежде всего посредствомъ центральныхъ кассъ, которыхъ до присоединенія райффейзеновской организаціи было 23. Но надъ всѣми центральными кассами еще недавно стоялъ «Имперскій кооперативный сельскохозяйственный банкъ», созданный въ 1902 г. по постановленію конгресса союза въ Карлсруэ путемъ преобразованія существовавшаго еще съ 1897 г. въ Гамбургѣ общества оптовыхъ закупокъ «Имперскаго союза».

Соотвѣтственно своему происхожденію Имперскій кооперативный банкъ преслѣдовалъ цѣли двоякаго рода, не только объединенія денежно-кредитныхъ операцій отдѣльныхъ центральныхъ кассъ, но и регулированія чисто-товарныхъ операцій отдѣльныхъ товариществъ, организацію кооперативныхъ закупокъ и продажъ сельскохозяйственыхъ продуктовъ.

Этотъ банкъ, созданный «Имперскимъ союзомъ», явился серьезнымъ конкурентомъ Прусской центральной кассы кооперативныхъ товариществъ, учрежденной прусскимъ правительствомъ въ 1895 г. (объ этой кассѣ будетъ итти рѣчь въ главѣ о ремесленной кооператіи). Прусская касса поставила себѣ задачей сосредоточить въ своихъ рукахъ общее руководительство всей германской кооперацiей и, какъ учрежденіе государственное, быстро развило свои операціи. Шульцевскіе народные банки, принципіально отрицающіе вмѣшательство государства въ кооперативное движеніе, отнеслись къ ней очень враждебно. Крестьянская кооперація Германіи никогда не отрицала принципіально помощи государства, и потому крестьянскіе кооперативы охотно вступили въ сношенія съ Прусской кассой. Однако Прусская касса своимъ бюрократическимъ образомъ дѣйствій скоро вызвала недовольство и среди крестьянскихъ кооперативовъ. Въ Имперскомъ кооперативномъ банкѣ Прусская касса увидала своего нежелательнаго конкурента и стала систематически стремиться къ органиченію его операцій. Въ концѣ-концовъ между всѣми организаціями состоялось соглашеніе, которымъ области дѣятельности Прусской кассы и Имперскаго банка

были строго размежеваны. Кругъ дѣятельности Прусской кассы былъ ограниченъ, во-первыхъ, территоріально—Пруссіей, а, во-вторыхъ, по отношенію къ характеру сдѣлокъ—денежно-кредитными операціями. За Имперскимъ банкомъ остались операціи внѣ предѣловъ Пруссіи и на всей территоріи имперіи операціи товарнаго характера.

III.

Имперскій банкъ занялъ видное положеніе въ крестьянской кооперацiи Германіи; можно было думать, что обороты банка начнутъ расти такимъ же темпомъ, какъ и обороты «Имперскаго союза», которые къ 1912 г. достигли почти 5 милліардовъ марокъ. Однако ожиданія эти не оправдались, главнымъ образомъ, благодаря неблагопріятному отношенію къ банку могущественной Прусской кассы. Соглашеніе, заключенное между банкомъ и Прусской кассой въ 1904 г., уже само по себѣ поставило дѣятельность банка въ очень узкія рамки, такъ какъ оно лишило банкъ возможности производить кредитныя операціи во всей Пруссіи.

Столь же неблагопріятно относилась Прусская касса и къ другой центральной организаціи крестьянскихъ кооперативовъ—къ Центральной кассѣ райффейзеновскаго союза. Дѣло кончилось рѣзкимъ столкновеніемъ кассы съ обѣими организаціями.

Конфликтъ съ райффейзеновской кассой былъ вызванъ слѣдующими обстоятельствами. Прусская касса заключила въ 1905 г. договоръ съ Нейвидской центральной кассой слѣдующаго рода: Нейвидская касса обязалась по этому договору покрывать всѣ свои потребности въ банковомъ кредитѣ исключительно въ Прусской кассѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вносить всѣ свои излишки вкладовъ исключительно въ Прусскую кассу. По послѣдующему договору въ 1907 г. Нейвидская касса обязалась не вести никакихъ операцій съ Имперскимъ кооперативнымъ банкомъ.

Всѣ эти ограниченія дѣятельности были очень тягостны Нейвидской кассѣ и въ 1910 г. она заявила Прусской кассѣ, что хотѣла бы вступить въ сношенія съ Имперскимъ банкомъ и вообще не ограничивать свои банковскія операціи только сношеніями съ Прусской кассой. Послѣдняя въ отвѣтъ на это заявленіе прервала въ 1911 г. сношенія съ Нейвидской кассой.

Это совпало съ очень тяжелымъ положеніемъ Нейвидской кассы, вызваннымъ, главнымъ образомъ, ея операціями по закупкѣ и сбыту сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Операціи эти нерѣдко приносили большіе убытки, превысившіе къ 1910 г. 3 милліона марокъ. Въ виду этого въ 1910 г. правленіе Нейвидской кассы рѣшило ликвидировать свои товарныя операція, а въ возмѣщеніе своихъ убытковъ обязать принадлежащія къ ней товарищества сдѣлать единовременный взносъ въ 750 марокъ каждое товарищество съ тѣмъ, чтобы эта сумма была впослѣдствіи постепенно погашена кассою изъ ея доходовъ.

Прусская касса воспользовалась тяжелымъ положеніемъ Нейвидской кассы для того, чтобы попытаться совершенно разрушить послѣднюю. А именно, она обратилась ко всѣмъ союзнымъ кассамъ райффейзеновскихъ товариществъ съ предложеніемъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Прусской кассой и прекратить сношенія съ Нейвидской кассой.

Къ счастью попытка Прусской кассы уничтожить Нейвидскую кассу не удалась: огромное большинство товариществъ, принадлежавшихъ къ райффейзеновскому союзу, согласилось поддержать свою союзную организацію, и только около 170 познанскихъ товариществъ отказали въ просьбѣ Нейвдской кассѣ и вышли изъ состава ея членовъ.

Однако, хотя Нейвидская касса и устояла, но самостоятельно существовать она уже не могла и должна была примкнуть къ кооперативному отдѣленію Дрезденскаго коммерческаго банка, который выполняетъ функціи цетральнаго банковаго учрежденія и для шульцевскихъ народныхъ банковъ (о чемъ см. въ главѣ о мелкобуржуазной кредитной коопераціи). Но если такое подчиненіе чистокапиталистическому кредитному учрежденію и не представляло собой ничего противоестественнаго для полукапиталистическихъ шульцевскихъ товариществъ, то иное нужно сказать о райффейзеновскихъ товариществахъ, ничего общаго съ капиталистическими учрежденіями не имѣющихъ. Для нихъ присоединеніе къ Дрезденскому банку знаменовало собой полное крушеніе всей кооперативной идеи.

Такимъ образомъ, исторія райффейзеновской коопераціи заканчивается къ нашимъ днямъ тяжелымъ кризисомъ, который, безъ сомнѣнія, будетъ въ концѣ-концовъ преодолѣнъ коопераціей, но

который все же показываетъ, какъ еще относительна слаба кооперація въ борьбѣ за свою самостоятельность.

Еще въ худшее положеніе пришли дѣла «Имперскаго союза». Нѣкоторыя изъ товариществъ этого союза значительно уклонились отъ райффейзеновскихъ принциповъ и мало-по-малу стали развиваться въ направленіи капиталистическихъ банковъ. Возможность для такого развитія открыта для всѣхъ товариществъ, имѣющихъ большіе паи и достигающихъ крупныхъ размѣровъ. Одно изъ такихъ очень крупныхъ товариществъ, принадлежавшее къ Гессенскому союзу (входившему въ составъ Имперскаго), товарищество въ Нидермодау, благодаря хищеніямъ въ его средѣ оказалось въ невозможности продолжать дѣло и должно было закрыться. При этомъ оказалось, что пассивъ товарищества превосходитъ его активъ свыше, чѣмъ на полтора милліона марокъ. По этой крупной цифрѣ можно видѣть, какъ далеко было это товарищество отъ райффейзеновскаго принципа локализаціи.

Дѣятельность этого товарищества охватывала очень большой территоріальный районъ. Число его членовъ не было значительно, къ моменту ликвидаціи въ немъ было всего 197 членовъ,—но операціи его были такъ обширны, что иногда въ товариществѣ скоплялось до 3 милліоновъ марокъ вкладовъ. Эти крупныя суммы размѣщались вопреки закону между не-членами, жившими въ совершенно другихъ мѣстахъ. Товарищество вступило на путъ капиталистическихъ спекуляцій и вообще мало-по-малу приняло характеръ обычнаго банка, и притомъ весьма плохого рода.

Въ концѣ-концовъ все это привело къ хищеніямъ въ средѣ товарищества и къ краху, въ результатѣ котораго четверо главныхъ руководителей товарищества попали на скамью подсудимыхъ и были приговорены къ продолжительному тюремному заключенію за мошенничества разнаго рода.

Подобнаго же рода грустныя явленія обнаружились и въ нѣсколькихъ другихъ товариществахъ Гессенскаго союза. Разстроенное положеніе въ товариществахъ этого союза не замедлило отразиться и на положеніи Центральной кассы Гессенскаго союза, которая также должна была ликвидировать свои дѣла. Впрочемъ, ликвидація Гессенской кассы была вызвана преимущественно другимъ, еще болѣе крупнымъ несчастіемъ германской коопераціи—крушеніемъ Имперскаго банка.

Бо́льшую часть своихъ средствъ касса вложила въ Имперскій банкъ, около 8 милліоновъ марокъ. Когда подъ вліяніемъ событій балканской войны 1912 г. вкладчики стали требовать изъ кассы свои вклады обратно, то касса оказалась не въ силахъ вернуть свои деньги изъ Имперскаго банка и обратилась за помощью къ Прусской кассѣ, которая и оказала эту помощь, открывши Гессенской кассѣ кредитъ въ размѣрѣ 6 милліоновъ марокъ. Но и это не спасло Гессенской кассы, и она была вынуждена приступить къ ликвидаціи своихъ дѣлъ.

Гессенскія товарищества не замедлили организовать, взамѣнъ закрывшейся, новую Центральную кассу, которая, впрочемъ, большого довѣрія въ себѣ не вызвала и существуетъ донынѣ только поддержкой Прусской кассы и гессенскаго правительства, которое охотно пошло на поддержку кассы, подчинивъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ своему контролю.

Гессенская касса пострадала не только матеріально, но и морально: ея директоръ былъ признанъ судомъ виновнымъ въ составленіи ложныхъ отчетовъ и былъ приговоренъ судомъ къ тюремному заключенію. Вообще руководители гессенской коопераціи (во главѣ которыхъ стоялъ умершій незадолго передъ этимъ создатель «Имперскаго союза» Гаазъ) были совершенно дискредитированы въ общественномъ мнѣніи.

Какъ сказано, главной причиной гибели Гессенской кассы былъ крахъ Имперскаго банка. Банкъ этотъ, образованный первоначально въ формѣ кооперативнаго товарищества, въ 1907 г. былъ преобразованъ въ акціонерный банкъ. Дѣятельность его была сильно стѣснена соглашеніемъ съ Прусской кассой, и благодаря этому обороты его не обнаружили тенденціи къ правильному росту, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ:

	Обороты Имперскаго банка въ милл. марокъ.
1907 г.	366
1908 „	710
1909 „	836
1910 „	610
1911 „	459

Соглашеніе съ Прусской кассой ограничило, какъ сказано выше, операціи Имперскаго банка товарными сдѣлками во всей имперіи

и денежно-кредитными операціями за предѣлами Пруссіи. Но товарныя операціи плохо удавались банку и давали хроническій убытокъ. Въ виду этого въ 1910 г. банкъ рѣшилъ ликвидировать эти операціи и ограничиться денежно-кредитными.

Однако банку не удалось привлечь къ себѣ значительное количество вкладовъ, которыхъ въ 1912 г. въ банкѣ было всего около 12 милліоновъ марокъ, при чемъ около 8 милліоновъ приходилось на долю вкладовъ Гессенской центральной кассы.

Хуже всего, однако, было то, что и Имперскій банкъ, подобно многимъ другимъ кредитнымъ учрежденіямъ «Имперскаго союза», существенно уклонился отъ своихъ задачъ служить дѣлу мелкаго крестьянскаго кредита и постепенно принялъ характеръ обычнаго спекулятивнаго банка. Большую часть своихъ оборотныхъ средствъ банкъ вложилъ въ капиталистическое предпріятіе «Сельскохозяйственный кредитный банкъ». Оба эти учрежденія фактически составили одно цѣлое. Президентъ «Имперскаго союза», Гаазъ, бывшій одновременно предсѣдателемъ правленія Имперскаго банка, сталъ предсѣдателемъ совѣта и «Сельскохозяйственнаго банка». Сельскохозяйственный банкъ до этого слiянія былъ въ очень трудномъ положеніи, Имперскій банкъ пришелъ ему на помощь и вложилъ въ него около 10 милліоновъ марокъ своихъ средствъ. Однако эта сумма оказалась недостаточной, чтобы поправить дѣла Сельскохозяйственнаго банка, и вмѣстѣ съ послѣднимъ рухнулъ и Имперскій банкъ.

Всѣ эти катастрофы повели къ расколу и среди «Имперскаго союза». Какъ сказано выше, къ «Имперскому союзу» присоединился въ 1905 г. райффейзеновскій союзъ. Крушеніе предпріятій «Имперскаго союза» и недовѣріе къ его руководителямъ повели къ тому, что на общемъ собраніи райффейзеновскаго союза въ 1912 г. въ Гейдельбергѣ было постановлено о выходѣ изъ состава «Имперскаго союза». Согласно этому постановленію 4373 кредитныхъ товарищества райффейзеновскаго союза, т.-е. приблизительно четверть всѣхъ кредитныхъ товариществъ Германіи, покинули «Имперскій союзъ».

Такимъ образомъ, германская крестьянская кооперація испытала за послѣдніе годы цѣлый рядъ катастрофъ; катастрофы эти, несомнѣнно, отнюдь не были случайными событіями, ничѣмъ не связанными съ общимъ характеромъ германской коопераціи. Нельзя

не остановиться на очень поучительномъ выясненіи общихъ причинъ всѣхъ этихъ несчастій кооперативнаго дѣла.

Эти общія причины могутъ быть сведены къ двумъ: 1) къ неблагопріятному вліянію на германскую кооперацію правительственнаго органа—Прусской центральной кассы—и 2) капиталистическому перерожденію центральныхъ учрежденій германской коопераціи и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кооперативовъ.

Что касается первой причины, то значеніе ея изъ изложеннаго ясно. Не подлежитъ сомнѣнію, что Прусская касса очень много сдѣлала для развитія германской коопераціи. Но платой за эти успѣхи явилась зависимость нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отраслей германской коопераціи отъ Прусской кассы.

Прусская касса совершенно опредѣленно стремилась и стремится подчинить себѣ германскую кооперацію. Центральныя учрежденія кооперативныхъ союзовъ естественно стоятъ на пути къ этому стремленію, и касса сознательно идетъ къ ихъ разрушенію. Невысказываемой цѣлью руководителей кассы является созданіе такого положенія вещей, при которомъ отдѣльные кооперативы получили бы возможность полнаго развитія своихъ силъ, но связывались бы другъ съ другомъ не собственными кооперативными же организаціями, а надъ ними стоящимъ бюрократическимъ учрежденіемъ—Прусской кассой.

Въ этомъ опасность той поддержки кооперативному движенію, которая оказывается государственной властью. Принципіально нельзя отвергать, съ точки зрѣнія цѣлей и задачъ коопераціи, такой поддержки. Но если она исходитъ отъ правительства, проникнутагс духомъ бюрократической опеки, то такая поддержка должна приниматься кооперативами лишь на условіи предоставленія коопераціи полной свободы ея самостоятельнаго развитія. Въ противномъ случаѣ кооперація рискуетъ лишиться того, что составляетъ ея сущность,—свободы самоопредѣленія и самодѣятельности.

Вторая причина неудачи германской коопераціи также весьма характерна для условій германской общественности. Какъ будетъ указано ниже, въ Германіи крестьянская кооперація находится подъ сильнымъ вліяніемъ класса крупныхъ землевладѣльцевъ. Духовными вождями германской деревенской коопераціи явля-

ются аграріи. Этотъ союзъ помѣщичьяго и крестьянскаго класса входилъ въ основные замыслы Райффейзена, который, исходя изъ своего соціальнаго идеала, отрицалъ классовый антагонизмъ и хотѣлъ основать свою кооперацію на сотрудничествѣ богатыхъ и бѣдныхъ. Райффейзеновскіе принципы имѣли своей цѣлью сдѣлать невозможнымъ капиталистическое перерожденіе коопераціи: хотя и руководимый помѣщикомъ, райффейзеновскій кооперативъ долженъ служить интересамъ отнюдь не помѣщиковъ, а крестьянъ,—въ этомъ весь смыслъ этихъ принциповъ.

Итакъ, райффейзеновская кооперація должна была заставить помѣщиковъ служить интересамъ крестьянъ,—задача далеко не изъ легкихъ, и неудивительно, что разрѣшеніе ея не всегда удавалось на практикѣ.

Товариществамъ «Имперскаго союза», менѣе строго придерживающимся райффейзеновскихъ принциповъ, но въ равной или даже большей мѣрѣ находящимся подъ вліяніемъ помѣщичьяго класса, еще больше угрожаетъ эта опасность капиталистическаго перерожденія. И мы, дѣйствительно, видимъ, что не только центральныя учрежденія «Имперскаго союза», но и отдѣльныя товарищества союза уклонились отъ своей задачи—помощи крестьянскому классу—и стали организаціями, служащими капиталистическимъ интересамъ.

Изъ всего этого для крестьянской коопераціи вытекаетъ урокъ: союзъ крестьянства и помѣщичьяго класса въ области коопераціи чреватъ опасностями и легко можетъ повести къ искаженію сущности коопераціи. Ибо кооперація есть самодѣятельность, помѣщикъ же, руководящій крестьянскимъ кооперативомъ, является нагляднымъ фактическимъ доказательствомъ, что крестьяне сами еще не доросли до самопомощи, а, значитъ, не доросли и до истинной коопераціи.

Райффейзенъ началъ съ благотворительныхъ организацій; затѣмъ онъ перешелъ къ коопераціи. Но его кооперація, при всемъ безспорномъ величіи его замысла, все же заключала въ себѣ много элементовъ, чуждыхъ духу самодѣятельности. Вотъ почему эта кооперація оказалась все же слабой и подверженной опасности капиталистическаго перерожденія. Еще болѣе грозной оказалась эта опасность для тѣхъ крестьянскихъ кооперативовъ, которые

дальше стояли отъ райффейзеновскихъ принциповъ, имѣвшихъ въ виду препятствовать кооперацiи развиваться въ сторону капиталистическихъ учрежденiй.

Неудачи германской крестьянской кооперацiи составляютъ разительный контрастъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ области пролетарской потребительной кооперацiи. Можно ли допустить, чтобы англiйское общество оптовыхъ продажъ или хотя бы германское общество оптовыхъ закупокъ запуталось въ спекуляцiяхъ и было вынуждено ликвидировать дѣло? Нѣчто подобное въ высшей степени невѣроятно, и, конечно, пролетарской кооперацiи никогда не придется заносить на страницы исторiи такихъ эпизодовъ, какъ крушенiе гессенской Центральной кассы и Имперскаго кооперативнаго банка.

Откуда же это различiе? Во-первыхъ, изъ самаго различiя задачъ, которыя кооперацiя ставитъ себѣ въ области пролетарскаго и крестьянскаго хозяйства. Пролетарская кооперацiя преслѣдуетъ цѣли удовлетворенiя потребительныхъ нуждъ, и это уже само по себѣ почти исключаетъ элементъ спекуляцiи и риска. Потребительская кооперацiя удовлетворяетъ вполнѣ опредѣленнымъ общественнымъ потребностямъ и ничего общаго съ капиталистическимъ предпринимательствомъ не имѣетъ. Напротивъ, крестьянское хозяйство незамѣтно переходитъ въ капиталистическое предпринимательство, предполагая сбытъ крестьянскихъ продуктовъ на широкомъ и неопредѣленномъ рынкѣ, сбытъ въ тѣхъ же условiяхъ, какъ сбываются и продукты капиталистическаго производства. Этотъ сбытъ не можетъ не заключать въ себѣ элемента риска и естественно предполагаетъ торговую спекуляцiю.

Итакъ, одна изъ причинъ твердости и устойчивости развитiя пролетарской кооперацiи, сравнительно съ неустойчивостью крестьянской, заключается въ различiи потребительскаго и предпринимательскаго хозяйства. Другая причина заключается въ неопредѣленности классоваго состава крестьянской кооперацiи: если бы эта кооперацiя имѣла чисто-крестьянскiй характеръ, то она была бы гораздо меньше подвержена капиталистическому перерожденiю. Но въ Германiи руководителями крестьянской кооперацiи на практикѣ являются крупные землевладѣльцы-капиталисты. Что же удивительнаго, что при такихъ руководителяхъ крестьянская ко-

операція легко сбивается съ кооперативнаго пути и переходитъ къ чисто-капиталистическимъ спекуляціямъ?

Причины неудачи германской крестьянской коопераціи сводятся, слѣдовательно, преимущественно къ зависимости этой коопераціи отъ элементовъ, чуждыхъ крестьянству,—бюрократическихъ учрежденій государства и помѣщиковъ. Проистекающій отсюда для коопераціи урокъ заключается въ томъ, что здоровое развитіе коопераціи возможно лишь на основѣ ея большей классовой обособленности.

ГЛАВА IV.

Крестьянская кооперація внѣ области кредита.

I. Крестьянскія потребительныя общества. II. Коопераціи въ области покупки и сбыта. III. Товарищества по переработкѣ. IV. Производительноподсобныя товарищества. V. Сельскохозяйственная кооперація въ Англіи.

I.

Райффейзеновскія товарищества должны были быть, по мысли ихъ творца, всеобщими крестьянскими кооперативами, совмѣщающими въ себѣ всѣ отрасли кооперативнаго хозяйства, доступныя крестьянской коопераціи: они должны были не только организовывать снабженіе своихъ членовъ необходимыми денежными средствами, но и давать своимъ членамъ возможность сообща покупать необходимыя средства производства и нѣкоторые предметы потребленія, которые не производятся въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а также сообща продавать продукты крестьянскаго хозяйства и сообща перерабатывать нѣкоторые сырые. Въ дѣйствительной жизни райффейзеновскія товарищества хотя отчасти и выполняють эти болѣе сложныя функціи, но главнѣйшимъ ихъ дѣломъ все же остается доставленіе кредита.

На ряду съ такими сложными кооперативами жизнь создала въ крестьянской средѣ и кооперативы съ болѣе спеціализированными цѣлями. Эти спеціализированные кооперативы въ большинствѣ случаевъ лучше справляются со своими задачами, чѣмъ недиференцированные райффейзеновскіе кооперативы. Однако никакого общаго правила въ этомъ отношеніи установить нельзя.

Среди крестьянскихъ кооперативовъ по закупкамъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить своеобразное положеніе потребительныхъ обществъ. Всѣ общественные классы являются потребителями, въ

томъ числѣ и крестьяне. Въ то же время крестьяне являются потребителями мало достаточными, легко подпадающими эксплоатаціи капиталистовъ-посредниковъ, торгующихъ предметами потребленія. Дѣйствительно, нигдѣ не наблюдается такого огромнаго превышенія розничныхъ цѣнъ сравнительно съ оптовыми, какъ именно въ деревнѣ, и это понятно, такъ какъ въ деревнѣ естественно создается въ пользу мѣстнаго лавочника извѣстная монополія, вытекающая изъ трудности для деревенскаго жителя купить нужные ему предметы потребленія за предѣлами своего села.

Пользуясь этой монополіей, деревенскіе лавочники нерѣдко сильно повышаютъ цѣны своихъ товаровъ и этимъ создаютъ потребность въ организаціяхъ потребителей. Однако въ предѣлахъ крестьянскаго хозяйства имѣются также нѣкоторыя условія, задерживающія ростъ потребительской кооперацiи.

Условія эти заключаются въ слѣдующемъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что значительная часть потребностей крестьянина удовлетворяется продуктами его собственнаго хозяйства. Въ то время, какъ городской житель всѣ свои предметы потребленія долженъ закупить на рынкѣ, крестьянинъ весьма значительную часть своихъ предметовъ потребленія совсѣмъ не покупаетъ, а производитъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ. Поэтому покупательный спросъ крестьянина представляетъ собой гораздо меньшую величину, чѣмъ покупательный спросъ горожанина съ такимъ же достаткомъ, и, значитъ, благосостояніе крестьянина въ меньшей степени зависитъ отъ цѣнъ на предметы потребленія, чѣмъ благосостояніе городского жителя, напр., фабричнаго рабочаго.

Затѣмъ нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что крестьянинъ не только покупаетъ нужные ему предметы потребленія, но и производитъ продукты для продажи. Крестьянинъ прежде всего производитель, а потомъ уже потребитель. Его благосостояніе опредѣляется, прежде всего, тѣмъ, сколько ему удастся произвести продуктовъ и по какой цѣнѣ ихъ сбыть, и лишь на второмъ планѣ—цѣной предметовъ его потребленія. Напротивъ, фабричный рабочій имѣетъ на товарномъ рынкѣ только потребительскіе интересы, ибо онъ не является собственникомъ производимаго имъ продукта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что деревенскія потребительныя общества, въ силу ихъ небольшихъ размѣровъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ пріобрѣсть такой экономической силы, какъ потребительные кооперативы фабричныхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, для развитія деревенской потребительной кооперацiи имѣются нѣкоторыя существенныя задерживающія условія, равно какъ и условія благопріятствующія, при чемъ, однако, задерживающія условія связаны съ самымъ существомъ крестьянскаго хозяйства, а благопріятствующія условія (слабое развитіе деревенской торговли) связаны съ низкимъ уровнемъ экономическаго развитія данной страны и исчезаютъ при большомъ развитіи капиталистическаго обмѣна.

Поэтому мы наблюдаемъ далеко не одинаковое развитіе деревенскихъ потребительныхъ обществъ въ различныхъ странахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ деревенскія потребительныя общества достигаютъ большого распространенія (Данія, Россія), въ другихъ замѣчается почти полное отсутствіе деревенскихъ потребительныхъ обществъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Германія, при чемъ въ Германіи для этого имѣются и свои особыя причины. Въ то время какъ въ германскихъ городахъ потребительная кооперація развивается очень быстро, германская деревня почти не знаетъ потребительной кооперацiи.

Выше было указано, что руководители германской крестьянской кооперацiи—и прежде всего Райффейзенъ—относились безъ всякой симпатіи къ потребительнымъ обществамъ, по причинамъ довольно сложнаго характера. Самому Райффейзену потребительная кооперація казалась неумѣстной въ деревнѣ, главнымъ образомъ, потому, что онъ хотѣлъ бы чтобы крестьянинъ возможно меньше покупалъ предметовъ своего потребленія, а производилъ бы ихъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ. Это соотвѣтствовало его общему міровоззрѣнію, требовавшему для деревни патріархальнаго натуральнаго хозяйства.

Но, кромѣ того, въ данномъ случаѣ играли свою роль и опредѣленныя общественныя симпатіи руководителей райффейзеновской кооперацiи къ классу мелкихъ деревенскихъ торговцевъ, сохраненіе котораго казалось весьма желательнымъ какъ для самого Райффейзена, такъ и для его преемниковъ. Послѣдній мотивъ былъ высказанъ съ полной опредѣленностью представителемъ райф-

фейзеновской кооперацiи на международномъ кооперативномъ конгрессѣ въ Будапештѣ въ 1904 г. (объ этомъ см. главу о международномъ объединенiи пролетарской кооперацiи).

Съ еще большей враждебностью къ потребительнымъ обществамъ относятся германскiе аграрiи, влiянiе которыхъ такъ значительно въ германской деревенской кооперацiи. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ германской деревни, предсѣдатель восточно-прусской сельскохозяйственной палаты, фонъ-Батоки: «Дружеское отношенiе руководящихъ сельскохозяйственныхъ круговъ къ городскому среднему торгово-промышленному классу сдѣлало невозможнымъ для этихъ круговъ участiе въ потребительной кооперацiи». Съ этимъ объясненiемъ вполнѣ соглашается и проф. Вигодзинскiй, указывая, что именно общественно-политическiя симпатiи аграрiевъ къ среднему торговому классу препятствуютъ появленiю въ германской деревнѣ потребительныхъ обществъ.

II.

Закупочная кооперацiя въ деревнѣ имѣетъ своей цѣлью прiобрѣтенiе разнаго рода средствъ производства сельскаго хозяйства. Такiя закупки въ Германiи осуществляются частью райффейзеновскими кредитными товариществами, частью особыми спецiализированными кооперативами. Нерѣдко эти послѣднiе кооперативы одновременно занимаются и сбытомъ тѣхъ или иныхъ крестьянскихъ продуктовъ.

Вполнѣ естественно, что операцiи по закупкѣ получили гораздо большее развитiе, чѣмъ операцiи по сбыту, такъ какъ при условiяхъ современнаго хозяйства покупка является несравненно болѣе простой операцiей, чѣмъ сбытъ. Закупаются разнообразные продукты, необходимые для сельскаго хозяйства,—искусственныя удобренiя, кормовыя средства, сѣмена, каменный уголь, машины, инструменты и пр. Въ 1912 г. такихъ закупочныхъ товариществъ въ Германiи было 2321, при чемъ всего было закуплено кооперативами на 300 милл. мар.

Закупочныя товарищества такъ же объединяются въ болѣе или менѣе крупные союзы, какъ и кредитныя товарищества. Союзы закупочныхъ товариществъ производятъ оптовыя закупки. Цен-

тральныя общеимперскія кредитныя учрежденія, какъ «Имперскій кооперативный банкъ» и райффейзеновская «Центральная касса», имѣли въ виду общеимперское объединеніе операцій по закупкѣ и сбыту, но не достигли въ этомъ, какъ сказано, успѣха.

Существеннымъ отличіемъ закупочныхъ товариществъ (равно какъ и товариществъ по сбыту) отъ кредитныхъ товариществъ является то, что кредитныя товарищества въ Германіи почти всегда имѣютъ неограниченную отвѣтственность, а значительная часть товариществъ по закупкѣ и сбыту построена на основѣ ограниченной отвѣтственности. Это и понятно, такъ какъ кредитныя учрежденія болѣе нуждаются въ особыхъ гарантіяхъ своей кредитоспособности, чѣмъ предпріятія другого рода.

Подобныя организаціи весьма распространены и въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи. Французскіе сельскохозяйственные синдикаты, быстрый ростъ которыхъ начинается съ 1884 г., когда былъ изданъ французскій законъ о синдикатахъ, разрѣшавшій свободное образованіе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и получившій неожиданно для его иниціаторовъ примѣненіе къ организаціямъ совершенно иного рода, какими являются кооперативныя, частью же чисто-капиталистическія организаціи. Цѣли ихъ весьма разнообразны. По образцовому уставу, главная задача синдиката заключается въ изученіи и защитѣ сельскохозяйственныхъ интересовъ. Съ этой цѣлью синдикатъ изучаетъ мѣры экономическаго характера и законодательныя реформы, которыя могутъ требоваться интересами сельскаго хозяйства, организовываетъ разныя экономическія учрежденія, которыя могутъ быть полезны сельскому населенію, производитъ опыты въ интересахъ поднятія производительности сельскаго труда, устраиваетъ лекціи, облегчаетъ пріобрѣтеніе необходимыхъ для сельскаго хозяйства продуктовъ, содѣйствуетъ сбыту сельскохозяйственныхъ продуктовъ и исполняетъ, кромѣ того, многія другія операціи. Вообще сельскохозяйственный синдикатъ долженъ быть, согласно образцовому уставу, такимъ учрежденіемъ, которое стоитъ въ центрѣ всей сельскохозяйственной жизни даннаго района. По словамъ гр. де-Рокиньи, синдикатъ долженъ быть «ячейкой, несущей въ зародышѣ всѣ учрежденія, способныя улучшить экономическія, моральныя и соціальныя условія обитателей деревни».

Въ дѣйствительности французскіе синдикаты очень далеки отъ достиженія этого идеала, хотя и нельзя отрицать, что они сдѣлали много для поднятія французской деревни. Плохо то, что въ большинствѣ случаевъ они далеки отъ истинно кооперативнаго духа и основаны не столько на самодѣятельности населенія, сколько на патронажѣ богатыхъ землевладѣльцевъ. Въ этомъ смыслѣ очень характерно, что синдикаты допускаютъ въ составъ своихъ членовъ не только лицъ, ведущихъ сельское хозяйство, но и землевладѣльцевъ, которые владѣютъ землей, но никакого самостоятельнаго сельскаго хозяйства не ведутъ.

Въ числѣ руководителей французскихъ синдикатовъ въ изобиліи встрѣчаются имена старинной знати. Соотвѣтственно общему характеру французскихъ синдикатовъ, какъ учрежденій патрональнаго характера, мы замѣчаемъ во внутреннемъ строѣ ихъ глубокое уклоненіе отъ кооперативныхъ принциповъ. Такъ, прежде всего, въ нихъ весьма часто не находитъ выраженія принципъ равноправія членовъ. Членскіе взносы обычно различны, и лица, уплачивающія взносы низшихъ разрядовъ, не пользуются правомъ рѣшающаго голоса въ общихъ собраніяхъ. Прибыли синдиката нерѣдко разверстываются по паямъ.

Этихъ уклоненій достаточно, чтобы отказать многимъ и многимъ французскимъ сельскохозяйственнымъ синдикатамъ въ признаніи ихъ кооперативами. Конечно, среди синдикатовъ имѣются и такія организаціи, которыя можно признать кооперативами, или, по крайней мѣрѣ, приближающимися къ таковымъ. Но именно наиболѣе крупные и успѣшные французскіе синдикаты всего болѣе уклоняются отъ кооперативныхъ принциповъ и значительно сближаются съ капиталистическими учрежденіями.

Среди кооперативовъ по сбыту заслуживаютъ особаго вниманія кооперативы по сбыту хлѣба, получившіе наибольшее развитіе въ Америкѣ и Германіи. Для насъ, русскихъ, поучительнѣе именно германскіе кооперативы этого рода. Идея широкой организаціи совмѣстнаго сбыта хлѣба возникаетъ въ Германіи первоначально не въ крестьянскихъ, а въ помѣщичьихъ кругахъ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка подъ вліяніемъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, особенно обострившагося въ это время. Низкія цѣны на хлѣбъ особенно тяжело чувствовались крупными землевладѣльцами, такъ какъ крестьяне являются въ большей степени производителями животныхъ

продуктовъ, между тѣмъ какъ для крупнаго хозяйства важнѣйшимъ предметомъ производства являются разнаго рода хлѣба. Поэтому не удивительно, что въ девяностые годы въ Германіи среди крупныхъ помѣщиковъ появляется усиленный интересъ къ разнаго рода мѣрамъ, которыя могли бы поднять цѣны хлѣба или по крайней мѣрѣ задержать паденіе ихъ.

Среди такихъ мѣропріятій обратилъ на себя особое общественное вниманіе планъ крупнаго землевладѣльца Грассъ-Планина устроить на государственный счетъ сѣть элеваторовъ во всѣхъ важнѣйшихъ узловыхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ значеніе для хлѣбной торговли. Элеваторы эти должны были быть переданы товариществамъ сельскихъ хозяевъ, при чемъ Грассъ-Планинъ считалъ необходимымъ, чтобы государство сдѣлало поставку хлѣба въ эти элеваторы обязательной для всѣхъ землевладѣльцевъ даннаго района.

При монополіи внутренней хлѣбной торговли, думалъ авторъ этого проекта, станутъ возможны общественное регулированіе хлѣбныхъ цѣнъ и успѣшная борьба съ ихъ паденіемъ.

Проектъ Грассъ-Планина первоначально былъ встрѣченъ германскими кооперативными кругами несочувственно, такъ какъ онъ былъ явно внушенъ особыми интересами крупныхъ помѣщиковъ. Но такъ какъ вліяніе этихъ послѣднихъ въ германскомъ кооперативномъ мірѣ очень велико, то мало-по-малу идеи Грассъ-Планина стали завоевывать и кооператоровъ. На конгрессѣ «Имперскаго союза» въ Нейштадтѣ въ 1895 г., была принята резолюція, требовавшая постройки, въ случаѣ надобности на государственный счетъ, сѣти хлѣбныхъ элеваторовъ, съ тѣмъ, чтобы эти элеваторы были передаваемы въ распоряженіе сельскохозяйственныхъ товариществъ.

Однако среди германскихъ кооперативовъ было и противоположное теченіе, не сочувствовавшее постройкѣ за государственный счетъ крупныхъ элеваторовъ и признававшее желательнымъ, съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ, устройство только мелкихъ элеваторовъ, которые не могли вліять на общій уровень хлѣбныхъ цѣнъ, но болѣе соотвѣтствовали бы задачамъ сбыта крестьянскаго хлѣба. Эта точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе въ резолюціяхъ провинціальнаго (силезскаго) конгресса райффейзеновскихъ товариществъ и преобладала въ мѣстностяхъ съ разви-

тымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, въ Баденѣ, Вюртембергѣ и Баваріи.

Прусское правительство охотно пошло навстрѣчу идеямъ Грассъ-Планина и въ 1896 г. ассигновало изъ государственныхъ средствъ 3 милліона марокъ на устройство хлѣбныхъ элеваторовъ, съ тѣмъ, чтобы эти элеваторы передавались на особыхъ условіяхъ товариществамъ. Въ слѣдующемъ году фондъ этотъ былъ доведенъ до 5 милліоновъ марокъ. Примѣру Пруссіи послѣдовали и нѣкоторыя другія германскія государства: Саксонія, Баварія, Вюртембергъ, Баденъ.

За счетъ прусскаго фонда было выстроено 36 элеваторовъ, перешедшихъ въ завѣдываніе спеціально образованныхъ для этого товариществъ. Руководителями товариществъ оказались люди, ничего общаго съ крестьянскимъ хозяйствомъ не имѣющіе. Многія, и притомъ наиболѣе крупныя, товарищества занялись спекулятивной торговлей хлѣбомъ, при чемъ сбывался хлѣбъ, покупаемый товариществами и на сторонѣ. Товарищества вели такую же капиталистическую торговлю хлѣбомъ, какъ и любая хлѣботорговая фирма. Никакихъ кооперативныхъ элементовъ товарищества эти въ себѣ не заключали.

Судьба ихъ оказалась весьма плачевной. Значительная часть ихъ была ликвидирована, а остальныя утратили всякую связь съ кооперативнымъ движеніемъ, что долженъ былъ признать, въ концѣ-концовъ, и «Имперскій союзъ», подъ покровительствомъ котораго состоялась вся эта кампанія. Прусское правительство также разочаровалось въ идеѣ государственной помощи для устройства элеваторовъ, и дальнѣйшія затраты фиска на этотъ предметъ прекратились.

Однако одновременно съ крушеніемъ плана государственныхъ элеваторовъ возникло движеніе въ пользу организаціи кооперативнаго сбыта хлѣба на совершенно иныхъ основахъ. Товарищества съ государственной помощью были въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отнюдь не могли считаться кооперативами. Но по отношенію къ условіямъ продажи хлѣба положеніе крестьянина гораздо хуже, чѣмъ крупнаго землевладѣльца, ибо крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ небольшими партіями, и потому цѣна его хлѣба обычно значительно ниже помѣщичьяго. Кооперативная организація сбыта хлѣба обѣщаетъ существенно улучшить условія продажи

крестьянскаго хлѣба, и потому вполнѣ естественно, что среди германскихъ крестьянъ возникло сильное движеніе для устройства кооперативныхъ зернохранилищъ.

Понятное дѣло, что крестьянскія кооперативныя зернохранилища ставятъ себѣ болѣе скромныя задачи и отнюдь не пытаются управлять хлѣбными цѣнами. Они стремятся лишь къ тому, чтобы дать возможность крестьянину продавать свой хлѣбъ по господствующей въ данный моментъ рыночной цѣнѣ, устраняя посредничество хлѣбнаго скупщика.

Такія крестьянскія хлѣбныя зернохранилища получили значительное развитіе въ районахъ съ преобладающимъ крестьянскимъ хозяйствомъ—въ Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ. Характерной чертой южно-германскихъ кооперативовъ по сбыту хлѣба является то, что огромное большинство изъ нихъ существуетъ не самостоятельно, но при какихъ-либо другихъ товариществахъ. Такъ, напр., въ Баденѣ изъ 67 кооперативныхъ зернохранилищъ лишь 23 товарищества основаны съ данной спеціальной цѣлью, остальныя же связаны съ другими кооперативами.

Въ Баваріи большинство этихъ товариществъ связано съ кредитными товариществами, въ Баденѣ же—съ товариществами по закупкѣ и продажѣ. Какъ общее правило, кооперативы по сбыту хлѣба занимаются одновременно и закупочными операціями, при чемъ закупаются преимущественно искусственныя удобренія, сѣмена и кормовыя средства. Это является необходимымъ въ виду того, что хлѣбный сезонъ продолжается только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, и нужно найти занятіе въ остальное время для служащаго персонала и помѣщеній товарищества.

Наиболѣе интересны и поучительны баденскія товарищества. Болѣе крупныя изъ этихъ товариществъ при желѣзнодорожныхъ станціяхъ имѣютъ небольшія зернохранилища, въ которыхъ хлѣба не только хранятся, но и очищаются и сортируются. Хлѣбъ принимается или за наличный расчетъ, или же на храненіе, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ лицо, сдавшее свой хлѣбъ, получаетъ складочное свидѣтельство, въ которомъ обозначено количество и качество хранящагося хлѣба, и имѣетъ право получить отъ товарищества ссуду въ размѣрѣ 66% стоимости хлѣба. Однако, какъ общее правило, кооперативныя зернохранилища принимаютъ хлѣбъ лишь за наличный расчетъ, пріемъ же хлѣба на храненіе является

исключеніемъ. Средства для всѣхъ этихъ операцій товарищества получаютъ, въ случаѣ необходимости, отъ Баденскаго союза сельскохозяйственныхъ товариществъ.

Баденскія товарищества по сбыту хлѣба заняли вполнѣ прочное положеніе среди другихъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ и ведутъ свое дѣло довольно удачно. Обороты ихъ опредѣляются нѣсколькими милліонами марокъ въ годъ, что сравнительно съ общимъ количествомъ продаваемаго въ Баденѣ хлѣба является, конечно, цифрой незначительной, не превышая нѣсколькихъ процентовъ всего количества хлѣба, продаваемаго въ Баденѣ.

Сходнымъ образомъ ведутъ свои операціи кооперативныя зернохранилища и въ другихъ крестьянскихъ районахъ Германіи, напр., въ Баваріи, гдѣ ихъ роль особенно велика.

III.

Весьма интересный типъ крестьянскаго кооператива—маслодѣльныя товарищества. Маслодѣльный кооперативъ является товариществомъ по переработкѣ. Члены маслодѣльнаго товарищества представляютъ собой сельскіе хозяева даннаго района, поставляющіе въ маслодѣльню молоко. Молоко расцѣнивается соотвѣтственно своему качеству, перерабатывается въ масло въ товарищеской маслодѣльнѣ при помощи наемнаго персонала, оплачивается по извѣстной цѣнѣ, а весь полученный чистый доходъ по продажѣ масла разверстывается между членами товарищества пропорціонально количеству и качеству поставленнаго каждымъ молока.

Маслодѣльныя товарищества интересны тѣмъ, что они являются кооперативами, имѣющими совершенно исключительный успѣхъ. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что экономическая исторія не знаетъ другого примѣра такого быстраго распространенія новой хозяйственной организаціи, какъ это мы наблюдаемъ въ данномъ случаѣ.

Первая товарищеская маслодѣльня была устроена Штиллингомъ Андерсеномъ въ Даніи въ 1882 г. Развитіе этой новой формы коопераціи пошло поразительно быстрыми шагами. Черезъ 16 лѣтъ, въ 1898 г., въ Даніи считалось всего 1547 молочныхъ предпріятій, при чемъ на долю кооперативныхъ приходилось 1013—вдвое бо-

лѣе, чѣмъ на долю капиталистическихъ. Иными словами, достаточно было столь небольшого промежутка времени, чтобы капиталистическія молочныя предпріятія уже рѣшительно отступили на задній планъ сравнительно съ кооперативными.

Въ 1900 г. въ Даніи было 1029 кооперативныхъ маслодѣленъ, 266 акціонерныхъ маслодѣльныхъ заводовъ и 264 помѣщичьихъ.

Въ 1909 г. число маслодѣльныхъ кооперативовъ возросло до 1157 (со 160 тыс. членовъ), число акціонерныхъ заводовъ упало до 238, а помѣщичьихъ до 90. Кооперативная переработка молока стала почти единственной формой производства масла — изъ 115 милл. килограммовъ масла, производимыхъ въ Даніи, на долю кооперативнаго производства приходилось 100 милл. килограммъ.

Чтобы понять причины этого необычайно быстраго развитія датской маслодѣльной молочной коопераціи, нужно имѣть въ виду историческую обстановку, при которой это развитіе совершалось. Изобрѣтеніе сепаратора совершенно преобразовало технику маслодѣлія. Первое время примѣненіе сепаратора дало рѣшительный перевѣсъ капиталистическому молочному хозяйству сравнительно съ крестьянскимъ, такъ какъ отдѣльному крестьянину было не подъ силу пріобрѣтеніе сепаратора. Но кооперативная организація маслодѣлія дала возможность крестьянину использовать для своего молока это важное техническое изобрѣтеніе. Опираясь на сепараторъ, крестьянское кооперативное маслодѣліе стало быстро вытѣснять капиталистическое.

Послѣ изобрѣтенія сепаратора (а также и нѣкоторыхъ приборовъ для опредѣленія качества молока) самой раціональной фирмой предпріятія по переработкѣ молока стало кооперативное предпріятіе. Правда, капиталистическій маслодѣльный заводъ можетъ пользоваться тѣми же машинами, что и кооперативный. Но дѣло въ томъ, что качество масла самымъ тѣснымъ образомъ связано съ качествомъ молока. Производство же молока фактически находится преимущественно въ крестьянскихъ рукахъ: помѣщичье хозяйство не можетъ по чисто-техническимъ условіямъ съ успѣхомъ конкурировать въ этой области съ крестьянскимъ. Капиталистическій маслодѣльный заводъ долженъ скупать у крестьянъ молоко для выработки масла. Слабая сторона такой скупки, съ точки зрѣнія техники маслодѣлія, заключается въ томъ, что заводъ, скупающій молоко, не имѣетъ возможности контролировать производство мо-

лока, а между тѣмъ малѣйшихъ неправильностей при производствѣ и храненіи молока (напримѣръ, храненіе его въ загрязненной посудѣ) достаточно, чтобы пострадало качество изготовляемаго масла. Поэтому съ технической точки зрѣнія является раціональной лишь такая организація производства масла, при которой производство молока и переработка его въ масло связаны между собой въ хозяйственномъ отношеніи и подчиняются одному общему контролю.

Поэтому капиталистическій маслодѣльный заводъ, вырабатывающій масло изъ скупаемаго молока, является съ технической стороны нераціональной формой предпріятія. Молоко должно производиться подъ контролемъ того предпріятія, которое производитъ масло.

Съ другой стороны, послѣ изобрѣтенія сепараторовъ производство масла должно было отдѣлиться отъ крестьянской фермы, такъ какъ устройство хорошо оборудованнаго маслодѣльнаго завода не подъ силу среднему крестьянину.

Иными словами, и капиталистическое, и крестьянское маслодѣліе стали послѣ изобрѣтенія сепаратора одинаково нераціональны. Единственно раціональной формой производства масла стало кооперативное маслодѣліе, такъ какъ при немъ производство масла можетъ производиться въ крупныхъ размѣрахъ при помощи машинъ, и въ то же время маслодѣльное предпріятіе имѣетъ возможность контролировать производство молока, такъ какъ хозяевами предпріятія являются производители молока.

Къ тому же раціонально поставленный маслодѣльный заводъ является предпріятіемъ, хотя и превышающимъ экономическія силы отдѣльной крестьянской семьи, но все же далеко не крупнымъ по масштабу современной хозяйственной системы. На устройство маслодѣльнаго завода вполнѣ достаточенъ капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Такая сумма не превышаетъ экономическихъ силъ крестьянской группы.

Такимъ образомъ, кооперативное маслодѣліе оказывается несравненно болѣе сильной формой предпріятія, чѣмъ капиталистическое маслодѣліе или индивидуальное крестьянское. Только опираясь на кооперацію, молочное хозяйство въ наше время можетъ быть организовано технически раціонально.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ Даніи молочное хозяй-

ство стало дѣлать быстрые успѣхи лишь послѣ того, какъ оно приняло кооперативную форму. Въ настоящее время датская организація маслодѣльнаго производства является во всѣхъ отношеніяхъ образцовой. Члены товарищества обязываются подчиняться опредѣленнымъ условіямъ какъ доенія, такъ и содержанія скота; товарищество принимаетъ всевозможныя мѣры для улучшенія качества и удойности молочнаго скота. Для этого вырабатываются наиболѣе раціональныя правила кормленія скота, воспрещается выдача коровамъ такихъ кормовъ, которые неблагопріятно вліяютъ на количество и качество молока; молоко принимается въ маслодѣльню по количеству содержащагося въ немъ жира, что поощряетъ крестьянина тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы все производство молока было раціонально; для улучшенія качества скота устраиваются случные пункты съ лучшими производителями, принимаются мѣры къ доставленію всѣмъ членамъ товарищества самой раціональной посуды и т. д., и т. д. Товарищество слѣдитъ за способами сохраненія молока у членовъ товарищества и всячески старается о томъ, чтобы поднять производство какъ молока, такъ и масла на наиболѣе высокій техническій уровень. Когда въ агрономической лабораторіи въ Копенгагенѣ было открыто, что нѣкоторыми манипуляціями можно уничтожить непріятный привкусъ въ маслѣ, то этотъ очень сложный способъ въ скоромъ времени стали примѣнять почти всѣ кооперативныя маслодѣльни.

Въ результатѣ распространенія кооперативнаго маслодѣлія получился огромный ростъ производства масла и поднятіе всей этой отрасли хозяйства на необычайную техническую высоту. Данія заняла въ маслодѣліи первое мѣсто въ мірѣ.

Конечно, датскія кооперативныя маслодѣльни работаютъ не изолированно, но сплоченныя въ мощные союзы; вообще безъ союзнаго объединенія отдѣльныхъ кооперативовъ никакой длительный и прочный успѣхъ коопераціи невозможенъ.

Подобную же картину чрезвычайно быстраго распространенія коопераціи при одновременномъ подъемѣ техники молочнаго дѣла мы замѣчаемъ въ молочномъ хозяйствѣ Германіи, Ирландіи, Австріи, Австраліи и другихъ странъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ Германіи, съ наибольшимъ распространеніемъ крестьянскаго хозяйства, кооперативное маслодѣліе почти совершенно вытѣснило,

какъ и въ Даніи, всякое иное. Въ Германіи молочная кооперація организована слѣдующимъ образомъ. Товарищества объединены въ союзы, которые играютъ чрезвычайно важную роль въ дѣятельности каждаго отдѣльнаго товарищества. При своемъ возникновеніи товарищество получаетъ отъ союза детально разработанный планъ устройства завода и смѣты всѣхъ необходимыхъ построекъ и техническихъ приспособленій. Техническій персоналъ въ распоряженіи союза слѣдитъ, въ случаѣ надобности, за всей постройкой завода. Всѣ необходимые препараты и машины товарищество также получаетъ черезъ посредство союза.

Отъ него же товарищество получаетъ и бланки необходимыхъ для веденія дѣла книгъ и вѣдомостей, а нерѣдко союзъ же посылаетъ и своихъ инструкторовъ для обученія персонала товарищества правильному счетоводству.

Союзы содержатъ спеціальныя школы для подготовки техническаго персонала для молочныхъ заводовъ. Услуги союзовъ товариществамъ такъ велики и очевидны, что внѣ союзовъ остается только небольшая часть товариществъ.

Что касается капитала, необходимаго для открытія дѣйствій товарищества, то и этотъ капиталъ получается при посредствѣ союзныхъ организацій: товарищество присоединяется къ какой-либо центральной кассѣ, и изъ нея получаетъ краткосрочный кредитъ на оборотныя средства и долгосрочный—на оборудованіе самаго завода. Другія товарищества кредитуются у отдѣльныхъ кредитныхъ товариществъ.

Нѣкоторыя товарищества вырабатываютъ только масло, значительное большинство—какъ масло, такъ и сыръ, а также побочные продукты молочнаго производства. Пригородныя товарищества совсѣмъ не перерабатываютъ молока и поставляютъ его въ сыромъ видѣ потребителямъ.

Всего въ 1913 г. въ Германіи было зарегистрировано «Имперскимъ союзомъ» 3488 молочныхъ товариществъ, да, кромѣ того, незарегистрированныхъ товариществъ было, по приблизительному подсчету, около 700—800. Число членовъ въ этихъ товариществахъ должно было приближаться къ 400.000.

За самые послѣдніе годы ростъ молочной коопераціи въ Германіи нѣсколько замедлился, потому что для германской молочной коопераціи выступаетъ новая задача—перейти отъ производства

молочныхъ продуктовъ къ поставкѣ потребителямъ молока въ сыромъ видѣ, такъ какъ продажа молока въ непереработанномъ видѣ даетъ гораздо большую выручку, чѣмъ въ видѣ масла, цѣна котораго сильно понижается иностранной конкуренціей. Эта новая задача—переходъ къ непосредственной поставкѣ потребителямъ молока—является очередной для германской молочной коопераціи.

Очень интересной формой кооператива по переработкѣ являются описанныя А. Н. Анцыферовымъ товарищества винодѣловъ рейнскаго района. Для владѣльца небольшого виноградника устройство хорошо оборудованнаго погреба для переработки винограда въ вино является дѣломъ совершенно непосильнымъ. Поэтому мелкіе виноградари принуждены продавать свой виноградъ на вѣсъ и естественно попадаютъ въ полную зависимость отъ скупщиковъ винограда, ибо виноградъ является очень быстро портящимся продуктомъ, продолжительное храненіе котораго невозможно. На этой почвѣ создается потребность въ кооперативной организаціи для переработки винограда въ вино.

Образцомъ винодѣльческихъ товариществъ явилось первое изъ нихъ въ прирейнской деревнѣ Майшоссѣ. Культура винограда остается дѣломъ каждаго отдѣльнаго члена товарищества, но весь собранный виноградъ поступаетъ въ распоряженіе товарищества, которое подвергаетъ виноградъ въ своемъ подвалѣ всѣмъ операціямъ, необходимымъ для изготовленія вина.

При поступленіи винограда въ распоряженіе товарищества виноградъ оплачивается, а затѣмъ всѣ полученные при продажѣ вина излишки распредѣляются между членами товарищества пропорціонально цѣнности доставленнаго винограда и внесеннаго членомъ пая.

Особенно интересно вліяніе, оказываемое товариществомъ на производство винограда. Какъ сказано, культура винограда остается въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ товарищества. Однако успѣхъ товарищества самымъ существеннымъ образомъ зависитъ отъ хозяйничанья отдѣльныхъ членовъ на ихъ виноградникахъ. Поэтому товарищество вынуждается силою вещей къ самому дѣятельному вмѣшательству въ индивидуальное хозяйство его членовъ. Чтобы вино было надлежащаго качества, для этого необходима срѣзка винограда въ надлежащее время. Поэтому товарищество требуетъ, чтобы всѣ члены его производили срѣзку винограда

въ моментъ, опредѣляемый правленіемъ товарищества. Затѣмъ качество винограда зависитъ отъ способа обработки почвы, отъ системы удобреній, отъ раціональной борьбы съ разнаго рода вредителями и т. д., и т. д. Все это въ большей или меньшей степени регулируется товариществомъ на общихъ собраніяхъ его членовъ, устанавливающихъ, путемъ взаимныхъ соглашеній, всѣ детали виноградной культуры. Товарищество же является посредникомъ по пріобрѣтенію членами орудій, удобрительныхъ средствъ и всего другого, необходимаго для виноградной культуры.

Въ результатѣ получается, какъ это замѣчается и въ области молочной кооперацiи, поднятіе техническаго уровня не только производства того продукта, который непосредственно выпускается товариществомъ, но и того сырья, которое производится въ индивидуальномъ хозяйствѣ отдѣльныхъ членовъ товарищества.

Производство этого послѣдняго продукта остается хотя и индивидуальнымъ, но регулируемымъ коллективомъ и опирающимся на содѣйствіе этого коллектива. Граница между индивидуальнымъ и общественнымъ производствомъ въ этомъ случаѣ не стирается совершенно, ибо отдѣльные члены все же работаютъ не на коллективъ, а на себя самихъ, при чемъ ихъ доходъ опредѣляется успѣшностью ихъ единоличнаго труда.

Однако нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ, благодаря всестороннему регулированію труда отдѣльнаго лица коллективомъ, трудъ этотъ не можетъ быть названъ всецѣло индивидуальнымъ. Предъ нами новый типъ индивидуальнаго труда, управляемаго коллективомъ.

IV.

Товарищества по переработкѣ, какъ было выяснено выше, отнюдь не должны быть смѣшиваемы съ кооперативами въ сферѣ труда: въ этихъ товариществахъ кооперативная организація охватываетъ не трудъ производства, но владѣніе производительнымъ предпріятіемъ и управленіе имъ вмѣстѣ со сбытомъ изготавливаемаго продукта. Производство же въ кооперативахъ этого рода ведется при помощи наемнаго труда, совершенно такъ же, какъ въ любой капиталистической мастерской. Ничего общаго по своему внутреннему экономическому строю между маслодѣльнымъ или ви-

нодѣльческимъ товариществомъ и производительной артелью не существуетъ, ибо въ производительной артели процессъ производства осуществляется не наемными рабочими, но членами кооператива, между тѣмъ какъ въ маслодѣльномъ или винодѣльческомъ товариществѣ члены товарищества никакого участія своимъ личнымъ трудомъ въ процессѣ переработки молока въ масло или винограда въ вино не принимаютъ, а всѣ эти процессы выполняются наемными рабочими.

Что касается кооперативовъ въ сферѣ труда, то въ сельскомъ хозяйствѣ производительныя артели являются такимъ же рѣдкимъ исключеніемъ, какъ и въ области промышленности. Трудовыя артели совершенно отсутствуютъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и только производительно-подсобныя артели имѣютъ извѣстное значеніе.

Производительно-подсобныя артели встрѣчаются среди крестьянъ преимущественно въ двухъ видахъ: во-первыхъ, какъ товарищества по пользованію нѣкоторыми машинами, пріобрѣтеніе которыхъ по ихъ сравнительно высокой стоимости не подъ силу отдѣльному крестьянину, и, во-вторыхъ, какъ арендныя товарищества. (Третьимъ, и крайне интереснымъ, типомъ производительно-подсобныхъ артелей являются товарищества по снабженію сельскихъ хозяевъ электрической энергіей; но эти товарищества только возникаютъ и еще ищутъ для себя подходящихъ экономическихъ и юридическихъ формъ. Сомнительно, чтобы они могли осуществиться въ широкомъ размѣрѣ въ формѣ кооперативовъ.)

Наибольшее распространеніе имѣютъ товарищества по пользованію молотильными машинами. Что касается арендныхъ товариществъ, то они за послѣднее время стали быстро распространяться въ Италіи и Румыніи, на почвѣ своеобразныхъ условій крестьянскаго хозяйства въ этихъ странахъ.

Италія является страной съ большимъ развитіемъ аренды. Такъ, въ Ломбардіи до 90% крупныхъ землевладѣльцевъ отдаютъ свою землю въ аренду капиталистическимъ фермерамъ. Въ южной Италіи, особенно въ Сициліи, преобладаетъ аренда другого типа— мелкими участками крестьянамъ, при чемъ сами крестьяне не снимаютъ землю непосредственно у землевладѣльцевъ, но послѣдніе сдаютъ землю особымъ капиталистическимъ посредникамъ, не ведущимъ сельскаго хозяйства, но пересдающимъ снятую землю крестьянамъ. Посредникъ не выполняетъ никакихъ производитель-

ственныхъ функцій, но гарантируетъ землевладѣльцу исправный взносъ арендной платы, внося ее изъ своихъ средствъ, и собирая затѣмъ значительно увеличенную арендную плату съ мелкихъ арендаторовъ.

При такомъ положеніи дѣла мелкіе арендаторы принуждены платить чрезвычайно высокую арендную плату, значительная часть которой остается въ рукахъ посредниковъ. Отсюда и возникло движеніе въ пользу кооперативной аренды, которая въ Италіи существуетъ въ двухъ формахъ: въ формѣ коллективной аренды съ общей обработкой земли и въ формѣ коллективной аренды безъ общей обработки земли. При первой формѣ аренды арендующая группа является земледѣльческой производительной артелью,— объ этихъ артеляхъ было сказано въ главѣ о производительныхъ артеляхъ. Распространеніе такихъ формъ аренды весьма ограниченное. Гораздо большее значеніе имѣетъ коллективная аренда безъ общей обработки земли.

При этой послѣдней формѣ аренды товарищество за общій счетъ снимаетъ опредѣленный участокъ земли, разбиваетъ его на мелкіе участки и распредѣляетъ ихъ между своими членами. Арендная плата за эти участки равняется соотвѣтствующей части общей арендной платы, уплачиваемой землевладѣльцу, плюсъ нѣкоторая добавочная сумма на расходы по управленію товариществомъ и отчисленіе въ резервный капиталъ товарищества, равно какъ и на амортизацію долговъ товарищества.

Хотя обработка земли ведется въ этомъ случаѣ самостоятельно каждымъ отдѣльнымъ членомъ, тѣмъ не менѣе имѣется и нѣкоторое общее хозяйство. Прежде всего члены товарищества сообща производятъ закупки нужныхъ имъ средствъ производства и сообща продаютъ продукты. Затѣмъ, такъ какъ отвѣтственность за исправный взносъ арендной платы ложится на все товарищество, то товарищество считаетъ себя въ правѣ контролировать хозяйство каждаго отдѣльнаго члена. Особый наблюдательный комитетъ слѣдитъ за обработкой земли отдѣльными членами, учитъ ихъ методамъ новѣйшей техники, указываетъ на наилучшіе способы использованія удобренія, наилучшіе сорта культивируемыхъ растеній и т. д. Иногда товарищество для цѣлей общаго руководства приглашаетъ особыхъ агрономовъ.

Такимъ образомъ, итальянскія арендныя товарищества съ раз-

дѣльной обработкой земли представляютъ собой кооперативы весьма сложнаго типа, не только производительно-подсобныя, но и товарищества по закупкѣ, сбыту, заключая въ себѣ, къ тому же, нѣкоторые элементы и производительныхъ артелей.

Въ 1906 г. такихъ арендныхъ товариществъ съ раздѣльной обработкой въ Италіи считалось 83, при чемъ площадь арендуемой ими земли опредѣлялась крупной цифрой въ 30 тысячъ гектаровъ. Товарищества эти имѣютъ полный успѣхъ, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи.

Еще больше значенія имѣютъ арендныя товарищества въ Румыніи. И въ Румыніи, какъ и въ Италіи, арендныя товарищества возникли на почвѣ особыхъ аграрныхъ отношеній этой страны: при господствѣ крупнаго землевладѣнія въ Румыніи создалось такое же самое капиталистическое посредничество при арендѣ, какъ и въ Италіи. Послѣ революціоннаго движенія румынскаго крестьянства въ 1907 г. румынское правительство признало необходимость широкаго аграрнаго законодательства, направленнаго къ улучшенію участи крестьянства. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ оздоровленію аграрныхъ отношеній была признана кооперація. Развитіе арендныхъ товариществъ идетъ за послѣдніе годы въ Румыніи чрезвычайно быстрымъ темпомъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

	Число арендныхъ товариществъ.	Число членовъ ихъ.	Арендуемая площадь (въ тысяч. гект.).
1903	8	—	5,0
1907	103	11.118	73,3
1908	172	23.071	133,2
1910	275	36.071	190,5
1911	372	62.009	283,4
1912	550	100.000	400,1

Румынскія арендныя товарищества, подобно итальянскимъ, не ограничиваются передачей земельныхъ участковъ въ арендное пользованіе членамъ товарищества, но практикуютъ нѣкоторыя общія хозяйственныя операціи, какъ, напр., общую закупку различныхъ товаровъ и общій сбытъ. Быстрый ростъ ихъ находится въ связи съ правительственными мѣрами, принятыми подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія. Важнѣйшія изъ этихъ мѣръ заключаются въ слѣдующемъ. Въ 1908 г. былъ изданъ законъ,

согласно которому ни одно лицо не можетъ брать въ аренду въ однѣ руки болѣе 4000 гектаровъ земли; закономъ 1910 г. было установлено, что всѣ казенныя земли, а равно земли, принадлежащія обществамъ и общественнымъ учрежденіямъ, если онѣ эксплоатируются самими владѣльцами, должны отдаваться въ аренду не иначе, какъ кооперативнымъ товариществамъ, срокомъ не менѣе, какъ на 5 лѣтъ.

Но и помимо этого румынское правительство непосредственно поощряетъ кооперативную аренду. Такъ, въ 1908 г. была основана правительствомъ Центральная сельская касса, капиталъ которой былъ доведенъ до 20 милліоновъ лей. Центральная касса должна пріобрѣтать частновладѣльческую землю для распродажи ея небольшими участками крестьянамъ или же для отдачи ея въ аренду кооперативамъ. Кооперативныя аренды организуются при посредствѣ Центральной кассы, издавшей съ этой цѣлью особый нормальный уставъ арендпаго товарищества.

Согласно нормальному уставу, арендное товарищество является кооперативомъ съ неограниченной отвѣтственностью. Капиталъ товарищества составляется изъ паевыхъ взносовъ, размѣромъ не менѣе 20 лей каждый пай. Планъ веденія хозяйства составляется правленіемъ и долженъ быть утвержденъ Центральной кассой. Земельные участки находятся въ пользованіи одной и той же семьи въ теченіе всего срока арендпаго договора (обычно охватывающаго срокъ отъ 5—10 лѣтъ). Руководство хозяйствомъ лежитъ на обязанности особаго ученаго агронома, который слѣдитъ за хозяйствомъ всѣхъ членовъ товарищества, долженъ заботиться объ улучшеніи этого хозяйства, организовываетъ зимой особые агрономическіе курсы для крестьянъ и т. д.

Утверждаютъ, что кооперативная аренда очень подняла крестьянское хозяйство Румыніи. Такъ, напр., только съ этого времени въ Румыніи начинаетъ развиваться огородничество, которое раньше въ Румыніи было дѣломъ исключительно пріѣзжающихъ на лѣтній сезонъ болгарскихъ крестьянъ; агрономы же научили румынскаго крестьянина огородничеству.

Хотя обработка земли въ румынскихъ арендныхъ товариществахъ производится раздѣльно, но нѣкоторыя рабочія операціи производятся сообща: такъ, напр., сжатый хлѣбъ члены товарищества отвозятъ въ общій токъ и сообща его обмолачиваютъ машиной.

Продукты также сбываются сообща черезъ выборныхъ представителей. Изъ вырученной суммы отчисляется извѣстный процентъ въ пользу товарищества, и образовывается фондъ для пріобрѣтенія машинъ, производства меліорацій, постройки школъ и пр.

V.

Особый характеръ имѣетъ сельскохозяйственная кооперація въ Англіи. Значеніе англійской сельскохозяйственной коопераціи и ея своеобразіе заключается въ томъ, что она является однимъ изъ звеньевъ грандіозной и строго продуманной системы, имѣющей своей цѣлью коренное измѣненіе аграрныхъ условій Англіи и насажденіе въ ней, на мѣсто господствующаго крупнаго капиталистическаго сельскаго хозяйства, крестьянскаго хозяйства. Къ этому стремятся англійскія власти уже много лѣтъ, не отступая передъ такими рѣшительными мѣрами, какъ принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель. Англійское общественное мнѣніе издавна привыкло цѣнить значеніе коопераціи; естественно, что и насажденіе крестьянскаго хозяйства было признано осуществимымъ лишь при условіи развитія крестьянскихъ кооперативовъ. Законъ 1908 г., установившій, въ случаѣ надобности, принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли (по нормальной оцѣнкѣ), рекомендовалъ совѣтамъ графствъ способствовать образованію среди владѣльцевъ небольшихъ земельныхъ участковъ кооперативовъ и, по возможности, надѣлять землей не отдѣльныя лица, а цѣлыя группы такихъ лицъ, за ихъ круговой отвѣтственностью.

Съ цѣлью распространенія сельскохозяйственной коопераціи въ Англіи возникло по частной иниціативѣ «Земледѣльческое организаціонное общество», получающее отъ правительства крупную субсидію. Общество это ведетъ дѣятельную пропаганду коопераціи, устраиваетъ съ этой цѣлью публичныя лекціи, посылаетъ особыхъ своихъ агентовъ для ознакомленія населенія въ разныхъ мѣстахъ съ кооперативными принципами, инструктируетъ вновь возникающіе кооперативы и пр. Никакой коммерческой дѣятельности у него нѣтъ, и оно не располагаетъ никакой властью по отношенію къ вновь возникающимъ кооперативамъ.

Къ концу 1910 г. къ этой организаціи принадлежало уже 396 кооперативовъ, т.-е. около $^4/_5$ всѣхъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ Англіи. Въ названной организаціи участвуетъ 161 арендное товарищество.

Члены англійскихъ арендныхъ товариществъ обрабатываютъ землю обычно раздѣльно, но значительная часть живого и мертваго инвентаря принадлежитъ всему товариществу, которое ссужаетъ имъ за опредѣленную плату членовъ товарищества.

«Земледѣльческому организаціонному обществу» удалось наладить сбытъ нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ непосредственно англійскому Обществу оптовыхъ продажъ, чего достигнуть было не легко, такъ какъ потребительные кооперативы Англіи относились съ большимъ недовѣріемъ къ сельскохозяйственной кооперацін. Вообще англійская сельскохозяйственная кооперація, при всей своей молодости, обѣщаетъ стать чрезвычайно важнымъ факторомъ возрожденія въ Англіи давно исчезнувшаго крестьянскаго хозяйства.

ГЛАВА V.

Соціальная среда сельскохозяйственной коопераціи.

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ коопераціи, по общему мнѣнію, является то, что кооперативы представляютъ собой открытыя учрежденія: въ нихъ принимаются всѣ желающіе, согласные выполнять обязательства, налагаемыя принадлежностью къ данному кооперативу. Это нисколько не мѣшаетъ тому, что фактически въ кооперативъ того или иного рода идутъ не всѣ, а лишь лица, принадлежащія къ опредѣленнымъ общественнымъ группамъ, классовымъ интересамъ которыхъ соотвѣтствуетъ участіе въ данныхъ организаціяхъ.

Составъ участниковъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ весьма сложный. Сельскохозяйственный кооперативъ не имѣетъ никакихъ основаній отгораживаться отъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ, напротивъ, участіе послѣднихъ въ кооперативѣ для послѣдняго весьма желательно, такъ какъ чѣмъ крупнѣе хозяйственные обороты даннаго лица, тѣмъ экономически сильнѣе и включающая его организація. Поэтому, какъ общее правило, сельскохозяйственные кооперативы охотно принимаютъ въ свои члены всѣхъ сельскихъ хозяевъ, независимо отъ того, ведутъ ли послѣдніе крупное или мелкое хозяйство.

Что касается до отношенія къ кооперативамъ самихъ сельскихъ хозяевъ, то оно далеко не одинаково у мелкихъ хозяевъ—крестьянъ—и крупныхъ хозяевъ—помѣщиковъ. Для крестьянъ кооперація является незамѣнимымъ и единственно возможнымъ средствомъ поднятія ихъ экономическаго благосостоянія. Крестьянинъ экономически слишкомъ слабъ, чтобы своими собственными силами удовлетворительно справиться съ тѣми задачами, которыя выпадаютъ на него въ современномъ развитомъ капиталистическомъ

хозяйствѣ. Капиталистическая система хозяйства, господствующая въ настоящее время, приспособлена къ интересамъ крупныхъ хозяевъ, располагающихъ достаточнымъ капиталомъ. Капиталы, которыми располагаютъ крестьяне, сравнительно ничтожны, потому крестьяне естественно подпадаютъ эксплоатаціи тѣхъ капиталистическихъ общественныхъ элементовъ, съ которыми крестьянинъ сталкивается по условіямъ своего хозяйства; такими элементами являются, во-первыхъ, представители денежнаго капитала (на этой почвѣ возникаетъ деревенское ростовщичество), во-вторыхъ, представители торговаго капитала (на этой почвѣ возникаетъ эксплоатація крестьянства торговыми посредниками—деревенскими лавочниками, продавцами разнаго рода сельскохозяйственныхъ средствъ производства, машинъ, орудій, искусственныхъ удобреній и пр., а также скупщиками сельскохозяйственныхъ продуктовъ), и, наконецъ, въ тѣхъ районахъ, гдѣ крестьянинъ ведетъ хозяйство не на своей, а на арендованной землѣ, крупные землевладѣльцы или капиталистическіе посредники, передающіе землю въ аренду. Всѣ эти общественные элементы, интересы которыхъ находятся въ антагонизмѣ съ интересами крестьянина, экономически сильнѣе изолированнаго крестьянина, и при отсутствіи особыхъ крестьянскихъ организацій, когда крестьянину приходится своими единоличными силами отстаивать свои интересы, крестьянинъ естественно попадаетъ въ экономическую зависимость отъ названныхъ капиталистическихъ классовъ. Общественная задача кооперации въ томъ именно и заключается, чтобы освободить крестьянина отъ этой зависимости и восполнить коллективной силой крестьянской группы слабость единоличныхъ силъ крестьянина.

Поэтому естественной задачей кооперации является защита интересовъ мелкаго сельскаго хозяина—крестьянина. Участіе крестьянина въ сельскохозяйственныхъ кооперативахъ диктуется его настоятельнѣйшими экономическими интересами.

Соотвѣтственно этому вся организація, весь внутренній строй кооператива приспособленъ къ защитѣ именно крестьянскихъ интересовъ. Возьмите, напримѣръ, кредитное товарищество. Основаніемъ его являются такъ называемые райффейзеновскіе принципы. Всѣ эти принципы вытекаютъ изъ одного основного стремленія—дать возможность пользоваться возможно дешевымъ креди-

томъ тѣмъ лицамъ, которыя считаются некредитоспособными съ точки зрѣнія обычнаго капиталистическаго банка. Райффейзеновская организація существуетъ, очевидно, для мелкихъ и мало обезпеченныхъ сельскихъ хозяевъ, а не для крупныхъ помѣщиковъ, которые легко получаютъ кредитъ въ обычныхъ банкахъ. По своей первоначальной идеѣ райффейзеновскій кооперативъ былъ почти благотворительнымъ учрежденіемъ для бѣдняковъ.

Если мы возьмемъ разнообразные кооперативы по закупкѣ и сбыту, то и въ нихъ мы замѣтимъ черты, которыя дѣлаютъ ихъ организаціями, приспособленными для обслуживанія интересовъ именно мелкихъ, а не крупныхъ хозяевъ. Прежде всего, какой смыслъ имѣетъ основное правило всякаго кооператива, предоставляющее каждому члену имѣть только одинъ голосъ въ общихъ собраніяхъ, независимо отъ того, сколько паевъ онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи? Правило это, очевидно, внушено стремленіемъ оградить интересы именно менѣе состоятельныхъ членовъ кооператива. Тотъ же смыслъ имѣетъ и другой кооперативный принципъ—распредѣленіе чистаго дохода не по паямъ, а по участію даннаго лица въ оборотахъ кооператива.

Возьмемъ, напримѣръ, кооперативную маслодѣльню. Чѣмъ объясняется самая характерная черта этой экономической организаціи, рѣзко отличающая ее отъ акціонернаго капиталистическаго маслодѣльнаго завода,—то, что доходъ отъ продажи масла распредѣляется пропорціонально поставленному каждымъ молоку, а не пропорціонально доли внесеннаго каждымъ въ предпріятіе капитала?

Смыслъ этой особенности маслодѣльнаго кооператива, очевидно, заключается въ томъ, что предпріятіе основывается въ интересахъ производителей молока, а не въ интересахъ лицъ, владѣющихъ капиталомъ. Но вѣдь молоко, съ точки зрѣнія капиталистическаго предпринимателя, такой же капиталъ, какъ и машины, заработная плата и прочее, необходимое для дѣйствія маслодѣльнаго предпріятія. Поэтому, съ капиталистической точки зрѣнія, самымъ раціональнымъ было бы приравнять молоко къ прочимъ элементамъ капитала и распредѣлять прибыль пропорціонально капиталу, вносимому каждымъ, иначе говоря, по паямъ. Маслодѣльный кооперативъ смотритъ на дѣло совершенно иначе и самымъ строгимъ образомъ выдѣляетъ молоко изъ про-

чихъ затратъ маслодѣльнаго производства и распредѣляетъ получаемый доходъ только по молоку.

Почему? Да потому, что маслодѣльный кооперативъ существуетъ не въ интересахъ людей, владѣющихъ капиталомъ, а въ интересахъ тѣхъ, благосостояніе которыхъ основывается на владѣніи коровой и получаемомъ отъ нея молокѣ. Вотъ почему молоко для маслодѣльнаго кооператива вовсе не есть элементъ капитала, а нѣчто принципіально отличное отъ капитала, нѣчто, символизирующее затраченный на производство молока крестьянскій трудъ.

Вообще, внутреннія черты организаціи сельскохозяйственнаго кооператива неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что передъ нами организація, существующая въ интересахъ не капиталистическихъ предпринимателей, а трудящихся производителей.

Соотвѣтственно этому мы видимъ, что повсемѣстно сельскохозяйственная кооперація обслуживаетъ, прежде всего, трудящіеся слои деревенскаго населенія.

Возьмемъ, напримѣръ, кредитную кооперацію. Въ германскихъ кредитныхъ товариществахъ райффейзеновскаго типа существуетъ три вида ссудъ: подъ личное поручительство, подъ обезпеченіе цѣнными бумагами и подъ обезпеченіе гипотекой. По даннымъ, приводимымъ А. Н. Анцыферовымъ, въ 1901 г. 75,3⁰/₀ общаго числа ссудъ падало въ товариществахъ райффейзеновскаго союза на ссуды, обезпеченныя поручительствомъ, 23,6⁰/₀—на ссуды, обезпеченныя гипотекой, и только 1,1⁰/₀—на ссуды, обезпеченныя цѣнными бумагами. Средняя величина ссуды на одного члена не превышала въ томъ же году 590 марокъ. Все это ясно говоритъ, что кліентомъ райффейзеновскихъ товариществъ является мелкій сельскій хозяинъ-крестьянинъ и что капиталистическій кредитъ не играетъ въ дѣятельности этихъ товариществъ почти никакой роли.

Точныхъ статистическихъ данныхъ относительно имущественнаго положенія членовъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ въ различныхъ государствахъ не имѣется, и потому приходится довольствоваться для выясненія классоваго состава участниковъ сельской кооперацін косвенными данными. Всѣ эти данныя говорятъ, что членами сельскихъ товариществъ являются, по преимуществу, крестьяне.

Такъ, прежде всего, бросается въ глаза, что кооперативы рас-

пространены по преимуществу въ районахъ съ преобладаніемъ крестьянскаго хозяйства, и имѣютъ гораздо меньшій успѣхъ тамъ, гдѣ преобладаетъ помѣщичье хозяйство. Максъ Грабейнъ приводитъ въ своей извѣстной книгѣ «Wirtschaftliche und sociale Bedeutung der ländlichen Genossenschaften in Deutschland» (1908 г.) слѣдующую статистику распредѣленія германскихъ кооперативовъ въ различныхъ районахъ Германіи:

Районы съ преобладаніемъ мелкаго и средняго сельскаго хозяйства.		Районы съ преобладаніемъ крупнаго сельскаго хозяйства.	
1 товарищество приходится на сельскохозяйственную площадь въ гектарахъ:			
Рейнъ-Пфальцъ	453	Бранденбургъ	2380
Гессенъ	606	Познань	2838
Рейнъ-Прусск.	815	Померанія	3089
Вюртембергъ	862	Западн. Пруссія	3833
Гессенъ-Нассау	896	Мекленбургъ-Шверинъ	4031
Вальдекъ	925	Восточн. Пруссія	5230
Баденъ	1027	Мекленбургъ-Стрелицъ	6223

Легко замѣтить, что кооперативы преобладаютъ въ районахъ мелкаго и средняго хозяйства.

Относительно Гессена имѣются данныя объ имуществѣ и доходахъ членовъ сельскихъ кредитныхъ товариществъ. Средній доходъ члена кредитнаго товарищества оказался въ этомъ далеко не бѣдномъ германскомъ государствѣ равнымъ всего 1107 мар., а средній размѣръ имущества—15.602 мар.; и то и другое свидѣтельствуетъ, что члены кредитныхъ товариществъ принадлежатъ въ своей массѣ малообезпеченнымъ слоямъ населенія.

Какіе же именно слои крестьянскаго населенія принимаютъ преимущественное участіе въ кооперативномъ движеніи? Отвѣтить на этотъ вопросъ по недостатку соотвѣтствующихъ статистическихъ свѣдѣній очень не легко. Повидимому, кооперація привлекаетъ въ свои ряды, главнымъ образомъ, среднихъ и крупныхъ крестьянъ. Самые мелкіе крестьяне, приближающіеся къ пролетаріату, слишкомъ слабы экономически для того, чтобы участвовать въ значительномъ количествѣ въ кооперативахъ.

Имѣющаяся по данному вопросу отрывочная статистика, въ общемъ, подтверждаетъ это предположеніе. Такъ, напримѣръ, относительно образцовой датской молочной коопераціи можно ска-

зать, что въ ней участвуютъ всѣ элементы сельскаго населенія, обладающаго коровами, но далеко не въ одинаковой мѣрѣ: на долю парцеллярныхъ и мелкихъ хозяйствъ приходилось, по даннымъ, относящимся къ 1903 г., 28,7% всего молока, переработаннаго въ молочныхъ кооперативахъ, на долю среднихъ хозяйствъ—55,2%, а на долю крупныхъ хозяйствъ—только 13,8%.

Что касается группы мелкихъ хозяйствъ, то она, въ свою очередь, можетъ быть раздѣлена на три подгруппы. Самая низшая группа карликовыхъ хозяйствъ даетъ ничтожное количество коровъ, поставляющихъ молоко на кооперативы, но изъ общаго числа коровъ во владѣніи этой группы все же 58% коровъ принадлежитъ членамъ кооперативовъ. Въ слѣдующей группѣ мелкихъ хозяйствъ на кооперативы поставляется молоко 82,8% всѣхъ коровъ, находящимися во владѣніи этой группы; наконецъ, въ самой высшей группѣ мелкихъ хозяйствъ уже 84,9% коровъ связано съ кооперативами.

Отсюда видно, что въ датской маслодѣльной кооперацiи участвуютъ всѣ слои крестьянскаго населенія, но участіе самыхъ мелкихъ хозяевъ менѣе значительно, чѣмъ участіе тѣхъ крестьянскихъ группъ, которыя приближаются къ среднимъ слоямъ крестьянства.

Въ Германіи роль крупнаго хозяйства въ кооперацiи болѣе значительна, чѣмъ въ Даніи, и соотвѣтственно этому въ германской кооперацiи замѣчается стремленіе къ сближенію съ капиталистическими организаціями. Такъ, нѣкоторыя германскія молочныя товарищества охотно замыкаютъ свой составъ и становятся фактически недоступными бѣднѣйшимъ хозяевамъ деревни благодаря требованію высокой вступной платы (до 80 мар. на корову). Но это является далеко по общимъ правиломъ, а исключеніемъ.

По словамъ такого выдающагося знатока германской кооперацiи, какъ Грабейнъ, генеральнаго секретаря «Имперскаго союза», «кооперативъ есть такая хозяйственная форма, въ которой объединяются ради своихъ общихъ интересовъ средніе и мелкіе хозяева, а также и остальные, болѣе слабые элементы деревенскаго населенія. Однако сельскій кооперативъ не носитъ характера односторонней классовой организацiи; наоборотъ, почти повсемѣстно въ кооперативныхъ организаціяхъ принимаютъ въ боль-

шей или меньшей степени дѣятельное участіе и крупные хозяева, а также и иные элементы деревенскаго населенія».

Особенно велико участіе крупныхъ хозяевъ во французскихъ сельскихъ синдикатахъ, которые только отчасти могутъ быть причислены къ кооперативамъ. Вообще сельская кооперація представляетъ въ этомъ отношеніи въ разныхъ странахъ далеко не одинаковую картину: хотя вездѣ преобладаетъ въ кооперативахъ крестьянство, но, во-первыхъ, среди самого крестьянства имѣются различныя группы по своему относительному достатку, и роль каждой изъ этихъ группъ въ коопераціи въ разныхъ странахъ различна; во-вторыхъ, на ряду съ крестьянствомъ почти всюду въ составъ кооперативовъ входятъ и крупные землевладѣльцы, въ однѣхъ странахъ въ большей, въ другихъ въ меньшей мѣрѣ.

Что касается до участія въ деревенской коопераціи крупныхъ землевладѣльцевъ, то оно объясняется частью хозяйственными интересами помѣщиковъ, частью же причинами историческаго и политическаго характера. Что касается до первой причины, то она, конечно, имѣетъ свое значеніе. Кооперація приспособлена къ интересамъ менѣе достаточныхъ классовъ деревенскаго населенія, но и болѣе достаточные классы могутъ извлекать изъ участія въ кооперативахъ опредѣленныя хозяйственныя выгоды. Ссуда въ нѣсколько сотъ марокъ, которая выдается кредитнымъ кооперативомъ, не удовлетворитъ, конечно, потребности въ кредитѣ крупнаго землевладѣльца, но все же и она можетъ оказаться далеко не лишней въ добавленіе къ кредиту, получаемому изъ обычнаго капиталистическаго банка. Еще болѣе существенную помощь хозяйству крупнаго сельскаго хозяина могутъ оказать разнаго рода кооперативы по сбыту, закупкѣ и переработкѣ. Поэтому хозяйственные интересы крупнаго хозяина побуждаютъ его не уклоняться отъ участія въ кооперативахъ. Нужно, однако, имѣть въ виду существенное различіе въ этомъ отношеніи между крестьяниномъ и крупнымъ хозяиномъ: для крестьянина участіе въ кооперативѣ диктуется интересами самосохраненія—внѣ кооператива самое экономическое существованіе крестьянина, какъ самостоятельнаго хозяина, нерѣдко подвергается опасности; напротивъ, для крупнаго хозяина участіе въ кооперативѣ ни малѣйшимъ образомъ не является вопросомъ первенствующей хозяйственной важности—крупный хозяинъ прекрасно можетъ существовать и внѣ

коопераціи, но участіе въ ней можетъ быть для него выгодно, хотя выгода эта обычно и не является сколько-нибудь значительной.

Такимъ образомъ, чисто-экономическія причины хотя и благопріятствуютъ участію крупныхъ хозяевъ въ коопераціи, но дѣйствіе ихъ довольно слабо. А такъ какъ кооперативъ является по самому своему существу демократическимъ учрежденіемъ, большинство членовъ котораго принадлежитъ къ иному общественному классу—крестьянства,—то на чисто-экономической почвѣ трудно было бы ожидать сколько-нибудь значительной тяги класса крупныхъ хозяевъ къ коопераціи. Вѣдь въ кооперативахъ всякій членъ имѣетъ равный голосъ—немногіе помѣщики, участвующіе въ нихъ, совершенно подавляются голосами крестьянъ. Вся организація кооператива совершенно не приспособлена къ обслуживанію нуждъ помѣщика.

Но, кромѣ хозяйственныхъ мотивовъ, поведеніе общественныхъ группъ управляется и многими другими соображеніями. Исторически сельскохозяйственная кооперація возникла какъ благотворительное учрежденіе въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и деревенской интеллигенціи: деревенскихъ учителей, духовенства и пр. Райффейзенъ и его первые сподвижники отнюдь не принадлежали къ крестьянскому классу, и вся райффейзеновская кооперація задумана какъ организація, служащая, правда, интересамъ крестьянства, но опекаемая и руководимая не самими крестьянами, а болѣе образованными и достаточными классами деревенскаго населенія. Этотъ первоначальный характеръ сельской коопераціи значительно измѣнился по мѣрѣ ея роста, но не вполнѣ утраченъ и понынѣ. И теперь руководители сельской коопераціи выходятъ въ значительной степени изъ общественныхъ классовъ, стоящихъ на соціальной лѣстницѣ гораздо выше крестьянства.

Къ этимъ историческимъ причинамъ, обусловливающимъ сравнительно значительное участіе помѣщичьяго класса въ крестьянской коопераціи, присоединились и присоединяются въ нѣкоторыхъ странахъ и причины политическаго характера. Въ Германіи, напримѣръ, политическія условія объединили среднее и крупное крестьянство въ одну политическую партію съ крупными землевладѣльцами. Дѣло въ томъ, что землевладѣльцы на ряду съ крестьянами—сторонники пошлинъ на сельскохозяйственные

продукты, между тѣмъ какъ партія городского пролетаріата—соціалъ-демократы—является ожесточеннымъ врагомъ аграрнаго протекціонизма, удорожающаго предметы потребленія городского населенія. Общіе политическіе интересы и общность принадлежности къ той политической партіи сближаютъ помѣщиковъ съ крестьянами и на экономической почвѣ. Помѣщики, опираясь политически на поддержку крестьянъ, привыкшихъ видѣть въ нихъ своихъ политическихъ вождей, естественно становятся руководителями и крестьянской коопераціи.

И дѣйствительно, въ Германіи крестьянская кооперація находится подъ преобладающимъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Грабейнъ сообщаетъ слѣдующія данныя относительно участія крупныхъ землевладѣльцевъ въ управляющихъ органахъ сельскихъ кооперативовъ. Въ 305 кредитныхъ товариществахъ Помераніи было изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ 109 предсѣдателей совѣта и 50 предсѣдателей правленія. Въ Силезіи въ 619 кредитныхъ товариществахъ было изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ 308 предсѣдателей правленія, 273 предсѣдателя совѣта.

Еще гораздо сильнѣе участіе крупныхъ землевладѣльцевъ въ управленіи центральными организаціями сельской коопераціи: союзовъ, центральныхъ кассъ и т. п.

Затѣмъ выдающуюся роль въ руководительствѣ сельскохозяйственной коопераціей Германіи играетъ духовенство и школьные учителя, которые въ Германіи стоятъ очень близко къ помѣщичьему классу и находятся подъ его сильнымъ вліяніемъ. Въ Силезіи въ 619 кредитныхъ товариществахъ изъ среды духовенства было 88 предсѣдателей совѣта и 45 предсѣдателей правленія, а изъ среды учителей—39 предсѣдателей совѣта и 34 предсѣдателя правленія. Въ Помераніи въ 305 товариществахъ изъ среды духовенства было 51 предсѣдатель совѣта и 49 предсѣдателей правленія, изъ среды учителей—27 предсѣдателей совѣта и 23 предсѣдателя правленія.

Такимъ образомъ, можно думать, что вообще въ большинствѣ сельскихъ кооперативовъ Германіи руководителями являются не крестьяне, но болѣе достаточные элементы деревенскаго населенія, и, прежде всего, крупные землевладѣльцы.

Этимъ объясняется, что нѣкоторые виды коопераціи совершенно

отсутствують въ германской деревнѣ. Въ предшествовавшей главѣ было указано, что благодаря политическимъ симпатіямъ германскихъ аграріевъ классу торговцевъ въ германской деревнѣ не могутъ развиваться потребительныя общества. Точно такъ же извѣстная политическая организація германскихъ аграріевъ «Союзъ сельскихъ хозяевъ» очень успѣшно тормозитъ развитіе и нѣкоторыхъ другихъ формъ сельскохозяйственной коопераціи, противорѣчащихъ интересамъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя поддерживаются союзомъ, а именно: мукомольныхъ и хлѣбопекарныхъ кооперативовъ. Вопросъ о мѣрахъ къ развитію этихъ кооперативовъ уже много лѣтъ стоитъ на очереди въ Германіи, но все не получаетъ разрѣшенія, благодаря нежеланію германскихъ аграріевъ ссориться съ мельниками и булочниками.

На одномъ изъ недавнихъ конгрессовъ германскихъ деревенскихъ кооперативовъ это подчиненіе сельскохозяйственной коопераціи руководительству крупнаго землевладѣнія получило очень яркое выраженіе. А именно, на майнцскомъ конгрессѣ 1908 г. былъ поставленъ на обсужденіе докладъ ландрата фонъ-Эйзенгардъ-Роте, посвященный вопросу о томъ, какими средствами въ области коопераціи можно бороться съ недостаткомъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Эту тему докладчикъ болѣе точно опредѣлилъ, какъ вопросъ о томъ, «какимъ образомъ кооперативное движеніе можетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ поддержать стремленія, направленныя къ увеличенію числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ путемъ прикрѣпленія ихъ къ землѣ?» Докладчикъ указалъ, что въ настоящее время крупные землевладѣльцы очень страдаютъ отъ недостатка рабочихъ рукъ и стремятся тѣми или другими способами увеличить связь сельскохозяйственныхъ рабочихъ съ землей. Послѣднее необходимо потому, что только этимъ путемъ можно задержать отливъ рабочихъ въ города.

Достигнуть этого можно, по мнѣнію докладчика, слѣдующимъ образомъ. Желательно, чтобы сельскохозяйственные кооперативы покупали землю и передавали ее въ долгосрочную аренду сельскохозяйственнымъ рабочимъ, но непремѣнно небольшими участками,—размѣромъ отъ 3-хъ до 8-ми моргеновъ,—во всякомъ случаѣ не настолько крупными, чтобы рабочій былъ избавленъ отъ необходимости работать на сторонѣ.

Докладъ этотъ, явно направленный противъ интересовъ сель-

скохозяйственныхъ рабочихъ, былъ встрѣченъ конгрессомъ весьма сочувственно. Предсѣдатель Касперсъ-Бубенгеймъ счелъ нужнымъ выразить отъ себя полное одобреніе докладу. Очень поучительны были и послѣдовавшія за докладомъ пренія. Одинъ изъ ораторовъ выразилъ мнѣніе, что несчастіемъ для сельскохозяйственныхъ рабочихъ является чрезмѣрное ученіе въ школѣ, которое приводитъ къ тому, что рабочіе стремятся въ городъ. Въ заключительномъ словѣ докладчикъ еще рѣзче выразилъ свою классовую точку зрѣнія. «Различные ораторы,—сказалъ онъ,—признавали, что рабочій, имѣющій свой собственный кусокъ земли, не работаетъ или рѣдко работаетъ на чужой землѣ, ибо онъ стремится по возможности увеличить прикупкой свое землевладѣніе и занять свои рабочія силы на своемъ участкѣ. Это, однако, не принесетъ намъ пользы. Мы на востокѣ страдаемъ отъ недостатка рабочихъ рукъ для крупнаго землевладѣнія и для крестьянскаго хозяйства, а крупное землевладѣніе у насъ на востокѣ такой важный носитель культуры, что мы должны позаботиться о немъ. Поэтому мы должны принять мѣры, чтобы крупные землевладѣльцы и крестьяне имѣли въ своемъ распоряженіи достаточно рабочихъ, и только на второмъ планѣ мы можемъ поставить вопросъ о желательности для рабочаго собственной земли. Исходя изъ этихъ соображеній, я, какъ представитель востока Германіи, считалъ нужнымъ рекомендовать, чтобы были приняты мѣры, которыя, такъ сказать, принудили бы рабочаго работать на чужой землѣ... Я не противникъ частной земельной собственности для рабочихъ, но мы не хотимъ давать землю каждому рабочему, даже и не заслуживающему этого. Сельскіе рабочіе большею частью сущія дѣти, и ихъ нужно опекать».

Эти слова вызвали крики «браво», и конгрессъ единогласно принялъ слѣдующую резолюцію, предложенную докладчикомъ:

«Конгрессъ германской сельскохозяйственной коопераціи признаетъ въ высшей степени желательнымъ, чтобы имперскій союзъ обратилъ особое вниманіе на крайне важный вопросъ объ укрѣпленіи связи съ землей сельскохозяйственныхъ рабочихъ при помощи кооперативовъ».

Майнцскій конгрессъ германскихъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ съ полной ясностью показалъ, что германская деревенская кооперація находится въ полномъ подчиненіи у крупныхъ

аграріевъ, представляя въ этомъ отношеніи разительный контрастъ съ потребительной коопераціей, въ сферѣ которой господствуютъ соціалъ-демократическіе элементы [1]).

Подобное же положеніе вещей,—господство крупныхъ сельскихъ хозяевъ въ предѣлахъ деревенской коопераціи,—мы наблюдаемъ и во многихъ другихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, въ Бельгіи сельскохозяйственная кооперація является одной изъ главныхъ хозяйственныхъ опоръ господствующей тамъ реакціонной католической партіи. Крупные помѣщики доминируютъ на конгрессахъ бельгійскихъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ еще больше, чѣмъ въ Германіи.

Во Франціи мы видимъ совершенно ту же картину. Достаточно сказать, что духовнымъ вождемъ французской коопераціи въ деревнѣ считается графъ де-Рокиньи, реакціонный политикъ и завзятый врагъ соціализма. Экономическія воззрѣнія Рокиньи крайне наивны и не пошли въ области соціальной политики дальше либеральнаго манчестерства половины прошлаго вѣка. Онъ не видитъ въ современномъ обществѣ никакихъ соціальныхъ антагонизмовъ и склоненъ считать таковые зловредной выдумкой соціалистическихъ агитаторовъ. «Кропоткины, Карлы Марксы, Жюли Геды и пр., и пр.,—говоритъ онъ,—могутъ стараться возбудить

[1]) Нужно имѣть въ виду, что майнцскій конгрессъ былъ не просто очереднымъ ежегоднымъ конгрессомъ германской сельскохозяйственной коопераціи, но „юбилейнымъ“ конгрессомъ, такъ какъ онъ совпалъ по времени съ двадцатипятилѣтіемъ Имперскаго союза сельскохозяйственныхъ кооперативовъ. Въ связи съ этимъ конгрессу была придана особая торжественность. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса былъ Великій Герцогъ Гессенскій, конгрессъ былъ особенно многолюденъ и даже принялъ до нѣкоторой степени международный характеръ, ибо въ немъ участвовали многочисленные представители сельскохозяйственной коопераціи изъ другихъ странъ. Тѣмъ характернѣе принятыя конгрессомъ резолюціи по вопросу о сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Объ этомъ конгрессѣ имѣется особая статья въ интересныхъ „Очеркахъ по коопераціи“ А. Н. Анцыферова. Почтенный авторъ съ энтузіазмомъ говоритъ о немъ и объ обнаружившейся въ немъ мощи германской сельскохозяйственной коопераціи. Съ послѣднимъ нельзя не согласиться, но нельзя и не пожалѣть, что какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ наблюдается среди друзей коопераціи наклонность оставлять въ тѣни ея классовыя черты даже тогда, когда онѣ до такой степени бьютъ въ глаза, какъ въ резолюціяхъ майнцскаго конгресса. А. Н. Анцыферовъ, говоря о работахъ конгресса, даже и не упоминаетъ объ его резолюціяхъ по рабочему вопросу.

антагонизмы и классовую вражду, которые слѣдовало бы считать угасшими послѣ того, какъ французская революція провозгласила равенство правъ людей, свободу и братство гражданъ; они могутъ предсказывать соціальное разрушеніе и уничтоженіе частной собственности, снятіе границъ и исчезновеніе идеи отечества: время для всего этого еще не пришло, и можно надѣяться, что въ странѣ здраваго смысла, какъ наша, оно никогда не придетъ для осуществленія этихъ преступныхъ утопій. Народъ дѣйствительныхъ тружениковъ это хорошо знаетъ, и не отъ такихъ утопій онъ ожидаетъ улучшенія своей участи».

Внѣ революціоннаго соціализма Рокиньи различаетъ два главнѣйшихъ направленія экономической мысли. Одно, называемое имъ государственнымъ соціализмомъ, стремится путемъ соціальныхъ реформъ, осуществляемыхъ государствомъ, улучшить участь трудящагося народа; это направленіе достигло особаго развитія въ Германіи и вообще имѣетъ успѣхъ въ странахъ, не знающихъ политической свободы.

Государственному соціализму Рокиньи противопоставляетъ идею профессіональной ассоціаціи. Профессіональная ассоціація не имѣетъ ничего общаго съ союзами рабочихъ, такъ какъ рабочій союзъ объединяетъ рабочихъ въ противоположность ихъ хозяевамъ, а профессіональная ассоціація уничтожаетъ классовый антагонизмъ, объединяя въ одной организаціи и рабочихъ, и хозяевъ извѣстнаго промысла, безъ различія ихъ классовой принадлежности. Въ этомъ Рокиньи усматриваетъ главную силу сельскохозяйственныхъ кооперативовъ.

«Сельскохозяйственные синдикаты включаютъ въ свои ряды какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, и на этомъ основанъ ихъ успѣхъ. Крупные землевладѣльцы, фермеры, управляющіе, мелкіе землевладѣльцы, служащіе, простые рабочіе входятъ въ составъ одного союза; они научаются въ немъ знать другъ друга, помогать другъ другу, просвѣщать другъ друга, обсуждать свои общіе интересы и соединяться для общей побѣды. Ничто не сближаетъ въ такой степени различные общественные классы, и ничто не способствуетъ въ такой мѣрѣ объединенію ихъ интересовъ, и ничто не поднимаетъ въ такой мѣрѣ уровень демократіи. Первые дѣятели сельскохозяйственныхъ синдикатовъ очень правильно поняли, что для достиженія дѣйствительнаго прогресса и крупныхъ соціаль-

ныхъ результатовъ необходимо, въ виду раздоровъ и столь эксплоатируемыхъ недоразумѣній въ промышленномъ мірѣ, утвердить союзъ, господствующій между хозяиномъ и рабочимъ въ сельскомъ хозяйствѣ».

Рокиньи признаетъ, что во Франціи обычно думаютъ, будто сельскохозяйственные синдикаты являются опорой реакціонныхъ партій. Онъ возражаетъ противъ этого, но очень неубѣдительно. Зато онъ вполнѣ согласенъ, что сельскохозяйственные синдикаты представляютъ силу, враждебную соціализму. «Не такъ давно предлагали,—говоритъ онъ,—организовать во Франціи антисоціалистическую лигу или ассоціацію, долженствующую воспрепятствовать успѣхамъ соціализма путемъ поощренія частной иниціативы. Эту ассоціацію въ деревнѣ не нужно создавать, такъ какъ она тамъ уже имѣется и не какъ общество академическаго характера, а какъ практическое учрежденіе. Сельскіе хозяйственные синдикаты образуютъ эту антисоціалистическую лигу; это они, постепенно осуществляя путемъ профессіональной солидарности всевозможныя реформы и соціальныя улучшенія, докажутъ безплодность обѣщаній коллективизма и государственнаго соціализма».

И это не только общія фразы. Дѣйствительно, нѣкоторые сельскіе синдикаты Франціи ведутъ активную борьбу съ соціализмомъ. Такъ, напримѣръ, «Syndicat économique agricole» является одновременно «лигой соціальной защиты противъ соціалистической пропаганды въ деревнѣ». Эта организація ставитъ себѣ задачей борьбу съ соціалистической пропагандой въ деревнѣ и въ противность государственному соціализму стремится къ «сведенію къ минимуму вмѣшательства государства въ частную жизнь». Тезису о борьбѣ классовъ эта организація противопоставляетъ начало объединенія классовъ, при чемъ «буржуазія должна образовать генеральный штабъ свободной ассоціаціи».

Соотвѣтственно выдающейся роли, которую въ сельскохозяйственной кооперацін играютъ представители крупнаго землевладѣнія, деревенская кооперація занимаетъ въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ совершенно иную политическую позицію, чѣмъ потребительная кооперація. И это ярко обнаружилось при попыткахъ объединить всѣ виды кооперацін въ общія организаціи національнаго или інтернаціональнаго характера. Вездѣ потре-

бительная кооперація складывается въ особыя организаціи сравнительно съ сельскохозяйственной.

Выше (въ главѣ отдѣла о пролетарской коопераціи) была изложена исторія образованія «Международнаго кооперативнаго союза», который по замыслу его иниціаторовъ долженъ былъ объединить всѣ виды коопераціи. На самомъ дѣлѣ онъ объединилъ только одну вѣтвь мірового кооперативнаго движенія—пролетарскую кооперацію. Союзъ не только не содѣйствовалъ объединенію различныхъ классовыхъ теченій современной коопераціи, но углубилъ пропасть между ними. И это, несомнѣнно, являлось шагомъ впередъ и соотвѣтствовало внутреннимъ тенденціямъ кооперативнаго движенія Несоединимаго по своей внутренней природѣ, никакими искусственными мѣрами соединить нельзя.

«Ни въ одной странѣ,—говоритъ по этому поводу бывшій секретарь «Международнаго кооперативнаго союза» Гансъ Мюллеръ,—не могли возникнуть союзныя организаціи, охватывающія всѣ отрасли и вѣтви кооперативнаго движенія. Единство кооперативнаго движенія, къ которому стремились его теоретики и практическіе дѣятели пять—десять лѣтъ тому назадъ, уже давно разрушено фактическимъ ходомъ развитія».

Мюллеръ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ раскола въ международномъ союзѣ—именно онъ болѣе другихъ содѣйствовалъ тому, что союзъ принялъ опредѣленно классовую позицію, сталъ союзомъ кооперативовъ опредѣленнаго общественнаго класса,—пролетаріата. Тѣмъ не менѣе Мюллеръ, какъ теоретикъ, является убѣжденнымъ противникомъ того взгляда, что кооперативы, по самой своей природѣ, являются организаціями опредѣленныхъ классовъ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся со столь обычнымъ фактомъ непониманія историческими дѣятелями своего собственнаго дѣла. Сдѣлавъ невозможнымъ общую работу пролетарскихъ кооперативовъ съ кооперативами другихъ классовъ, Мюллеръ продолжаетъ настаивать, что классоваго кооперативнаго движенія не существуетъ.

Подобно тому, какъ пролетарская кооперація получила свой объединяющій центръ въ «Международномъ кооперативномъ союзѣ», такъ и сельскохозяйственная кооперація образовала свой собственный международный союзъ сельскохозяйственной коопераціи. Союзъ этотъ возникъ въ 1907 г., черезъ три года послѣ

будапештскаго конгресса стараго союза; какъ выше было указано, будапештскій конгрессъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ исторіи «Международнаго кооперативнаго союза», такъ какъ на этомъ конгрессѣ ясно обнаружилось, что пролетарская кооперація тяготѣетъ къ сближенію съ социалистическимъ движеніемъ. Представители германскихъ и австро-венгерскихъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ отнеслись съ большимъ несочувствіемъ къ этому повороту пролетарской коопераціи и рѣшили образовать свой особый международный союзъ, чего имъ и удалось достигнуть.

Международный союзъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ проникнутъ совершенно инымъ духомъ, чѣмъ старый «Международный кооперативный союзъ». Руководящую роль въ немъ играютъ германскіе сельскохозяйственные кооперативы съ характерными для нихъ аграрными тенденціями. Сила и значеніе этого новаго международнаго союза пока гораздо слабѣе стараго.

ГЛАВА VI.

Соціальное значеніе сельскохозяйственной коопераціи.

Сельскохозяйственная кооперація является при современныхъ условіяхъ необходимымъ спутникомъ крестьянскаго трудового хозяйства. Эта чрезвычайно важная роль коопераціи въ крестьянскомъ хозяйствѣ объясняется тѣмъ, что благодаря коопераціи крестьянинъ получаетъ возможность пользоваться выгодами и преимуществами крупнаго хозяйства. Кредитныя товарищества, общества по закупкѣ, сбыту и переработкѣ,—все это организаціи, во главѣ которыхъ стоятъ мелкіе хозяева, но въ то же время общества эти являются сравнительно крупными хозяйственными организаціями, могущими съ успѣхомъ конкурировать съ крупными капиталистическими предпріятіями, объединенныя же въ союзы, общества эти становятся не только крупными, но и очень крупными предпріятіями.

Одна группа сельскохозяйственныхъ кооперативовъ не имѣетъ никакихъ специфическихъ преимуществъ передъ капиталистическимъ предпріятіемъ, кромѣ того, что, объединенные въ союзы, кооперативы эти могутъ имѣть большіе размѣры. Такъ, напримѣръ, общество по сбыту сельскохозяйственныхъ продуктовъ, ставитъ себѣ тѣ же цѣли, что и капиталистическое предпріятіе, съ тѣми же задачами, но если эти общества объединены въ національный союзъ, то силы такого союза могутъ быть громадны. Кредитное товарищество само по себѣ гораздо менѣе привлекаетъ вкладовъ, чѣмъ любой капиталистическій банкъ, и только товарищества, объединенныя въ союзъ, становятся уже сильнымъ кредитнымъ учрежденіемъ. Поэтому внѣ союзовъ кооперативы этого рода большого значенія имѣть не могутъ.

Другая группа кооперативовъ имѣетъ въ отношеніи выполненія своихъ задачъ уже специфическія преимущества передъ капиталистическими предпріятіями. Сюда относятся, прежде всего, товарищества по закупкѣ какъ средствъ производства сельскаго хозяйства, такъ и предметовъ потребленія. Преимущество ихъ передъ аналогичными капиталистическими предпріятіями заключается въ томъ, что самая трудная задача при условіяхъ современной хозяйственной системы заключается въ отысканіи рынка для имѣющихся продуктовъ; кооперативы же по закупкѣ суть уже готовый рынокъ, ибо они состоятъ изъ объединившихся, для цѣлей закупки, покупателей.

Правда, этимъ специфическимъ выгодамъ кооперативной организаціи закупки противостоятъ и извѣстныя невыгоды сравнительно съ капиталистической закупкой—меньшее знакомство съ рынкомъ, меньшая заинтересованность въ успѣхѣ дѣла лицъ, руководящихъ имъ, и т. д. Объединенные въ союзы кооперативы этого рода получаютъ уже значительныя преимущества передъ капиталистическими.

Третью группу сельскохозяйственныхъ кооперативовъ составляютъ такіе, которые, въ силу особыхъ техническихъ условій, почти не допускаютъ конкуренціи капиталистическихъ предпріятій, представляя собой въ техническомъ отношеніи единственно раціональную форму предпріятія. Къ этой группѣ относятся нѣкоторыя товарищества по переработкѣ, напримѣръ, маслодѣльные кооперативы; по чисто-техническимъ условіямъ, сущность которыхъ сводится къ тому, что раціональное производство масла требуетъ контроля и надъ производствомъ молока, капиталистическій маслодѣльный заводъ, производящій масло изъ покупного молока, стоитъ въ техническомъ отношеніи гораздо ниже маслодѣльнаго кооператива, контролирующаго производство молока. Кооперативы этого типа уже сами по себѣ обладаютъ силой вытѣснять капиталистическія

Въ общемъ, сельскохозяйственная кооперація значительно повышаетъ производительность крестьянскаго хозяйства и увеличиваетъ его способность конкурировать съ крупнымъ капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ. Крестьянскому хозяйству, и помимо коопераціи, присущи извѣстныя преимущества сравнительно съ капиталистическимъ; преимущества эти коренятся въ

одной опредѣленной области сельскаго хозяйства—въ области производства, гдѣ, въ силу техническихъ условій, крестьянское производство оказывается значительно болѣе производительнымъ, чѣмъ капиталистическое.

Однако, въ сферѣ обмѣна крестьянское хозяйство находится въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ капиталистическое. Кооперація глубоко измѣняетъ въ этомъ отношеніи позицію крестьянскаго хозяйства; благодаря коопераціи, крестьянинъ получаетъ возможность пользоваться кредитомъ почти на такихъ же (а иногда и лучшихъ) условіяхъ, какъ и крупный сельскій хозяинъ, продавать свои продукты почти по такой же высокой и покупать нужные ему продукты почти по такой же низкой цѣнѣ, какъ и крупный хозяинъ, или даже, благодаря союзамъ, обгоняетъ въ этомъ отношеніи изолированныхъ крупныхъ хозяевъ.

Въ области чисто-сельскохозяйственнаго производства въ точномъ смыслѣ слова кооперація почти не проникаетъ или, если и проникаетъ, то лишь окольнымъ путемъ, со стороны. Переработка молока въ масло, винограда въ вино, зерна въ муку, что исполняетъ кооперація, не является въ строгомъ смыслѣ слова сельскохозяйственнымъ производствомъ, областью котораго являются только біологическіе процессы.

Поэтому, съ принципіальной стороны, сельскохозяйственная кооперація отнюдь не превращаетъ мелкаго крестьянскаго производства въ какую-либо иную форму.

Объединенное кооперативными организаціями, хозяйство крестьянина остается мелкимъ въ томъ смыслѣ, что основной ячейкой кооперативной ткани, какъ бы эта послѣдняя ни была развѣтвлена, прочна и сложна, все же остается отдѣльное крестьянское хозяйство, во главѣ котораго стоитъ самостоятельный хозяинъ, на свой страхъ и рискъ ведущій это хозяйство. Самостоятельности крестьянскаго хозяйства кооперація не только не угрожаетъ, но, увеличивая успѣшность этого хозяйства и повышая его техническій уровень, дѣлаетъ крестьянское хозяйство болѣе устойчивымъ. Поэтому нужно самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть идею, будто кооперація ведетъ къ концентраціи крестьянскаго хозяйства и такимъ образомъ подготовляетъ почву къ соціализму. Нѣтъ, какъ бы ни была развита сѣть кооперативныхъ организацій,

все же въ основѣ ея остается индивдуальный производитель—крестьянинъ.

Однако, не слѣдуетъ игнорировать и то новое, что кооперація привноситъ въ крестьянское хозяйство. Кооперація, прежде всего, уничтожаетъ ту изолированность мелкихъ хозяевъ другъ отъ друга, которая являлась характернѣйшей чертой крестьянскаго хозяйства прежняго времени.

До начала кооперативной эры хозяйственный успѣхъ каждаго крестьянина зависѣлъ только отъ его индивидуальныхъ усилій. Крестьянинъ чувствовалъ себя на своемъ полѣ, за стѣной своей усадьбы, изолированнымъ отъ всего міра. Отъ своего сосѣда, живущаго рядомъ съ нимъ въ совершенно сходныхъ экономическихъ условіяхъ, онъ такъ же мало ожидалъ помощи, какъ и отъ своего помѣщика, который помѣщался на противоположной ступени соціальной лѣстницы. На этой почвѣ выросталъ тотъ чудовищный крестьянскій эгоизмъ и отчужденность крестьянина отъ всего міра, которые были такъ ярко описаны Зола въ его знаменитомъ романѣ «La Terre» (условія жизни русскаго крестьянина, благодаря общинѣ и вообще примитивности всего нашего сельскаго экономическаго строя, еще недавно имѣвшаго въ большей или меньшей степени характеръ натуральнаго хозяйства, были существенно иныя).

Кооперація все это измѣнила въ корнѣ. Правда, крестьянинъ попрежнему остается господиномъ на своемъ полѣ и въ своей усадьбѣ. Но онъ уже чувствуетъ себя единицей огромнаго цѣлаго—ячейкой сложной кооперативной организаціи, которая начинается тутъ же въ деревнѣ, но, постепенно распространяясь, охватываетъ всю страну. Благополучіе каждаго отдѣльнаго члена этой организаціи существеннѣйшимъ образомъ зависитъ отъ успѣшной работы всей кооперативной системы. Для индивидуальной независимой дѣятельности крестьянину остается только одна область — сельскохозяйственнаго производства на своемъ полѣ и въ предѣлахъ своей усадьбы. Но какъ только крестьянинъ соприкасается съ рынкомъ, тутъ его личное хозяйство поглощается хозяйствомъ обширнаго коллектива, къ которому онъ принадлежитъ. И чѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ денежныя отношенія въ предѣлахъ крестьянскаго хозяйства, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ и хозяйство этого коллектива.

Такимъ образомъ, хозяйство крестьянина, въ цѣломъ, утрачиваетъ свой прежнiй индивидуалистическiй характеръ. Его внутренняя природа становится болѣе сложной—сохраняя извѣстную область, въ которой крестьянинъ чувствуетъ себя попрежнему предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ, оно въ то же время все болѣе и болѣе связываетъ крестьянина со всѣми его односельчанами и, далѣе, со всѣмъ его классомъ.

Въ этомъ заключается огромное воспитательное значенiе крестьянской кооперацiи. Однако, нѣкоторые виды кооперацiи оказываютъ еще болѣе глубокое влiянiе на строй крестьянскаго хозяйства, подчиняя контролю кооперативно организованной крестьянской группы и самые процессы крестьянскаго производства.

Сюда относятся прежде всего различныя формы товариществъ по переработкѣ. Такъ, маслодѣльное товарищество существенно преобразовываетъ и самый процессъ производства молока. Правда, молоко выдѣлывается самостоятельно отдѣльнымъ крестьяниномъ; но такъ какъ качество масла зависитъ отъ качества молока, то маслодѣльный кооперативъ вынуждается силою вещей контролировать и производство молока. Возьмемъ, напримѣръ, образцовую датскую маслодѣльную кооперацiю. Вокругъ кооперативнаго маслодѣльнаго завода группируется цѣлый рядъ другихъ кооперативовъ, имѣющихъ въ виду улучшить производство молока. Такъ, этой цѣли служатъ товарищества для прiобрѣтенiя лучшихъ производителей, ибо лишь такимъ путемъ можно улучшать породу молочнаго скота. Не меньшее значенiе имѣютъ контрольныя товарищества, которыя контролируютъ способы кормленiя скота, доенiя коровъ, храненiя молока и вообще всю постановку молочнаго хозяйства. Для выполненiя контроля товарищества имѣютъ особые аппараты, посредствомъ которыхъ опредѣляются составныя вещества молока, а самый контроль осуществляютъ лица съ основательнымъ агрономическимъ образованiемъ, могущiя быть руководителями крестьянина во всѣхъ случаяхъ его хозяйственной жизни. Эти контролеры объѣзжаютъ всѣхъ членовъ товарищества, присутствуютъ при доенiи коровъ и указываютъ средства для поднятiя молочности коровъ.

Такимъ образомъ, производство молока, оставаясь дѣломъ отдѣльнаго крестьянина, въ то же время оказывается регулируемымъ кооперативной организацiей во всѣхъ своихъ существенныхъ

частяхъ. Это уже не прежнее изолированное производство, а нѣчто существенно иное. Производство, правда, еще не принимаетъ характера общественнаго, такъ какъ оно осуществляется не общественной группой, при помощи общественныхъ средствъ производства, а отдѣльнымъ хозяиномъ, при помощи средствъ производства, находящихся въ его индивидуальной собственности. Однако, это индивидуальное производство контролируется и регулируется общественной группой.

Выше было указано, что совершенно подобное же вліяніе на весь строй культуры винограда оказываетъ и винодѣльческое товарищество. Во всѣхъ этихъ случаяхъ самое крестьянское производство (а не только рыночныя отношенія крестьянскаго хозяйства) преобразовывается коопераціей.

Еще существеннѣе вліяніе кооперативной организаціи на строй производства въ нѣкоторыхъ формахъ трудовой производительной коопераціи, напримѣръ, въ арендныхъ товариществахъ. Тутъ мы видимъ очень сложную комбинацію единоличнаго и общественнаго производства. Единоличное производство помѣщено въ ткань общественнаго и невозможно внѣ этой связи; самое распредѣленіе земельныхъ участковъ между отдѣльными хозяевами производится общественной группой, которая многіе процессы производства (напримѣръ, молотьбу хлѣба, а также разнаго рода меліораціи и т. п.) производитъ общими силами.

Полное поглощеніе индивидуальнаго сельскохозяйственнаго производства общественнымъ возможно только въ производительной артели. Но производительныя артели въ земледѣліи имѣютъ не большее распространеніе, чѣмъ и въ промышленности, т.-е. практически никакого. Правда, въ Италіи имѣются довольно сильныя арендныя товарищества съ общей обработкой земли. Но, какъ было выяснено въ главѣ объ артеляхъ, эти артели отнюдь не могутъ считаться самостоятельными хозяйственными предпріятіями и служатъ цѣлямъ совершенно иного рода—давать подсобный заработокъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ, временно потерявшимъ работу въ обычномъ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ. Артели эти являются, слѣдовательно, одной изъ формъ помощи безработнымъ и не преслѣдуютъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ цѣлей, являясь вспомогательной организаціей при рабочихъ союзахъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ безъ всякихъ ограниченій признать, что крестьянская кооперація ни малѣйшимъ образомъ не разрушаетъ крестьянскаго хозяйства и не превращаетъ его изъ индивидуальнаго въ коллективное. Какое бы широкое распространеніе ни получила въ крестьянской средѣ кооперація, и какъ бы ни развилась она вглубь, кооперація не можетъ ослабить крестьянскаго хозяйства. Наоборотъ, кооперація имѣетъ тенденцію укрѣплять крестьянское хозяйство, ибо развитіе различныхъ формъ кооперативной самопомощи приводитъ къ тому, что стоящая въ центрѣ ихъ крестьянская ячейка получаетъ новые источники силы.

Въ этомъ существенное различіе между крестьянской и пролетарской коопераціей. Пролетарская кооперація, выразителемъ которой является пролетарское потребительное общество, создаетъ новую хозяйственную систему и въ своемъ естественномъ развитіи совершенно разрываетъ съ существующими хозяйственными формами. Если бы мы предположили, что потребительное общество охватило все населеніе страны, то получился бы хозяйственный строй, вполнѣ совпадающій съ одной изъ формъ соціалистическаго строя, съ такъ называемомъ коллективизмомъ. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ крестьянская кооперація. Если бы мы предположили, что крестьянская кооперація достигла своего логическаго завершенія и охватила всѣ тѣ стороны крестьянскаго хозяйства, на которыя она въ большей или меньшей степени оказываетъ вліяніе и теперь, то получилось бы хозяйство, конечно, глубоко отличное отъ изолированнаго крестьянскаго хозяйства недавняго времени, до появленія кооперативныхъ организацій; но какъ бы глубоко ни было вліяніе коопераціи на крестьянское хозяйство, все же это хозяйство оставалось бы крестьянскимъ и отнюдь не стало бы соціалистическимъ, ибо въ основѣ его попрежнему лежала бы частная собственность крестьянина на средства производства и продукты его труда.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что крестьянская кооперація по своему существу враждебна соціализму: современный соціализмъ отнюдь не требуетъ уничтоженія крестьянской собственности и замѣны крестьянскаго труда на своемъ полѣ обработкой земли обширными общественными группами. Большинство представителей современнаго соціализма (включая сюда и такихъ ортодоксальныхъ

марксистовъ, какъ Карлъ Каутскій) признаетъ, что даже въ предѣлахъ соціалистическаго государства крестьянское хозяйство можетъ сохраняться, благодаря существенно инымъ техническимъ условіямъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. Не выставляя требованія уничтоженія крестьянской собственности, соціалисты могутъ являться защитниками и крестьянской кооперація, которая, несомнѣнно, поддерживаетъ крестьянское хозяйство.

Но, съ другой стороны, крестьянская кооперація отнюдь не должна неизбѣжно, по своему внутреннему существу, относиться дружественно къ соціализму. Современный соціализмъ и крестьянская кооперація идутъ не противоположными, но разными путями. Поэтому между соціализмомъ и крестьянскимъ кооперативнымъ движеніемъ возможны самыя различныя отношенія,—какъ дружескія, такъ и враждебныя.

И мы это наблюдаемъ въ дѣйствительности. Въ нѣкоторыхъ странахъ соціалистическое движеніе оказываетъ сильное вліяніе на крестьянскую кооперацію и до извѣстной степени созидаетъ ее. Это мы видимъ, напримѣръ, въ Италіи, гдѣ нѣкоторыя интересныя формы крестьянской коопераціи (какъ, напримѣръ, коллективныя аренды) создались подъ непосредственнымъ вліяніемъ соціалистической партіи (хотя въ той же Италіи мы наблюдаемъ на ряду съ соціалистическими крестьянскими кооперативами и крестьянскіе же кооперативы, находящіеся подъ вліяніемъ клерикаловъ и реакціонныхъ партій). Напротивъ, въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Бельгіи и отчасти Франціи, крестьянская кооперація находится подъ вліяніемъ реакціонныхъ политическихъ партій и относится враждебно къ соціалистическому движенію.

Но какую бы позицію по отношенію къ соціализму ни занимала крестьянская кооперація, она дѣлаетъ свое дѣло не только поднятія экономическаго уровня крестьянскаго хозяйства, но и глубокаго его преобразованія. Она воспитываетъ новаго крестьянина, чуждаго ограниченнаго кругозора крестьянина прежняго времени, пріучаетъ его къ самодѣятельности и самопомощи, развиваетъ его общественныя чувства и пріобщаетъ его къ умственной культурѣ. Это съ одной стороны, со стороны вліянія коопераціи на личность крестьянина. Что же касается до самого крестьян-

скаго хозяйства, то подъ вліяніемъ коопераціи оно становится также инымъ: вмѣсто прежней изолированности кооперація создаетъ мощныя общественныя связи между крестьянскими хозяйствами не только одного села, но чрезъ посредство союзовъ и всей націи. Крестьянское хозяйство хотя и остается индивидуальнымъ, но въ то же время общественно урегулированнымъ, и въ этомъ заключается новый типъ крестьянскаго хозяйства, который создается коопераціей.

ГЛАВА VII.

Крестьянская кооперація въ Россіи.

I.—Условія возникновенія крестьянской кооперацін въ Россіи. II.—Кредитная кооперація. III.—Потребительная кооперація. IV.—Кооперація по закупкѣ и сбыту. V.—Кооперація по переработкѣ. VI.—Кооперативные союзы.

I.

Русская крестьянская кооперація представляетъ собой нѣчто весьма своеобразное. Съ одной стороны, ни въ какой другой странѣ мы не наблюдаемъ такого стремительнаго роста кооперативовъ и числа ихъ членовъ. Хотя въ октябрѣ 1915 г. наша кооперація отпраздновала свой пятидесятилѣтній юбилей (22 октября 1865 г. былъ утвержденъ уставъ перваго въ Россіи ссудо-сберегательнаго товарищества), тѣмъ не менѣе наше кооперативное движеніе пріобрѣло серьезное общественное значеніе совсѣмъ недавно. Болѣе или менѣе значительный размахъ оно принимаетъ только послѣ революціи 1905 г. и, такимъ образомъ, насчитываетъ не болѣе десяти лѣтъ быстраго роста. Если сравнить число кооперативовъ въ началѣ вѣка съ тѣмъ, сколько ихъ имѣется теперь, то какъ не поразиться быстротѣ развитія нашей кооперацін.

	Общее число кооперативовъ въ Россіи		
	1 янв. 1915 г.	1 янв. 1901—2 г.	
Кредитныхъ кооперативовъ	14.350	837	
Потребительныхъ обществъ	10.900	600	
Сельскохозяйственныхъ обществъ	5.000	137	(малаго района.)
Сельскохозяйственныхъ товариществъ . .	1.650	?	
Маслодѣльныхъ артелей	2.700	51	
Кустарныхъ и иныхъ артелей	600	?	
Итого	35.200	1.625	

число членовъ въ этихъ 35 тысячахъ кооперативовъ точно установить не легко. Извѣстно только число членовъ въ кредитныхъ кооперативахъ, въ которыхъ, по официальному подсчету, было къ 1 января 1915 г. 9.488.604 членовъ. По приблизительному подсчету А. В. Меркулова, отъ котораго заимствованы и вышеприведенныя данныя о числѣ нашихъ кооперативовъ въ 1915 г., общее число членовъ нашихъ кооперативовъ можно принять въ 12 миллiоновъ. Правда, нѣкоторое число членовъ участвуетъ одновременно въ нѣсколькихъ кооперативахъ, но все же общее число семействъ, принадлежащихъ къ кооперативамъ (какъ общее правило, отъ семьи участвуетъ въ кооперативѣ только одно лицо), должно быть, по всей вѣроятности, около 11 миллiоновъ. Принимая среднюю семью члена кооператива около 6 человѣкъ (какъ показали спецiальныя обслѣдованiя, въ кооперативахъ участвуютъ преимущественно многосемейные крестьяне), получаемъ, что всего участвуетъ въ кооперативахъ около 66 миллiоновъ человѣкъ, т.-е. болѣе трети всего населенiя Россiйской имперiи.

И если вспомнить, что все это движенiе едва насчитываетъ одно десятилѣтiе своего роста, то достигнутые результаты не могутъ не показаться грандiозными. По числу членовъ въ кооперативахъ Россiя занимаетъ въ настоящее время безусловно первое мѣсто во всемъ мiрѣ, а по числу кооперативовъ уступаетъ развѣ одной Германiи, въ которой общее число кооперативовъ къ 1915 г. вѣроятно достигло 37 тысячъ.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что почти вся наша кооперацiя—крестьянская. Городская кооперацiя развита у насъ очень слабо и охватываетъ собой не болѣе 3—4 тысячъ потребительныхъ обществъ и кредитныхъ кооперативовъ (почти исключительно ссудо-сберегательныхъ товариществъ).

Эти удивительные успѣхи крестьянской кооперацiи въ Россiи кажутся отнюдь не согласующимися съ обычнымъ представленiемъ о русскомъ крестьянинѣ, какъ объ общественномъ элементѣ, не проявлявшемъ до сихъ поръ большихъ способностей къ самодѣятельности и соцiальному творчеству.

Однако, приведенныя цифры не должны приводить къ преувеличенному представленiю о значенiи русской кооперацiи. Мы не должны упускать изъ виду, что русская кооперацiя есть нѣчто глубоко отличное отъ кооперацiи на Западѣ.

Западно-европейская кооперація возникла или безъ всякой помощи государства, или же, если государство и оказывало поддержку кооперативному движенію, то, во всякомъ случаѣ, не государство его создавало. Наша же кооперація въ самой значительной своей части—именно кредитная кооперація—почти цѣликомъ насаждена государствомъ.

Какъ это будетъ выяснено ниже, быстрый ростъ нашихъ кредитныхъ товариществъ долженъ быть почти всецѣло отнесенъ на счетъ дѣятельности чиновниковъ Государственнаго банка—инспекторовъ мелкаго кредита. И потому грандіозныя цифры нашихъ кооперативовъ не должны внушать друзьямъ нашего кооперативнаго движенія слишкомъ много энтузіазма. Очень и очень немногіе изъ этихъ десятковъ тысячъ кооперативовъ являются дѣйствительно кооперативами по своему внутреннему содержанію. У многихъ изъ нихъ кооперативна только внѣшняя форма; по своему же внутреннему строю эти кооперативы на бумагѣ суть не что иное, какъ своеобразныя учрежденія, созданныя Государственнымъ банкомъ для удовлетворенія крестьянской нужды въ мелкомъ кредитѣ и могущія существовать только благодаря поддержкѣ государственной власти.

Поэтому насъ не должно удивлять, что, несмотря на милліоны членовъ нашихъ кооперативовъ, люди, хорошо знакомые съ нашей кооперацiей, должны ставить вопросъ—да полно, существуетъ ли у насъ въ сколько-нибудь развитомъ видѣ кооперація, или все это только одни кооперативные фасады, въ родѣ тѣхъ мнимыхъ городовъ, которые Потемкинъ внезапно создавалъ въ пустынныхъ областяхъ Новороссіи при проѣздѣ Екатерины II?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ скептическій взглядъ на русскую кооперацію былъ съ большой силой формулированъ г. В. Краинскимъ въ «Вѣстникѣ Кооперации», «Кооперативнаго движенія въ области народнаго кредита,—писалъ г. В. К.,—въ смыслѣ германской коопераціи у насъ нѣтъ и быть не можетъ, и если что-либо проявляется снизу, то отнюдь еще пока не инициатива и самодѣятельность, а только болѣе сознательное отношеніе и отзывчивость снизу къ тѣмъ мѣрамъ, которыя осуществляются сверху... Развитіе кредитной коопераціи у насъ идетъ совершенно по другому пути, нежели въ Германіи. Если между нашей и германской коопераціей есть что-либо общее, такъ это

техника организаціи мелкаго кредита. Мы заимствовали германскіе образцы и приводимъ сверху, путемъ канцелярскихъ построеній и путемъ благопріятствующей опеки, тѣ начала, которыя по идеѣ должны осуществляться при инищіативѣ и самодѣятельности «снизу».

Въ какой мѣрѣ этотъ скептицизмъ одного изъ видныхъ кооперативныхъ дѣятелей вѣренъ по отношенію къ русской коопераціи, это выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

II.

Наибольшее распространеніе у насъ имѣютъ кредитные кооперативы. Изъ 12 милліоновъ членовъ нашихъ кооперативовъ на долю кредитной коопераціи приходится у насъ свыше 9 милліоновъ членовъ.

Кредитные кооперативы у насъ двухъ типовъ—такъ называемыя ссудо-сберегательныя товарищества и кредитныя товарищества. Первыхъ къ началу 1915 г. считалось по офиціальнымъ даннымъ 3.815, вторыхъ—10.687.

Хотя ссудо-сберегательныхъ товариществъ, такимъ образомъ, гораздо меньше, чѣмъ кредитныхъ, они возникли гораздо раньше вторыхъ. Кредитная кооперація ведетъ у насъ свое начало отъ Рождественскаго товарищества въ селѣ Дороватовѣ, устроеннаго въ 1866 г. Лугининымъ. Товарищество это было попыткой приспособить кредитный кооперативъ типа Шульце къ условіямъ русской деревни. Краткая исторія первыхъ попытокъ насажденія въ Россіи кредитной коопераціи будетъ дана ниже, въ отдѣлѣ о мелкобуржуазной коопераціи. Основной грѣхъ этихъ первыхъ попытокъ насадить въ Россіи крестьянскую кооперацію заключался въ томъ, что ссудо-сберегательныя товарищества не были приспособлены къ условіямъ русской деревни уже потому, что они были построены на основѣ паевого капитала, между тѣмъ, какъ при бѣдности русскаго крестьянина требованіе пая дѣлало невозможнымъ участіе въ товариществѣ рядового крестьянина. И до настоящаго времени ссудо-сберегательныя товарищества распространены преимущественно не среди крестьянства коренной Россіи, а среди неземледѣльческихъ слоевъ населенія или же на болѣе зажиточныхъ

окраинахъ Россіи. Сильныя ссудо-сберегательныя товарищества имѣются среди еврейскаго населенія, затѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Прибалтійскомъ краѣ. Главная же масса крестьянскихъ кредитныхъ кооперативовъ состоитъ изъ кооперативовъ совершенно иного типа—кредитныхъ товариществъ.

Кредитныя товарищества созданы у насъ закономъ 1895 г., установившимъ ихъ типъ. Они отличаются отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ принципіальномъ отношеніи тѣмъ, что не имѣютъ паевого капитала и этимъ воспроизводятъ въ русскихъ условіяхъ типъ райффейзеновскаго кредитнаго товарищества. По отношенію къ вопросу о паевомъ капиталѣ русскія кредитныя товарищества стоятъ даже болѣе строго на райффейзеновскихъ принципахъ, чѣмъ ихъ германскій образецъ, ибо въ Германіи, какъ было выше указано, законъ не разрѣшаетъ кооперативовъ безъ паевого капитала, почему райффейзеновскіе кооперативы принуждены имѣть свой паевой капиталъ, между тѣмъ какъ русскія кредитныя товарищества дѣйствительно никакого паевого капитала не имѣютъ.

Откуда же кредитные товарищества въ Россіи черпаютъ необходимый все же для начала дѣла капиталъ? Въ Германіи первые райффейзеновскіе кооперативы были основаны на благотворительной основѣ и получили нужныя денежныя средства отъ мѣстныхъ состоятельныхъ людей—помѣщиковъ, пасторовъ и пр.; когда же кооперація достигла значительнаго развитія, то вновь возникающіе кооперативы стали получать денежныя средства для начала дѣла изъ союзныхъ кооперативныхъ организацій—центральныхъ кассъ и Имперскаго банка, а также изъ государственной Прусской Центральной кассы кооперативныхъ товариществъ.

Въ Россіи сложилось существенно иное положеніе. Кредитныя товарищества возникли у насъ по иниціативѣ не помѣщиковъ и иныхъ зажиточныхъ элементовъ деревни, но по иниціативѣ государственной власти, которая естественно и позаботилась о снабженіи кредитныхъ товариществъ необходимымъ имъ капиталомъ. Кредитныя товарищества получаютъ у насъ средства для начала дѣла заимообразно отъ Государственнаго банка.

Оказывая денежную поддержку кредитнымъ товариществамъ, государство естественно подчинило товарищества и своему контролю. Въ 1904 г. было образовано при Государственномъ банкѣ

особое «Управленіе по дѣламъ мелкаго кредита», съ обширнымъ штатомъ инспекторовъ мелкаго кредита, при чемъ эти чиновники должны были слѣдить за дѣятельностью кредитныхъ товариществъ, производить въ нихъ періодическія ревизіи и вообще всячески руководить ими. Товарищества были во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ подчинены управленію по дѣламъ мелкаго кредита и его мѣстныхъ чиновъ. На инспекторовъ мелкаго кредита было возложено оказаніе содѣйствія при устройствѣ учрежденій мелкаго кредита, поставленныхъ подъ всестороннюю опеку инспекторовъ.

Со времени 1904 г. правительственная власть, въ лицѣ управленія по дѣламъ мелкаго кредита, начинаетъ систематически стремиться къ насажденію въ нашей деревнѣ кредитныхъ товариществъ. Для этой цѣли ассигновываются изъ государственныхъ средствъ десятки милліоновъ р. на кредитованіе кредитныхъ товариществъ. При дѣятельной поддержкѣ государства кредитныя товарищества дѣйствительно достигаютъ весьма значительнаго развитія. Въ дополненіе къ средствамъ, получаемымъ въ ссуду изъ Государственнаго банка, они собираютъ значительные собственные капиталы и привлекаютъ еще болѣе значительные капиталы со стороны въ видѣ вкладовъ. Къ 1 января 1915 г. пассивъ кредитныхъ товариществъ выражался слѣдующими крупными цифрами:

	Въ милліонахъ.
Средства собственныя	44,6
Вклады и займы у частныхъ лицъ . . .	211,7
Займы изъ государств. средствъ	85,9
Займы у земства	32,3

Хотя по развитію своихъ денежныхъ оборотовъ наши кредитныя товарищества далеко уступаютъ германскимъ, все же 382 слишкомъ милліоновъ рублей капитала, которымъ они располагаютъ, являются суммой далеко не незначительной. Государство несомнѣнно достигло своей цѣли—создать въ русской деревнѣ доступный крестьянину мелкій кредитъ. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ являются наши кооперативныя по формѣ учрежденія мелкаго кредита—дѣйствительно кооперативами или только вспомогательными учрежденіями Государственнаго банка.

Что касается ссудо-сберегательныхъ товариществъ, число кото-

рыхъ въ деревняхъ сравнительно не велико, то они могли бы безусловно считаться настоящими кооперативами, если бы дѣйствовали сколько-нибудь нормально. Но среди ссудо-сберегательныхъ товариществъ, дѣйствующихъ въ русской деревнѣ, только незначительная часть живетъ нормальной жизнью; остальныя же находятся въ упадкѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ. Поэтому, когда приходится говорить о нашей крестьянской кредитной коопераціи, то нужно имѣть въ виду почти исключительно кредитныя товарищества.

Относительно же кредитныхъ товариществъ сомнѣнія въ ихъ кооперативности вполнѣ обоснованы. Даже съ точки зрѣнія формально-правовой, ихъ трудно считать кооперативами въ полномъ смыслѣ слова. По мнѣнію составителей проекта новаго гражданскаго уложенія, «кредитныя товарищества представляются не столько частными товариществами, основанными на кооперативномъ началѣ съ цѣлью содѣйствія кредиту своихъ членовъ, сколько своеобразнымъ способомъ организаціи мелкаго кредита, оказываемаго Государственнымъ банкомъ».

И, дѣйствительно, степень самодѣятельности членовъ кредитнаго товарищества чрезвычайно ограничена: въ лицѣ инспектора мелкаго кредита каждое товарищество имѣетъ начальника, или, точнѣе, опекуна, руководящаго почти каждымъ шагомъ товарищества. Собственный капиталъ товарищества въ большинствѣ случаевъ выражается незначительной суммой сравнительно съ тѣмъ капиталомъ, который товарищество получило въ ссуду изъ Государственнаго банка. Огромное большинство членовъ товарищества не принимаетъ почти никакого участія въ руководительствѣ товариществомъ, контролируемымъ фактически отнюдь не членами товарищества, а стоящими внѣ его правительственными чиновниками. Для средняго члена кредитнаго товарищества послѣднее имѣетъ интересъ лишь постольку, поскольку оно можетъ выдать ему требуемую ссуду. Если ссуда возвращена обратно, то крестьянинъ обычно считаетъ, что связь его съ товариществомъ порвалась. Общія собранія членовъ бываютъ рѣдко и посѣщаются плохо. Во многихъ товариществахъ, благодаря ихъ сравнительно крупнымъ размѣрамъ, мѣсто общаго собранія членовъ заступаютъ собранія уполномоченныхъ; въ этомъ случаѣ связь рядового члена съ жизнью товарищества становится еще болѣе слабой и ограничивается выборомъ уполномоченныхъ.

Вообще, относительно средняго кредитнаго товарищества смѣшно и говорить о самодѣятельности его членовъ, а, слѣдовательно, въ такомъ товариществѣ не имѣется и истинной кооперативной жизни. Все это безспорно, и все же кредитныя товарищества сыграли и играютъ огромную роль въ кооперативномъ пробужденіи Россіи.

Обычная исторія русскаго кредитнаго товарищества такова. Въ началѣ это—учрежденіе, возникшее по иниціативѣ инспектора мелкаго кредита или кого-либо другого со стороны. Члены его нисколько имъ не интересуются и видятъ въ немъ только источникъ полученія ссуды, при чемъ въ первое время эти ссуды получаются изъ капиталовъ, ссуженныхъ государствомъ.

Однако, чѣмъ дольше существуетъ товарищество, тѣмъ сильнѣе становится его воспитательное воздѣйствіе на его членовъ. Сначала начинаетъ сознательно относиться къ дѣламъ товарищества небольшой кружокъ лицъ изъ числа его непосредственныхъ руководителей. Затѣмъ этотъ кружокъ все расширяется, товарищество начинаетъ вести болѣе сложныя операціи, все болѣе прививается на мѣстной почвѣ и все болѣе втягиваетъ въ круговоротъ своихъ интересовъ крестьянъ того же села. Товарищество начинаетъ поддерживать своими капиталами другія товарищества—уже несомнѣнно кооперативнаго типа,—какъ мѣстное потребительное общество, сельскохозяйственное общество, товарищество по закупкѣ и сбыту и т. д. Мало-по-малу накапливается собственный капиталъ товарищества, и оно начинаетъ жить самостоятельной кооперативной жизнью, освобождаясь отъ зависимости отъ Государственнаго банка.

Таковъ обычный и вполнѣ естественный ходъ развитія кредитнаго товарищества. Въ началѣ его дѣятельности оно никакихъ кооперативныхъ элементовъ въ себѣ не заключало. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе проникается его жизнь кооперативными элементами и, въ концѣ-концовъ, товарищество становится истиннымъ кооперативомъ. Кооперативная форма товарищества наполняется дѣйствительнымъ кооперативнымъ содержаніемъ.

Конечно, невозможно съ полной опредѣленностью сказать, что представляютъ собой десятки тысячъ кредитныхъ товариществъ, которыя существуютъ въ современной русской деревнѣ. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что среди нихъ имѣются

товарищества на всѣхъ ступеняхъ кооперативнаго развитія—отъ товариществъ, не имѣющихъ въ себѣ пока никакихъ элементовъ истинной коопераціи, до настоящихъ кооперативовъ, живущихъ полной кооперативной жизнью, ничуть не менѣе кооперативовъ Запада. И, что самое важное, ясно, что число кооперативовъ перваго рода относительно все сокращается, а кооперативовъ последняго рода быстро растетъ. Кооперативное сознаніе проникаетъ все глубже и глубже въ толщу русскаго крестьянскаго міра и глубочайшимъ образомъ преобразовываетъ весь его соціально-психологическій обликъ.

Какова же соціальная среда нашей кредитной коопераціи? Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить, что въ связи съ инымъ происхожденіемъ нашей коопераціи вліяніе помѣщичьяго элемента въ ней гораздо слабѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи. Это можетъ быть иллюстрировано до нѣкоторой степени и статистическими данными. Кооперативная секція Кіевской Всероссійской выставки 1913 г. произвела анкету среди кредитныхъ кооперативовъ, на которую откликнулось 1322 товарищества. Согласно этой анкетѣ, оказалось, что по образовательному уровню составъ правленія и совѣта въ отвѣтившихъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ имѣетъ слѣдующій видъ (въ процентахъ).

	Высшее образов.	Среднее.	Низшее.	Неграмотн.
Правленіе	2,7	11,2	85,4	0,7
Совѣтъ	4,2	10,5	83,5	1,8

На долю лицъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ приходится только 13,9% членовъ правленія и 14,7% членовъ совѣта. По всей вѣроятности, всѣ помѣщики входятъ въ эту группу; но, очевидно, въ эту группу входятъ и многія другія лица, кромѣ помѣщиковъ—лица либеральныхъ профессій, народные учителя, священники, фельдшера и т. д. Такимъ образомъ, можно думать, что въ составѣ правленія и совѣта помѣщики играютъ роль совершенно незначительную.

Наша крестьянская кооперація находится внѣ вліянія помѣщичьяго класса. Это и неудивительно, такъ какъ отношенія между помѣщичьимъ и крестьянскимъ классомъ въ Россіи не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ, напримѣръ,

въ Германіи, гдѣ оба класса состоятъ въ тѣсномъ политическомъ союзѣ.

Труднѣе рѣшить вопросъ относительно того, какіе именно элементы крестьянства входятъ въ составъ кредитныхъ товариществъ. Общихъ данныхъ этого рода относительно всей Россіи не имѣется, и приходится довольствоваться данными относительно отдѣльныхъ районовъ. Въ отчетѣ управленія по дѣламъ мелкаго кредита за 1904 г. имѣются свѣдѣнія объ обезпеченіи членовъ кредитныхъ товариществъ лошадьми. Эти свѣдѣнія могутъ быть сравнены съ данными относительно обезпеченія лошадьми крестьянскаго населенія въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ въ томъ же 1904 г. была произведена конская перепись. Такимъ образомъ, возможно сравненіе въ отношеніи къ обезпеченію лошадьми всего крестьянскаго населенія и членовъ кредитныхъ товариществъ въ 3 губерніяхъ: Херсонской, Таврической и Екатеринославской. С. Н. Прокоповичъ даетъ на основаніи этого сопоставленія слѣдующую таблицу:

	Въ процентахъ.	
	Кредитныя товарищества.	Все крестьянское населеніе.
Безлошадные	12,2	32,8
Съ 1 лош. на дворъ . . .	8,8	8,2
„ 2 „ „ „ . . .	48,6	34,0
„ 3 и 4 лош. на дворъ . .	19,7	15,4
„ 5 и болѣе лош. на дворъ	10,7	9,6

Легко замѣтить, что въ кредитныхъ товариществахъ сравнительно мало представлена группа деревенской бѣдноты—безлошадныхъ крестьянъ. Наоборотъ, группа двухлошадныхъ крестьянъ представлена значительно сильнѣе, чѣмъ въ массѣ крестьянскаго населенія. Группа зажиточныхъ крестьянъ, имѣющихъ 3 лошадей и больше, представлена также сильнѣе, чѣмъ въ остальномъ населеніи, хотя тутъ перевѣсъ и не такъ значителенъ, какъ при сравненіи группы двухлошадныхъ.

Исходя изъ этого, слѣдуетъ заключить, что кредитныя товарищества привлекаютъ преимущественно крестьянъ средней состоятельности—трудовое крестьянство, ведущее самостоятельное сельское хозяйство и стоящее выше сельскаго пролетаріата. Пролетаризированное крестьянство лишь въ ограниченной степени участвуетъ въ кредитныхъ товариществахъ, а болѣе зажиточное крестьян-

ство занимаетъ въ кредитныхъ кооперативахъ слѣдующее мѣсто за средними крестьянскими группами.

Но «лошадность» крестьянскихъ группъ является очень неточнымъ показателемъ степени ихъ экономической зажиточности. Детальный анализъ сравнительнаго уровня экономическаго положенія членовъ кредитныхъ товариществъ и остальнаго крестьянскаго населенія данъ Красильниковымъ на основаніи земской переписи членовъ кредитныхъ товариществъ въ Уфимской губерніи въ 1911 г.

Сравненіе это приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ. Во-первыхъ, оказалось, что въ товариществахъ участвуютъ крестьяне со значительно большимъ семейнымъ составомъ, чѣмъ семьи крестьянъ, не участвующихъ въ товариществахъ. Это указываетъ на большую экономическую силу членовъ товариществъ (какъ общее правило, у болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго населенія семья имѣетъ большій составъ).

Лучше всего характеризуется экономическое положеніе крестьянскаго двора площадью его посѣва. Въ этомъ отношеніи уфимское обслѣдованіе дало слѣдующіе результаты:

	Изъ 100 дворовъ.	
	Все крестьянское населеніе.	Товарищества.
Не сѣютъ	10	5
Сѣютъ до 2 дес.	21	12
„ 2—10 „	56	64
Свыше 10 „	13	19

Не сѣющія крестьянскія группы участвуютъ въ кредитныхъ товариществахъ въ два раза менѣе, чѣмъ эта группа представлена во всемъ крестьянскомъ населеніи. Въ товариществахъ преобладаютъ крестьянскія группы со среднимъ размѣромъ посѣвной площади, за ними идутъ крестьяне съ большими посѣвами.

Точно такъ же и скотомъ члены кредитныхъ товариществъ обезпечены значительно лучше, чѣмъ крестьянская масса.

Судя по этимъ даннымъ, можно было бы думать, что кредитная товарищества имѣютъ тенденцію замыкаться въ средѣ болѣе состоятельнаго крестьянства. Однако, это не такъ. Г. Красильниковъ приводитъ слѣдующую любопытную таблицу:

	На 100 дворовъ членовъ кредитныхъ товариществъ въ Уфимской губерніи приходилось на 1-е января				
	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Безлошадныхъ	2	3	3	4	4
Хозяйство съ 1 лош. . . .	16	25	27	27	28
„ „ 2 „ . . .	29	31	32	31	32
„ „ 3—4 лош. . .	34	29	26	27	25
„ свыше 4 лош. .	19	12	12	11	11

Эта таблица показываетъ, что первоначально кредитныя товарищества захватываютъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ. Но по мѣрѣ укрѣпленія товариществъ въ составъ ихъ входятъ и болѣе бѣдные крестьяне. За 5 лѣтъ процентъ безлошадныхъ въ уфимскихъ товариществахъ возросъ въ два раза, а процентъ крестьянъ, имѣющихъ болѣе четырехъ лошадей, понизился болѣе, чѣмъ на треть. «Создаваясь сначала по преимуществу среди зажиточныхъ элементовъ деревни,—говоритъ г. Красильниковъ,—уфимская кооперація постепенно всасывала въ себя и хозяйства, менѣе экономически состоятельныя, и въ результатѣ основнымъ ядромъ ея оказывался крестьянинъ средневикъ, который и составляетъ собой такъ называемую народную массу».

Точно такъ же и обслѣдованіе Никольскаго кредитнаго товарищества въ Раненбургскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, привело къ выводу, что «въ своей работѣ кооперативъ естественно стремится къ среднимъ по хозяйственному положенію группамъ крестьянства. Для кредитной коопераціи эти среднія группы и выше среднихъ являются нормальной средой».

Къ нѣсколько инымъ результатамъ пришелъ г. Мухинъ на основаніи обслѣдованія одного кредитнаго товарищества, Святскаго, въ Черниговской губерніи. А именно, въ этомъ товариществѣ «члены представляютъ собой слой болѣе бѣдный, чѣмъ не состоящіе членами, при чемъ у послѣднихъ больше и единично богатыхъ хозяйствъ»... «Кредитныя товарищества не являются,—говоритъ г. Мухинъ,—ставкой на сильныхъ, они захватываютъ трудоспособную часть населенія, захватываютъ средніе слои и бѣдноту, но бѣдноту, имѣющую хозяйство, исключая ту ея часть, которая впала въ нищенство, и отчасти исключаютъ верхніе, болѣе богатые слои крестьянства».

Послѣдній выводъ самому автору кажется парадоксальнымъ.

И дѣйствительно, онъ врядъ ли можетъ быть обобщенъ и очевидно объясняется случайными или исключительными условіями того товарищества, которое изслѣдовалъ г. Мухинъ. Всѣ имѣющіяся данныя болѣе широкаго значенія говорятъ въ пользу того, что кредитная кооперація не только не «исключаетъ» болѣе богатые слои крестьянства, а усиленно ихъ притягиваетъ.

Во всякомъ случаѣ, и г. Мухинъ констатируетъ, что въ кредитныхъ товариществахъ преобладаютъ именно средніе слои крестьянства. Такимъ образомъ, по общему мнѣнію изслѣдователей, кредитная кооперація служитъ у насъ интересамъ, прежде всего, средняго трудового крестьянства, имѣющаго свое хозяйство и обрабатывающаго свою землю.

Мы видѣли, что по условіямъ своего возникновенія русская крестьянская кооперація не имѣетъ ничего общаго съ германской. И въ другихъ отношеніяхъ русское кредитное товарищество глубоко отличается отъ райффейзеновскаго товарищества Германіи.

Первымъ и самымъ важнымъ различіемъ является то, что наши товарищества самымъ грубымъ образомъ расходятся съ принципомъ «локализаціи». Средніе размѣры нашего кредитнаго товарищества значительно превосходятъ германскіе: въ то время, какъ въ Германіи преобладаютъ товарищества съ числомъ членовъ менѣе 100, у насъ совсѣмъ нѣтъ товариществъ, въ районѣ которыхъ число дворовъ было бы менѣе 100. Наиболѣе распространеннымъ у насъ типомъ являются товарищества, въ районѣ которыхъ отъ 1000 до 2000 дворовъ. На ряду съ этимъ у насъ имѣются товарищества еще гораздо болѣе крупныя. Въ среднемъ на 1 товарищество у насъ приходилось въ 1915 г. 676 членовъ.

Легко понять, какое огромное значеніе въ жизни нашихъ товариществъ имѣетъ столь значительный ихъ размѣръ. Охватывая собой иногда обширную территорію со множествомъ селъ, деревень и хуторовъ и включая тысячи членовъ, товарищества наталкиваются на многообразныя трудности въ осуществленіи своего прямого дѣла—организаціи кредита для малоимущей массы крестьянскаго населенія. При большомъ районѣ правленіе товарищества не имѣетъ никакой возможности знать своихъ членовъ, и при опредѣленіи ихъ кредитоспособности правленію приходится руководствоваться внѣшними формальными признаками—обычно ко-

личествомъ земли, которымъ распологаетъ заемщикъ. Но такъ какъ это признакъ далеко недостаточный, а къ тому же при существующемъ у насъ законодательствѣ взысканіе долговъ съ крестьянина чрезвычайно затруднительно, ибо крестьянская надѣльная земля, равно какъ и движимое имущество крестьянина, необходимое для существованія, не могутъ быть продаваемы за долги, то товарищество, отказывая въ кредитѣ всѣмъ болѣе бѣднымъ своимъ членамъ, въ то же время подвергается большому риску потерять свои деньги. При крупномъ районѣ товарищества неизбѣжны большіе расходы членовъ болѣе отдаленныхъ селеній на пріѣздъ къ товариществу; эти расходы по поѣздкѣ иногда значительно повышаютъ сумму, въ которую обходится должнику полученіе кредита изъ товарищества. Далѣе, при крупномъ районѣ для товарищества невозможно контролировать употребленіе ссуды и отсутствуетъ то давленіе общественнаго мнѣнія села на каждаго члена, которое играетъ такую важную роль въ обезпеченіи исправнаго возврата ссуды. Болѣе близкія села къ мѣсту помѣщенія правленія получаютъ при этомъ естественное преимущество передъ болѣе отдаленными, почему, какъ общее правило, въ крупныхъ товариществахъ процентъ крестьянъ, принимающихъ участіе въ товариществѣ, тѣмъ менѣе, чѣмъ данное село болѣе удалено отъ мѣста пребыванія правленія.

Не менѣе важна и слѣдующая сторона дѣла. Мелкое товарищество имѣетъ характеръ болѣе чистаго кооператива, чѣмъ крупное. Дѣйствительно, въ крупномъ товариществѣ силою веще невозможны общія собранія членовъ (какъ собрать въ одно мѣсто нѣсколько тысячъ человѣкъ?), и ихъ заступаютъ собранія уполномоченныхъ. Но при этомъ рядовой членъ товарищества совершенно отстраняется отъ контроля дѣятельности правленія и естественно утрачиваетъ интересъ къ своему товариществу. О кооперативномъ воспитаніи въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

Поэтому крупныя товарищества уклоняются отъ кооперативнаго типа въ сторону обычныхъ банковъ и нерѣдко начинаютъ, въ обходъ своего устава, заниматься разнаго рода спекуляціями, такъ какъ размѣщеніе среди членовъ скопляющихся у такихъ товариществъ въ значительномъ количествѣ вкладовъ весьма затруднительно. Многія изъ такихъ товариществъ ссужаютъ своими деньгами разныя мѣстныя учрежденія и, въ концѣ-концовъ, под-

вергаютъ серьезному риску свои вклады. Напомнимъ, что и въ Германіи крушеніе «Имперскаго кооперативнаго банка» произошло въ связи съ ликвидаціей нѣкоторыхъ крупныхъ товариществъ, которыя уклонялись отъ райффейзеновскаго принципа локализаціи и, благодаря этому, должны были прибѣгнуть къ рискованнымъ спекуляціямъ.

Почему же наши товарищества имѣютъ столь крупный районъ? Для этого существуютъ разнообразныя причины.

Прежде всего, это вызывается недостаткомъ въ русской деревнѣ лицъ, способныхъ руководить хотя и весьма несложнымъ хозяйствомъ товарищества. Поэтому, гдѣ такія лица явились и дѣла товарищества пошли хорошо, тамъ товарищество естественно растетъ и захватываетъ въ кругъ своихъ операцій все большій и большій районъ. Новыя товарищества не возникаютъ, такъ какъ для руководительства ими не находится достаточно знающихъ и способныхъ лицъ.

Поэтому до послѣдняго времени мы замѣчали, что, какъ общее правило, товарищества становились все крупнѣе и крупнѣе; несмотря на огромное увеличеніе числа товариществъ, число членовъ въ нихъ росло еще болѣе.

Затѣмъ, значительное вліяніе имѣетъ и политика Управленія по дѣламъ мелкаго кредита, до послѣдняго времени поощрявшаго крупнорайонныя товарищества и запрещавшаго устройство новыхъ товариществъ мелкаго района. Авторъ этой книги убѣдился по собственному опыту, какое упорное сопротивленіе оказываетъ инспекція мелкаго кредита устройству мелкорайонныхъ товариществъ даже въ томъ случаѣ, когда солидность возникающихъ товариществъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Наконецъ, существеннымъ препятствіемъ къ возникновенію у насъ мелкорайонныхъ кредитныхъ товариществъ является слабость у насъ кооперативныхъ союзовъ. Мелкое товарищество можетъ быть сильнымъ, только опираясь на союзъ. Пока же у насъ союзовъ почти нѣтъ или же они очень слабы, единственнымъ средствомъ увеличенія экономической силы товарищества является увеличеніе числа его членовъ. Нерѣдко крупныя товарищества фактически начинаютъ у насъ играть роль союзовъ товариществъ: такую эволюцію претерпѣло, напр., одно изъ очень крупныхъ товариществъ юга Россіи—Лохвицкое кредитное товарищество, ко-

торое распространило свои операціи на весь уѣздъ, натолкнулось при этомъ на разнообразныя трудности въ размѣщеніи своихъ вкладовъ и должно было значительную часть ихъ размѣстить между другими товариществами уѣзда.

Изъ этого основного различія нашихъ кредитныхъ товариществъ отъ райффейзеновскаго типа (нарушенія ими принципа «локализаціи») вытекаютъ и другія. Такъ, наши товарищества отнюдь не придерживаются другого райффейзеновскаго принципа—безплатности труда членовъ правленія и совѣта. Какъ общее правило, члены правленія и совѣта получаютъ у насъ извѣстное вознаграждане, при чемъ, по кіевской анкетѣ, среднее вознагражденіе предсѣдателя правленія (для всѣхъ товариществъ) почти достигаетъ трехсотъ рублей. Затѣмъ, наши товарищества очень рѣдко построены на началѣ неограниченной отвѣтственности—обычно отвѣтственность составляетъ нѣкоторое кратное число по отношенію къ открываемому данному члену кредиту. Нерѣдко одинъ членъ участвуетъ въ нѣсколькихъ товариществахъ, хотя это и запрещается уставомъ. Все это является неизбѣжнымъ спутникомъ малой кооперативности нашихъ товариществъ, не связанныхъ тѣсными узами съ опредѣленной ограниченной группой крестьянскаго населенія.

Въ общемъ наши кредитныя товарищества являются весьма своеобразнымъ типомъ кредитнаго учрежденія. Но, какъ нужно думать, по мѣрѣ развитія нашей кооперацiи или, точнѣе, по мѣрѣ того, какъ кредитныя товарищества будутъ больше и больше приближаться къ дѣйствительной кооперацiи, они будутъ приближаться и къ райффейзеновскому типу. Крупнорайонность нашихъ товариществъ неизбѣжно должна отпасть съ дальнѣйшимъ ростомъ ихъ числа: подъемъ деревни поведетъ къ тому, что каждое село пожелаетъ имѣть свое кредитное товарищество, что, при развитіи союзныхъ организацій, не встрѣтитъ затрудненій. Къ уменьшенію районовъ нашихъ товариществъ склоняется за послѣднее время и Управленіе по дѣламъ мелкаго кредита.

Вліяніе кредитныхъ товариществъ на экономическое положеніе деревни нельзя учесть статистически, но оно, несомнѣнно, очень велико. Наиболѣе наглядно значеніе товариществъ, какъ удачнаго конкурента ростовщичества, составляющаго старинную язву нашей деревни. Анкета, которую произвело московское земство среди

ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ, дала слѣдующіе результаты. 6 товариществъ отвѣтили, что сокращенія ростовщичества не было замѣтно, благодаря слабому развитію операціи самихъ товариществъ; 5 товариществъ отвѣтили, что въ ихъ районахъ и раньше не было ростовщичества; а 37 товариществъ заявили, что вслѣдствіе ихъ дѣятельности ростовщичество, процвѣтавшее раньше въ ихъ районахъ, или совершенно исчезло, или значительно сократилось.

Вотъ для примѣра нѣкоторые изъ отзывовъ товариществъ, заимствуемые изъ московскаго земскаго сборника «Кредитныя и ссудосберегательныя товарищества» (1911 г.).

Спасо-Нудольское товарищество пишетъ: «ростовщики совсѣмъ перевелись». Правленіемъ совѣта *Петровскаго* кредитнаго товарищества «констатируется полное прекращеніе ростовщичества лавочниковъ, трактирщиковъ и пр.». *Васильевское:* «мѣстное ростовщичество замѣтно уменьшилось». *Авдотьинское* пишетъ объ отсутствіи теперь «кліентовъ у ростовщиковъ, что послѣдними въ частныхъ разговорахъ неоднократно высказывалось». По словамъ *Онуфріевскаго* товарищества, «открытіе товарищества совсѣмъ убило ростовщичество; если и берутъ они процентъ, то одинаковый съ товариществомъ».

По словамъ *Рудневскаго* товарищества, «дѣятельность ростовщиковъ совершенно подорвана. Лица, занимавшіяся снабженіемъ нуждающихся деньгами за высокіе $^0/_0{}^0/_0$, теперь сами вносятъ вклады въ товарищество. Товарищество въ семъ году выяснило и другіе результаты своей дѣятельности, именно: уменьшилось число безлошадныхъ крестьянъ въ волости, а также замѣтно улучшеніе хозяйства и вообще—въ другихъ отрасляхъ».

«Мѣстное ростовщичество упало,—пишетъ *Петровское* ссудо-сберегательное товарищество,—мѣстные ростовщики хотя и даютъ деньги въ долгъ, но за тѣ же $^0/_0{}^0/_0$, что и товарищество. Иногда они пользуются лишнимъ $^0/_0$, когда товарищество не даетъ члену больше опредѣленнаго уставомъ кредита. За послѣднее время замѣтно, что ростовщики охотнѣе несутъ свои деньги въ то же товарищество, потому что деньги, раньше даваемыя въ заемъ, остаются свободными».

По словамъ *Зюзинскаго* товарищества, теперь у ростовщиковъ «проценты уменьшились наполовину: они стали взимать 12$^0/_0$ го-

довыхъ и не свыше 15-ти въ рѣдкихъ случаяхъ, когда рискуютъ неуплатой въ срокъ или совсѣмъ отказомъ отъ платежа».

«Благодаря дѣятельности товарищества,—пишетъ *Звенигородское* товарищество,—для ремесленниковъ, кустарей и земледѣльцевъ открывается возможность обходиться безъ кредита частныхъ лицъ, скупщиковъ товара и т. д., обходящагося всегда дороже. Пользованіе кредитомъ частныхъ лицъ сократилось очень сильно. Положеніе лицъ, занимающихся промысломъ разнаго рода, облегчилось, так какъ имѣется возможность дѣлать болѣе крупныя хозяйственныя заготовки (матеріалъ, скотъ) и выжидать лучшія цѣны».

Наконецъ, *Зятьковское* товарищество сообщило слѣдующее: «Благодаря дѣятельности товарищества, экономическая жизнь населенія замѣтно улучшается. Получивши деньги въ товариществѣ, членъ покупаетъ себѣ домашній скотъ или же дешевле, чѣмъ въ долгъ, покупаетъ предметы для своего промысла, болѣе свободенъ отъ ростовщичества при покупкѣ и продажѣ своихъ издѣлій. Отсюда ясно, что у товарища остается часть денегъ, которую онъ расходуетъ или на пополненіе домашняго хозяйства, на расширеніе своихъ оборотовъ въ промыслѣ, или дѣлаетъ сбереженія на всякій случай».

На то же указываютъ свѣдѣнія и изъ другихъ мѣстъ. Такъ, въ районѣ извѣстнаго Дзенгелевскаго товарищества, Кіевской губ., мѣстные ростовщики должны были прекратить свои операціи и стали вкладчиками товарищества. То же указывается и относительно Уфимской губ. Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, по словамъ г. Мавричева, ростовщичество почти исчезло, а ростовщики стали вкладчиками товарищества.

Этотъ переходъ прежнихъ ростовщиковъ въ число вкладчиковъ товарищества, давая товариществу необходимые для него денежные капиталы, имѣетъ, по справедливому мнѣнію Б. А. Фруммета, и свои опасныя стороны. Ростовщики стремятся пріобрѣсти вліяніе на ходъ дѣлъ въ товариществахъ и нерѣдко этого достигаютъ, становясь членами его управленія. Будучи заинтересованы въ повышеніи процента по вкладамъ, они стремятся держать и процентъ по ссудамъ на высокомъ уровнѣ (напр., на 12% годовыхъ—вообще, проценты по ссудамъ въ нашихъ кредитныхъ товариществахъ стоятъ, сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ въ

Германіи и другихъ странахъ, на очень высокомъ уровнѣ), и вообще использовать товарищество въ своихъ личныхъ торговыхъ или иныхъ экономическихъ интересахъ.

По свидѣтельству «Вѣстника Мелкаго Кредита», «обычно при возникновеніи товарищества противъ него возстаютъ *благодѣтели деревни*, инстинктивно чувствуя въ нарождающейся организаціи личнаго своего врага и соперника. Обычно вначалѣ пускаются въ ходъ всякаго рода нелѣпые слухи и запугиванія, а когда это не дѣйствуетъ, то всѣ эти *благодѣтели* спѣшатъ пристроиться къ новому дѣлу и нерѣдко попадаютъ въ правленія и совѣты, стараясь провести въ составъ управленія подходящихъ подручныхъ людей, и притомъ такихъ, чтобы на первыхъ же порахъ умалить значеніе учрежденія въ глазахъ темнаго населенія, помѣшать его развитію или, наконецъ, выжать изъ него что-либо въ свою пользу. Такой планъ деревенскихъ богатеевъ часто проводится незамѣтно для темнаго люда, который считаетъ это неизбѣжнымъ зломъ. Въ другихъ—около товарищества возникаетъ серьезная партійная борьба».

Но, конечно, всѣ эти попытки ростовщиковъ захватить въ свои руки кредитные кооперативы могутъ имѣть успѣхъ лишь при слабомъ развитіи кооперативнаго духа и должны прекратиться при дальнѣйшемъ развитіи нашей крестьянской коопераціи.

III.

Если относительно многихъ кредитныхъ товариществъ вполнѣ обоснованы сомнѣнія въ ихъ кооперативности, то за послѣдніе годы у насъ быстро растутъ уже несомнѣнные кооперативы. Такъ, нельзя сомнѣваться въ кооперативности нашихъ деревенскихъ потребительныхъ обществъ, число которыхъ растетъ у насъ почти такимъ же темпомъ, какъ и кредитныхъ товариществъ. Въ настоящее время число потребительныхъ обществъ въ Россіи мало уступаетъ числу кредитныхъ товариществъ: къ 1 января 1914 г. у насъ считалось 10.080 потребительныхъ обществъ, изъ которыхъ 8.020 обществъ были въ деревнѣ. По числу потребительныхъ обществъ Россія занимаетъ во всемъ мірѣ первое мѣсто, далеко оставляя позади себя даже Великобританію. Но, конечно, отсю-

да не слѣдуетъ заключать, что наша потребительная кооперація стоитъ выше англійской. Наши потребительныя общества, хотя и велики по своей численности, очень слабы экономически и имѣютъ небольшое число членовъ, не идя въ этомъ отношеніи ни въ какое сравненіе съ англійскими. Это и понятно, такъ какъ въ Англіи потребительныя общества существуютъ въ городахъ, у насъ же преимущественно въ деревнѣ.

Въ противность тому, что мы видимъ по отношенію къ кредитной коопераціи, правительственная власть не только не насаждала въ нашей деревнѣ потребительныхъ обществъ, но задерживала ихъ развитіе какъ общими неблагопріятными условіями нашей общественности, такъ и неразрѣшеніемъ союзовъ потребительныхъ обществъ, въ чемъ настоятельно нуждается потребительная кооперація не менѣе всякой иной. При небольшихъ же размѣрахъ нашихъ потребительныхъ обществъ союзное объединеніе для нихъ особенно важно.

Среднее число членовъ въ нашемъ потребительномъ обществѣ всего 145, но такъ какъ сюда входятъ какъ деревенскія, такъ и городскія потребительныя товарищества, то среднее число членовъ въ деревенскомъ потребительномъ обществѣ должно быть совсѣмъ незначительнымъ. Общая численность членовъ потребительныхъ обществъ достигаетъ у насъ, приблизительно, 1.450.000. Сравнительно съ общей численностью нашего населенія эта цифра, конечно, не велика, и по отношенію къ интенсивности развитія нашей потребительной коопераціи мы не только не занимаемъ перваго мѣста, какъ по отношенію къ общей численности потребительныхъ обществъ, но занимаемъ едва не послѣднее мѣсто въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе, если вспомнить неблагопріятныя общественныя условія, при которыхъ приходится развиваться нашей коопераціи, то почти полтора милліона членовъ потребительныхъ кооперативовъ покажутся числомъ не только значительнымъ, но даже огромнымъ.

Чѣмъ же объясняется этотъ быстрый ростъ въ нашей деревнѣ уже несомнѣнной коопераціи? Прежде всего, слабымъ развитіемъ въ русской деревнѣ капиталистической торговли. Деревенскій лавочникъ занимаетъ у насъ монопольное положеніе и, пользуясь этимъ, повышаетъ цѣны своихъ товаровъ до чудовищныхъ размѣровъ. При такомъ положеніи дѣла даже очень слабое потреби-

тельное общество можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ лавочникомъ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что устройство въ деревнѣ потребительнаго общества обычно приводитъ къ очень значительному пониженію цѣнъ. Такъ, въ Кіевской губ. обслѣдованіемъ 160 обществъ установлено, что пониженіе цѣнъ на товары достигло 5—25%. Въ другихъ районахъ пониженіе цѣнъ, благодаря появленію потребительныхъ обществъ, выражается еще болѣе крупными цифрами: напримѣръ, въ Пермской губ. цѣны на многіе товары упали, подъ вліяніемъ потребительныхъ обществъ, на 30% и болѣе, въ Новгородскомъ уѣздѣ цѣны упали по той же причинѣ на 30—40%, въ Крестецкомъ уѣздѣ—на 20—30% и т. д., и т. д. Конечно, всѣ подобныя показанія большой точностью не отличаются, но фактъ значительнаго пониженія товарныхъ цѣнъ при появленіи въ деревнѣ потребительнаго общества не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ то же время, благодаря развитію денежнаго хозяйства, въ нашей деревнѣ быстро растетъ за послѣднее время спросъ на разнообразные продукты, которые можно получить лишь путемъ покупки; продукты эти крестьянинъ получаетъ отъ мѣстнаго лавочника по очень высокой цѣнѣ. Что же удивительнаго, что, несмотря на всѣ препятствія со стороны администраціи и крайне низкій уровень кооперативнаго сознанія, потребительныя общества завоевываютъ нашу деревню?

Такова общая почва, благопріятствующая росту нашей деревенской потребительной кооперации. Къ этому присоединяется дѣятельность разнаго рода общественныхъ учрежденій, ставящихъ себѣ цѣлью развитіе кооперации. Важность этого втораго фактора особенно наглядно обнаруживается тѣмъ, что относительное развитіе потребительной кооперации въ различныхъ районахъ съ очень близкимъ хозяйственнымъ характеромъ нерѣдко оказывается чрезвычайно различнымъ.

Такъ, напримѣръ, наибольшаго развитія потребительная кооперація достигла въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ число потребительныхъ обществъ достигло 1.776, между тѣмъ, какъ въ находящихся въ сходныхъ условіяхъ трехъ правобережныхъ малороссійскихъ губерніяхъ, при очень близкой общей численности населенія, число потребительныхъ обществъ всего 801.

Въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ, при значительно большей численности населенія, число потребительныхъ обществъ выражается скромной цифрой—370. Нельзя не согласиться съ В. В. Хижняковымъ, который даетъ слѣдующее объясненіе этихъ, на первый взглядъ, непонятныхъ различій.

«Кооперація,—говоритъ онъ,—у насъ пока насаждается, а не выростаетъ сама путемъ самодѣятельной инициативы населенія. Вслѣдствіе некультурности населенія и отсутствія у него необходимыхъ навыковъ, наша кооперація—еще нѣжный цвѣтокъ, требующій приложенія искусныхъ рукъ и тщательнаго ухода за собой. Поэтому ея возникновеніе и успѣшное развитіе стоитъ всецѣло въ зависимости отъ наличія мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, увлеченныхъ дѣломъ коопераціи и способныхъ ее взращивать и ею руководить. И такъ какъ теперь почва для этого взращиванія благопріятна—поскольку мы говоримъ о населеніи, уже ищущемъ новыхъ путей для организаціи своего хозяйства и выхода изъ вѣкового его застоя,—то трудъ интеллигентныхъ работниковъ, идущихъ навстрѣчу возникшей потребности, оказывается, при сколько-нибудь благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, благодарнымъ: кооперація множится и даетъ нѣкоторые плоды. Поразительную разницу въ преимущественномъ развитіи то одной, то другой формы въ губерніяхъ, близкихъ между собою, и даже въ смежныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи можно отнести въ значительной степени на счетъ разницы въ отношеніи къ той или другой формѣ со стороны мѣстныхъ учрежденій и общественныхъ дѣятелей, насаждающихъ кооперацію и направляющихъ мѣстную инициативу въ соотвѣтствующее ихъ взглядамъ русло. И какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и въ вопросѣ о томъ, какая кооперативная форма наиболѣе развивается, опредѣляющую роль играютъ мѣстныя, часто совершенно случайныя, условія: характеръ мѣстнаго земства, направленіе дѣятельности мѣстнаго центральнаго сельскохозяйственнаго общества, качество и кооперативныя воззрѣнія третьяго элемента въ земствѣ и дѣятелей мѣстнаго общества».

Все это, конечно, такъ. Нужно только прибавить, что таково же было положеніе и въ другихъ странахъ при началѣ развитія въ нихъ коопераціи. Въ особенности это вѣрно по отношенію къ деревенской коопераціи. Крестьянское населеніе вообще не

отличается большой самодѣятельностью и готовностью воспринимать новыя формы хозяйства; поэтому вездѣ пiонерами въ дѣлѣ развитiя крестьянской кооперацiи являлись учрежденiя и люди, сами не принадлежавшiе къ крестьянской средѣ. Въ Германiи такую роль сыграли помѣщики, духовенство, учителя. У насъ—отчасти правительственные чиновники, отчасти же земство и интеллигенцiя, въ особенности такъ называемый «третiй элементъ»—земскiе служащiе.

IV.

Весьма замѣтную роль въ нашей деревенской кооперацiи играютъ сельскохозяйственныя общества, которыхъ у насъ считается около 5000. Сельскохозяйственныя общества отнюдь не всегда могутъ быть признаваться кооперативами, ибо по своей первоначальной цѣли они должны быть прежде всего учрежденiями культурно-просвѣтительнаго характера. У болѣе крупныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ этотъ характеръ ихъ особенно выступаетъ на первый планъ. Но мелкiя сельскохозяйственныя общества, членами которыхъ являются крестьяне, обычно на первый планъ выдвигаютъ задачи совершенно иного рода—чисто-хозяйственныя—и становятся, такимъ образомъ, кооперативами съ весьма сложными функцiями. Сельскохозяйственное общество небольшого района обычно выполняетъ функцiи закупочнаго товарищества—оно прiобрѣтаетъ для своихъ членовъ средства сельскохозяйственнаго производства: сѣмена, орудiя сельскохозяйственнаго производства и пр. Къ этому обычно присоединяются и функцiи производительно-подсобнаго кооператива: сельскохозяйственное общество владѣетъ нѣкоторыми сельскохозяйственными машинами, которыя оно отпускаетъ за плату для пользованiя своимъ членамъ и другимъ лицамъ; иногда общество владѣетъ скотомъ—производителями (быкъ, кабанъ и т. п.). Наконецъ, сельскохозяйственное общество въ нѣкоторыхъ случаяхъ выполняетъ и функцiи кооператива по сбыту, беря на себя продажу тѣхъ или иныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Правда, выполненiю сельскохозяйственнымъ обществамъ всѣхъ этихъ хозяйственныхъ функцiй сильно препятствуетъ ихъ уставъ, отнюдь для этого не приспособленный. Сельскохозяйственное об-

щество не имѣетъ паевого капитала и потому лишено естественнаго хозяйственнаго базиса своихъ сложныхъ операцій. Тѣмъ не менѣе, эти операціи оно нерѣдко выполняетъ съ большимъ успѣхомъ по отсутствію въ деревнѣ другихъ кооперативныхъ организацій, которыя могли бы эти операціи выполнять. Въ общемъ, сельскохозяйственныя общества являются кооперативами, такъ сказать, на безрыбьи, по отсутствію организацій, болѣе приспособленныхъ къ названнымъ цѣлямъ.

Само собою разумѣется, что вести операціи по закупкѣ должны бы такія организаціи, которыя имѣютъ опредѣленный капиталъ, будетъ ли это паевой капиталъ или какого-либо иного происхожденія. Кооперативами съ паевымъ капиталомъ являются, по терминологіи нашего законодательства, сельскохозяйственныя товарищества, которыя именно этимъ признакомъ и отличаются, по буквѣ закона, отъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Сельскохозяйственныя товарищества начинаютъ распространяться у насъ только за самое послѣднее время. Въ настоящее время ихъ считается 1.650 самаго разнообразнаго типа, какъ по закупкѣ средствъ производства, такъ и по переработкѣ и сбыту сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Наибольшее значеніе среди товариществъ по сбыту у насъ имѣютъ кооперативныя зернохранилища. Кооперативный сбытъ хлѣба обѣщаетъ большія выгоды русскому крестьянину, принужденному продавать свой хлѣбъ небольшими партіями и очень спѣшно, подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ. Хлѣбныя операціи, требующія значительныхъ денежныхъ средствъ, получили развитіе у насъ при кредитныхъ товариществахъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ, при бѣдности нашего крестьянина и затруднительности собрать съ крестьянскаго населенія значительный паевой капиталъ, только кредитный кооперативъ, располагающій значительными денежными средствами, можетъ съ успѣхомъ организовать сбытъ крестьянскаго хлѣба.

Согласно даннымъ, приводимымъ Бородаевскимъ въ его книгѣ «Зернохранилища, элеваторы и кооперативный сбытъ хлѣба» (1912 г.), крестьяне даже въ не особенно захолустныхъ углахъ продаютъ хлѣбъ скупщикамъ на 5 и даже 10 коп. дешевле цѣнъ въ ближайшемъ крупномъ центрѣ хлѣбной торговли. Кооперативныя зернохранилища должны избавить крестьянина отъ власти

хлѣбнаго скупщика. Нельзя не признать, что именно при кредитныхъ товариществахъ всего легче можетъ быть организована кооперативная продажа хлѣба. Въ пользу такой связи говоритъ и то, что на Западѣ (въ Германіи и Австріи) кооперативныя зернохранилища обычно существуютъ не самостоятельно, но при кредитныхъ кооперативахъ, при чемъ, въ виду сложности дѣла и необходимости для него крупныхъ затратъ, цѣлая группа кредитныхъ кооперативовъ объединяется для устройства такого зернохранилища.

Наши кредитные кооперативы уже давно занимались хлѣбозалоговыми операціями, которыя велись свыше, чѣмъ 1000 кредитными кооперативами при помощи ссудъ изъ Государственнаго банка. Къ маю 1913 г. было уже 498 мелкихъ зернохранилищъ, принадлежащихъ кредитнымъ кооперативамъ, и нѣсколько болѣе крупныхъ, принадлежащихъ цѣлымъ группамъ объединившихся кредитныхъ товариществъ.

За послѣдніе годы дѣло постройки сѣти какъ элеваторовъ въ крупныхъ центрахъ хлѣбной торговли, такъ небольшихъ зернохранилищъ пытался взять въ свои руки Государственный банкъ. Предполагалась планомѣрная постройка сѣти элеваторовъ и зернохранилищъ, при чемъ болѣе крупные элеваторы должны были находиться въ завѣдываніи самого банка, а мелкія зернохранилища, входящія въ общую сѣть, должны были сооружаться на средства Государственнаго банка, но находиться въ пользованіи учрежденій мелкаго кредита.

Элеваторы Государственнаго банка, согласно предположеніямъ правительства, должны быть учрежденіями, управляемыми администраціей самого банка, но вмѣстѣ съ тѣмъ облегчать кооперативнымъ организаціямъ сбытъ товарищескаго хлѣба.

Недостаткомъ всей этой предполагавшейся широкой организаціи элеваторовъ и зернохранилищъ является приданный ей съ самаго начала бюрократическій характеръ. Война застала всѣ эти предположенія въ началѣ ихъ осуществленія, и, конечно, въ будущемъ предположенная организація сложится въ совершенно иныя формы. Пока же кооперативный сбытъ хлѣба имѣется у насъ только въ слабыхъ зачаткахъ.

V.

Среди разнообразныхъ крестьянскихъ кооперативовъ совершенно особое мѣсто занимаютъ маслодѣльныя артели. Можно сказать, что маслодѣльная кооперація является у насъ самой блестящей страницей всего нашего кооперативнаго движенія. Быть можетъ, это единственный у насъ видъ кооперативовъ, который достигъ огромнаго экономическаго значенія не поддержкой со стороны, а на основѣ самодѣятельности самого населенія.

Молочная кооперація имѣетъ у насъ свою длинную исторію. Начинается она въ 60-хъ годахъ въ видѣ артельныхъ сыроваренъ въ Тверской и Ярославской губерніяхъ. Нѣсколько интеллигентовъ,—Верещагинъ, Бландовъ, Бирюлевъ и др.,—заинтересовались вопросомъ о молочной коопераціи, изучили за границей молочное дѣло и пріѣхали насаждать въ Россіи молочную кооперацію, при чемъ остановились на кооперативномъ производствѣ сыра. Благодаря общественному сочувствію ихъ начинаніямъ и поддержкѣ земства, имъ удалось въ скоромъ времени организовать цѣлый рядъ сыроваренныхъ артелей совершенно того же типа, по своему внутреннему строю, какъ и маслодѣльные кооперативы, получившіе нынѣ такое огромное распространеніе во всемъ мірѣ. Это не были производительныя артели, а товарищества по переработкѣ молока.

Въ 1866 г. возникла первая сыроваренная артель въ Тверской губерніи, на средства Вольнаго Экономическаго общества. Въ 1871 г. было уже 25 сыроваренныхъ артелей въ Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской губерніяхъ и въ Терской области, благодаря, главнымъ образомъ, щедрой денежной поддержкѣ земствъ. Судьба этихъ первыхъ молочныхъ кооперативовъ была печальная: почти всѣ они въ скоромъ времени распались. Однако, нельзя сказать, чтобы піонеры нашей молочной коопераціи не сдѣлали никакого полезнаго практическаго дѣла: не достигнувъ успѣха въ дѣлѣ насажденія молочной коопераціи, они достигли иного—созданія у насъ капиталистическаго производства сыра и масла. Неудавшіеся артельные заводы въ концѣ-концовъ перешли въ руки капиталистовъ, и одинъ изъ главныхъ пропагандистовъ молочной коопераціи — Бландовъ — сталъ однимъ изъ

крупнѣйшихъ въ Россіи предпринимателей въ области молочнаго хозяйства.

Конечно, этотъ странный оборотъ молочной «артельной эпопеи» ни малѣйшимъ образомъ не компрометируетъ почтенныя имена первыхъ насадителей у насъ раціональнаго молочнаго дѣла: если наша крестьянская среда оказалась неподготовленной къ кооераціи, то піонерамъ нашей молочной кооперацiи ничего иного не оставалось, какъ организовать молочное хозяйство капиталистически. Они сдѣлали большое культурное дѣло, и не ихъ вина, если это дѣло оказалось совершенно инымъ, чѣмъ то, къ которому они стремились.

Молочная кооперація на время у насъ совершенно замерла, и «артельная эпопея» возбуждала только насмѣшки интеллигенціи девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка. Но исторія молочной кооперацiи въ Россіи не только не кончилась, но еще только начиналась.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ у насъ вновь начинаютъ возникать молочные кооперативы, но уже иного типа, съ иными техническими задачами и въ совершенно иной общественной обстановкѣ.

Причины неудачи первыхъ молочныхъ кооперативовъ были многообразны. Прежде всего, съ точки зрѣнія техническихъ заданій, артели не могли имѣть успѣха потому, что независимо отъ артельной формы самые процессы сыроваренія были у насъ мало изучены и, имѣя очень сложный характеръ, требовали приспособленія къ русскимъ условіямъ, для чего не имѣлось еще достаточнаго опытнаго матеріала. Не было спеціалистовъ не только по сыроваренному, но и по гораздо болѣе простому маслодѣльному дѣлу. Все это нужно было создавать заново, и потому молочные продукты должны были выходить низкаго качества.

Не меньшую роль играла и полная неподготовленность къ кооперацiи крестьянъ, среди которыхъ интеллигенты насаждали артели. Были и частныя причины неудачъ артелей (въ родѣ неправильнаго выбора районовъ съ незначительнымъ развитіемъ крестьянскаго скотоводства), но наибольшее значеніе имѣли двѣ вышеуказанныя.

Новыя молочныя артели возникли въ Сибири и поставили себѣ задачей приготовленіе не сыра, но масла. Возникновеніе ихъ въ Сибири отнюдь не было случайнымъ. Сибирское крестьянство стоитъ несравненно выше русскаго по своей зажиточности и земельному богатству. На основѣ этого земельнаго богатства развилось

сравнительно цвѣтущее крестьянское скотоводство. Въ Сибири приходится въ среднемъ на крестьянскій дворъ болѣе 4-хъ коровъ, о чемъ, конечно, не приходится и мечтать русскому крестьянину.

Къ этому богатству скотомъ сибирскаго крестьянина присоединилось въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка еще крупнѣйшее хозяйственное событіе въ жизни Сибири—постройка сибирской желѣзной дороги, соединившей Сибирь со всѣмъ европейскимъ міромъ. Желѣзная дорога открыла передъ Сибирью необъятный рынокъ и дала толчокъ необычайной силы для развитія сибирскаго хозяйства. Въ Сибири появляются представители крупныхъ иностранныхъ фирмъ по экспорту масла, и на основѣ иностраннаго капитала, какъ отмѣчаетъ Н. В. Чайковскій, начинается лихорадочно быстрое развитіе сибирскаго маслодѣлія.

Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ въ Западной Сибири вспыхиваетъ масляная горячка: возникаетъ множество мелкихъ капиталистическихъ масляныхъ заводовъ, взаимная конкуренція между которыми принимаетъ такіе размѣры, что въ скоромъ времени многіе предприниматели разоряются, и слѣдуетъ общій кризисъ капиталистическаго маслодѣлія.

Почва для маслодѣльной коопераціи была, такимъ образомъ, вполнѣ подготовлена, и вотъ почему дѣятельность піонеровъ сибирской коопераціи—Сокульскаго и Балакшина—привела къ такому блестящему успѣху. Устройство первыхъ маслодѣльныхъ артелей, вслѣдствіе недовѣрія крестьянства къ этой новой хозяйственной организаціи, было очень трудно. Но какъ только крестьяне убѣдились на опытѣ въ преимуществахъ этой новой организаціи для сбыта ихъ молока въ переработанномъ видѣ, новыя артели стали возникать съ большей быстротой и вытѣснять капиталистическіе маслодѣльные заводы.

О характерѣ развитія сибирскаго маслодѣлія можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ:

Количество маслодѣльныхъ заводовъ въ Томской и Тобольской губерніяхъ.

Годы.	Всѣхъ заводовъ.	Въ томъ числѣ артельныхъ.	Въ %.
1896	29	5	17
1900	1022	32	3
1902	1980	60	3
1905	1943	347	18
1910	3109	1337	43

Изъ этой таблицы ясно, какой огромный скачокъ сдѣлало сибирское маслодѣліе со времени открытія сибирской дороги. При этомъ, въ началѣ развитіе это совершалось въ формѣ капиталистическаго маслодѣлія. Со времени 1902 г. картина мѣняется: подъ вліяніемъ кризиса капиталистическаго маслодѣлія общее число маслодѣльныхъ заводовъ къ 1905 г. сократилось, но число артельныхъ заводовъ во много разъ возросло. Дальнѣйшее развитіе маслодѣльнаго производства совершается почти исключительно за счетъ роста артельнаго маслодѣлія.

Сибирская маслодѣльная кооперація уже никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена на счетъ «благопріятствующей опеки». Это, дѣйствительно, огромное дѣло, созданное самимъ населеніемъ, на основѣ самопомощи заинтересованныхъ лицъ. И неудивительно, что кооперація такъ удалась именно въ Сибири. Прежде всего, этотъ успѣхъ объясняется исключительными преимуществами маслодѣльной коопераціи передъ капиталистическимъ маслодѣліемъ, о чемъ было сказано въ предшествующей главѣ. Другіе кооперативы не обладаютъ такими преимуществами передъ капиталистическими организаціями. Поэтому, когда условія сложились крайне благопріятно для развитія въ Сибири маслодѣльнаго производства, оно естественно приняло форму коопераціи.

Во-вторыхъ, сибирскій крестьянинъ, какъ экономически болѣе сильный, легче могъ создать вполнѣ жизнеспособные устойчивые кооперативы, чѣмъ гораздо болѣе слабый крестьянинъ Европейской Россіи.

Сибирская маслодѣльная кооперація охватываетъ, какъ и крестьянская кооперація въ Европейской Россіи, преимущественно среднихъ по зажиточности, а затѣмъ болѣе богатыхъ крестьянъ. Около двухъ третей артельщиковъ имѣютъ не свыше 5 коровъ, что близко къ среднимъ цифрамъ для сибирскаго крестьянства данныхъ районовъ. По подсчету г. Макарова, среднее количество коровъ на одного члена артели равно 4,8, а среднее количество коровъ во владѣніи одного крестьянина въ томъ же районѣ—4,16. Число коровъ у артельщиковъ, такимъ образомъ, только немногимъ выше средняго. Какъ это мы видѣли и по отношенію крестьянства Европейской Россіи, внѣ коопераціи стоятъ только очень бѣдные жители деревни.

Особенностью сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей является ихъ

тѣсная связь съ потребительскими лавками. Эта связь между двумя кооперативами совершенно различныхъ типовъ вытекла изъ условій нашего крестьянскаго хозяйства: при слабости развитія въ нашей деревнѣ торговли предметами крестьянскаго потребленія, маслодѣльные заводчики являлись одновременно и деревенскими лавочниками. Маслодѣльныя артели, вступивъ въ борьбу съ заводчиками, должны были организовать и снабженіе населенія продуктами лавочной торговли, такъ какъ въ противномъ случаѣ артели лишились бы своихъ членовъ: деревенскій лавочникъ не станетъ снабжать своими товарами въ кредитъ тѣхъ крестьянъ, которые не поставляютъ въ его заводъ своего молока.

Въ настоящее время сибирскія артели имѣютъ обычно слѣдующій видъ. При маслодѣльной артели находится и артельная лавка, при чемъ юридически оба кооператива существуютъ независимо другъ отъ друга, но такъ какъ члены въ нихъ одни и тѣ же, то, фактически, оба кооператива являются одной организаціей. Члены артели обязуются поставлять молоко только въ свою артель, и точно такъ же члены потребительнаго общества обязуются покупать, кромѣ исключительныхъ случаевъ, только въ лавкѣ своего общества. Чистый остатокъ потребительской лавки распредѣляется между членами по забору, а чистый доходъ маслодѣльной артели распредѣляется пропорціонально поставленному молоку.

Товары изъ потребительской лавки отпускаются въ кредитъ подъ поставляемое каждымъ членомъ маслодѣльной артели молоко.

Но этимъ не заканчивается организующая роль маслодѣльной артели. Присоединивъ къ себѣ потребительную организацію, она стремится организовать и кооперативную продажу хлѣба, и стать вообще универсальнымъ крестьянскимъ кооперативомъ. Нѣкоторымъ артелямъ это и удается; вообще значеніе маслодѣльныхъ артелей въ хозяйствѣ сибирскаго крестьянина громадно. Жаль только, что въ смыслѣ вліянія на технику маслодѣлія и вообще молочнаго дѣла сибирская молочная кооперація заставляетъ желать очень и очень многаго, не выдерживая въ этомъ отношеніи никакого сравненія съ молочной коопераціей Запада. Этотъ этапъ кооперативнаго развитія у насъ еще, очевидно, впереди.

Маслодѣльная кооперація сходнаго типа быстро развивается за послѣднее время и въ Европейской Россіи, въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ существуютъ благопріятныя условія для крестьянскаго

скотоводства—въ Вологодской, Ярославской, Московской и другихъ, но вездѣ въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ Сибири. Это вполнѣ понятно, такъ какъ только исключительныя условія сибирскаго крестьянскаго скотоводства дали возможность сибирскому крестьянину, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія нашей общественности, достигнуть такихъ крупныхъ результатовъ въ дѣлѣ молочной коопераціи.

VI.

Необходимымъ условіемъ нормальнаго развитія коопераціи является объединеніе кооперативовъ въ союзы. Безъ союзовъ кооперація не можетъ выйти изъ стадіи первыхъ подготовительныхъ шаговъ, ибо отдѣльный кооперативъ, не связанный союзными узами съ другими кооперативами, является слишкомъ слабой хозяйственной организаціей, чтобы съ успѣхомъ достигать своихъ цѣлей. Кооперація есть форма борьбы болѣе слабыхъ въ хозяйственномъ отношеніи элементовъ современнаго общества съ болѣе сильными его элементами, и только единеніе слабыхъ даетъ имъ возможность побѣждать сильныхъ. Это вѣрно по отношенію не только отдѣльныхъ членовъ кооператива, но и цѣлыхъ кооперативовъ: кооперативное строительство не заканчивается объединеніемъ небольшой группы лицъ въ кооперативъ, но продолжается и по отношенію къ отдѣльнымъ кооперативамъ, которые точно такъ же, чтобы достигать своихъ цѣлей, должны объединиться въ болѣе обширные кооперативные союзы.

Такова одна изъ аксіомъ кооперативнаго движенія, столь же вѣрная по отношенію къ Россіи, какъ и по отношенію къ другимъ странамъ. Повсюду мы видимъ, что отдѣльные кооперативы не остаются изолированными другъ отъ друга, но соединяются въ обширные союзы.

Наша кооперація, по числу участниковъ въ кооперативномъ движеніи, занимаетъ первое мѣсто во всемъ мірѣ. Тѣмъ не менѣе, созданіе столь необходимыхъ для коопераціи союзовъ наталкивается у насъ на упорное сопротивленіе власти.

Только съ величайшимъ трудомъ удается нашимъ кооперативамъ создать ту или иную союзную организацію. И все-таки

жизнь столь властно требуетъ такихъ организацій, что онѣ возникаютъ и развиваются.

Важнѣйшихъ союзныхъ организацій у насъ три: Московскій союзъ потребительныхъ обществъ, объединяющій какъ крестьянскія, такъ и городскія потребительныя общества (объ этомъ союзѣ было сказано въ главѣ о пролетарской потребительной кооперации), Московскій Народный банкъ и Сибирскій союзъ маслодѣльныхъ артелей.

Московскій Народный банкъ является съ формальной стороны акціонернымъ банкомъ, но такъ какъ число частныхъ акціонеровъ въ немъ ничтожно, а огромное большинство акцій размѣщено среди кооперативовъ (преимущественно кредитныхъ, но также и среди потребительныхъ обществъ и маслодѣльныхъ артелей), то фактически этотъ банкъ является союзной организаціей національнаго масштаба. Банкъ возникъ еще очень недавно—въ 1912 г.,—но уже успѣлъ развить энергичную дѣятельность. Операціи банка далеко не ограничиваются однимъ кредитованіемъ кооперативовъ, но направлены также на объединеніе кооперативной закупки и кооперативнаго сбыта, при чемъ, однако, во избѣжаніе нежелательной конкуренціи съ другимъ кооперативнымъ союзомъ—Московскимъ союзомъ потребительныхъ обществъ,—банкъ объединяетъ закупку только средствъ производства, а не предметовъ личнаго потребленія.

Сибирскій союзъ маслодѣльныхъ артелей является, быть можетъ, самымъ значительнымъ дѣломъ русской кооперацiи. Возникъ этотъ союзъ въ 1907 г., при чемъ въ началѣ въ немъ принимало участіе всего 12 артелей, а оборотный капиталъ (занятый) выражался скромной цифрой въ 21.000 р. Въ 1912 г. къ союзу принадлежало уже 382 артели со 170 артельными потребительскими лавками, при чемъ товарные обороты союза достигали почти 7 съ половиной милл. рублей (въ томъ числѣ масла было продано свыше, чѣмъ на 6 милліоновъ рублей). Въ 1912 г. союзу удалось организовать сбытъ своего масла непосредственно на лондонскомъ рынкѣ—въ Лондонѣ была учреждена компанія на паяхъ, подъ названіемъ «Союзъ сибирскихъ кооперативныхъ товариществъ», къ которой перешли всѣ заграничныя операціи по сбыту масла сибирскихъ артелей. Въ 1915 г. въ союзѣ участвовало 829 артелей и 628 артельныхъ потребительныхъ обществъ, сово-

купный оборотъ которыхъ достигалъ 20 р. Черезъ союзъ проходило $^1/_6$ всего сибирскаго масла. Къ сожалѣнію, за послѣднее время въ союзѣ начались раздоры, и много артелей изъ союза ушло.

Стремленіе къ союзному объединенію все настоятельнѣе чувствуется въ мірѣ русской коопераціи, и, несмотря на всѣ препоны къ устройству союзовъ, которыя чинились и чинятся нашей администраціей, такіе союзы стали возникать за послѣдніе два—три года въ огромномъ количествѣ путемъ договорныхъ объединеній нотаріальнымъ порядкомъ, безъ утвержденія устава правительственной властью. Нерѣдко объединяются кооперативы различнаго рода ради общихъ цѣлей. Объединяются и кредитные кооперативы, и потребительныя общества, и сельскохозяйственныя товарищества. Нѣкоторые кооперативы объединяются съ цѣлью общей закупки, другіе—съ цѣлью общаго сбыта. Въ числѣ послѣднихъ обращаютъ на себя вниманіе союзы для постройки за общій счетъ элеваторовъ и зернохранилищъ.

Тѣ немногіе союзы, которые существуютъ на основаніи утвержденныхъ уставовъ, за послѣднее время энергично развиваютъ свои операціи. До 1911 г. союзы кредитныхъ кооперативовъ не имѣли права принимать вкладовъ, что, естественно, сводило ихъ функціи къ очень скромнымъ размѣрамъ. По уставу 1911 г., эта операція была разрѣшена союзамъ, и съ этого времени союзы кредитныхъ товариществъ начинаютъ быстро усиливаться. При переходѣ на новый уставъ операціи Кіевскаго союза кредитныхъ товариществъ возросли въ 90 разъ, Мелитопольскаго—въ 17 разъ и Бердянскаго—въ 13 разъ.

Ростъ союзнаго объединенія побудилъ и нашу администрацію признать совершившійся фактъ, и за самое послѣднее время администрація, какъ высшая, такъ и низшая, какъ будто склоняется къ тому, чтобы примириться съ неизбѣжностью кооперативныхъ союзовъ. Союзы разрѣшаются съ большей легкостью, а имѣющіяся договорныя объединенія не преслѣдуются, какъ еще недавно. Въ связи съ этимъ, а также и съ одновременнымъ развитіемъ земской дѣятельности по вспомоществованію и содѣйствію коопераціи, для русскаго кооперативнаго движенія открылась новая задача: каково должно быть взаимодѣйствіе союзныхъ кооперативныхъ организацій и земства.

Дѣло въ томъ, что за послѣдніе годы чрезвычайно усилилась

дѣятельность земствъ ію содѣйствію кооперацiи. Къ 1 января 1914 г. было уже 215 земскихъ кассъ мелкаго кредита, выполнявшихъ приблизительно тѣ же функцiи, которыя выполняютъ и кооперативные союзы.

Какъ показала анкета, произведенная I отдѣломъ Петроградскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, разработанная г. Н. Шереметевымъ, кассы эти кредитуютъ преимущественно кооперативы, при чемъ замѣчается постепенное вытѣсненіе кредитованія отдѣльныхъ лицъ кредитованіемъ кооперативовъ. Выполняя эту послѣднюю функцію, земская касса вступаетъ въ конкуренцію съ союзомъ кооперативовъ. На этой почвѣ возникло нѣкоторое взаимное соперничество между земскими кассами и союзными кооперативными учрежденіями.

Съ принципіальной стороны вопросъ о взаимоотношеніи между кооперацiей и земствомъ простъ и ясенъ. Земство поступаетъ совершенно правильно, вступивъ на путь дѣятельнаго содѣйствія кооперацiи. Но по мѣрѣ того, какъ кооперація развивается и набирается силъ, земство должно уступать мѣсто чисто-коопе-
въ родѣ земскихъ кассъ мелкаго кредита, такъ и для союзныхъ
ративнымъ организаціямъ въ тѣхъ областяхъ хозяйственной жизни, которыя пригодны для кооперативнаго строительства. Пока въ нашей деревнѣ непочатый край работы какъ для органовъ земства,
организацій кооперативовъ. Но какъ только кооперація достаточно созрѣла, чтобы обходиться безъ благожелательной опеки и поддержки земства, земство должно очищать мѣсто для чисто-кооперативной самодѣятельности населенія. Дѣлая это, земство не только не терпитъ какого-либо ущерба, но, наоборотъ, достигаетъ своей собственной цѣли—развитія кооперацiи.

ОТДѢЛЪ IV

МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КООПЕРАЦІЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Мелкобуржуазная кооперація.

ГЛАВА I.

Шульце-Деличъ и связанное съ нимъ кооперативное движеніе.

I. — Шульце-Деличъ и его общественное міровоззрѣніе. II. — Вызванное Шульце кооперативное движеніе. III. — Расколъ въ кооперативномъ движеніи Германіи.

I.

Какъ Англія является типичной страной пролетарской коопераціи, такъ Германія была долгое время типичной страной коопераціи мелко-буржуазной. Не даромъ отцомъ германской коопераціи является такой характерный представитель мелкой буржуазіи, со всѣми сильными и слабыми духовными чертами этого класса, какъ Шульце-Деличъ.

И если англійская пролетарская кооперація явилась непредвидѣннымъ ея творцами результатомъ увлеченія рабочихъ массъ Англіи идеей коммунистическихъ общинъ, то организаціи, созданныя Шульце, возникли, какъ непредвидѣнный имъ результатъ увлеченія общественныхъ круговъ Германіи идеей производительной артели. Общественныя убѣжденія Шульце сложились подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго соціализма, своеобразно преломившагося въ соціальной средѣ германской мелкой буржуазіи, къ которой принадлежалъ Шульце.

Шульце безусловно не былъ соціалистомъ. По своей натурѣ онъ былъ слишкомъ трезвымъ, осторожнымъ и разсчетливымъ че-

ловѣкомъ, чтобы увлекаться планами радикальнаго преобразованія общественнаго строя. Никакого полета воображенія мы у него не видимъ, равно какъ и прямолинейности въ преслѣдованіи одной господствующей идеи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Шульце является прямой противоположностью Оуэну.

Тѣмъ не менѣе и Шульце было суждено стать новаторомъ и прокладывать новые пути. Объясняется это тѣмъ, что сама жизнь толкала на новые пути тѣ общественные элементы, выразителемъ интересовъ которыхъ явился Шульце.

Развитіе капитализма сопровождалось во всѣхъ странахъ кризисомъ мелкой промышленности и торговли. Въ Германіи этотъ процессъ особенно рѣзко почувствовался около половины прошлаго столѣтія. Это вызвало недовольство обширныхъ круговъ мелкой буржуазіи.

«Фабрика,—писалъ въ 1853 г. Шульце въ брошюрѣ «Die arbeitenden Klassen und das Associationswesen in Deutschland»,—вытѣсняетъ ремесло и лишаетъ рынка ремесло въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя она вовлекаетъ въ свою сферу, и дѣлаетъ невозможной всякую конкуренцію съ нею. Овладѣвая одной за другой новыми и новыми отраслями труда, какъ это мы видимъ ежедневно, фабрика въ недалекомъ будущемъ не оставитъ ни одного уголка, гдѣ могло бы найти себѣ пріютъ ремесло. И если уже теперь многіе прежде самостоятельные мастера ищутъ работы на фабрикахъ, нельзя не опасаться, что постепенно вся масса ремесленниковъ спустится до роли простыхъ наемныхъ рабочихъ крупныхъ предпріятій и пополнитъ ряды злополучнаго пролетаріата».

Вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшается положеніе и фабричныхъ рабочихъ. Ростъ крупнаго производства вызываетъ, слѣдовательно, паденіе благосостоянія всѣхъ трудящихся классовъ населенія,—какъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, такъ и фабричныхъ рабочихъ. Но крупное предпріятіе,—говоритъ Шульце,—обладаетъ такими техническими преимуществами сравнительно съ мелкимъ, что тенденція къ нему не устранима при современныхъ условіяхъ.

Какъ же помочь народной нуждѣ при такомъ положеніи дѣлъ? Возвращеніе къ старому экономическому порядку—возстановленіе цехового строя промышленности—Шульце признаетъ невозмож-

нымъ. Остается одно: признать неизбѣжность роста крупнаго предпріятія, но попытаться осуществить его въ новыхъ формахъ, согласованныхъ съ интересами трудящихся. Такимъ образомъ, Шульце приходитъ къ выводу, что «ассоціація является единственнымъ средствомъ спасенія для нуждающихся рабочихъ и ремесленниковъ. Въ ассоціаціи воскреснетъ съ новыми силами для ремесленниковъ старый цехъ, ставшій въ наше время безполезнымъ и безсмысленнымъ учрежденіемъ». Поэтому ассоціація можетъ быть названа «цехомъ будущаго». Ассоціація дастъ возможность трудящимся воспользоваться выгодами крупныхъ предпріятій безъ потери своей самостоятельности.

Высшимъ видомъ ассоціаціи Шульце, какъ было указано выше (въ главѣ о производительныхъ артеляхъ), признаетъ производительную ассоціацію.

Кооперативная система Шульце начала осуществляться на практикѣ уже въ концѣ сороковыхъ годовъ, и, хотя она сложилась далеко не въ тѣ формы, которыя имѣлись въ виду ея создателемъ, все же нельзя не признать, что практическое осуществленіе идей Шульце оказалось гораздо ближе къ его теоретическому замыслу, чѣмъ это мы видимъ по отношенію къ Оуэну. Съ внѣшней стороны между судьбой обоихъ замысловъ много общаго. Потребительныя общества фабричныхъ рабочихъ были для Оуэна средствомъ для подготовки коммунистическихъ общинъ. Однако, никакихъ коммунистическихъ общинъ не возникло, а потребительныя общества получили огромное развитіе. Точно такъ же и для Шульце основанные имъ кредитные кооперативы, о которыхъ онъ почти не упоминаетъ въ первыхъ очеркахъ своей кооперативной теоріи, были только первымъ шагомъ кооперативнаго развитія, которое должно было привести къ созданію производительной ассоціаціи. Производительная ассоціація оказалась утопіей, не меньшей, чѣмъ коммунистическія общины Оуэна, а кредитные кооперативы процвѣтали. Однако, на самомъ дѣлѣ судьба созданій Оуэна и Шульце была существенно различна.

Для Оуэна коммунистическія общины были не туманнымъ и отдаленнымъ завершеніемъ кооперативнаго движенія, а единственно цѣннымъ и важнымъ элементомъ во всей его системѣ. Коммунистическій идеалъ былъ для него все, средства же для этой цѣли (потребительныя общества) теряли всякую цѣнность, если

цѣль не была достигнута. И потому Оуэнъ не могъ не чувствовать себя разбитымъ въ своихъ лучшихъ упованіяхъ и надеждахъ. То, что получилось въ результатѣ его дѣятельности, не могло давать ему ни малѣйшаго нравственнаго удовлетворенія.

Напротивъ, въ міровоззрѣніи Шульце главную роль играли ближайшіе, непосредственные результаты его дѣятельности, а вовсе не конечныя цѣли. Признавая производительную ассоціацію вѣнцомъ своей кооперативной системы, Шульце не былъ склоненъ отрицать значеніе того, что ему казалось подготовительными формами ассоціаціи. Напротивъ, чѣмъ больше развертывается его практическая дѣятельность и чѣмъ больше выясняется утопичность производительной ассоціаціи, тѣмъ равнодушнѣе онъ становится къ послѣдней. Ростъ кредитныхъ кооперативовъ его вполнѣ удовлетворяетъ, и призракъ неосуществившейся производительной ассоціаціи не причиняетъ ему никакой горечи. Эта ассоціація начинаетъ, въ концѣ-концовъ, играть въ его системѣ роль безобиднаго орнамента, ни къ чему не нужнаго, но и ничему не мѣшающаго.

Все дѣло въ томъ, что Оуэнъ былъ человѣкомъ огромныхъ замысловъ, а Шульце—типичной мѣщанской натурой. И потому Оуэнъ чувствовалъ себя разбитымъ, а Шульце—побѣдителемъ.

Что же такое была та кооперація, которая была создана Шульце? Дѣятельность Оуэна повела къ возникновенію потребительныхъ обществъ рочдельскаго типа,—кооперативовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ коммунистическими общинами, которыя проповѣдывалъ Оуэнъ, но способныхъ къ грандіозному развитію. Противъ своей воли Оуэнъ создалъ нѣчто великое, не менѣе великое, чѣмъ то, къ чему онъ стремился.

Напротивъ, созданіе Шульце, вполнѣ его удовлетворявшее, было такъ же лишено элемента величія, какъ и самъ онъ, или, точнѣе, какъ тотъ общественный классъ,—мѣщанства, мелкой торговли и ремесла,—выразителемъ котораго онъ являлся.

II.

Очень интересна исторія созданныхъ Шульце кооперативовъ. Мы видѣли, что теоретическія воззрѣнія Шульце приводили его къ признанію вѣнцомъ кооперативной системы произво-

дительную ассоціацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ большого практическаго смысла, онъ понималъ трудность осуществленія этого наиболѣе сложнаго вида коопераціи. Поэтому не удивительно, что первыми кооперативами, созданными Шульце, были отнюдь не производительныя ассоціаціи, а кооперативы совсѣмъ иного рода, сырьевыя товарищества,—общества ремесленниковъ для пріобрѣтенія за общій счетъ нужнаго сырья.

Уже въ 1849 г. Шульце основываетъ въ Деличѣ два сырьевыхъ товарищества: столяровъ и сапожниковъ. Затѣмъ возникаетъ нѣсколько новыхъ сырьевыхъ товариществъ, и къ 1853 г. ихъ было уже 6 (и кромѣ того, два кредитныхъ товарищества и два потребительныхъ общества). Къ 1859 г. насчитывалось уже 55 сырьевыхъ товариществъ, а къ 1868 г.—даже 131. Но изъ быстраго увеличенія числа этихъ кооперативовъ было бы неправильно заключать о дѣйствительномъ ростѣ этого вида коопераціи. Дѣло въ томъ, что въ противность другимъ видамъ кооперативовъ, созданнымъ Шульце, этотъ видъ—сырьевыя товарищества—оказался очень мало жизнеспособнымъ.

Первое время число ихъ возрастало быстро, но болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Дѣятельность ихъ почти не проявлялась, а въ скоромъ времени и число ихъ стало падать. Еще меньше успѣха имѣли магазинныя товарищества,—организаціи сбыта ремесленныхъ продуктовъ, равно какъ и производительно-подсобныя товарищества,—организаціи совмѣстнаго использованія ремесленниками разнаго рода дорогихъ орудій и техническихъ приспособленій. Всѣ эти кооперативы не получили никакого развитія и не пріобрѣли никакого значенія въ народномъ хозяйствѣ Германіи.

Полная неудача всѣхъ этихъ видовъ кооперативовъ совершенно безспорна. О причинахъ этой неудачи рѣчь будетъ итти ниже.

Еще меньше успѣха имѣли производительныя ассоціаціи, которыя почти не вышли изъ стадіи неудачныхъ попытокъ ихъ созданія. Зато тѣ виды коопераціи, которые играли очень скромную роль въ теоретической системѣ Шульце, получили значительное развитіе на практикѣ; это—кредитные кооперативы и потребительныя общества.

Центральное положеніе среди кооперативовъ, созданныхъ Шульце, очень скоро заняли именно кредитные кооперативы.

Эти-то кооперативы, которые можно назвать ссудо-сберегательными товариществами, и были его историческимъ дѣломъ. Возникли они путемъ своеобразнаго развитія сырьевого товарищества: какъ выяснилъ В. А. Косинскій въ своемъ изслѣдованіи «Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи», кредитный кооперативъ возникъ въ результатѣ неспособности сырьевого товарищества справиться съ пріобрѣтеніемъ сырья на наличныя деньги. Необходимо было организовать для сырьевыхъ товариществъ кредитъ; такимъ образомъ, для этихъ товариществъ выдвинулась новая задача—организаціи кредита, и создались первые кредитные кооперативы, оказавшіеся, въ противность сырьевымъ товариществамъ, вполнѣ жизнеспособными учрежденіями. Первое ссудо-сберегательное товарищество было основано въ Эйленбургѣ, повидимому, безъ всякаго участія Шульце, нѣкимъ Бюрманомъ, сапожнымъ мастеромъ, при чемъ Бюрманъ исходилъ изъ опыта сырьевыхъ товариществъ.

Какъ изъ агитаціи Оуэна получились потребительныя общества рочдельскаго типа, такъ изъ агитаціи Шульце получились ссудо-сберегательныя товарищества.

Рочдельскіе кооперативы были типичными организаціями пролетаріата, въ которыя заложена тенденція къ неограниченному росту и внутреннему развитію: начавъ съ преобразованія розничной торговли, они естественно перешли къ устраненію капиталистическаго посредничества въ области оптовой торговли, а затѣмъ и къ собственному производству и, такимъ образомъ, мало-по-малу начали вовлекать въ сферу своего вліянія все народное хозяйство.

Напротивъ, ссудо-сберегательныя товарищества Шульце являются столь же типичными организаціями иного общественнаго класса,—мелкой буржуазіи, мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, обладающихъ небольшими капиталами. И точно такъ же, какъ и въ рочдельскомъ кооперативѣ, всѣ особенности данной экономической организаціи объясняются особенностями и экономическими интересами того общественнаго класса, въ средѣ котораго эта организація создалась и получила развитіе.

Что ссудо-сберегательныя товарищества являются кооперативами преимущественно мелкой буржуазіи, это доказывается статистическими данными относительно классоваго состава ихъ членовъ. Такъ, напр., въ 1888 г., когда ссудо-сберегательныя товари-

щества Шульце получили уже полное развитіе, классовый составъ ихъ членовъ былъ слѣдующій:

Самостоятельные предприниматели въ сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и промышленности	74,1%
Либеральныя профессіи, рантьеры, пенсіонеры . . .	13,8 „
Низшіе служащіе	3,5 „
Рабочіе	8,6 „

Огромное большинство членовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ принадлежало и принадлежитъ къ числу самостоятельныхъ предпринимателей. Что это предприниматели преимущественно мелкіе, а не крупные, ясно само собой, такъ какъ крупные предприниматели имѣютъ къ своимъ услугамъ обычные капиталистическіе банки.

Выше было указано, что въ представленіи Шульце производительная ассоціація была завершеніемъ кооперативной системы. Такова была теорія. Практика ей не отвѣчала ни малѣйшимъ образомъ, да и самъ авторъ этой теоріи не придавалъ ей сколько-нибудь серьезнаго значенія,—во всякомъ случаѣ въ концѣ своей жизни Шульце коренным образомъ измѣнилъ свои взгляды на то, въ чемъ слѣдуетъ видѣть вѣнецъ его кооперативной системы.

Главнымъ видомъ кооперативныхъ организацій Шульце были, какъ сказано, ссудо-сберегательныя товарищества,—организаціи, наполовину не кооперативныя, а капиталистическія. Неудивительно, что товарищества эти при успѣхѣ быстро утрачивали послѣдніе слѣды кооперативной природы и превращались въ обычные капиталистическіе акціонерные банки, при чемъ пайщики становились акціонерами.

Съ точки зрѣнія того кооперативнаго идеала, которому первоначально сочувствовалъ Шульце, такое превращеніе кооперативной организаціи въ обычную капиталистическую должно было казаться измѣной народному дѣлу и встрѣчать суровое осужденіе. Иначе смотрѣлъ на это дѣло Шульце. На годовыхъ собраніяхъ союза кооперативовъ его имени онъ неоднократно высказывался въ томъ смыслѣ, что превращеніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ акціонерныя въ его глазахъ является лучшимъ доказательствомъ успѣха народныхъ банковъ.

Вѣнцомъ кооперативной системы становится въ глазахъ Шульце, слѣдовательно, уже не производительная ассоціація,—утопія его

юности,—а акціонерная компанія, ничего утопическаго въ себѣ не заключающая. Здѣсь ярко сказывается капиталистическій духъ всей кооперативной системы Шульце.

Кооперативное движеніе въ Германіи, какъ и въ Англіи, началось среди среднихъ классовъ общества. И это понятно—въ половинѣ прошлаго вѣка Германія была еще страной съ слабо развитой фабричной промышленностью, въ экономической жизни которой тонъ давали мелкія формы производства.

Экономическая неразвитость Германіи была въ это время такъ велика, что, напр., Шульце въ первыхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ еще не различалъ промышленнаго пролетаріата отъ самостоятельныхъ ремесленниковъ. Созданныя имъ кооперативныя организаціи имѣли въ виду мелкихъ предпринимателей, а онъ полагалъ, что онѣ могутъ служить интересамъ и пролетаріата. Если Шульце не понималъ столь простыхъ вещей, то это потому, что въ самой жизни соотвѣтствующіе общественные классы еще не успѣли рѣзко обособиться, и новый общественный слой—промышленный пролетаріатъ—еще не сталъ крупной силой. И въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи рабочій классъ былъ заслоненъ въ Германіи половины прошлаго столѣтія классомъ ремесленниковъ.

Неудивительно, что именно въ средѣ мелкой буржуазіи и начало развиваться германское кооперативное движеніе. Затѣмъ, когда быстрый промышленный ростъ Германіи повелъ къ тому, что все большее и большее значеніе въ общественной жизни сталъ играть классъ промышленнаго пролетаріата, общія условія германской жизни сдѣлали германскій пролетаріатъ на долгое время равнодушнымъ къ коопераціи. Изъ всѣхъ видовъ кооперативовъ для пролетаріата имѣетъ особое значеніе потребительная кооперація. Но для германскаго пролетаріата на первый планъ выдвинулись политическія задачи, которыя заслонили для него все остальное, въ томъ числѣ и потребительную кооперацію.

Извѣстно, какъ отрицательно относился Лассаль къ потребительнымъ обществамъ. Онъ видѣлъ въ нихъ просто самообманъ рабочаго класса: такъ какъ заработная плата при условіяхъ капиталистическаго производства не можетъ подняться,—думалъ онъ,—выше уровня, необходимаго для голаго существованія, то всѣ попытки рабочихъ удешевить для себя стоимость предметовъ потре-

бленія должны имѣть своимъ результатомъ соотвѣтствующее пониженіе денежной заработной платы. Иными словами, ровно никакой пользы, въ окончательномъ итогѣ, потребительныя общества рабочему классу не приносятъ, и только временно отдѣльные рабочіе могутъ выигрывать отъ этихъ организацій.

Единственный видъ коопераціи, который Лассаль не только признавалъ, но даже видѣлъ въ немъ рѣшеніе всего соціальнаго вопроса, это были, какъ извѣстно, производительныя ассоціаціи. Но такъ какъ Лассаль, въ противность Шульце, ясно понималъ невозможность самостоятельнаго развитія такихъ ассоціацій, то онъ требовалъ государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ.

Однако, сомнительно, чтобы Лассаль дѣйствительно вѣрилъ въ свои производительныя ассоціаціи съ государственной помощью. Ему нужно было указать рабочимъ какое-либо ясное и простое средство рѣшенія соціальнаго вопроса, и онъ остановился на планѣ Луи Блана, который ему казался наиболѣе удобнымъ для агитаціонныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, знаменитый противникъ Шульце въ сущности не вѣрилъ вообще въ значеніе коопераціи. Онъ придавалъ значеніе только политической борьбѣ рабочаго класса и явился создателемъ политической партіи германскаго пролетаріата.

Поэтому вполнѣ естественно, что германская соціалъ-демократія не могла поддерживать кооперативное движеніе среди рабочихъ. Марксъ относился къ коопераціи почти такъ же, какъ и Лассаль. Единственнымъ видомъ коопераціи, которому онъ придавалъ значеніе, были производительныя ассоціаціи, потребительнымъ же обществамъ онъ рѣшительно не сочувствовалъ. Въ извѣстной резолюціи «Интернаціональной ассоціаціи рабочихъ», осуждающей потребительныя общества и рекомендующей производительныя ассоціаціи, нашла себѣ выраженіе точка зрѣнія Маркса.

Итакъ, вожди германскаго рабочаго движенія не придавали никакого значенія или относились отрицательно къ той единственно возможной для рабочаго класса коопераціи, которая получила такое блестящее развитіе въ Англіи. Соотвѣтственно этому и въ согласіи съ общимъ строемъ германской общественной жизни германское рабочее движеніе сосредоточилось на многіе годы на политической борьбѣ.

Однако, какъ ни могущественно было вліяніе духовныхъ отцовъ германской соціалъ-демократіи, равно какъ и тѣхъ условій германской жизни, которыя толкали рабочихъ на политическую борьбу, потребность въ потребительной коопераціи была слишкомъ настоятельна именно среди рабочаго класса, ибо бюджетъ рабочаго особенно страдалъ отъ вздорожанія предметовъ потребленія. И вотъ мы видимъ, что на ряду съ потребительными обществами среднихъ классовъ начинаютъ развиваться и пролетарскія потребительныя общества.

Такъ какъ единственной общественной организаціей, объединявшей кооперативное движеніе Германіи (кромѣ райффейзеновской организаціи, охватывавшей сельскохозяйственные кооперативы), долгое время былъ основанный Шульце «Всеобщій союзъ германскихъ промышленныхъ и хозяйственныхъ товариществъ, основанныхъ на самопомощи», то вполнѣ естественно, что пролетарскія потребительныя общества развивались въ предѣлахъ именно этого союза.

И вотъ въ предѣлахъ союза Шульце, объединявшаго кооперативы мелкой буржуазіи и проникнутаго классовымъ духомъ этого общественнаго слоя, появились и начали быстро расти элементы совершенно иного общественнаго порядка.

На этой почвѣ не могла не возникнуть въ предѣлахъ союза борьба между двумя противоположными кооперативными теченіями,—борьба, отнюдь не вызванная какими-либо вліяніями со стороны (ибо соціалъ-демократія относилась съ прежнимъ равнодушіемъ или пренебреженіемъ къ пролетарскимъ кооперативамъ), но всецѣло вызванная внутренней противоположностью пролетарской и мелко-буржуазной коопераціи.

Однимъ изъ основныхъ тезисовъ кооперативной теоріи Шульце было, что кооперація должна имѣть внѣклассовый характеръ и объединять по возможности всѣ общественные классы, осуществляя, такимъ образомъ, въ предѣлахъ современнаго общества и на основахъ частной собственности и свободы предпринимательства соціальный міръ. Правда, о примиреніи классовъ много говорилъ и Оуэнъ, но для Оуэна такое примиреніе было возможно только послѣ прекращенія капиталистическаго строя и созданія новаго общественнаго міра на коммунистическихъ началахъ. Шульце же считалъ возможнымъ примиреніе классовъ въ предѣлахъ существующаго капиталистическаго міра.

Соотвѣтственно этому и союзъ, основанный Шульце, стремился объединить всѣ виды кооперативовъ, а въ предѣлахъ каждаго кооператива объединить лицъ возможно болѣе различныхъ общественныхъ классовъ. Формально это и достигалось: мы видѣли, напр., что въ «народныхъ банкахъ» Шульце членами были лица всѣхъ общественныхъ классовъ, начиная отъ крупныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ и кончая фабричными рабочими.

Но это объединеніе имѣло лишь формальный характеръ: въ каждомъ кооперативѣ, по самому существу дѣла, получали преобладаніе лица тѣхъ общественныхъ классовъ, интересамъ которыхъ эти кооперативы наиболѣе соотвѣтствовали. Такъ, въ народныхъ банкахъ рѣшительно преобладали мелкіе торговцы и промышленники (а также, въ меньшей степени, и мелкіе сельскохозяйственные предприниматели). Что касается потребительныхъ обществъ, то долгое время они также были подъ преобладающимъ вліяніемъ среднихъ классовъ.

Въ это время германскія потребительныя общества не слѣдовали рочдельскимъ принципамъ и преслѣдовали узкія цѣли удешевленія предметовъ потребленія. Въ нихъ господствовалъ такой же мелко-буржуазный духъ, какъ и въ народныхъ банкахъ. Но такъ какъ потребительскій интересъ далеко уступаетъ по своему значенію для предпринимателя интересамъ его предпріятія, то неудивительно, что потребительныя общества, хотя и составляли одно изъ звеньевъ мелко-буржуазной кооперативной системы Шульце, играли въ его союзѣ роль пасынка. И это тѣмъ болѣе, что потребительныя общества, несмотря на полное отсутствіе въ нихъ какихъ-либо широкихъ общественныхъ цѣлей, по самой своей природѣ плохо укладывались въ эту систему. Вѣдь одной изъ главныхъ, если не самой главной цѣлью всей этой системы Шульце признавалъ сохраненіе и укрѣпленіе среднихъ классовъ общества. Между тѣмъ потребительныя общества имѣютъ неизбѣжную тенденцію вытѣснять торговаго посредника, вліятельнѣйшаго представителя среднихъ общественныхъ классовъ. Торговые и промышленные предприниматели, интересамъ которыхъ служили народные банки, игравшіе господствующую роль въ союзѣ Шульце, не могли поэтому не смотрѣть косо на своего собрата по союзу, который подрывалъ основы ихъ благосостоянія.

III.

Такое положеніе таило въ себѣ зародышъ раскола. Для потребительныхъ обществъ естественной общественной средой являются фабричные рабочіе. Равнодушіе германскаго пролетаріата къ потребительнымъ обществамъ объяснялось особыми историческими условіями германскаго рабочаго движенія, сосредоточившагося на политической борьбѣ. Рано или поздно, несмотря на всѣ неблагопріятныя идеологическія вліянія лассальянства и марксизма, рабочіе должны были пойти тѣмъ путемъ, который опредѣлялся ихъ настоятельными жизненными интересами.

И вотъ мы видимъ, что, начиная съ девяностыхъ годовъ, когда отмѣна закона противъ соціалистовъ дала возможность болѣе нормальнаго и мирнаго развитія германскаго рабочаго движенія, въ Германіи начинаетъ быстро расти уже пролетарская потребительная кооперація. Она вливается въ то единственное русло, которое дала для нея германская жизнь,—въ мелко-буржуазный союзъ Шульце.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ въ союзѣ пролетарскаго элемента начинается въ предѣлахъ союза все болѣе ожесточенная борьба между руководителями союза и пролетарскими потребительными обществами. Правленіе союза опасалось рочдельскаго направленія развитія потребительной коопераціи. Оно желало бы, чтобы потребительныя общества ограничивались скромной задачей покупки нужныхъ имъ товаровъ по оптовымъ цѣнамъ и перепродажи ихъ своимъ членамъ; но оно рѣшительно не сочувствовало образованію потребительными обществами единаго для всей страны общества оптовыхъ закупокъ и возникновенію самостоятельнаго производства объединенныхъ потребителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе союза всячески препятствовало самостоятельному объединенію потребительныхъ обществъ. Послѣднія должны были, по мысли правленія, быть объединены лишь постольку, поскольку они были на ряду съ другими кооперативами членами общаго союза; при этомъ нужно имѣть въ виду, что въ союзѣ представители потребительныхъ обществъ были въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями мелко-буржуазной кредитной коопераціи.

Всѣ эти неблагопріятныя условія не помѣшали росту пролетарской коопераціи, очень быстро, несмотря на всѣ препятствія, принявшей и въ Германіи ту самую форму, которая явилась залогомъ силы англійской коопераціи.

Центромъ новаго потребительнаго движенія становятся саксонскія потребительныя общества, среди членовъ которыхъ огромнымъ преобладаніемъ пользовались фабричные рабочіе.

Пока германскія потребительныя общества были въ рукахъ мелко-буржуазныхъ элементовъ, они слабо развивались и были неспособны перейти на высшую ступень,—къ собственнымъ оптовымъ операціямъ. Къ половинѣ семидесятыхъ годовъ общее число членовъ потребительныхъ обществъ Германіи достигало лишь 90 тыс., а къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ это число возросло только до 120 тыс. Попытки создать общество оптовыхъ закупокъ оканчивались неудачей потому, что потребительныя общества боялись рисковать своимъ капиталомъ и не довѣряли собственному предпріятію.

Все это было вполнѣ естественно: потребительное общество изъ среды среднихъ классовъ неспособно ни къ какому крупному предпріятію на новыхъ началахъ, такъ какъ такое предпріятіе неизбѣжно сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. Пролетарское общество не боится риска потому, что оно преслѣдуетъ болѣе широкія цѣли, а не только свои узкія хозяйственныя выгоды.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ и особенно съ начала девяностыхъ въ Германіи начинаетъ расти пролетарская потребительная кооперація. Это сопровождается и быстрымъ ростомъ числа членовъ потребительныхъ обществъ. Къ половинѣ девяностыхъ годовъ это число достигаетъ уже 300 тысячъ, а въ настоящее время приближается къ двумъ милліонамъ. Ростъ этотъ былъ созданъ преимущественно приливомъ въ потребительныя общества пролетаріата.

Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ классоваго состава потребительныхъ обществъ стало измѣняться общее направленіе ихъ хозяйственной дѣятельности.

Уже давно потребительныя общества дѣлали попытки объединиться внѣ рамокъ союза Шульце. Союзъ относился къ такимъ попыткамъ очень враждебно,—онъ стремился объединить въ своихъ рамкахъ все кооперативное движеніе Германіи и, такимъ обра-

зомъ, подчинить своему вліянію и обезвредить, съ точки зрѣнія интересовъ среднихъ классовъ, пролетарскую кооперацію.

Всѣ попытки создать общество оптовыхъ закупокъ встрѣчали самое горячее сопротивленіе Шульце подъ предлогомъ трудной осуществимости такого предпріятія. Но истинный смыслъ сопротивленія Шульце лучше всего выраженъ былъ въ его органѣ «Blätter für Genossenschaftswesen» при обсужденіи одного подобнаго проекта. «Централизація закупокъ,—заявлялось въ этомъ органѣ,—если бы и была осуществима, можетъ быть желательна только какъ послѣдствіе соціалистическаго государства, но противорѣчитъ духу германской коопераціи».

Дѣйствительно, образованіе общества оптовыхъ закупокъ противорѣчило духу мелко-буржуазной коопераціи, выразителемъ которой былъ Шульце.

Въ концѣ-концовъ, благодаря усиліямъ главнымъ образомъ саксонскихъ пролетарскихъ потребительныхъ обществъ, общество оптовыхъ закупокъ все же возникло въ 1894 г. въ Гамбургѣ. Быстрый успѣхъ этого общества былъ лучшимъ доказательствомъ необоснованности всѣхъ опасеній, которыя высказывались правленіемъ союза Шульце, точнѣе говоря, доказательствомъ неискренности этихъ опасеній.

Дальнѣйшій ростъ пролетарской коопераціи въ предѣлахъ союза, проникнутаго мелко-буржуазнымъ духомъ, сдѣлался, въ концѣ-концовъ, невозможнымъ и привелъ къ полному разрыву. Несмотря на то, что пролетарскія потребительныя общества не находились ни въ какой связи съ соціалъ-демократической партіей, которая продолжала сохранять по отношенію къ нимъ враждебную позицію, правленіе союза навязывало этимъ потребительнымъ обществамъ соціалъ-демократическія тенденціи, что было равносильно доносу на нихъ передъ полицейскими властями.

Обвиненія такого рода высказывались правленіемъ союза совершенно офиціально. Такъ, напр., въ офиціальномъ изданіи союза «Jahrbuch des allgemeinen Verbandes» за 1902 г., въ отчетѣ секретаря союза Крюгера, встрѣчаемъ по этому поводу слѣдующія строки:

«Въ кругахъ потребительныхъ обществъ нерѣдко стараются доказать отсутствіе какой бы то ни было связи между соціалъ-демократической партіей и новѣйшими потребительными обществами.

Для чего, однако, скрывать истину? Во влiятельныхъ органахъ соцiалъ-демократiи обнаруживается полнѣйшая перемѣна взглядовъ. Именно черезъ посредство потребительныхъ обществъ соцiалъ-демократiя надѣется осуществить такъ назыв. эволюцiонистское движенiе. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, занимаются ли потребительныя общества политикой... Правленiе союза должно занять опредѣленную позицiю по отношенiю къ хозяйственному направленiю этого движенiя. Правленiе не можетъ одновременно соглашаться съ тѣми воззрѣнiями, которыя имѣютъ въ виду коренное преобразованiе хозяйственнаго строя, повсемѣстную замѣну частнохозяйственныхъ предпрiятiй кооперативами, соглашаться съ надеждами, что когда-либо вся хозяйственная жизнь сложится въ одну кооперацiю, и въ то же время указывать кредитнымъ товариществамъ, ремесленнымъ кооперативамъ и т. п. пути и способы, посредствомъ которыхъ эти кооперативы могутъ стать опорой существующаго хозяйственнаго строя. Совершенно ошибочно заключать изъ этого, что «Всеобщiй союзъ» долженъ поэтому занять отрицательное положенiе по отношенiю къ потребительнымъ обществамъ вообще. И потребительныя общества могутъ укладываться въ рамки существующаго хозяйственнаго строя и въ качествѣ таковыхъ работать рука объ руку съ другими кооперативами. Несовмѣстимы съ задачами «Всеобщаго союза» цѣли тѣхъ потребительныхъ обществъ, которыя стремятся къ преобразованiю существующаго хозяйственнаго строя».

Подобныя обвиненiя приводили къ тому, что правительственныя власти различныхъ германскихъ государствъ получили возможность ссылаться на офицiальныя заявленiя руководителей «Всеобщаго союза» въ своихъ преслѣдованiяхъ рабочихъ потребительныхъ обществъ. Такъ, саксонское правительство основывалось на заявленiяхъ Крюгера въ запискѣ, которою оно обосновывало проектъ подчиненiя потребительныхъ обществъ обычному торговому обложенiю.

Во всякомъ случаѣ, Крюгеръ былъ правъ, утверждая, что задачи союза были несовмѣстимы съ цѣлями пролетарскихъ потребительныхъ обществъ. Въ то время, какъ эти общества боролись съ торговыми посредниками и стремились вытѣснить ихъ кооперативной организацiей, союзъ стремился къ укрѣпленiю и организацiи торговаго капитала. На одномъ изъ съѣздовъ союза была

принята резолюція, приглашающая торговцевъ образовывать союзы для совмѣстной закупки нужныхъ имъ товаровъ. Иными словами, союзъ становился съ полной откровенностью на сторону торговаго капитала противъ потребительной коопераціи.

Это не могло не вызвать взрыва негодованія въ кругахъ рабочихъ потребительныхъ обществъ. Но правленіе союза нисколько не было смущено этимъ и продолжало съ еще большей рѣшительностью свою политику провоцированія потребительныхъ обществъ.

На конгрессѣ союза 1901 г. въ Баденъ-Баденѣ была принята, по предложенію правленія, слѣдующая резолюція относительно потребительныхъ обществъ:

«Задачи потребительныхъ обществъ лежатъ въ хозяйственной области: общества эти доставляютъ менѣе обезпеченнымъ классамъ населенія выгоды закупки предметовъ потребленія въ крупныхъ размѣрахъ и могутъ, если условія этому благопріятствуютъ, удовлетворять потребностямъ своихъ сочленовъ и при помощи собственнаго производства. Присоединеніе къ этому иной болѣе широкой хозяйственной дѣятельности, не связанной непосредственно съ названными задачами, является нежелательнымъ. Преслѣдованіе политическихъ цѣлей, прямо или косвенно, и поддержаніе классовыхъ или сословныхъ организацій находится въ противорѣчіи съ задачами потребительныхъ обществъ».

Большинство представителей рабочихъ потребительныхъ обществъ высказалось за эту резолюцію, такъ какъ они также были сторонниками политическаго нейтралитета потребительныхъ обществъ.

Разрывъ произошелъ на конгрессѣ въ Крейцнахѣ въ 1902 г.

Правленіе союза предложило исключить изъ союза цѣлый рядъ пролетарскихъ потребительныхъ обществъ, и предложеніе это было принято значительнымъ большинствомъ членовъ конгресса. Въ преніяхъ по этому поводу нашли себѣ яркое отраженіе принципіальныя различія мнѣній обоихъ враждебныхъ теченій германской коопераціи: пролетарскаго и мелко-буржуазнаго теченія.

Что касается этого послѣдняго, то его квалификація, какъ мелко-буржуазнаго, была принята самими его представителями. «Нѣкоторые члены,—заявилъ секретарь союза Крюгеръ,—желали бы уничтоженія существующаго, такъ назыв. капиталистическаго хозяйственнаго строя. Они называютъ шульце-деличевскую коопе-

рацію мелко-буржуазной: я принимаю это наименованіе мелко-буржуазной коопераціи и думаю, что мы можемъ испытывать только чувство гордости, если наши кооперативы называютъ мелко-буржуазными, ибо этимъ доказывается, что они служатъ интересамъ среднихъ классовъ и рабочихъ классовъ, что они желаютъ уничтожить пропасть, которая лежитъ между сильными и слабыми. Задача нашихъ товариществъ заключается въ томъ, чтобы поднять общій уровень хозяйственнаго благосостоянія».

Въ своей рѣчи Крюгеръ заявилъ, что въ союзѣ не мѣсто тѣмъ кооперативамъ, которые стремятся къ уничтоженію торговли и ремесла, стремятся къ развитію коопераціи не ради непосредственныхъ выгодъ ея участниковъ, а для «созданія новой хозяйственной системы».

Что касается Крюгера, то онъ не только не считалъ желательнымъ вытѣсненіе потребительными обществами торговыхъ посредниковъ, но, наоборотъ, хотѣлъ бы укрѣпленія торговцевъ при помощи той самой организаціи, которую выдвинула кооперація посредствомъ объединенія торговцевъ въ общества совмѣстной закупки. «Слѣдуетъ, наконецъ, всѣмъ признать, что кооперативная организація есть новая форма торговаго предпріятія, пригодная какъ для потребителей, такъ и для торговцевъ. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ теперь между торговцами стремленіе создавать союзы на кооперативной основѣ. Если эти круги желаютъ извлекать всѣ доступныя имъ выгоды изъ кооперативной организаціи, то справедливо было бы, чтобы среди нихъ прекратилась всякая агитація противъ той коопераціи, которая считаетъ себя самоцѣлью. Напротивъ, если они агитируютъ противъ тѣхъ потребительныхъ обществъ, которыя заявляютъ: наша цѣль заключается въ уничтоженіи торговли, то такая агитація естественна и неизбѣжна».

Крюгеръ былъ безусловно правъ, когда настаивалъ на томъ, что въ предѣлахъ союза нельзя было совмѣстить два совершенно противоположныхъ кооперативныхъ теченія, изъ которыхъ одно стремится къ поддержанію и укрѣпленію среднихъ классовъ общества, а другое направлено къ уничтоженію послѣднихъ.

Противоположное направленіе германской коопераціи было представлено на конгрессѣ Рингомъ, Пеусомъ, Эльмомъ и др. Рингъ указалъ, что Шульце-Деличъ не различалъ рабочихъ отъ ремесленниковъ и что онъ не понималъ сущности рабочаго вопроса. Устра-

неніе торговаго посредника неизбѣжно связано съ самымъ фактомъ существованія потребительныхъ обществъ, и потому всякій сторонникъ потребительныхъ кооперативовъ является тѣмъ самымъ врагомъ торговаго посредничества. То направленіе кооперативнаго движенія, съ которымъ борется правленіе союза, соотвѣтствуетъ ходу экономическаго развитія, и въ этомъ его сила. «Мы, представители такъ назыв. современнаго направленія,—сказалъ Эльмъ,—стремимся къ тому же, къ чему стремятся и столь несовременные англичане, которыхъ раньше такъ расхваливалъ Крюгеръ и стремленія которыхъ всегда одобрялись имъ, пока они не получили распространенія въ Германіи; но какъ только оказалось, что въ Германіи дѣлаются попытки направить развитіе потребительныхъ обществъ по тому же руслу, какъ и въ Англіи, Крюгеръ выступилъ противъ насъ и старался помѣшать намъ дѣлать то же, что давно сдѣлали въ Англіи. Это—фактъ, который не подлежитъ оспариванію».

Споръ этотъ закончился исключеніемъ изъ «Всеобщаго союза» пролетарскихъ потребительныхъ обществъ. Хотя представители этихъ послѣднихъ сдѣлали все возможное, чтобы остаться въ предѣлахъ союза, будущее показало, что противники ихъ были совершенно правы, настаивая на ихъ уходѣ. Дѣйствительно, совмѣстное пребываніе въ одной организаціи представителей двухъ совершенно противоположныхъ общественныхъ теченій было невозможно, и расколъ былъ въ интересахъ обѣихъ сторонъ.

ГЛАВА II.

Мелкобуржуазная кредитная кооперація.

I. — Характеристика „народнаго банка“ Шульце. II. — Развитіе „народныхъ банковъ“. III.—Возникновеніе въ Россіи ссудосберегательныхъ товариществъ. IV.—Мелкобуржуазная кредитная кооперація въ Россіи.

I.

Кредитная кооперація обслуживаетъ нужды тѣхъ общественныхъ классовъ, которые ведутъ самостоятельное хозяйство. Пролетаріатъ не испытываетъ существенной нужды въ кредитныхъ кооперативахъ, такъ какъ наемный рабочій не ведетъ самостоятельнаго хозяйства. Поэтому кредитная кооперація существуетъ преимущественно въ двухъ формахъ—крестьянской и мелко-буржуазной кооперацін.

Мелко-буржуазная кредитная кооперація получила наибольшее развитіе въ Германіи, и на примѣрѣ этой страны можно съ наибольшей отчетливостью наблюдать естественныя тенденціи развитія этого рода кооперацін. Въ кооперативной теоріи Шульце кредитная кооперація играла самую скромную роль. Но въ дѣйствительной жизни кредитная кооперація, въ формѣ ссудо-сберегательнаго товарищества, явилась, какъ сказано, главнымъ содержаніемъ всего кооперативнаго движенія, созданнаго Шульце.

Что же такое представляютъ собой, по своей внутренней природѣ, ссудо-сберегательныя товарищества Шульце? Какимъ реальнымъ цѣлямъ они служатъ?

Характернѣйшимъ признакомъ кооператива нужно считать некапиталистическую цѣль данной организаціи. Въ то время, какъ капиталистическія предпріятія стремятся къ полученію наибольшей прибыли на затраченный капиталъ, кооперативныя предпріятія имѣютъ своею цѣлью либо увеличеніе трудовыхъ доходовъ

своихъ членовъ, либо сокращеніе расходовъ послѣднихъ на ихъ потребительныя нужды. Крестьянскія кредитныя товарищества райффейзеновскаго типа являются несомнѣнными кооперативами, такъ какъ капиталистическихъ цѣлей они не преслѣдують и преслѣдовать не могуть, ибо они почти не имѣють или совсѣмъ не имѣють паевого капитала. Задача ихъ сводится къ доставленію членамъ товарищества кредита на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ, т.-е. по возможно болѣе низкому проценту. Никакихъ капиталистическихъ доходовъ они давать не могутъ.

Иное нужно сказать о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ Шульце. По самой своей природѣ они имѣють двойственный характеръ. Правда, они преслѣдують и тѣ цѣли, которыя ставятъ себѣ кредитныя товарищества райффейзеновскаго типа: они стремятся къ доставленію своимъ сочленамъ наиболѣе дешеваго кредита. Но къ этой цѣли кредитныя организаціи, созданныя Шульце, прибавляютъ и другую, совершенно противоположную—обезпечить своимъ пайщикамъ возможно большій дивидендъ на пайщицкій капиталъ.

Поскольку организаціи этого рода стоятъ на почвѣ первой задачи, они являются кооперативами; поскольку же они преслѣдують цѣли второго рода, они ничего общаго съ коопераціей не имѣютъ и должны быть причислены къ организаціямъ капиталистическимъ.

Эта двойственность цѣлей знаменуеть собой двойственность и внутренней природы кредитныхъ организацій Шульце. Въ составъ шульцевскаго «народнаго банка» входятъ члены съ существенно различными хозяйственными интересами—одни ищутъ наиболѣе выгоднаго помѣщенія своего капитала, другіе—дешеваго кредита. И это вполнѣ наглядно сказывается въ томъ, что значительная часть членовъ «народныхъ банковъ» совсѣмъ не пользуется въ нихъ кредитомъ; такъ, напримѣръ, въ 1908 г. изъ 627.192 членовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ пользовалось въ этомъ году кредитомъ только 375.557. Въ чемъ же заключается смыслъ участія въ «народныхъ банкахъ» тѣхъ членовъ, которые не прибѣгаютъ къ его услугамъ, какъ учрежденія кредита? Въ томъ, что «народный банкъ» даетъ имъ возможность выгодно помѣщать ихъ капиталы совершенно такъ же, какъ акціонерная компанія имѣетъ значеніе для акціонеровъ, какъ мѣсто помѣщенія капиталовъ.

По поводу «погони за дивидендомъ» шульцевскихъ кредитныхъ организацій велась долголѣтняя полемика между Шульце и Райффейзеномъ, упрекавшимъ Шульце, что его товарищества преслѣдуютъ капиталистическія цѣли. И, конечно, въ этомъ спорѣ былъ правъ Райффейзенъ.

Правда, самъ по себѣ принципъ паевого капитала не противорѣчитъ сущности кооперацiи. Почти всѣ кооперативы, кромѣ райффейзеновскихъ кредитныхъ товариществъ, имѣютъ паевой капиталъ. Однако, между паевымъ капиталомъ шульцевскаго кредитнаго товарищества и паевымъ капиталомъ другихъ кооперативовъ имѣется существенное различіе.

Паевой капиталъ въ другихъ кооперативахъ появляется вслѣдствіе невозможности для этихъ кооперативовъ привлечь въ свое предпріятіе необходимый для функціонированія послѣдняго капиталъ иначе, какъ въ формѣ паевого капитала. Но паевой капиталъ этихъ кооперативовъ не имѣетъ ничего общаго съ паевымъ капиталомъ капиталистическихъ предпріятій.

Въ капиталистическихъ предпріятіяхъ весь чистый доходъ предпріятія разверстывается пайщиками пропорціонально паямъ каждаго. Напротивъ, пайщики кооператива получаютъ лишь опредѣленный (по возможности. болѣе низкій) процентъ на свой капиталъ; чистый же доходъ предпріятія разверстывается не пропорціонально паямъ, а пропорціонально тому участію, которое каждый членъ принимаетъ въ оборотахъ кооператива—въ потребительныхъ обществахъ остатокъ за покрытіемъ всѣхъ расходовъ разверстывается между покупателями пропорціонально закупкамъ каждаго, въ кооперативахъ по сбыту—пропорціонально поставленному каждымъ товару и т. д.

Такимъ образомъ, пайщицкій капиталъ кооператива аналогиченъ той долѣ капитала капиталистическаго предпріятія, которая получена предпріятіемъ въ кредитъ. Если взять акціонерную компанію то пайщицкій капиталъ кооператива аналогиченъ не акціонерному. а облигаціонному капиталу.

Напротивъ, въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ Шульце паевой капиталъ вполнѣ аналогиченъ паевому капиталу капиталистическаго предпріятія: на паевой капиталъ начисляется не опредѣленный, возможно болѣе низкій процентъ, но дивидендъ, величина котораго измѣняется въ зависимости отъ чистаго дохода

товарищества. Дивидендъ ссудо-сберегательнаго товарищества принципіально ничѣмъ не отличается отъ дивиденда акціонерной компаніи и, значитъ, паевой капиталъ «народнаго банка» Шульце аналогиченъ не облигаціонному, а акціонерному капиталу акціонерной компаніи.

Чтобы быть, дѣйствительно, кооперативомъ, ссудо-сберегательное товарищество должно было бы распредѣлять свой чистый доходъ не пропорціонально паямъ, а пропорціонально тому, въ какой мѣрѣ члены товарищества содѣйствовали его оборотамъ, пользовались его услугами—пропорціонально количеству полученнаго каждымъ кредита. Это было бы кооперативнымъ распредѣленіемъ чистаго дохода, между тѣмъ, какъ то распредѣленіе, которое практикуется «народными банками», характерно для капиталистическихъ, а не кооперативныхъ предпріятій.

Итакъ, уже основные принципы устройства ссудо-сберегательнаго товарищества сближаютъ его съ капиталистическимъ предпріятіемъ. Неудивительно, что ссудный процентъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ Шульце стоитъ, сравнительно, на высокомъ уровнѣ.

Вначалѣ, пока эти товарищества не накопили своего собственнаго значительнаго капитала, ссудный процентъ былъ даже очень высокъ. Такъ, по сообщенію самого Шульце, его «народные банки» вначалѣ взимали обычно $14^1/_3$ годовыхъ $^0/_0$ со своихъ кліентовъ, при чемъ этотъ огромный процентъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: $5^0/_0$ шли на уплату процентовъ по капиталамъ, помѣщаемымъ въ товариществѣ лицами, ему посторонними, $3^0/_0$ шли на покрытіе расходовъ по управленію товариществомъ, остальное же шло на дивидендъ пайщикамъ, что могло составить очень крупный дивидендъ, принимая во вниманіе, что пайщицкій капиталъ былъ значительно ниже чужихъ капиталовъ, которыми работало товарищество.

Правда, съ теченіемъ времени ссудный процентъ въ шульцевскихъ товариществахъ былъ значительно пониженъ—въ шестидесятыхъ годахъ онъ спустился до 8, а теперь обычно колеблется между 5 и 7. Но нужно имѣть въ виду, что ссудо-сберегательныя товарищества Шульце являются очень хорошо организованными кредитными учрежденіями. Кредитуя изъ 5—7 процентовъ, «народные банки» имѣютъ возможность попрежнему выдавать внуши-

тельные дивиденды своимъ пайщикамъ. Большинство товариществъ выдаетъ дивидендъ въ размѣрѣ 5—8% паевого капитала, но нѣкоторыя выдаютъ дивидендъ въ размѣрѣ 10, 12% и даже выше.

Точно такъ же и служба членовъ правленія шульцевскихъ «народныхъ банковъ» оплачивается по обычной капиталистической расцѣнкѣ, что является разительнымъ контрастомъ съ дѣйствительно кооперативной организаціей райффейзеновскихъ товариществъ; въ которыхъ трудъ членовъ правленія и совѣта принципіально совсѣмъ не оплачивается.

Пойдемъ дальше. Истинный кооперативъ ведетъ свои операціи со своими членами, а не съ посторонними лицами. Такъ, въ райффейзеновскомъ товариществѣ кредитъ получаютъ только члены. Напротивъ, шульцевскіе «народные банки» съ самаго своего возникновенія вели значительныя операціи съ лицами, не принадлежавшими къ составу членовъ. Операціи съ не-членами привели много народныхъ банковъ къ крушенію, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, благодаря финансированію дутыхъ предпріятій, отъ чего страдаютъ и обыкновенные банки.

Въ 70-е годы погибло немало болѣе крупныхъ и богатыхъ народныхъ банковъ, ближе всего подходившихъ по своимъ операціямъ къ обычнымъ банкамъ, какъ, наприм., народные банки въ Дрезденѣ (въ 1873 г.), въ Дюссельдорфѣ (въ 1875 г.), въ Штутгартѣ (въ 1885 г.); въ Россвейнѣ, Лейбусѣ и многихъ другихъ городахъ. Особенное значеніе имѣло крушеніе Дюссельдорфскаго ссудо-сберегательнаго товарищества, которое Цейдлеръ, авторъ извѣстной исторіи германской коопераціи, называетъ «величайшимъ несчастіемъ, которое когда-либо постигало германскую кооперацію». И, дѣйствительно, въ результатѣ этого крушенія 22 народныхъ банка рейнскихъ провинцій ликвидировало свои дѣла въ качествѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и приняло форму акціонерныхъ банковъ.

И по размѣрамъ паевъ кредитныя организаціи Шульце не очень далеко отстоятъ отъ небольшихъ капиталистическихъ банковъ. При этомъ замѣчается, что съ теченіемъ времени сумма паевого капитала, приходящаюся на одного пайщика, быстро возрастаетъ. Такъ, напримѣръ, въ 1903 г. въ товариществахъ, входившихъ въ составъ «Всеобщаго союза» Шульце, на одного члена приходилось 276 мар. паевого собственнаго капитала, въ 1908 г. уже 336 мар.

Кооперативъ предполагаетъ дѣятельное участіе членовъ въ управленіи дѣломъ. Напротивъ, въ народныхъ банкахъ Шульце большинство членовъ такъ же индифферентно относится къ общему дѣлу, какъ и большинство акціонеровъ въ акціонерномъ предпріятіи. Общія собранія бываютъ, какъ общее правило, только разъ въ годъ, при чемъ и это годовое собраніе посѣщается очень плохо, на что обычно жалуются правленія. Мало этого—большое число членовъ народныхъ банковъ (среднее число членовъ на одинъ такой банкъ достигало въ 1912 г. 661, а во многихъ банкахъ число членовъ достигаетъ нѣсколько тысячъ) приводитъ къ тому, что общее собраніе членовъ замѣняется собраніемъ уполномоченныхъ. При такомъ порядкѣ связь между рядовымъ членомъ и общимъ предпріятіемъ еще ослабѣваетъ и отъ «кооперативнаго духа» не остается почти ничего. Всѣмъ фактически управляетъ небольшая группа руководителей, совершенно такъ же, какъ и въ обычныхъ капиталистическихъ товариществахъ.

Точно такъ же и операціи народныхъ банковъ очень мало отличаются отъ обычныхъ банковыхъ операцій. Главнѣйшей активной операціей ихъ является контокоррентный кредитъ и учетъ векселей. Ссуды подъ долговыя расписки членовъ практикуются въ ничтожныхъ размѣрахъ; ссуды подъ векселя болѣе распространены, но все же уступаютъ чисто-капиталистическимъ формамъ кредита. При самомъ возникновеніи народныхъ банковъ преобладали некапиталистическія формы кредита, теперь же замѣчается обратное:

	Открытый народными банками кредитъ. 1880 г.	1912 г.
	въ милліонахъ марокъ.	
Подъ векселя	550,3	1.103,2
Подъ долговыя расписки . .	100,5	225,9
Учетъ векселей	299,2	1.268,1
Ипотечный кредитъ	9,0	158,9
Контокоррентный кредитъ . .	488,4	2.286,6
Итого . . .	1.447,2	4.984,8

Учетъ векселей и контокоррентный кредитъ является важнѣйшей кредитной операціей капиталистическихъ коммерческихъ банковъ. Поскольку народные банки являются организаціями некапиталистическаго кредита, для нихъ характеренъ преимущественно

кредитъ подъ долговыя расписки. И мы видимъ, какое ничтожное значеніе имѣетъ эта операція въ балансахъ народныхъ банковъ; въ 1880 г. она составляла всего 0,7% всѣхъ кредитныхъ операцій этихъ банковъ, а съ 1912 г.—даже менѣе 0,5%. Напротивъ, учетъ векселей и контокоррентъ составляли въ 1880 г. 55% всѣхъ операцій, а въ 1912 г.—уже свыше 70%.

Что касается до величины открываемаго народными банками кредита, то объ этомъ даютъ представленіе нижеслѣдующія данныя.

Высшіе размѣры кредита на 1 лицо:

		Высшій кредитъ.	
Въ 40 народныхъ банкахъ Берлина и окружающихъ мѣстностей.	1 банкъ . . .	500.000	мар. и выше.
	5 банковъ . .	200.000	„ „
	7 банковъ . .	100.000	„ „
	4 банка . . .	50.000	„ „
	9 банковъ . .	20.000	„ „
	[illegible] „ . .	10.000	„ „
	6 „ . . ниже	10.000	„ „
Въ 63 банкахъ средняго Рейна	1 банкъ . . .	300.000	мар. и выше.
	2 банка . . .	200.000	„ „
	8 банковъ . .	100.000	„ „
	8 „ . .	50.000	„ „
	18 „ . .	20.000	„ „
	14 „ . .	10.000	„ „
	12 „ . . ниже	10.000	„ „

Не говоря уже о кредитѣ въ 500.000 или 400.000 и 300.000 м. на одно лицо, даже кредитъ въ 10.000 мар. на одно лицо не можетъ считаться мелкимъ кредитомъ. Но, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, почти всѣ народные банки практикуютъ кредитъ свыше 10.000 мар. на одно лицо—иными словами, почти всѣ шульцевскія ссудо-сберегательныя товарищества являются учрежденіями не только мелкаго кредита.

Въ то время, какъ кредитныя товарищества райффейзеновскаго типа неизбѣжно требуютъ для своего успѣха центральныхъ учрежденій, объединяющихъ въ себѣ обширныя группы этихъ товариществъ, шульцевскіе народные банки только въ очень ограниченной степени испытываютъ потребность въ такомъ объединеніи. Правда, въ первое время, пока они были слабы и съ трудомъ находили поддержку у обычныхъ банковъ, потребность въ созданіи объединяющаго центра все же чувствовалась ими и по-

вела къ созданію въ 1865 г. «Нѣмецкаго кооперативнаго банка Зергеля, Паризіуса и К-о», который являлся коммандитнымъ товариществомъ на акціяхъ. Акціонерный капиталъ этого банка первоначально выражался очень скромной цифрой въ 270.000 талеровъ, но постепенно, по мѣрѣ развитія народныхъ банковъ, возросталъ и, въ концѣ-концовъ, былъ доведенъ до 36 милл. мар.

Однако, несмотря на свое названіе, банкъ этотъ далеко не былъ всецѣло созданіемъ народныхъ банковъ: съ самаго начала послѣдніе владѣли лишь двумя третями его акцій, а, по мѣрѣ увеличенія его оборотовъ, доля капитала, принадлежавшая шульцевскимъ товариществамъ, значительно сократилась. Товарищества эти обнаруживали, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше интереса къ ихъ общему банку, и послѣдній сталъ все болѣе и болѣе принимать характеръ обычнаго акціонернаго банка. Это повело къ тому, что «Нѣмецкій кооперативный банкъ» безнадежно запутался въ разныхъ рискованныхъ спекуляціяхъ и, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ ликвидировать свои операціи въ связи съ кризисомъ, вызваннымъ крушеніемъ Лейпцигскаго банка въ 1900 г.

Дальнѣйшая судьба этого банка была весьма своеобразна. Ликвидаціей его дѣлъ занялся «Дрезденскій коммерческій банкъ» и «Нѣмецкій кооперативный банкъ» пересталъ существовать, какъ самостоятельное банковское учрежденіе. Функціи центральнаго учрежденія, объединяющаго шульцевскіе народные банки, сталъ исполнять «Дрезденскій коммерческій банкъ», который для этой цѣли открылъ въ своихъ филіальныхъ отдѣленіяхъ особые кооперативные отдѣлы.

Дрезденскій банкъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ капиталистическихъ банковъ Германіи. Взявши на себя задачу обслуживать нужды шульцевскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, онъ ввелъ въ составъ своихъ органовъ управленія многихъ выдающихся дѣятелей шульцевскихъ организацій, въ томъ числѣ и предсѣдателя «Всеобщаго союза» Крюгера. Неожиданное поглощеніе «Нѣмецкаго кооперативнаго банка» обычнымъ капиталистическимъ не вызвало, повидимому, никакого неудовольствія среди руководителей шульцевскихъ организацій, и эти послѣдніе вполнѣ примирились съ создавшимся новымъ положеніемъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время положеніе шульцевскихъ кредитныхъ учрежденій таково: сами себя они признаютъ коопе-

ративами и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, дѣйствительно, приближаются къ таковымъ. Но во главѣ всѣхъ этихъ «кооперативовъ» стоитъ объединяющій ихъ уже вполнѣ капиталистическій и ничего общаго съ кооперацiей не имѣющій Дрезденскій банкъ, принадлежащій къ типу капиталистическихъ банковыхъ колоссовъ.

Впрочемъ, Дрезденскій банкъ большой роли въ дѣятельности народныхъ банковъ не играетъ, потому что банки эти вообще не испытываютъ значительной потребности въ объединяющемъ центрѣ. Большинство изъ нихъ стоитъ настолько прочно, что легко получаетъ нужный кредитъ изъ любого банка, подобно всякому другому солидному кредитному учрежденію. Отчасти же тутъ дѣйствовала и дѣйствуетъ и иная причина: и самъ Шульце и его преемники по руководительству «Всеобщимъ Союзомъ» всегда относились съ извѣстнымъ опасеніемъ къ тѣсному хозяйственному объединенію отдѣльныхъ народныхъ банковъ, опасаясь, чтобы такое объединеніе не привело къ ослабленію самостоятельности этихъ послѣднихъ. Въ данномъ случаѣ Шульце стоялъ вполнѣ послѣдовательно на почвѣ экономическаго либерализма, идеологіей котораго онъ былъ всегда проникнутъ.

II.

Обратимся теперь къ цифровымъ даннымъ относительно развитія народныхъ банковъ:

Годы.	Число народныхъ банковъ.	Число членовъ въ нихъ.
1859 [1]	80	18.676
1865	498	165 595
1870	740	314.656
1875	815	418.251
1880	906	460.656
1885	896	458.080
1890	1.072	518.003
1896	1.068	525.748
1900	870	511.061
1905	921	539.993
1912	957	632.480

[1]) Годъ основанія „Всеобщаго Союза“.

Мы видимъ, что въ шестидесятыхъ годахъ число шульцевскихъ кредитныхъ организацій быстро растетъ, равно какъ и число членовъ въ нихъ. Ростъ этотъ продолжается, хотя и нѣсколько замедленнымъ темпомъ, вплоть до начала девяностыхъ годовъ. За десятилѣтіе девяностыхъ годовъ наблюдается паденіе и числа народныхъ банковъ, и количества членовъ въ нихъ. Затѣмъ возобновляется ростъ того и другого, но очень незначительный: въ 1912 г. число народныхъ банковъ оказывается низшимъ, чѣмъ въ 1890 г.

Отсюда ясно, что народные банки Шульце, въ противоположность райффейзеновскимъ кредитнымъ товариществамъ, уже пережили періодъ своего наибольшаго расцвѣта, который приходится на семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія. Теперь народные банки утрачиваютъ свое былое значеніе, въ особенности, если мы будемъ сравнивать развитіе ихъ съ ростомъ другихъ кооперативныхъ организацій.

Чѣмъ же вызванъ этотъ относительный, а отчасти и абсолютный упадокъ народныхъ банковъ?

Отвѣтъ звучитъ нѣсколько парадоксально: упадокъ народныхъ банковъ вызванъ ихъ выдающейся хозяйственной успѣшностью. Именно потому, что народные банки оказались вполнѣ жизнеспособными хозяйственными организаціями, они и стали сокращаться въ своей численности. Сокращеніе численности ихъ есть результатъ не плохого, а хорошаго веденія дѣлъ: народные банки сходятъ со сцены не путемъ ликвидаціи ихъ, какъ неудачныхъ хозяйственныхъ предпріятій, а путемъ превращенія ихъ въ высшую для нихъ форму—акціонерныхъ капиталистическихъ банковъ.

Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи этихъ банковъ является 1890 годъ. Что же произошло въ этомъ году? Въ 1889 г. былъ изданъ въ Германіи новый кооперативный законъ, запретившій кооперативнымъ организаціямъ операціи съ нечленами. Эта статья новаго закона дала сильный толчокъ къ развитію большинства германскихъ кооперативовъ: запрещеніе операцій съ нечленами побудило этихъ нечленовъ войти въ составъ кооперативовъ. Совершенно иначе отозвалась она на народныхъ банкахъ. Такъ какъ народные банки имѣли и имѣютъ мало общаго съ кооперативами, то операціи съ нечленами имѣли для нихъ жизненное значеніе, и притомъ съ такими нечленами, которые ни въ какомъ случаѣ не

вошли бы въ составъ членовъ народнаго банка, принадлежа къ классу крупныхъ капиталистовъ и отнюдь не нуждаясь въ услугахъ этого рода организацій. Капиталистическіе кліенты народныхъ банковъ относились къ народному банку такъ же, какъ и ко всякому другому банку, и могли найти кредитъ въ другихъ банкахъ, если народный банкъ отказывалъ имъ въ кредитѣ.

Поэтому послѣ изданія новаго кооперативнаго закона многіе изъ народныхъ банковъ предпочли отказаться отъ кооперативной формы для того, чтобы сохранить свою истинную сущность учрежденій обычнаго капиталистическаго кредита.

Впрочемъ, не нужно и преувеличивать значеніе закона 1889 г.: превращеніе народныхъ банковъ въ акціонерные было только ускорено новымъ закономъ, но болѣе глубокія причины этого процесса были заложены въ самой сущности кредитной организаціи, созданной Шульце. Своеобразный ходъ развитія народныхъ банковъ отъ кооператива къ капиталистическому предпріятію былъ неизбѣженъ, какъ доказалъ Рихардъ Финкъ, авторъ превосходной монографіи «Das Schulze-Delitzsch'sche Genossenschaftswesen» (1909).

Совершенно такъ же, какъ Финкъ, характеризуютъ этотъ процессъ и другіе изслѣдователи: «Благодаря развитію операцій съ векселями, шульце-деличевскія кредитныя товарищества,—говоритъ, напр. Герцъ, въ своей работѣ о банкахъ въ Пфальцѣ,—достигли въ Пфальцѣ того, что они стали выполнять всѣ функціи обычнаго банка. Неудивительно, что нѣкоторыя изъ этихъ товариществъ, сильно выросшія благодаря успѣхамъ въ Пфальцѣ торговли и промышленности, перешли подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а болѣе подъ вліяніемъ стремленія къ полному обнаруженію своихъ внутреннихъ силъ, къ болѣе свободной формѣ акціонерныхъ товариществъ. Когда именно совершался этотъ переходъ, это зависѣло существеннымъ образомъ отъ отношенія къ данному вопросу руководителей народныхъ банковъ. Различныя товарищества указывали различныя основанія для такого перехода. Промышленный банкъ въ Шпейерѣ и народный банкъ въ Ландау выставляли, какъ такое основаніе, введенное новымъ закономъ ограниченіе круга кліентовъ банка только членами, Людвигсгафенскій народный банкъ (впослѣдствіи Пфальцскій банкъ) указывалъ на желаніе отказаться отъ неограниченной отвѣтственности. Но дѣйствительное, частью высказываемое, частью не выска-

зываемое основаніе для такихъ превращеній заключалось въ расширеніи операцій этихъ кредитныхъ учрежденій».

Совершенно такой же характеръ имѣлъ ходъ развитія шульцевской кредитной коопераціи и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи. Такъ, Шрейберъ, авторъ работы о саксонскихъ банкахъ, сообщаетъ слѣдующее:

«Изъ 33 мѣстныхъ акціонерныхъ банковъ, имѣвшихся въ Саксоніи въ 1892 г., только 6 возникли самостоятельно, всѣ же остальные развились изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, путемъ превращенія ихъ въ акціонерныя общества. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Саксоніи возникла усиленная агитація въ пользу законодательнаго разрѣшенія товариществамъ переходить къ ограниченной отвѣтственности. Такъ какъ изданіе соотвѣтствующаго закона замедлилось, а руководители германской коопераціи не обнаруживали сочувствія такому измѣненію закона, то съ половины восьмидесятыхъ годовъ начались въ большомъ числѣ переходы товариществъ въ акціонерныя компаніи. Однако, страхъ передъ неограниченной отвѣтственностью былъ только внѣшнимъ предлогомъ для такихъ переходовъ, внутренняя же причина послѣднихъ заключалась въ развитіи самихъ товариществъ. Хорошо руководимыя товарищества въ сущности переросли рамки товарищеской формы; они приняли характеръ настоящихъ банковъ и въ то же время уже давно вели операціи не только со своими членами. Начало къ этимъ переходамъ положилъ въ 1886 г. Лейзницкій банкъ; въ слѣдующемъ году послѣдовали переходы крупныхъ банковъ въ Пирнѣ и Фрейбергѣ. Послѣдній толчокъ былъ данъ новымъ кооперативнымъ закономъ 1889 г. Правда, законъ этотъ разрѣшилъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ переходить къ ограниченной отвѣтственности, но при такихъ ограничительныхъ условіяхъ, которыя были непріемлемы для товариществъ, принявшихъ характеръ настоящихъ банковъ. За время 1889—91 гг. не менѣе 19 товариществъ приняли форму акціонерныхъ компаній, въ томъ числѣ изъ болѣе крупныхъ банковъ теперешній Лебаусскій, Цвикаусскій, Фогтлэндскій и др. банки».

Какъ велика тяга ссудо-сберегательныхъ товариществъ къ акціонерной формѣ, видно изъ того, что за время 1889—1905 гг. не менѣе 161 шульцевскихъ народныхъ банковъ превратилось въ обычные акціонерные банки.

Мало-по-малу различіе между «народнымъ банкомъ» и капиталистическимъ банкомъ дѣлается все менѣе и менѣе чувствительнымъ. Это сказалось и въ томъ, что «Всеобщій союзъ» шульцевскихъ кооперативовъ постепенно сталъ включать въ себя и акціонерные банки. Уже въ 1874 г., по предложенію самого Шульце, Бременскій съѣздъ союза постановилъ, что въ союзѣ могутъ оставаться тѣ товарищества, которыя приняли акціонерную форму. На Кольбергскомъ съѣздѣ прошло постановленіе еще болѣе важнаго принципіальнаго значенія, а именно было постановлено, что въ союзъ могутъ вступать и тѣ акціонерные банки, которые никогда не были ссудо-сберегательными товариществами. Согласно новому уставу союза, принятому въ 1891 г., въ союзѣ могутъ принимать участіе акціонерныя общества, но лишь съ особаго согласія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, общаго съѣзда. Правда, число акціонерныхъ обществъ, принимающихъ участіе въ союзѣ, невелико—немногимъ болѣе десятка,—но съ принципіальной стороны участіе это имѣетъ большое значеніе: оно воочію обнаруживаетъ, что шульцевскіе кооперативы чувствуютъ себя внутренне близкими къ капиталистическимъ товариществамъ—гораздо болѣе близкими, чѣмъ къ пролетарскимъ кооперативамъ, которые, какъ извѣстно, были противъ своего желанія исключены изъ союза въ 1902 г.

Выше было указано, что шульцевская мелко-буржуазная кооперація пережила періодъ своего наибольшаго расцвѣта въ семидесятые—восьмидесятые годы прошлаго вѣка. Дѣйствительно, именно въ это время народные банки пользовались наибольшимъ вліяніемъ въ германскомъ кооперативномъ движеніи: городская кооперація вмѣщалась почти цѣликомъ въ рамки основаннаго Шульце «Всеобщаго союза». Затѣмъ положеніе начинаетъ измѣняться: рядомъ съ мощной деревенской коопераціей, которая вела свое начало отъ Райффейзена и никогда не сливалась съ мелко-буржуазной коопераціей Шульце, начинаетъ дѣлать быстрые успѣхи и пролетарская кооперація. Что же касается народныхъ банковъ, то эти организаціи начинаютъ сокращаться въ числѣ, благодаря превращенію значительной части ихъ въ акціонерные банки, новые же народные банки почти перестаютъ возникать послѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Однако, этотъ застой шульцевской кредитной коопераціи не

нужно понимать въ томъ смыслѣ, что народные банки пріостановили развитіе своихъ операцій. Наоборотъ, прекращеніе роста ихъ численности сопровождалось чрезвычайнымъ расширеніемъ ихъ операцій и вообще улучшеніемъ хозяйственной постановки всего дѣла. Именно, послѣ девяностыхъ годовъ многія изъ этихъ товариществъ дорастаютъ до уровня настоящаго благоустроеннаго капиталистическаго банка.

Современное хозяйственное положеніе шульцевскихъ товариществъ въ полномъ смыслѣ слова блестяще, и по своей хозяйственной силѣ они далеко оставляютъ позади себя истинную кредитную кооперацію, которая въ Германіи представлена райффейзеновскими товариществами.

Годы.	Товарищества Всеобщаго Союза Шульце. Открытые кредиты въ среднемъ на 1 товарищество. Въ тысячахъ марокъ.	Товарищества Всеобщаго Союза Шульце. Собственные капиталы въ среднемъ на 1 товарищество. Въ тысячахъ марокъ.	Годы.	Товарищества имперскаго союза (крестьянскіе). Оборотъ въ среднемъ на 1 товарищество. Въ тысячахъ марокъ.	Товарищества имперскаго союза (крестьянскіе). Собственные капиталы въ среднемъ на 1 товарищество. Въ тысячахъ марокъ.
1890	1.531	135,7	1892	189	7,5
1900	2.617	204,8	1900	171	4,8
1912	5.230	344,1	1911	418	6,7

Съ 1890 г. собственный капиталъ шульцевскаго товарищества возросъ, въ среднемъ, болѣе, чѣмъ въ два съ половиной раза, а сумма открываемаго такимъ товариществомъ кредита возросла въ три съ половиной раза. Напротивъ, райффейзеновскій кредитный кооперативъ, хотя и развилъ свои обороты, въ среднемъ, болѣе, чѣмъ въ два раза, не только не увеличилъ своихъ капиталовъ, но сталъ еще бѣднѣе капиталомъ, благодаря тому, что новые кооперативы этого типа, быстро возросшіе въ своемъ числѣ, не имѣли времени скопить капиталы.

Въ то время, какъ райффейзеновскія товарищества кредиту-

ютъ только въ ничтожной мѣрѣ своимъ собственнымъ капиталомъ, а почти исключительно чужимъ, шульцевскіе народные банки имѣютъ столько собственнаго капитала, что почти на одну треть кредитуютъ своимъ собственнымъ капиталомъ.

Ростъ оборотовъ шульцевскаго товарищества при отсутствіи соотвѣтствующаго роста числа членовъ является, по справедливому указанію Финка, лучшимъ доказательствомъ, что товарищество это все болѣе принимаетъ капиталистическій характеръ. Одновременно съ этимъ вся шульцевская кооперація все болѣе и болѣе утрачиваетъ связь съ кооперативнымъ движеніемъ Германіи.

«Всеобщій союзъ», основанный Шульце, ведетъ въ настоящее время борьбу на два фронта. Съ одной стороны, онъ сохраняетъ свою прежнюю враждебность къ пролетарской коопераціи, зародившейся въ нѣдрахъ самого союза и исключенной изъ него въ 1902 г., съ другой стороны, союзъ относится рѣзко отрицательно и къ государственному вмѣшательству въ кооперацію, которое нашло себѣ выраженіе въ дѣятельности «Прусской центральной кассы», основанной въ 1895 г.

Отъ дѣятельности «Прусской кассы» руководители «Всеобщаго союза» не ожидали ничего хорошаго для германской коопераціи. При обсужденіи въ прусскомъ ландтагѣ соотвѣтствующаго законопроекта противъ него рѣшительно высказались представители свободомыслящей партіи, Шенкъ и Рихтеръ. Точно такъ же и на съѣздѣ «Всеобщаго союза» въ томъ же году была принята резолюція, рекомендующая шульцевскимъ товариществамъ не вступать ни въ какія сношенія съ «Прусской кассой», при чемъ Шенкъ указалъ, что и безъ помощи «Прусской кассы» шульцевскія товарищества безъ труда находятъ требуемый имъ кредитъ, къ Государственному же банку товарищества эти не могутъ не относиться враждебно, «ибо мы,—сказалъ Шенкъ,—убѣждены, что вмѣшательство государства въ кооперацію можетъ только повредить кооперативному движенію Германіи, мы же остаемся попрежнему при своихъ принципахъ самопомощи, самодѣятельности и собственной отвѣтственности».

Такое же враждебное отношеніе къ «Прусской кассѣ» «Всеобщій союзъ» сохраняетъ и до настоящаго времени. И, конечно, руководители союза правы, указывая, что шульцевскія товарищества не нуждаются въ государственномъ кредитѣ,—они слишкомъ силь-

ны, чтобы испытывать нужду въ такой помощи. Напрасно только дѣятели «Всеобщаго союза» говорятъ это отъ имени всей германской кооперацiи, которая по своему внутреннему строю не имѣетъ съ шульцевскими товариществами почти ничего общаго и которая далеко не можетъ находить съ такой легкостью нужную ей финансовую поддержку у капиталистическихъ банковъ, какъ народные банки.

Такимъ образомъ, принципы «Всеобщаго союза» встрѣчаютъ все менѣе отклика въ различныхъ направленiяхъ германской кооперацiи. И это понятно. Пролетарская кооперацiя идетъ совсѣмъ другимъ путемъ, предуказаннымъ еще рочдельскими пiонерами. Въ крестьянской кооперацiи господствуетъ райффейзеновское теченiе, относящееся безъ всякой враждебности къ помощи государства. Что же касается мелко-буржуазной среды, среди которой возникла шульцевская кооперацiя, то и эта среда является менѣе благодарной почвой для движенiя, связаннаго съ именемъ Шульце, чѣмъ она была полвѣка тому назадъ.

Дѣло въ томъ, что народные банки Шульце удовлетворяли насущной экономической потребности въ пятидесятые—шестидесятые годы прошлаго вѣка. Пока въ странѣ не было густой сѣти обычныхъ капиталистическихъ банковъ, полученiе кредита даже для болѣе зажиточныхъ слоевъ мелкой буржуазiи было сопряжено съ большими трудностями. Историческая роль шульцевскихъ кредитныхъ учрежденiй заключалась въ томъ, что они явились первыми организацiями, при помощи которыхъ кредитъ сталъ доступенъ для мелкой буржуазiи. Но чѣмъ болѣе разрасталась сѣть обычныхъ капиталистическихъ банковъ съ ихъ безчисленными отдѣленiями, разбросанными по всей странѣ, тѣмъ менѣе чувствовалась потребность въ особыхъ кредитныхъ учрежденiяхъ для мелкой буржуазiи.

Современный народный банкъ, естественнымъ ходомъ своей внутренней эволюцiи, все болѣе и болѣе приближается къ капиталистическому банку. Но если такъ, если имѣются обычные банки, которые по своему капиталу несравненно сильнѣе шульцевскихъ и которые, въ то же время, при ожесточенной конкуренцiи между ними, принуждены всюду искать своихъ клiентовъ и очень охотно берутъ на себя обслуживанiе кредитомъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые составляютъ главную силу народныхъ банковъ, то

для чего нужны эти послѣдніе? Конечно, обычные банки не могутъ кредитовать своихъ кліентовъ подъ долговыя расписки, въ чемъ заключалась первоначальная функція шульцевскихъ кредитныхъ учрежденій. Но вѣдь въ настоящее время народные банки почти не исполняютъ этой операціи. Для капиталистическаго же кредита — дисконта векселей и контокоррента — капиталистическій банкъ является болѣе подходящимъ учрежденіемъ, чѣмъ народный банкъ.

Вотъ это-то обстоятельство и задержало распространеніе народныхъ банковъ. Чѣмъ болѣе они сближались внутренно съ капиталистическими банками, тѣмъ менѣе чувствовалась потребность въ особыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ для мелкой буржуазіи. «Дрезденскій коммерческій банкъ» превратилъ прежній центральный банкъ шульцевскихъ кооперативовъ въ свое собственное отдѣленіе—къ выгодѣ ихъ кооперативовъ. Точно такъ же и поглощеніе того или иного ссудо-сберегательнаго товарищества обычнымъ банкомъ ни малѣйшимъ образомъ не сокращаетъ возможности полученія кредита для экономически болѣе сильныхъ кліентовъ этихъ банковъ.

Конечно, для болѣе слабыхъ общественныхъ элементовъ, продолжающихъ принимать участіе въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, обычный капиталистическій банкъ остается попрежнему недоступенъ. Тѣ двѣсти милліоновъ марокъ, которые ссудо-сберегательныя товарищества выдаютъ въ ссуду подъ долговыя расписки, не могли бы быть выданы обычными банками. Но вѣдь эти двѣсти милліоновъ марокъ составляютъ ничтожную долю оборотовъ народныхъ банковъ.

Болѣе слабыя шульцевскія товарищества не страдаютъ отъ конкуренціи капиталистическихъ банковъ—операціи этихъ товариществъ не представляютъ собой ничего заманчиваго для обычныхъ банковъ и не могутъ исполняться этими послѣдними. Но процвѣтающія ссудо-сберегательныя товарищества уже сами являются банками, и конкуренція обычныхъ банковъ чувствуется ими очень сильно. Поэтому для такихъ товариществъ открыты, повидимому, только два пути—или превращенія въ капиталистическій банкъ, или поглощенія этими послѣдними.

Этого не могутъ вполнѣ отрицать и руководители шульцевской кооперации. Въ одной изъ недавнихъ брошюръ предсѣдателя «Все-

общаго союза», Крюгера, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующее характерное признаніе:

«Съ глубокой перемѣной хозяйственныхъ отношеній измѣнилось и положеніе кредитныхъ товариществъ въ хозяйственной жизни. Въ теченіе десятилѣтій они могли разсматривать какъ свою собственную область удовлетвореніе потребностей въ кредитѣ мелкаго и средняго промышленника и даже извѣстной части крупной промышленности и торговли. Теперь положеніе иное. Для кредитныхъ товариществъ возникли сильные конкуренты въ лицѣ банковъ, и съ этой конкуренціей кредитныя товарищества должны считаться въ своихъ операціяхъ, чтобы не утратить лучшей части своихъ кліентовъ и чтобы не пострадать въ своихъ оборотахъ, что, конечно, не соотвѣтствуетъ интересамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства».

Однако, Крюгеръ успокаиваетъ себя слѣдующимъ соображеніемъ: «въ настоящее время является празднымъ вопросомъ, не окажутся ли для кредитныхъ товариществъ съ теченіемъ времени опасными концентрація крупныхъ банковъ и расширеніе сѣти ихъ отдѣленій по всей странѣ. Для ближайшаго будущаго потребность въ кредитныхъ товариществахъ не прекратится, и для отдѣльныхъ областей, въ ихъ отношеніи къ центрамъ, было бы не выгодно, если бы независимыя нынѣ кредитныя организаціи утратили свою самостоятельность. Это было бы такой концентраціей, которая причинила бы серьезный ущербъ хозяйственному развитію отдѣльныхъ районовъ».

Все это очень и очень неубѣдительно. Несравненно трезвѣе смотритъ на вещи Финкъ, приходящій, на основаніи тщательнаго изслѣдованія условій развитія шульцевской коопераціи, къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Гдѣ современное банковое дѣло достигло своего полнаго развитія, тамъ кредитное товарищество (шульцевское, М. Т.-Б.) должно отойти въ сторону. Но гдѣ современные банки еще не укоренились—въ маленькихъ городахъ и отдаленныхъ, мало заселенныхъ мѣстностяхъ,—тамъ шульце-деличевское кредитное товарищество сохраняетъ все свое былое значеніе. Большинство шульце-деличевскихъ кредитныхъ товариществъ еще удовлетворяетъ своему прежнему назначенію, но та тенденція развитія, которая выражается въ наиболѣе преуспѣвающихъ шульце-деличевскихъ кредитныхъ

товариществахъ и приводитъ къ параллелизму между акціонернымъ и «народнымъ» банкомъ, обозначается все яснѣе и направляется въ сторону господства современной банковой системы. Съ политико-экономической точки зрѣнія не приходится жалѣть объ измѣненіи внутренней природы шульце-деличевскаго кредитнаго товарищества, ибо оно только съ очевидностью доказываетъ, что самопомощь нуждающихся въ кредитѣ не есть еще единственный выходъ изъ кредитной дилеммы прежнихъ десятилѣтій. Ибо невозможно утверждать, что самопомощь въ области кредита образуетъ собой высшую ступень сравнительно съ системой современнаго банковаго дѣла... Первоначальное значеніе шульце-деличевской кредитной организаціи все болѣе отходитъ въ прошлое, и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, если вспомнить, что эти хозяйственныя учрежденія существуютъ въ наше быстро идущее впередъ время уже 60 лѣтъ».

Съ этимъ заключеніемъ можно только согласиться. Кооперативная система Шульце имѣла большое историческое значеніе, но расцвѣтъ ея не могъ быть продолжительнымъ: имѣя своей соціальной средой мелкую буржуазію, въ противоположность пролетарской рочдельской и крестьянской райффейзеновской кооперацiи, система эта естественно тяготѣетъ къ капиталистическимъ формамъ и сливается съ капиталистическими организаціями при полномъ успѣхѣ. Въ то время, какъ рочдельская и райффейзеновская кооперативныя системы заключаютъ въ себѣ существенно новые хозяйственные принципы, преобразующіе современный хозяйственный строй, шульцевская кооперація есть не что иное, какъ преходящее хозяйственное явленіе, свойственное незрѣлой формѣ капитализма и исчезающее по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія капиталистическаго строя.

III.

Въ Россіи ссудо-сберегательныя товарищества были созданы подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей Шульце, бывшаго вдохновителемъ Лугинина, піонера русской кредитной коопераціи. Однако, наши ссудо-сберегательныя товарищества, исторія которыхъ начинается отъ Доровато̀вскаго товарищества, Рождественской волости, Ветлужскаго уѣзда, составляютъ существенно иной типъ.

чѣмъ народные банки Шульце. Разница заключалась въ томъ, что народные банки были кредитными организаціями мелкой буржуазіи, а ссудо-сберегательныя товарищества, ведущія свое начало отъ Лугинина, должны были, по его замыслу, быть организаціями крестьянскими.

Иными словами, Лугининъ задумалъ перенести въ среду русскаго крестьянства германскія учрежденія, приспособленныя къ нуждамъ и соціальнымъ особенностямъ германской мелкой буржуазіи. Понятное дѣло, что такая попытка не могла имѣть успѣха. Хотя основныя черты устройства русскаго ссудо-сберегательнаго товарищества и были глубоко переработаны Лугининымъ и его преемниками по дѣлу, тѣмъ не менѣе кое-что весьма существенное было сохранено изъ первоначальнаго образца этихъ товариществъ въ Германіи—и, прежде всего, былъ сохраненъ принципъ паевого капитала.

Правда, паи въ крестьянскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, которыя въ довольно большомъ числѣ возникали въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ различныхъ районахъ деревенской Россіи, были, во-первыхъ, невелики, а, во-вторыхъ, до извѣстной степени, номинальны, въ томъ смыслѣ, что пай не вносился членомъ товарищества изъ его собственныхъ средствъ при поступленіи въ товарищество, но вычитался изъ получаемой имъ изъ товарищества ссуды. Однако, и въ такомъ видѣ пай все же долженъ былъ уплачиваться членомъ, что при крайней бѣдности нашего крестьянства дѣлало эти товарищества непригодными для средняго крестьянина. Только немногіе болѣе зажиточные члены крестьянскаго общества могли справляться съ требованіемъ уплаты пая.

Такимъ образомъ, уже принятіе принципа паевого капитала дѣлало ссудо-сберегательныя товарищества непригодными для русской деревни. Еще, однако, важнѣе, какъ причина неудачи ихъ, было то, что товарищества эти менѣе всего основывались на самодѣятельности населенія и въ этомъ отношеніи самымъ рѣзкимъ образомъ отличались отъ своего германскаго образца. Всѣ эти товарищества насаждались сверху, сначала нѣсколькими благожелательными интеллигентами, а затѣмъ земствами, т.-е., въ концѣ-концовъ, тѣми же интеллигентами. Какъ только ссуды земства стали сокращаться, стало соотвѣтственно падать и число вновь открываемыхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ:

Годы:	Открыто товариществъ.	Получили ссуды отъ земства.	Въ %
1871—75	503	268	53
1876—80	481	109	23
1881—85	194	38	19

Щедрыя ссуды со стороны земствъ приводили къ тому, что товарищества возникали сплошь и рядомъ только ради полученія этихъ ссудъ, которыя разверстывались между учредителями товарищества, чѣмъ и заканчивалась дѣятельность послѣдняго. Неудивительно, что большая часть этихъ товариществъ просуществовала очень недолго.

Годы:	Число открытыхъ товариществъ.	Число этихъ товариществъ, закрытыхъ къ 1 янв. 1905 г.	Въ %.
1871—75 . . .	503	356	71
1876—80 . . .	481	295	61
1881—85 . . .	194	85	44

Наименѣе жизнеспособными оказались товарищества, возникшія въ первую половину 70-хъ годовъ, когда земства были всего щедрѣе на выдачу ссудъ и число вновь открываемыхъ товариществъ было особенно велико.

Правда, нѣкоторая доля товариществъ выживала; но нужно имѣть въ виду, что значительная часть этихъ выживающихъ товариществъ почти не функціонируетъ въ качествѣ дѣйствительныхъ учрежденій кредита и занята, преимущественно, «перепиской» ссудъ—возобновленіемъ ихъ по отношенію къ первоначальнымъ заемщикамъ.

IV.

Эти первыя деревенскія ссудо-сберегательныя товарищества представляли собой неудавшуюся попытку создать крестьянскую кредитную кооперацію. Однако, рядомъ съ ссудо-сберегательными товариществами въ крестьянской средѣ (для которой данный типъ кредитнаго учрежденія былъ рѣшительно неподходящимъ) такія же товарищества возникаютъ и въ иной соціальной средѣ, той же самой, среди которой они такъ пышно расцвѣли въ Германіи—въ средѣ мелкой буржуазіи.

Какъ правильно указываетъ С. Н. Прокоповичъ, одновременно съ этими неудачными опытами насажденія сверху кооперативнаго кредита у насъ возникаетъ гораздо болѣе жизнеспособное аналогичное движеніе въ средѣ городской мелкой буржуазіи. Уже въ 1867 г. нѣкій Дидерихъ устраиваетъ среди ремесленниковъ (нѣмецкихъ) г. Петрограда ссудо-сберегательное товарищество. Правда, это городское движеніе казалось очень скромнымъ сравнительно съ деревенскимъ: въ то время, какъ въ деревняхъ новыя товарищества возникали въ семидесятыхъ годахъ сотнями, въ городахъ только десятками. Но зато эти немногія городскія ссудо-сберегательныя товарищества оказались гораздо жизнеспособнѣе, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Годы:	Число вновь открытыхъ городскихъ товариществъ.	Закрытыхъ къ 1 янв. 1905 г.	Въ %.
1866—70 . . .	3	—	—
1871—75 . . .	102	65	64
1876—80 . . .	76	33	43
1881—85 . . .	62	12	19

Такимъ образомъ, мало-по-малу шульцевскія кредитныя организаціи находятъ для себя въ Россіи подходящую соціальную среду, каковой у насъ, какъ и въ Германіи, является городская буржуазія. Соотвѣтственному этому ссудо-сберегательныя товарищества, начиная съ половины девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, открываются преимущественно не въ деревняхъ (какъ раньше) а въ городахъ.

Весьма интересно отношеніе народнической печати шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ къ попыткамъ насажденія въ нашей деревнѣ шульцевскихъ организацій кредита. Отношеніе это было рѣзко отрицательнымъ. Самопомощи крестьянъ, нуждающихся въ кредитѣ, наши народники противопоставляли помощь таковымъ со стороны государства, кооперативному кредиту—кредитъ общинный. Ссудо-сберегательныя товарищества были объявлены «Отечественными Записками» учрежденіями буржуазными направленными противъ интересовъ массы крестьянскаго населенія. «Массѣ рабочаго сословія,—писали «Отечественныя Записки»,—нисколько не будетъ легче оттого, что изъ среды ея выдвинется ничтож-

ный процентъ и обзаведется капиталомъ; напротивъ, по всей вѣроятности, ей будетъ несравненно тяжелѣе, потому что этотъ капиталъ будетъ стоять непосредственно надъ ней и дѣйствовать въ одномъ и томъ же полѣ дѣйствія съ ней».

С. Н. Прокоповичъ склоненъ видѣть въ этомъ отрицательномъ отношеніи народнической печати къ насажденію въ деревнѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ только непониманіе народниками важности коопераціи. Однако, въ дѣйствительности тутъ было не одно непониманіе коопераціи, но и совершенно правильная оцѣнка непригодности шульцевской коопераціи для массы крестьянства. Народническая печать была права, признавая ссудо-сберегательныя товарищества учрежденіями «буржуазными», но она ошибалась, отождествляя съ шульцевской коопераціей кооперацію вообще; съ райффейзеновской коопераціей наша печать того времени была совершенно незнакома, но врядъ ли можно допустить, чтобы наши народники отнеслись къ райффейзеновскимъ товариществамъ съ такимъ же осужденіемъ, съ которымъ они отнеслись къ товариществамъ, на которыхъ покоился духъ Шульце.

Какъ бы то ни было, ссудо-сберегательныя товарищества нашли для себя въ Россіи подходящую почву и распространились преимущественно въ средѣ мелкой буржуазіи. Въ этой средѣ они достигли значительнаго успѣха и обнаружили тенденцію развиваться такъ же, какъ и въ Германіи—въ сторону сближенія съ капиталистическими учрежденіями кредита.

Это слѣдуетъ сказать, напримѣръ, относительно польскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

По компетентному свидѣтельству г. Храневича, крупныя ссудо-сберегательныя товарищества въ Польшѣ—«кооперативы лишь по имени». Они широко практикуютъ различныя формы капиталистическаго кредита, учитываютъ векселя, выдаютъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ и пр. Установленные уставомъ предѣльные размѣры для ссудъ не соблюдаются, и товарищества практикуютъ вмѣсто мелкаго крупный кредитъ. Въ виду этого, официальные органы надзора за учрежденіями мелкаго кредита совѣтовали нѣкоторымъ такимъ товариществамъ сбросить форму товарищества и принять уставъ вполнѣ капиталистическихъ обществъ взаимнаго кредита. Совѣты эти, однако, отвергались товариществами, въ виду того, что форма товарищества даетъ значительныя пре-

имущества по отношенію къ взысканію долговъ съ неисправныхъ должниковъ.

Еще болѣе капиталистическій характеръ имѣютъ ссудо-сберегательныя товарищества Прибалтійскаго края. Они являются одними изъ наиболѣе старыхъ русскихъ товариществъ и наилучше организованныхъ. Паевой капиталъ на члена достигаетъ во многихъ изъ нихъ сотенъ р., ссуды—еще большихъ размѣровъ. Такъ, например, въ Венденскомъ товариществѣ паевой капиталъ на члена достигалъ въ 1907 г. 738 р., а средній размѣръ ссуды—4.820 р., въ Вольмарскомъ—паевой капиталъ 300 р., ссуды—около 2.000 р. и т. д. Такой высокій размѣръ ссудъ объясняется тѣмъ, что по уставамъ этихъ товариществъ размѣръ ссуды ограниченъ лишь при ссудахъ по личному довѣрію, при ссудахъ же подъ обезпеченіе имуществомъ или цѣнными бумагами, а также за поручительствомъ двухъ лицъ, кредитъ неограниченъ. По словамъ г. Валаева, товарищества эти обслуживаютъ «главнымъ образомъ нѣмецкихъ бароновъ и отчасти промышленную жизнь городовъ и мѣстечекъ». Дивиденды пайщиковъ въ этихъ товариществахъ обычно очень высоки и товарищества, въ обходъ своихъ уставовъ, кредитуютъ не только своихъ членовъ, но и постороннихъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ кредитъ, открываемый на одно лицо, достигаетъ до 20—25 тыс. р.

Товарищество этого типа уже вполнѣ приближается къ «народнымъ банкамъ» германскаго образца.

Большое развитіе ссудо-сберегательныя товарищества получили среди русскаго еврейства. Товарищества эти, общая численность которыхъ къ 1912 г. достигала 664 при 347 тыс. членовъ въ 519 городскихъ товариществахъ, состоятъ болѣе чѣмъ на двѣ трети изъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Однако, большинство ремесленниковъ являются мелкими предпринимателями, мало возвышающимися надъ уровнемъ обычной еврейской бѣдноты. Только немногія товарищества слагаются изъ болѣе зажиточныхъ элементовъ еврейской буржуазіи. Вотъ что говоритъ по поводу ихъ С. О. Марголинъ въ своемъ изслѣдованіи «Еврейскія кредитныя коопераціи (1908):

«Товарищества, приближающіяся по характеру своей дѣятельности къ коопераціи капитала, отличаются отъ остальныхъ товариществъ не только тѣмъ, что у нихъ высокій размѣръ пая и высо-

кая норма оплаченнаго паевого капитала, но и составъ членовъ этихъ товариществъ рѣзко отличается отъ обычнаго состава членовъ остальныхъ товариществъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе чувствительнымъ показателемъ характера дѣятельности товарищества является участіе членовъ-ремесленниковъ. Можно предвидѣть, что чѣмъ больше товарищество осуществляетъ у себя тенденціи коопераціи капитала, тѣмъ ниже процентъ ремесленниковъ въ этомъ товариществѣ, и, наоборотъ, чѣмъ больше товарищество осуществляетъ собой принципъ коопераціи лицъ, тѣмъ больше возрастаетъ процентъ ремесленниковъ въ данномъ товариществѣ».

С. О. Марголинъ отмѣчаетъ, что товарищества, состоящія по преимуществу изъ торговцевъ, обнаруживаютъ явно капиталистическія тенденціи, и въ этихъ товариществахъ на первый планъ выступаетъ задача выгоднаго помѣщенія паевого капитала. «Въ этомъ отношеніи,—говоритъ онъ,—наиболѣе характерна дѣятельность Мозырьскаго товарищества. Въ этомъ товариществѣ пониженіе процента на ссуды повело бы къ выступленію многихъ членовъ изъ товарищества. Многіе члены поступаютъ въ это товарищество не съ цѣлью пользоваться ссудами на льготныхъ условіяхъ, но съ цѣлью найти выгодное помѣщеніе своимъ капиталамъ».

Однако, всѣ такія тенденціи еврейскихъ, равно какъ и иныхъ городскихъ товариществъ Прибалтійскаго края и Царства Польскаго, чрезвычайно затрудняются тѣмъ, что товарищества эти все же болѣе или менѣе связаны своими уставами и не свободны въ своей дѣятельности. Уже одно ограниченіе нормальнымъ уставомъ кредита, открываемаго одному лицу, имѣетъ въ этомъ смыслѣ большое значеніе. Правда, эта статья устава на практикѣ обходится, но все же она остается существеннымъ препятствіемъ къ тому, чтобы наши городскія ссудо-сберегательныя товарищества развивались въ сторону обычныхъ банковъ, какъ это мы видимъ въ Германіи.

Во всякомъ случаѣ, у насъ имѣются кредитные кооперативы мелко-буржуазнаго типа, и основныя тенденціи развитія нашихъ кооперативовъ этого типа имѣютъ сходный характеръ съ тѣми тенденціями, которыя такъ ярко обнаружились въ Германіи.

ГЛАВА III.

Ремесленная кооперація.

I.—Возникновеніе ремесленной коопераціи. II.— Дальнѣйшія судьбы ремесленной коопераціи. III. — Непосредственныя причины неуспѣха ремесленной коопераціи. IV. — Болѣе глубокія причины неуспѣха ремесленной коопераціи. V.— Магазинныя и сырьевыя товарищества. VI.—Кооперація среди кустарей.

I.

Возникновеніе кооперативнаго движенія тѣсно связано съ кризисомъ ремесла. Именно, городскіе ремесленники были той соціальной средой, въ которой кооперація впервые стала серьезной общественной силой. Такъ было въ Англіи, гдѣ пропаганда Оуэна, послѣ короткаго періода неудачныхъ экспериментовъ съ коммунистическими общинами, только тогда стала вліять на народныя массы, когда захватила десятки и сотни тысячъ городскихъ ремесленниковъ, переживавшихъ въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка трудное время въ связи съ развитіемъ капиталистической фабрики и вообще современной капиталистической системы. Именно, кризисъ ремесла и сдѣлалъ англійскихъ ремесленниковъ воспріимчивыми къ коммунистическимъ мечтаніямъ Оуэна, давшимъ въ дѣйствительной жизни столь непохожіе на нихъ плоды.

Точно такъ же и въ Германіи кооперативное движеніе начинается среди городскихъ ремесленниковъ. Но въ то время, какъ въ Англіи ремесленная кооперація не получила дальнѣйшаго развитія и явилась почти столь же мимолетнымъ эпизодомъ въ исторіи англійскаго кооперативнаго движенія (скоро пріобрѣтшаго пролетарскій характеръ), какъ и эксперименты съ коммунистическими общинами, въ Германіи, соотвѣтственно большему значенію въ общемъ строѣ хозяйства страны ремесла, ремесленная

кооперація играетъ извѣстную роль въ ряду другихъ формъ кооперацін вплоть до нашего времени.

Первыми кооперативами Шульце были ремесленные кооперативы—два сырьевыхъ товарищества столяровъ и башмачниковъ, созданныя имъ въ Деличѣ въ 1849 г. Съ нихъ начинается исторія германской кооперацін.

Кооперативная теорія Шульце, разработанная имъ въ цѣломъ рядѣ брошюръ и книгъ, точно такъ же имѣла въ виду преимущественно классъ ремесленниковъ. Сырьевыя и магазинныя товарищества должны были явиться, по представленію Шульце, первыми ступенями кооперативнаго движенія, долженствующаго найти свое завершеніе въ производительной ассоціаціи. Однако, какъ извѣстно, до производительной ассоціаціи дѣло не дошло, да и сама производительная ассоціація, чѣмъ больше развивалось кооперативное движеніе, тѣмъ болѣе утрачивала свою привлекательность какъ для Шульце, такъ и для его преемниковъ по духу. Такимъ образомъ, въ дѣйствительной жизни специфически ремесленная кооперація выразилась въ кооперативахъ только трехъ родовъ: сырьевыхъ товариществахъ, магазинныхъ и производительно-подсобныхъ. Что же касается ссудо-сберегательныхъ товариществъ («народныхъ банковъ» Шульце), то, хотя въ этихъ товариществахъ ремесленники принимали и принимаютъ дѣятельное участіе, тѣмъ не менѣе ссудо-сберегательныя товарищества не могутъ считаться вполнѣ ремесленными кооперативами, такъ какъ ремесленники составляютъ и всегда составляли въ нихъ только меньшинство членовъ (за послѣднее время около $^1/_4$—$^1/_5$ всѣхъ членовъ).

Чисто-ремесленными кооперативами являются, такимъ образомъ, только три названныхъ рода кооперативовъ.

Имъ придавалъ Шульце самое большое значеніе, какъ средству преодолѣнія кризиса ремесла.

Дѣйствительно, необходимость ихъ для поднятія ремесла казалась очевидной не только самому Шульце, но и всѣмъ его преемникамъ по кооперативной работѣ. Мало того: и теперь идея ремесленной кооперацін находитъ много самыхъ горячихъ партизановъ какъ среди практиковъ кооперацін, такъ и среди теоретиковъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о ремесленной кооперацін въ своемъ извѣстномъ курсѣ политической экономіи столь авторитетный германскій ученый, какъ проф. Конрадъ: «Будущность

германскаго ремесла гораздо больше зависитъ отъ того, насколько ремесленники созрѣютъ до коопераціи, чѣмъ отъ распространенія принудительныхъ цеховъ... огромное значеніе для ремесленниковъ магазинныхъ товариществъ, въ которыхъ публика можетъ дѣлать выборъ покупаемыхъ предметовъ по своему усмотрѣнію и которые позволяютъ ремесленнику, когда у него нѣтъ заказчиковъ, работать на магазинъ, такъ очевидно, что кажется прямо-таки непонятнымъ, какимъ образомъ магазинныя товарищества не получили большого распространенія». Точно такъ же Конрадъ выражаетъ удивленіе, почему достигли пока мало успѣха и другіе ремесленные кооперативы, въ томъ числѣ и производительно-подсобныя товарищества, дающія возможность ремесленникамъ пользоваться сообща машинами и дорого стоящими сооруженіями, недоступными для отдѣльнаго ремесленника.

Каковы же фактическіе успѣхи ремесленной коопераціи? Вотъ соотвѣтствующая статистика за время дѣятельности Шульце:

	Сырьевыя товарищества.			Магазинныя товарищества.		
	Число ихъ.	Число давшихъ свѣдѣнія.	Въ нихъ членовъ.	Число ихъ.	Число давшихъ свѣдѣнія.	Въ нихъ членовъ.
1870 . .	135	9	381	29	7	160
1875 . .	168	11	511	199	14	689
1880 . .	150	17	733	131	10	693
1885 . .	140	11	461	148	7	529

Что касается до производительно-подсобныхъ товариществъ, то ихъ почти совсѣмъ не было: отчетъ шульцевскаго союза за 1890 годъ сообщаетъ о 8 такихъ товариществахъ, въ томъ числѣ о 7 товариществахъ мясниковъ, имѣвшихъ общія бойни для скота.

Приведенныя данныя даютъ яркую иллюстрацію ничтожныхъ результатовъ дѣятельности Шульце въ области созданія ремесленной коопераціи. Правда, по своей численности сырьевыя и магазинныя товарищества кажутся имѣющими извѣстное значеніе. Но, во-первыхъ, и по своей общей численности товарищества эти за десятилѣтіе 1875—85 гг. не выросли, а сократились. Во-вторыхъ, что еще важнѣе, значащіяся въ отчетахъ «Всеобщаго союза» Шульце сотни сырьевыхъ и магазинныхъ товариществъ существовали болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности: это лучше всего доказывается совершенно ничтожной численностью тѣхъ

товариществъ, которыя давали о себѣ свѣдѣнія. 11 сырьевыхъ товариществъ съ 461 членомъ и 7 магазинныхъ съ 529 членами, дающихъ о себѣ свѣдѣнія,—вотъ и все, чего достигъ Шульце въ этой области за 35 лѣтъ своей дѣятельности. Что же касается товариществъ, не давшихъ о себѣ никакихъ свѣдѣній, то, очевидно, это отсутствіе свѣдѣній вызывалось тѣмъ, что товариществамъ нечего было о себѣ сообщить.

Неуспѣхъ излюбленнаго дѣтища Шульце—ремесленной кооперацін—составлялъ яркій контрастъ съ успѣхомъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя быстро росли и по числу членовъ, и по своимъ оборотамъ. Неуспѣхъ этотъ былъ настолько очевиднымъ, что самый фактъ его никѣмъ не оспаривался. Вопросъ заключался лишь въ причинахъ неудачи ремесленной кооперацін. Причины же эти отнюдь не могли заключаться въ томъ, чтобы ремесленная кооперація привлекала къ себѣ недостаточное вниманіе общественныхъ дѣятелей и правительственныхъ учрежденій.

Напротивъ, можно смѣло утверждать, что ни одна отрасль кооперацін въ Германін не встрѣчала такой дѣятельной поддержки со стороны, какъ именно ремесленная кооперація. Не нужно забывать, что все кооперативное движеніе, пока его руководителемъ былъ Шульце, имѣло цѣлью поддержаніе ремесла, въ чемъ Шульце усматривалъ верховный смыслъ своего общественнаго дѣла. Поддержаніе ремесла, помимо своего непосредственнаго экономическаго значенія, пріобрѣтало еще и особую политическую окраску, благодаря той роли, которую въ глазахъ политически умѣренныхъ круговъ германскаго общества средніе классы должны играть въ политической жизни, какъ оплотъ противъ революціонныхъ тенденцій пролетаріата. Эта идеологія вполнѣ раздѣлялась и самимъ Шульце. Еще большее значеніе она пріобрѣтала у тѣхъ общественныхъ элементовъ Германіи, которые были политически правѣе умѣреннаго либерала Шульце.

Вопросъ о причинахъ слабаго развитія ремесленной кооперацін, равно какъ и о средствахъ содѣйствія этому развитію, всегда привлекалъ усиленное вниманіе «Всеобщаго союза», созданнаго Шульце, и неоднократно обсуждался на общихъ собраніяхъ союза.

II.

Что касается самихъ ремесленниковъ, то среди нихъ кооперативное движеніе, руководимое Шульце, только отчасти встрѣчало идейное сочувствіе. А именно, духовные вожди ремесленниковъ были политически гораздо правѣе Шульце и въ большинствѣ примыкали не къ умѣреннымъ либераламъ, какъ Шульце, а къ консерваторамъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ основной лозунгъ Шульце—самопомощь при полномъ отказѣ отъ содѣйствія государства—не находилъ отклика въ большинствѣ ремесленнаго класса, сочувствовавшаго скорѣе мѣрамъ непосредственной государственной помощи ремеслу. Благодаря этому существенному разногласію между Шульце и вождями ремесленнаго класса, ремесленное движеніе Германіи шло своей особой дорогой, не сливаясь съ кооперативнымъ движеніемъ, во главѣ котораго стоялъ Шульце, и занимая по отношенію къ послѣднему даже отчасти враждебное положеніе.

Прусское правительство, относившееся вначалѣ непріязненно къ Шульце, въ которомъ оно видѣло одного изъ опасныхъ представителей либеральной партіи, мало-по-малу измѣнило свою позицію и стало поощрять кооперацію. Тѣмъ не менѣе, консервативное ремесленное движеніе вызывало со стороны правительственныхъ властей отношеніе еще болѣе сочувственное.

Поэтому правительство ничего не имѣло противъ образованія въ 1901 г. особаго «Главнаго союза нѣмецкихъ промышленныхъ товариществъ» («Hauptverband deutscher gewerblicher Genossenschaften»). Союзъ этотъ составился изъ тѣхъ кооперативовъ, которые не входили въ составъ союза, основаннаго Шульце. Новый союзъ съ самаго возникновенія сталъ получать субсидію изъ государственныхъ средствъ, которая съ теченіемъ времени все возрастала. При помощи его прусское правительство получило возможность вступить въ еще болѣе тѣсную связь съ ремесленнымъ кооперативнымъ движеніемъ.

Начало этому новому направленію прусской кооперативной политики было положено еще раньше учрежденіемъ «Прусской центральной кассы кооперативныхъ товариществъ» въ 1895 г. Одной изъ главныхъ задачъ кассы явилось развитіе ремесленной кооперации. И надо признать, что касса сдѣлала все возможное, чтобы вызвать

къ жизни ремесленную кооперацію. По признанію въ прусскомъ ландтагѣ Гейлигенштадта, президента кассы, «Прусская касса по отношенію къ кредитованію ремесленныхъ организацій пошла гораздо дальше, чѣмъ по отношенію къ другимъ кооперативнымъ организаціямъ. Мы хорошо знаемъ,—заявлялъ Гейлигенштадтъ,—что ремесленныя товарищества наталкиваются на особыя затрудненія, и этимъ соображеніемъ опредѣляется нашъ образъ дѣйствій по отношенію къ нимъ».

Въ правительственной запискѣ отъ 1903 г., представленной въ законодательныя палаты Пруссіи, указывалось, что, несмотря на усиленныя старанія «Всеобщаго союза» Шульце, ремесленная кооперація получила до настоящаго времени въ Пруссіи очень незначительное распространеніе. «Широкая масса ремесленниковъ осталась почти не затронутой кооперацiей. Самостоятельнаго кооперативнаго движенія среди ремесленниковъ—аналогично тому, что мы видимъ въ деревнѣ—совсѣмъ не наблюдается. Если и теперь изъ большинства провинцій Пруссіи раздаются жалобы, что ремесленники, а тѣмъ болѣе мелкіе торговцы не принимаютъ въ кооперативныхъ организаціяхъ должнаго участія, то раньше это было общимъ правиломъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, попытка государства оживить своей поддержкой самопомощь заинтересованныхъ лицъ въ области мелкой промышленности, должна была натолкнуться на серьезныя затрудненія».

Для поощренія ремесленной коопераціи министерству торговли и промышленности былъ открытъ еще съ 1896 г. особый кредитъ, изъ котораго оплачивалось содержаніе особыхъ «инструкторовъ коопераціи». Инструкторы эти должны были объѣзжать страну, читать лекціи о ремесленной коопераціи и приходить непосредственно на помощь при возникновеніи ремесленныхъ кооперативовъ. Помощь эта состояла не только въ совѣтахъ и указаніяхъ, но и въ кредитованіи возникавшихъ кооперативовъ изъ государственныхъ средствъ. Связь инструкторовъ съ основанными при ихъ помощи кооперативами продолжалась и послѣ, при чемъ инструкторы исполняли обязанности безплатныхъ ревизоровъ.

Дѣятельное содѣйствіе успѣху ремесленныхъ кооперативовъ оказывала и «Прусская центральная касса». Открываемые ею кредиты обычно колебались между 1500—2000 м. на кооперативъ, но иногда достигали и 6000 мар.

За 1896—1903 гг. государство израсходовало изъ своихъ средствъ на поддержку ремесленныхъ кооперативовъ 127 тыс. м. Помощь «Прусской кассы» выражалась несравненно болѣе крупными цифрами.

Возникшій въ 1901 г. «Главный союзъ нѣмецкихъ промышленныхъ товариществъ» покрывалъ свои расходы преимущественно при помощи правительственныхъ субсидій, которыя въ 1905 г. были доведены до 18.000 м. въ годъ.

При этомъ не нужно думать, что прусское правительство стѣсняло своей опекой свободное развитіе ремесленной кооперацiи,—наоборотъ, оно вполнѣ понимало необходимость для кооперацiи свободы дѣятельности. Министръ торговли Мёллеръ заявилъ, напримѣръ, въ 1905 г. въ прусскомъ ландтагѣ по этому поводу слѣдующее: «Мы далеки отъ того, чтобы при посредствѣ «Главнаго союза», содержимаго преимущественно на наши средства, въ какомъ бы то ни было смыслѣ подчинять кооперацію бюрократическому вліянію».

Точно такъ же и руководители «Главнаго союза» отмѣчаютъ отсутствіе какого бы то ни было бюрократическаго давленія на ихъ дѣятельность. «Несмотря на широкую поддержку «Главному союзу», оказываемую прусскимъ правительствомъ и «Прусской центральной кассой»,—читаемъ въ отчетѣ о съѣздѣ союза въ 1906 г.,—союзу предоставлена полная свобода въ разрѣшеніи всѣхъ его внутреннихъ вопросовъ и во всей его внутренней организаціи».

Затѣмъ не нужно забывать, что и «ремесленныя палаты»—полуправительственныя, полуобщественныя учрежденія, ставящія себѣ цѣлью развитіе ремесленной промышленности,—также содѣйствуютъ ремесленной кооперацiи. «Главный союзъ» дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ ремесленными палатами. Въ маѣ 1904 г. это согласіе было окончательно установлено на конференціи «Главнаго союза» съ представителями ремесленныхъ палатъ.

Такимъ образомъ, на ряду со «Всеобщимъ союзомъ» Шульце цѣлый рядъ другихъ общественныхъ организацій преслѣдуетъ цѣли развитія ремесленной кооперацiи, при чемъ, несмотря на нѣсколько враждебную позицію, которую «Всеобщій союзъ» Шульце занялъ по отношенію къ «Главному союзу» (враждебность эта естественно вытекаетъ изъ того, что «Всеобщій союзъ» принципіально отрицаетъ государственную помощь кооперацiи, между тѣмъ, какъ

«Главный союзъ» именно на этой помощи и основывается), всѣ эти различныя организаціи въ равной мѣрѣ озабочены распространеніемъ и ростомъ ремесленныхъ кооперативовъ. Тому же содѣйствуетъ и правительственная власть, располагающая для этой цѣли такимъ мощнымъ кредитнымъ учрежденіемъ, какъ «Прусская центральная касса».

Не менѣе энергичныя усилія для развитія ремесленной кооперацiи дѣлали и дѣлаютъ и другія германскія государства, кромѣ Пруссіи. Такъ, въ Баваріи было учреждено въ 1903 г. «Центральное ремесленное товарищество», въ значительной степени на государственныя средства; баварское правительство и раньше оказывало щедрую поддержку ремесленнымъ кооперативамъ какъ кредитомъ, такъ и непосредственной затратой государственныхъ средствъ. Въ Саксоніи уже въ 1891 г. была учреждена «Кооперативная касса» въ Дрезденѣ, съ 5 милл. мар. капитала, изъ которыхъ $^2/_5$ были предназначены на помощь ремесленнымъ кооперативамъ. Въ Баденѣ вновь учреждаемыя ремесленныя товарищества имѣютъ право получать, на покрытіе первыхъ расходовъ по своему устройству, правительственную субсидію, доведенную въ 1908 г. въ среднемъ до $48^0/_0$ этихъ расходовъ.

Объ общемъ отношеніи германскихъ государствъ къ ремесленной коопераціи можетъ дать представленіе циркуляръ вюртембергскаго министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 20 января 1904 г. «Общинныя власти,—говорится въ этомъ циркулярѣ,—нерѣдко могутъ оказать дѣятельную поддержку ремесленнымъ товариществамъ, если при отсутствіи подходящихъ лицъ среди ремесленниковъ онѣ возьмутъ на себя руководительство вновь возникающими ремесленными товариществами, какъ это уже практикуется съ большимъ успѣхомъ по отношенію ко многимъ сельскохозяйственнымъ товариществамъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и по отношенію къ промышленнымъ товариществамъ. Затѣмъ нерѣдко общинныя власти могутъ содѣйствовать образованію товариществъ сырьевыхъ, производительно-подсобныхъ и по сбыту предоставленіемъ въ ихъ распоряженіе безъ всякой платы или по пониженной платѣ помѣщеній и складовъ, принадлежащихъ общинѣ, или же, поскольку община владѣетъ соотвѣтствующими источниками механической двигательной силы (вода, газъ, электричество), предоставленіемъ въ распоряженіе товариществъ соотвѣтствующей силы по пони-

женной платѣ для первыхъ операціонныхъ годовъ товарищества, наконецъ, освобожденіемъ товариществъ на извѣстный срокъ отъ общинныхъ налоговъ. Кромѣ того, общинныя власти могутъ содѣйствовать образованію промышленныхъ товариществъ и оплатой расходовъ по слушанію мѣстными ремесленниками особыхъ курсовъ по ремесленной кооперацій».

Къ какимъ же результатамъ привели эти упорныя и настойчивыя усилія правительственныхъ и общественныхъ круговъ создать почти отсутствующую ремесленную кооперацію? Пусть отвѣчають цифры:

Число ремесленныхъ кооперативовъ въ Германіи.

	Сырьевыя товарищества.	Производит. подсобныя.	Магазинныя.
1890 . . .	113	10	61
1891 . . .	110	8	61
1892 . . .	110	13	59
1893 . . .	64	14	48
1894 . . .	59	17	54
1895 . . .	61	17	57
1896 . . .	58	21	56
1897 . . .	66	23	68
1898 . . .	73	30	70
1899 . . .	82	34	67
1900 . . .	92	53	73
1901 . . .	145	67	79
1902 . . .	188	78	81
1903 . . .	215	91	94
1904 . . .	266	105	108
1905 . . .	290	112	120
1906 . . .	257	341	73
1907 . . .	299	390	81
1908 . . .	349	447	96
1909 . . .	363	673	115

Цифры эти могутъ показаться свидѣтельствующими о полномъ успѣхѣ новой правительственной политики по отношенію къ кооперацін. До 1895 г. ремесленные кооперативы не только не развивались, но несомнѣнно падали—ремесленная кооперація какъ бы вымирала. Фактъ этотъ самъ по себѣ чрезвычайно поучителенъ и знаменателенъ: въ то самое время, когда германское кооперативное движеніе въ деревнѣ дѣлало такіе огромные успѣхи и росло съ поразительной быстротой, ремесленная кооперація, предоста-

вленная своимъ собственнымъ силамъ и не опиравшаяся на правительственную поддержку, быстро шла къ полному исчезновенію.

Можно было думать, что пройдетъ еще немного лѣтъ, и о ремесленной кооперацiи не придется говорить по ея совершенному отсутствiю. Ожиданiя эти не оправдались. Въ 1895 году въ исторiи германской ремесленной кооперацiи происходитъ переломъ. Сначала прекращается паденiе числа ремесленныхъ кооперативовъ, затѣмъ начинается и ихъ ростъ, сперва очень медленный, затѣмъ все болѣе и болѣе быстрый, за послѣднiе же годы ростъ этотъ становится даже по отношенiю къ нѣкоторымъ кооперативамъ стремительнымъ.

Правда, это относится не ко всѣмъ тремъ родамъ кооперативовъ. Магазинныя товарищества растутъ медленно и съ большими колебанiями, зато сырьевыя товарищества даютъ картину правильнаго и ускоряющагося роста. А производительно-подсобныя товарищества растутъ за послѣднiе годы огромными прыжками.

Легко понять, почему 1895 г. сыгралъ такую роль въ исторiи германской ремесленной кооперацiи. Въ этомъ году была учреждена «Прусская центральная касса». Съ этого года начинается новая эра германской экономической политики—дѣятельнаго правительственнаго содѣйствiя кооперативному движенiю вообще и ремесленной кооперацiи въ частности. Отсюда и огромный ростъ числа ремесленныхъ кооперативовъ.

Однако, дѣлать по этому выводъ о полномъ успѣхѣ правительственной политики было бы преждевременно. Одно число кооперативовъ говоритъ еще очень мало. По даннымъ «Прусской центральной кассы» для 1908 г., въ этомъ году было во всей Германiи 4.308.205 членовъ кооперативовъ, при чемъ на долю ремесленныхъ производительно-подсобныхъ товариществъ приходилось 27.204 члена, сырьевыхъ товариществъ — 11.964 члена, магазинныхъ— 4.544 чл., сырьевыхъ и магазинныхъ вмѣстѣ—4.856 чл. На всѣ эти три рода ремесленной кооперацiи приходилось, въ общемъ, менѣе 50 тысячъ членовъ, т.-е. немногимъ болѣе 1% всего числа лицъ, участвующихъ въ кооперативахъ Германiи.

Такимъ образомъ, успѣхи ремесленной кооперацiи оказываются, при сравненiи ихъ съ общимъ ростомъ германскаго кооперативнаго движенiя, весьма и весьма скромными. Ремесленниковъ въ Германiи болѣе полутора миллiона. 50 тыс. членовъ ремеслен-

ныхъ кооперативовъ составляютъ лишь немногимъ болѣе 3% общей численности ремесленниковъ; это послѣ многолѣтнихъ усилій правительственныхъ учрежденій и могущественныхъ общественныхъ союзовъ развить ремесленную кооперацію не можетъ считаться крупнымъ результатомъ.

Главное дѣло, однако, въ томъ, что ростъ числа ремесленныхъ кооперативовъ, равно какъ и 50 тыс. участниковъ ремесленныхъ кооперативовъ значатся только на бумагѣ и весьма мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Въ число ремесленныхъ кооперативовъ германская статистика включаетъ многіе кооперативы и предпріятія, которые ничего общаго съ ремесломъ не имѣютъ.

Такъ, изъ значительнаго числа производительно-подсобныхъ товариществъ, по мнѣнію Эрнста Пэха, автора новѣйшаго изслѣдованія о германской ремесленной коопераціи («Die wirtschaftliche Bedeutung des kleingewerblichen Genossenschaftswesens», 1912), на долю дѣйствительнаго ремесла приходится не болѣе 50 товариществъ. Анализируя данныя о ремесленныхъ кооперативахъ въ послѣдніе годы, Пэхъ приходитъ къ выводу, что ни о какихъ дѣйствительныхъ успѣхахъ ремесленной коопераціи не можетъ быть и рѣчи. «Картина ремесленной коопераціи осталась въ теченіе десятилѣтій по существу неизмѣнной. И это тѣ ремесленные кооперативы, ради которыхъ Шульце-Деличъ создалъ всю свою кооперативную систему! Таковъ результатъ почти шестидесятилѣтней дѣятельности! Дѣятельности, которая по своей интенсивности не оставляла желать ничего лучшаго; ибо, какъ Шульце-Деличъ уже при первыхъ шагахъ движенія защищалъ дѣло ремесленной коопераціи, совершенно такъ же почти каждый съѣздъ «Всеобщаго союза», а съ 1901 г. и «Главнаго союза», занимался этимъ видомъ коопераціи. А рядомъ съ такими усиліями заинтересованныхъ лицъ сколько еще было приложено труда внѣ круга послѣднихъ! Какъ безконечно много затрачено усилій, сколько сдѣлано расходовъ государствомъ и общинами, теоретиками и практиками, посторонними и заинтересованными лицами, чтобы создать столь неудачное дѣтище ремесленной коопераціи! Это поистинѣ граничитъ съ трагедіей!» Въ признаніи неуспѣха ремесленной коопераціи сходятся всѣ изслѣдователи даннаго вопроса. Вотъ, напримѣръ, отзывъ Цейдлера, автора исторіи германской коопера-

ціи: «Шульце и его друзья питали особенную теоретическую симпатію къ промышленной коопераціи. Факты чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе давали опору для этой симпатіи и теперь нельзя не признать практической безрезультатности ремесленной коопераціи». Точно такъ же и докладчикъ о ремесленной коопераціи на фрейбургскомъ съѣздѣ «Всеобщаго союза» въ 1909 г., Лоръ, долженъ былъ согласиться, что «если сравнить фактическіе успѣхи ремесленныхъ товариществъ съ большой и большой работой, потраченной на ихъ поддержку на 50 съѣздахъ союза, то нельзя не сказать: результаты не утѣшительны».

Неуспѣхъ ремесленной коопераціи кажется тѣмъ разительнѣе, что крестьянская кооперація, возникшая значительно позже, быстро достигла огромнаго развитія.

III.

Вопросъ о причинахъ неуспѣха ремесленной коопераціи пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, значеніе серьезной теоретической проблемы. Посмотримъ же, какъ объясняютъ этотъ неуспѣхъ кооператоры-практики, непосредственно заинтересованные въ дѣлѣ и ближе всего знакомые со всѣми его деталями. Вопросъ этотъ обсуждался много разъ на съѣздахъ «Всеобщаго союза», и всѣ частности его могутъ считаться достаточно выясненными.

Особенно обстоятельно разобранъ вопросъ о причинахъ неудачи ремесленныхъ кооперативовъ въ докладѣ, прочитанномъ преемникомъ Шульце по руководительству «Всеобщимъ союзомъ», Крюгеромъ, на крейцнахскомъ съѣздѣ союза въ 1902 г.

Финкъ, авторъ очень цѣнной работы «Das Schultze-Delitzsche Genossenschaftswesen» (1909 г.), сводитъ указанія Крюгера на основныя причины неудачи ремесленной коопераціи къ слѣдующимъ 11 пунктамъ:

1) Равнодушію ремесленниковъ, особенно болѣе зажиточныхъ, ко всякаго рода реформамъ и новымъ общественнымъ начинаніямъ.

2) Конкуренціи между ремесленниками и взаимной зависти ихъ къ успѣху другого.

3) Кредитованію ремесленными кооперативами своихъ членовъ и задолженности самихъ кооперативовъ; эта пассивная и активная задолженность препятствуетъ ремесленнымъ кооперативамъ

пріобрѣсть экономическую устойчивость, что достижимо лишь въ томъ случаѣ, если операціи ремесленныхъ кооперативовъ могутъ основываться на платежѣ наличными деньгами.

4) Недостаточному знакомству со стороны членовъ товарищества съ современной бухгалтеріей.

5) Недостаточному знакомству со стороны широкихъ круговъ ремесленниковъ съ сущностью коопераціи; а именно, ремесленники относятся подозрительно ко всякимъ призывамъ къ самодѣятельности, между тѣмъ, какъ самодѣятельность является единственно возможной основой коопераціи.

6) Недостаточному знакомству съ дѣйствующимъ законодательствомъ.

7) Преувеличенію значенія коопераціи: не слѣдуетъ думать, что кооперація есть талисманъ для созданія благополучія всѣхъ падающихъ ремесленныхъ хозяйствъ—только тѣ ремесленники могутъ разсчитывать на поднятіе своего экономическаго уровня, которые сами по себѣ располагаютъ достаточными силами, «ремесленниковъ же, спустившихся до уровня пролетаріата, нельзя сдѣлать успѣшными предпринимателями съ помощью коопераціи».

8) Соединенію въ одномъ кооперативѣ существенно различныхъ цѣлей и задачъ; одинъ и тотъ же кооперативъ не можетъ быть одновременно и кредитнымъ, и сырьевымъ, и магазиннымъ, и производительно-подсобнымъ товариществомъ; такое соединеніе приводитъ лишь къ тому, что ни одна изъ цѣлей не достигается должнымъ образомъ.

9) Непониманію со стороны устроителей кооперативовъ значенія личнаго момента въ коопераціи: обычно думаютъ, что для устройства кооператива требуются только достаточныя денежныя средства, въ дѣйствительности же успѣхъ кооператива зависитъ, прежде всего, отъ индивидуальныхъ свойствъ входящихъ въ его составъ лицъ; если нѣтъ соотвѣтствующихъ лицъ, то никакія матеріальныя средства не могутъ обезпечить успѣхъ кооператива.

10) Неправильному отношенію къ вопросу объ образованіи кооперативомъ собственнаго капитала: нерѣдко устроители кооператива относятся слишкомъ легко къ полученію капитала со стороны,—напримѣръ, государства или общины; между тѣмъ, кооперативъ можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если онъ располагаетъ достаточнымъ собственнымъ капиталомъ, «въ томъ-

то и заключается опасность всякихъ субсидій, что субсидируемое учрежденіе привыкаетъ на нихъ разсчитывать, какъ будто бы имъ конца никогда не будетъ, и кооперативъ чувствуетъ себя освобожденнымъ отъ обязанности заботиться объ образованіи своего собственнаго капитала».

11) Зависимости кооперативовъ отъ вліянія чуждыхъ имъ учрежденій: кооперативы не должны быть подъ вліяніемъ учрежденій, которыя по своему строю и духу не имѣютъ съ ними ничего общаго, какъ, напримѣръ, ремесленныя палаты и вообще всѣ учрежденія, обладающія въ большей или меньшей степени принудительной властью.

Перечень «корней зла», данный Крюгеромъ, настолько обширенъ, что въ смыслѣ полноты онъ, казалось бы, не оставляетъ желать большаго. Перечень этотъ кажется, скорѣе, слишкомъ обширнымъ и грѣшащимъ въ противоположную сторону. Дѣйствительно, почти всѣ причины неуспѣха ремесленной коопераціи, перечисленныя Крюгеромъ, не менѣе существенны и по отношенію къ другимъ, преуспѣвающимъ видамъ коопераціи, напримѣръ, крестьянской. Развѣ, напримѣръ, крестьяне, особенно зажиточные, не «равнодушны ко всякаго рода реформамъ»? Развѣ крестьянскіе кооперативы не страдаютъ задолженностью и не склонны слишкомъ кредитовать своихъ членовъ? Развѣ крестьяне не обнаруживаютъ, еще больше, чѣмъ ремесленники, полнаго незнакомства съ современной бухгалтеріей и т. д., и т. д.? Если же всѣ эти неблагопріятныя условія нисколько не мѣшаютъ поразительному успѣху крестьянской коопераціи, то почему они оказываются столь губительными по отношенію къ коопераціи ремесленной?

Это кажется мало понятнымъ. Вообще, попытка Крюгера дать исчерпывающій списокъ причинъ неуспѣха ремесленной коопераціи производитъ на непредубѣжденнаго читателя скорѣе обратное впечатлѣніе: получается впечатлѣніе, что указываемыя причины маловажны и несущественны, во всякомъ случаѣ вполнѣ устранимы при надлежащей постановкѣ дѣла. А, слѣдовательно, и выводъ получается нѣсколько неожиданный—благопріятный для ремесленной коопераціи. Если, дѣйствительно, причины ея неуспѣха такъ разнообразны и мало связаны съ самымъ существомъ ремесла, то проблема неуспѣха ремесленной коопераціи оказывается Крюгеромъ нерѣшенной. Вѣдь совершенно ясно, что если въ

двухъ областяхъ хозяйственной жизни—въ данномъ случаѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и ремеслѣ—сходныя экономическія образованія даютъ результаты совершенно различные, то причины различій результатовъ должны корениться въ различіи обѣихъ областей хозяйственной жизни. Крюгеръ же сваливаетъ въ одну кучу и то, въ чемъ крестьянское хозяйство отличается отъ ремесла, и то, въ чемъ ремесло совершенно сходно съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Неудивительно, что результаты такихъ пріемовъ анализа оказались неудовлетворительными: вмѣсто объясненія проблемы неуспѣха ремесленной коопераціи, Крюгеръ только запуталъ эту проблему привлеченіемъ къ дѣлу множества частныхъ факторовъ, обусловившихъ гибель отдѣльныхъ ремесленныхъ кооперативовъ, но ничего не говорящихъ объ общихъ причинахъ ихъ гибели, свойственныхъ именно ремесленнымъ кооперативамъ, какъ таковымъ, въ отличіе отъ кооперативовъ крестьянскихъ.

IV.

Очевидно, «люди практики», именно потому, что они стоятъ слишкомъ близко къ дѣлу и знаютъ слишкомъ много частныхъ причинъ, приведшихъ къ гибели отдѣльные ремесленные кооперативы не могутъ разрѣшить общей проблемы неуспѣха ремесленной коопераціи. Изъ-за деревьевъ люди эти совершенно не видятъ лѣса.

Обратимся же къ общей экономической теоріи, которая, быть можетъ, еще разъ докажетъ, насколько она выше грубой эмпиріи. Въ чемъ принципіальное экономическое различіе между крестьянскимъ хозяйствомъ и ремесломъ?

Различіе это двоякаго рода. По производимымъ продуктамъ крестьянское хозяйство отличается отъ ремесла тѣмъ, что крестьянинъ изготовляетъ сельскохозяйственные продукты—растительные или животные,—ремесленникъ же занятъ промышленнымъ производствомъ. Крестьянинъ—сельскохозяйственный, а ремесленникъ—промышленный производитель.

Этимъ различается крестьянское хозяйство отъ ремесла по роду производимыхъ продуктовъ, а, слѣдовательно, и по характеру производственныхъ процессовъ. Иначе говоря, различіе это коренится въ области *техники*.

Что касается *экономической формы* крестьянскаго хозяйства и ремесла, то и тутъ различіе не менѣе глубоко. Правда, и въ ремеслѣ, и въ крестьянскомъ хозяйствѣ предпріятіе является мелкимъ. Но мелкое предпріятіе ремесленника и крестьянина относятся къ существенно-различнымъ формамъ предпріятій. А именно, ремесленникъ работаетъ всегда непосредственно на потребителя иначе говоря, на узкій и опредѣленный рынокъ, безъ торговаго посредника. Въ этомъ заключается самое существо ремесла, какъ опредѣленной формы промышленности. Если только мелкій промышленный производитель начинаетъ работать на широкій и неопредѣленный рынокъ, то онъ неизбѣжно нуждается въ торговомъ посредникѣ, который связывалъ бы его съ рынкомъ; но тѣмъ самымъ онъ попадаетъ въ зависимость отъ этого посредника-капиталиста, утрачиваетъ свою экономическую самостоятельность и превращается изъ ремесленника въ кустаря. Итакъ, самое существо ремесла заключается въ работѣ на узкій рынокъ, безъ всякаго посредничества торговаго капитала.

Напротивъ, крестьянинъ, какъ общее правило, работаетъ на широкій и неопредѣленный рынокъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ кустарю. Въ то время, какъ рынокъ для ремесленника ограничивается небольшимъ райономъ, въ предѣлахъ котораго покупатель или заказчикъ ремесленнаго продукта вступаетъ въ личныя сношенія съ ремесленникомъ, для крестьянина рынкомъ является, можно сказать, цѣлый міръ. Дѣйствительно, развѣ хлѣбъ, масло, мясо и другіе сельскохозяйственные продукты не являются предметомъ самой широкой международной торговли?

Итакъ, по своей *экономической формѣ* ремесло и крестьянское хозяйство различаются, какъ работа на *узкій* рынокъ безъ посредства торговаго капитала, и работа на *широкій* рынокъ, черезъ торговаго посредника.

Оба эти различія ремесла и крестьянскаго хозяйства—техническое и экономическое—глубоки и существенны. Ими и объясняется различіе судебъ коопераціи въ области крестьянскаго хозяйства и ремесла.

Изъ перваго различія вытекаетъ совершенно иное положеніе крестьянскаго хозяйства и ремесла въ процессѣ развитія современной хозяйственной системы. Въ то время, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ силу техническихъ особенностей, мелкое производ-

ство не только не слабѣе крупнаго, но, наоборотъ, сильнѣе послѣдняго и вытѣсняетъ послѣднее, въ промышленности мелкое производство (а, слѣдовательно, и ремесло), не можетъ выдержать конкуренціи съ крупнымъ и падаетъ подъ ударами капиталистической фабрики. Въ соотвѣтствіи съ этимъ среди ремесленниковъ наблюдается глубокая дифференціація: часть ихъ подымается выше и мало-по-малу превращается изъ мелкихъ въ крупныхъ капиталистовъ-предпринимателей, большинство же опускается книзу, пролетаризуется и сливается съ классомъ наемныхъ рабочихъ. Дифференціація наблюдается иногда и среди крестьянства, но въ гораздо слабѣйшей степени. Большинство крестьянства сохраняетъ свой своеобразный экономическій типъ—самостоятельныхъ, трудящихся хозяевъ, почти не пользующихся наемнымъ трудомъ и своимъ личнымъ трудомъ участвующихъ въ производствѣ.

Весь смыслъ разнообразной крестьянской кооперація сводится къ тому, что кооперація даетъ возможность крестьянину укрѣпить свое мелкое самостоятельное хозяйство тѣми выгодами крупнаго хозяйства, которыя доставляетъ кооперація. Но для того, чтобы кооперація могла развиться и обрасти, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ мелкое предпріятіе, требуется, чтобы само это предпріятіе, составляющее естественную опору коопераціи, было сильно и жизнеспособно. Если же мелкое предпріятіе слабо и неустойчиво, то и коопераціи не къ чему, такъ сказать, прислониться; падающее мелкое предпріятіе увлекаетъ въ своемъ паденіи и кооперацію, ибо кооперація не всесильна и можетъ дать мелкому предпріятію только нѣкоторыя, но не всѣ выгоды крупнаго хозяйства.

Въ этой несравненно большей жизнеспособности мелкаго трудового предпріятія въ сельскомъ хозяйствѣ сравнительно съ промышленностью заключается основная причина гораздо большей жизненности крестьянской коопераціи сравнительно съ ремесленной. Правда, и ремесло держится очень упорно; общая численность ремесленниковъ въ развивающейся капиталистической системѣ, несмотря на быстрый ростъ фабрики, если и сокращается, то настолько медленно, что ремесло даетъ и еще долго будетъ давать занятіе милліонамъ рабочихъ рукъ.

Но дѣло въ томъ, что въ связи со своимъ положеніемъ въ со-

временной хозяйственной системѣ классъ ремесленниковъ глубоко дифференцированъ и слагается изъ двухъ общественныхъ элементовъ, существенно различнаго типа и съ существенно разными интересами. Съ одной стороны, въ составъ ремесленниковъ входятъ мелкіе капиталисты, имѣющіе наемныхъ рабочихъ и иногда настолько успѣшно развивающіе свои операціи, что они мало-помалу возвышаются надъ своимъ классомъ и постепенно превращаются въ крупныхъ капиталистовъ. Этимъ ремесленникамъ, наиболѣе зажиточнымъ и преуспѣвающимъ, счастливымъ конкурентамъ своихъ менѣе удачливыхъ товарищей, кооперація не нужна, такъ какъ и безъ помощи коопераціи они чувствуютъ себя хорошо. Имъ противостоитъ масса ремесленниковъ, опускающихся книзу, пролетаризирующихся и съ трудомъ сохраняющихъ свое предпріятіе. Этимъ кооперація очень нужна и могла бы дать существенную помощь, если бы сами они были сильнѣе. Но неустойчивость ихъ предпріятія дѣлаетъ ихъ неспособными воспользоваться выгодами коопераціи.

Практическіе дѣятели ремесленной коопераціи указываютъ на равнодушіе ремесленниковъ ко всякимъ мѣрамъ самопомощи, какъ на первую причину трудности возникновенія ремесленныхъ кооперативовъ. Воспользуемся этимъ указаніемъ, но спросимъ, почему же именно ремесленники обнаруживаютъ такой общественный индифферентизмъ и отсутствіе пониманія своихъ классовыхъ интересовъ. Не потому ли, что падающій общественный классъ вообще всегда оказывается неспособнымъ къ созданію въ своей средѣ сильныхъ организацій? Естественными вождями ремесленнаго класса являются болѣе удачливые и зажиточные ремесленники; уже самымъ фактомъ своей удачи они доказываютъ свою большую талантливость, предпріимчивость и экономическую умѣлость. И уровень образованія въ ихъ средѣ естественно является болѣе высокимъ. Ихъ голосъ звучитъ всегда наиболѣе внушительно и авторитетно во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ той соціальной группы, къ которой они принадлежатъ.

Однако, именно они всего менѣе заинтересованы въ успѣхѣ коопераціи, а иногда даже заинтересованы въ прямо противоположномъ—въ неуспѣхѣ товариществъ, объединяющихъ ихъ менѣе удачныхъ конкурентовъ и увеличивающихъ силу послѣднихъ. Что же касается до болѣе слабыхъ и бѣдныхъ ремесленниковъ, ко-

торые, казалось бы, должны были бы крѣпко держаться за кооперацію, то, слагаясь, въ своей массѣ, изъ менѣе талантливыхъ, образованныхъ, энергичныхъ и предпріимчивыхъ представителей своего класса, они оказываются неспособными къ самостоятельнымъ общественнымъ выступленіямъ. Отсюда и тотъ общественный индифферентизмъ всего класса ремесленниковъ, на который жалуются практическіе дѣятели кооперации, индифферентизмъ, который является естественнымъ послѣдствіемъ неблагопріятнаго положенія ремесла въ системѣ современнаго капиталистическаго хозяйства.

Что индифферентизмъ ремесленниковъ отнюдь не является прирожденнымъ свойствомъ послѣднихъ, видно хотя бы изъ той выдающейся роли, которую ремесленники играли въ общественной жизни средневѣковаго города. Вѣдь именно ремесленники были тѣмъ классомъ, который создалъ цехъ и вмѣстѣ всю сложную и стройную организацію средневѣковаго городского хозяйства.

Ремесленники прежняго времени были классомъ, отличавшимся передъ всѣми другими исключительной способностью къ соціальной организаціи. Можно сказать, что вообще во всемірной исторіи ни одинъ общественный классъ не обнаружилъ до сихъ поръ такого умѣнія подчинять общественный процессъ производства регулирующему вліянію общественной власти, гармонично примиряя противоположные общественные интересы, такой способности къ соціальному творчеству, какъ ремесленники былой исторической эпохи. И потому не нужно удивляться, что Шульце, въ началѣ своей дѣятельности, болѣе всего разсчитывалъ въ своей кооперативной работѣ именно на ремесленниковъ, на ихъ историческую привычку къ соціальной организаціи.

Надежды Шульце были, однако, разбиты исторіей, и его преемникъ Крюгеръ, констатируя неудачу ремесленной кооперации, какъ на первую причину этой неудачи, указываетъ на общественный индифферентизмъ ремесленниковъ и на ихъ неспособность къ организованнымъ выступленіямъ. Откуда эта перемѣна? Изъ измѣнившагося положенія ремесла въ системѣ общественнаго хозяйства. Когда ремесло составляло вершину городского хозяйства, оно обладало исключительной способностью къ соціальному творчеству; когда оно было оттѣснено на заднее мѣсто растущимъ капитализмомъ и стало слабѣйшимъ звеномъ промышленной

системы, оно утратило способность къ организаціи и пульверизировалось на отдѣльныя предпріятія, каждое изъ которыхъ думаетъ только о самозащитѣ и своихъ частныхъ интересахъ, обнаруживая полное равнодушіе къ интересамъ другихъ. Вотъ откуда является тотъ «индивидуалистическій типъ» современнаго ремесленника, на который такъ жалуются кооператоры.

Но это еще далеко не все. Причины слабости ремесленной кооперацін заключаются не только въ томъ, что ремесло является одной изъ отраслей обрабатывающей промышленности въ противоположность крестьянскому хозяйству, имѣющему дѣло съ біологическими процессами природы. Кромѣ этого *техническаго* различія между ремесломъ и крестьянскимъ хозяйствомъ, между ними существуетъ не менѣе глубокое различіе и по отношенію къ *экономической* формѣ.

Ремесленникъ работаетъ на узкій потребительный рынокъ, а крестьянинъ—на широкій рынокъ черезъ посредство торговца. Непосредственно отсюда вытекаетъ и вторая основная причина слабости ремесленной кооперацін сравнительно съ крестьянской.

Къ своему изумленію, кооператоры открыли у крестьянина полную готовность къ объединенію своихъ личныхъ интересовъ съ интересами своихъ товарищей въ общественномъ коллективѣ и отвращеніе къ такому объединенію у ремесленника. Между тѣмъ, ничего другого и ожидать было нельзя, если только понимать различіе хозяйственнаго положенія крестьянина и ремесленника, какъ членовъ кооператива.

Крестьянинъ потому не избѣгаетъ кооперативнаго объединенія, что по самой сущности своей хозяйственной дѣятельности онъ не является конкурентомъ другого крестьянина Успѣхъ одного крестьянина никогда не причиняетъ ущерба другому. Если, напримѣръ, благодаря улучшеннымъ пріемамъ обработки поля и полученію лучшихъ сѣмянъ тому или иному крестьянину удается увеличить количество хлѣба, который онъ выноситъ на рынокъ, то отъ этого нисколько не страдаетъ сосѣдъ, производство хлѣба у котораго осталось прежнимъ. Вѣдь рынкомъ для крестьянскаго хлѣба является весь міръ и увеличеніе производства хлѣба у одного изъ безчисленныхъ производителей того же продукта ровно никакого вліянія на цѣну послѣдняго не оказываетъ и никакихъ трудностей для сбыта этого продукта не создаетъ.

Обширность, можно сказать, безпредѣльность рынка для продуктовъ крестьянскаго труда приводитъ къ тому, что крестьяне не чувствуютъ себя ни въ какомъ смыслѣ конкурентами. Среди нихъ отсутствуетъ экономическая почва для взаимной зависти и вражды. А такъ какъ объединеніе нѣсколькихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ кооперативъ даетъ существенныя выгоды каждому изъ нихъ, то вполнѣ естественно, что крестьяне охотно вступаютъ въ кооперативы, хотя крестьяне еще менѣе, чѣмъ ремесленники, знакомы съ раціональной бухгалтеріей, еще менѣе, чѣмъ ремесленники, привыкли къ общественнымъ организаціямъ, еще болѣе консервативны и недовѣрчивы ко всякому новому незнакомому начинанію, еще болѣе склонны къ широкому пользованію кредитомъ и т. д., и т. д. Словомъ, почти всѣ частныя причины неудачи ремесленныхъ кооперативовъ, которыя съ такой исчерпывающей обстоятельностью перечисляетъ Крюгеръ, дѣйствуютъ, съ еще большей силой, и среди крестьянъ—съ однимъ единственнымъ исключеніемъ: среди крестьянъ нѣтъ поводовъ къ «конкуренціи и взаимной зависти другъ къ другу». Эта причина, занимающая у Крюгера второе мѣсто въ его спискѣ, у крестьянъ отсутствуетъ не въ силу ихъ прирожденной доброжелательности, а въ силу свойствъ ихъ хозяйственнаго предпріятія.

Наоборотъ, ремесленники отнюдь не вслѣдствіе низкаго уровня своей морали относятся другъ къ другу съ такой завистью и недовѣріемъ, а вслѣдствіе совершенно правильнаго пониманія своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Ремесленники работаютъ на мѣстный потребительный рынокъ, размѣры котораго не только не безпредѣльны, но очень ограничены и не могутъ быть расширены никакими кооперативами. Передъ нами сапожникъ въ небольшомъ городкѣ или деревнѣ, продающій сапоги въ своей лавкѣ или дѣлающій ихъ по заказамъ потребителей. Количество сапогъ, которое требуется жителями городка, представляетъ собой строго опредѣленную величину, не зависящую отъ усилій сапожника. Ремесло находится теперь въ упадкѣ благодаря тому, что продукты ремесленнаго труда вытѣсняются продуктами капиталистической промышленности. Поэтому рынокъ для ремесленныхъ продуктовъ, какъ нормальное явленіе, переполненъ предложеніемъ, и ремесленниковъ больше, чѣмъ требуется для удовлетворенія мѣстнаго спроса.

При такомъ положеніи дѣла, когда ремесленники даннаго района производятъ болѣе продуктовъ, чѣмъ можетъ быть потреблено мѣстнымъ населеніемъ, каждый изъ ремесленниковъ не можетъ не видѣть въ другомъ своего конкурента и не относиться съ завистью къ его успѣхамъ. Вѣдь, если одинъ изъ ремесленниковъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, *расширяетъ* сбытъ своихъ продуктовъ, то это неизбѣжно должно вызывать, при ограниченности рынка, *сокращеніе* сбыта продуктовъ остальныхъ ремесленниковъ. Успѣхъ одного равносиленъ неуспѣху другого.

Поэтому ремесленники видятъ другъ въ другѣ не товарищей, а соперниковъ. Хотя они въ большей или меньшей степени являются трудящимися производителями, подобно крестьянамъ или фабричнымъ рабочимъ, но ихъ психика, въ ихъ отношеніи другъ къ другу, не имѣетъ ничего общаго съ психикой крестьянина или рабочаго. Психика ремесленника есть психика предпринимателя, существованію котораго угрожаетъ конкуренція другихъ предпринимателей.

Правда, за послѣднія десятилѣтія мы видимъ все растущую тенденцію среди крупныхъ предпринимателей къ замѣнѣ конкуренціи соглашеніемъ, къ образованію мощныхъ предпринимательскихъ союзовъ, картелей и трестовъ. Почему же и ремесленникамъ не послѣдовать примѣру своихъ болѣе сильныхъ собратьевъ и не смѣнить конкуренцію соглашеніями? Если такая замѣна соотвѣтствуетъ интересамъ крупныхъ предпринимателей, то развѣ того же не требуютъ интересы и мелкихъ предпринимателей?

Здѣсь нужно, однако, принять въ соображеніе совершенно различное положеніе въ системѣ современнаго хозяйства крупнаго и мелкаго промышленнаго предпріятія. Крупное предпріятіе безусловно побѣждаетъ; ему не приходится опасаться конкуренціи мелкаго. Картели и тресты потому получаютъ такое распространеніе среди крупныхъ предпринимателей, что они замѣняютъ конкуренцію *монополіей*. Монополія же даетъ возможность предпринимательскому союзу захватывать потребителя въ свои руки и *поднимать цѣны* путемъ сокращенія предложенія соотвѣтствующихъ продуктовъ.

Возможно ли нѣчто подобное для ремесла? Вѣдь ремесло страдаетъ отъ конкуренціи крупныхъ предпріятій, которыя являются въ этой борьбѣ безспорно сильнѣйшей стороной. Цѣны ремес-

ленныхъ продуктовъ не могутъ быть подняты соглашеніемъ ремесленниковъ, такъ какъ цѣны эти диктуются конкуренціей съ ремесломъ крупныхъ предпріятій.

Представимъ себѣ, напримѣръ, что деревенскіе мельники, являющіеся однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей деревенскаго ремесла, заключаютъ между собой соглашеніе для поднятія цѣны за помолъ. Соглашеніе это повело бы только къ тому, что хлѣбъ сталъ бы подвозиться для помола не на мелкія, а на крупныя капиталистическія мельницы, конкуренція которыхъ держитъ на низкомъ уровнѣ цѣну за помолъ на деревенскихъ вѣтрянкахъ. Точно такъ же попытка деревенскихъ сапожниковъ поднять путемъ соглашенія цѣны на сапоги должна потерпѣть неудачу потому, что цѣна ремесленнаго сапога опредѣляется его конкуренціей съ фабричнымъ и кустарнымъ сапогомъ; поднятіе цѣны ремесленнаго сапога должно повести къ вытѣсненію его фабричнымъ и кустарнымъ сапогомъ.

Но если даже, въ силу тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ условій, ремесленники и могутъ не опасаться въ данномъ районѣ конкуренціи крупныхъ предпріятій и, значитъ, могутъ достигнуть путемъ соглашенія монополіи, монополія эта не можетъ доставить имъ такихъ выгодъ, которыя получатъ отъ монополіи крупные предприниматели. Ибо, какимъ образомъ монопольный трестъ достигаетъ поднятія цѣнъ своихъ продуктовъ? Путемъ сокращенія ихъ производства. Въ Америкѣ, при сліяніи многихъ фабрикъ въ трестъ, трестъ обычно начинаетъ свою дѣятельность съ того, что закрываетъ нѣкоторыя изъ этихъ фабрикъ, или даже большинство, и сосредоточиваетъ производство въ тѣхъ, которыя представляютъ нѣкоторыя преимущества передъ остальными. Точно такъ же и капиталистическія картели достигаютъ повышенія цѣнъ лишь путемъ соотвѣтствующаго сокращенія производства.

Мыслима ли подобная политика для союза ремесленниковъ? Могутъ ли они достигнуть поднятія цѣнъ своихъ продуктовъ путемъ сокращенія производства? Очевидно, нѣтъ. Ни одинъ ремесленникъ не согласится прекратить или сократить свое производство для того, чтобы такимъ образомъ поднять цѣны ремесленнаго продукта, ибо его рабочая сила окажется въ такомъ случаѣ неиспользованной или не вполнѣ использованной.

Отсюда слѣдуетъ, что путь соглашенія въ цѣляхъ достиженія

монополіи, которымъ идутъ въ настоящее время крупные капиталисты, закрытъ для полукапиталистовъ-полурабочихъ ремесленниковъ. И вотъ почему «духъ конкуренціи» въ ремеслѣ болѣе живучъ, чѣмъ въ крупной промышленности.

Къ этому присоединяется еще другое обстоятельство, столь же непосредственно вытекающее изъ существа ремесла и столь же неблагопріятное для коопераціи. А именно, ремесленныя предпріятія по самой своей природѣ должны быть въ современномъ обществѣ разбросаны на обширныхъ пространствахъ. Въ средніе вѣка ремесленники могли жить большими скученными группами, потому что ремесло было господствующей формой промышленности. Теперь не то. Теперь ремесло оттѣснено изъ крупныхъ населенныхъ центровъ въ мелкіе, да и тамъ должно быть разбросано на большой площади, чтобы находить кліентовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ населенномъ центрѣ (маленькомъ городкѣ или деревнѣ) ремесленниковъ извѣстнаго рода немного, ибо большее количество ихъ не нашло бы сбыта продуктамъ своего труда.

И въ этомъ отношеніи наблюдается разительный контрастъ между крестьянами и ремесленниками. Крестьяне живутъ въ большомъ числѣ бокъ о бокъ другъ съ другомъ, занимаясь однимъ и тѣмъ же родомъ труда и имѣя одни общіе интересы. Напротивъ, ремесленники, занимающіеся тѣмъ же родомъ труда, имѣются въ небольшомъ количествѣ въ каждомъ отдѣльномъ населенномъ центрѣ и живутъ въ большомъ отдаленіи другъ отъ друга. Это требуется самыми условіями ихъ промысла. Нѣсколько рядомъ живущихъ ремесленниковъ не нашли бы заказчиковъ или покупателей своихъ продуктовъ. Очевидно, напримѣръ, что булочныя заведенія не могутъ быть скучены въ одномъ пунктѣ города, но должны быть равномѣрно разсѣяны по всей территоріи города.

Но чѣмъ меньше лицъ, могущихъ войти въ составъ кооператива, тѣмъ слабѣе и этотъ послѣдній. Изъ трехъ, четырехъ лицъ не можетъ составиться кооперативъ, какъ бы эти лица ни сочувствовали коопераціи. Кооперативъ можетъ имѣть хозяйственное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если онъ является болѣе или менѣе крупнымъ предпріятіемъ. Даже самые мелкіе крестьянскіе кооперативы—кредитныя товарищества райффейзеновскаго типа—считаютъ своихъ членовъ многими десятками. Но легко ли набрать

нѣсколько десятковъ ремесленниковъ того же рода и притомъ живущихъ настолько близко другъ отъ друга, чтобы собираться вмѣстѣ и вести общее хозяйство? И вотъ мы видимъ, что ремесленные кооперативы, по недостаточной численности ремесленниковъ, живущихъ въ опредѣленномъ районѣ, имѣютъ обычно ничтожные размѣры. Среди ремесленныхъ кооперативовъ встрѣчается много такихъ, число членовъ которыхъ опредѣляется не сотнями или десятками, а немногими единицами. Но кооперативъ съ 7 или 8 членами уже почти не кооперативъ.

Итакъ, существеннымъ препятствіемъ къ успѣху ремесленной кооперацiи является и то обстоятельство, что ремесленники живутъ разсѣянно на обширной территоріи, кооперація же можетъ удаваться только при тѣсномъ общеніи между собой болѣе или менѣе обширныхъ группъ лицъ, живущихъ достаточно близко другъ отъ друга. Разбросанность же ремесла есть непосредственное слѣдствіе конкуренціи съ нимъ капиталистической промышленности, оттѣснившей ремесло въ маленькіе города и деревни, да и тамъ разсѣявшей ремесленниковъ отдѣльными единицами среди населенія, покупающаго продукты ремесленнаго труда.

V.

Среди различныхъ видовъ ремесленныхъ кооперативовъ наиболѣе глубоко захватываютъ условія ремесла магазинныя товарищества. Эти товарищества обѣщаютъ ремесленнику всего болѣе— вѣдь современный кризисъ ремесла коренится именно въ измѣненіи условій сбыта. Поскольку ремесленникъ страдаетъ отъ недостатка сбыта, постольку и мѣры помощи ремеслу должны быть направлены на улучшеніе условій сбыта. Магазинное товарищество обѣщаетъ ремесленнику поставить сбытъ его продуктовъ въ тѣ же условія, въ которыхъ сбываются и продукты капиталистической промышленности. Современный потребитель привыкъ покупать все нужное ему въ магазинѣ—онъ не можетъ разыскивать ремесленника и ждать, пока тотъ исполнитъ сдѣланный ему заказъ. Кромѣ того, современный потребитель нуждается въ большомъ подборѣ разнообразныхъ товаровъ: онъ выбираетъ среди многихъ товаровъ тѣ, которые ему болѣе всего по вкусу.

Именно потому, что ремесленникъ не можетъ удовлетворить этимъ требованiямъ, онъ и оказывается такимъ слабымъ въ борьбѣ съ капиталистической промышленностью. Магазинныя товарищества, объединяя сбытъ продуктовъ многихъ ремесленниковъ, ставятъ ихъ, казалось бы, въ такое положенiе, при которомъ они могутъ вести эту борьбу съ большей надеждой на успѣхъ.

Вотъ почему именно эти товарищества особенно необходимы для ремесла и составляютъ какъ бы пробный камень силы всей ремесленной кооперацiи.

Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнiю, что магазинныя товарищества ремесленниковъ являются самымъ неудачнымъ дѣтищемъ въ кооперативной семьѣ. Ихъ совсѣмъ мало. Правда, ихъ считается въ Германiи около сотни, при чемъ въ 1908 г. число членовъ въ нихъ достигало 4.544. Послѣдняя цифра незначительна, но еще хуже то, что изъ этихъ 4 тысячъ членовъ магазинныхъ товариществъ свыше 3 тысячъ приходится на одинъ родъ ремесла—товарищества мясниковъ. Въ этомъ ремеслѣ товарищества по сбыту получили нѣкоторое распространенiе въ силу особыхъ условiй мясного дѣла. А именно, мясное дѣло даетъ, кромѣ мяса, цѣлый рядъ отбросовъ—шкуры, рога, жиръ, внутренности и пр. Эти отбросы имѣютъ довольно значительную цѣнность, но не могутъ сбываться той публикѣ, которая составляетъ нормальнаго покупателя мясной лавки.

Товарищество по сбыту среди мясниковъ и имѣетъ въ виду сбытъ отбросовъ мясного дѣла, но отнюдь не сбытъ самаго мяса. Товарищества эти получили за послѣднее время нѣкоторое распространенiе, но они совершенно не затрогиваютъ условiй сбыта главнаго продукта мясного дѣла—мяса. Въ области сбыта мяса товарищества по сбыту совершенно отсутствуютъ.

Почему же магазинныя товарищества такъ мало удаются ремесленникамъ? Помимо общихъ причинъ слабости ремесленной кооперацiи, въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ и особыя причины. А именно, магазинныя товарищества противорѣчатъ какъ бы внутренней природѣ ремесла. Вѣдь ремесло есть работа непосредственно на потребителя, безъ всякаго посредника. Если же между производителемъ и потребителемъ становится посредникъ, магазинъ, то это уже не ремесло, а кустарная промышленность.

Концентрируя въ одномъ магазинѣ продажу продуктовъ мно-

гихъ ремесленниковъ, магазинное товарищество, прежде всего, требуетъ большихъ расходовъ на содержаніе магазина. Продавая свой продуктъ у себя дома, ремесленникъ избѣгаетъ всѣхъ расходовъ, связанныхъ съ веденіемъ сложнаго торговаго предпріятія. Продуктъ переходитъ къ покупателю, неся на себѣ только расходы производства. Будучи проданъ въ магазинѣ, продуктъ несетъ на себѣ еще очень крупные расходы по продажѣ. А эти послѣдніе расходы могутъ выразиться цифрой не менѣе крупной, чѣмъ расходы производства. Практика показала, что расходы по содержанію магазина сплошь и рядомъ превосходятъ всѣ выгоды, которыя ремесленники получаютъ отъ продажи своихъ продуктовъ черезъ посредство магазиновъ.

Затѣмъ, магазинъ собираетъ къ одному пункту ремесленныя продажи. Но этимъ самымъ ремесленникъ отдаляется отъ потребителя. Вѣдь ремесло работаетъ на потребителя, а потребитель разсѣянъ по всей площади извѣстнаго населеннаго центра. Стягивая ремесленныя продажи въ магазинъ, товарищество разъединяетъ ремесленника и потребителя и затрудняетъ сбытъ ремесленныхъ издѣлій.

Правда, зато магазинное товарищество даетъ ремесленнику такое могущественное средство расширенія сбыта, какимъ является магазинъ. Но не ясно ли, что магазинъ ремесленнаго товарищества стоитъ гораздо ниже обычнаго капиталистическаго магазина. Послѣдній ничѣмъ не стѣсненъ въ выборѣ товаровъ, предлагаемыхъ вниманію публики. Обычный магазинъ покупаетъ тотъ товаръ, который всего дешевле и всего лучше удовлетворяетъ требованіямъ публики. Онъ торгуетъ и ремесленными и кустарными, но главнымъ образомъ фабричными продуктами. Только такимъ образомъ и можетъ быть достигнута полнота ассортимента товара, составляющая главное условіе для успѣха магазина.

Напротивъ, магазинное товарищество ремесленниковъ, въ своемъ чистомъ видѣ, ведетъ торговлю только тѣми товарами, которые изготовляютъ его члены. Поэтому оно должно проигрывать въ конкуренціи съ обычными капиталистическими магазинами.

На Франкфуртскомъ съѣздѣ «Всеобщаго союза» въ 1908 г. магазинныя товарищества были предметомъ продолжительнаго обсужденія, выяснившаго, что магазинныя товарищества могутъ разсчитывать на успѣхъ только при одномъ условіи: если они сбы-

ваютъ не только продукты своихъ членовъ, но и продукты, покупаемые со стороны. Всѣ немногія магазинныя товарищества, которыя удаются, торгуютъ даже преимущественно товарами этого послѣдняго рода, такъ, напримѣръ, товарищества башмачниковъ и мебельщиковъ.

Но вѣдь въ этомъ случаѣ магазинное товарищество превращается въ простую капиталистическую лавку—и, конечно, нѣтъ никакихъ основаній, почему бы группа ремесленниковъ не могла устроить успѣшной капиталистической лавки, въ которой продавались бы на ряду съ товарами, покупаемыми на сторонѣ, также и продукты, производимые хозяевами лавокъ. Такія лавки вполнѣ возможны, но все же болѣе сильнымъ предпріятіемъ является обычная лавка, принадлежащая одному капиталисту; связь лавки съ товариществомъ ремесленниковъ отнюдь не требуется для успѣха лавки, а, напротивъ, мѣшаетъ этому успѣху, ибо крайне усложняетъ и запутываетъ все дѣло и создаетъ огромныя трудности для надлежащаго руководительства имъ. Не нужно забывать, что хозяевами общаго предпріятія являются въ данномъ случаѣ люди, видящіе другъ въ другѣ опасныхъ конкурентовъ и разсматривающіе каждый успѣхъ другого, какъ убытокъ для себя. Товарищество изъ такихъ людей распадается очень легко, и нужны довольно исключительныя условія, чтобы оно долго держалось.

При такихъ трудностяхъ магазинныхъ товариществъ неудивительно, что они удаются такъ рѣдко. На Франкфуртскомъ съѣздѣ одинъ изъ видныхъ кооперативныхъ дѣятелей сказалъ, что когда къ нему обращаются съ просьбой помочь устройству магазиннаго товарищества, у него «пробѣгаетъ морозъ по кожѣ».

Единственнымъ видомъ ремесленной коопераціи, имѣющимъ извѣстное значеніе на практикѣ, являются сырьевыя товарищества. Правда, и эти товарищества большого распространенія среди ремесленниковъ не получили. Но все же это кооперація не только на бумагѣ, а хозяйственное явленіе, играющее свою, хотя и скромную роль въ современной жизни. Въ 1908 г. въ 296 сырьевыхъ товариществахъ Германіи считалось 11.964 члена. Всего болѣе были развиты сырьевыя товарищества среди башмачниковъ (2.698 членовъ), булочниковъ (2.007 чл.), портныхъ (1.336 чл.) и парикмахеровъ (1.420 чл.). Къ этимъ сырьевымъ товариществамъ

въ чистомъ видѣ нужно присоединить еще товарищества смѣшаннаго рода, по закупкѣ и по сбыту, которыхъ считалось также 130 съ 4.856 чл.

Необходимость этихъ кооперативовъ для ремесленниковъ такъ очевидна, что объясненія требуетъ не наличность ихъ, а ихъ слабое распространеніе. Дѣйствительно, вѣдь главную затрату для ремесленника составляетъ, обычно, пріобрѣтеніе сырого матеріала для обработки. Для ремесленниковъ закупочныя товарищества гораздо необходимѣе, чѣмъ для крестьянъ, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ отсутствуетъ затрата на сырье. Съ другой стороны, закупочныя товарищества ремесленниковъ не наталкиваются на тѣ трудности, которыя мѣшаютъ успѣху магазинныхъ товариществъ: сырьевыя товарищества ни малѣйшимъ образомъ не противорѣчатъ внутренней природѣ ремесла, не измѣняютъ условій сбыта ремесленныхъ продуктовъ и не вызываютъ крупныхъ добавочныхъ расходовъ на устройство магазина.

Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что вообще въ условіяхъ современной хозяйственной системы закупка несравненно легче осуществима, чѣмъ сбытъ. Поэтому наличность въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ремесла жизнеспособныхъ сырьевыхъ товариществъ не должна насъ удивлять. Кооператоры-практики также относятся къ сырьевымъ товариществамъ совершенно иначе, чѣмъ къ магазиннымъ. Они не только не говорятъ, что при просьбѣ объ устройствѣ такого товарищества у нихъ «пробѣгаетъ морозъ по кожѣ», но, напротивъ, называютъ этотъ видъ кооперацін «благодѣтельнымъ для всякаго промысла, гдѣ появляются сырьевыя товарищества».

Однако, какъ показываютъ факты, огромное большинство ремесленниковъ обнаруживаетъ полнѣйшее равнодушіе къ этому благодѣянію, и лишь въ очень немногихъ промыслахъ сырьевыя товарищества получили, хотя и ограниченное, распространеніе. Поэтому въ ничтожномъ успѣхѣ сырьевыхъ товариществъ слѣдуетъ видѣть наиболѣе убѣдительное доказательство неприспособленности ремесленниковъ къ кооперативнымъ организаціямъ вообще. Въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ въ чистомъ видѣ тѣ общія причины неудачи ремесленной коопераціи, о которыхъ сказано выше. Слабость ремесла въ современномъ строѣ хозяйства, разбросанность ремесленниковъ среди другихъ элементовъ населенія, оже-

сточенная конкуренція между ними—вотъ что мѣшаетъ распространенію среди ремесленниковъ даже такихъ кооперативовъ, выгоды которыхъ очевидны.

VI.

Изъ изложеннаго видно, что кооперація не имѣетъ никакихъ шансовъ получить среди ремесленниковъ значительное распространеніе. Кооперація не для ремесленниковъ—такой грустный выводъ, который вытекаетъ изъ безпристрастнаго анализа фактовъ.

Однако, отсюда не слѣдуетъ заключать, что вообще въ промышленности нѣтъ мѣста для коопераціи. Въ мелкомъ промышленномъ производствѣ мы различаемъ двѣ совершенно различныхъ формы—ремесло и кустарную промышленность. Существенное различіе между ними заключается въ томъ, что ремесленникъ работаетъ на узкій потребительскій рынокъ безъ всякаго посредника; кустарь же работаетъ на широкій рынокъ черезъ посредника.

По своей экономической формѣ кустарничество вполнѣ сходно съ крестьянскимъ сельскимъ хозяйствомъ: въ обоихъ случаяхъ рынокъ для изготовляемаго продукта неопредѣленно широкъ. Но въ противность крестьянскому сельскому хозяйству, кустарничество является не растущей, а падающей формой хозяйства потому, что мелкое производство въ промышленности слабѣе крупнаго.

Изъ трехъ основныхъ причинъ неудачи ремесленной коопераціи въ области кустарничества дѣйствуетъ лишь первая—кустарничество не менѣе ремесла вытѣсняется крупнымъ производствомъ. Однако, по отношенію къ двумъ другимъ причинамъ слабости коопераціи въ ремеслѣ кустарничество сближается не съ ремесломъ, а съ крестьянскимъ сельскимъ хозяйствомъ: работая на широкій рынокъ, кустари живутъ значительными группами другъ подлѣ друга, и они такъ же мало конкурируютъ другъ съ другомъ, какъ и крестьяне. Успѣхъ одного кустаря не причиняетъ никакого ущерба его товарищу по промыслу. Поэтому кооперативная организація кустарей не наталкивается на такія непреодолимыя препятствія, какъ кооперативная кооперація ремесленниковъ.

Товарищества по сбыту ни малѣйшимъ образомъ не противорѣчатъ внутренней природѣ кустарничества. Послѣднее неизбѣжно предполагаетъ посредническую организацію сбыта. Такимъ посред-

никомъ обычно является скупщикъ-капиталистъ. Пользуясь своимъ выгоднымъ экономическимъ положеніемъ, скупщикъ стремится свести къ минимуму оплату кустарнаго продукта. Товарищество кустарей по сбыту можетъ оттѣснить скупщика и существенно повысить оплату кустарнаго труда.

Товарищество по закупкѣ столь же необходимо кустарямъ, какъ и ремесленникамъ, но гораздо легче осуществимо, такъ какъ кустари живутъ обширными группами и не имѣютъ основанія опасаться успѣха другъ друга, ибо ихъ экономическое существованіе не зависитъ отъ ограниченнаго мѣстнаго рынка.

Такимъ образомъ, для кустарной коопераціи открывается возможность развитія. Затрудняется кустарная кооперація однимъ чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ: крайнимъ упадкомъ экономическаго благосостоянія кустарей, представляющихъ собой, по уровню своего существованія, едва ли не ниже всего стоящую соціальную группу въ современномъ обществѣ. При такой экономической слабости кустари не могутъ собственными силами, безъ посторонней поддержки, создавать кооперативы.

Но тутъ могутъ и должны притти имъ на помощь другія общественныя организаціи—какъ болѣе сильные крестьянскіе кооперативы, такъ и земство, равно какъ и правительственныя учрежденія, помогающія кустарной промышленности. Въ настоящее время среди всѣхъ практическихъ дѣятелей по воспособленію кустарной промышленности является общепризнаннымъ, что кооперація составляетъ необходимое условіе поднятія кустарныхъ промысловъ. Теорія вполнѣ подтверждаетъ возможность кустарной коопераціи, имѣющей шансы на значительное развитіе, въ противоположность безнадежности ремесленной коопераціи.

ГЛАВА IV.

Мелкобуржуазная потребительная кооперація.

I. — Мелкобуржуазные потребительные кооперативы на Западѣ. II. — Мелкобуржуазные потребительные кооперативы въ Россіи.

I.

Наиболѣе совершеннымъ типомъ мелко-буржуазной потребительной кооераціи могутъ считаться извѣстныя лондонскія чиновничьи общества потребителей. Въ англійской кооперативной литературѣ общества эти не признаются кооперацiей, хотя сами эти общества именуютъ себя кооперативами. Дѣло тутъ, разумѣется, не въ словахъ. Но крайне характерно, что различіе во внутренней структурѣ оказывается въ данномъ случаѣ такъ велико, что представители пролетарской кооераціи отказываютъ лондонскимъ обществамъ даже въ названіи кооперативовъ.

Сравненіе организацій чиновничьихъ и пролетарскихъ потребительныхъ обществъ лучше всего выясняетъ классовую природу кооераціи. Дѣйствительно, откудá всѣ различія тѣхъ и другихъ обществъ, какъ не изъ различія классоваго состава членовъ этихъ организацій?

Благодаря тому, что лондонскія чиновничьи общества не признаются англійскими кооператорами кооперативами, литература о нихъ очень не велика. Наиболѣе обстоятельное и детальное описаніе этихъ обществъ содержится, повидимому, въ книгѣ Серноона «Les sociétés cooperatives anglaises» (1905 г.).

Прежде всего нужно констатировать, что общества эти отнюдь не являются малозначительными или плохо устроенными организаціями. Самое крупное изъ этихъ обществъ—«Civil Service Supply Association» имѣло въ 1903 г. свыше 62-хъ тысячъ участ-

никовъ. Другое лондонское общество сходнаго типа «Civil Service Cooperative Society», насчитывало въ томъ же году свыше 10-ти тыс. участниковъ.

Лондонъ называютъ «кооперативной пустыней»; однако, Лондонъ обладаетъ величайшимъ потребительнымъ обществомъ,—указаннымъ обществомъ чиновниковъ гражданской службы, которое по числу своихъ участниковъ оставляетъ позади себя самые крупные рочдельскіе кооперативы Англіи. И если Лондонъ дѣйствительно является «кооперативной пустыней», то это потому, что названныя чиновничьи общества не признаются англійскими кооператорами кооперативами.

Чиновничьи потребительныя общества Лондона возникли уже довольно давно, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, подъ непосредственнымъ вліяніемъ успѣховъ рочдельской коопераціи. Исторія ихъ возникновенія такова.

Въ 1866 г. нѣсколько мелкихъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства стали производить совмѣстныя закупки предметовъ потребленія. Побудительнымъ толчкомъ къ этому явились свѣдѣнія объ успѣхахъ рочдельскихъ обществъ. Движеніе охватило скоро и высшихъ служащихъ; возникло два особыхъ потребительныхъ общества: одно—мелкихъ чиновниковъ, другое—высшихъ. Общество съ большимъ числомъ членовъ «Civil Service Supply» объединяетъ мелкихъ, а «Civil Service Cooperative»—высшихъ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства, офицеровъ арміи и флота, врачей и вообще лицъ либеральныхъ профессій.

Различіе того и другого общества видно уже по размѣру пая: въ первомъ обществѣ каждый членъ долженъ имѣть одну акцію, цѣной въ 1 ф. ст., во второмъ каждый долженъ имѣть акцій не менѣе, чѣмъ на 5 ф. ст.

Припомнимъ, что рочдельскія общества требуютъ самыхъ ничтожныхъ единовременныхъ взносовъ; для того, чтобы стать членомъ, обычно первоначальный взносъ долженъ быть не менѣе 1 шил., остальная сумма до полнаго пая пополняется отчисленіями изъ остатковъ, слѣдуемыхъ члену.

Рочдельское общество ставило своей цѣлью преобразованіе всего существующаго общественнаго строя. Лондонскія общества чиновниковъ болѣе скромны въ своихъ стремленіяхъ; ихъ цѣли формулированы въ уставѣ какъ «покупка по оптовымъ цѣнамъ предме-

товъ потребленія съ перепродажей ихъ по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ».

Уже въ этой формулировкѣ бросается въ глаза отрицаніе основного рочдельскаго принципа продажи товаровъ по рыночнымъ цѣнамъ. Чиновничьи общества стремятся продавать свой товаръ по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ и, понятно, не задаются никакими отдаленными утопическими цѣлями.

Полученныя сбереженія рочдельскія общества распредѣляютъ между своими членами пропорціонально забору каждаго. Напротивъ, общества чиновниковъ распредѣляютъ свои прибыли пропорціонально числу акцій въ распоряженіи каждаго.

Въ общихъ собраніяхъ рочдельскихъ обществъ каждый имѣетъ одинъ голосъ независимо отъ числа паевъ, которыми онъ владѣетъ. Напротивъ, въ «Supply Association» число голосовъ каждаго опредѣляется числомъ акцій въ его распоряженіи (съ максимумъ въ 10 голосовъ).

И то, и другое чиновничье общество знаетъ двѣ категоріи своихъ участниковъ: членовъ и только покупателей. Первые должны обладать акціями, вторые обязаны дѣлать лишь небольшой ежегодный взносъ. Первые являются полноправными хозяевами всего дѣла, вторые же не имѣютъ права голоса и не пользуются никакой долей прибылей общества. Первые составляютъ около одной десятой всего числа участниковъ, въ то время, какъ вторые,—несравненно болѣе многочисленные,—увеличиваютъ своими покупками дивиденды первыхъ.

Число акцій въ каждомъ изъ этихъ обществъ представляетъ заранѣе опредѣленную величину. Капиталъ общества низшихъ чиновниковъ равняется 300 тыс. ф. ст., капиталъ второго общества — 100 тыс. ф. Чтобы статъ акціонеромъ и, слѣдовательно, полноправнымъ членомъ, нужно пріобрѣсти акцію у кого-либо другого.

Процентъ прибыли, выручаемый этими обществами, очень не великъ, если его распредѣлить на общую сумму продажъ общества. И это не удивительно, такъ какъ общества стремятся продавать свои товары по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ. Но эта небольшая прибыль, распредѣленная на акціи, даетъ огромные дивиденды. Первое общество въ 1903 г. имѣло на акцію всей прибыли 13%, а второе, болѣе аристократическое,—даже 16,5%.

Эта огромная прибыль получается потому, что въ пользу акціонеровъ идутъ всѣ выгоды отъ продажи товаровъ не акціонерамъ.

Вся организація чиновничьихъ обществъ построена иначе, чѣмъ пролетарскихъ. Пролетарскія потребительныя общества даютъ самое ничтожное вознагражденіе лицамъ, образующимъ правленіе общества,—обычно не болѣе 10 ф. въ годъ. И это не удивительно, ибо пролетарскія общества разсчитываютъ на преданность кооперативному дѣлу со стороны его руководителей. Напротивъ, вознагражденіе членовъ правленія чиновничьихъ обществъ выражается сотнями ф. с.

Обладая значительными капиталами и превосходнымъ управляющимъ персоналомъ, чиновничьи общества въ смыслѣ техники своего устройства не оставляютъ желать лучшаго. Ихъ магазины принадлежатъ къ наиболѣе благоустроеннымъ и элегантнымъ въ Лондонѣ. И въ то же время общества эти признаютъ себя нисколько не менѣе кооперативами, чѣмъ рочдельскія общества.

Однако, если подъ кооперацiей понимать организацiи, существенно отличныя отъ капиталистическихъ товариществъ, то придется согласиться съ англійскими кооператорами, что потребительныя общества чиновниковъ не могутъ считаться кооперацiей чистаго типа. Они не служатъ интересамъ массы потребителей, а прежде всего капитала. Хозяевами ихъ являются лишь акціонеры, составляющіе небольшую долю участниковъ этихъ обществъ. Организаціи эти очень близки къ капиталистическимъ акціонернымъ компаніямъ.

Крайне характерно, что эти общества, располагая довольно крупными капиталами, отнюдь не обнаруживаютъ той тенденціи къ неограниченному расширенію и захвату въ свои руки за розничной торговлей оптовой, а затѣмъ и производства, которая составляетъ такую важную особенность рочдельскихъ обществъ. Ни одно изъ чиновничьихъ обществъ не занимается производствомъ чего бы то ни было. «Коротко говоря, эти общества,—замѣчаетъ Серксонъ, — послѣ тридцатисеми- или тридцативосьмилѣтняго существованія ограничиваютъ свою дѣятельность теперь, какъ и въ 1867 г., продажей въ розницу товаровъ, покупаемыхъ оптомъ. Они какъ бы застыли въ своемъ первоначальномъ видѣ; но зато,—и это стоитъ отмѣтить,—они всѣ продаютъ спиртные напитки, чего никогда не дѣлаютъ рабочія потребительныя общества».

Въ то же время расходы по содержанію этихъ обществъ очень

велики сравнительно съ рабочими обществами: въ первыхъ расходы названнаго рода не превышаютъ въ среднемъ 7$^0/_0$ общей суммы продажъ, а въ чиновничьихъ обществахъ тѣ же расходы выражаются вдвое большими цифрами и доходятъ даже до 20$^0/_0$.

Можетъ показаться непонятнымъ, почему же чиновничьи общества не переходятъ къ собственному производству, если это производство оказывается выгоднымъ для рочдельскихъ обществъ.

Это зависитъ отъ слѣдующаго. Прежде всего, какъ ни странно это можетъ показаться, чиновничьи общества обладаютъ сравнительно съ пролетарскими небольшими капиталами. Дѣло въ томъ, что пролетарская кооперація въ Англіи, начавъ безъ всякихъ капиталовъ, накопила за долгіе годы, благодаря слѣдованію рочдельскимъ принципамъ капиталы, значительно превосходящіе нынѣ капиталы чиновничьихъ обществъ. Такъ, общество «Civil Cooperative», при 10-ти тыс. участниковъ имѣетъ капиталъ въ 100 тыс. ф. ст. Цѣлый рядъ пролетарскихъ обществъ съ такимъ же числомъ членовъ имѣетъ капиталы отъ 200 до 300 тыс. ф. Капиталъ «Supply Association», при 60-ти тыс. участниковъ, достигаетъ 320-ти тыс. ф., между тѣмъ, какъ пролетарское Лидское потребительное общество при 50-ти тыс. членовъ имѣло капиталъ въ 700 тыс. ф.

Итакъ, пролетарскія общества прежде всего богаты, въ то время какъ общества людей высшихъ классовъ бѣдны. Главное же дѣло въ томъ, что пролетарскимъ обществамъ присущъ духъ дерзанія, стремленія къ новымъ путямъ, чего совершенно лишены чиновничьи общества.

Члены пролетарскихъ обществъ не имѣютъ собственныхъ капиталовъ, а ихъ паи, вложенные въ общество, представляютъ собой очень небольшія суммы. Богатству этихъ обществъ противостоитъ бѣдность ихъ членовъ. А такъ какъ общество управляется членами, то послѣдніе легко соглашаются на рискъ, послѣдствій котораго имъ особенно опасаться не приходится.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся чиновничьи общества. Сами эти общества сравнительно бѣдны; но каждый изъ ихъ акціонеровъ владѣетъ довольно крупными суммами въ видѣ акцій. Утрата этихъ суммъ является существеннымъ ущербомъ для ихъ владѣльцевъ, и поэтому члены чиновничьихъ обществъ въ страхѣ отступаютъ передъ всякимъ новымъ предпріятіемъ, сопряженнымъ съ опасностью потери капитала. Да и для чего имъ рисковать, ко-

гда капиталъ, помѣщенный въ акціяхъ этихъ обществъ, и теперь имъ даетъ очень крупный дивидендъ.

Кромѣ того, весь внутренній духъ пролетарскихъ и чиновничьихъ обществъ различенъ глубочайшимъ образомъ. Во главѣ пролетарскихъ обществъ стоятъ идейные люди, сознающіе себя участниками великаго общественнаго движенія, имѣющаго еще болѣе великое будущее. Они принимаютъ участіе въ кооперативныхъ конгрессахъ, читаютъ кооперативную прессу, сами принимаютъ участіе въ ней. Вознагражденіе ихъ въ общемъ такъ невелико, что только интересъ къ самому дѣлу можетъ привлекать ихъ къ нему. Напротивъ, директора и администраторы чиновничьихъ обществъ видятъ въ своей дѣятельности только болѣе или менѣе хорошо оплачиваемую службу, подобно всякой другой.

Столь же различна психологія пролетарія, рядового члена рабочаго общества, и чиновника, рядового члена чиновничьяго общества. Въ результатѣ столь различной психологіи и руководителей и рядовыхъ членовъ долженъ получиться и совершенно различный ходъ развитія обществъ того и другого рода, что мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности.

Общество, охватывающее имущіе классы, неизбѣжно должно принять совершенно иной видъ, сложиться въ совершенно иную форму, чѣмъ потребительныя общества фабричныхъ рабочихъ.

II.

Въ Россіи потребительная кооперація возникаетъ среди имущихъ классовъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Вотъ какъ характеризуются наши первыя потребительныя общества въ литературѣ того времени:

«Учредителями и членами въ этихъ обществахъ являлись или богатые помѣщики и купцы, не испытывавшіе никакихъ серьезныхъ нуждъ и никогда не думавшіе дѣлать какія-либо сбереженія, или чиновники, лишенные всякой способности къ самодѣятельности и привыкшіе что-либо дѣлать только по приказу или изъ-за наградъ». Именно этимъ составомъ первыхъ потребительныхъ обществъ и объяснялась, по правильному мнѣнію современной литературы, ихъ полная неудача. «Люди, состоятельные пастоль-

ко, чтобы лакомиться конфектами и бордосскими винами, не могутъ думать о копеечныхъ сбереженіяхъ на какой-либо крупѣ или ржаномъ хлѣбѣ и не станутъ изъ-за гривенника ходить въ общественную лавку, когда подъ бокомъ у нихъ есть частные гастрономическіе и колоніальные магазины, которые удовлетворяютъ ихъ вкусамъ если и не лучше, то, во всякомъ случаѣ такъ же, какъ и общественная лавка. Въ большинствѣ случаевъ у насъ общества устраивались вполнѣ искусственнымъ образомъ или съ цѣлью поддержать модную идею, или съ цѣлью поиграть въ общественные дѣятели и поупражняться, при чемъ крупные вкладчики были увѣрены, что они приносятъ громадную пользу и глубоко благодѣтельствуютъ человѣческому роду».

При такомъ положеніи дѣла общества не могли разсчитывать на сколько-нибудь продолжительное существованіе, такъ какъ они имѣли характеръ скорѣе забавы богатыхъ людей, чѣмъ серьезныхъ хозяйственныхъ предпріятій. И дѣйствительно, эти общества быстро ликвидировали свои дѣла, поглощая въ нѣсколько лѣтъ или даже мѣсяцевъ вложенные въ нихъ сравнительно крупные капиталы.

Неудачи эти вызвали въ русскомъ обществѣ разочарованіе въ потребительной коопераціи, и число вновь открываемыхъ обществъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка значительно падаетъ. Затѣмъ слѣдуетъ новый подъемъ, идущій нарастающимъ темпомъ вплоть до нашего времени. Въ этомъ подъемѣ принимаютъ видное участіе и потребительныя общества среди имущихъ классовъ. Такъ, въ 1912 году считалось 683 городскихъ всесословныхъ и 97 чиновничьихъ и офицерскихъ обществъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ потребительныхъ обществъ имущихъ классовъ по своей образцовой технической постановкѣ напоминаютъ лондонскія чиновничьи общества, какъ, напримѣръ, гигантское петроградское «Экономическое общество офицеровъ гвардейскаго корпуса». Но коопераціи въ подобныхъ организаціяхъ нѣтъ почти и слѣда.

Заключенiе.

Классовая природа и политическая позицiя коопераціи.

I.— Аргументацiя въ пользу внѣклассоваго характера коопераціи. II.— Классовыя и внѣклассовыя организаціи въ современномъ обществѣ. III.— Тенденціи развитiя коопераціи различнаго классоваго состава. IV.— Центральныя кооперативныя организаціи. V.— Взаимныя отношенiя пролетарской и крестьянской коопераціи. VI.— Политическая позицiя коопераціи.

I.

Въ кооперативной литературѣ обычно утверждается, что кооперативы являются внѣклассовыми организацiями. Кооперативъ, согласно этому взгляду, есть такая хозяйственная организацiя, которая по самому своему существу не связана ни съ какимъ опредѣленнымъ общественнымъ классомъ и открыта для всѣхъ сочувствующихъ ей. Въ особенности это кажется безспорнымъ относительно потребительной коопераціи. Вѣдь всякiй человѣкъ, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и потребитель. Не существуетъ особаго класса «потребителей», и, значитъ, потребительное общество, если только оно построено правильно, должно быть открыто для всѣхъ потребителей, совершенно независимо отъ того, къ какимъ классамъ принадлежатъ послѣднiе. Поэтому кооперативъ, а въ особенности потребительный кооперативъ, не долженъ имѣть классоваго характера, и всякая попытка прiурочить кооперацiю къ опредѣленнымъ классамъ должна быть отвергнута, какъ основанная на недостаточномъ пониманіи природы коопераціи.

И, дѣйствительно, нельзя спорить, что кооперативъ является организацiей, открывающей свои двери для всѣхъ желающихъ. Если миллiонеръ пожелаетъ стать членомъ потребительнаго обще-

ства, то общество, конечно, такъ же охотно приметъ его въ свой составъ, какъ всякаго другого. Поэтому съ точки зрѣнія своей внѣшней формы кооперативы естественно противопоставляются такимъ организаціямъ, которыя охватываютъ только лицъ опредѣленныхъ профессій и которыя закрыты для лицъ иной профессіи или иного общественнаго класса. Возьмемъ, напримѣръ, какой-нибудь рабочій союзъ,—хотя бы рабочій союзъ углекоповъ. Въ эту организацію никоимъ образомъ не могутъ войти, съ одной стороны, рабочіе въ другихъ отрасляхъ труда, кромѣ добычи угля; съ другой же стороны, въ союзѣ, по самому существу дѣла, не могутъ принимать участіе и владѣльцы угольныхъ копей, ибо союзъ для того и существуетъ, чтобы защищать интересы рабочихъ въ борьбѣ съ работодателями.

Напротивъ, потребительное общество, устроенное тѣми же углекопами, имѣетъ иной характеръ. Оно должно быть открыто какъ для рабочихъ, которые ничего общаго съ добычей угля не имѣютъ, такъ и для капиталистовъ, владѣльцевъ копей. Дѣйствительно, для чего обществу закрывать свои двери передъ капиталистами? Вѣдь рабочіе, состоящіе членами общества, только выигрываютъ отъ участія въ обществѣ богатыхъ людей, приносящихъ съ собой не только паевой капиталъ, но и значительную покупательную силу.

Поэтому раціонально организованное потребительное общество должно быть построено совершенно иначе, чѣмъ рабочій союзъ: оно должно быть открыто для всѣхъ желающихъ и никого не должно отвергать, если только данное лицо удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются ко всѣмъ, принимающимъ участіе въ общественномъ дѣлѣ.

Все это совершенно безспорно, и вотъ на основаніи этихъ-то соображеній и говорятъ, что кооперація стоитъ внѣ классовъ, объединяя въ своей средѣ представителей тѣхъ самыхъ классовъ, которые за предѣлами коопераціи ведутъ между собой ожесточенную борьбу. Кооперація, согласно этому представленію, есть какъ бы нѣкоторый оазисъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, раздираемомъ классовой борьбой: въ этомъ оазисѣ царитъ соціальный миръ и исчезаетъ антагонизмъ интересовъ, мѣсто котораго заступаетъ общая гармонія.

Такъ смотритъ, напримѣръ, на кооперацію выдающійся дѣятель современнаго международнаго кооперативнаго движенія, бывшій

секретарь «Международнаго кооперативнаго союза», Гансъ Мюллеръ. Для него потребительное общество и капиталистическая система современности—это два разныхъ міра. «Потребительное общество,—говоритъ онъ,—въ цѣломъ является полной противоположностью капиталистическому предпріятію, и не только со стороны своихъ хозяйственныхъ принциповъ, но и со стороны соціальныхъ и нравственныхъ тенденцій. Въ капиталистическихъ предпріятіяхъ мы въ царствѣ противорѣчій классовыхъ интересовъ, погони за богатствомъ и наслажденіемъ, короче, въ царствѣ маммоны; въ потребительномъ обществѣ, напротивъ, мы въ царствѣ экономической и соціальной солидарности, въ царствѣ высшихъ культурныхъ интересовъ, въ царствѣ соціализма. Всѣ живыя силы его мы находимъ въ потребительномъ обществѣ... Потребительное общество—не привилегія одного какого-нибудь класса. При пріемѣ въ члены оно не спрашиваетъ ни о занятіяхъ, ни о полѣ, ни о положеніи, ни о расѣ; оно не требуетъ ни аттестацій, ни рекомендацій. Каждаго охотно принимаетъ общество. Все то, что носитъ образъ человѣка, можетъ войти въ потребительное общество и имѣтъ равныя права съ другими членами»

Сходнымъ образомъ смотритъ на этотъ вопросъ и другой выдающійся дѣятель современнаго кооперативнаго движенія—Георгъ Кауфманъ, создатель и генеральный секретарь «Центральнаго союза германскихъ потребительныхъ обществъ», являющійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся теоретиковъ кооперации. «Потребительная кооперація,—говоритъ Кауфманъ,—служитъ членамъ всѣхъ классовъ, которые обращаются къ ней, и какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой они обращаются къ ней. Здѣсь нѣтъ преимущества одного класса передъ другимъ; никто не въ состояніи употребить помощь кооператива только для себя, какъ привилегію. Кооперативъ постоянно служитъ членамъ всѣхъ классовъ, насколько они являются въ качествѣ организованныхъ потребителей и насколько они, какъ таковые, не взирая на классовыя перегородки, соединены въ одинъ большой, однородный, всеобщій потребительный кооперативъ. Внѣ этого кооператива они могутъ оставаться ярыми классовыми борцами».

Эти взгляды могутъ считаться типичными для большинства кооперативныхъ дѣятелей какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Не трудно понять, въ чемъ заключается ошибочность всей приве-

денной аргументаціи. Аргументація эта основывается на чисто-формальномъ толкованіи внѣшнихъ признаковъ кооператива. Дѣйствительно, потребительный кооперативъ является организаціей, открытой для всѣхъ потребителей, безъ различія сословій, классовъ и профессій. Но вѣдь отсюда не слѣдуетъ, что всѣ классы общества въ равной мѣрѣ обнаруживаютъ готовность входить въ составъ этихъ открытыхъ организацій. Чтобы примкнуть къ кооперативной организаціи, нужно имѣть для этого достаточные побудительные мотивы. Одинаково ли сильны эти мотивы для лицъ всѣхъ классовъ общества? Вотъ въ чемъ заключается вопросъ, отвѣтъ на который можетъ быть только отрицательный.

Тотъ же Георгъ Кауфманъ, настаивающій въ теоріи на внѣклассовомъ характерѣ потребительныхъ обществъ, совершенно отказывается отъ своего тезиса, переходя на конкретную почву фактовъ. «Потребительные кооперативы,—заявляетъ онъ,—служатъ для защиты интересовъ потребителей. Потребительный интересъ существуетъ не только въ рабочемъ классѣ. Такимъ же интересомъ обладаютъ и служащіе. Потребительный интересъ сильно выраженъ и въ крестьянствѣ, какъ это показываютъ примѣры Даніи, Венгріи, Финляндіи и Россіи. И у мелкой буржуазіи потребительный интересъ не противорѣчитъ ихъ производительному интересу. Такимъ образомъ, не одинъ классъ, а четыре изъ шести соціальныхъ классовъ заинтересованы въ развитіи потребительныхъ кооперативовъ».

Итакъ, что же утверждаетъ Кауфманъ? То, что потребительныя общества суть внѣклассовыя организаціи? Отнюдь нѣтъ: по его собственнымъ словамъ, въ потребительныхъ обществахъ заинтересованы не всѣ общественные классы, а только нѣкоторые—именно, четыре класса изъ шести. Какіе же общественные классы, по мнѣнію Кауфмана, не заинтересованы въ потребительной коопераціи? Очевидно, это два имущественныхъ класса—крупные землевладѣльцы и крупная буржуазія.

Все это сознается Кауфманомъ, какъ и всякимъ, сколько-нибудь знакомымъ съ кооперативнымъ движеніемъ. «Само собою разумѣется,—говоритъ онъ,—и нѣтъ надобности это подчеркивать, что нѣкоторые потребители никогда и не помышляютъ сдѣлаться членами потребительныхъ кооперативовъ. У нѣкоторыхъ лицъ производительные интересы настолько превышаютъ потребительные,

что они становятся во враждебное отношеніе къ потребительной кооператіи. Другіе же живутъ въ такихъ хорошихъ условіяхъ, что мелкая хозяйственная выгода, которая предлагается имъ потребительной организаціей, не играетъ для нихъ никакой роли. Ни одинъ потребительный кооперативъ и не думаетъ о томъ, чтобы приспосабливать свое хозяйство къ потребностямъ милліонеровъ, которые, принципіально, могли бы быть его членами. Кооперативная организація хорошо знаетъ, что эти милліонеры едва ли станутъ членами ея, хотя бы двери кооперативовъ и были открыты для всего народа. Входъ открытъ, но не каждый заходитъ въ него, а потому каждая кооперативная организація сообразуетъ свою практическую дѣятельность съ потребностями того слоя населенія, который не остается внѣ коопераціи, но фактически участвуетъ въ ней».

Что же выходитъ? То, что потребительная кооперація является, по мнѣнію Кауфмана, организаціей не внѣклассовой, а объединяющей лишь нѣкоторые классы современнаго общества,—именно трудящіеся классы. Вѣдь всѣ четыре класса, перечисленные Кауфманомъ въ качествѣ единственныхъ, для которыхъ существуетъ потребительная кооперація, суть трудящіеся классы, въ противоположность двумъ нетрудящимся классамъ—крупнымъ землевладѣльцамъ и крупной буржуазіи. Напрасно только Кауфманъ говоритъ о четырехъ трудящихся классахъ современнаго общества, между тѣмъ, какъ нужно говорить о трехъ такихъ классахъ—рабочемъ классѣ, крестьянствѣ и мелкой буржуазіи (промежуточномъ классѣ между трудящимися классами и буржуазіей). Служащіе, разсматриваемые Кауфманомъ, какъ особый классъ, входятъ въ составъ болѣе широкаго рабочаго класса, а отчасти мелкой буржуазіи. Но если даже вмѣстѣ съ Кауфманомъ и признавать наемныхъ служащихъ особымъ классомъ, все же ясно, что Кауфманъ, вопреки своему собственному заявленію о внѣклассовомъ характерѣ потребительнаго общества, призналъ потребительную кооперацію хозяйственной организаціей только нѣкоторыхъ классовъ современнаго общества, иначе говоря—организаціей классовой.

Впрочемъ, съ этимъ, въ сущности, всѣ согласны. Кто же отрицаетъ, что кооперація есть организація трудящихся классовъ, въ противоположность организаціямъ нетрудящихся, капиталистиче-

ческихъ классовъ, какъ, напримѣръ, картели, тресты и т. п. Съ этимъ никто не споритъ. Но вѣдь, если такъ, то какъ же отказать кооперации въ классовомъ характерѣ? Вѣдь, чтобы быть дѣйствительно внѣклассовой организацiей, кооперацiя должна была бы охватывать не только трудящiеся классы, но также и классы капиталистическiе. Если же этого нѣтъ, то совершенно ясно, что кооперацiю слѣдуетъ признать организацiей съ опредѣленными классовыми чертами.

II.

Нужно, однако, замѣтить, что фактически въ кооперативахъ дѣйствительно участвуютъ всѣ классы общества—участвуютъ не только рабочiе, крестьяне и мелкая буржуазiя, но и крупные капиталисты и крупные землевладѣльцы. Возьмемъ, напримѣръ, сельскохозяйственную кооперацiю. Участiе въ ней помѣщиковъ, даже самыхъ крупныхъ, даже владѣльцевъ латифундiй, чрезвычайно характерно для многихъ странъ. Въ Германiи, напримѣръ, политическая позицiя сельскохозяйственныхъ кооперативовъ опредѣляется политическими интересами крупныхъ помѣщиковъ. То же наблюдается въ Бельгiи, Францiи и другихъ странахъ.

Нисколько не отрицая этого, мы все же должны признать сельскохозяйственную кооперацiю хозяйственной организацiей въ интересахъ отнюдь не помѣщиковъ, а крестьянства. Классовые интересы крестьянства, а отнюдь не помѣщиковъ, опредѣляютъ собой всю структуру этихъ хозяйственныхъ организацiй.

Дѣйствительно, какой смыслъ имѣетъ демократическая организацiя кооперативовъ, какъ не защиту интересовъ именно трудящагося люда? Откуда, напр., правило, что каждый имѣетъ въ общемъ собранiи только одинъ голосъ, независимо отъ числа паевъ въ своихъ рукахъ, какой смыслъ имѣетъ запрещенiе скопленiя въ однѣхъ рукахъ болѣе опредѣленнаго числа паевъ, откуда требованiе, чтобы доходъ распредѣлялся между членами не по паямъ, а по участiю даннаго лица въ оборотахъ предпрiятiя и т. д., и т. д.? Какой смыслъ имѣютъ всѣ такъ назыв. райффейзеновскiе принципы, какъ не защиту интересовъ крестьянства? Фактически въ райффейзеновскихъ кооперативахъ Германiи огромную роль играютъ помѣщики. Но кооперативы эти въ хозяйствен-

ной области служатъ интересамъ не помѣщиковъ, а крестьянъ, ибо не помѣщики, а крестьяне нуждаются въ мелкомъ кредитѣ. Правда, участіе помѣщиковъ въ кооперации не проходитъ безслѣдно и является для нихъ средствомъ укрѣпить свое политическое вліяніе среди крестьянства. Въ политическосй жизни Германіи сельскіе кооперативы служатъ интересамъ отнюдь не крестьянъ, а именно помѣщиковъ, такъ какъ въ области политики не помѣщики идутъ за крестьянами, а крестьяне за помѣщиками. Но въ предѣлахъ чисто-хозяйственныхъ функцій кооператива участіе помѣщиковъ ни малѣйшимъ образомъ не мѣшаетъ тому, что кооперативъ обслуживаетъ интересы именно крестьянства, какъ участіе богатыхъ лицъ во главѣ благотворительныхъ организацій не мѣшаетъ тому, что эти организаціи непосредственно служатъ интересамъ бѣдныхъ, а не богатыхъ.

Чтобы дать вполнѣ точный отвѣтъ на вопросъ, есть ли кооперація классовое или внѣклассовое движеніе, мы должны, прежде всего, констатировать, что кооперативы, конечно, не являются такими организаціями, въ которыхъ участвуютъ представители только одного какого-либо общественнаго класса. Общественныхъ организацій, пріуроченныхъ только къ опредѣленному общественному классу, вообще существуетъ въ современномъ обществѣ очень немного. Такъ, общественной организаціей съ совершенно чистымъ классовымъ составомъ являются союзы рабочихъ, какъ продавцовъ рабочей силы, и союзы работодателей, какъ покупателей рабочей силы. Вполнѣ ясно, что капиталисты никоимъ образомъ не могутъ быть членами рабочаго союза, который именно для того и возникаетъ, чтобы вести борьбу съ капиталистами; точно такъ же въ союзѣ работодателей рабочіе, по самому существу дѣла, не могутъ принимать участія.

Кромѣ союзовъ рабочихъ и работодателей въ области ихъ профессіональныхъ интересовъ, въ современномъ обществѣ почти не существуетъ широкихъ организацій всецѣло классоваго характера—въ остальныхъ организаціяхъ, поскольку онѣ возникаютъ свободно и безъ участія государства, обычно участвуютъ представители различныхъ классовъ. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ полное основаніе говорить о классовомъ характерѣ многихъ изъ современныхъ общественныхъ организацій—не въ томъ смыслѣ, чтобы въ составъ этихъ организацій входили представители только одно-

го какого-либо класса, а въ томъ смыслѣ, что организаціи эти, будучи смѣшаннаго классоваго состава, служатъ интересамъ преимущественно того или иного общественнаго класса.

Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, напримѣръ, о классовомъ характерѣ современныхъ политическихъ партій. Конечно, такихъ партій, которыя цѣликомъ состояли бы изъ одного общественнаго класса, не существуетъ. Изъ всѣхъ германскихъ политическихъ партій (а именно въ Германіи политическая жизнь наиболѣе ярко отражаетъ борьбу классовыхъ интересовъ) наиболѣе чистый классовый составъ имѣетъ партія соціалъ-демократовъ. Однако, и въ составъ этой партіи входятъ далеко не одни промышленные рабочіе. Какъ показала извѣстная работа Бланка относительно классоваго состава тѣхъ нѣсколькихъ милліоновъ лицъ, которые голосуютъ въ Германіи за соціалъ-демократическихъ депутатовъ, въ числѣ этихъ голосующихъ имѣется очень значительное число лицъ, не принадлежащихъ къ рабочему классу—сколько именно, опредѣлить невозможно, но, во всякомъ случаѣ, не менѣе полумилліона. Если же мы возьмемъ другія германскія политическія партіи, то объ однородности классоваго состава каждой изъ нихъ и говорить нельзя.

Въ особенности это ясно относительно политическихъ партій, представляющихъ собой интересы имущихъ классовъ. Такъ, никѣмъ не оспаривается, что консервативная партія въ Германіи является партіей крупныхъ землевладѣльцевъ, а партія націоналъ-либеральная—партіей крупной буржуазіи. Но вѣдь очевидно, что крупные землевладѣльцы, равно какъ и крупные капиталисты, составляютъ только ничтожное меньшинство среди милліоновъ лицъ, голосующихъ на выборахъ въ рейхстагъ за консерваторовъ и націоналъ-либераловъ, ибо численность крупныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ капиталистовъ въ странѣ весьма ограничена, и партіи, состоящія только изъ представителей двухъ названныхъ классовъ, никогда не могли бы провести въ рейхстагъ и одного депутата.

Итакъ, ясно, что въ составъ консервативной и націоналъ-либеральной партій должны входить въ значительно преобладающемъ числѣ лица, принадлежащія къ инымъ общественнымъ классамъ: крестьяне, сельскіе рабочіе, мелкая буржуазія и пр. И если мы говоримъ, что консервативная партія въ Германіи есть

классовая партія прусскихъ юнкеровъ, то не въ томъ смыслѣ, чтобы эта партія состояла только изъ прусскихъ юнкеровъ (ихъ такъ мало, что сами по себѣ они никакой политической партіи образовать были бы не въ состояніи), а въ томъ смыслѣ, что прусскіе юнкеры играютъ руководящую роль въ консервативной партіи, ихъ интересамъ служитъ эта партія и ихъ классовые интересы она представляетъ въ политической жизни страны.

Конечно, было бы неправильно на основаніи сложности классоваго состава любой политической партіи говорить о политической партіи, какъ о нѣкоторомъ оазисѣ классоваго мира въ раздираемомъ классовой борьбой современномъ обществѣ. Именно въ политическихъ партіяхъ и наблюдается особая обостренность классовыхъ интересовъ: партія защищаетъ съ чрезвычайной энергіей интересы того общественнаго класса, который играетъ въ ней руководящую роль, хотя бы представители этого класса въ партіи численно далеко уступали членамъ ея изъ другихъ классовъ.

Вполнѣ внѣклассовыхъ общественныхъ организацій въ современномъ обществѣ такъ же мало, какъ и организацій, построенныхъ только на классовомъ началѣ. Внѣклассовой организаціей являются, напр., разнаго рода религіозныя объединенія, да и то далеко не всегда. Обычно же разнообразныя организаціи современнаго общества имѣютъ болѣе или менѣе классовый характеръ; хотя онѣ отнюдь не слагаются изъ представителей только одного какого-либо общественнаго класса, и въ составъ ихъ входятъ, какъ общее правило, лица различныхъ общественныхъ классовъ, все же интересы тѣхъ или другихъ общественныхъ классовъ получаютъ въ нихъ преобладаніе, и данная организація въ своей практической дѣятельности служитъ вполнѣ опредѣленно тѣмъ или другимъ классовымъ интересамъ.

Имѣя все это въ виду, можно дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о классовой природѣ коопераціи. Преобладающій типъ кооператива—организація сложнаго классоваго состава. Въ нее обычно входятъ лица нѣсколькихъ классовъ. Кооперативы чистаго классоваго состава являются исключеніемъ. Таками, чисто-классовыми кооперативами являются, по самой своей природѣ, трудовыя артели разныхъ видовъ (производительно-подсобныя артели, трудовыя и производительныя). Это кооперативы столь же опредѣленнаго классоваго состава, какъ и рабочіе со-

юзы—въ нихъ могутъ принимать участіе только трудящіеся производители. Однако, трудовыя артели являются, какъ извѣстно, тѣмъ видомъ кооперацiи, который играетъ наименьшую роль въ кооперативномъ движенiи современности.

Всѣ же другіе кооперативы, кромѣ трудовыхъ артелей, смѣшаннаго классоваго состава. Въ этомъ отношенiи они походятъ на политическія партiи, отличаясь, однако, отъ послѣднихъ въ сторону большей опредѣленности своего классоваго строенія.

А именно, въ составъ политическихъ партій входятъ лица всѣхъ общественныхъ классовъ, при чемъ въ партiи, защищающія интересы господствующихъ классовъ, по самому существу дѣла, входятъ какъ представители господствующихъ классовъ, такъ и народныхъ массъ, ибо безъ участія послѣднихъ партія не могла бы собрать достаточное число голосовъ для проведенія своихъ представителей въ парламентъ. Поэтому консервативныя и умѣренныя партiи обнаруживаютъ чрезвычайно пестрый классовый составъ.

Напротивъ, кооперативы обслуживаютъ хозяйственные интересы лишь нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, именно, трудящихся классовъ, пролетаріата, крестьянства и мелкой буржуазiи. Хозяйственнымъ интересамъ крупной буржуазiи и крупныхъ землевладѣльцевъ служатъ другія формы хозяйственныхъ предпріятій, а отнюдь не кооперативы, которые построены такъ, чтобы защищать интересы труда въ противность капиталу. Поэтому, казалось бы, крупные землевладѣльцы и крупные капиталисты не должны бы принимать въ кооперацiи какое бы то ни было участіе.

На самомъ дѣлѣ, какъ указано выше, это не такъ. Правда, крупные капиталисты участія въ кооперацiи почти не принимаютъ. Но крупные землевладѣльцы въ нѣкоторыхъ странахъ очень дѣятельно участвуютъ въ сельскохозяйственной кооперацiи и даже играютъ въ ней руководящую роль.

Эта дѣятельная роль крупнаго землевладѣнія въ сельскохозяйственной кооперацiи нѣкоторыхъ государствъ объясняется историческими и политическими условіями развитія кооперацiи въ этихъ государствахъ. Въ такихъ странахъ, какъ Германія, Бельгія, отчасти Франція, крестьянство находится въ политическомъ союзѣ съ крупными землевладѣльцами, при чемъ этотъ союзъ основы-

вается на взаимности услугъ: въ политической жизни крестьянство идетъ за крупными землевладѣльцами и оказываетъ имъ дѣятельную поддержку, а въ хозяйственной жизни, въ кооперативахъ, крупные землевладѣльцы сотрудничаютъ съ крестьянами и оказываютъ поддержку ихъ организаціямъ.

Поэтому сложность классоваго состава многихъ сельскихъ кооперативовъ нисколько не мѣшаетъ этимъ кооперативамъ служить вполнѣ опредѣленнымъ хозяйственнымъ интересамъ крестьянства, совершенно такъ же, какъ еще большая сложность классоваго состава германской консервативной партіи нисколько не мѣшаетъ ей служить вполнѣ опредѣленнымъ классовымъ интересамъ германскихъ аграріевъ.

Итакъ, кооперація не можетъ считаться чисто-классовой организаціей, подобно рабочему союзу или союзу работодателей, ибо только немногіе кооперативы имѣютъ столь же чистый классовый составъ. Но классовый составъ кооперативовъ, въ общемъ, болѣе опредѣлененъ, чѣмъ классовый составъ политическихъ партій, и кооперація преслѣдуетъ въ болѣе чистомъ видѣ опредѣленные классовые интересы, чѣмъ политическія партіи.

III.

Каждый общественный классъ находитъ выраженіе своихъ интересовъ въ той или иной политической партіи. Но кооперація служитъ въ хозяйственной области интересамъ не всѣхъ общественныхъ классовъ, а только нѣкоторыхъ изъ нихъ—именно, интересамъ трудящихся классовъ. Соотвѣтственно тремъ основнымъ классамъ, интересамъ которыхъ служитъ кооперація, кооперативное движеніе совершенно естественно и безъ малѣйшей натяжки распадается на пролетарское, крестьянское и мелко-буржуазное кооперативное движеніе.

Каждая изъ трехъ основныхъ вѣтвей кооперативнаго движенія имѣетъ свой особый характеръ и свои специфическія черты. Соотвѣтственно этому различно и то общее направленіе, въ которомъ движется кооперація въ каждой изъ этихъ трехъ различныхъ областей.

Пролетарская кооперація тяготѣетъ къ полному преобразова-

нію современной хозяйственной системы, къ созданію новаго хозяйственнаго строя на основѣ подчиненія всей хозяйственной системы интересамъ общественнаго потребленія. Иначе говоря, потребительская кооперація тяготѣетъ къ коллективизму.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что такой строй можетъ быть достигнутъ собственными силами пролетарской коопераціи. Извѣстныя слова бельгійскаго кооператора и одного изъ вождей бельгійской соціалистической партіи, Анзееле, о сокрушеніи твердыни капитализма бомбами изъ ковригъ хлѣба и картошекъ въ складахъ потребительныхъ обществъ свидѣтельствуютъ о крайнемъ преувеличеніи Анзееле общественныхъ силъ потребительной коопераціи. На самомъ дѣлѣ пролетарская кооперація наталкивается въ своемъ развитіи на извѣстные предѣлы, которыхъ она своими силами преодолѣть не можетъ.

Поэтому не слѣдуетъ думать, будто потребительная кооперація, сама по себѣ, можетъ привести къ крушенію капиталистической системы хозяйства и замѣнѣ капитализма коллективизмомъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что потребительная кооперація въ своемъ собственномъ развитіи тяготѣетъ именно къ этой послѣдней системѣ хозяйства.

Пролетарская кооперація далеко не исчерпываетъ собой всего пролетарскаго движенія нашего времени, которое, кромѣ коопераціи, находитъ себѣ выраженіе также въ политической партіи рабочаго класса и въ рабочихъ союзахъ. Такимъ образомъ, пролетарская кооперація, согласно классической формулѣ, данной Давидомъ на Ганноверскомъ съѣздѣ, является одной изъ трехъ вѣтвѣй освободительнаго движенія рабочаго класса.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о крестьянской коопераціи. Крестьянская кооперація тяготѣетъ не къ коллективизму въ какой бы то ни было формѣ, а къ совершенно иной системѣ общественнаго хозяйства. Дѣйствительно, вѣдь самая сущность типичнаго пролетарскаго кооператива—потребительнаго общества—характеризуется тѣмъ, что это организація въ интересахъ потребителей, а не производителей. Производители въ потребительномъ кооперативѣ являются наемными рабочими потребителей. Именно поэтому потребительное общество и является прообразомъ коллективистической системы хозяйства, ибо эта послѣдняя система мыслится, какъ крупная хозяйственная организація, въ которой общ-

ственный трудъ управляется изъ единаго центра, выражающаго собой интересы всего общества, совпадающаго съ совокупностью потребителей. Напротивъ, крестьянскій кооперативъ есть организація въ интересахъ не потребителей, а производителей. Это полагаетъ принципіальное различіе между пролетарской и крестьянской кооперацией.

Если бы мы предположили, что крестьянская кооперація дошла до своего логическаго предѣла, т.-е. охватила со всѣхъ сторонъ крестьянское хозяйство, не только въ области обмѣна, но и въ области производительнаго труда, то мы получили бы крестьянскую производительную артель. Мы можемъ предположить, что такія крестьянскія артели сливаются однѣ съ другими и такимъ образомъ возникаетъ одна огромная крестьянская производительная ассоціація. Но все это отнюдь не было бы коллективизмомъ, а хозяйственной системой существенно иного типа—корпоративнымъ соціализмомъ, при которомъ средства производства находятся во владѣніи ассоціацій производителей, самостоятельно руководящихъ процессомъ общественнаго производства, а отнюдь не управляемыхъ потребителями, какъ при системѣ коллективизма. Такимъ образомъ, крестьянская кооперація ни въ какомъ случаѣ къ коллективизму вести не можетъ, какого бы развитія она ни достигала.

Но нужно имѣть въ виду, что крестьянская кооперація отнюдь не обнаруживаетъ тенденціи охватывать со всѣхъ сторонъ крестьянское хозяйство. На самомъ дѣлѣ, какъ показываютъ факты, крестьянская кооперація захватываетъ только одну область крестьянскаго хозяйства, именно, область обмѣна, а не крестьянскаго производительнаго труда. Мы не знаемъ успѣвающихъ крестьянскихъ производительныхъ артелей (итальянскія производительныя земледѣльческія артели не могутъ быть примѣромъ противнаго, ибо онѣ не являются самостоятельными производительными предпріятіями, будучи лишь своеобразной формой помощи безработнымъ, вспомогательной организаціей при рабочихъ союзахъ). И потому мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что крестьянская кооперація мало-по-малу захватитъ и область крестьянскаго производительнаго труда—не можемъ думать, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи крестьянскіе кооперативы возьмутъ на себя и производство земледѣльческихъ продуктовъ, при чемъ

крестьянинъ лишился бы самостоятельнаго хозяйственнаго предпріятія, пересталъ бы самостоятельно обрабатывать свое поле, которое вмѣстѣ со всѣмъ инвентаремъ перешло бы крестьянскому кооперативу. Жизнь не показываетъ такихъ примѣровъ, и ни малѣйшихъ тенденцій къ такому процессу развитія мы пока не наблюдаемъ.

Наоборотъ, факты показываютъ, что по мѣрѣ развитія коопераціи крестьянинъ все крѣпче сидитъ на своемъ полѣ и не обнаруживаетъ ни малѣйшей охоты отказаться отъ своего хозяйственнаго предпріятія и передать его какому-либо кооперативу.

Поэтому, считаясь съ реальными фактами, мы должны притти къ заключенію, что крестьянская кооперація отнюдь не имѣетъ тенденціи упразднять собственное хозяйство крестьянина, а, наоборотъ, укрѣпляетъ послѣднее и только преобразовываетъ его въ томъ отношеніи, что отношенія крестьянина съ рынкомъ утрачиваютъ свой прежній индивидуалистическій характеръ и замѣняются кооперативной организаціей. Въ сферѣ обмѣна, а также въ сферѣ переработки крестьянскихъ продуктовъ кооперація дѣйствительно упраздняетъ частное хозяйство крестьянина; но въ сферѣ производства этихъ продуктовъ крестьянское хозяйство не только не терпитъ умаленія, а, наоборотъ, только укрѣпляется благодаря тому подъему благосостоянія, которое создается кооперацией.

Итакъ, стоя на почвѣ фактовъ, мы должны притти къ выводу, что крестьянская кооперація вовсе не заключаетъ въ себѣ тенденціи къ замѣнѣ крестьянскаго хозяйства корпоративнымъ соціализмомъ. Благодаря кооперацiи, создается новый типъ крестьянскаго хозяйства, въ которомъ для индивидуальнаго хозяйства остается только одна область—сельскохозяйственнаго труда, всѣ же остальныя хозяйственныя операціи—купли, продажи, полученія кредита и переработки сельскохозяйственныхъ продуктовъ—исполняются не единоличными силами сельскохозяйственнаго производителя, а коллективной силой организованныхъ въ кооперативы производителей. Въ результатѣ получается нѣкоторая новая система крестьянскаго хозяйства, но система совершенно иная, чѣмъ та, къ которой приводитъ естественный ходъ развитія пролетарской кооперацiи.

Наконецъ, что касается мелко-буржуазной кооперацiи, то тен-

денціи развитія этой вѣтви кооперативнаго движенія опять-таки совершенно иныя. Мелко-буржуазная кооперація не тяготѣетъ ни къ коллективизму, ни къ какой-либо иной новой хозяйственной системѣ. Болѣе всего она тяготѣетъ къ чисто-капиталистическимъ организаціямъ и нерѣдко, при благопріятныхъ условіяхъ, испытываетъ капиталистическій метаморфозъ—превращается въ капиталистическія предпріятія. Таковъ, напримѣръ, ходъ развитія одной изъ самыхъ характерныхъ формъ мелко-буржуазныхъ кооперативовъ на Западѣ—народныхъ банковъ Шульце въ Германіи, которые, какъ это было выяснено выше, путемъ естественнаго развитія превращаются въ обычные капиталистическіе банки. Точно такъ же и потребительныя общества мелко-буржуазнаго состава легко принимаютъ формы, мало уклоняющіяся отъ обычныхъ акціонерныхъ компаній. Примѣромъ такихъ потребительныхъ обществъ являются знаменитыя лондонскія общества чиновъ гражданскаго вѣдомства, относительно которыхъ возникаетъ вполнѣ обоснованный вопросъ, можно ли ихъ считать кооперативами, или нѣтъ.

Правда, превращеніе въ капиталистическія предпріятія не является неизбѣжнымъ закономъ развитія мелко-буржуазныхъ кооперативовъ. Нельзя, напримѣръ, утверждать, что всякое потребительное общество мелко-буржуазнаго состава непремѣнно должно въ концѣ-концовъ, при благопріятномъ ходѣ дѣлъ, превратиться въ акціонерную компанію. Это превращеніе возможно, но для общества можетъ оказаться болѣе удобнымъ сохраненіе кооперативной формы. Какъ общее правило, потребительныя общества мелко-буржуазнаго состава сохраняютъ форму кооперативовъ, потому что эта форма болѣе соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ интересамъ ихъ членовъ.

Но, во всякомъ случаѣ, ясно, что мелко-буржуазныя потребительныя общества никакого тяготѣнія къ соціализму въ какой бы то ни было формѣ не обнаруживаютъ. Они твердо ограничиваютъ свои функціи своей непосредственной задачей—доставленіемъ своимъ сочленамъ предметовъ потребленія возможно лучшаго качества и по возможно болѣе низкой цѣнѣ—и ни къ чему большему не стремятся, обнаруживая въ этомъ отношеніи рѣзкій контрастъ съ пролетарскими рочдельскими обществами, которымъ присущъ духъ стремленія къ неограниченному расширенію сво-

ихъ операцій путемъ захвата въ кругъ своего вліянія все новыхъ и новыхъ областей хозяйственной жизни.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что кооперація въ каждой изъ своихъ основныхъ классовыхъ вѣтвей имѣетъ существенно иной характеръ и имѣетъ различныя тенденціи развитія. Отсюда ясна невозможность объединенія всего кооперативнаго движенія въ одну организацію и неустранимость внутреннихъ треній между кооперативами, представляющими кооперативы различной классовой природы.

IV.

Во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ кооперація достигла значительнаго развитія, кооперативное движеніе, съ теченіемъ времени, рѣзко подѣлилось на нѣсколько различныхъ организацій, соотвѣтственно своему классовому составу. Это мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ кооперація имѣетъ три особыхъ центра, соотвѣтственно тремъ основнымъ классамъ, участвующимъ въ кооперативномъ движеніи: пролетарская рочдельская кооперація объединена въ двухъ обществахъ оптовыхъ продажъ (англійскомъ и шотландскомъ) и въ «Кооперативномъ союзѣ»; мелко-буржуазная кооперація имѣетъ свой особый центръ въ лондонскихъ чиновничьихъ потребительныхъ обществахъ, которыя ни въ какомъ общеніи съ рочдельскими обществами не состоятъ, не принимаютъ участія ни въ обществахъ оптовыхъ продажъ, ни въ «Кооперативномъ союзѣ»; недавно народившаяся, но быстро развивающаяся крестьянская кооперація Англіи имѣетъ также свои особые центры и стоитъ особнякомъ отъ «Кооперативнаго союза».

Только при началѣ своего развитія кооперативное движеніе можетъ сохранить извѣстное единство, благодаря невыясненности своей классовой природы и невозможности развернуть всѣ свои силы. Въ этомъ отношеніи очень поучительна исторія германской коопераціи. При своемъ возникновеніи она тѣсно объединена въ одной организаціи—«Всеобщемъ союзѣ» Шульце. Въ этотъ союзъ входятъ всѣ виды кооперативовъ, и нѣкоторое время кооперативы эти прекрасно уживаются вмѣстѣ. Затѣмъ, рядомъ со «Всеобщимъ союзомъ» и совершенно независимо отъ него начинаютъ расти крестьянскіе кооперативы, созданные Райффейзеномъ и скоро объ-

единяющіеся въ свою особую центральную организацію, при чемъ между обѣими организаціями—Шульце и Райффейзена—начинается многолѣтняя распря и ожесточенная полемика. Враждебныя отношенія между Шульце и Райффейзеномъ вытекали изъ различія тѣхъ принциповъ, на которыхъ строились кооперативы въ предѣлахъ шульцевской и райффейзеновской организацій. Райффейзеновскіе принципы казались и не могли не казаться Шульце совершенной нелѣпостью, ибо, дѣйствительно, принципы эти, въ примѣненіи къ мелко-буржуазной коопераціи, во главѣ которой стоялъ Шульце, не имѣли никакого смысла. Но они были вполнѣ приспособлены къ условіямъ жизни того иного общественнаго класса, съ которымъ имѣлъ дѣло Райффейзенъ,—крестьянства.

Такимъ образомъ, въ германской коопераціи оказалось два центра: «Всеобщій союзъ» Шульце и райффейзеновскій союзъ. Но этимъ раздробленіе германской коопераціи, вызванное ея естественнымъ развитіемъ и ростомъ, не кончилось. Только до тѣхъ поръ, пока пролетарская кооперація была слаба, она могла уживаться въ рамкахъ шульцевскаго союза. Но съ началомъ ея роста пребываніе ея въ предѣлахъ этого союза оказалось невозможнымъ, и союзъ исключилъ всѣ пролетарскіе кооперативы изъ своего состава. Любопытно, что пролетарскіе кооперативы очень противились этому исключенію и всячески цѣплялись за союзъ. Очевидно, они не понимали неизбѣжности этого разрыва и вѣрили въ единство коопераціи, какъ продолжаютъ вѣрить въ это единство многіе кооператоры и до настоящаго времени.

То, что произошло послѣ исключенія изъ «Всеобщаго союза» пролетарскихъ кооперативовъ, лучше всего доказало, до какой степени были неосновательны страхи руководителей германской пролетарской коопераціи. Оказалось, что разрывъ этотъ не только не помѣшалъ росту пролетарской коопераціи, но чрезвычайно содѣйствовалъ этому росту. Только послѣ утраты связи съ шульцевскимъ союзомъ начинается то стремительное развитіе германской потребительной коопераціи, которое мы наблюдаемъ за послѣдніе годы.

Такимъ образомъ, въ Германіи, какъ и въ Англіи, возникло три центра коопераціи, соотвѣтственно тремъ общественнымъ классамъ, участвующимъ въ кооперативномъ движеніи—пролетаріату, крестьянству и мелкой буржуазіи. «Всеобщій союзъ»—центръ

мелко-буржуазной коопераціи, «Центральный союзъ германскихъ потребительныхъ обществъ» (созданный пролетарскими кооперативами, исключенными изъ «Всеобщаго союза»)—центръ пролетарской коопераціи, и «Имперскій союзъ»—центръ крестьянской коопераціи. Никому не приходитъ въ настоящее время въ Германіи мысль о возможности возвращенія къ доброму старому времени, когда «Всеобщій союзъ» объединялъ всю германскую кооперацію,—до такой степени очевидно, что такое объединеніе различныхъ по своей классовой природѣ кооперативовъ и невозможно и нежелательно.

Вообще, ни въ одной странѣ, со значительнымъ развитіемъ коопераціи, мы не встрѣчаемъ организацій, включающихъ въ себя всѣ виды кооперативовъ безъ различія. Въ частности крестьянская кооперація вездѣ стоитъ особнякомъ отъ пролетарской и идетъ своей особой дорогой.

Только въ такихъ странахъ, какъ Россія, гдѣ кооперативное движеніе только начинается, можетъ быть рѣчь объ организаціяхъ, объединяющихъ все кооперативное движеніе. При незрѣлости русскаго кооперативнаго движенія такія объединяющія организаціи могутъ быть полезны, но, конечно, при дальнѣйшихъ успѣхахъ русской коопераціи и ей придется подраздѣлиться въ соотвѣтствіи съ классовымъ дѣленіемъ современнаго общества.

Очень поучительны въ томъ же смыслѣ попытки создать международное объединеніе коопераціи. Творцы «Международнаго кооперативнаго союза» имѣли въ виду объединеніе всего мірового кооперативнаго движенія, а не какой-либо его части. И въ началѣ въ конгрессахъ союза принимали участіе (хотя и далеко не равное) представители различныхъ кооперативныхъ теченій—какъ вожди пролетарской коопераціи, такъ и представители шульцевскаго и райффейзеновскаго союзовъ. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ такое совмѣстное сожительство въ одной организаціи разнородныхъ общественныхъ элементовъ оказалось невозможнымъ, и изъ «Международнаго союза» ушли послѣдователи какъ Шульце, такъ и Райффейзена. Въ настоящее время союзъ принялъ форму всемірной организаціи только одного вида коопераціи—именно, пролетарской коопераціи.

На ряду съ этимъ возникъ международный союзъ крестьянскихъ кооперативовъ, какъ организація, совершенно независимая отъ «Международнаго кооперативнаго союза».

Что касается мелко-буржуазной кооперацiи, то она никакого объединяющаго международнаго центра не имѣетъ и, повидимому, не чувствуетъ ни малѣйшей потребности въ такомъ центрѣ. Это и понятно: мелко-буржуазная кооперацiя, въ противность пролетарской и крестьянской, не стремится ни къ какимъ широкимъ задачамъ или отдаленнымъ цѣлямъ, а прекрасно уживается въ условiяхъ существующей хозяйственной системы, почему и не испытываетъ нужды въ международномъ объединенiи.

V.

Но если признать, что различныя вѣтви кооперативнаго движенiя идутъ различными путями, то возникаетъ новый вопросъ: какъ же должны естественно складываться отношенiя между этими различными кооперативными теченiями? Существуетъ ли неустранимый антагонизмъ между этими теченiями, или же они, не сливаясь въ одно цѣлое, все же могутъ быть примирены другъ съ другомъ?

Вопросъ этотъ имѣетъ значенiе въ особенности по отношенiю ко взаимнымъ отношенiямъ пролетарской и крестьянской кооперацiи. Что же касается мелко-буржуазной кооперацiи, то такъ какъ по самому своему существу кооперацiя этого рода преслѣдуетъ только ближайшiя, узкiя хозяйственныя цѣли, то она вообще стоитъ внѣ широкой общественной жизни современности, не встрѣчая ни горячихъ защитниковъ, ни ожесточенныхъ враговъ.

Совсѣмъ другое дѣло пролетарская и крестьянская кооперацiи. И та, и другая представляетъ собой мощныя общественныя движенiя, съ огромными задачами, глубоко затрогивающими самые существенные жизненные интересы современнаго общества. Крестьянская и пролетарская кооперацiи быстро растутъ и охватываютъ собой миллiоны трудящихся людей. И потому вопросъ о взаимоотношенiяхъ пролетарской и крестьянской кооперацiи имѣетъ первенствующую важность для нашего времени.

Нельзя отрицать, что до сихъ поръ отношенiя пролетарской и крестьянской кооперацiи въ тѣхъ странахъ, гдѣ кооперативное движенiе получило значительное развитiе, были далеко не дружественными. И это понятно. Помимо того, что крестьяне и пролета-

ріатъ въ важнѣйшихъ странахъ Западной Европы входятъ въ составъ противоположныхъ политическихъ партій (крестьянство обычно является опорой консервативной, а пролетаріатъ—соціалистической партій), и въ чисто-хозяйственной области крестьянская и пролетарская кооперація легко приходятъ въ столкновеніе.

Пролетарская кооперація, выраженіемъ которой являются потребительныя общества, стремится къ пониженію цѣнъ предметовъ потребленія. Важнѣйшими же предметами потребленія рабочаго класса являются разнаго рода сельскохозяйственные продукты, производимые крестьянами. Поэтому потребительная кооперація стремится къ пониженію городской цѣны продуктовъ крестьянскаго труда.

Наоборотъ, крестьянская кооперація, представляя интересы не городскихъ потребителей, но деревенскихъ производителей, ставитъ себѣ цѣлью поднятіе той цѣны, которую крестьянинъ выручаетъ при продажѣ въ деревнѣ продукта своего труда.

На почвѣ этихъ противоположныхъ стремленій можетъ возникнуть самый рѣзкій антагонизмъ между пролетарской и крестьянской коопераціей. Въ странахъ Запада мы сплошь и рядомъ замѣчаемъ, что городская потребительная кооперація видитъ въ деревенской производительной коопераціи своего опаснаго врага.

Во время волненій, вызванныхъ въ 1911 г. въ разныхъ западно-европейскихъ странахъ обостреніемъ дороговизны жизни, деревенскіе кооперативы подвергались ожесточеннымъ нападкамъ со стороны вождей пролетарской потребительной коопераціи. Да и вообще отношеніе деревенской и пролетарской коопераціи на Западѣ отнюдь еще не могутъ быть названы дружественными.

Итакъ, наличность извѣстнаго антагонизма интересовъ пролетарской и крестьянской коопераціи можетъ считаться безспорнымъ фактомъ. Но отсюда еще и не слѣдуетъ, что этотъ антагонизмъ интересовъ непримиримъ и что мы должны признать обѣ важнѣйшихъ вѣтви кооперативнаго движенія естественными врагами.

Прежде всего, нужно принять въ соображеніе слѣдующее. Покупная цѣна предметовъ потребленія въ городѣ и продажная цѣна тѣхъ же предметовъ, выручаемая крестьяниномъ въ деревнѣ, весьма значительно разнятся другъ отъ друга. Между деревенскимъ производителемъ и городскимъ потребителемъ стоитъ рядъ торговыхъ посредниковъ, присваивающихъ себѣ львиную долю цѣны

продукта на мѣстѣ потребленія. Вотъ эта-то разница между покупной и продажной цѣной и есть область, за счетъ которой могутъ быть удовлетворены интересы и производителя, и потребителя.

Если бы производитель непосредственно сносился съ потребителемъ, то, конечно, выигрышъ въ цѣнѣ одного былъ бы равносиленъ проигрышу въ цѣнѣ другого. Но вѣдь положеніе не таково, и за счетъ присвоенія прибыли торговаго посредника возможно одновременно повышеніе продажной цѣны деревенскаго производителя и пониженіе покупной цѣны городского потребителя. А такъ какъ торговый посредникъ получаетъ очень значительную долю товарной цѣны—спеціальныя разслѣдованія показали, что очень часто товаръ, доходя до розничной городской лавки, повышается въ своей цѣнѣ, сравнительно съ той цѣной, по которой онъ былъ проданъ сельскимъ производителемъ, въ два раза и болѣе,—то, значитъ, для согласованія интересовъ производителя и потребителя имѣется очень широкая область.

Но, конечно, возможность одновременнаго выигрыша, за счетъ продажной цѣны, и производителя, и потребителя все же заключена въ извѣстные предѣлы, за которыми примиреніе интересовъ производителей и потребителей этимъ путемъ достигнуто быть не можетъ. Въ такомъ случаѣ остается прибѣгнуть къ принципу «справедливой цѣны»—цѣны, соотвѣтствующей труду производства. Такая трудовая цѣна должна быть признаваема основой для установленія прочнаго мира между крестьянской кооперацією производителей и городской кооперацією потребителей.

Крестьяне и фабричные пролетаріи въ равной мѣрѣ принадлежатъ къ трудящимся классамъ населенія, а это создаетъ почву для солидарности ихъ интересовъ. За послѣднія десятилѣтія повсемѣстно замѣчается отливъ населенія изъ деревни въ городъ: крестьяне и сельскохозяйственные рабочіе превращаются въ городскихъ рабочихъ, при чемъ нерѣдко въ одной и той же семьѣ одни члены семьи пашутъ землю, а другіе работаютъ въ городѣ на фабрикѣ. Не говоря уже о такихъ странахъ, какъ Россія, гдѣ фабричный рабочій еще сплошь и рядомъ работаетъ лѣтомъ въ деревнѣ, а зимой въ городѣ, или же, работая на фабрикѣ, содержитъ свою семью въ деревнѣ на своемъ надѣлѣ, и на Западѣ, гдѣ имѣется уже вполнѣ дифференцированный классъ фабричнаго пролетаріата, фабричные рабочіе имѣютъ много общихъ интере-

совъ съ крестьянами. Паденіе благосостоянія деревни и на Западѣ невыгодно отражается на заработной платѣ фабричныхъ рабочихъ, вызывая усиленный притокъ рабочихъ въ города и сбивая плату городскихъ рабочихъ.

Съ другой стороны, паденіе заработной платы городскихъ рабочихъ невыгодно отражается на деревнѣ, сокращая городской спросъ на издѣлія крестьянскаго труда. Вѣдь если въ извѣстномъ смыслѣ интересы продавца и покупателя противоположны, то въ другомъ смыслѣ солидарны: продавецъ нуждается въ платежеспособномъ покупателѣ, какъ и покупатель нуждается въ обладающемъ достаточными производительными средствами продавцѣ.

Въ силу этого, при наличности извѣстныхъ различій интересовъ, между трудящимися классами въ деревнѣ и городѣ существуетъ и глубокая общность интересовъ, создающая почву для взаимнаго сближенія крестьянскаго и пролетарскаго кооперативнаго движенія.

Правда, въ руководящихъ странахъ Запада пока такого сближенія не наблюдается. Но для этого взаимнаго разъединенія существуютъ особыя причины, коренящіяся не въ хозяйственной, а въ политической области. Если же оставить въ сторонѣ политику, то пролетарской и крестьянской коопераціи слѣдовало бы итти рука объ руку, а не находиться во взаимной враждѣ. Въ Россіи до настоящаго времени, къ счастью, не наблюдается ни малѣйшаго антагонизма между крестьянской и пролетарской коопераціей—обѣ вѣтви кооперативнаго движенія не только не враждуютъ между собой, но и обнаруживаютъ стремленіе объединяться въ однѣхъ общихъ организаціяхъ. Послѣднее можно считать возможнымъ лишь при началѣ кооперативнаго движенія. Но сохраненіе дружественныхъ отношеній между крестьянской и пролетарской коопераціей отнюдь не противорѣчитъ классовому характеру коопераціи, и было бы крайне желательно, чтобы это положеніе дѣла сохранилось у насъ и въ будущемъ.

VI.

Итакъ, кооперація отнюдь не является организаціей, стоящей внѣ и выше соціальныхъ классовъ. Она объединяетъ опредѣленные классы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ въ еще боль-

шей мѣрѣ, чѣмъ это можно сказать относительно политическихъ партій. Не слѣдуетъ ли изъ этого сдѣлать выводъ, что кооперація должна тѣсно примкнуть къ политическимъ партіямъ и объединиться со всѣми другими организаціями, защищающими интересы того же класса?

Въ нѣкоторыхъ странахъ кооперативное движеніе не имѣетъ самостоятельнаго характера и входитъ въ составъ политическаго движенія. Это мы видимъ, напримѣръ, въ Бельгіи, гдѣ пролетарскіе кооперативы находятся въ тѣсной связи съ бельгійской соціалистической партіей, а крестьянскіе кооперативы являются опорой консервативной католической партіи. Сходное положеніе дѣла наблюдается и въ Италіи, отчасти во Франціи и др. странахъ. Напротивъ, въ Англіи, родинѣ пролетарской коопераціи, кооперація никогда не была въ опредѣленной связи съ какой бы то ни было политической партіей и всегда сохраняла строгій политическій нейтралитетъ. То же нужно сказать, хотя и въ менѣе категорической формѣ, и относительно Германіи: германскіе кооператоры, почти безъ исключеній, высказываются принципіально за полную независимость коопераціи отъ какихъ бы то ни было политическихъ партій, за полный политическій нейтралитетъ; однако, фактически германской коопераціи не удалось удержаться на этой политически нейтральной почвѣ, и различныя вѣтви германскаго кооперативнаго движенія тяготѣютъ къ извѣстнымъ политическимъ партіямъ.

Такъ, германскіе пролетарскіе кооперативы, объединенные въ «Центральномъ союзѣ германскихъ потребительныхъ обществъ», хотя и исповѣдуютъ принципъ политическаго нейтралитета, но фактически стоятъ близко къ соціалъ-демократической партіи. Мелко-буржуазные кооперативы, входящіе въ составъ «Всеобщаго союза», также тяготѣютъ къ либеральной «Свободомыслящей партіи». А сельскіе кооперативы «Имперскаго союза» находятся подъ сильнымъ вліяніемъ аграріевъ, стоящихъ во главѣ консервативной партіи.

На примѣрѣ Германіи мы видимъ, какъ трудно коопераціи сохранить нейтральную позицію, если политическая борьба очень обострена. Тѣмъ не менѣе, можно считать несомнѣннымъ, что вовлеченіе коопераціи въ политическую борьбу не усиливаетъ, а ослабляетъ кооперативное движеніе. Дѣйствительно, вѣдь коопе-

рація сама по себѣ никакихъ политическихъ цѣлей себѣ не ставитъ и является организаціей чисто-хозяйственнаго характера. Непосредственныя задачи коопераціи такого рода, что въ кооперативѣ могутъ принимать участіе лица самыхъ различныхъ политическихъ партій, ибо всѣ они въ равной мѣрѣ заинтересованы въ цѣляхъ коопераціи.

И консерваторъ, и либералъ, и умѣренный, и радикалъ являются въ равной мѣрѣ потребителями и въ равной мѣрѣ заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ предметы потребленія были хорошаго качества и стоили возможно дешевле. Точно такъ же, каковы бы ни были политическія убѣжденія крестьянина, онъ одинаково заинтересованъ въ улучшеніи условій продажи своихъ продуктовъ или въ удешевленіи необходимаго для него кредита. Поэтому кооперація привлекаетъ къ себѣ лицъ трудящихся классовъ совершенно независимо отъ ихъ принадлежности къ той или иной политической партіи.

Если кооперація приходитъ въ связь съ политическими партіями, то въ составъ одного и того же кооператива не могутъ входить лица, принадлежащія къ различнымъ политическимъ партіямъ. Иными словами, отказъ отъ принципа политическаго нейтралитета неизбѣжно приводитъ къ раздробленію коопераціи и, значитъ, къ уменьшенію ея силы.

Кооперативное движеніе и такъ естественно подраздѣляется на особыя организаціи соотвѣтственно своему классовому составу: крестьянская кооперація складывается особо отъ коопераціи пролетарской, а пролетарская кооперація не сливается съ мелкобуржуазной. Крайне нежелательно, чтобы на ряду съ этимъ дѣленіемъ, вытекающимъ изъ неустранимыхъ классовыхъ различій, возникало еще новое подраздѣленіе коопераціи въ предѣлахъ каждаго класса соотвѣтственно политическимъ взглядамъ членовъ того же общественнаго класса. Между тѣмъ, именно это мы видимъ тамъ, гдѣ кооперація вовлечена въ политическія партіи. Такъ, напримѣръ, въ Бельгіи имѣются потребительныя общества какъ соціалистическія, такъ и либеральныя и католическія. Въ Италіи имѣются какъ соціалистическіе, такъ и католическіе крестьянскіе кооперативы, и т. д.

Это неизбѣжно приводитъ къ такому дробленію коопераціи, которое существенно ее ослабляетъ. Привнесеніе политическихъ цѣ-

лей ни малѣйшимъ образомъ не требуется существомъ кооперации, какъ организаціи, созданной для разрѣшенія опредѣленныхъ хозяйственныхъ задачъ, въ которыхъ въ равной мѣрѣ заинтересованы лица сáмыхъ противоположныхъ политическихъ воззрѣній.

Отъ соединенія кооператива съ политической партіей проигрываютъ обѣ стороны, какъ партія, такъ и кооперативъ.

Что касается до кооператива, то проигрышъ его очевиденъ. Партія ровно ничего не можетъ дать для укрѣпленія кооператива. Если партія оказываетъ извѣстное давленіе на своихъ членовъ для того, чтобы они вступали въ кооперативъ, то отъ этого кооперативъ нисколько не выигрываетъ, ибо участіе въ кооперативѣ должно быть вполнѣ добровольнымъ. Только при полной свободѣ участія въ кооперативѣ послѣдній можетъ успѣшно достигать своихъ цѣлей: такова основная сущность коопераціи. Поэтому кооперативъ отнюдь не можетъ желать, чтобы къ участію въ немъ привлекались лица, которыя сами по себѣ, безъ внѣшняго давленія, не вступили бы въ его составъ.

Съ другой стороны, партія не можетъ оказывать и экономической поддержки кооперативу, финансировать его, ибо политическія партіи не являются финансовыми организаціями, располагающими излишними капиталами. Наоборотъ, партія нуждается въ финансированіи ея со стороны кооператива.

Такимъ образомъ, ни съ какой стороны связь кооператива съ политической партіей не можетъ принести кооперативу пользы. Но такая связь приноситъ кооперативу несомнѣнный вредъ.

Кооперативъ преслѣдуетъ хозяйственныя цѣли, а политическая партія—политическія. Въ кооперативахъ люди группируются по своимъ хозяйственнымъ интересамъ, а въ партіяхъ—по политическимъ взглядамъ. Но при сходствѣ интересовъ взгляды могутъ быть различны. Дѣйствительно, въ предѣлахъ каждаго общественнаго класса находятся сторонники самыхъ различныхъ политическихъ партій.

Связь кооператива съ партіей должна, очевидно, вести къ тому, что въ составъ кооператива не будутъ входить лица, принадлежащія къ другимъ партіямъ. Иначе говоря, численный составъ кооператива существенно сокращается и кооперативъ становится, благодаря связи съ партіей, слабѣе.

Въ литературѣ часто указывается, напр., что благодаря пар-

тійной окраскѣ бельгійскихъ кооперативовъ, бельгійскія потребительныя общества слабѣе швейцарскихъ, гдѣ принципъ политическаго нейтралитета кооперацiи проводится очень строго. Ничего другого и быть не можетъ, ибо въ Бельгіи на ряду съ соціалистическими потребительными имѣются въ тѣхъ же районахъ либеральныя и католическія потребительныя общества, которыя всѣ находятъ себѣ членовъ, между тѣмъ, какъ въ Швейцаріи въ данномъ городѣ обычно имѣется лишь одно потребительное общество, въ составъ котораго входятъ лица самыхъ различныхъ политическихъ партій, что нисколько не мѣшаетъ имъ мирно работать въ кооперативѣ другъ около друга.

Но и партія не выигрываетъ отъ связи съ кооперативомъ. Дѣйствительно, въ чемъ можетъ выражаться этотъ выигрышъ? Почти исключительно въ финансовой поддержкѣ партіи кооперативомъ. Однако, такая финансовая поддержка не можетъ выражаться крупными цифрами, такъ какъ въ противномъ случаѣ кооперативъ оттолкнетъ отъ себя членовъ, которые вѣдь представляютъ собой не исключительныхъ личностей, готовыхъ къ самопожертвованію, но заурядныхъ людей, отнюдь не склонныхъ удѣлять значительную часть своего дохода на нужды, не связанныя непосредственно съ ихъ жизненными потребностями.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ, гдѣ кооперація связана съ политическими партіями, финансовая поддержка партіи кооперативами выражается самыми скромными цифрами, вызывая, однако, большое недовольство со стороны многихъ членовъ кооператива и упреки въ эксплоатаціи коопераціи партіей.

Такимъ образомъ, отъ полнаго разрыва между коопераціей и политическими партіями выигрываютъ обѣ стороны. Конечно, между партіей и кооперативомъ, выражающими интересы того же общественнаго класса, могутъ и должны быть дружественныя отношенія, что можетъ выражаться самымъ различнымъ образомъ. Но и та, и другая организація должны быть совершенно автономны и самостоятельны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ. Въ составъ партіи и кооператива могутъ входить одни и тѣ же лица, но крайне важно, чтобы формальной юридической связи между обѣими организаціями не было, такъ какъ только такимъ образомъ можетъ быть достигнута полная свобода роста коопераціи.

И потому партіи, сочувствующія коопераціи, поступаютъ наилучшимъ образомъ, совершенно отказываясь отъ стремленія подчинять себѣ въ какомъ бы то ни было отношеніи кооперативное движеніе, которое должно быть вполнѣ свободно отъ какихъ бы то ни было партійныхъ цѣлей.

Эта необходимость полной свободы коопераціи была признана и на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Копенгагенѣ въ 1910 г., на которомъ вопросъ объ отношеніи соціалистическихъ партій къ коопераціи подвергся обстоятельному обсужденію. Конгрессъ значительнымъ большинствомъ призналъ принципъ самостоятельности и независимости коопераціи.

Требованія, выставленныя конгрессомъ по отношенію къ потребительной коопераціи, заключались въ слѣдующемъ:

Денежныя суммы, распредѣляемыя потребительными обществами, не должны возвращаться цѣликомъ членамъ, но должны также итти въ фондъ для организаціи обществъ оптовыхъ закупокъ, а также и самостоятельнаго производства. Кромѣ того, этотъ фондъ долженъ служить цѣлямъ воспитанія, образованія и поддержки членовъ. Затѣмъ конгрессъ постановилъ, что отношенія труда и заработной платы служащихъ въ кооперативахъ должны соотвѣтствовать постановленіямъ рабочихъ союзовъ, что собственное производство потребительныхъ обществъ должно быть образцово поставлено и что должно быть обращено вниманіе на условія труда въ производствѣ тѣхъ товаровъ, которые покупаются кооперативомъ.

Всѣ эти требованія вполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ здороваго развитія коопераціи и потому никакихъ возраженій не вызываютъ. Конгрессъ не формулировалъ въ данномъ случаѣ ничего новаго, а только одобрилъ реальную практику коопераціи. Конечно, кооперація жизненно заинтересована въ развитіи собственнаго производства, поднятіи духовнаго уровня своихъ членовъ и поддержанія ихъ въ случаѣ нужды. Точно такъ же въ области своего рабочаго вопроса кооперація должна дѣйствовать въ согласіи съ рабочими союзами. Требованіе, чтобы кооперативы обращали вниманіе на условія труда въ производствѣ товаровъ, пріобрѣтаемыхъ кооперативомъ, обосновывается солидарностью коопераціи со всѣми мѣрами, направленными къ улучшенію положенія трудящихся.

Такимъ образомъ, Копенгагенскій конгрессъ занялъ по отношенію къ коопераціи вполнѣ правильную позицію, предоставивъ коопераціи итти своей собственной дорогой.

Однако, признаніе политическаго нейтралитета коопераціи еще не равносильно требованію полнаго отказа коопераціи отъ участія въ политической жизни. При извѣстныхъ условіяхъ кооперація можетъ и должна участвовать въ политической жизни—это именно тогда, когда дѣло идетъ о защитѣ законодательнымъ путемъ жизненныхъ интересовъ коопераціи. Если является необходимость въ выработкѣ кооперативнаго закона или въ измѣненіи правового положенія кооперативовъ, улучшеніи условій обложенія кооперативовъ налогами и т. п., то кооперація не можетъ не защищать на политической аренѣ своихъ интересовъ, чѣмъ ни малѣйшимъ образомъ не нарушается принципъ ея политической нейтральности, ибо въ этомъ случаѣ кооперація становится на почву защиты вполнѣ опредѣленныхъ собственныхъ интересовъ, а не стремится вліять на общее направленіе политической жизни въ странѣ.

И, конечно, защищая свои спеціальные интересы въ законодательныхъ палатахъ, кооперація не имѣетъ надобности въ созданіи своей собственной политической партіи. Политическая партія не можетъ преслѣдовать только узко-опредѣленныя, частныя цѣли, но должна участвовать во всей политической жизни страны. Кооперація же принципіально уклоняется отъ политической дѣятельности и только по необходимости, для защиты своихъ спеціальныхъ интересовъ, можетъ нарушать свое воздержаніе отъ политики. Поэтому для коопераціи недопустимо не только образованіе политической партіи, но и выставленіе кооперативныхъ кандидатуръ при выборахъ въ законодательныя палаты.

Участіе кооператоровъ, какъ таковыхъ, въ выборахъ въ парламентъ можетъ выразиться только въ томъ, что кооператоры оказываютъ поддержку лишь тѣмъ кандидатамъ, которые обязываются поддерживать въ законодательныхъ палатахъ мѣры, благопріятныя для развитія коопераціи. Точно такъ же, при проведеніи въ законодательныхъ палатахъ мѣръ, непосредственно затрогивающихъ интересы коопераціи, кооператоры, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, могутъ и должны стремиться вліять на рѣшенія законодательныхъ палатъ въ смыслѣ, благопріятномъ для

кооперацiи. Для этого могутъ быть образовываемы при парламентахъ особые выборные органы изъ среды кооператоровъ.

Но въ самыхъ парламентахъ для кооперативной партiи мѣста нѣтъ, и кооператоры должны защищать свои интересы черезъ посредство всѣхъ депутатовъ, къ какой бы партiи послѣднiе ни принадлежали, если только они сочувствуютъ дѣлу кооперацiи.

Такъ поступила русская кооперацiя при внесенiи въ Государственную Думу проекта общекооперативнаго закона, выработаннаго и одобреннаго представителями всероссiйской кооперацiи. Проектъ поступилъ въ Думу не отъ имени той или иной политической партiи, но какъ поддерживаемый цѣлымъ рядомъ партiй, отъ умѣренныхъ до крайнихъ лѣвыхъ. Въ данномъ случаѣ еще столь молодая русская кооперацiя обнаружила большую политическую зрѣлость и было бы крайне желательно, чтобы такую же политическую зрѣлость наша кооперацiя продолжала проявлять и въ будущемъ.

Но, конечно, за предѣлами кооператива члены его становятся гражданами и, какъ таковые, участвуютъ въ политической жизни страны. Увлеченiе кооперацiей не должно ни малѣйшимъ образомъ приводить къ политическому индифферентизму—устраненiе политики изъ кооперацiи основывается не на пренебреженiи къ политикѣ со стороны кооперацiи, а на сознанiи различiя этихъ областей общественной жизни.

Статистика кооперацiи.

Статистика международнаго кооперативнаго движенія.

Нижеслѣдующія данныя заимствованы изъ послѣдняго выпуска „Jahrbuch der internationalen Genossenschaftsbewegung“ за 1913 г. Статистика эта весьма несовершенна и сильно запаздываетъ. Данныя для Россіи исключены въ виду ихъ крайней неполноты.

		Число кооперативовъ.	Число членовъ кооперативовъ (въ тысячахъ).	1 членъ кооп. на число жителей.
Европа.	Данія	5.033	614	4
	Швейцарія . . .	7.827	375	10
	Австрія	16.563	2.400	12
	Германія	30.555	4.800	13
	Румынія	2.904	443	13
	Бельгія	2.270	500	15
	Финляндія . . .	1.929	200	15
	Нидерланды . . .	2.679	355	16
	Соед. Королевство .	2.500	2.750	16
	Италія	7.564	1.667	20
	Норвегія	3.078	100	24
	Венгрія	6.000	800	26
	Швеція	2.100	160	30
	Сербія	1.252	60	44
	Франція	10.983	800	49
	Болгарія	727	50	80
	Испанія	274	80	244
	Всего . .	104.238	16.154	
Азія.	Японія	5.149	500	103
Америка.	Соед. Штаты . . .	500	60	1.533

Общая статистика русской коопераціи на 1 янв. 1915 г.

(по подсчету А. В. Меркулова).

Кредитныхъ кооперативовъ	14.350
Потребительныхъ обществъ	10.900
Сельскохозяйственныхъ обществъ	5.000
Сельскохозяйственныхъ товариществъ . .	1.650
Маслодѣльныхъ артелей	2.700
Кустарныхъ и иныхъ артелей	600
Всего	35.200

Число членовъ ихъ близко къ 12 милліонамъ, т.-е. на 1 члена кооператива приходится въ Россіи 16 жителей.

Статистика русской кредитной коопераціи на 1 янв. 1915 г.

(по даннымъ управленія по дѣламъ мелкаго кредита).

	Кредитныя товарищества.	Ссудосберегательныя товарищества.
Число товариществъ . .	10.687	3.815
Число членовъ	7.227.910	2.260.694
Число членовъ на 1 товарищество	676	592
	Тысячи руб.	Тысячи руб.
Средства собственныя .	44.597	72.828
Вклады и займы у частныхъ лицъ	211.673	220.693
Займы изъ государственныхъ средствъ .	85.937	18.163
Займы у земства . . .	32.324	8.443
Разныя суммы	7.804	6.984

Приложеніе II.

Литература по кооперации.

Въ нижеслѣдующемъ указаны лишь тѣ книги по вопросамъ кооперацiи, которыя кажутся мнѣ имѣющими болѣе важное значенiе для изученiя кооперации и, притомъ, преимущественно на русскомъ языкѣ. Только въ крайнихъ случаяхъ, когда на русскомъ языкѣ соотвѣтствующихъ книгъ совсѣмъ нѣтъ, указаны иностранные источники.

Для общаго ознакомленiя съ состоянiемъ кооперации въ разныхъ странахъ Западной Европы можно рекомендовать книгу:

Ч. Р. Фэй. Кооперацiя въ Западной Европѣ. 1912.

Книга эта имѣетъ характеръ довольно полной сводки фактическихъ данныхъ о состоянiи кооперации на Западѣ; теоретическая часть ея мало интересна.

Что касается до *общей теорiи кооперацiи*, то вполнѣ подходящую книгу указать не легко. Правда, въ германской литературѣ имѣется работа, соотвѣтствующая по темѣ этой задачѣ:

Jacob. Volkswirtschaftliche Theorie der Genossenschaften. 1913.

Но эта книга кажется мнѣ очень неудачной во многихъ отношенiяхъ. Единственной цѣнностью и главнымъ содержанiемъ ея является не лишенная извѣстнаго значенiя оригинальная классификацiя кооперативовъ. Книга

Bernard Lavergne. Le régime coopératif. 1908.

при извѣстныхъ достоинствахъ также не можетъ быть рекомендована въ виду крайняго своеобразiя теоретическихъ построенiй автора, съ которыми трудно согласиться и которыя не встрѣтили сочувствiя среди представителей кооперативной мысли.

Такимъ образомъ, по общей теорiи кооперацiи русскому читателю можно указать только на книгу:

[illegible] *Николаевъ.* Теорiя и практика кооперативнаго движенiя. 1908.

[illegible]

[illegible] *пролетарской* кооперацiи литература обширна и содержитъ въ [illegible]ъ выдающихся работъ, но, къ сожалѣнiю, только иностранныхъ [illegible]. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ переведены и на русскiй языкъ.

Потребительная кооперація.

Б. Уэббъ (Поттеръ). Кооперативное движеніе въ Великобританіи. 1905.
Холіокъ. Исторія рочдельскихъ піонеровъ. 1913.
Riehn. Das Konsumvereinswesen in Deutschland. 1902.
P. Göhre. Die deutschen Arbeiterkonsumvereine. 1910.
J. Cernesson. Les sociétés coopératives anglaises. 1905.
Ш. Жидъ. Кооперація. 1909.

Производительныя и трудовыя артели.

S. a. B. Webb. Cooperative Production and Profitsharing. (The new Statesman. 1914. Special Supplement. Vol. II, № 45.)

J. Cernesson. Les associations Ouvrieres de Production. 1911.

Huber. Kapital-und Verwaltungs beteiligung der Arbeiter in den britischen Produktivgenossenschaften. 1912.

По *домостроительной* кооперацiи можно указать книгу:

М. Т. Диканскій. Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія. Изд. 2. 1912 г.

По *крестьянской* кооперацiи имѣется нѣсколько очень цѣнныхъ работъ русскихъ авторовъ:

В. А. Косинскій. Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи. 1901.

А. Н. Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. 1909.

Его же. Современное положеніе кредитной коопераціи въ странахъ Западной Европы. (Курсы по коопераціи. Изд. У-тета имени А. Л. Шанявскаго. Т. I. 1913.)

В. Я. Желѣзновъ. Теорія мелкаго (кооперативнаго) кредита, (Курсы по коопераціи. Изд. У-тета имени А. Л. Шанявскаго. Т. I. 1913.)

А. И. Чупровъ. Мелкій кредитъ и кооперація. 1909.

Его же. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. 1909.

Е. Каратыгинъ. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ (сельскохозяйственная кооперація въ Даніи). Второе изд. 1913.

По *мелкобуржуазной* коопераціи можно рекомендовать превосходную монографію

R. Fink. Das Schulze-Delitzschsche Genossenschaftswesen. 1909.

Вопросу *о классовой природѣ коопераціи* и политической позиціи коопераціи посвящены двѣ имѣющіяся въ русскомъ переводѣ брошюры:

Г. Мюллеръ. Теорія классовой борьбы и принципъ нейтралитета кооперативнаго движенія. 1909.

Г. Кауфманъ. Теорія потребительной коопераціи. 1912.

Противъ политическаго нейтралитета:

Emile Vandervelde. La cooperation neutre et la cooperation socialiste. 1912.

Литература по *русской коопераціи* обширна, но имѣетъ, по преимуществу, характеръ пропаганды и популяризаціи принциповъ коопераціи. Изъ книгъ иного рода можно рекомендовать слѣдующія:

С. Н. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Его теорія и практика. 1913. (Безусловно самая цѣнная обобщающая работа о русскомъ кооперативномъ движеніи.)

В. В. Артельныя начинанія русскаго общества. 1895.

Его же. Артель въ кустарномъ промыслѣ. 1895.

Н. П. Макаровъ. Крестьянское кооперативное движеніе въ Западной Сибири. 1910.

А. А. Евдокимовъ. Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи. 1911.

С. О. Марголинъ. Еврейскія кредитныя коопераціи. 1908.

Л. С. Закъ. Кооперація среди евреевъ. 1913.

В. В. Мавричевъ. Земство и мелкій народный кредитъ. 1912.

В. Н. Зельгеймъ. Организація и практика потребительныхъ обществъ въ Россіи. (Курсы по коопераціи. Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго. Т. II. 1913.)

И. А. Бондаревъ. Организація и практика учрежденій мелкаго кредита въ Россіи (тамъ же).

А. Е. Кулыжный. Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства (тамъ же).

Кн. *К. В. Кекуатовъ.* Кооперація и право. 1914.

И. М. Подольскій. Отвѣты на вопросы учрежденій мелкаго кредита. 1915.

А. В. Меркуловъ. Историческій очеркъ потребительной коопераціи въ Россіи. 1915.

М. Л. Хейсинъ. 50 лѣтъ потребительской коопераціи въ Россіи. 1915.

Справочныя изданія по русской коопераціи:

А. В. Меркуловъ и *М. Л. Хейсинъ.* Какъ организовать и вести потребительныя общества? Изд. второе. 1912.

К. А. Мацъевичъ. Справочная книга для сельскихъ товариществъ. 1913.

С. В. Бородаевскій. Сборникъ по мелкому кредиту. Изд. пятое. 1915.

По вопросу объ *изученіи коопераціи* и русской кооперативной литературы имѣется прекрасный очеркъ:

А. Ф. Фортунатовъ. Объ изученіи коопераціи. (Курсы по коопераціи. Изд. У-тета имени А. Л. Шанявскаго. Т. I. 1913.)

Тому же вопросу съ педагогической точки зрѣнія посвящена интересная книга:

И. М. Подольскій. Пособіе при устройствѣ курсовъ, чтеній и бесѣдъ по коопераціи и литературѣ изученія коопераціи. 1913.

Русская кооперативная пресса:

„Вѣстникъ Коопераціи" (Петроградъ). „Кооперативная Жизнь" (Москва). „Союзъ Потребителей" (Москва). „Вѣстникъ Мелкаго Кредита" (Петроградъ). „Вѣстникъ Кооперативныхъ Союзовъ" (Москва).

4-J

From: SMTP%"oocc
To: OTUILL
CC:
Subj: REQ.NO/NO.

Date: Wed, 14 Jan
Message-Id: <19980
From: oocc_libloan
Subject: REQ.NO/NO

REQ.NO/NO.DEM:B980
I

LSB: OOCC
LSP: OTU
P/U: SANDLER,
S/E: UG
ADR: IUTS 8
Car
Car
112
Ott

T)
nd
Y

E
POCKET
LIBRARY

Tugan-Baranovskii, Mikhail Ivanovich
Sotsial'nyia osnovy kooperatsii.